

Л.А. Орехова, В.В. Орехов,
Д.К. Первых, Д.В. Орехов

КРЫМСКАЯ ИЛИАДА

Крымская (Восточная) война
1853–1856 годов
глазами современников

ЛИТЕРАТУРА, АРХИВЫ, ПРЕССА

Л. А. Орехова, В. В. Орехов,
Д. К. Первых, Д. В. Орехов

КРЫМСКАЯ ИЛИАДА
Крымская (Восточная) война
1853–1856 годов
глазами современников

Литература, архивы, пресса

Симферополь

2010

УДК 94(47)«1853—1856»

ББК 63.3(4)47

О 654

Рекомендовано к печати Ученым советом
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского,
протокол № 4 от 19.03.2010 г.

Рецензенты:

Андрущенко Е. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды

Лебеденко Н. П., доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Измаильского государственного гуманитарного университета

Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.

О 654 Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853—1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. — 2-е изд., перераб. и доп. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2010. — 480 с.

ISBN 978-966-174-122-4

Объединенные в книге материалы позволяют увидеть события Крымской (Восточной) войны с разных точек зрения и синхронно: представлены свидетельства очевидцев от враждующих сторон (французских штабных офицеров, зуава, протестантского священника, русского офицера, матроса, корреспондента, писателя и др.); обзор и анализ военных и послевоенных публикаций петербургского журнала «Современник» воссоздаст широчайший спектр российского общественного мнения о происходившем в Крыму и европейских столицах, на полях сражений и в глубоком тылу. Военные стратегии и гибель тысяч людей, тактические успехи и просчеты, громкие лозунги и «скрытая телота патриотизма», светская хроника и героическая служба сестер милосердия, разрушенные крымские города, беженцы, тиф, деятельность крымской администрации — эта историческая панорама заставляет ощутить трагедию войны на фоне непрерывного развития политических амбиций и соответственных дипломатических сценариев.

Для ученых-историков, филологов и широкого круга читателей.

УДК 94(47)«1853—1856»

ББК 63.3(4)47

Орехова Л. О., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.

О 654 Кримська Іліада. Кримська (Східна) війна 1853—1856 років очима сучасників: література, архіви, преса. — 2-е вид., перероб. і доп. — Симферополь: ВАТ «Симферопольська міська типографія» (СГТ), 2010. — 480 с.

ISBN 978-966-174-122-4

- © Орехова Людмила Александровна, 2010
- © Орехов Владимир Викторович, 2010
- © Первых Диана Константиновна, 2010
- © Орехов Дмитрий Викторович, 2010
- © Крестьянников Валерий Васильевич, 2010
- © Республиканский комитет АР Крым по охране культурного наследия, 2010
- © ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2010

КРЫМСКАЯ
ИЛИАДА

Из воспоминаний бывшего казанского гимназиста А. Овсянникова:

«Был самый разгар Крымской кампании, 1854—55 год. На одной из Казанских площадей <...> время от времени появлялись, в серых зипунах, с крестами на бараньих шапках, ополченцы... Все это неизгладимо легло в моей памяти. Известие о падении Севастополя получено было нами, гимназистами, ночью от дежурного надзирателя <...>. Большинство из нас имело в рядах севастопольской армии родных или двоюродных братьев, или просто хороших знакомых. Мои двоюродные братья Суворовы и родной брат Михаил были в рядах крымской армии. Один из Суворовых был убит, а мой брат Михаил, попавший в армию из студентов восточного факультета Казанского университета, под впечатлением ужасных потрясающих событий, сделался странником-богомольцем и бесследно исчез...»

Из инструкции Наполеона III генералу Флёрри, отправленному в Петербург с целью обеспечить российскую поддержку в канун Франко-прусской войны (1869):

«Было бы весьма важно знать, как смотрит Россия на будущую судьбу Турции и как бы ей хотелось, в случае всеобщего потрясения, чтобы были организованы страны Востока...»

Из беседы российского канцлера А. М. Горчакова с генералом Флёрри в Петербурге (1869):

«Разве в Париже нет Севастопольского бульвара, который напоминает наше поражение, хотя и не постыдное, но все же расправляющее едва зажившую рану...»

Содержание

<i>От авторов</i>	7
Часть I. Крымская война в мемуарах французских очевидцев	
<i>Пролог. У степ русской Трои</i>	15
«Сказания иностранцев»	15
Восточный кризис	21
Против «северного колосса»	26
Десант в Крыму. Зуавы	32
Альминское сражение	34
Начало осады Севастополя	38
Инкерманская битва	40
Лицом к лицу	41
Белые Укрепления	46
На Большой земле	48
«Письма...» Анри Луазьона	55
Взятие Белых Укреплений	55
Взятие Севастополя	57
Протестантская миссия в Крыму	59
Вторая зимовка под Севастополем. Конец войны	62
Воспоминания офицера 2-го полка зуавов	65
<i>Комментарий</i>	97
Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном	110
<i>Комментарий</i>	149
Воспоминания протестантского священника о французском лагере под Севастополем (1855–1856)	160
<i>Глава первая. Путешествие</i>	160
<i>Глава вторая. Вступление в должность</i>	161
<i>Глава третья. Посещения госпиталей иностранного легиона</i>	167
<i>Глава четвертая. Штурм Севастополя. Взятие города</i>	174
<i>Глава пятая. Жизнь священника в лагере</i>	181
<i>Глава шестая. Дом священников</i>	186
<i>Глава седьмая. Церковь в лагере</i>	191
<i>Глава восьмая. Русская зима</i>	196
<i>Глава девятая. Последние месяцы в лагере</i>	202
<i>Глава десятая. В Константинополе</i>	207
<i>Комментарий</i>	211

Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона	216
<i>Ж. Б. А. Монтодон. Военные воспоминания</i>	222
Осада Севастополя в «Крымских письмах» Шарля Боше	259
<i>Шарль Боше. Крымские письма</i>	261
Исторические документы	304
Примечания к письмам	306

Часть II. Крымская Илиада: эпоха и современники

Крымская эпопея и ее герои на страницах журнала «Современник»	311
<i>Глава первая. Начало Крымской эпопеи. Годы 1853–1854-й</i>	314
<i>Глава вторая. Крымская Илиада. Год 1855-й</i>	320
<i>Глава третья. Война и мир. Год 1856-й</i>	336
<i>Глава четвертая. Оттепель. Годы 1857–1860-й</i>	345
Севастопольская оборона глазами защитников (военные корреспонденции А. Столыпина, Н. Сокальского, Н. Берга)	364
<i>А. Д. Столыпин. Ночная вылазка в Севастополе</i> Рассказ участвовавшего в ней (посв. А. И. К-ой)	373
<i>Н. П. Сокальский. Два случая из севастопольской жизни</i> (рассказанные юнкером Томского егерского полка)	378
<i>Н. П. Сокальский. Жизнь на севастопольской батарее.</i> Рассказ матроса Галищенко	379
<i>Н. В. Берг. Севастопольские письма</i>	403
<i>Н. В. Берг. Крымские заметки</i>	415

Часть III. Забытые судьбы

Председатель Крестовоздвиженской общины сестер милосердия В. М. Княжевич	431
Керченский градоначальник П. А. Антонович	462

От авторов

8 Septembre 1855

Unis pour la victoire,
Réunis par la mort.
Du soldat c'est la gloire,
Des braves c'est le sort.

Строки на обелиске, установленном на Малаховом кургане и посвященном «памяти воинов русских и французских, павших на Малаховом кургане при защите и нападении 27 августа 1855 г.». В переводе на русский язык четверостишие звучит так:

8 сентября 1855

Сошедшиеся для победы
Объединены смертью.
В этом — слава солдат
И судьба храбрцев.

мудреный жизненными бурями и борьбой, завоевавший безусловную мировую славу, Виктор Гюго писал в 1867 г.: «В двадцатом веке будет существовать необычайная нация. <...> Какая-нибудь битва между итальянцами и немцами, англичанами и русскими, пруссаками и французами будет для нее тем же, чем является для нас битва между пикардийцами и бургундцами. <...> А то, что в девятнадцатом веке Европа пожертвовала населением целой столицы — семьями восьмьюдесятью пятью тысячами человек — ради того, чтобы разрушить небольшой город Севастополь, — покажется им событием хотя и примечательным, но весьма странным»¹.

Пророческое видение «необычайной нации» XX в. вместе с тем базируется на исторической логике, которая так или иначе выводит к историческим аналогиям. Крымская (Восточная) война уже в самом начале — по ее причинам и явно надуманным поводам, жертвенности, стратегийной событийности и частностям — вывела многих современников, независимо друг от друга, на аналогию с Троянской войной. Еще в 1853 г. в речи

¹ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. — М., 1953–1956. — Т. 14. — С. 402–403.

«Двадцать третья годовщина польской революции» В. Гюго назвал русского царя Николая «Агамемноном новой Троянской войны, которую люди прошлого ведут против людей будущего»¹. Не имея сейчас в виду оспаривать точку зрения Гюго на причины Восточной войны («люди прошлого» против «людей будущего»), обратим внимание на то, что и в Англии военное судно нового типа (паровой линейный корабль, участвовавший в Восточной экспедиции) было названо «Агамемнон».

Ассоциации с Троянской войной в европейском видении становились все устойчивее, и в 1855 г. Дон Франциск де Пауль Видадь, испанский автор книги о Восточной кампании (вышла в 1855 г.), начал свой труд словами: «На берегах Дуная два гиганта собираются возобновить зрелище гомеровских побоищ; один еще молодой, он выходит из степей Севера с гордым челом, потрясая древком копья, которым он начертил последние страницы кровавой наполеоновской эпопеи; другой — уже старик, нервный, хотя еще и живой»².

Осаду Севастополя с осадой Трои сравнила «Times», и, согласившись с таким сравнением, редактор петербургского журнала «Современник» Н. А. Некрасов развил эту мысль в задачу будущего: найдется ли автор, который сможет, как Гомер, воспроизвести размах развернувшейся исторической драмы. И сам себе отвечает, что «ни один из существующих ныне талантов, ни в одной России, но и во всей Европе», не в состоянии «произвесть что-либо, равняющееся величию совершающихся перед нами событий». Лишь «Илиада» соответствует трагизму нынешней войны, пишет Некрасов и приводит самые кровавые сцены из гомеровской эпопеи³.

Значительно позднее троянские ассоциации наполняют грандиозное историческое полотно «Севастопольская страда», созданное советским (и, что немаловажно, крымским) писателем С. Н. Сергеевым-Ценским. С воинственным флотом греков он сравнивал готовую к нападению эскадру союзников, «притаившуюся против устья Дуная за плоским островом, на котором будто бы погребено было тело Ахиллеса, принесенное от стен Трои матерью его Фетидой, — островом, в древности называвшимся Левке, а теперь кем-то и когда-то зловеще названным Змеиным». Детализируя эту аллюзию, Сергеев-Ценский называл Корнилова «Гектором новой Трои»⁴.

Еще не раз в литературе Крымская война будет сравниваться с Троянской, но, как оказалось, родившиеся в XX в. наслышаны о Троянской войне гораздо более, чем о Крымской. Непопулярная как в России (потому что проигранная), так и в Европе (по ее малой результативности при огромных жертвах), Крымская война затерялась в исторической памяти. По крымской земле прошли еще две войны, и — частью по этой причине, а больше по людскому небрежению — исчезали с лица земли русские и иностранные

¹ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. — Т. 15. — С. 271.

² Кустодиев К. Л. Испанская книга о последней Восточной войне // Русский архив. Год седьмой (1869). — 1870. — С. 754.

³ Современник. — 1855. — Т. 52. — С. 33.

⁴ Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12 т. — Т. 4. — М., 1967. — С. 276, 552.

надгробия 1854–1856 г., а запоздалый поиск братских захоронений зачастую приводит к смущающим результатам: теперь на том месте рынок, стадион, жилье, шоссе...

Историография Крымской войны, хоть и имеет своих классиков (Н. Ф. Дубровин, Е. В. Тарле, А. И. Маркевич), пополнялась медленно. Возможно, нерезультативность и историческая бесперспективность итогов кампании при колоссальных жертвах враждующих сторон ошеломляюще действовали на современников, которые, еще и в силу ряда политических причин, избегали дать ей объективную оценку. Но в последнее десятилетие интерес к тем событиям явно возрос, и объясняется это, думается, не юбилейными датами начала и окончания войны, а все более осязаемой новой исторической аналогией — теперь с современностью. Еще Н. Г. Чернышевский подметил (а XX век подтвердил), что цивилизация, увы, не истребила войны, а лишь изошрилась в объяснении их причин и способах убийства. Материалы для истории забытой войны полуторавековой давности должны заставить новые поколения заново осмыслить те события, чтобы сделать исторические выводы.

Уроки Крымской войны уже не однажды актуализировались историей. И потому, например, в 1877 г., во время новой Восточной войны, француз Шарль Боше, участник Крымской экспедиции, опубликовал свои «Крымские письма» («Lettres de Crimée») — в назидание политикам, дабы не повторились ошибки истории. В 1904 г., во время Русско-японской войны, переиздается книга Н. П. Сокальского с рассказами русских солдат, участников балканских и крымских событий. Думается, и в назидание нынешним политикам, и для предостережения будущих поколений от новой мировой войны (а Крымскую войну некоторые историки справедливо называют *мировой*) изучение этого масштабного исторического действия и популяризация всех сохранившихся материалов о нем имеет неизбывную значимость.

Современность с особой настойчивостью требует исторически выверенного и беспристрастного осмысления Крымской войны. При отсутствии объективно-научного взгляда наши представления неизбежно будут формироваться под влиянием идеологических формул и окостенелых легенд. Примером тому могут служить парадоксальные, хоть и пафосные, заявления последних лет о российской победе в Крымской войне. Природа такой псевдоисторической эквилибристики очевидна: лжепатриотическая риторика всегда открывала наиболее легкий путь к достижению чинов и наград, но отнюдь не к постижению истины.

Впрочем, и эта ситуация имеет прямую аналогию с Крымской войной. Когда Восточная кампания только набирала обороты, чиновники и журналисты официального толка наперебой высказывались о непогрешимости русского царя, непревзойденности русского оружия и неодолимости русского солдата. И все это говорилось в то самое время, когда русский император совершал роковые дипломатические ошибки, русское оружие безнадежно устаревало, а русский солдат бессовестно обкрадывался теми же чиновниками — умевшими говорить с пафосом и к стати. Противник был уже на крымской земле, а генерал русской армии В. Я. Киряков, все

еще находясь под влиянием официальных иллюзий, обещал «забросать врага шапками» на Альминских высотах. Тогда забросать шапками не удалось... Не удавалось этого сделать и позднее и — не удастся никогда. Севастополь почти год противостоял превосходящим силам противника не благодаря, а вопреки кабинетному, оглаченному государственными постами патриотизму. Оборона Севастополя названа героической во славу людей, не умевших зарабатывать на похвалах своей Родине, но умевших жертвовать ради нее — бескорыстно и беспрекословно. И это один из главных уроков эпического противостояния у стен русской крепости.

Истинный патриотизм не требует победных декораций. Именно поэтому для ветеранов Крымской кампании бронзовая медаль в память Севастопольской войны была «священным знаком российского ненастья»¹. И именно поэтому для нас эпохи «русского ненастья» являются священным учебником, написанным кровью наших предков.

Предлагаемая ныне книга знакомит читателя с историко-аналитическими материалами и переводами, обогащающими современное представление о Крымской войне. Подбор материала, его расположение и комментарии позволяют увидеть события синхронно и с разных точек зрения. В книге представлены свидетельства очевидцев от враждующих сторон: французских штабных офицеров, зуава, протестантского священника, русского офицера, матроса, корреспондента, писателя. В книгу включены обзор и анализ военных и послевоенных публикаций самого популярного петербургского журнала «Современник», что позволяет представить широчайший спектр российского общественного мнения о происходящем. При этом надо учесть, что *русская журналистика* и «Современник» в том числе прошли основательную школу преодоления цензурных препятствий, ибо лишь «Русскому инвалиду» разрешалось печатать официальную информацию о войне. А на всем обширном Юге России только одна газета «Одесский вестник» помещала военные известия², и то «запоздалые и крайне сжатые»³. Предлагаемая книга, кроме того, включает новые архивные сведения о деятельности крымской администрации в условиях военного времени — керченского градоначальника полковника П. А. Антоновича и председателя Таврической казенной палаты В. М. Княжевича, заведовавшего делами Крестовоздвиженской общины сестер милосердия.

Историки рассматривают войну с точки зрения успешности — неуспешности, выигранных — проигранных сражений, потерь, тактики командного

¹ Архив Раевских. — Т. 5. — СПб., 1915. — С. 273.

² В Государственном архиве в Автономной Республике Крым сохранился циркуляр № 184 от 15 декабря 1853 г. «О печатании в «Одесском вестнике» известий о военных действиях наших против Турции». Из него следует, что «Одесский вестник» в порядке величайшего исключения (из-за «затруднений по торговле») получил возможность обнародовать военную информацию, впрочем, от отбору и под личную ответственность военного губернатора, и при этом перепечатки другими журналами не разрешались (ГААРК. — Ф. 26. оп. 4. ед. хр. 1407. л. 1).

³ За много лет. Воспоминания неизвестного // Русская старина. — 1894. — Сентябрь. — С. 46.

состава. Но проследить судьбу человека, прошедшего войну, — периферийная для историка задача. По представленным в книге очеркам военных корреспондентов Н. П. Сокальского, А. Д. Столыпина, Н. В. Берга восстанавливаются не только детали боев и солдатского быта, но и судьбы героев из «массы». Н. П. Сокальский, корреспондент «Одесского вестника», дотошно и скрупулезно записал целый ряд историй, рассказанных ему в Одессе ранеными солдатами, и благодаря тому имена тех солдат остались в истории, чтобы сегодня мы повторили их: Таторский, Щербаков, Саварский, Козлов, Орлов, Сухов, Яковлев, Поветкин, Галищенко, Бутенко...

Соединение в одной книге свидетельств очевидцев от враждующих сторон создает рельефное представление не только о конкретных сражениях, но и о психологическом состоянии в армиях после той или иной операции. Так, ночная вылазка русских во французские оборонительные сооружения со стороны Зеленого Холма 11/23 марта 1855 г. дана в книге по описаниям А. Д. Столыпина, А. Луазьона и Ш. Боше («вылазка русских, очень смелая и прекрасно скомбинированная», «самая сильная атака <...> с самого Инкермана»), и читатель имеет возможность самостоятельно сфокусировать эту информацию.

Несомненно, интерес нашего современника вызовет вопрос: как относились друг к другу сошедшиеся на маленьком крымском пространстве союзные армии и какова диалектика отношений противоборствующих сторон? Вопрос исторически закономерный и, как оказывается, очень болезненный даже сегодня, когда стоит проблема одинаково бережного отношения к захоронениям защищавших Севастополь и агрессоров. Но давайте прежде прислушаемся к точке зрения самих участников боев, офицеров и простых солдат. Этих свидетельств, как убедится наш читатель, в книге очень много: рассказы о братаниях, взаимной помощи разноязычных раненых и одинаковой заботливости врачей по отношению к ним, о зарождающихся приятельских отношениях и даже привязанностях («Русский солдат и зуав» Н. П. Сокальского).

Французский штабной офицер Боше восторгается «незаурядным» русским офицером Тотлебенем, «душой и вдохновением обороны»: «Он работает против нас, а в нашем лагере говорят только о нем». «Неустрасимые защитники» Севастополя вызывают в душе француза преклонение. По мере того как затягивалась оборона Севастополя, он все больше утверждает в мысли, что «война с русскими — не шутка», что они готовы «самоотверженно отстаивать каждую пядь земли», что о скорой сдаче Севастополя «не стоит мечтать», что придется «уничтожить город ударами бомб, приводя в нежилое состояние», а «затем с большим трудом нужно будет завладеть этими дымящимися руинами, несомненно отважно защищаемыми». «Я теперь себя спрашиваю, — пишет он, — сколько наших человеческих жертв, сколько денег будет стоить взятие Севастополя, который мы никогда не сможем удержать?» Он скоро заметил, что война «знакомила две армии, довольно-таки симпатичные одна другой», и что «с двух сторон желали конца войны», всем необходим был «почетный и быстро заключенный мир».

Одновременно растет его возмущение против затеявших войну («кто проживет целых два года без перерыва в этой Восточной армии, пройдут чистилище на этой земле»), против французских газет, скрывающих военные потери («цифру, которую вам дают газеты, увеличьте в четыре раза, но все равно это не будет истиной»). Но главное, его заботит, чтобы история не забыла этих жертв с обеих сторон: «Я не знаю наших потерь; потери введенных в бой армий двух сторон должны быть огромными. Официальные показания докажут нам это позже, если их вообще когда-нибудь обнародуют».

Уважение к достойному и гордому противнику заставило его, наконец, написать такую фразу: «Не предположишь, что у нас с ними война. Ничто не сможет показать лучшие чувства симпатии между двумя народами. Сегодня они учатся ценить друг друга, чтобы иметь взаимопонимание и согласие в вопросах, остающихся на будущее. Вся эта война — лишь жертва, преподнесенная английскому альянсу <...> Я боюсь, как бы эта жертва не оказалась бесполезной и как бы установленный однажды мир не пришлось позднее переделывать! <...> Час российский — еще не пришел: энергия сопротивления, так же как и наступления (если последняя не превосходит), доказывает всю жизненную силу молодой империи».

У Боше, убежденного в бесплодности Крымской войны с огромными ее жертвами, теплится надежда, что пережитая война «заставит исчезнуть ненависть, предрассудки», научит человечество гуманному правилу жить в «согласительном мире».

За ними, бывшими противниками, право исторического приговора и решения в вопросах, «оставшихся на будущее».

Все даты в блоке иностранных источников соответствуют европейскому, григорианскому, календарю. Орфография и пунктуация всех источников современные.

**Крымская война
в мемуарах
французских
очевидцев**

Часть I

А. Ивон. Бой на укреплениях Малахова кургана

Поистине, здесь наши потомки нашли
бы предмет для эпопеи вроде «Илиады»...

М. Рейхард

Пролог

У стен русской Трои

«Сказания иностранцев»

Когда в 1814 г., сохраняя блестящий порядок и срывая восторженные рукоплескания, победоносные войска России вошли в Париж, в сознании современников завершился перелом, купленный ценою грандиозных жертв и усилий: кровавые наполеоновские войны с бесконечным числом искалеченных и убитых людей, с поставленной на колени Европой и сожженной Москвой отошли в область истории — истории совсем недавней, истории вчерашней, но все же *истории*, которая уже не могла калечить и убивать, но которая побуждала к далеко идущим выводам и требовала немедленного изучения.

Роль России в победе над «корсиканским чудовищем» была настолько велика, а разочарование в недавних французских кумирах было настолько сильным, что российское общество теперь не могло и не желало, как это было в век Екатерины, передавать изучение своей истории в исключительное ведение чужеземных авторов. Самостоятельное же осмысление недавнего прошлого неизбежно толкало к диалогу с европейскими, в первую очередь французскими, мнениями. Именно поэтому, оказавшись в побежденном Париже, русские военные с нескрываемым интересом стали фиксировать устные и письменные свидетельства своих недавних противников.

Порою стихийный интерес приобретал вид некой системности. Так, генерал-майор кн. С. Г. Волконский¹ сообщал 2 января 1815 г. из Парижа П. Д. Киселеву²: «Я составляю здесь коллекцию из всех сочинений, которые уже созданы и которые создаются против нас и в защиту нас. Невообразимы все те басни, которые рассказывают о нас и в особенности о кампании 1812 г. Г-н Ла-Бом, работу которого, я думаю, вы знаете, сочиняет тоже сильно по некоторым пунктам»³. Необходимость подобных

¹ Будущий декабрист.

² В 1856—1862 гг. посол в Париже.

³ К чести России. Из частной переписки 1812 года. — М., 1988. — С. 210.

коллекций ощущалась в России настолько остро, что уже в конце 1815 г. директор Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленин настаивал на необходимости создания фонда «иностранных сочинений, касающихся до России, и особенно тех из них, кои относятся к знаменитой войне 1812, 1813 и 1814 годов»¹.

Закономерно, что интерес к иностранным источникам об истории России передался от поколения героев 1812 г. к поколению ровесников А. С. Пушкина. В начале 1820-х гг. бывший однокашник Пушкина по лицу и будущий член Государственного совета, доверенное лицо императора, барон (с 1872 г. граф) Модест Андреевич Корф увлекся составлением «полного библиографического каталога всех книг и пр., когда-либо изданных о России»². Через полтора десятка лет этот рукописный каталог послужит А. С. Пушкину для работы над историей Петра I. А в 1849 г., когда М. А. Корфа назначат директором Императорской публичной библиотеки, составленный им в юности перечень книг о России станет основой для осуществления чрезвычайно обширного замысла: создания «особого отделения» библиотеки, «предназначенного собирать все опубликованные на иноземных языках книги, связанные с Россией в каком бы то ни было отношении — внутреннем или внешнем»³. Это грандиозное собрание письменных источников, повествующих о разных периодах российской истории, в частности и о Крымской войне, носит название «RUSSICA» и оказывает по сей день бесценную помощь любому исследователю российской старины, в том числе и авторам книги, ныне предлагаемой читателю.

Впрочем, коллекционирование и описание иностранных текстов — это лишь первоначальный этап многоуровневой работы историков с чужеземными документами. Свидетельства иностранцев должны стать доступными отечественному читателю, чтобы читатель имел возможность оценить их информационную ценность и достоверность. Поэтому постоянно растущее в XIX в. внимание российского общества к зарубежным сочинениям о России стимулировало издание серийных переводов иностранных произведений об отечественной истории. Среди наиболее масштабных: пятитомное собрание «Сказания современников о Дмитрие Самозванце»⁴, подготовленное Н. Устряловым в собственном переводе с немецкого, французского и польского языков; «Собрание путешествий к татарам...»⁵, подготовленное Д. Языковым, сборник «Библиотека ино-

¹ Михеева Г. В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // «Бессмертное отделение “Россика”». Мат. науч. конф. 14 января 2000 г. — СПб., 2000. — С. 8.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. — М., 1994. — Т. 16. — С. 164.

³ Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. — St.-Petersbourg, 1873. — Т. I. — С. I.

⁴ Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие Самозванце: в 5 ч. — СПб., 1831—1834.

⁵ Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV ст. — СПб., 1825.

странных писателей о России»¹. Кроме того, переводы зарубежных источников о России появлялись с возрастающей частотой во всех ведущих периодических изданиях: «Отечественных записках», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском вестнике», «Сыне Отечества», «Северном архиве» и др. — и определили целое направление журналистики первой половины XIX в. Одни из этих публикаций имели серьезный научно-справочный комментарий, другие не имели никаких справочных пояснений. Но важно, что «сказания иностранцев» (так тогда принято было называть зарубежные источники) логично воспринимались как некий *чужой* историософский взгляд, с которым допустимо и даже необходимо спорить, но который нельзя игнорировать, поскольку без него невозможно создать собственного, максимально объективированного видения отечественной истории.

Объяснимо, что авторы переводов зачастую обращались к иностранным текстам, повествующим о российской древности, — хронологическая дистанция всегда делает источник более притягательным для читателя. Но правда и то, что военно-политические взрывы делают наиболее востребованными для современников самые последние, самые актуальные сведения не только отечественного, но и зарубежного происхождения. Так было в эпоху победы над Наполеоном I, так было и в период Крымской войны, с той разницей, что после вступления русских войск в Париж записки иностранцев помогали отечественному читателю объяснить причины российского триумфа, после падения Севастополя — российского поражения.

Свидетельства и наблюдения победивших противников были малопригодны для патриотической пропаганды, но необходимы для ответа на мучительный вопрос о причинах российского бедствия. Для тех, кто не довольствовался набором типовых официальных формулировок, а искал точные научные объяснения, показания французов и англичан — реальных победителей в войне — становились ценнейшим источником информации. В этом отношении характерен пример Н. Г. Чернышевского. Исследование иностранных источников о российской истории являлось для него и осознанной необходимостью, и делом искреннего, глубокого интереса. К иностранным сочинениям о Крымской войне он относился с особым вниманием и неоднократно выступал с критическими отзывами о них. Но приведем свидетельство, которое, на наш взгляд, выглядит весьма красноречиво. Речь идет о воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева, где зафиксирована беседа Чернышевского с иркутским жандармским полковником Келлером. И любопытно, о чем разговаривали жандарм и знаменитый литератор, а в недавнем прошлом — каторжанин Чернышевский, направлявшийся через Иркутск на поселение в Астрахань. «Когда разговор перешел на участие Чернышевского в «Современнике», — вспоминает мемуарист, — то он осо-

¹ Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. — Отд. I. — Т. I. — СПб., 1836; Библиотека иностранных писателей о России. — Отд. I. — Т. II. — СПб., 1847.

бенно остановился на одной из своих статей, а именно рецензии на известную книгу Кинглека о Крымской кампании. В течение, может быть, двух часов Н. Г. рассказывал содержание этой книги, и притом с такими подробностями, что можно было подумать, что он сам был участником осады Севастополя, так хорошо знал он расположение бастионов, батарей, частей войск и т. д.»¹. Точность, с какой память Чернышевского сохранила подробности английского источника, свидетельствует об одном: Чернышевский изучал текст с чрезвычайным вниманием и скрупулезностью, а значит, сознавал его принципиальную значимость.

Необходимость изучения истории Крымской войны, и в частности действий неприятельской армии в Крыму, стала очевидной еще до завершения кампании. В 1855 г. приказом начальника штаба гвардейских и гренадерских корпусов было объявлено, что генерал-майор Богданович будет проводить публичные чтения о крымской экспедиции англо-французов. Но... чтения были «прекращены после первого же, — свидетельствует П. А. Валуев, — за недостатком сведений»². Насколько мало англо-французские источники о Восточной войне переводились в дальнейшем, видно из простой выборки по библиографическому указателю С. Минцлова³. Из 130 указанных там русскоязычных публикаций о Крымской войне всего три представляют собой переводы иностранных источников, из них лишь две — отдельные издания.

С сожалением приходится признать, что эта ситуация в историографии Крымской войны почти не изменилась и до конца XX в. Между тем массив текстов о Крымской войне (хотя бы только французских) очень велик и разнообразен. И почти все эти тексты, начиная с «Истории...» Базанкура, свидетеля осады Севастополя, и заканчивая множеством писем, мемуаров, дневниковых записей менее известных участников событий, остаются недоступными для нашего читателя и подчас специалиста вследствие раритетности изданий и языкового барьера⁴. Пожалуй, наиболее широко «иностраный материал» о Крымской войне использовал Е. Тарле, но он не ставил перед собой задачи полного его охвата. Так, некоторые тексты, вошедшие в нашу книгу, Тарле в своей «Крымской войне» не учитывал.

¹ *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. — М., 1958. — С. 484.

² *Валуев П. А.* Дневник, 1855 г. // Русская старина. — 1891. — Т. LXX. — Кн. V. — С. 348.

³ *Минцлов С.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. — Новгород, 1912. — Вып. 1–5.

⁴ Впрочем, справедливость требует сказать, что и в Англии, и во Франции воспоминания о той войне наших очевидцев, а порой и своих собственных, известны тоже очень мало. Французский автор предисловия к изданию «Писем...» капитана Луазьона по этому поводу отмечал, что «в Севастопольском музее существует знаменитое собрание <...> где объединены все монографии об осаде, начиная с корреспонденции генералов и реликвий Корнилова и Нахимова вплоть до неискушенных замесок лиц второстепенных и простых солдат», и сожалел, что подобной «Золотой книгой» не располагает Франция (*Loizillon Henri*. Campagne de Crimée. Lettres écrites de Crimée par le capitaine d'état-major Henri Loizillon à sa famille. — Paris, 1895. — P. I).

Сложилась ситуация, когда иностранные свидетельства о нашей древней истории стали для современного читателя доступнее, нежели повествования о событиях 155-летней давности. Знаменитые библиографические обзоры Ф. Аделунга¹ и В. Кордта² дают нам если не исчерпывающую, то богатейшую информацию об «иностранных сказаниях», посвященных России и Украине, начиная с IX и заканчивая XVII в., но мы до сих пор не располагаем полным перечнем зарубежных произведений о Крымской войне. Отечественными учеными исследованы и опубликованы многие рукописи и списки старинных документов, относящихся к нашей истории, но иностранные книги об одной из самых трагических войн XIX в. по сей день остаются неразрезанными на полках крымских, украинских и российских библиотек и музеев.

Думается, что причина такого забвения кроется в самом понятии «проигранная война в Крыму», которое за полторы сотни лет не стало для русского сердца менее трагичным. Подобно войнам 1812—1814 гг., Крымская кампания ушла в историю, но, несмотря на это, продолжала и продолжает больно ранить. Слишком велики были русские потери, чтобы читатель мог с полным беспристрастием воспринимать рассказы людей, эти потери причинивших; слишком много славных побед знала Россия, чтобы читатель стремился часто открывать книгу российской истории на траурной странице, повествующей о падении Севастополя.

Но не было и нет иного способа постичь причину исторической трагедии, как только восстановив и изучив в максимально возможной полноте все события, приведшие к ней; все судьбы, вовлеченные в нее; все свидетельства, отразившие ее, — и свои, и чужие. Именно поэтому значительная часть нашей книги посвящена переводу и научно-историческому объяснению текстов, созданных французскими участниками севастопольского противостояния. Беремся мы за эту работу ради знаний о той войне и в память о защитниках славной русской крепости.

Матросы и солдаты, оборонявшие Севастополь, часто называли неприятеля «он». Кое-где всего сотня шагов разделяла противников. Без малого год наши воины смотрели на врага почти в упор, изучали его приемы, чуть ли не ежедневно сходились с ним в штыковых схватках. И все же неприятелем оставался скорее не француз или англичанин, а именно неопределенный «он», непонятно зачем пришедший воевать на нашу землю и неизвестно что замышляющий и чувствующий.

Мы можем отчетливо восстановить в воображении картину жизни и борьбы осажденного Севастополя, мы знаем и помним о бесчисленных примерах мужества и самоотвержения наших моряков и солдат. Но жизнь неприятельского лагеря и сейчас остается во многом неведомой и как бы до сих пор отделенной от нас полосой городских укреплений.

¹ Аделунг Ф. П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений: в 2 ч. — М., 1864.

² Кордт В. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. — Київ, 1926.

Настоящее издание содержит перевод произведений пяти французских авторов — участников и очевидцев Крымской кампании. Читатель сможет проследить все перипетии экспедиционной армии союзников с момента ее отправки в 1854 г. в Крым до заключения Парижского мира весной 1856 г. Блок иностранных источников разделен нами на две части. Такое разделение продиктовано желанием использовать разные методики и разные точки зрения в преподнесении историографического материала.

Тексты, составляющие первую часть, скомпонованы с учетом хронологической преемственности, что дает ощущение цельности повествования, но не всегда позволяет увидеть одно и то же событие в синхронном отражении. Эффекта полифонии в этом случае приходится добиваться с помощью комментариев, предлагающих разные взгляды на один предмет. Вступительные пояснения к этим текстам вплетены нами в историко-библиографическое предисловие, с которым Вы, уважаемый читатель, в настоящий момент знакомитесь.

Эту первую часть текстов составят сочинения трех авторов, различных и по характеру, и по роду службы, что позволит наиболее зримо ощутить контраст или схожесть в позициях и оценках, высказанных участниками войны. Композиционно тексты размещены таким образом, чтобы читатель мог воспринимать их как некое стереоскопическое единство. Первыми в хронологическом порядке идут «Воспоминания...» зуава, закаленного в африканских сражениях и не привыкшего размышлять о целесообразности военных действий. Затем читатель увидит битвы и будни французской армии глазами полного честолюбия и завоевательского азарта штабного офицера. И, наконец, события войны предстанут в описании протестантского священника, не умеющего воспринимать кровавые бедствия с позиции государственных амбиций и военного ожесточения. Таким образом, меняется, как заметим, не только точка видения, но и образ видения: от победных настроений участника Альминского сражения — к «бивачной правде» войны периода затяжной осады непокорного города, а затем — к философско-историческому осмыслению свершившейся трагедии, принесшей жестокие потери и страдания народам.

Во второй части помещен перевод «Военных воспоминаний» генерала Монтодона и «Крымских писем» Шарля Боше. В этой части исторические и биографические сведения, поясняющие текст, помещены непосредственно перед переводами. Анонсируя эти переводы, скажем, что Ж. Б. Монтодон представляет собой тип человека, всю жизнь проведенного в войнах и дослужившегося до генеральского чина. Войну в Крыму он начал в звании майора — закончил в чине полковника. «Воспоминания» создавались спустя много лет после осады Севастополя, когда постаревший и заслуженный военачальник уже был на покое, но его мемуары основаны на дневниковых записях и потому обладают точностью в изображении деталей.

Ш. Боше, в силу служебного положения оказавшийся в непосредственной близости к командованию союзных армий в Крыму, мог восприни-

мать события более обобщенно, нежели перечисленные авторы. Он имел представление о планах высшего командования, о трениях между первыми лицами союзных армий, о личных переживаниях французских военачальников. Благодаря этому мог видеть не только «окопную изнанку войны», но и обратную сторону решений, принимаемых в «высших сферах», что, как правило, недоступно рядовым участникам событий. Неординарность фигуры Шарля Боше для французской литературы и культурной жизни делает его письма вдвойне любопытными, однако подробнее об этом — в специальной статье, предваряющей перевод его военной корреспонденции.

Сейчас же, прежде чем познакомить читателя с произведениями упомянутых авторов, попробуем взглянуть самым беглым образом на причины и события Крымской войны, сопоставив их с текстами французских свидетельств, ибо во всех войнах причина служила политическим и моральным оправданием принесенных жертв и разрушений.

Восточный кризис

«Маршал Вайан восклицал: *«Это Троянская война, которая возобновилась!»* Действительно, было сходство с Троянской войной, особенно — в распрях великих вождей. Все так же происходило на клочке земли, на границе между Азией и Европой, где великие империи встретились, чтобы положить конец распре, где Север и Юг, Восток и Запад — военные массы — собрались, чтобы встретиться лицом к лицу на небольшом пространстве. Десять лет под Троей — десять месяцев под Севастополем: на расстоянии трех тысяч лет не стоят ли месяцы годов?»¹ В таком несколько романтическом духе начинает свой известный труд о Крымской войне французский историк Камиль Руссе. Сравнение Крымской (Восточной) войны с Троянской тем более оправданно, что формальные поводы для этих побоищ были одинаково безосновательны. Объяснить готовность государств жертвовать десятками тысяч лучших солдат ради обладания ключами от Гроба Господнего, пожалуй, ничуть не легче, чем объяснить желание древних царей истреблять свои народы ради обладания прекрасной Еленой.

Нам необязательно придерживаться официальной трактовки событий, которая, несомненно, влияла на ближайших историков Крымской кампании. Через 150 лет после войны причины ее видятся гораздо более прагматичными и менее благородными, чем их пытались изобразить начинатели Восточного кризиса.

Шел 1844 год. Некогда могущественная, но к этому времени обнищавшая и измученная бездарными правителями, Оттоманская империя медленно умирала. Европа предчувствовала грядущий передел Востока.

¹ Rousset C. Histoire de la guerre de Crimée. — Paris, 1877. — Т. I. — P. VII.

В предстоящей политической игре позиция России была геополитически обусловленной и довольно сильной. Кроме того что для России из-за географических условий Турция была более доступна, нежели для Англии и Франции, империя Оттоманов давно уже сильно зависела от русского императора в плане политическом и военном.

Взяв под свой контроль Босфорский и Дарданельский проливы, Николай I мог обеспечить безопасность своих черноморских берегов от флота любой державы, а собственному флоту гарантировать свободный выход в Средиземное море. При этом Россия имела двух серьезных соперников: Англию и Францию, которые уже давно подминали под себя Турцию путем постепенного экономического захвата.

Такая расстановка сил не могла особенно смущать российского императора. Хитрый политик, он занимал явно главенствующее место среди других монархов, а его дипломатия была наиболее удачливой в Европе. Кроме того, Николай пожелал совершенно обезопасить свое положение в решении так называемого Восточного вопроса. Для этого он и отправился в мае 1844 г. на берега Альбиона с намерением заключить с английским правительством соглашение о «полюбовном разделе турецких владений»¹. Англия никаких официальных подтверждений своего согласия не дала, но на словах Николая там заверили, что он может вполне рассчитывать на британский союз.

Между тем центром политических событий стала Франция. Сначала здесь прогремела революция 1848 г. Затем, после переворота 2 декабря 1851 г., к власти пришел племянник Наполеона I Луи-Наполеон, установивший в стране военно-полицейскую диктатуру, а через год провозгласивший себя французским императором Наполеоном III. Для поддержания власти и авторитета новоявленный император нуждался в удачной войне, которая разожгла бы в стране шовинистические настроения и отвлекла от социальных проблем.

В то время Николай I ни за что не поверил бы, что Англия, всегда соперничавшая и враждовавшая с Францией, решится пожертвовать соглашением с ним, Николаем I, ради союза с Луи Наполеоном. Да и в любом случае за российским императором оставался Священный союз, гарантировавший ему помощь Пруссии и Австрии.

Но русский император неверно представлял себе настроения, владевшие Европой. Россию ненавидели. Политики боялись ее мощи, но, как в 1812 г., так и в 1854-м, царский деспотизм и крепостное рабство сыграли с Россией злую шутку: и Наполеон I, и Наполеон III использовали эти «уродства восточного гиганта» в качестве пугала. В течение десятилетий народам Европы внушался страх перед «нашествием русских варваров», «царских рабов»². В этом случае фантомы коллективного сознания идеально

¹ *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — М., 1950. — Т. 1. — С. 99.

² Подробнее о формировании и структуре французских представлений о России в первой половине XIX в. см.: *Орехов В. В.* Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. — Симферополь, 2008.

соответствовали конъюнктуре реальной европейской политики. Со времен падения Наполеона I ни одно из европейских государств не могло самостоятельно конкурировать в мировом влиянии с Россией. Теперь же, заключив союз, Англия и Франция могли уравновесить, а на поверку вышло — превзойти мощь России, переманив из Священного союза Австрию и Пруссию. А значит — взять на себя роли ведущих политических игроков. С поражением России у обеих держав не оказывалось соперников при будущем разделе Турции, а рассуждая далее, и при разделе любой прочей ослабевшей империи.

Император Николай I не желал этого видеть...¹ Мы говорим «Николай I», а не «Россия» или «русские» и даже не «русские политики», потому что решение всех важных государственных вопросов, без всяких сомнений, находилось в единовластном ведении императора. Впрочем, столь же безраздельно властвовал и император Наполеон III. Для поддержания только что приобретенных власти и авторитета он нуждался в удачной войне, которая помогла бы сплотить нацию в патриотическом (сказать точнее, псевдопатриотическом) порыве и отвлечь от социальных проблем. «Оптимальным противником» оказывалась Россия, ненависть к которой воспитывалась десятилетиями, а следовательно, противостояние с которой поддерживалось искренним общественным энтузиазмом.

Формальная зацепка нашлась легко. Еще в 1850 г. между русской и французской дипломатиями возникли разногласия по поводу преимущественных прав на обладание христианскими святынями на территории Турции, в Иерусалиме и Вифлееме. Конфликт был явно надуманным, и за ним скрывалось «вековое недоразумение»² — политическое влияние на Востоке. Ни католикам, ни православным молиться в святых местах никто не воспрещал. Спор же сводился к мелочному выяснению, «кому чинить провалившийся купол в Иерусалиме, кому владеть ключами от Вифлеемского храма (который, кстати, этими ключами вовсе не запирался), какую звезду водворить в Вифлеемской пещере: католическую или православную»³. Высшие иерархи обеих церквей отнеслись к спору вполне равнодушно, и он совсем забылся бы, но Наполеон решил использовать его в качестве провокации по отношению к России.

В январе 1853 г. спор был решен в пользу Франции, что наносило слишком значительный урон российскому престижу и не могло остаться без ответа. Реакция Николая последовала незамедлительно: в феврале он отправляет к султану Абдул-Меджиду чрезвычайного посла кн. А. С. Меншикова с требованиями, которые, по сути дела, сводились к тому, чтобы

¹ Позднее в российском обществе поговаривали, что Николай так был уверен в помощи Австрии при начале Крымской войны, что просил австрийского императора, чтобы он «не сдлил сам на войну» (*Одоевский В. Ф.* Текущая хроника и особые происшествия. Дневник 1859—1869 гг. // Литературное наследство. — М., 1935. — Т. 22—24. — С. 99).

² *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. — М., 1892. — С. 465.

³ *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — Т. 1. — С. 135.

Турция вступила в союз с Россией против Франции. В ответ Наполеон III, демонстрируя силу, направил свой флот в Саламинскую бухту.

Не имевший до того времени никакого отношения к дипломатии, кн. Меншиков повел себя в Константинополе дерзко и явно рисуясь. Турецкие министры сначала были шокированы и растеряны, но в конце концов, понадеявшись на поддержку Англии и Франции, отказались принять условия русского императора. Переговоры были провалены. 21 мая русское посольство покинуло турецкие берега.

Война была предрешена, хотя английские дипломаты продолжали твердить русскому посланнику Бруннову, что ни за что не желают проливать кровь христиан во имя Магомета. 13 и 14 июня 1853 г. французская и британская эскадры бросили якорь в Безикской бухте, у входа в Дарданеллы. Это была уже прямая угроза черноморским берегам России. 26 июня Николай I издал манифест о вступлении русских войск под командованием кн. М. Д. Горчакова в Дунайские княжества — Молдавию и Валахию, находившиеся под турецким господством.

Началась Дунайская кампания, во многих отношениях оказавшаяся для России неудачной. Для военных уже тогда стало ясно, что русская армия, вопреки расхожему мнению, вооружена плохо, даже хуже турок, уже имевших нарезные ружья. Обмундирование русских солдат было вовсе не приспособлено для боевых действий. Хищения в русской армии приняли настолько неслыханные масштабы, что «прославили» наших казнокрадов далеко за пределами отечества¹.

Но даже не столько хищения и плохая подготовка делали кампанию неудачной. Дело в том, что высшему командованию было ясно: война в Дунайских княжествах не способна разрешить противоречия на Востоке. Это скорее мера устрашения, нежели решительная схватка. Главнокомандующий, а значит, и многие другие генералы вели себя крайне нерешительно. Кампания затягивалась. Армия терпела большие и бессмысленные потери. Солдаты роптали. Порой войска получали приказы, в соответствии с которыми солдат должен был воевать, не открывая огня по противнику. Так, в октябре 1853 г. генерал Данненберг давал строгую директиву: «В случае, если турки вздумают переправиться на наш, левый берег Дуная, не завязывать с ними дела, а только не пускать их дальше». Обязанный подчиниться, генерал Павлов недоумевал при этом: «Как это, не затевая дела, можно «не пускать» кого-либо идти, куда он хочет?»².

В то же время России пришлось воевать с турками на Кавказе. 28 октября 1853 г. солдаты Оттоманской империи захватили небольшую, плохо защищенную русскую крепость Св. Николая и, как говорилось в доне-

¹ Даже после войны Александр Дюма в знаменитом «Путешествии по Кавказу» (1859) пересказывает бесчисленные истории о невероятных (для европейца невероятных) случаях обкрадывания русского солдата, как бы изумляясь, что после этого армия может оставаться боеспособной. См.: Дюма А. Кавказ. — Тбилиси, 1988.

² Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. — Т. 1. — С. 286.

сении вел. кн. Константину, «распяли таможенного чиновника и потом стреляли в него в цель; священнику отпилили голову; лекаря запытали, допрашивая, куда он спрятал деньги, перерезали женщин и детей и, наконец, у одной беременной женщины вырезали уже живого ребенка и тут же на глазах у еще живой матери резали его по кускам»¹. 14 ноября туркам удалось также разгромить небольшой русский отряд, но уже 26 ноября генерал-лейтенант Андронников с отрядом в 8 тыс. человек совершенно разбил двадцатитысячный турецкий корпус в Ахалцихе, а 1 декабря генерал Бсбутов нанес поражение значительному, втрое превосходящему числом турецкому корпусу под Башкадыкларом. Но самой блестящей операцией кампании 1853 г. стало сражение при Синопе.

Осенью 1853 г. парусная эскадра адмирала П. С. Нахимова крейсировала в водах Черного моря в поисках турецкого флота. 30 ноября Нахимов запер оттоманский флот в Синопской бухте и пустил его ко дну. Флот неприятеля погиб полностью, почти со всею командой. Русская эскадра не потеряла ни одного корабля. Потери в живой силе составили 38 человек убитыми и 240 — ранеными.

После русских побед на Кавказе и при Синопе как для Франции, так и для Англии стало очевидным, что Турция в борьбе с Россией бессильна.

Политическая обстановка становилась для России все более угрожающей, и весной 1854 г. Англия и Франция объявили России войну, мотивируя свое решение желанием заступиться за Турцию. Если оценивать положение беспристрастно, то логика событий была следующей: две империи, Англия и Франция, никогда особенно не стеснявшиеся захватывать то ли далекие колонии, то ли попросту территории своих соседей, вставали на защиту Оттоманской империи, которая была еще менее стеснительна в вопросах территориальных приобретений и не раз отличалась жестокостью по отношению к покоренным народам. Так вот теперь две империи «благородно» защищали третью от «имперских амбиций» России. Сама же Турция, по словам современника той эпохи, была превращена европейской пропагандой в «какую-то филантропическую, почти либеральную державу, угнетенную Россию»². Стало ясно, что Австрия после долгих дипломатических метаний не сегодня завтра присоединится к антирусскому альянсу. Того же можно было ожидать от Пруссии. Россия оказывалась в полном одиночестве. Лагерь врагов разрастался.

В Константинополе начинали сосредоточиваться экспедиционные корпуса французской и британской армий. 22 апреля англо-французская эскадра совершила бомбардировку Одессы. Положение русской армии на Дунае становилось опасным. Дунайские княжества пришлось оставить. Их тут же оккупировали австрийские войска, отличившиеся зверскими выходками по отношению к мирному населению.

¹ *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — Т. 1. — С. 300.

² *Гаршинов А. А.* Восточный вопрос. — СПб., 1854. — С. 4.

Русские войска уже почти полностью ушли с Дуная, когда объединенная англо-французская армия была переброшена в Болгарию, в город Варну. Именно здесь союзников ждали первые серьезные неприятности. Армию поразила сильнейшая эпидемия холеры. Солдаты и офицеры начали поддаваться унынию. Чтобы поддержать боевое настроение войск, 5 августа главнокомандующий французской армией маршал Сент-Арно предпринял экспедицию в глубь страны. Никаких военных результатов добиться не удалось, зато в течение считанных дней отряд потерял от болезней 3500 человек умершими и до 2000 заболевшими. Один только полк зуавов за время, проведенное в Варне, недосчитался в своих рядах 800 человек¹. Во флоте погибло от холеры 10% всего экипажа. 22 августа Варну объял пожар, уничтоживший многие армейские припасы и едва не поднявший на воздух пороховые склады. Подготовка к войне, таким образом, обходилась слишком дорого.

Но вот в первых числах сентября бесконечный караван англо-французской эскадры двинулся к берегам Крыма.

Против «северного колосса»

Нри знакомстве с воспоминаниями французских участников севастопольской эпопеи читатель, конечно, заметит то искреннее воодушевление, которое царило в оккупационных войсках в первые месяцы кампании. Как удалось правительству Франции внушить десяткам тысяч своих воинов мысль о необходимости плыть в далекую Тавриду, чтобы там оторванные от своей родины, от своих семей французские солдаты безо всякого принуждения убивали или были убиты, и все это — не во имя священной неприкосновенности Франции, а ради помощи Османской Порте? Ответ на этот вопрос — ключ к пониманию механизмов, запустивших Крымскую войну.

Понятно, что дипломатическая игра Наполеона III со святыми местами была лишь частью обязательного предвоенного этикета, нацеленного создать видимость благородных намерений. Вряд ли французские солдаты следили за ходом этой возни в верхах и способны были в ней разобраться. Такая затея годилась как официальный повод, но не была способна сама по себе разогреть национальную ненависть. Версию же о том, что французы кидались в бой, воодушевленные сочувствием к магометанам, которых они привыкли воспринимать в качестве многовековых врагов, также отбросим как исторически наивную.

Было много общего с наступлением на Москву в 1812 г. Как и тогда, французская пропаганда заблаговременно пробудила в обществе тщеславную мысль, что французский солдат идет воевать с Россией исключительно ради борьбы за свободу, борьбы с рабством и деспотизмом.

¹ *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — Т. 2. — С. 24.

Названия французских изданий того времени говорят сами за себя: «Кнут и русские» Жермена де Ланьи (1853), «Русский манекен» Луи Люрэнна (1854), «Русские тайны» Фредерика Лакруа (1854), «Сила и слабость России с военной точки зрения» Луи Дюсье (1854), «Политическая и анекдотическая история России при царе Николае I, императоре русских» (1855) и др.

Для «разоблачения» русских порядков использовались порою произведения русской литературы. Так, в апреле 1854 г. в Париже, в театре «Порт Сент-Мартен», была поставлена пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор», переведенная Эженом Моро. На французской сцене она именовалась «Русские, сами себя изображающие». Впрочем, постановка не пользовалась особым успехом. Значительно большую популярность приобрел вышедший в первые дни Восточной войны перевод «Записок охотника», выполненный Э. Шарьером.

По замечанию М. Клемана, «французские критики и публицисты наперерыв советовали своим читателям ознакомиться с «Записками охотника» как с важнейшим информационным материалом, вскрывающим внутреннее состояние таинственной северной империи, кинувшей «грозные орды в атаку на старый мир»¹. Журналист Ф. Морнан, в частности, писал: «В этих талантливых рассказах <...> можно найти сведения исключительной ценности, особенно в современных условиях, о загадочной жизни северных рабов»². Причем И. С. Тургенев, которого подобные высказывания ставили в весьма неловкое положение, и В. А. Соллогуб, чьи рассказы повторили судьбу «Записок охотника», вынуждены были публично заявить о своей непричастности к такого рода интерпретациям и о сильных искажениях своих произведений во французском переводе³.

Все перечисленное — элементы политической пропаганды, в середине XIX в. гораздо лучше развитой в Европе, нежели в России. Роль этой пропаганды в мировом раскладе сил российский император явно недооценивал. Знаменитый историк Е. В. Тарле, скрупулезно изучив настроения французского общества и французской печати накануне Крымской войны, пришел к однозначному выводу: «<...> Когда Наполеон III по личным своим соображениям счел нужным начать войну против России, то он встретился с единодушною поддержкою самых разнообразных общественных классов и политических партий — от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов. <...> Франция явилась самым сильным из всех членов коалиции <...> и *этот* член коалиции пошел в бой с тем одушевлением, которое никакими дипломатическими или династическими мотивами объяснить нельзя. Российское само-

¹ Клеман М. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. — М., 1937. — Т. 31–32. — С. 712.

² Там же. — С. 713.

³ См.: Клеман М. «Записки охотника» и французская публицистика 1854 года // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности ак. А. С. Орлова. — Л., 1934. — С. 305–314.

державие превратило авантюру Наполеона III во французскую национальную войну и <...> способствовало успеху французов. <...> И даже страх перед русским могуществом не пересиливал этой жажды схватки <...>. Эта война сопровождалась прямо-таки всеобщим ликованием во Франции и поздравлениями правительству, не отступившему перед Николаем». «Даже Турцию, — замечает историк, — считали более близкою к духу века и к гуманности, нежели петербургское правительство»¹.

Неверно полагать, будто Николай совершенно не считался с мнениями Европы о России и о себе лично². Он старался влиять на эти мнения, но способ этого влияния был административно-приказным, казенным. Российскую пропаганду за рубежом император поручил небезызвестному шефу III Отделения собственной его императорского величества канцелярии А. Х. Бенкендорфу. За границей, и в частности в Париже, подкупались газеты и журналисты, туда отправлялись специальные агенты, французских писателей ласкали при российском дворе, дабы получить их хвалебные отзывы, «благонадежным» российским писателям поручались ответы французским «хулителям России». Но все эти усилия разбивались о «казенщину», которая сквозила между строк заказных публикаций и только раздражала французов.

Многие русские литераторы пытались по собственной инициативе полемизировать с французской печатью, реабилитируя Россию. Однако эти несанкционированные попытки пресекались государственной машиной, построенной Николаем. Даже во время Крымской войны выступать в защиту России приходилось втайне от российского правительства. Так, известному славянофилу А. С. Хомякову свою брошюру в защиту православной церкви от нападок архиепископа Парижского де Сибура, призывавшего к крестовому походу против православных, пришлось публиковать за границей инкогнито (1855 г.)³.

Герцен, вырвавшись из подчинения николаевской системы, в самом начале войны опубликовал в Лондоне несколько работ, в которых внушал европейцам справедливый взгляд на русский народ, но ненависть к России уже настолько обострилась, что его труды многими были при-

¹ *Тарле Ф. В.* Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. — Петербург, 1906. — № 9. — С. 15; № 10. — С. 145.

² В начале 1854 г. тайный сотрудник III Отделения с. е. и. в. канцелярии Я. Н. Толстой, находившийся в Париже с целью отслеживать настроения французского общества и на эти мнения влиять, доносил: «Сильное раздражение против России волнует как парижское, так и лондонское общество. Настроение умов в обеих странах было доведено до такой степени экзальтации всеми возможными средствами. Пресса и полиция попеременно прилагали все новые и новые усилия, чтобы внушить ненависть к нам и симпатии к туркам» (*Тарле Ф. В.* Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, вторая республика, начало второй империи // Литературное наследство. — Т. 29–30. — М., 1937. — С. 563–663).

³ Подробнее о стремлении русской литературы воздействовать на русский имидж во Франции см.: *Орехов В. В.* Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). — Симферополь, 2006.

няты в штыки. Атмосферу европейских настроений Герцен охарактеризовал, обращаясь к соотечественникам в первой книге «Полярной звезды» (1855): «<...> Взгляните на те обстоятельства, среди которых мы начинаем наш труд. Война ревет. В народных толпах развили все злые чувства национальной ненависти и жадного патриотизма; в толпах *второго порядка* разбудили чувства более разумные — крестового похода за *просвещение и свободу*; и те, и другие отлучили от человечества и от любви целый народ»¹.

Каким образом русский народ оказался «отлученным» от европейской любви?

Не так давно, в 1814—1815 гг., Европа называла своим спасителем русского императора Александра I, а парижане восхищались умом и образованностью русских офицеров — позитивный имидж России находился в зените. Несмотря на восстановление Бурбонов, поддержанное далеко не всеми французами, императору Александру I до конца жизни удавалось удерживать за собой в Европе репутацию либерального государя.

Восшествие на российский престол нового императора Николая I ознаменовалось жестоким подавлением восстания на Сенатской площади. Но, использовав запас позитивного имиджа страны и рычаги официальной пропаганды, Николай сумел представиться Европе как усмиритель необузданного мятежа, монарх суровый, но справедливый и твердый. Такое мнение о нем сохранялось во Франции вплоть до революции 1830 г., которая потрясла и обескуражила самодержца. Сметенные с политической арены Бурбоны унесли с собой всякую надежду на дипломатическое влияние на Францию со стороны Священного союза. В Европе возникала бесконтрольная сила, обещавшая передел влияния в будущем.

Политические приемы Николая не отличались разнообразием. Он стал несмеленно разрабатывать план вторжения во Францию и подавления революции, о чем в резких тонах заявил французскому поверенному в делах барону Бургоэну. На угрозы Бургоэну ответил формулой, которая точно характеризовала новый расклад сил: «*Мы — уже не истощенная Франция 1814 года, а вы — уже не соединенная Европа 1815 года*»². Однако Николай вполне определенно продолжал готовиться к походу Священного союза против мятежной Франции и, лишь когда Австрия и Пруссия отмежевались от этой перспективы, оставил свои намерения. Николаю пришлось признать нового короля французов Луи Филиппа, но он сделал это в тоне такой уничтожающей ненависти, что о теплых отношениях между странами не могло быть и речи.

Словом, изменить ситуацию путем жесткого давления не удалось, зато во французском сознании Россия в одночасье превратилась в потенци-

¹ Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. — М., 1955—1958. — Т. 7. — С. 49.

² Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование: в 2 кн. — М., 1996. — Кн. 2. — С. 276.

ального врага. Французский парламент и французская печать обрушивали на Россию целый шквал критики. Негативные национальные стереотипы и мифы о России, сильно скомпрометированные в 1814–1815 гг., снова приобретали права истины во французском обществе. Предполагаемая агрессия России против Франции воспринималась как неминуемая реальность. В. Гюго писал в «Дневнике революционера 1830 года»: «Весной будет нашествие русских»¹.

Эта ситуация не послужила уроком. Всего через четыре месяца после Июльской революции вспыхнуло восстание в Польше. И Николай I снова демонстрировал миру «железную волю», подавляя мятежников. Европейского авторитета русскому самодержавию это не прибавило. Польские дела оказались в центре общественного интереса. В парламенте Франции громко и ясно выражалось сочувствие Польше и раздавались призывы к вооруженному вмешательству в конфликт.

Мы потому так заостряем внимание на личности и поступках Николая I, что она имела решающее влияние на отношение французов к России. Французская литература однозначно отождествляла всю Россию с именем самодержца, а враждебное, ненавистное отношение к нему заставляло французов с ненавистью и предубеждением относиться ко всей России.

Французская литература не слишком идеализировала и других российских монархов. Но в характере почти любого из них она, находя темные стороны, отмечала и недюжинные достоинства. Петр I воспринимался как деспот, но в то же время — борец с «варварскими нравами». Екатерина II имела репутацию развращенной, но одновременно просвещенной императрицы. Александр виделся самодержцем хоть и абсолютным, но «мечтательным» и склонным к либеральным идеям. В образе Николая воплотилась только одна черта — «мрачный деспотизм». И по мере того, как бескомпромиссно велась николаевская политика, неумолимо девальвировался престиж России и имидж русских за рубежом.

За время правления Николая I критический пафос по отношению к России во французской литературе и публицистике развивался неуклонно. Стендаль, вполне искренне опасавшийся нашествия русских, в 1838 г. сожалел, что Европу не отделяет от Азии река «шириною в десять лье», которая помешала бы казакам «угрожать цивилизации»². В 1849 г. Проспер Мериме полушутя-полусерьезно предупреждал одного из своих знакомых: «Тем не менее непременно нужно научиться говорить и понимать все эти тонкости (тонкости русского языка. — В. О.), чтобы в 1855 г. вас не избил кнутом. Я полагаю, что тогда фамилия парижского губернатора будет оканчиваться на *-ов* или на *-ин*, а журнал «Ревю» будет проходить цензуру какого-нибудь калмыка»³.

¹ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. — Т. 14. — С. 148.

² Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. — М., 1959. — Т. 11. — С. 71.

³ Мериме П. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1963. — Т. 6. — С. 89.

Уже в первый период царствования Николая Павловича весь позитивный запас, приобретенный русскими во «французском мнении» за 1814–1815 гг., был полностью растрочен, а стиль николаевской политики так и не менялся. В 1848 г. во Франции произошла новая революция, на которую Николай I отреагировал приблизительно так же, как на предыдущую. В 1849 г. российский император помог Австрии подавить венгерское восстание. Политика Николая I была не просто твердой, она была демонстративно жесткой. Видимо, монарх полагал, что его непреклонная воля и мощь в конце концов заставят оцепенеть европейскую критику. Эффект оказался обратным: любое проявление николаевской непреклонности легко использовалось европейскими политиками — миф о российской угрозе искусственно культивировался и порою доводился до степени общественной истерии, позволяя манипулировать коллективным сознанием европейцев, испуганно ожидающих «нашествия русских варваров».

Против России оказались настроены даже те, кто вовсе не поддерживал политику Наполеона III. В. Гюго всегда оставался ярким противником его режима (благодаря выступлениям Гюго, за Луи Наполеоном закрепилось презрительное прозвище «Наполеон Малый»). Но в 1853 г. поэт, явно поддаваясь всеобщему настроению и действуя на руку императору, восклицал, обращаясь к французам:

Дрожите! Русский царь явился на Дунай,
А вы за Рейн не устремились¹.

Вполне понятно, что еще более решительно были настроены французские военные. Мало кто из них вникал в сущность восточных разногласий. Правда, одно для них должно было быть совершенно ясно: с тех пор как русские войска покинули Дунайские княжества, турецкие территории уже не нуждались в защите союзников. Тем не менее союзники отправлялись «защищать» Турцию. Союзные армии напали на русскую территорию, и с этого момента для России война стала исключительно делом самообороны. Русские солдаты теперь твердо знали, за что они воюют. Враг сам пришел под стены Севастополя.

К этому моменту Николаем I уже были проиграны Франции война официальной пропаганды и война дипломатий. Теперь престиж России на европейской арене предстояло защищать русским солдатам и матросам, оставленным в Крыму в недостаточном для обороны количестве, без укреплений и с устаревшим вооружением.

Французские боевые части, приученные подавлять оружием непокорные племена африканских колоний, были выхвачены для вторжения в Крым прямо с театра непрерывной войны в Алжире. Ехали с одной войны на другую в поисках славы и военного счастья.

¹ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. — Т. 12. — С. 221.

Десант в Крыму. Зуавы

«Воспоминания офицера 2-го полка зуавов»¹, которыми открывается настоящее издание, посвящены истории одного из самых легендарных и экзотических соединений французской армии. Книга французского офицера² повествует не только о периоде Крымской войны. Большое место уделено в ней описанию боевых действий в Африке. Однако, руководствуясь в первую очередь интересом к отечественной истории, предлагаем читателю перевод глав, непосредственно связанных с осадой Севастополя. В то же время о происхождении зуавов необходимо сказать несколько слов.

Первое подразделение зуавов возникло в 1831 г. в Алжире как мера усиления французских войск в еще не покоренной до конца колонии. 21 марта 1831 г. из туземных племен были сформированы два батальона, названные по имени небольшой, но воинственной североафриканской народности — зуавами. Обучать зуавов и командовать ими были назначены французские офицеры и унтер-офицеры. Тогда же было признано полезным, наряду с туземцами, принимать в отряды зуавов и европейцев, в основном парижан и выходцев из других крупных французских городов.

Уже через несколько недель после формирования корпуса зуавы отправились в поход на Медеа и сумели отличиться. С тех пор они беспрерывно участвовали почти во всех африканских войнах и экспедициях. Слава зуавов росла. В 1846 г. первый батальон зуавов был представлен великому князю Константину, посетившему Алжир.

Постепенно туземцы почти вовсе исчезли из батальонов зуавов. Теперь сюда принимались самые отчаянные головы из числа европейцев, прибывших в Африканскую армию. Но воинская форма на восточный лад была сохранена³. Лишь офицеры носили строгий европейский мундир.

¹ Souvenirs d'un officier du 2-me de zouaves. — Paris, 1859.

² Автор не открывает читателю своего имени, но в предисловии к книге (также анонимном) говорится, что он является «одним из самых знаменитых офицеров корпуса».

³ Вот рассказ русского рядового (раненого и попавшего в плен на Альме), где описывается поле сражения, усыпанное трупами, среди которых и зуавы: «Очень много было этих и лезгуавов. У них у всякого легкая курточка, суконная манишка, а штанина всякая будет с аршин; если же разгорнуть, то одна штанина будет, верно, аршина три, и мотня на четверть висит от земли. Ходит он всегда в башмаке, на четверть обитом кожей, на ремешках, и обтянутым белым полотном: называются они по-ихнему сулли (*soulier* — по-французски *башмак*)» (Восемь месяцев в плену у французов. Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского / публ. Н. П. Сокольского // Современник. — 1855. — Т. 53. — С. 163).

В представлении современников лишь российская армия имела в своем составе аналог африканских солдат-французов — это черноморские пластуны, закаленные в почти ежедневных стычках с кавказскими народами. И зуавы, и пластуны (противостоявшие у стен Севастополя), имея оригинальный мундир, обладая совершенно особыми приемами войны, умея сражаться в любых условиях, явно выделялись на фоне остальных войск и имели между собой много общего. Видимо, поэтому журнал «Современник» в 1855 г. (т. 51) статьи, посвященные истории зуавов и пластунов, поместил рядом (с. 49–57, 58–77).

Среди зуавов царил дух свободы, гораздо более полной, чем во французских гарнизонах. Порой военные действия со стороны зуавов выливались в элементарный разбой и грабеж. Хотя дисциплина была абсолютной. Подчинение командиру — беспрекословным. Отношения между офицерами и солдатами — почти семейными. Как наши казаки бывало называли своего командира батькой, зуавы именовали своего полковника отцом (*le père*)¹.

По инициативе маршала Сент-Арно, тогда военного министра Франции, в 1852 г. корпус зуавов получил новое устройство. Теперь он состоял из трех полков — по три батальона в каждом. В скором времени зуавы были вооружены штуцерами и французское командование «имело под рукой корпус в десять тысяч ветеранов в цвете лет, хорошо вооруженных, обученных, храбрых, не отступающих ни перед чем, которые с полным правом могли считаться войсками передовыми, элитными, способными на все»².

Когда разразилась Восточная война, зуавы были включены в состав французской экспедиционной армии. Во главе с полковником Клером³ 2-й полк зуавов высадился на крымском берегу, близ Евпатории. Надо сказать, в Крыму неприятеля не ждали.

Действительно, общая наличная численность русской армии в ту пору доходила до 700 тыс. человек. Армия союзников, высадившаяся в Крым, насчитывала чуть больше 60 тыс. Но русской армии пришлось растянуться по бесконечным границам. Только в Польше и на дунайском направлении приходилось держать общим числом более 300 тыс. человек на случай нападения со стороны Австрии и Пруссии. Более 200 тыс. солдат защищали побережье Балтики, Финляндию и Санкт-Петербург. Оголить этот участок не было никакой возможности, потому что уже в начале лета 1854 г. союзники привели в Балтику две эскадры. Поняв, что сильно защищенные крепости Свияборг и Кронштадт взять не удастся, к тому же отчаявшись заполучить в качестве союзников Швецию и Финляндию, флот союзников без всякой видимой причины обстрелял город Або и значительно превос-

¹ Souvenirs d'un officier du 2-me de zouaves. — Paris, 1859. — P. 7.

² Там же. — P. 10.

³ Жан-Жозеф-Густав Клер родился в Салинсе (Юра) 2 декабря 1814 г. 20 ноября 1832 г. поступил в Сен-Сир и вышел оттуда в пехотные войска. В 1838 г. — поручик, в 1841 г. — капитан. Участвовал в алжирских кампаниях с 1842 по 1846 г., дважды отличился в сражениях и вернулся во Францию майором 6-го легкого полка. Став 9 января 1852 г. подполковником 21-го линейного полка, он в том же году перешел в зуавы и снова оказался в Алжире, где отличился при штурме Лагуа, одним из первых ворвавшись в крепость. За это награжден офицерским крестом Почетного легиона. Полковником 2-го полка зуавов Клер стал 10 августа 1853 г. При Инкерманском сражении захватил редут и был отмечен в приказе по армии. 5 марта следующего года произведен в бригадные генералы и был отличен за Чернореченское сражение. Вернувшись из Крыма, он принял командование одной из бригад императорской гвардии. Ею он командовал в Италии, где 4 июня 1859 г. был убит при Мадженте. Маршал Канробер сказал о нем: «У Клера было все: ум, отвага, энергия, железное тело, неутомимая душа, беспримерная храбрость». Заботами принца Наполеона тело генерала Клера было перевезено в родной город (*Dictionnaire de biographie Française*. — Т. 1—9. — Paris, 1933—1963. — Т. 8. — С. 1460).

ходящими силами сравнял с землей русскую крепость Бомарзунд на Аландских островах. Никакой стратегической пользы это не принесло, так как Бомарзунд не входил в сплошную линию русской обороны. Балтийская кампания 1854 г., таким образом, оказалась для союзников даже гораздо менее результативной, чем для нас кампания на Дунае. Однако на будущий год союзников опять следовало ждать в Балтийском море.

Менее всего защищенным оказался Крым. Все говорило о том, что союзники нападут именно на Севастополь, однако... серьезных мер по усилению крымских соединений правительством не предпринималось. В результате к моменту высадки неприятеля командующий русскими войсками в Крыму кн. А. С. Меншиков имел в своем распоряжении всего около 37 тыс. человек. Еще 12–13 тыс. солдат находилось в распоряжении генерала Хомутова, на восточном побережье Крыма.

Но даже и имевшиеся войска не были сосредоточены и готовы к столкновению с противником. Именно поэтому 2-й полк зуавов, как и вся 60-тысячная армия союзников, высадился на берег совершенно беспрепятственно, что внушило французским солдатам мысль о быстрой и легкой победе над русскими. Об этом явно свидетельствует приподнятый тон первых страниц «Воспоминаний офицера 2-го полка зуавов».

Русское командование не сумело воспользоваться даже «естественными» выгодами положения. Офицер зуавов называет Крым далеким, как край света; командованию союзников Крым в плане чисто географическом был почти неизвестен. Оно даже не располагало сколько-нибудь добротными картами полуострова¹. Казалось бы, это должно дать преимущество нашим войскам, но... у нас самих таких карт не было.

Альминское сражение

Высадившись на берег, армия союзников направилась к Севастополю. Меншиков решил преградить ей дорогу, заняв очень выгодные позиции на труднодоступных возвышенностях левого берега Альмы. 20 сентября разыгралось знаменитое Альминское сражение. Офицер зуавов подробно описывает настроение французских солдат накануне битвы. Уверенность в победе абсолютная. Для зуавов война — дело привычное. В бой их ведет маршал Сент-Арно, с которым они одерживали громкие победы в Африке. Да и прочие французские военачальники — Канробер, Боске, Бурбаки и другие — хорошо известны им по войне в Алжире. Кроме того, союзники не могли не знать, что противник явно малочисленнее их, хотя, кажется, и не догадывались насколько.

¹ Отсутствие у экспедиционной армии достоверных сведений о географии и топографии Крыма было настолько очевидным, что французский ученый Иоганн Шнитцлер специально издал в 1855 г. компилятивное «Описание» Крыма, которое командиры могли бы использовать в качестве путеводителя по полуострову (См.: *Schnitzler J. A. Description de la Crimée surtout au point de vue des ses lignes de communication.* — Paris — Strasbourg, 1855).

Свидетельства участников Альминского дела говорят о том, что боевой дух наших войск тоже был очень высок, но слишком много преимуществ оказалось на стороне противника. Прежде всего, 57-тысячной армии союзников Меншиков смог противопоставить лишь 35 тыс. человек. Вся армия неприятеля была вооружена нарезными штуцерами, имевшими дальность стрельбы до 1200 шагов, против наших гладкоствольных ружей, стрелявших всего на 300 шагов, да и то с вероятностью попадания 30%. Французы, рассыпаясь в стрелковые цепи, иногда почти полностью истребляли наши старозаветные сомкнутые колонны штуцерным огнем, не давая им не только ударить в штыки, но даже приблизиться на дистанцию выстрела из гладкоствольного ружья.

Но, пожалуй, хуже всего было то, что русский главнокомандующий при подготовке к сражению проявил абсолютную нераспорядительность. Альминские позиции, которые могли бы стать неприступными, он решил вовсе не укреплять, составить план сражения счел излишним, подготовить боеприпасы преждевременным, а разграничить полномочия среди генералов ненужным. В результате подготовка к сражению происходила как бы сама по себе.

Главнокомандующий русской армией светлейший князь А. С. Меншиков, имевший о войне обширные, но чисто теоретические знания, мало подходил для роли полководца. Чрезвычайно богатый и энциклопедически образованный человек, он был обласкан Николаем, в светской и придворной жизни пользовался репутацией надменного острошлова и разыгрывал из себя циничного скептика, выставляющего напоказ глубокое презрение к окружающим. Он брался за дела большой государственной важности, не имея о них четкого представления: не был моряком, но стал начальником Главного морского штаба; не зная как следует Финляндии, стал ее генерал-губернатором; не будучи дипломатом, отправился в 1853 г. послом в Турцию и провалил переговоры. Теперь его назначили главнокомандующим Крымской армией и Черноморским флотом¹.

Крымской армии определено не везло на главнокомандующих. Ушедшего из-за расстройств здоровья Меншикова в феврале 1855 г. сменил князь М. Д. Горчаков. Тот совсем недавно был главнокомандующим Дунайской армией и командовал из рук вон плохо. Штабной генерал, он был неспособен к решительным действиям на театре войны и совершенно лишен дара полководца.

Правда, и у союзников с командованием не все обстояло благополучно. Во-первых, у них было два главнокомандующих — французский и английский, что лишало армию единоначалия. Был бы у них и третий

¹ В последние годы появилась тенденция оправдывать все просчеты А. С. Меншикова и поэтизировать его знаменитое остроумие. Но, кажется, объективную и меткую характеристику князю Меншикову дал его современник, профессор А. В. Никитенко: «Меншиков, известный государственный остроумец, который все свои правительственные способности выразил в нескольких более или менее удачных каламбурах и островах <...>» (Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. — Л., 1955—1956. — Т. 2. — С. 48).

командующий — турецкий, но военные соображения командира-турка европейские коллеги явно игнорировали¹. Несомненно, самым опытным, одаренным в военном отношении и глубокоуважаемым солдатами был маршал Сент-Арно. Но уже при Альме он страдал от болезни, которая через несколько дней свела его в могилу. Его преемник, генерал Канробер, обладал боевым опытом и личной храбростью, но в масштабах армии распорядился нерешительно. Поэтому его и заменили известным по африканским войнам генералом Пелисье.

Хуже всего дело обстояло с главнокомандующим англичан лордом Рагланом. Когда-то он участвовал в битве при Ватерлоо и потерял руку, но после того к военным действиям касательства не имел и самостоятельные военные решения принимал, по мнению союзников, с большим трудом, обладая к тому же весьма флегматичным темпераментом. На военных советах он изрядно раздражал французов тем, что «упорно называл неприятеля не «русские», а «французы». Он извинялся тем, что вся его молодость прошла еще при Наполеоне и он, как англичанин, на всю жизнь привык к тому, что слова «француз» и «неприятель» тождественны»². Если бы противоборствующие армии подчинялись исключительно нерешительному начальству Горчакова и Раглана, осада Севастополя тянулась бы, пожалуй, дольше троянской эпопеи. Но французским военачальникам, как правило, удавалось внушить Раглану свое решение вопросов тактики и стратегии.

Просчеты русского командующего на Альме обнаружились сразу. На слабозащищенный левый фланг обрушилась морская артиллерия неприятеля, которая методично истребляла Минский полк, не имевший даже примитивных укрытий. Одновременно минцев атаковали отборные французские части зуавов. Меншиков посылал подкрепления, но перевес сил постоянно был на стороне французов, которые, уклоняясь от рукопашной схватки, расстреливали русских солдат с большого расстояния. В конце концов наши войска на левом фланге подались назад.

Между тем правый фланг и центр оставались несокрушимыми. Англичане форсировали риск, но развить наступление не могли. Владимирский полк трижды опрокидывал их к реке штыковыми атаками и отступил, только потеряв 51 офицера и 1260 человек нижних чинов. Современ-

¹ Малочисленный турецкий корпус не играл решающей роли при осаде Севастополя. Турецкая армия плохо снабжалась, а ее солдаты имели плохую выучку. Незадолго перед вторжением в Крым европейский военный Бён с изумлением описывал армейские порядки турок: «Представьте себе величайшую непринужденность в манерах и совершенную невозможность добиться тишины, хотя бы на самое короткое мгновение. Один поворачивает или выставляет ногу, другой оттягивает беспокоящий его воротник мундира, третий поправляет поднявшуюся калошу и опускает ее на башмак, десятку других понадобилось вычистить носы и пуговицы, а там и сям улаживаются небольшие ссоры посредством толчков. Офицеры кричат «смирно» и находят все эти небольшие движения совершенно естественными. Все военные упражнения состоят в наигрывании различных маршей, до которых турки страшные охотники, конечно, только в музыке, а не на деле» (Сведения о современном состоянии европейской Турции // Современник. — 1854. — Т. 46. — С. 31).

² *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — Т. 2. — С. 20.

ному читателю трудно понять, во что превратилась знаменитая русская штыковая атака после появления у неприятеля нарезного оружия. Достаточно представить огромных, сильных, усатых русских солдат, с безукоризненной выправкой идущих в атаку тесными колоннами, плечом к плечу. Противник, оставаясь в безопасности, беспрерывно истребляет их ружейным огнем начиная с расстояния более чем 1000 шагов. Солдаты падают один за другим, но ряды смыкаются и идут дальше, переступая через раненых. И так почти километр, не имея возможности пригнуться, отойти в сторону. Солдат идет вперед, ожидая, что сейчас пуля попадет в живот, в грудь, в лицо. Идет, сознавая, что ранение в руку или ногу означает неизбежную ампутацию безо всякой анестезии. Идет, зная, что стрелять бесполезно: пуля из устаревшего русского ружья не достигнет противника; зная, что после этой атаки будет следующая.

Подвиг Владимирского полка неоднократно повторялся другими полками по всей линии сражения, но к четырем часам князь Меншиков был вынужден отдать приказ об отступлении¹.

В Европе весть о победе союзников была встречена восторженно. «...Восхищение вызывает уже то, — писал Мериме, наблюдавший за событиями из Вены, — что наши через каких-нибудь шесть дней после высадки наголову разбили русских. Мы испытывали истинное удовольствие, наблюдая русских в Вене. Князь Горчаков² сказал, что это не более как частный случай, ничего в принципе не меняющий. Бельгийский посланник, слышущий здесь острословом, заметил, что Горчаков прав, укрываясь за принципом, ибо принцип штыком не проткнешь»³.

Однако «Воспоминания...» офицера зуавов свидетельствуют, что в действующей армии события воспринимались более трезво, чем в далекой европейской столице. Тон описания приобретает трагические ноты. Победа досталась союзникам ценою больших потерь. С самого начала между командующими британской и французской армиями выявилась несогласованность действий. Русские же, явно уступавшие в силе, проявляли полную решимость драться до последней крайности. В результате сражения русская армия не была уничтожена, и в любое время можно было ожидать нападения с ее стороны. О ее маневрах после битвы союзники не имели ни малейшего представления.

И все же для союзников это была победа, где зуавы сыграли одну из ключевых ролей. Офицер зуавов сожалеет о тяжелых потерях полка, но предпочитает говорить не столько о тяготах, сколько о храбрости и удачливости своих товарищей по оружию.

Путь на Севастополь был открыт.

¹ Подробнее об Альминском сражении см.: *Ченнык С. В.* Альма. 20 сентября 1854 года. — Симферополь, 2004.

² Здесь Мериме имеет в виду Александра Михайловича Горчакова, который летом 1854 г. был направлен в Вену, а в 1855 г. назначен посланником при австрийском дворе.

³ *Мериме П.* Письма к незнакомке. — М., 1991. — С. 139.

Начало осады Севастополя

Армия союзников медленно и с опаской двигалась по незнакомой местности. В «Воспоминаниях...» офицера зуавов начинают попадаться описания трудностей, подстерегавших союзников в Крыму. Нехватка воды, жара, труднопроходимая дорога, русские войска, неизвестно где маневрировавшие, — все это было лишь началом предстоящих испытаний. Но никто в коалиционной армии не мог и предположить, как жил эти несколько дней Севастополь.

Семикилометровая сухопутная линия обороны Южной стороны города представляла собой в то время всего несколько недостроенных и плохо вооруженных бастионов, пространства между которыми вообще не были защищены. Северная сторона была укреплена еще хуже. Русская эскадра сильно уступала флоту союзников и состояла преимущественно из парусных кораблей. Была реальной угрозой, что корабли противника прорвутся в большую Севастопольскую бухту и станут оттуда расстреливать город. Меншиков при этом, вернувшись в город после альминской катастрофы, три дня предавался полной апатии и видимых мер к укреплению Севастополя не предпринимал, а 24 сентября вывел сухопутные войска из города и стал лагерем на реке Бельбек, таким образом защитив Севастополь от полной блокады и обеспечив ему постоянное сообщение с Большой землей. Для защиты Севастополя он оставил лишь несколько резервных батальонов числом около 4 тыс. человек. Для защиты севастопольского рейда вход в гавань по приказу Меншикова перегородили, затопив пять кораблей и два фрегата.

Севастопольский гарнизон возглавили адмиралы Черноморского флота В. А. Корнилов и П. С. Нахимов. Все силы были сосредоточены на строительстве укреплений. Людей и средств катастрофически не хватало. Из флотских экипажей для севастопольского гарнизона было выделено до 20 тыс. моряков. На оборонительной линии день и ночь работало почти все городское население. «...Писаря, вахтера, музыканты, певчие, рота карантинной стражи и даже арестанты были высланы на работу, — свидетельствует историк <...>. Появилась и такая батарея, которая без участия мужчин насыпана была только одними женщинами-проститутками»¹. Эта батарея находилась позади 4-го бастиона, выходя амбразурами на Театральную площадь, и до конца осады Севастополя сохранила название «девичьей»².

Воодушевление, царившее в, казалось бы, обреченном городе, не поддается описанию. Масштабы выполненной в считанные дни работы огромны. Были возведены и защищены рвами бастионы, между ними появились оборонительные стенки из камней и мешков с землей, мно-

¹ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. — СПб., 1890. — Т. 1. — С. 306.

² Тимирязев Ф. Рукописи о севастопольской обороне, собранные государем наследником цесаревичем // Русский архив. — 1873. — № 1—6. — С. 1095.

гочисленные батареи со снятыми с кораблей морскими орудиями — двухсотпудовые пушки по севастопольским балкам перетаскивали на батареи команды по 80 человек.

Впереди были 349 дней героической обороны и неисчислимое количество убитых, раненых и пропавших без вести русских солдат и моряков.

Когда 2-й полк зуавов и вся армия союзников подошли к Севастополю, город был уже защищен настолько серьезными укреплениями, что коалиционному командованию пришлось отложить штурм и сначала предпринять бомбардировку крепости. Союзники начали устраивать перед городом батареи — не покладая рук работал и гарнизон. Теперь зуавам пришлось заняться не совсем привычным делом: они должны были почти без движения сидеть под выстрелами противника, охраняя рабочих, или сами работать киркой и лопатой. И хотя офицер зуавов описывает стойкость, с какой они выполняли новую задачу, ясно, что такое положение сильно тяготило. Зуавы с нетерпением ждали решающего штурма, при котором должны были идти на укрепления в первых рядах атакующих войск. Но бомбардировка 17 октября (так называемое первое бомбардирование Севастополя), хотя и причинила гарнизону серьезные потери¹, окончилась для союзников досадной неудачей, и штурм снова был отсрочен. Зуавы опять вернулись к строительству и охране траншей. Офицер зуавов описывает ежедневные жестокие потери полка, тяготы затягивающейся осады, лишавшей зуавов быстрых, громких побед. Они не знали тогда, что эта «траншейная», «кротовая» война продлится почти год. Они возлагали надежды на штурм, назначенный на ночь с 5 на 6 ноября. Тогда они первыми должны были ворваться в город. Им казалось еще, что крепость можно взять одним внезапным ударом.

¹ Этот день был смертельно ранен адмирал В. А. Корнилов. Но, кроме множества военных, Севастополь понес первые гражданские жертвы. Свидетель событий того дня рассказывал случай: севастопольский офицер, спасая свою маленькую дочку, прятал ее повсюду. «То, укладывая в яму, не велит ей шевелиться; то, забежав за строения, припрячет ее там; то засадит ее в погреб... и всюду казалось ему опасно. Вдруг пришла ему в голову счастливая мысль: на берегу бухты, в скалистых обрывах, есть пещеры; туда бомбы не достигают, и дочь его будет в совершенной безопасности. Схватив ребенка за руку, бедный отец бежит по Екатерининской площади, — а снаряды снуют, раздрают воздух и бороздят площадь. Прикрывая собой малютку, он достиг берега; вдруг бомба — и нет малютки! Крохотные члены ее разлетелись по воздуху, кровь брызнула на отца... С волосами, поднявшимися дыбом, остолбенелый, оглушенный, он уставил глаза на ручку убитой, уцелевшую в его плотно сжатой горсти...

— Куда девалась девочка? Отдайте ее мне, я ее спрячу в пещеру! — кричал несчастный, как безумный бегая по площади.

Много раз пробежал он взад и вперед, махая в воздухе окровавленную ручкою дочери; долго искал ребенка, спрашивая встречных... Машинально спустился к пещере, обошел ее кругом; воротился на площадь и остановился в недоумении; поднял еще теплую ручку к небу, будто показывая, что она там!. Затем несчастный побрел собирать далеко разлетанные ключья тела своей малютки. Снаряды уже не летали, ничто не мешало ему... Пришла ночь; офицер сел на обрыв берега, положил себе на колени кровавые остатки дочери: обнимал, целовал, обливал их слезами; так застало его утро. Дальнейшая его участь неизвестна» (Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. — 1877. — Т. 19. — № 5. — С. 56).

Инкерманская битва

А город привыкал к этой новой — страшной и ежесекундно трагической — жизни, к постоянной смерти и к постоянному горю, к ампутациям и гнойным ранам, к непрерывным бомбардировкам и ночным вылазкам, к работе на строительстве новых укреплений и батарей. Каждодневные потери гарнизона зачастую исчислялись сотнями, на перевязочные пункты часто приносили изувеченных детей и женщин, но твердость защитников Севастополя не ослабевала. Русский город жил и сопротивлялся отчаянно. Моряки не желали отходить от своих орудий и отказывались от смены и отдыха. Первая бомбардировка и следующие за ней постоянные артиллерийские перестрелки показали, что осажденные в этом единоборстве часто одерживают верх над неприятелем.

25 октября русские войска под командованием генерала П. П. Липранди напали на лагерь союзников, захватили на подступах к Балаклаве четыре редута со всеми имевшимися там орудиями и истребили легкую кавалерию англичан. Эта удача еще больше разогрела воодушевление русской армии.

К тому времени Меншиков получил подкрепление и имел под рукой в городе и за его пределами около 107 тыс. человек. Давление со стороны царя и слухи о готовящемся штурме принуждали к серьезной наступательной операции, чтобы использовать численное превосходство в открытом поле. Легче всего было напасть на лагерь англичан, которые с самого начала осады проявили себя менее удачливыми воинами, нежели французы. Наиболее выгодной мишенью казались две английские дивизии, стоявшие на склонах Сапун-горы. По плану Меншикова, русские войска должны были утром 5 ноября двумя колоннами одновременно атаковать обе дивизии.

Меншиков составил общую диспозицию и после этого от дел самоустранился, передав командование операцией только что прибывшему из Дунайской армии генералу Данненбергу (который в 1853 г. проиграл на Дунае битву при Ольтенице). Новыми распоряжениями Данненберг спутал первоначальную диспозицию. Тем не менее русские войска сумели застать англичан врасплох и взять штурмом возвышенности их лагеря. Неся огромные потери, англичане отступали. В критическую минуту к ним на помощь подошел генерал Боске. Но часть его сил была отвлечена ложной атакой генерала Липранди, который завязал перестрелку с зуавами на подступах к Балаклаве. Отступление англичан приобрело вид гибельного бегства. Английский главнокомандующий лорд Раглан произнес тогда, обращаясь к Канроберу: «Нам конец (*Nous sommes foutus*)»¹.

¹Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. — Т. 2. — С. 193.

Слово «*foutu*» не имеет совершенно точного русского эквивалента, дозволенного цензурой. Оно занимало, между тем, особое место в солдатском жаргоне, и именно его офицер зуавов заменяет в своих «Воспоминаниях...» многоточием (f...). Если соблюдать требования цензуры, то эту весьма экспрессивную фразу Раглана придется перевести нейтральным выражением: «Нам конец!» — В. О.

Пока к англичанам подходили подкрепления, Данненберг держал свои резервы в бездействии, а в самый решающий момент приказал русским войскам перейти от трудной, но успешной атаки к полному и неподготовленному отступлению, в течение которого они сильно пострадали от неприятельского огня. Битва самым неожиданным образом обернулась для нас поражением. Потери наши вдвое превысили потери противника.

Но и союзников результат Инкерманской битвы ошеломил. Победный пафос «Воспоминаний офицера 2-го полка зуавов» сменяется трагическими картинами последствий сражения: «Теперь поле битвы с группами солдат, которые в неясном свете фонарей окликали трупы, лежавшие повсюду, представляло собой скорбное зрелище. Небо было хмурым, воздух холодным, с моря дул ледяной бриз, покачивая кустарник и донося из русского города неясный шум, смешанный с похоронным звоном колоколов. На каждом шагу попадались мертвые, раненые. Очень редко удавалось найти храбреца, которому можно было надеяться спасти жизнь. Чаще всего те, что сохранили дыхание жизни, обращали к товарищам взгляд, заключавший последнюю мысль, последнее желание — мысль, которую невозможно было понять, желание, которое никому не в силах было исполнить!»

С хладнокровием солдата, привыкшего к виду смерти, офицер зуавов описывает трупы русских солдат и заключает, что они теперь хуже обмундированы и более истощены, чем в сражении при Альме. Он говорит о русских раненых и пытается проповедовать гуманность. В его высказываниях нет ненависти к русским. Но отсутствие ненависти не умаляет трагедию войны.

Лицом к лицу

Урон английской армии в Инкерманской битве был настолько значительным, что союзникам пришлось снова отказаться от мысли немедленного штурма. Осаждающую армию ожидала долгая зимовка под Севастополем. Было ясно, что военные действия продолжатся и зимой. Союзная армия, и 2-й полк зуавов в том числе, получала подкрепление.

Зима оказалось трудной. Поредевшая и обнищавшая армия англичан беспрестанно требовала помощи, которая ложилась бременем на французских союзников¹. А после ноябрьской бури, сильно повредившей флот коалиции, начались холода. Из-за катастрофической нехватки барачных солдат приходилось зимовать в походных палатках. Недостаток свежей пищи и зимнего обмундирования вызывал в войсках вспышки эпидемий. И хотя бомбардировки и вылазки продолжались почти беспре-

¹ Ветеран 1812 г. журналист А. А. Гаряйнов в 1855 г. писал по этому поводу: «Британская сила давно уже в Крыму стоит в качестве нарицательной; только английские генералы вместе с Омер-Пашой усердно заседают в военных советах (*Гаряйнов А. А. Две современности.* — СПб., 1855. — С. 30).

рывно в течение всей зимы, из «Воспоминаний...» офицера зуавов ясно, что в этот период союзникам приходилось терпеть от «зимних тягот» гораздо больший ущерб, чем от непосредственных столкновений с русскими войсками. Больших военных операций в первые два месяца зимы не предпринималось. Зуавы продолжали тяжелую работу в траншеях. Иные начинали впадать в уныние.

И для гарнизона, и для осаждающих зимняя война превратилась в монотонный, но изнурительный и смертоносный труд. Коалицианты медленно, под выстрелами защитников города непрерывно рыли апроши и приближались к русским укреплениям, регулярно подвергая их обстрелу. Осажденные из ночи в ночь восстанавливали поврежденные сооружения и нападали на охранение только что вырытых траншей противника. Сторожевые пикеты осажденных и осаждающих, вкапываясь в размокший от дождей или сцементированный морозом каменистый грунт, двойной дугой охватили город и с неослабевающим вниманием следили за каждым движением неприятеля — уже совсем близкого, но все такого же чужого и враждебного.

В «Войне и мире» Л. Н. Толстой акцентирует внимание на обыкновении русских солдат называть противника местоимением «он»¹. Без сомнений, деталь эта основана на личных наблюдениях Толстого периода осады Севастополя, поскольку она отразилась в «Севастопольских рассказах»². Истинность наблюдения подтверждается и словами Н. И. Пирогова. «Стреляют <...> вообще мало, — сообщал хирург в письме к жене от 13 января 1855 г. из Севастополя, — пускают от времени до времени несколько бомб от нас и от него; ты знаешь, что он — это значит неприятель»³. Это и понятно: обсевший крепость пришелец поначалу для русских солдат был обезличен.

Однако во время длительного противостояния армии изучают друг друга, формируют взаимные оценки. Русский солдат постепенно знакомился с неприятелем, выстраивал представление о каждой нации, входящей в коалицию. Любопытный диалог по этому поводу пересказывает участник войны С. Кожухов:

— *Что это за пленные? Французы или англичане?* — спросил я стоявших около костра солдат.

— *Должно быть, англичане, ваше благородие <...>.*

— *Да ты почему знаешь, что это англичане, а не французы?*

— *А как же, ваше благородие: с французом сейчас разговоришься — это народ понятливый; а вот с этими почитай час бьешься, а все невдомек, чего им, сердечным, хочется*⁴.

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. — М., 1987. — Т. 5. — С. 203.

² Там же. — Т. 2. — С. 16.

³ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — М., 1950. — С. 39.

⁴ Кожухов С. Д. Из крымских воспоминаний о последней войне // Русский архив. — 1870. — С. 389.

Интересен также отзыв пластуна, записанный Н. Сокальским: «Трудно неприятелю справиться с русскими, оттого турка да англичане — ребята не крепко храбрые; разве что француз выше неба несется, и точно, когда б его не было, то тех двух товарищей его не знали б до сего часу, какого они есть звания»¹.

Со времен Екатерины II, когда, по выражению И. С. Аксакова, «войны с Турцией были за обычай в России»², русский солдат привык не бояться турок. С англичанами он вообще мало где сталкивался, а под Севастополем неоднократно наблюдал их слабость. Французы на этом фоне явно выигрывали, благодаря своей храбрости на поле боя и своей общительности в госпитальной палатке, где противники нередко оказывались бок о бок. И все же для простого солдата, видимо, навсегда оставалось загадкой, зачем и почему эти бравые и разговорчивые французы пришли с оружием в руках под стены русского города.

Что касается более образованных сфер общества, то, конечно, и там далеко не все могли осмыслить причины нападения со стороны Франции, но ожидать этого нападения должны были многие. Во-первых, у всех на памяти был яркий исторический прецедент — 1812 год. Во-вторых, за тридцать лет николаевского царствования отношения между странами столько раз накалялись, что в России привыкли ожидать французской агрессии точно так же, как во Франции — агрессии русской. В-третьих, начиная с XVIII в. Франция постоянно более или менее активно вмешивалась в русско-турецкие конфликты — как противник российского продвижения на Восток.

Когда в эпоху екатерининской борьбы за Крым российский посланник Я. И. Булгаков отправлялся в Турцию, дабы смягчить ее реакцию на присоединение Крыма к России, он получил от Потемкина следующую резолюцию: «Главнейший вам будет труд в преодолении *шайки французской* и в поколебании доверенности, которую Порты имеет к сему коварному народу»³. После обнародования манифеста о присоединении Крыма к России Потемкин снова писал Булгакову (12 июля 1783 г.) и интересовался реакцией Турции. «Да благословит Бог старания ваши <...>, — подбадривал он дипломата. — Все состоит в том, чтобы Крым принадлежал России, обратился к вере и процветал под державою Екатерины II. Презирайте происки французов. Верьте, что все обратится к стыду их и гибели. Французы у вас мутят, здесь кланяются, а дома погибают»⁴. Такое недоброжелательство Потемкина к французским дипломатам имело довольно основательные причины. Во всяком случае, когда в 1787 г. Турция, стремясь вернуть Крым под свое владычество, объявила России оче-

¹ Сокальский Н. П. Секрет. Рассказ пластуна // Современник. — 1856. — Т. 57. — С. 269.

² Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. — Бирск, 2005. — С. 43.

³ Бартнев П. И. Яков Иванович Булгаков. Историко-биографический очерк // Русский архив. — 1898. — № 1. — С. 34.

⁴ Там же. — С. 36.

редную войну, план кампании был преподнесен султану именно французским посланником¹.

Постоянное вмешательство французской дипломатии в русско-турецкие отношения в XVIII в. породило в российском сознании позднейшей эпохи своеобразный трафарет, который выразился в ожидании тайных противодействий российской политике со стороны Франции. Это весьма точно подметил Н. В. Гоголь. Вот самое начало «Ревизора» (1836). Чиновники строят догадки по поводу приезда проверяющего:

Городничий. Ну что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? Война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! Я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит².

Так могли рассуждать в российской глубинке, откуда, «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Пускай это объясняется неосведомленностью в политических вопросах. Но как раз эта неосведомленность и доказывает существование стереотипа в самых широких общественных сферах.

Предсказуемая агрессия со стороны Франции вызывала предсказуемую реакцию в российском обществе. Градус патриотических настроений с началом войны значительно вырос, а вместе с тем обострился вопрос о беспрецедентном влиянии на Россию французской культуры. Как и в 1812 г., общество начало ополчаться против тотального употребления французского языка. Выпускница Екатерининского института в Петербурге А. В. Стерлигова, двое братьев которой служили в осажденном Севастополе, свидетельствует, что воспитанницы института знали о всех бедствиях Севастополя. «Мы переносили все гонения, — вспоминала она, — за то, что в назначенный день не говорили по-французски и с гордостью носили вырезанный из картона язык, надеваемый на шнурке на шею в наказание; наказывали презрением француза и англичанку Бендер и за их жалобы терпели выговоры и замечания»³. Однако, забегая вперед, скажем, что после Крымской войны непримиримость по отношению к французскому языку в России снова испарилась, а ненависть к французам так и не прижилась.

... По текстам мемуаров читатель заметит, что мнение французских военных об их противнике в течение осады сильно изменилось. Если при первом сражении на Альме французы испытывали почти исключительно ненависть к упорному неприятелю, то умелая и самоотверженная оборона Севастополя внушила им искреннее уважение к осажденным.

Более того, вся Европа в течение года была прикована к новостям о судьбе русской крепости и о действиях ее защитников. Как прежде обо

¹ *Бартнев П. И.* Яков Иванович Булгаков. Историко-биографический очерк // Русский архив. — 1898. — № 1. — С. 40.

² *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 8 т. — М., 1984. — Т. 4. — С. 13.

³ *Стерлигова А. В.* Воспоминания // Русский архив. — 1898. — № 4. — С. 604.

всех русских судили по военным, занявшим Париж, так теперь образ русского ассоциировался с защитниками Севастополя, наделяясь героическим ореолом на многие годы вперед.

Вскоре после войны, в 1859 г., «Отечественные записки» опубликовали «Заметки русского в Париже», автор которых скрылся под анаграммой «Н. М-в». Русский путешественник пересказывает свои беседы со случайными попутчиками, и вот одна из них — разговор с французским офицером, некогда воевавшим в Крыму:

— *Вы сами были в Крыму?*

— *Был.*

— *Что, хорошо ли дерутся русские?*

— *Отлично, особенно офицеры.*

— *А солдаты?*

— *Стойки; но в поле дерутся несколько вяло, как будто чем-то связаны. Впрочем, храбры; особенно умеют защищаться. Нам таки досталось от них.*

— *Удивительное дело! После такой кровопролитной войны — ни тени неприязни между французами и русскими, не правда ли?*

— *Мы любим русских; c'est un brave peuple¹; и уж, конечно, любим их больше, чем англичан.*

— *Неприятелей больше, чем союзников?*

— *Ah bah! Союзники со вчерашнего дня, а враги вечные...*

«Я затем привел этот разговор, — поясняет автор «Заметок...», — что мне впоследствии приходилось раз сто слышать те же отзывы, и не только от людей, знавших, что я русский, но еще чаще от незнакомых, которые, как мой сосед по вагону, вовсе не подозревали моего северного происхождения»².

Современному читателю, мало знакомому с буднями Крымской кампании, наверное, покажется, что приведенный диалог и авторский комментарий — это плод национального тщеславия, хотя и простительного, но искажающего истинные оценки. Но заметим, во-первых, что «Отечественные записки», в тот период издававшиеся А. А. Краевским, вовсе не были склонны к ура-патриотическим публикациям. А во-вторых — и это главное, — очень похожие высказывания французских военных о русских солдатах и офицерах читатель встретит в публикуемых нами французских мемуарах.

Впрочем, зимой 1854/55 г. участники севастопольской эпопеи вряд ли имели время и силы для долгих размышлений о свойствах национальных характеров. Противоборствующие армии вошли в клинч и, не имея возможности для широких маневров, с постоянно нарастающим напряжением боролись за каждую пядь.

¹ Это храбрый народ.

² Н. М-в. Заметки русского в Париже // Отечественные записки. — 1859. — Т. 126. — № 10. — С. 54.

Белые Укрепления

В конце зимы французское командование предприняло новый шаг в наступлении на осажденный город. Решено было сосредоточить основные усилия на рубежах наступления к Малахову кургану, который был признан ключевой точкой русской обороны и в случае захвата союзниками давал возможность расстреливать с господствующей высоты весь город и рейд.

Разгадав намерения противника, Э. И. Тотлебен — талантливый военный инженер и создатель оборонительных сооружений Севастополя — предпринял упреждающий шаг: по его плану, в ночь с 21 на 22 февраля 1855 г. русские войска начали строительство Селенгинского редута, который сильно выдавался из общей линии русской обороны вперед и должен был серьезно затруднять наступательные работы противника в направлении Малахова кургана. Это означало, что гарнизон предпринял успешное контрнаступление в затянувшейся «кротовой войне». Селенгинский и вскоре построенный рядом с ним Волынский редуты союзники назвали Белыми Укреплениями.

Ответные действия французской армии трудно оценить однозначно. Понимая, что даже в случае удачной атаки удержать русское укрепление не удастся, командование французов не изобрело ничего лучшего, как произвести акцию устрашения. Отборные войска должны были в ночь с 23 на 24 февраля ворваться в редут, уничтожить начатое строительство и тем самым «внушить неприятелю мысль», что та же участь будет ожидать любую его попытку наступательного строительства.

Зуавы подчинились приказу беспрекословно и пошли на смерть только ради (как выражается офицер зуавов) «морального» эффекта.

В результате этого боя потери 2-го полка зуавов были больше, чем в иных решающих битвах. Полк лишился храбрейших солдат и офицеров. Впервые автор «Воспоминаний...» позволяет себе изобразить полковника зуавов в совершенно подавленном состоянии. Впервые он решается рассуждать об «ужасных потребностях войны». Как и подобает военному, он не берется судить о целесообразности кровопролитной операции. Вместо этого офицер зуавов с особенной тщательностью изображает отчаянную храбрость своих соратников, как бы отыскивая в ней оправдание их гибели. Он называет поименно погибших товарищей, описывает минуту смерти каждого из них, и стиль повествования начинает напоминать читателю натурализм и эпичность «Илиады». Участник сражений на Альме и при Инкермане теперь пытается найти хоть какое-то утешение, с гордостью сообщая читателю, что даже русские оценили мужество его павших товарищей и похоронили их с должными почестями, что сам губернатор Севастополя назвал их «храбрыми солдатами», что французский главнокомандующий в приказе по армии особо отличил их поведение и пообещал награды.

Вот свидетельство нашего соотечественника об убитых и раненых в бою 23—24 февраля, пересказанное журналистом «Современника»: «Русские и французы лежали рядом в одних рубашках и нижнем платье, без обуви. <...> Страшный вид! Бледные лица, кровь, тяжелые раны! Автор насчитал до 30 трупов; два зуава поразили его своей красотой. Они лежали рядом. Оба были черноволосые; волосы раскинулись космами по земле; высокие лбы, правильные черты, небольшие усы и бороды; у одного были голубые глаза, выражение лица было полувосточное; коленкоровые сорочки были чисты; брюки красные. У одного из-под рубашки виднелся голубой шарф, и этот несчастный был еще несколько жив. Высокая грудь, пробитая пулей, подымалась, и он шевелил рукой. Но через минуту он уже не жил»¹.

Без сомнений, бой в ночь с 23 на 24 февраля стал одной из самых гибельных и вместе с тем блестящих операций 2-го полка зуавов за всю осаду Севастополя. На этом мы обрываем рассказ офицера зуавов, чтобы позволить читателю взглянуть на дальнейшие события Крымской войны глазами другого ее участника — штабного капитана Анри Луазьона. Но прежде, хотя бы в двух словах, сообщим о дальнейшей судьбе 2-го полка зуавов.

После штурма Селенгинского редута полковник Клер пошел на повышение и его заменил полковник Сорен. Зуавам все же удалось взять Белые Укрепления, но лишь через три месяца — 7 июня 1855 г. В этой атаке полк потерял более 650 человек убитыми и ранеными². 18 июня 2-й полк зуавов участвовал в неудачном штурме Севастополя и потерял еще триста человек. Так что 16 августа, во время битвы на Черной речке, полк смог выставить всего 1200 человек из трех тысяч, когда-то бывших в его составе. В этом сражении 2-му полку зуавов снова довелось драться бок о бок со своим бывшим полковником, а теперь генералом Клером. На Черной речке полк оставил более трехсот бойцов³.

2-й полк зуавов настолько был ослаблен потерями, что командование больше не направляло его на горячие участки осады. Он оставался

¹ Заметки о журналах за июль месяц // Современник. — СПб., 1855. — Т. 52. — С. 271.

² Подробный рассказ офицера зуавов об этом сражении см.: *Орехов В. В.* Взятие Белых Укреплений: по «Воспоминаниям офицера 2-го полка зуавов» // Пилигримы Крыма. Осень-2000 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме): V Крым. междунар. науч.-практ. конф. Материалы: в 2 т. — Симферополь, 2001. — Т. 2. — С. 100—109.

³ Для сравнения приведем цифры потерь Камчатского полка. Изначально в Севастополе полк имел 3755 чел. В ходе обороны города полк потерял убитыми и умершими от ран 4 штаб-офицера, 23 обер-офицера, ранеными, контужеными и пропавшими без вести — 37 офицеров. Нижних чинов: убитыми — 488, ранеными — 1943, контужеными — 1052, без вести пропавшими — 32; итого: 3515 чел. Однако из полка удалось сформировать два батальона, поскольку раненые и контуженные после выздоровления возвращались в строй (см.: *Алабин П. В.* Иван Петрович Голев, один из защитников Севастополя (1805—1880) // Русская старина. — 1881. — Т. 30. — Кн. IV. — С. 871).

в составе наблюдательного корпуса на Черной реке до подписания мира и в июне 1856 г. отправился обратно в Африку, в город Оран¹.

Действия в Крыму 2-го полка зуавов послужили материалом для приключенческого романа популярного французского писателя Луи Буссенара «Герои Малахова кургана» (1890). Автор явно черпал некоторую информацию из «Воспоминаний офицера 2-го полка». Однако в романе множество фактических ошибок. Так, например, романист определяет 2-й полк зуавов в дивизию генерала Боске, хотя на самом деле полк входил в состав дивизии принца Наполеона. А в распоряжении Боске был 3-й полк зуавов. Но главное, книга Буссенара переполнена всякого рода романтическими небылицами и преувеличениями. По сути, это дешевое чтение, которое вряд ли удовлетворит современного читателя. «Воспоминания» же офицера-зуава, благодаря неизменной фактографической точности, благодаря стремлению автора к беспристрастности, его способности оценить врага и постичь трагизм войны даже в минуту победы, несомненно, представляют и будут представлять интерес как для историков, так и для широкого круга читателей.

На Большой земле

 Отсутствие видимых успехов при каждодневных потерях в Крыму настраивало общественное мнение Франции критически по отношению к этой войне. Виктор Гюго, еще недавно призывавший французов *устремиться за Рейн*, в январе 1855 г. писал: «Теперь уже виден конец. Не может быть иного исхода в 1855 году, чем в 1812-м. Березина теперь называется Балаклавой; маленькое «н»² падет, как пало и большое где-то в России»³.

Впрочем, высказывания против войны появляются в политических выступлениях Гюго уже осенью 1854 г. «Истребление — вот боевой клич этой войны, — заявляет он в прокламации «Восточная война» (29 ноября 1854 г.). — В одной только пресловутой траншее гибнет по сто человек в день. Рекой льется человеческая кровь; река крови при Альме, река крови под Балаклавой, река — под Инкерманом. 20 сентября убито пять тысяч

¹ Через 60 лет, в годы Первой мировой войны, зуавам пришлось сражаться в качестве союзников России. К тому времени африканское подразделение не утратило ни своего блеска, ни героической репутации. Русский советский писатель Виктор Финк, воевавший в рядах иностранного легиона, имел возможность наблюдать легендарных зуавов. В его романе «Иностранный легион» приведен весьма характерный отзыв о зуавах, принадлежащий ветерану-легионеру: «Зузу! Здесь стоят зузу! И как раз второй полк! <...> Вот это солдаты! Зуав тебе накальывает кого надо на штык, как охапку сена на вилы. А какие товарищи! Конечно, попадается дрянь и между ними — маленькие сынки из Парижа, которые приперли в полк, чтобы носить безрукавку с шитьем и шешию с кисточкой, это нравится девчонкам! Таких я не считаю! Но есть настоящие братья! Ты подружился с ними, значит, конечно, вы навеки одна кровь. И все» (Финк В. Г. Иностранный легион. Судьба Анри Ламбера. — М., 1969. — С. 120).

² В. Гюго часто именовал Наполеона III «н», а Наполеона I — «Н».

³ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. — Т. 14. — С. 539.

человек, 25 октября — шесть тысяч, 5 ноября — пятнадцать тысяч. И это еще только начало! <...> Ключья мозга и внутренности, вырванные шрапнелью и раскиданные во все стороны, висят в кустарнике вблизи Балаклавы, прилипают к стенам Севастополя...»¹.

К концу зимы Гюго, а вместе с ним и значительная часть европейского общества, кажется, совершенно расстались с иллюзией победоносной войны на Востоке. «Взять Севастополь — значит продлить войну до бесконечности; не взять его — значит претерпеть непоправимое унижение. До сих пор губили себя во имя славы; теперь губят себя во имя позора»², — горестно рассуждал писатель в феврале 1855 г.

Несмотря на видимую неподвижность севастопольского фронта, он медленно, но верно ломал общественную психологию стран, вовлеченных в конфликт. В России этот перелом оказался кардинальным и имел далеко идущие последствия. Общественный энтузиазм, характерный для начала кампании, стремительно угасал.

Начало Дунайской кампании, особенно славянофилами, увлеченными идеей помощи «славянским братьям», было встречено с воодушевлением. В 1853 г. А. С. Хомяков призывал:

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг другу в объятия,
Скорей за отцовский булат!³

В марте 1854 г. Хомяков уже не просто взывал к братьям-славянам, а утверждал мысль о спасительной миссии России в деле славянского освобождения («К России»):

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил⁴.

26 апреля 1854 г., в связи с переходом русских войск через Дунай, писал И. С. Аксаков:

На Дунай! Туда, где новой славы,
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где, на спор взирая величавый,
Целый мир ждет Божьего суда!⁵

¹ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. — Т. 14. — С. 302–305.

² Там же. — С. 320.

³ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. — Л., 1969. — С. 133.

⁴ Там же. — С. 136.

⁵ Стрельникова А. В. Деятельность И. С. Аксакова в Крыму (1856 г.) // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 6/7. — С. 110.

Однако слабые успехи Дунайской армии, а потом ее уход из Дунайских княжеств подорвали веру в решение славянского вопроса. Высадка англо-французского десанта под Евпаторией и поражение русской армии в Альминской битве окончательно разрушили романтические иллюзии. России пришлось вести войну на своей территории.

Общими фразами трудно передать, с каким волнением воспринимались севастопольские вести во всех уголках России. Несколько красноречивых подробностей. Декабрист Н. А. Бестужев, находясь в сибирской ссылке, следил за обрывочными новостями о Севастополе и — с помощью самодельных инструментов специально для войск осажденного города — изобрел и собрал упрощенный ружейный замок. Правда, отосланный на высочайшее рассмотрение, этот замок «канул, как в воду». Бестужев скончался в мае 1855 г. В течение семнадцати ночей предсмертных страданий он беспрестанно спрашивал брата: «Что-то делается в любезном нашем Севастополе?»¹.

В то же время известный литератор А. С. Хомяков, еще недавно строивший историософские перспективы общеславянского единства, во время осады Севастополя занялся в своем имении в глубине России созданием усовершенствованного дальнобойного ружья для российских войск. Изобретением заинтересовались тульские оружейники, и Хомяков привез свое ружье в артиллерийский департамент Петербурга. Правда... и в этом случае дело сначала затянулось «за неимением нужных пуль», а потом и вовсе заглохло².

Издатель «Современника» И. И. Панаев, настойчиво добывая для журнала каждое слово крымских новостей, писал в мае 1855 г. Л. Н. Толстому в Севастополь: «Я получил от Вас Ваш превосходный очерк «Севастополь в декабре», который уже и напечатал <...>. Умоляю Вас присылать в «Современник» статьи вроде присланной... Они будут читаться с жадностью»³.

А спустя полтора месяца Н. А. Некрасов готовился сам отправиться на место боев, о чем сообщал И. С. Тургеневу: «Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет? А что до здоровья, то ему ничто не помешает быть столько же гнусным в Севастополе, как оно гнусно здесь. А оно крайне худо...»⁴.

Известный поэт и участник Бородинского сражения П. А. Вяземский в период Крымской войны оказался на лечении в Европе и вблизи наблюдал, как западная пропаганда без труда пересиливает. В марте 1854 г. он опубликовал в «*Indépendance Belge*» перевод своего стихотворения «Вот в воинственном азарте...», где «поднял на смех Лже-Наполеона»⁵. Тогда же в европейских газетах он помещает статьи, опровергающие нападки на Россию. По поводу одной из этих статей Вяземский писал Северину: «Угадали ли, что это аз (имеется в виду «я». — В. О.) грешный и недостойный

¹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. — М., 1980. — Т. 2. — С. 192, 209.

² Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. — М., 2000. — С. 414–415.

³ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. — М., 1979. — Т. 1. — С. 120.

⁴ Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. — М., 1987. — Т. 1. — С. 421.

⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. — СПб., 1878–1896. — Т. 9. — С. 114.

кидаюсь в борьбу не на живот, а на смерть <...>. Жаль, что из того прока не будет и никого не вразумлю. Но каждому дан здесь свой удел и свое орудие, мне дано перо, и валяй!»¹. Позднее эти статьи и составят сборник «Письма русского ветерана».

«Странная земля наша Россия, — подмечал Вяземский, — иностранцу никогда не рассчитать, где и когда наступит для него зима, и всякий раз он подвергается опасности, что какая-нибудь зима окажется для него помехою»². Он сравнивал тяжелое положение англичан в Крыму зимой 1854/55 г. с гибельным отступлением французов из Москвы. Но главное, что Вяземский в атмосфере окружавшей его политической и публицистической истерии взял самый что ни на есть боевой тон, который напоминал остропатриотическую манеру С. Глинки времен противостояния с Наполеоном I. Нечего говорить, что Вяземский имел довольно художественного чутья и опыта, чтобы понять, насколько ура-патриотической могла бы показаться эта запальчивость в мирных условиях. Но ветеран 1812 г. ощущал себя в условиях войны и действовал в соответствии с обстановкой.

Вяземский, как и прежде, видел катастрофические недостатки российской действительности. Но его патриотизм приобрел в ту пору черту, которую сам Вяземский называл «патриотическим сочувствием». «По всему видно, что у нас мало сил, — и это непростительно, — писал он в дневнике. — Россия истощается для содержания войска, а когда и где войско нужно, тогда и там его нет. Вот более года, что журналы толкуют о нападении на Крым, а подмоги наши подходят туда только теперь, когда неприятель занял уже часть Крыма»³. Значительно больше, чем изъяны отечества, Вяземского беспокоят российские беды. Вот подборка его заграничных дневниковых записей.

11 ноября 1854 г.: «Читал русское донесение о деле Липранди. Очень удовлетворительно и одобрительно. Но может ли устоять Севастополь? Вот вопрос?»

14 ноября: «Худые известия о Севастополе».

28 ноября: «Читал принцессе письмо из Севастополя, присланное мне Титовым».

9 апреля 1855 г.: «Севастопольская пальба опять громит душу».

31 мая: «Крымские вести плохи. Не имею духа читать журналов. Меншиков говорит, что военный министр Долгоруков не только не выдумал пороху, но и не посылает его в Севастополь. Вообще все, что слышишь, не радует. Тяжкие уроки, видно, нас не научают»⁴.

В такой ситуации участник Бородинского сражения, престарелый Вяземский, отрезанный от родины, которая терпела поражение, нашел единственно возможное применение для себя: воодушевлять своими стихами соотечественников и опровергать своими статьями «клеветников России».

¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. — Т. 9. — С. 117.

² Там же. — С. 117.

³ Там же. — С. 128.

⁴ Там же. — С. 140, 164, 166, 167.

Севастополь запал в русские души и приковал к себе помыслы, он стал главной русской болью, заботой и надеждой. Чем тяжелее становилось положение Севастополя, тем стремительнее настроение российского общества приближалось к отчаянию. Возможность скорого военного поражения России ощущалась многими. «Что-то теперь в Севастополе! — записывала 19 апреля 1855 г. в дневнике В. С. Аксакова, дочь писателя. — Льется драгоценная кровь наших храбрых защитников и льется даром, бесплодно и даже не возбуждая того сочувствия и сострадания, которого можно было бы ожидать»¹.

Ситуация осложнялась тем, что в условиях «чугунной» николаевской цензуры вести из Крыма поступали в крайне неполном виде. Зачастую единственным источником информации становились европейские издания. Вот еще одна запись из дневника В. С. Аксаковой: «По иностранным журналам видно, — заключала Вера Сергеевна 11 февраля 1855 г., — что, в самом деле, армия английская под Севастополем в крайнем положении, французы заняли все английские посты, англичан осталось всего тысяч 21, и те наполовину не в состоянии работать. Times не щадит выражений, чтобы представить ужасную картину всех бедствий, и не скупится укорами правительству <...>»².

По иностранным изданиям, которые далеко не всегда были точны в изложении фактов, был вынужден следить за ходом войны и Ф. И. Тютчев. Когда летом 1854 г. английский флот безуспешно пытался угрожать Петербургу, Тютчев сообщал супруге в Овстуг³, что в городе появление неприятельских кораблей вызвало лишь чувство любопытства. «В особенности много смеялись, — продолжал Тютчев, — припоминая известие, появившееся на днях в иностранных газетах, а именно, что в Петербурге смятение, что все население бежало и 40 тысяч башкиров вызваны защищать столицу»⁴. Казалось бы, подобные вымыслы зарубежной прессы должны были оттолкнуть от нее российских читателей. Однако нет. 19 августа 1854 г. Тютчев снова писал жене: «На этих днях мы узнали из иностранных газет, стало быть, враждебных, об окончательном занятии Аландских островов, вследствие сдачи крепости. Теперь надо читать газеты...»⁵.

Этим все сказано: отечественный дефицит информации заставлял читателей обращаться к зарубежной прессе, даже когда они сознавали ее враждебность. Кроме того, ведь вовсе не правило, что враждебный источник искажает факты. А эти факты порою бывали и утешительными для русских читателей. 25 августа 1854 г. Тютчев сообщал жене о сильном урагане в Петербурге и, предполагая, что стихия нанесла вред флоту англичан, писал: «Теперь-то они вдоволь насладятся Балтийским морем. Черное море тоже ничуть не учтивее во время равноденствия; и при этом

¹ Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. — СПб., 1913. — С. 113.

² Там же. — С. 35.

³ Овстуг — имение Ф. И. Тютчева (ныне село в Брянской обл.).

⁴ Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. — М., 1984. — Т. 2. — С. 215.

⁵ Там же. — С. 222.

у них вдобавок холера, и, по признанию самих английских газет, она опустошает их войска, особенно войска французов, потери которых вследствие болезни исчисляются более чем 10 000 человек»¹.

20 июня 1855 г. Тютчев отправлял из Санкт-Петербурга жене номера «Аугсбургской газеты» с известием о неудачном для англо-французов штурме Севастополя и предупреждал: «Последний из этих номеров содержит первое известие об их поражении 6/18 сего месяца под Севастополем. Испытываешь истинное наслаждение, читая в их подлых газетах подробности этого разгрома, которые против их воли пробиваются наружу, сквозь все недоговаривание и вранье. На сей раз столько было пролито крови, что она просачивается сквозь их лукавство <...>». Но даже эта неожиданная военная удача не отменяла необходимости противопоставить пропаганде противника свою, отечественную трактовку событий. «<...> Еще более поражаешься, — продолжает Тютчев, — наблюдая, как мы здесь поддерживаем их ложь и их утайки пошлым смирением наших бюллетеней и непостижимым старанием преуменьшить потери врага в наших донесениях. Так, например, в последнем бюллетене не решились сказать, что в этом деле они оставили в наших руках *тысячу сто* человек, из которых четыреста сдались *без боя* <...>. А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения. Так, например, на днях бедный Мальцов решил, будто ему будет дозволено в какой-то невинной статье для «Journal de St.-Petersbourg» сказать, что англичане ведут *нирпатскую* войну у наших берегов. Представь, канцлер заставил его вычеркнуть это выражение как слишком оскорбительное»².

Парадокс построенной Николаем I государственной системы заключался в том, что она лишала человека возможности реализовать какую бы то ни было инициативу — в первую очередь направленную на благо отечества. Так, российский читатель был вынужден терпеть злорадство европейской прессы, но не мог активно противостоять ей, поскольку, с одной стороны, его сковывали бесчисленные цензурные ограничения, а с другой — ничтожное в сравнении с Европой количество печатных органов.

Трагедия Севастополя пробуждала в России сознание того, что именно неповоротливость государственной машины, сдавившей общество вежовых рукавицах, ведет страну к военному краху. Это положение лаконично описал Н. В. Шелгунов: «Началась Крымская война. Поражения следовали за поражениями в политике и на поле битвы. Люди новой формации понимали необходимость перемен, и в русском воздухе дышалось тогда трудно; каждый чувствовал себя точно под плитой»³. «Точно под плитой» чувствовали себя и люди далеко не новой формации. Скажем,

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. — Т. 2. — С. 226.

² Там же. — С. 234.

³ Шелгунов Н. В. Воспоминания // Н. В. Шелгунов и др. Воспоминания: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1967. — Т. 1. — С. 71.

Ф. И. Тютчев, который вовсе не увлекался либеральными идеями, весьма четко определял причины российских бедствий. Сообщая Э. Ф. Тютчевой об очередных крымских неудачах, он писал в мае 1855 г.: «<...> Несмотря на истинные чудеса храбрости, самопожертвование и т. д., нас постоянно оттесняют <...>. По-видимому, то же недомыслие, которое наложило печать на наш политический образ действий, оказалось в нашем военном управлении, да и не могло быть иначе. Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. <...> Ничего не было пощажено, все подвергалось этому давлению, всё и все оступели»¹. Думается, что это дышащее искренним горем заключение показывает, что к весне 1855 г. «всё и все» уже не испытывали сомнений в причинах военных неудач.

Смерть императора Николая I (2 марта 1855 г. по н. ст.) не стала для России трагедией. В. С. Аксакова записывала в дневнике спустя два дня после кончины царя: «<...> Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; вдруг возродились небывалые надежды; безвыходное положение, к сознанию которого почти с отчаянием пришли наконец все, вдруг представилось доступным изменению. Ни злобы, ни неприязни против виновника этого положения. Его жалеют как человека, но <...> никто, если спросить себя откровенно, не пожелал бы, чтобы он воскрес. <...> Его система пала вместе с ним; в последнее время она достигла крайности»². По злой иронии судьбы в Крыму о смерти императора узнали — от французов. Это было следствием многолетнего давления, державшего российскую печать в состоянии младенческого развития.

Дело в том, что во время Крымской войны, как вспоминает современник событий, «на всем обширном юге России существовала тогда только одна русская газета «Одесский вестник», но в нем помещались военные известия запоздалые и крайне сжатые»³. Закономерно, что защитники Севастополя узнали о смерти императора Николая вовсе не из российских газет, а от французского парламентаря. Н. И. Пирогов сообщал об этом из осажденного города своей жене и заключал: «<...> Передаю, что слышал. Если правда, то необъяснимо»⁴. Позже он вспоминал: «Я помню только о каком-то безгласном изумлении при получении известия о кончине императора Николая. Мы почти ничего не знали о его болезни. <...> Газет мы тогда почти не читали: они приходили бог знает когда, да и читать было некогда»⁵.

В Севастополе было некогда не только читать, там некогда было размышлять о судьбах императоров, о тупости российской бюрократии, о преимуществах европейских политических систем... Севастополь боролся за жизнь.

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. — Т. 2. — С. 231.

² Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855. — С. 66.

³ За много лет. Воспоминания неизвестного (1854—1857) // Русская старина. — 1894. — № 9. — С. 46.

⁴ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 54.

⁵ Там же. — С. 652.

«Письма...» Анри Луазьона

Взятие Белых Укреплений

«Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном»¹, сильно отличаются от стиля «Воспоминаний...» офицера зуавов. Автор «Писем...» не имел времени на длительное осмысление событий, на поиск совершенно точных, обдуманых фраз. Читатель может воспринимать все описанные происшествия по горячим следам, как бы одновременно с автором. Кроме того, предназначенные для близких родственников и поначалу не рассчитанные на широкую публику, эти «Письма...» обладают наибольшей степенью откровенности.

Анри Луазьон прибыл в Крым 9 февраля 1855 г. Первые дни в Крыму кажутся ему скорее продолжением путешествия, нежели началом военной жизни. Он подробно описывает переход по Черному морю, лагерь в Камышовой бухте и местные достопримечательности. В ближайшие же дни он начинает исследовать (пока как сторонний наблюдатель, а не участник событий) французские и русские укрепления, осматривает окрестности Севастополя, посещает Георгиевский монастырь. Сведения, которые он сообщает о сражении в ночь с 23 на 24 февраля, имеют неточности и, видимо, известны ему по разноречивым слухам.

Но вот Анри Луазьон оставляет тылы армии в Камыше и попадает в самое опасное место осады — в траншеи перед Малаховым курганом. Он ходит по ночам охранять траншеи, убирает после боя мертвецов, под огнем выполняет приказы генерала. Включая в свои письма долю иронии, он пытается успокоить родных, убеждает их, что находится вне опасности, но порою не сдерживается и с гордостью за свое поведение рассказывает, какое мужество проявил в последнем деле. Молодой офицер полон боевого задора и честолюбия. Он с горечью говорит о больших потерях, но пока это скорее дань долгу, чем прочувствованная горечь. Сейчас Анри Луазьона больше занимают успешное строительство «водоноя» и отношения с генералами.

В отличие от офицера зуавов, явно предпочитавшего праздным размышлениям о стратегических планах главнокомандующего горячие схватки с неприятелем, А. Луазьон нередко пробует предсказать будущее кампании и предугадать очередные шаги командования. Луазьон горит желанием проявить себя на поле боя. Он то подыскивает себе коня, ожидая, что скоро появится возможность сразиться с русскими в «открытом поле», то сожалеет, что осадные работы ведутся слишком медленно, «зато русские много работают» (письмо от 4 мая).

Хотя А. Луазьон начиная с марта постоянно и подробно рассказывает родным о военных операциях, в которых он принимал участие, настоящие большие сражения ждали его впереди. Незначительные же стычки и экспе-

¹ *Loizillon Henri. Campagne de Crimée. Lettres écrites de Crimée par le capitaine d'état-major Henri Loizillon à sa famille. — Paris, 1895.*

диции французской армии, вроде скоротечного боя на Черной речке 25 мая или разведки в Байдарскую долину 3 июня, принципиального значения для хода осады не имели. Главной целью французов оставался Малахов курган.

Три месяца французы настойчиво, но безуспешно старались овладеть Селенгинским и Вольнским редутами и Камчатским люнетом, что открыло бы им дорогу к Малахову кургану. В Севастополе три эти передовые укрепления давно стали одним из самых опасных участков обороны. Ежедневно они подвергались самому активному огню неприятеля и все же держались. 6 июня осадная армия начала усиленную бомбардировку Севастополя из 544 орудий, сосредоточив основной огонь на Белых Укреплениях (Селенгинском и Вольнском редутах) и Зеленом Холме (Камчатском люнете). На следующий день был назначен их штурм. Распоряжение атакой поручалось одному из лучших французских командиров генералу Боске, который задействовал в операции около 40 тыс. человек.

Когда французы напали одновременно на Белые Укрепления и Зеленый Холм, защищавшие подступы к Малахову кургану, для обороны этих передовых укреплений из-за преступной халатности генерала Жабокритского было оставлено всего 800 человек гарнизона. И все же потери неприятеля были очень велики. В письме от 9 июня А. Луазьон сообщает в нескольких строках о выигранном сражении, но уже без бравады. Чувствуется, что автор утомлен боем и обескуражен смертью многочисленных сослуживцев. Он уже не первый месяц в Крыму, здесь погибли люди, с которыми он хотя и недолго, но вместе служил; погибает полковник, знакомый его семьи, получает рану ближайший друг А. Луазьона — Конеглиано.

12 июня Луазьон намного подробнее описывает сражение. Первые впечатления начинают остывать, и, наряду с трагическими мотивами, снова появляется бахвальство. Русских он оценивает как сильных противников, но судит о них явно свысока: «Впрочем, следует отдать им должное, до сих пор они слишком хорошо оборонялись; их офицеры полны храбрости и рассудительности; их оборона очень хорошо задумана, а работы выполнены в совершенстве». Однако Луазьону кажется, что французы были очень близки на этот раз к захвату Севастополя, и он с нетерпением ждет решительных действий главнокомандующего.

Главнокомандующий французов генерал Пелисье долго ждать не заставил. Желая использовать воодушевление армии, подогретое успехом последнего боя, он назначил общий штурм на 18 июня — приурочив его к сороковой годовщине битвы при Ватерлоо. Готовясь к атаке, 17 июня союзники подвергли Севастополь жесточайшей бомбардировке, сильно повредившей укрепления и батареи. Но гарнизону за ночь удалось многое восстановить. Штурм оказался для союзников крайне неудачным и обошелся им очень дорого. А. Луазьон угнетен поражением. Снова погибли близкие ему люди. Но трудно сказать, какое настроение преобладает в его письме от 19 июня: сожаления о погибших товарищах или разочарование, вызванное неудачей. Русских, оказавшихся в этой схватке безусловными победителями, Луазьон на сей раз своими похвалами обходит.

Взятие Севастополя

После поражения 18 июня А. Луазьон становится более сдержан в воинственных порывах, начинает трезво оценивать силу противника (письмо от 7 июля). В суждениях о защитниках города болеснет высокомерия. Сведения о глубокоэшелонированной системе русских укреплений, о силе городской артиллерии, умении русских самоотверженно работать над восстановлением своей обороны теперь определенно пугают его. Он уже не призывает к немедленной решительной схватке, а словно оправдывается перед родными за затянувшуюся осаду.

Севастополь уже более полугода жил под бесконечными обстрелами врага. Здесь давно привыкли к смерти. Русской артиллерии не хватало зарядов, и севастопольские дети под огнем неприятеля собирали для артиллеристов уже однажды использованные ядра. Женщины приносили мужьям на бастионы еду. Прислуга орудий беспрестанно гибла, и ее заменяли новой. О сдаче города разговоров не было. Осадные работы союзников все ближе подходили к городу. Передовая траншея неприятеля уже находилась в 120 метрах от Малахова кургана.

Луазьон внимательно следит за ходом борьбы. Слушая рассказы вернувшихся из плена французов, он пытается сделать выводы о состоянии русских войск (письмо от 31 июля). Его «сочувствие» русским солдатам, которых кормят хуже, чем пленных французов, не лишено, с одной стороны, злорадства, с другой — чисто французского тщеславия. Создавая в письме картину русских тылов, Луазьон ссдадет излюбленного конька большинства французов, писавших о России в XIX в. Получается, что русские, привыкшие к тому, чтобы их «били», кормили черным хлебом, чуть ли не с радостью воспринимают пришествие «цивилизованных» французов. При этом французские солдаты, разумеется, бóльшие герои, чем русские, так как «идут в бой по собственному желанию, без наущения священнических проповедей и палочных ударов». Стало быть, французские солдаты добровольно участвуют в захвате чужого города, но это, по убеждению Луазьона, не вредит им во мнении русских, которые якобы постоянно восклицают: «О, как бы мы хотели быть французами!» Луазьон говорит, как хорошо всегда принимали французов в России, и тут же торжествующе сообщает, что французы «причинили русским громадные потери», — обе мысли вполне уживаются у автора «Писем...».

Луазьон неприязненно относится и к союзникам-англичанам. Они все кажутся ему недостаточно храбрыми и самоотверженными. По отношению к русским он традиционно надменен, по отношению к англичанам — традиционно презрителен.

Несколько приглушенная неудавшимся штурмом 18 июня заносчивость А. Луазьона снова дает о себе знать после победы союзников 16 августа на Черной речке. Навязанное Крымской армии из Петербурга и бездарно организованное, это сражение обернулось для нас тяжелейшим поражением. Потери наши в четыре раза превышали потери противника. Но главное, оно чрезвычайно оживило боевой дух союзников, которые

на следующий же день начали грандиозную бомбардировку города, причинявшую гарнизону ежедневные потери до 1000 человек.

По письмам от 24 и 28 августа видно, что хотя победа на Черной речке и убеждает автора в конечной победе над городом, но сроки этой победы видятся ему весьма неопределенными. До взятия города оставалось всего две недели, а Луазьон даже не может поверить, что огромный мост, протянутый русскими от Южной стороны города к Северной, предназначается для отступления русской армии из Севастополя. Луазьону кажется, что бесчисленные линии обороны русских «могут позволить им продержаться еще долго».

Взятие Севастополя, произошедшее после 11 месяцев осады, изменило настроение Анри Луазьона, казалось бы, самым неожиданным образом. В письме от 11 сентября победный пафос почти отсутствует. Есть описание храбрости и постоянной опасности, есть сетования на союзников, есть честолюбивые упования на вознаграждение. Но Луазьона впервые поражают масштабы трагедии: «Какое опустошение и какое ужасное зрелище кровавых следов ожесточенной борьбы!» Впервые он признается, что чувствует не радость победы, а находится «под тяжелым впечатлением смерти друзей» и ему «сейчас ни до чего нет охоты».

После стольких испытаний союзники захватили город, в котором оказались взорваны все укрепления и боеприпасы, сожжены все жилые и административные здания, уничтожены все склады провизии. Все еще дееспособная русская армия стояла совсем рядом и не собиралась отступить дальше. Победителей ждала зимовка среди развалин.

Союзники, конечно, предполагали, что русские, не пощадившие в 1812 г. Москву, могут поджечь и Севастополь. И все-таки это оказалось для них ошеломляющей неожиданностью. Армии Наполеона I в 1812 г. понадобился меньший срок для того, чтобы дойти до русской столицы и вернуться обратно, чем теперь соединенной армии четырех стран для взятия одного-единственного города. Между тем конца войне не было видно.

...После гибели Севастополя русское общество казалось парализованным свершившейся трагедией. «Здесь все теперь поражены вестью о взятии Севастополя, — сообщал Н. А. Некрасов Д. В. Григоровичу. — Других новостей нет»¹.

«Севастополь взят! — делился со своим дневником профессор А. В. Никитенко. — Боже мой, сколько жертв! Какое гибельное событие для России! <...> Одного мгновения безумной воли, опьяневшей от самовластья и высокомерия, достаточно было, чтобы с лица земли исчезло столько цветущих жизней, пролито столько крови и слез <...>. Мы не два года вели войну — мы вели ее тридцать лет, держа миллион войск и беспрестанно грозя Европе. К чему все это? Какие выгоды и какую славу приобрела оттого Россия?»².

Последние фразы будто взяты из французской или английской газеты. Между тем Никитенко — патриот и законопослушный гражданин.

¹ Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. — Т. I. — С. 131.

² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. — Т. I. — С. 418.

Поразительным образом его горестные размышления совпадали с мыслями не меньшего патриота — Ф. И. Тютчева, который написал своей супруге 17 сентября 1855 г.: «<...> Наш ум, наш бедный человеческий ум захлебывается и тонет в потоках человеческой крови, по-видимому <...> столь бесполезно пролитой... И это ужасное бездействие, вероятно, только исходная точка, первое звено целой цепи еще более страшных бедствий... Я считаю Крым потерянным <...>. Здесь почти все разделяют мое мнение»¹.

Это письмо очень верно передает реакцию российского общества, и, надо думать, дальнейший ход тютчевской мысли мог быть разделен в России многими. «Никогда еще, — рассуждает Тютчев, — <...> не происходило ничего подобного в истории мира: империя, великая, как мир, имеющая так мало средств защиты и лишенная всякой надежды, всяких видов на более благоприятный исход». Действительно, падение российского престижа было стремительным, и причина этого для людей мыслящих не составляла загадки. Тютчев продолжает: «Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах. Если бы кто-нибудь, желая войти в дом, сначала заделал бы двери и окна, а затем стал пробивать стену головой, он поступил бы не более безрассудно, чем это сделал два года назад незабвенный покойник»².

Протестантская миссия в Крыму

После падения Севастополя решающих столкновений между противниками уже не было. До ухода союзников с русской территории летом 1856 г. центром драматических событий войны стали госпитали армейских лагерей. Этому периоду войны посвящены «Воспоминания протестантского священника о французском лагере под Севастополем»³ Макса Рейхарда.

С началом Крымской войны французская протестантская церковь добивалась у правительства позволения послать на театр военных действий миссию евангелистских священников, чтобы солдаты-протестанты могли пользоваться духовной поддержкой своих пастырей так же, как их сослуживцы-католики. Вопрос был решен положительно, но с той оговоркой, что издержки по предприятию церковь возьмет на себя. Правительство же бралось доставить миссионеров в Крым.

Среди протестантов был организован сбор пожертвований, что позволило уже в конце 1854 г. отправить двух священников во французскую дей-

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. — Т. 2. — С. 239.

² Там же.

³ Reichard Max. Souvenirs d'un aumônier protestant au camp français devant Sébastopol. — Paris, 1869.

ствующую армию. Сначала они прибыли в Константинополь, куда эвакуировались раненые и больные из Крыма. В двенадцати госпиталях, в каждом из которых находилось приблизительно по 1200 человек, они разыскивали протестантов и оказывали им всяческую материальную и духовную помощь.

Из Константинополя пастор Фроссар, а за ним пасторы Рёрих и Шардон отправились непосредственно на место боевых действий в Крым. Весной 1855 г. протестантскую миссию в Крыму постигла первая утрата. В первых числах мая пастор Фроссар, вернувшийся в Турцию, получил печальное известие из Крыма о смерти священника Шардона. «Сегодня вечером, — писал пастор Рёрих, — наш брат призван Господом. Несколько дней он оставался в постели, изнуренный жестокой горячкой. Доктора не проявляли никакого беспокойства, и я не задумываясь покинул его, чтобы отправиться в полевые госпитали. В это самое утро я шел туда, куда, я полагаю, меня звал долг. Какую душевную боль я ощутил, вернувшись, когда нашел нашего бедного друга умирающим! Он меня больше не слышал, не узнавал, дышал с большим трудом и дрожал, как в судорожном ознобе»¹.

Автор публикуемых нами «Воспоминаний протестантского священника...», Макс Рейхард, оказался в числе шести протестантских пасторов-добровольцев, отправившихся в июле 1855 г. в Крым для продолжения деятельности протестантской миссии. Молодой священник высадился в Крыму 16 августа, в день сражения на Черной речке.

Макс Рейхард не описывает свою судьбу до отъезда в Крым. Но по разбросанным в тексте фразам мы можем восстановить некоторые биографические сведения.

По происхождению Макс Рейхард, несомненно, немец. Какое-то время жил в Ливоне, где у него остались товарищи по учебе (гл. V). Возможно, родиной его является Эльзас или другая французская провинция со значительным немецким населением. Во Франции у него остались родители, которым он регулярно пишет письма. Он молод и в должности священника недостаточно опытен. Однако весьма эрудирован в истории и мифологии, о чем свидетельствуют его постоянные упоминания о событиях и героях античности, особенно при описании Греции, которую он посетил по дороге в Крым (гл. I)².

«...Описывать сражения, — считал Оноре де Бальзак, — следует совсем не так, как это делается в сухих объяснениях писателей-специалистов, которые вот уже три тысячи лет говорят нам только о левом и правом фланге и более или менее прорванном центре, не упоминая ни единым словом о солдате, о его геройстве и страданиях»³. «Воспоминания...» священника Макса Рейхарда как нельзя лучше удовлетворяют требования великого романиста. Рейхард не «писатель-специалист», воинственный дух в его

¹ *Reichard Max. Souvenirs d'un aumônier protestant au camp français devant Sébastopol.* — Paris, 1869. — P. 21.

² Описание путешествия Макса Рейхарда от Марселя до Крыма с посещением Мессины, Афин и Константинополя в нашем издании выпущено.

³ *Бальзак О. Крестьяне // Собр. соч.: в 24 т. — М., 1960. — Т. 18. — С. 19.*

«Воспоминаниях...» вовсе отсутствует, он почти не описывает сражений, а если описывает, допускает ряд неточностей. Это и понятно, его роль в этой войне — утешение страждущих, и все свое время он проводит в госпиталях у косяк больных и раненых. И для него нет разницы — русский перед ним или француз. Он пытается поддержать русских раненых, не зная их языка и не выясняя их вероисповедания. Он замечает, что после боя в их сердцах «не оставалось и следа национальной розни». Нескрываемое сочувствие вызывает у Рейхарда вид осажденного Севастополя с его «горделивыми сооружениями», «куполами церквей, белыми на фоне лазури», «будто неуязвимыми» русскими кораблями. Он наблюдает «величественное появление флота» союзников, но для него ясно, что «обратная сторона всего этого великолепия» (гл. II) — страдания людей.

Повсюду он встречается разрушения, причиненные войной. И лишь Георгиевский монастырь своими «ажурными галереями», «гигантскими деревьями», «благоуханными садами» создает контраст с находящимися поблизости «очаровательной виллы» руинами, с «бесплодием опустошенного пейзажа» (гл. II).

Посещая бесчисленные госпитали французской армии, молодой пастор постигает обратную сторону и военной бравады. Перед читателем предстают судьбы солдат иностранного легиона, этих «заблудших детей», родившихся не во Франции, но из «бестолкового честолюбия» отправившихся воевать под французскими знаменами и безвестно гибнущими вдали от Родины (гл. III). И как страшный итог, воплощение «обманутых надежд» солдат французской армии предстают «бесконечные кладбища» союзников. Ритуал похорон недолог: «Двое санитаров хватают труп, вторых опускают его в общую могилу; несколько лопат негашеной извести, затем могилу слегка присыпают, так как скоро ее снова придется разрывать». Каждые сутки солдаты во французской армии от ран и болезней погибают десятками, и «ни друга, который бы их проводил, ни священника, который прочитал бы на их могиле молитву» (гл. III).

Близился последний штурм Севастополя. Рассматривая город с холма, Рейхард далек от воинственных мыслей: Севастополь видится ему все еще «великолепным». Ни офицер зуавов, ни капитан А. Луазьон не замечали великолепия Севастополя, они видели лишь его укрепления и орудия. Отсюда совершенно разное отношение к русским. И для офицера зуавов, и для А. Луазьона русские только солдаты-враги. Пастора Рейхарда вид осажденного города наводит на иные мысли: «Поистине, народ, который смог создать столь очаровательное обиталище в пустынной степи, должен обладать не только воинственным чувством, но и чувством прекрасного...» (гл. IV).

Вскоре после штурма Рейхарду удалось побывать в Севастополе. Теперь вид города поражает его размерами разрушений. На Малаховом кургане лежат еще не убранные трупы русских солдат. «Придут ли благословенные времена, — восклицает священник, глядя на эту «арену смерти», — когда мечи сменяются мотыгами, а алебарды секирами, когда воцарится мир на всей земле, возрожденной и счастливой» (гл. IV).

Вторая зимовка под Севастополем.

Конец войны

После падения Севастополя русская армия заняла укрепленные позиции на Северной стороне и в окрестностях города. Союзники возвели новые батареи, и с 12 сентября 150 орудий начали обстрел Северной стороны и русских лагерей из расчета по 24 выстрела на орудие каждый день¹. Русские батареи непрерывно отвечали, но эта перестрелка не приносила сторонам ощутимых результатов.

Силы союзников после взятия города превосходили силы русской армии, но было очевидно, что дальнейшие наступательные действия в Крыму потребуют огромных затрат, которые не окупятся дипломатическими выгодами. Поэтому никаких серьезных действий в Крыму более не предпринималось. Часть оккупационной армии отправилась на родину, остальные войска должны были почти в полном бездействии дожидаться в Крыму заключения мира.

Союзный флот, впрочем, сжег в это время Тамань, занял Фанагорию, обстрелял Мариуполь, но эти бесцельные акции по существу дела не меняли. Курьеры приносили в лагерь вести о скором перемирии. Войска союзников обустроивали свои зимние квартиры, добывали дрова и дичь в мордвинских² лесах Байдарской долины и предавались праздности. Но с конца осени 1855 г. армию союзников постигло настоящее бедствие. Вспышки тифа, а за ним — холеры и цинги свирепствовали в войсках до самого отбытия армии из Крыма. «Французские ветераны атак на Мачтовый бастион и на Малахов, — вспоминает участник событий, — за усталость и страдания платили убийственной ценой в борьбе с эпидемиями»³.

Потери союзников от болезней были и до той поры огромны. Только у англичан за год, проведенный под Севастополем, от болезней умерло более 15 тыс. человек. Но, оборудовав должным образом военные лагеря и госпитали, англичане к концу осады сумели существенно сократить смертность в своих войсках. Во французской армии дела обстояли хуже: когда вспыхнула эпидемия тифа, каждый день французы теряли в среднем 100 человек в Крыму и еще 200 по дороге в госпитали Константинополя⁴.

В самый разгар эпидемии пастор Рейхард проводил все свое время в госпиталях французского лагеря. Вид зимующей армии напоминает ему картины отступления войск Наполеона I через Березину. Правда, он тут же, будто спохватившись, утверждает, что положение французов теперь совсем иное, нежели в 1812 г. Но события, описанные Рейхардом далее, вряд ли могли внушать оптимизм французским солдатам, проводившим под Севастополем уже вторую зиму.

¹ Journal Humoristique du siège de Sébastopol par un artilleur. — Paris, 1868. — Т. II. — P. 559.

² Леса, принадлежавшие графу Николаю Семеновичу Мордвинову (1754—1845).

³ Journal Humoristique du siège de Sébastopol par un artilleur. — Paris, 1868. — Т. II. — P. 562.

⁴ См.: Айрапетов О. 15 из 1000 (Небоевые потери русской армии) // Родина. — 1995. — № 3—4. — С. 114—115.

Пастор Рейхард и сам стал жертвой болезни. 1 марта 1856 г. его отправили в госпиталь в Константинополь, и о заключении Парижского мира, подписанного 30 марта, он узнал уже вдали от Крыма. А армия союзников оставалась на полуострове еще три месяца. Это время было потрачено на переформирование и погрузку «более шестидесяти миллионов килограммов боевой техники и почти двухсоттысячной¹ армии»². Французы увозили с собой из Крыма трофейное оружие из российских arsenалов. Англичане пошли дальше: они везли в Англию еще и осколки снарядов, собранные в Севастополе, свинцовые пули, камни разрушенных домов — все должно было возмещать издержки войны. Комиссия, занятая переписью захваченных в Севастополе трофеев, насчитала двадцать девять тысяч снарядов, шестьсот якорей, несколько сот тысяч килограммов пороха³. В то же время армия знакомилась с официальными цифрами затрат, которых стоила осада города: «шесть миллионов оружейных выстрелов, тридцать миллионов отстрелянных патронов, четыреста тысяч умерщвленных воинов»⁴.

Россия приняла Парижский мир на довольно мягких для себя условиях. Южная сторона Севастополя обменивалась на захваченную русскими войсками осенью 1855 г. турецкую крепость Карс. Россия отказывалась от части Бессарабии. Самые неприятные для России статьи трактата диктовали ей запрет на военное присутствие в Черном море.

Для России Крымская война стала потрясением, глубоко изменившим общественную психологию. Неудачи в Крыму довели разочарование в существующем положении дел до пиковой точки. Смерть Николая I ослабила властный контроль над изъявлением мнений. Потеря Севастополя повергла российское образованное общество всех уровней — от литераторов до высокопоставленных чиновников — в состояние депрессии. Поражение в войне обозначало ущербность не только государственной системы, существовавшей в России 30 лет, но и социальной структуры, внешнеполитических ориентиров. Однако растерянность моральной депрессии быстро сменялась настроением сосредоточенного поиска. Поначалу этот поиск выливался в острую, порою чрезмерную критику российской действительности, но одновременно открывал все более определенные перспективы усовершенствования страны. Одним из величайших последствий Крымской войны стало освобождение России от позора крепостного рабства.

Даже потерпев поражение, Россия оставалась одним из самых влиятельных государств. Сразу после подписания мирного договора Наполеон III начал искать тесного союза с ней. Пройдет 15 лет, и она освободится от условий ограничения своих военных сил на Черном море. Еще через несколько лет, в 1878 г., Россия вернет себе Бессарабию.

¹ Цифры, сообщаемые авторами, оставляем для дальнейшего комментирования историками.

² *Journal Humoristique du siège de Sébastopol par un artilleur.* — Paris, 1868. — Т. II. — P. 563.

³ Там же. — P. 561.

⁴ Там же.

...Франция после Крымской кампании постоянно была занята новыми военными конфликтами, однако в 1870 г. терпела сокрушительные поражения во Франко-прусской войне. Император Наполеон III был низложен, а в стране провозглашена Третья республика, французская дипломатия начала усиленно искать российской помощи. В Петербург прибыл знаменитый историк (в частности, историк войны 1812 г.), оппозиционный парламентарий и будущий президент Французской Республики А. Тьер.

«Я приехал, — заявлял он представителю «Московских ведомостей», — просить заступничества дружественного народа, великой страны, которая не может допустить, чтобы на ее глазах истекла кровью Франция под ударами грубой силы <...>. Мы не только просим, но и требуем этой защиты, ибо нельзя безнаказанно допустить уничтожения Франции. Это был бы удар для всего человечества. Истинные интересы России тесно связаны с существованием и мощью французского народа. Мы сражались друг с другом, но никогда не были врагами. И никогда не будем ими!»¹. Последние фразы Тьера почти буквально повторяют формулировку, которую некогда использовал Наполеон в просьбе о мире, отправленной Александру I из горящей Москвы. Но оставим это без комментариев и скажем лишь, что на сей раз Россия ограничилась дипломатическим содействием.

...Севастополь, разрушенный до основания, восстанавливался не один год. В 70-х гг. XIX в. он снова превратился в крупнейшую русскую военно-морскую базу. Через 86 лет после Крымской войны, в 1941 г., город второй раз оказался на осадном положении, героически держался 249 дней и опять был почти полностью разрушен.

Окрестности Севастополя усеяны известными и забытыми могилами его врагов. Сам Севастополь стоит на костях своих защитников. Предательство современных политиков, которое после стольких испытаний пришлось узнать городу славы и крови русской, не лишит Севастополь ни преданности его моряков, ни завоеванного им уважения врагов.

Севастополь дважды бывал уничтожен, но поражения его не дарили неприятелю безраздельного ощущения победы. Через десятки лет после первой осады бывший главнокомандующий французской армией в Крыму, в то время уже престарелый маршал Канробер, восклицал, будто убеждая в чем-то грядущие поколения: «Чтобы понять, что такое были наши противники, вспомните о шестнадцати тысячах моряков, которые плача уничтожали свои суда с целью загородить проход и которые заперлись в казематах бастионов со своими пушками, под командой своих адмиралов Корнилова, Нахимова, Истомина! К концу осады от них осталось восемьсот человек, а остальные и все три адмирала погибли у своих пушек...»².

В. В. Орехов

¹ Градовский Г. К. Из минувшего (Воспоминания и впечатления литератора. 1865—1897 гг.) // Русская старина. — 1908. — Т. СXXXIII. — Кн. 2. — С. 326.

² Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. — Т. 2. — С. 255.

Воспоминания офицера 2-го полка зуавов

Книга четвертая*

I. Высадка на пляже Олд-Форт (14 сентября). Усадьба русского полковника. Зуавы мародерствуют. Марш на Альму (19 сентября). II. Диспозиция перед битвой 20 сентября. Обращение полковника 2-го полка зуавов к своим солдатам. Утро 20 сентября. Нетерпение людей. Маршал Сент-Арно у зуавов. Марш в центре французской армии. Вход стрелков третьей дивизии в половине первого в деревню Бурлюк. 2-й полк зуавов переходит Альму. Атака и взятие позиции телеграфа. III. Энтузиазм армии в вечер битвы. Сержант-горнист Жеслан. Сержант Сомбер. Лейтенант Эсмьё. Холерные больные. 23 сентября армия начинает марш на Севастополь. Качинский виноград. Марш на Бельбеке (24-го). Лагерь жажды (25 сентября). Зуав Руссо и принц Наполеон. Последний визит к героическому маршалу Сент-Арно. IV. Приход на Черную (27-го). Моментальное взятие холма Канробера. Занятие Херсонесского плато (29-го). Дом зуавов и его подвал. Маркитантка 2-го полка зуавов Дюмон. Прокладка траншеи (9 октября). Бомбардировка 16 октября, приготовления к штурму. Прокладка 2-й параллели (ночь с 22-е на 23-е). Капитан дю Люд. Атака, запланированная на ночь с 5 на 6 ноября.

I

Всентября^{1**} флот был в виду крымских берегов; вечером и ночью он воссоединился с частью своих транспортных судов², и утром 14-го армия произвела высадку на российской земле³. Четыре роты 2-го батальона зуавов первыми высадились в Олд-Форте⁴ и были очень удивлены, что не встретили противника. Пляж был пологим, лишенным деревьев и растительности, изрезанным несколькими неглубокими лужами горьковато-соленой воды. Скоро собрался весь полк. Он двинулся с другими войсками 3-й дивизии⁵ занять позицию в каких-нибудь полулье от места высадки. Эта 3-я дивизия (Наполеона⁶) была расположена на левом рубеже французов недалеко от правого рубежа английской армии. Зуавы в мгновение ока устроили бивак и выставили сторожевые заставы.

* В настоящее издание мы включили лишь главы, связанные с боевыми действиями в Крыму. — *Прим. переводчика.*

** Здесь и далее цифрами обозначаются ссылки на исторические комментарии, расположенные в конце книги. Звездочками обозначаются примечания французского автора или издателя, расположенные непосредственно под текстом. — *Прим. переводчика.*

За время короткого пребывания в Олд-Форте войска быстро оправились после тягот путешествия, и на следующий день после высадки во 2-м полку зуавов не было ни одного заболевшего холерой⁷. В тот же день, 15 сентября, наши солдаты, отправившиеся с солдатами других полков за дровами и питьевой водой, наткнулись на большую русскую деревню⁸, расположенную в одном лье за аванпостами. Население бежало, и только усадьба была под охраной нескольких рот английских карабинеров. Мародеры набрали там свежей пищи. Узнав об этом, принц Наполеон с полковником 2-го полка зуавов и с отрядом немедленно выехал из лагеря, чтобы устроить охрану и разместить посты, которые прикрывали бы подступы к деревне. Усадьба, не достроенная еще полностью, принадлежала полковнику русской императорской гвардии. Полковник ночью покинул дом, оставив управляющего и часть прислуги. Когда приехал принц, управляющий предоставил жилище и все, что там было, в распоряжение французов. Беспорядок в апартаментах позволял догадаться, насколько спешным был отъезд хозяина. Хорошее фортепиано d'Égard с французскими и немецкими партитурами было оставлено открытым перед застекленной дверью, выходящей на террасу; на круглом столике, установленном на одной ножке посреди гостиной, в беспорядке были брошены тысячи мелочей, которые принадлежат лишь утонченным женщинам. На рабочем столике лежал открытый томик стихов Ламартина. Эти признаки позволяли думать, что еще накануне хозяйка поместья, портрет которой, как и портрет ее мужа полковника, висел в гостиной, была занята Францией в тот самый момент, когда французская армия высаживалась в нескольких шагах от барского дома.

Уезжая из усадьбы, принц заверил управляющего, что все останется в сохранности. Для слуг, предложивших ему чай, кислое вино и черный хлеб, принц дал управляющему несколько золотых монет и оставил его глубоко пораженным тем, что в доме его господина и хозяина побывал принц по имени Наполеон, неизвестный в этих местах, столь же далеких, как край света⁹.

Мародеры, посетившие русскую деревню, дали своим товарищам комическое представление. Они задумали вернуться в бивак в сопровождении своеобразной крымской маленькой коляски. В ней сидел один из солдат, забавно разодевшись и держа рядом под видом татарской дамы великолепного теленка, наряженного в женские вещи, которые были найдены в доме русского крестьянина. Экипаж отослал обратно в деревню, а теленка отдали в госпиталь больным, совершенно лишенным свежего мяса.

Зуавы очень любят и частенько занимаются этими маскарадами или подобными шутками, особенно когда мародерство прошло удачно. Через несколько дней после Альминской битвы, во время марша армии на Севастополь, переходя Бельбек, они пересекли богатую, оставленную жителями деревню¹⁰, сады которой изобиловали овощами и фруктами. Вечером в биваке устроили хороший стол, так как капусты, репы и винограда было вдоволь. Нескольким зуавам пришла фантазия посетить ночью довольно далекую усадьбу. Они принесли оттуда прекрасное зеркало, превосходящее размерами простенную картину с пастухами и пастушками школы Буше. Их посетила счастливая мысль поставить это зеркало у входа в палатку полковника под сводом зелени для того, как они сознались позже, чтобы он смог хотя бы раз за кампанию совершить утренний туалет в будуаре.

Привыкнув в Африке к набегам, зуавы с трудом щадили имения, покинутые русскими крестьянами, особенно в местности, где приходилось воевать без свежей

пищи. Впоследствии театр военных действий стал очень ограничен, впрочем, благо-расположенные к войскам союзников татары смогли во время перемирия заработать денег, продавая продукты или покупая вещи и выючных животных, которых войска при погрузке на корабли вынуждены были уступать за бесценок. У них должно остаться доброе воспоминание об этом последнем периоде чужеземной оккупации¹¹.

19 сентября утром армия оставила лагерь, который занимала в Олд-Форте с 14-го, чтобы маршем отправиться на Севастополь, постоянно поддерживая связь с морем. После обеда войска расположились в местечке, называемом Кермани-Кава-Савья¹², с пересохой речушкой на невысоких холмах, находящихся в полудтора лье от Альминских высот, занятых армией князя Меншикова.

В течение дня противник послал несколько эскадронов кавалерии и конной артиллерии разведать силы союзников. Англичане и русские обменялись ору-дийными выстрелами. Русские ограничились тем, что исследовали отдаленность французских войск и в бой с ними не вступали¹³; сторожевые заставы были на-столько близки к корпусам русских, что зуавы некоторое время думали, что пер-ед ними англичане.

II

Вечером принц Наполеон, вернувшись из ставки главнокомандующего, где получил от него инструкции, собрал в палатке генералов и командиров своей дивизии. Он изложил им план, утвержденный главнокомандующим, план, по которому английская армия должна была совершить обходной маневр на правом фланге русской армии, в то время как 2-я французская дивизия и турки под командой генерала Боске¹⁴ атакывали неприятеля слева, держась обрывис-тых возвышенностей, господствующих над устьем Альмы. Центр, образованный 1-й и 2-й¹⁵ дивизиями в двух линиях и 4-й¹⁶ резервной под непосредственным командованием маршала Сент-Арно¹⁷, должен был атаковать центр русской армии лишь после того, как в бой втянутся оба крыла. Соответственно войска флангов должны были выступить раньше войск центра. Они имели приказ выйти утром между пятью и шестью часами, а центр — между семью и восемью. Далее принц Наполеон дал подробные распоряжения и, выйдя из палатки, обратился к полков-нику 2-го полка зуавов: «Зная храбрость вашего полка, я расположил его в самом опасном месте, которое также станет местом, где будет добыта наивысшая слава».

Полковник горячо поблагодарил принца и заверил его от своего имени и от имени полка, что зуавы окажутся достойными высокого доверия и почета.

Центр выступал только через два часа после флангов, и сигнал подъема был отсрочен, но, когда он прозвучал, зуавы уже давно были на ногах и занимались одни приготовлением кофе, другие чисткой и перезарядкой ружей.

Полковник собрал вокруг себя офицеров и унтер-офицеров (в то время как солдаты держались чуть поодаль и, как подобает в подобных случаях, преврати-лись *все в уши*) и дал им инструкции перед боем. Затем он сказал полку: «Во время битвы вы будете находиться между 1-м полком зуавов, вашими достойными со-перниками в делах славы, и англичанами, бывшими врагами Франции, а сегодня нашими союзниками. Для каждого из вас должно быть делом чести не дать пре-взойти себя. Помните все, дети героической расы, прославленной завоеваниями первых лет этого века, вы призваны в европейской войне прославить вторую империю новыми победами».

Указав им на русскую армию, построившуюся на альминских высотах, он закончил так: «Вы будете в первой линии; прежде чем добраться до неприятеля, вы пересечете реку, заросли кустарника и крутые склоны; раз уж война начата, она должна вестись по-африкански. После первой удачи атакуйте русских с энергией, которая так часто помогала выбить кабильцев с их грозных позиций».

К семи часам в соответствии с приказом полк приготовился к выступлению. Не посвященные в то, что происходило на линии фронта, солдаты не могли понять постоянных отсрочек, оттянувших выступление центра армии до одиннадцати часов. Их дурное настроение, когда они с оружием в руках были свидетелями битвы, выражалось в замечаниях, подобных тем, что приписывают старым служакам первой империи¹⁸.

Чтобы заставить солдат набраться терпения, полковник приказал готовить второй кофе. Охотно беседовавший с ними принц Наполеон также старался успокоить их доброжелательными словами. В свою очередь к ним подъехал маршал Сент-Арно, и, когда предложил им выпить кофе, зуавы ответили: «Полковник велел нам подать его уже дважды». «Ну что же, раз ваш полковник дважды заставил вас пить кофе, я хочу дать вам на рюмочку после кофе, но это будет там, в лагере противника», — сказал маршал, указав на Альминские высоты.

«Да здравствует маршал!» — закричали зуавы. «Да здравствует тот, кто будет на ногах нынче вечером!» — ответил маршал*.

Выйдя между одиннадцатью часами и полуднем из бивака в Кермани-Кавасавье, полк, расположенный в первой линии на правом краю 3-й дивизии, выдвинул вперед две резервные стрелковые роты (5-я 1-го батальона, капитан Саж, и 1-я 2-го батальона, капитан Люд).

В половине первого полковые стрелки входят в правую часть деревни Бурлюк¹⁹ и в сады, окаймляющие правый берег Альмы. В этот момент неприятель, который уже ввел в бой легкие войска, вооруженные точными карабинами, начинает пальбу из орудий. Несколько ядер падает в первую линию; полковник разворачивает два батальона и укрепляет стрелков 2-й ротой 2-го батальона (капитан Фернье).

Близко подойдя к садам, солдаты двух батальонов по приказу скидывают на землю ранцы**, чтобы быть более легкими и свободными в движениях.

1-й батальон (майор Малафосс) занимает позицию в самом русле Альмы, истом и сильно зажато между крутыми берегами, возле брода с дорогой, ведущей на возвышенности; 2-й (майор Адам) остается слева и немного сзади возле садов.

Поле Альминской баталии уже слишком часто описывалось, чтобы мы сочли уместным приводить здесь топографический обзор местности.

2-й полк зуавов не мог долго оставаться на первоначальной позиции. Стрелковые роты, живо закрепившиеся в прибрежных зарослях, подвергались опасности, и следовало принять решительные меры.

На холме, оторванном от плато, господствующего над Альминской долиной, и наискось вдающемся отрогом в русло, размещались три русских батальона впереди всей неприятельской линии²⁰. Нисходящий очень крутой хребет не мог быть достаточно защищен их огнем; правый и левый склоны, открывающиеся со стороны французской армии, напротив, должны были быть легко доступны вражес-

* Выражение, употребленное маршалом, было куда более многозначительным; его можно было бы встретить, порывшись в солдатском словаре, но в Академическом словаре его нет.

** В каждом ранце заключалось несколько однодневных походных пайков и восемь — обычных.

кой артиллерии. 1-я дивизия намеревалась атаковать левую сторону этой позиции и обрывистые склоны, расположенные со стороны моря.

Полковник 2-го полка зуавов, сознавая необходимость внезапной атаки, попросил и получил разрешение бригадного генерала взять боем со своим первым батальоном самую верхушку отрога.

В этот момент один из адъютантов принца Наполеона, капитан Ферри-Пизани, разведавший русло реки, приносит генералу де Моне²¹ приказ провести бригаду по броду, по которому проходит большая дорога, и попробовать форсировать Альму левым флангом.

Полковник 2-го полка зуавов тотчас отправляется к своему первому батальону, находящемуся, как было сказано выше, в альминском русле. Неприятельская артиллерия накрывает огнем низменную часть долины и выход из брода. Всюду валяются сбитые ядрами ветви огромных деревьев, окаймляющих русло, на берегу рвутся снаряды, склоны покрыты картечью.

Зуавы готовятся взобраться на берег, чтобы выйти из реки; полковник приказывает играть сигнал атаки и пришпоривает коня; первый батальон следует за ним. Толчок дан: солдаты, которые не в состоянии двигаться по дороге из-за продольного огня вражеской артиллерии, бросаются вправо, под железным и свинцовым градом снова пересекают извилистое русло, образующее в этой части букву S, потом забираются на берег и достигают подножия холма, занятого русскими батальонами. Солдат скрывает крутой гребень этого холма.

Не теряя времени, батальон взбирается по отрогу и достигает русских в ту минуту, когда этих последних обходит с фланга 2-й полк зуавов. После короткого боя противник покидает свою грозную позицию²², оставляя там раненых, ранцы и оружие.

Наступательное движение первого батальона поддержал на левом фланге 2-й батальон 2-го полка зуавов, в наступление пошел полк моряков — так что скоро в бой с русскими втянулась вся бригада де Моне.

Хозяин первых склонов плато, 2-й батальон 2-го полка зуавов, невзирая на смертоносный огонь, выстроился в полудистанционную колонну напротив длинной линии русского батальона, также стоящего колонной. Около него справа — 2-й полк зуавов и 2-й и 9-й батальоны пехотинцев. 2-й батальон 2-го полка зуавов, для совершения маневра проделавший немалый путь и с большими трудностями преодолевший участок местности под картечью, с трудом добрался до левого фланга 1-го батальона, расположенного буквой Т подле батальонов 1-й дивизии, которые заканчивали разворачиваться.

2-й батальон 2-го полка зуавов в повзводной колонне готовится выстроиться в четыре ряда в глубину, чтобы противостоять натиску русской кавалерии²³, неизбежно угрожавшей левому краю линии.

Эта позиция небезопасна; под огнем нескольких батарей и многочисленных батальонов полк теряет большое количество людей, пораженных пулями, ядрами и картечью.

С другой стороны, попробовать развернуться в зоне досягаемости противника, упрямо продолжавшего занимать прекрасные позиции, казалось маневром весьма сомнительным.

Уже тяжелая, ситуация угрожала стать критической; полковник опасался, что увидит истребление своего доброго, прекрасного полка; и вот он решается на одну из тех рискованных атак, которые часто удаются французским войскам.

Зуавы полны были боевого жара. Маршал, видя первое устремление войск, воскликнул: «Не мешайте им, это битва солдат!» Полковник дает направление к восьмиугольной башне²⁴, предназначенной для телеграфа и расположенной в кульминационной точке неприятельской линии.

«За мной, мои зуавы!» — кричит он своим старым шакалам, пуская коня в галоп. «К башне!» — и все бегут за ним.

Тот же маневр совершает 2-й полк. Два полка подходят к подножию башни, которую захватывают, несмотря на сопротивление двух стрелковых рот, вооруженных большими карабинами.

Позади на позиции расположились резервы неприятеля, выстроенные эшелонами справа и слева, так чтобы держать под перекрестным огнем территорию перед башней.

2-й полк зуавов и батальоны первой линии под командой Канробера²⁵ и полковника Бурбаки вступают в бой тем более ожесточенно, что все, и офицеры, и солдаты, понимают: здесь ключ позиции, центр битвы.

Полковник Клер, который первым подошел к подножию башни, схватив знамя своего полка, увенчанное орлом, водружает его на башне с криком: «Да здравствует император!»

Главный сержант Флэри 1-го полка зуавов, сумевший добраться до верхних сооружений, минуто защищает знамя. Он пал от картечной пули, попавшей в голову*.

Знамя 1-го полка зуавов следует за знаменем 2-го полка; вскоре его древко было перебито взрывом снаряда.

С приходом резервных войск под командованием генерала д'Ореля²⁶ лейтенант Пуатвен, знаменосец 39-го линейного полка, видя славное место, где развеваются орлы 1-го и 2-го полков зуавов, оставив батальон, устанавливает знамя своего полка на башне и прижимает древко к сердцу. Ядро угодило ему прямо в грудь, и он заплатил жизнью за этот подвиг благородной отваги.

Сражение возле башни губительно, но продолжается недолго.

Князь Меншиков, видя, что ключ от его позиций в руках французской армии, распоряжается о начале отступления, и огромная масса пехоты и кавалерии, находящихся в этой точке поля битвы, в порядке совершает маневр, а артиллерия накрывает огнем территорию справа и слева от башни.

Генерал Канробер, с начала операции находившийся среди своих войск, ранен, он падает на руки зуавов, но вскоре снова садится на коня, чтобы занять место в бою.

Пока 2-й полк зуавов строится в боевом порядке слева от телеграфа, полковник, у которого теперь множество вакансий, распределяет вознаграждение среди солдат, замеченных им во время операции или отмеченных офицерами. Он поднял до первого класса всех раненых зуавов, продолжавших сражаться. Принц Наполеон выражает полку свое полное удовлетворение, затем горячо пожимает руку полковнику. «Я очень рад, дорогой мой полковник, — произносит он, — поздравить вас... Как вы, должно быть, гордитесь, командуя такими солдатами!..»

Поздравить дивизию Наполеона подъезжает маршал. Он проезжает перед 2-м полком зуавов, останавливается возле орла и говорит полковнику: «На этот раз, Клер, ваше знамя украсит название Альма»**.

* Этот момент выбран одним из наших исторических художников сюжетом для прекраснейшей из картин, внушенных столь славной битвой.

** Говоря «на этот раз», маршал намекал на штурм Лагуа.

По всей французской линии дело решалось в нашу пользу, но со стороны англичан бой все еще продолжался²⁷. Осведомленный об этом, маршал тотчас дает приказ дивизии Наполеона переместиться фронтом на левый край и идти вперед на правый фланг русской армии. Но, пройдя несколько сот метров, дивизия получила приказ прекратить маневр, так как сообщили о победе англичан и отступлении русских.

Вскоре 2-й полк зуавов разбил биваки подле телеграфа, в том месте поля боя, где он с другими полками проломил центр русской армии²⁸.

III

 корый успех этой первой баталии поднял энтузиазм армии до высшей точки; раненые, сохранившие довольно сил, чтобы держаться на ногах, остались в своих ротах до конца дня; те, что лежали на поле боя, не просили помощи и, не имея средств подняться, подбадривали товарищей, желая им добиться успеха, и одобрительными возгласами приветствовали командиров.

Горнисту сержанту Жеслану раздробило кисть ядром, которое также ударило его горном по лицу и в грудь. Он прошел ампутацию и вернулся занять место во главе своих горнистов.

На вечерней поверке бесстрашный Жеслан сказал полковнику, пораженному тем, что видит его в кругу унтер-офицеров: «Я могу продолжать службу, и я захотел порадоваться с товарищами сегодняшнему прекрасному успеху»*.

Посетив вечером госпиталь, полковник нашел своих раненых в наилучшем моральном состоянии; все легкораненые просились обратно в роту, раненные смертельно сносили свою судьбу безропотно.

Сержант Сомбер получил пулю в живот; полковник пообещал сделать его кавалером ордена Почетного легиона. «Дайте эту награду одному из моих товарищей, — ответил Сомбер, — а я чувствую, что ранен смертельно и жизни мне осталось на несколько часов... Мое последнее желание, полковник, чтобы Бог всегда вас хранил...»

Из 165 раненых скончалось едва ли 20, среди которых чрезвычайно храбрый офицер лейтенант Эсмье. С зараженными холерой дело, к несчастью, обстояло иначе.

Капитан Фернье, измученный хронической дизентерией, с трудом добрался до поля боя; он нашел еще в себе довольно сил, чтобы дать солдатам пример героической храбрости, и умер так же, как лейтенанты Узан и Дельфос**.

21-е и 22-е были посвящены захоронению умерших и оказанию первой помощи раненым, которые по большей части были погружены на корабли.

23-го армия двинулась в путь; 3-я дивизия с 4-й находилась в первой линии. Добравшись до Качи, 2-й полк зуавов остался в арьергарде для прикрытия колонны, пересекавшей реку вброд.

Маршал Сент-Арно, несмотря на болезнь, наблюдал за переправой. Он оставался верхом у выхода из брода, пока его не миновал последний солдат. Полков-

* Жеслан был оперирован полковым хирургом. Спешно эвакуированный в Константинополь, он совершенно выздоровел к концу следующего месяца после ампутации. Этот храбрый воин, ставший кавалером ордена Почетного легиона и членом ордена *Midjidie de Turquie*, был устроен принцем Наполеоном в стражу Пале-Рояля.

** Оба эти офицера стали примером решительности и храбрости. Почетный крест, полученный поручиком Узаном за Альминскую битву, после его смерти был отослан семье.

ник, зная любовь маршала к зуавам, попробовал вызвать на его лице, уже носившем печать смерти, улыбку удовлетворения: он приказал солдатам перейти вброд реку, в этом месте довольно стремительную.

Горнисты, проходя перед маршалом в голове колонны, как на плацу, играли столь выразительную и нынче столь известную и популярную мелодию «Фуражка папаша Бюжо» — очень простое, но полное поэзии выражение признательности одному из наилучших наших полководцев, человеку, который блистал в нашей новой армии своей трогательной заботливостью о солдатах, своим здравомыслием и военными талантами. Увы! Болезнь произвела такое губительное действие на маршала Сент-Арно, что лицо его, ввалившееся от страдания, оставалось безучастным во все время, пока проходила колонна. Зуавы не слышали, как обычно, когда приближались к нему, нескольких доброжелательных слов, тех солдатских фраз, что проникают прямо в сердце французского вояки и которые остроумный и героический де Сент-Арно умел сказать им с видом благодушным и утонченно остроумным. Несчастный маршал, железной волей прикованный к боевому коню, похож был на оживший труп. Можно было сказать, что воин умирал на пике своего триумфа.

Перед форсированием Качи полк подал прекрасный пример повиновения приказу.

Для прикрытия переправы батальоны расположились рядом с великолепным виноградником, лозы были покрыты абсолютно спелыми гроздьями. Полковник, опасаясь русских пехотинцев, дал солдатам приказ оставаться в строю и даже не приближаться к винограднику.

Приказ был выполнен свято, а когда всякая опасность миновала, полковник, дабы вознаградить повиновение своих зуавов, дал каждому батальону по пяти минут на сбор винограда. И никогда уборка винограда не выполнялась более проворно.

24-го армия направилась к Бельбеку, надеясь, что, перейдя эту речку, она расположится биваком в виду северной части Севастополя.

Только на переправе колонны получили приказ двигаться влево; это заставило солдат подумать, что первоначальный план изменен и город нужно обходить²⁹.

Вечером армия устроила лагерь посреди леса, не зная точно, с какой стороны неприятель.

25-го порядок марша был совершенно изменен. Англичане, постоянно располагавшиеся слева, заняли место в авангарде. Французские дивизии попытались идти с правой стороны дороги, но их ежеминутно останавливали лесные заросли и обоз английской армии, который едва-едва двигался. Эти дивизии провели ночь под ружьем и, преодолев большие затруднения, попали в бивак Мекензиева хутора лишь среди ночи. Во время марша солдаты страдали от жары и жажды, но, устроившись на биваке, воду искали напрасно. Остаток ночи провели, не имея возможности напиться и сварить кофе. Под утро один зуав, с помощью нескольких связанных между собой тюрбанов спустившись на дно почти пересохшего колодца, отыскал немного воды, которую поспешил отнести офицерам.

Солдаты окрестили этот ужасный бивак «Лагерем жажды». Англичане, выйдя к вечеру на Мекензиево плато, нашли его занятым русской дивизией, составлявшей арьергард армии князя Меншикова³⁰. Отступление русских войск было таким поспешным, что они бросили множество повозок с провизией, а одна артиллерийская батарея опрокинула свои телеги с припасами с левого склона, спускающегося с Мекензиевого плато в долину Черной.

Один зуав по имени Руссо обнаружил на дне оврага два штандарта артиллерийской батареи³¹; он отнес их полковнику, который назначил его капралом и отвел вместе с трофеем к принцу Наполеону. Принц поздравил новоявленного капрала и сказал: «Возьмите эти несколько золотых *с изображением моего отца* и сохраните их как сувенир того дня, когда вы получили первое звание»*.

26-го армия спустилась с Мекензиевого плато, чтобы направиться по Балаклавской дороге в долину Черной.

3-я дивизия была назначена в замыкающий арьергард. Когда она начинала маневр, полковник увидел отдельную палатку, которая одна оставалась на плато не снятой. Рядом с палаткой стоял экипаж с русскими трофеями. Палатка принадлежала маршалу Сент-Арно, несколько часов назад передававшему командование генералу Канроберу, а экипаж принадлежал князю Меншикову³².

Солдаты не знали еще, что у них новый командующий.

Маршал оказывал зуavam такие знаки привязанности, что полковник попросил у принца Наполеона разрешения попроситься со своим бывшим командующим и предложить ему свое сопровождение с одним из батальонов, только бы удалось, как утверждали, добраться до Балаклавы³³ за каких-нибудь два часа по ближайшей проселочной дороге, ведущей через лес рядом с позициями русской армии.

Подходя к палатке маршала, полковник услышал болезненные стоны; не без волнения узнал он голос командира, которого знал когда-то в Африке остроумным и живым. Он вошел в палатку, где в окружении адъютантов, лежа на ковре, мучился ужасными страданиями умирающий.

Маршал поблагодарил полковника дружеским взглядом, попробовал протянуть ему руку, но упал, обессиленный болезнью. Генерал Жюзыюф увлек полковника за собою из палатки и, бросившись в его объятия, закричал сдавленным от рыданий голосом: «Бедный мой Клер, мы больше не увидим его!»

Через минуту ко входу в палатку подъехал экипаж. Маршал сделал огромное усилие, чтобы подняться. Поддерживаемый своим лекарем и одним из адъютантов, он желал дойти до экипажа на собственных ногах, думая, что его видит армия. Едва коснувшись подножки, он в беспамятстве повалился на матрас, расстеленный на дне. Одно мгновение казалось, что это напряжение убило его...

То был последний раз, когда полковник Клер видел маршала³⁴. Он не знал в ту минуту о славном наследстве, оставленном зуavam трех полков в рапорте, написанном на Альминском поле боя, о наследстве, которое эти храбрецы постарались сохранить нетронутым под самой благородной и безупречной печатью их крови.

IV

Л

ридя к полудню на Черную, дивизия перешла реку и устроила бивак на склоне Федюхиных гор за каналом, по которому воды Черной поступают в Севастополь.

Надругой день армия отправилась в Балаклавскую долину. Когда офицеры 2-го полка зуавов проезжали мимо дома, где находился со своим штабом лорд Раглан³⁵, адъютант попросил полковника зайти, чтобы получить сообщение для генерала.

* На монетах было изображение вестфальского экс-короля; принц Жиром пачеканил их некоторое количество и раздал многим.

Лорд Раглан желал как можно скорее передать генералу Канроберу чрезвычайно важные сведения. Для Канробера, действительно, было делом первой важности узнать, что армия князя Меншикова, идущая на Бахчисарай, по донесениям лазутчиков, снова появилась на возвышенностях Черной и с минуты на минуту могла атаковать линии союзнической армии. Полковник 2-го полка зуавов немедленно отправился в бивак нового главнокомандующего, расположенный в балаклавских садах. Едва вернувшись к зуавам, он получил приказ привести полк в боевую готовность, чтобы сопровождать главнокомандующего и принца Наполеона, намеревавшихся произвести разведку к высокому холму, господствующему над другими холмами, которые разделяют Балаклавскую долину надвое и тянутся параллельно Федюхиным горам³⁶. Этот холм образовывал исходный рубеж атак на низменную Балаклавскую равнину, где в тот момент стояла биваком вся армия союзников.

2-й полк зуавов устроился там с двумя турецкими батальонами и с двумя орудиями. На случай возвращения русской армии эти войска имели приказ любой ценой удерживаться на позиции и не оставлять ее. Назавтра с утра донесения лазутчиков известили, что князь Меншиков возобновил отступление на север, и холм был оставлен. Впоследствии он получил имя «Канроберова холма»³⁷.

29-го 3-я дивизия покинула свой бивак в Байдарской долине, чтобы занять плато Херсонеса; на следующий вечер 30 октября она отправилась к месту дислокации, которое должно было ей принадлежать в течение осады — справа от 4-й дивизии в низменности с густым кустарником и виноградником позади дома, названного позже Домом зуавов³⁸.

Во время операции, которая должна была завершить окружение южной части Севастополя, этот красивый дом, расположенный на возвышении на расстоянии орудийного выстрела от города, был занят двумя ротами полка. Управляющий довольно сносно говорил по-французски. Он вышел навстречу полковнику, чтобы сообщить, что его хозяин, инженер-англичанин, руководивший сооружением портовых бассейнов Севастополя, не огорчился бы, узнав, что его жилище занято французскими войсками. Он добавил, что русские, исполненные благодарности к инженеру за его труды, пощадят дом и в него не будет запущено ни одной бомбы. Затем он уведомил полковника о погребках, полных вина, где зуавы могли бы возместить тяготы умеренности, на которую они, без сомнения, были обречены с момента высадки в Крыму.

Это открытие, каким бы радостным оно ни было, доставило полковнику одни беспокойства. Как бы ни верил он в повиновение своих зуавов, он не считал их достаточно добродетельными, чтобы провести в его отсутствие целую ночь, не поддавшись искушению рядом с бочками с соком лозы, культ которого столь преданно исповедуют солдаты всех народов мира. Он собрал часовых, обязанных охранять дом ночью под началом энергичного офицера, капитана Бланше, и предупредил зуавов, что дом и погреба были сданы ему через чур доверительно, чтобы он не испугался ловушки, что, несомненно, русские, знающие их особенную приверженность к вину, используют опьянение зуавов для нападения на них. Не вполне еще убежденные, солдаты жалобно отозвались: «Позвольте нам выпить по четвертушке; мы давно не высыпалась». «Ни четвертушки, ни полчетвертушки, — ответил полковник, — офицеры и солдаты дождутся до завтра, дабы выпить за здоровье доброго русского, с такой любезностью велевшего отдать нам плоды своих виноградников».

Очень неохотно, но подчинились зуавы этому ужасному приказу, потому как капитан Бланше не любил, когда его вынуждали настаивать на повиновении инструкциям. Многие, как они позднее признались, чувствовали, что ночуют над полными подвалами, и пережили кошмар пьяницы.

На другой день полковник сдержал слово: каждый зуав полка получил в два приема литр белого или красного вина, которое, несмотря на довольно резкий аромат розы, нашли тем более великолепным, что его забрали у неприятеля.

Во время осады Дом зуавов, часто служивший наблюдательным пунктом, крепостная артиллерия неизменно шадила, как это и утверждал управляющий инженера.

В первые дни октября в глубокой безопасной бухте, разведанной французскими моряками рядом с деревенькой Камыш³⁹, построенной в каких-нибудь двух лье к югу от Севастополя, выгрузили осадный инвентарь и артиллерийское снаряжение. Еще южнее располагалась другая бухта — Казачья⁴⁰. Обе бухты были чрезвычайно полезны французским армии и флоту и получили среди солдат название «Гаваней providения».

После высадки армии на пляже в Олд-Форте полковник 2-го полка зуавов воспользовался доброй волей одной из своих маркитанток, чтобы отправить ее с флотом в Варну закупить повседневную провизию, за которую она должна была расплатиться из собственных сбережений и некоторым авансом из фонда, собранного офицерами. Капитан «Баяра» согласился взять маркитантку на борт и привезти ее обратно с первыми войсками, высаживающимися в Камыше.

Содобрительными возгласами зуавы встретили провизию, подоспевшую как раз вовремя, чтобы возобновить в ранцах запасы пищи, взятые еще из Болгарии.

Служба в полку храброй маркитантки Дюмон тем более заслуживает быть отмеченной, что во время отсутствия этой бедной женщины ее мужа ранили в Альминской битве, а тяготы трех следующих одно за другим путешествий, совместившись с холерой, которую она привезла из Варны, стали причиной ее смерти через несколько дней после возвращения в Крым.

С 1 по 9 октября в сторону Севастополя было произведено несколько разведок.

Этим были заняты батальоны полка, охранявшие также подступы к лагерю со стороны крепости. Русские, несомненно, чтобы сбить нас с толку, пока мы на расстоянии (так как их силы трудно было оценить на волнистой местности), в первые дни выпустили наобум множество бомб, иные из которых долетели до лагеря союзников⁴¹.

3-я и 4-я дивизии, а позднее и 5-я, образовали осадный корпус, отданный под командование генерала Форся⁴².

9-го вечером все было готово для прокладки траншеи⁴³: для этой важной операции выделили 1600 рабочих под защитой нескольких батальонов. На это дело были брошены почти все роты 2-го полка зуавов.

Вопреки всеобщему ожиданию русские ни огнем, ни вылазками не сорвали эту операцию, прослышную одной из самых трудных в осаде.

С 10 октября два батальона полка с другими войсками выполняли различные задания, связанные с устройством траншеи.

Эта война мало походила на ту, что зуавы вели в Африке. Вместо того чтобы идти в атаку на видимого неприятеля на широком поле боя, где рассудок мог прийти на помощь отваге, они принуждены были продвигаться пядь за пядью по труднодоступной скалистой местности, сжиматься клубком в воронке в те-

чение двадцати четырех часов, чтобы защищать рабочих или начатое строительство, и сражаться чаще киркой, нежели ружьем. Эта новая борьба, в которой невидимый противник уничтожал их огнем, а потом использовал ночную тьму для нападения на рабочих и на сторожей траншеи, часто оцепеневших от холода, не сломила дух зуавов. Они постоянно оживляли свои тяжкие труды какими-то вольными историями или шутками, сдобренными тем галльским остроумием, которое во все времена помогало французскому солдату и заставляло его храбро переживать самые трудные моменты. Сколько раз, когда роты приходили из траншеи с чувством голода, обостренным двенадцатичасовой работой или двадцатичетырехчасовым сидением в охране, в минуту, когда солдат собирался приступить к радостной трапезе возле бивачного костра, заранее смакуя запах тюрлютина*, сколько раз приходил приказ вернуться, чтобы отразить атаку или помочь рабочим, находящимся в опасности! Тогда, конечно, зуав ворчал, почти как охотничий пес, у которого хозяин забирает кость. На самом деле, было скверно оставлять радости лагеря и снова заниматься *кротовой войной*** на пустой желудок. Но несколько ободряющих слов и добрых шуток командиров вновь придавали живость лицу и настроению зуава. Он повиновался почти с радостью.

16 октября, когда все батареи были достроены и вооружены, главнокомандующие решили, что огонь будет открыт с завтрашнего утра. Наземные батареи должны были уничтожить Карантинный форт и Центральный и Мачтовый бастионы⁴⁴, в то время как корабли, стоящие на шпринге в пределах досягаемости города, накрывали бы бомбами всю южную часть Севастополя.

17-го поутру, в половине седьмого, по сигналу трех бомб одновременно заработали все французские и английские батареи.

Тут же ответила артиллерия города, и в течение четырех часов стрельба велась с переменным успехом обеих сторон; но французские батареи, сильно поврежденные неприятельскими бомбами, взрывом порохового погреба и зарядного склада, в десять часов с четвертью получили приказ прекратить огонь⁴⁵.

К несчастью, флот не смог достаточно быстро стать на шпринг, чтобы бомбардировать город одновременно с наземными батареями⁴⁶.

17-го утром войска осадного корпуса получили приказ приготовиться к бою, разместиться в боевом порядке перед лагерями и быть готовыми к маршу.

Командование всеми войсками, предназначенными для штурма, было дано, по его же просьбе, принцу Наполеону. Отряд в 700 человек, сформированный из 400 зуавов и 300 солдат, взятых из всех элитных рот соединений 3-й дивизии, должен был состоять под началом полковника 2-го полка зуавов и образовать первую штурмовую колонну.

Занять место в этой первой колонне просились все зуавы, и пришлось отбирать их среди первоклассных солдат по старшинству.

Принц Наполеон, сознавая безмерные опасности, которым подвергалась бы эта колонна, продвигаясь на дальнейшее расстояние среди бела дня без прикрытия, под огнем всей городской артиллерии, позволил полковнику Клеру пообещать

* Тюрлютин, играющий основную роль в рационе солдата на войне, варится из перетертых галет с рисом и салом.

** «Кротовой войной» солдаты называли осадную войну.

солдатам от своего имени, что он употребит все свое влияние, чтобы наградить крестом или по крайней мере Военной медалью всех, кто войдет в город.

Энтузиазм был огромным, и маленькая штурмовая колонна, расположившись возле Дома зуавов, с лихорадочным нетерпением ждала приказа идти на врага.

Слабые результаты, достигнутые огнем батарей, заставили отсрочить штурм⁴⁷. Между двенадцатью и часом дня войска вернулись в лагерь. Осадные работы продолжались, и полк ежедневно принимал участие в обслуживании и охране траншеи.

В ночь с 22-го на 23-е была начата линия новой параллели⁴⁸. Поначалу охрана при этой важной операции возлагалась на 250 зуавов и 400 пеших стрелков под командой капитана Бано. Днем эти войска возвращались в траншею, оставляя всего несколько стрелков в волчьих ямах, вырытых впереди; рельеф параллели был уже достаточно высоким, чтобы скрыть рабочих.

26 октября полковник получил командование подразделениями, назначенными для охраны траншеи, и 2-й полк составил часть этих войск.

Днем имела место мощная отвлекающая атака русских на балаклавские линии⁴⁹, в то время как основная вылазка направлялась из города на английские траншеи. Вечером полковник был предупрежден генералом, командующим осадным корпусом, и генералом, командующим траншеей, что ночью, очень возможно, ему придется отражать сильную атаку гарнизона. В его распоряжение выделили четыре батальона подкрепления для охраны строительства. Эти батальоны были размещены так, чтобы окружить русских, как только они подойдут к параллелям. 2-й батальон зуавов под непосредственным начальством полковника разместился таким образом, чтоб нарушить, а при благоприятном случае отрезать отступление осажденных. Но русские, может быть, предупрежденные о расстановке сил в траншее, не предприняли никаких вылазок.

За двадцать четыре часа, проведенные полком в траншее, ему пришлось оплакать многих храбрых солдат.

Утром русские демаскировали несколько своих батарей в пределах контрпроша⁵⁰, забросавших бомбами крайние траншеи. Ядра и снаряды пронзили ходы сообщения, и бомбы взорвались посреди рот.

Капралу Муше взрывом бомбы разбило бедро. Полковник, зная его добрым и храбрым солдатом, пожал ему руку, немедленно дав чин сержанта. Он взял с него обещание быть храбрым в руках хирургов, пообещав отправить его в деревню с крестом Почетного легиона.

Муше стойко выдержал ампутацию; он был награжден и признался, что этот знак отличия много значил для его исцеления.

Тот день в траншее стоял полку еще и капитана дю Люда. Капитан дю Люд, раненный в запястье в начале Альминской битвы, оставался во главе своей роты. Не желая отправляться в госпиталь, он продолжил службу, и в первые дни осады ранение осложнилось желтухой и дизентерией. 26-го он захотел, несмотря на сильную слабость и перевязанную руку, сопровождать своего полковника в траншею; вскоре после прихода ему в висок угодила картечь.

Капитан Купль дю Люд был одним из лучших офицеров полка; о нем сожалели все и особенно — полковник, его старый товарищ по военной школе, умевший ценить его заслуги и отвагу.

В последние дни октября и в первые дни ноября роты полка часто отправлялись обслуживать траншею. Несколько человек, главным образом из зуавов, доб-

ровольно отправившихся обслуживать батареи в качестве дополнительных артиллеристов, было убито. Многие ранены. Среди этих последних — военный лекарь Голле, которому угодило в поясницу ранцем, отброшенным ударом ядра.

Огромное количество бомб, постоянно запускаемых русскими в атакующий авангард, значительно задерживало строительство, и без того трудноосуществимое в твердом грунте со скалами, которые зачастую приходилось поднимать с помощью мин. Главнокомандующий пожелал приложить последнее усилие, он поручил генералу Форю подготовить атаку в ночь с 5 на 6 ноября.

Генерал Форей избрал для руководства этой атакой полковника 2-го полка зуавов. 5-го утром он должен был совершить с этим старшим офицером разведку и обследовать город между Мачтовым бастионом, верхней частью военного порта и дном оврага, отделявшего французские траншеи от траншей англичан. Для приступа полковник должен был иметь в своем распоряжении отряд зуавов, элитных солдат, саперов и моряков, этих последних — с приставными лестницами и крюками для преодоления любых препятствий. Саперы имели приказ запастись полными пороху ранцами, петардами и топорами, чтобы разрушить палисады и ворота, расположенные в верхней части военного порта.

Было решено, что полковник ночью бесшумно подойдет к крепости и откроет проход для других войск. Как только полковник завладеет крепостными строениями, он должен выслать часть своих сил вперед по направлению к театру, а с другой частью защищать проход и немедленно предупредить резервы, расположенные позади... Инкерманская канонада заставила отказаться от этого нового проекта атаки⁵¹.

Книга пятая

I. Роль 2-го полка зуавов в Инкерманской битве (5 ноября 1854 г.). Ночь с 5 на 6 ноября. Вид поля битвы возле английского лагеря. Наблюдения, сделанные над трупами русских. **II.** 2-й полк зуавов в лагере у Мельницы. Работы, выполненные войсками. Ураган 14 ноября. Полк получает подкрепление из Алжира. Страдания зимой 1854–1855 гг. Заботливость генерала Канробера. Зуав Б., зуав Д. Деятельность генерала Боске. **III.** Отношения между зуавами и английскими войсками. Английские и французские солдаты за столом. Услуги, оказанные английскими генералами зуавам. Отношения между офицерами двух национальностей. Генералы Пеннефетер, Буллер и Рокби. **IV.** Бригада в лагере у Мельницы, подкрепленная в первых днях февраля 1855 г. Разведка, осуществленная 2-м полком зуавов 12 февраля. Подвиги атаки на Малахов. Бесплодные усилия. Атака в ночь с 23 на 24 февраля. Приготовления и цель. Операция, выполненная 900 зуавами 2-го полка и 450 солдатами морской пехоты. Генерал Моне. Полковник Клер. Капитаны Саж, Декиро, Ворель, Ду. Поручик Бартель. Подпоручик Севестр. Сержанты Ришар и Брейс. Аджюдан Лаказ. Приказ по армии. Награды. Свидетельства дружбы, выраженные зуавам англичанами, и свидетельства уважения, выраженные зуавам русскими. Назначенный генералом полковник Клер покидает полк. Его обращение к войскам.

I

5 ноября 1854 г., в день, запечатленный в анналах французской и английской армий, 2-й полк зуавов должен был сыграть лишь пассивную роль в кровавой битве (развернувшейся отчасти в Инкермане, отчасти — перед траншеями), в которой оборвалась юная и рыцарская жизнь — жизнь неустрашимого Лурмеля⁵². В самое утро 5-го 2-й батальон 2-го полка зуавов был в карауле под началом майора Адама; 1-й — с командиром Малафоссом готовился занять место в отряде генерала Моне, чтобы сменить траншейные караулы. Полковник с двумя ротами был в лагере.

Около семи часов справа слышится сильная канонада, она слишком удалена, чтобы происходить от английских атак на город. Все заставляет думать, что русские возобновляют выпад против Балаклавы.

Вскоре действительно приходит сообщение, что в английском лагере ужасная схватка. Значительные силы, выйдя из Севастополя, атакуют наших союзников⁵³. Пока все готовятся мчаться им на помощь, полковник 2-го полка зуавов, получивший от принца Наполеона приказ выдвигаться со всеми, кто остался в полку, формирует отряд из 350 человек и отправляется на позиции английских войск. Он незамедлительно соединяется с бригадой Моне и батальоном майора Малафосса. Эти войска повернули от траншей и отправились в сторону канонады.

В девять часов бригада Моне выходит на гору Сапун на одной линии с инкерманской мельницей⁵⁴. Генерал Канробер немедленно дает ей приказ расположиться наверху склонов, господствующих над долиной Черной, и показаться русскому корпусу⁵⁵, который, занимая скаты Федюхиных гор и равнину между каналом и рекой, казалось, намеривался атаковать эту часть наших линий.

Генерал Моне берет с собою 19-й стрелковый батальон, два легких полка (20-й и 22-й) и предписывает полковнику Клеру встать во главе зуавов и трех рот морской пехоты.

«Распустите свои кюлоты, чтобы казаться многочисленными», — сказал полковник зуавам. В самом деле, задача этого небольшого войска (около 1000 человек) заключалась в том, чтобы обмануть своей тактикой корпус Липранди, намеревающийся совершить диверсию на левом крае русского наступления и помешать французам прийти на выручку союзникам. Бригада Моне вполне выполнила свою задачу. Нельзя было сказать того же о корпусе Липранди, который ограничился во все это кровавое утро самой незначительной канонадой, заняв кавалерией позицию на небольшой балаклавской равнине и правом берегу Черной.

Тем временем в баталию начинали втягиваться французские войска 2-й дивизии. Бригада д'Отмара⁵⁶ поддерживала уже серьезно ввязавшуюся в бой бригаду Бурбаки⁵⁷. Английские батальоны, с героической твердостью сдерживающие с утра весь натиск вчетверо превосходящего неприятеля⁵⁸ и истребленные картечью, снова сомкнули ряды против батареи, названной в тот же вечер «Бойней» (Abattoir)⁵⁹. Главнокомандующий ранен⁶⁰; он приказывает бригаде Моне оставить хребет горы Сапун и переместиться во вторую линию позади англичан и войск 2-й дивизии, так чтобы образовать первый резерв, заботясь и о нашей введенной в дело артиллерии на возвышенности поля боя. Затем, обернувшись к полковнику 2-го полка зуавов, он произнес: «*Обойдите медвежьи шапки*⁶¹, но, так как вы сейчас мой единственный резерв, а я могу быть атакован справа, сдерживайте пыл ваших зуавов, дождитесь моих распоряжений о вашем вступлении в бой».

Тогда зуавы быстро пересекают поросшую кустарником местность, отделяющую их от английских гвардейцев. Остановившись на небольшом расстоянии от союзников, они размещаются одной развернутой цепью таким образом, чтобы контролировать склоны Черной, держась справа от батальонов генерала Моне, на левом фланге которого был 50-й полк.

Итак, зуавы остаются с оружием в руках под огнем неприятельских батарей, спокойные внешне, но на самом деле горящие нетерпением принять более деятельное участие в битве*.

К счастью для этих храбрых солдат, чья кровь столь драгоценна, холмистость местности позволяет отчасти укрываться от ядер, запускаемых большой русской батареей, устроившейся слева наверху Карьерного оврага. Несмотря на такую диспозицию, в бригаде Моне еще 80 человек выбывают из строя. Принц Наполеон, отправившийся поначалу к месту атаки, направленной на французские траншеи⁶², незамедлительно возвращается в первую бригаду своей дивизии.

Ближе к вечеру, когда русские, убедившись в бесполезности усилий сломить наши линии, заиграли отступление и в беспорядке пошли обратно через Инкерманский мост⁶³, войска генерала Боске вернулись в свои лагеря, а бригада Моне осталась на поле боя, чтобы иметь возможность противостоять противнику в случае повторного наступления с его стороны вечером или в течение ночи.

Едва прозвучали последние выстрелы орудий, герцог де Кембридж⁶⁴ явился поздравить французские войска и предоставил в распоряжение бригады Моне все, имеющееся в его лагере, предложив генералу тотчас послать за бочонками рома для солдат, вынужденных стать биваком без походных палаток. Наши храбрые союзники, оставшиеся еще на ногах, наперебой пожимали руки тем, кого называли спасителями.

Лорд Фредерик Поле, полковник колдстрим-гвардии⁶⁵, палатки которой стояли рядом с биваком зуавов полковника Клера, сказал последнему, грустно пожимая руку: «Пойдемте в мою палатку; еще прошлой ночью ее занимали трое добрых товарищей, павших сегодня на поле чести. Сейчас я один, займите в моем сердце место, принадлежавшее моим друзьям».

Таково было начало товарищества, которое замечали потом между английскими гвардейцами и зуавами, товарищества высокой пробы, так как оно началось на поле Инкерманской битвы, продолжилось суровой и долгой зимой и спаяно сегодня памятью о небрежении опасностью и о пережитых вместе лишениях.

Ночь после этой кровавой битвы была мрачной. Солдаты обеих национальностей медленно бродили по полю, усеянному мертвыми и умирающими, чтобы помочь еще распростертым на земле раненым, которых не успели подобрать. Теперь поле битвы с группами солдат, которые в неясном свете фонарей окликали трупы, лежавшие повсюду, представляло собой скорбное зрелище. Небо было хмурым, воздух холодным, с моря дул ледяной бриз, покачивая кустарник и донося из русского города неясный шум, смешанный с похоронным звоном колоколов. На каждом шагу попадались мертвые, раненые. Очень редко удавалось

* В один момент они могли надеяться, что их горячее желание осуществится: полковнику пришел приказ выдвинуть вперед свой эшелон, быстро пересечь поле битвы и преследовать неприятеля до Черной. Продолев пространство приблизительно двенадцать сотен метров, они получили контрприказ остановиться и заняли позицию на небольшом расстоянии позади батареи «Бойня».

найти хробрца, которому можно было надеяться спасти жизнь. Чаще всего те, что сохранили дыхание жизни, обращали к товарищам взгляд, заключавший последнюю мысль, последнее желание — мысль, которую невозможно было понять, желание, которое никому не в силах было исполнить!

На рассвете полковник 2-го полка зуавов произвел разведку до вершины склонов, находящихся напротив инкерманских руин⁶⁶, и до верхней части гавани. Возвращаясь, он с полковником Гербертом, начальником штаба 2-й английской дивизии, обследовал поле битвы. Скоро удалось заняться сбором многочисленных русских раненых, еще устилавших землю. Эти страдальцы провели не менее ужасную ночь, чем утро накануне. Они безропотно сносили страшные муки. Иные, узнавая французские мундиры, совершали крестное знамение и вскрикивали слабым, умоляющим голосом: «Француз-христианин, прости...»

Трогательная хвала религии прощения и милосердия, знаками которого на поле битвы обмениваются враждующие народы разных церквей, но единой по происхождению веры.

На лицах почти всех смертельно раненных русских солдат была печать кротости. Те, что лежали на спине, в минуту смерти простерли руки вперед, то ли чтобы просить пощады, то ли чтобы укрыться от опасности. У всех на шее были медальоны или медные образки с ликами святых. Были участки земли, буквально скрытые под мертвыми, умирающими и ранеными. Куски лафетов и колес, почерневшие обломки взорвавшихся зарядных ящиков, груды бомб обозначали местонахождение большой русской позиционной батареи, расположенной во время битвы на покатоности отрога позади дороги, спускающейся к Черной, и место полевой англо-французской батареи, находившейся напротив нее на возвышении поля боя между Реданом Бойни и дорогой. За двумя этими батареями лежало множество трупов лошадей, страшно изорванных, с животами, вспоротыми ядрами и снарядами.

В других частях поле сражения, изрезанное зарослями кустарника, было усеяно ружьями, штыки которых очень затрудняли передвижение, особенно кавалеристам.

Когда полковник 2-го полка зуавов поднимался по дороге, параллельной Карьерному оврагу⁶⁷, его внимание вдруг привлекло нечто вроде говора, мрачных возгласов, поднимавшихся из глубины оврага слева. Там в беспорядке было свалено несколько тысяч мертвых и умирающих. Руки колыхались на желтоватом ложе, будто взывая о сострадании. Жалобные голоса тщились произнести слова, которые выходили невнятными, как последнее выражение боли и скорби, вырывающееся из огромного гроба.

Как только подобрали английских и французских раненых, санитары обеих национальностей отправились к оврагу, зловещему и ужасному месту, оказать помощь еще живым несчастным русским. Но по фатальной случайности, по страшной ошибке захохотали неприятельские батареи⁶⁸ на инкерманских развалинах, и бомбы заставили санитаров прекратить благое и милосердное дело. В интересах гуманности будем полагать, что русские приняли эти отряды либо за разведчиков, либо за корпус, готовящиеся к атаке.

Множество трупов было разбросано еще на линии английских укреплений справа и слева от дороги. Целые ряды, лежавшие на земле, обозначали места взводов, павших накануне, обороняя лагерь 2-й английской дивизии от яростной атаки корпуса Саймонова⁶⁹. Склоны перед батареями «Бойня» скрывались под слоем трупов.

В низменных частях поля битвы, где встречалось немного чернозема, вырыли широкие ямы, или, вернее, настоящие котлованы. Потом туда опустили и уложили слоями тела английских и французских солдат, тогда как тела русских захоронили в отдельных ямах. Кроме того, более 500 трупов неприятеля сбросили в большую печь для обжига извести, находящуюся на дне Карьерного оврага.

Утром в этих частях поля боя насчитали около 3000 погибших русских. На следующий день после продолжения поисков, осуществленных повсюду, и в результате допроса пленных и дезертиров урон противника приблизительно можно было оценить в 12 000 человек, выбывших из строя и попавших во власть союзнических войск^{70*}.

По всей видимости, несчастные русские раненые ускользнули от благих поисков наших санитаров, так как двенадцать дней спустя после этой кровопролитной схватки полковник 2-го полка зуавов, направляясь установить пост возле акведука, идущего вдоль низменной части Карьерного оврага, обнаружил четверых неприятельских солдат, раненных 5-го и еще дышавших. Они были распростерты под скалой. На его вопросы, как им удалось выжить, бедняги указали на небо, которое придавало им храбрости, посылало им воду, и показали остатки заплесневелого черного хлеба, найденного в сумках солдат, погибших вокруг них. Их спешно доставили во французские госпитали, но, несмотря на заботы, которых для них не щадили, трое вскоре скончались, а один выжил и был эвакуирован в Константинополь.

Обследования, произведенные на этом страшном поле резни, позволили с этого времени установить заметное различие между русскими солдатами, убитыми на Альме, и теми, что погибли в последующих схватках. На Альме неприятельские трупы являли здоровую внешность, их обмундирование, белье и обувь были чистыми, в хорошем состоянии. При Инкермане тела носили уже следы утомления и страданий. Они, однако, сохранялись, не загнивая, много дней под воздействием холода, так что даже три месяца спустя рядом с отводным каналом внизу так называемого оврага Родник (Source) обнаружилось несколько трупов, пришедших в состояние пергаментных мумий. В течение осады после Инкермана тела, оставленные между траншеями и городом, разлагались очень быстро. При Трактире и Малахове, 16 августа и 8 сентября, они почернели и тут же сгнили. Эти наблюдения доказывают, с какой быстротой суровые осадные труды, отсутствие всего естественного, испытываемые русскими войсками, изменили физические способности защитников Севастополя и сломили самые крепкие организмы.

II

6 ноября в английской штаб-квартире состоялся большой военный совет. Среди прочего было решено, что 2-й полк зуавов и полк морской пехоты вместе с одной батареей будут находиться под командой полковника Клера и этот небольшой корпус войск французской армии расположится лагерем в центре боевого порядка наших храбрых союзников близ инкерманской мельницы.

Полковник должен был условиться с английскими генералами о защите территории между оврагом Килен-балки и возвышенностями горы Сапун до редута Кан-

* Русские донесения исчисляли потери их армии в 8769 человек.

робера⁷¹. На случай атаки русской армии этот старший офицер имел предписание поступать по своему разумению и действовать как можно лучше, следуя собственной воле, до прибытия на поле боя генералов Канробера или Боске, которым он непосредственно подчинялся и которые одни должны были отдавать ему приказы.

Тем временем войска союзников заняли на наблюдательном рубеже следующие позиции.

Легкая дивизия английской армии⁷² — напротив Малахова, протягивая свой правый фланг за верхнюю часть оврага Килен-балки. 2-я дивизия⁷³ — в кульминационном пункте поля боя позади линии траншей, упираясь правым флангом в гребни долины Черной. Между 1-й и 2-й дивизиями — два батальона английской гвардии. На возвышенности редута Канробера за гребнями — батальон колдстрим-гвардии.

Четыре батальона и артиллерийская батарея полковника Клера были расположены позади английских гвардейцев, немного впереди и справа от инкерманской мельницы. Батальоны эти, дабы всегда быть готовыми отправиться в опасные места, остались в повзводной колонне, устроив биваки таким порядком: зуавы — справа, морская пехота — слева. Маленький госпиталь, причисленный к этой бригаде, располагался наверху оврага Килен-балки возле мельницы; артиллерия была позади батальонов, и инженерные войска — на той же линии правее. В нескольких сотнях метров позади были устроены лагерем несколько турецких полков и артиллерийские и госпитальные штабы английской армии. В течение зимы эта диспозиция почти не менялась. В декабре между колдстрим-гвардейцами и зуавами стали биваками гвардейские стрелки и гвардейские гренадеры. Только в феврале несколько линейных корпусов сменили биваки. Принимая командование маленьким французским корпусом, оставленным столь близко к Инкерману посреди английской армии, полковник Клер поспешил найти согласие с генерал-майором Пеннефетером⁷⁴, офицером здравомыслящим и очень опытным, командовавшим 2-й дивизией и отвечавшим за оборону всей линии по ту сторону поля боя и на речных склонах до редута Канробера. Аванпосты зуавов были размещены таким образом, чтобы наблюдать за выходами из оврагов и за нижним течением Черной.

Между солдатами двух национальностей не замедлили установиться добрые и товарищеские отношения. Как братья по оружию, они делили тяжелую и столь важную службу на аванпостах. В первые ночи часты были сигналы тревоги, вызванные передвижениями неприятельской армии. Память о попытках, предпринятых русской армией в кровавое утро 5 ноября, преувеличенные заявления дезертиров заставляли постоянно быть начеку.

Опасаясь, что в том самом месте, где развернулась баталия, будет предпринята новая атака, английские и французские войска возвели несколько сооружений для защиты той части горы Сапун, что спускается к нижнему течению Черной. Левый редут, сооруженный англичанами, назвали их именем⁷⁵. Укрепление, построенное французскими войсками справа на контрфорсе, параллельном дороге, напротив русской батареи у Маяка, получило имя «Редут Маяка»⁷⁶. Сооружения оврагов Карьерного и Родника дополнились брустверами, предназначенными прикрывать полевые батареи.

Батарея «Бойня» вовсе не была вооружена. На возвышенности поля боя перед боевым порядком 2-й английской дивизии французы также возвели большой редут, названный «Редутом 5 ноября»⁷⁷. Наконец, в завершение оборонительной

системы, это укрепление было соединено прерывистыми и непрерывными линиями, следующими по гребням и вершине склона долины Черной, с редутом Канробера, занимаемым французами.

Этими работами несколько дней занимались войска 2-й французской дивизии и бригады у Мельницы. Во время сооружения «Редута 5 ноября» русские устроили на склонах, венчающих правую сторону долины Черной, батарею. Эту батарею, ядра которой падали вблизи рабочих, солдаты, конечно, по причине слабости производимого ею эффекта окрестили показательным именем «Слабак» (*Gringalet*)⁷⁸. После завершения и вооружения французских и английских полевых укреплений, на часть из которых установили морские орудия, командир батальона де Сент-Лорен, начальник бригадных инженеров, договорился с коллегой из английской армии о сооружении *длинного плацдарма* на горе Сапун между оврагом Килен-балки и верхней частью порта с целью укрыть рабочих от огня батарей правого берега и от орудий с пароходов, которые постоянно становились на шпринг в верховьях гавани.

Эта линия получила имя «Англо-французского плацдарма» и позднее служила исходным рубежом для атак на крепость со стороны судоремонтного бассейна.

До сих пор погода была сносной. Она внезапно переменилась в ночь с 13 на 14 ноября. На рассвете дождь с градом затопил лагерь и неистовый северный ветер перевернул все, что было на поверхности земли; ураган стал настолько яростным, что град летел над землей почти горизонтально.

В девять часов утра не было ни одной устоявшей палатки; ветер далеко разносил обрывки полотна и предметы обмундирования.

Люди принуждены были сжиматься в комок, сидя на корточках, чтобы их не унесло вихрями.

Старые зуавы, не однажды испытывавшие на юге Африки действие сирокко и страшных дождевых и снежных бурь, сознавали, что ветра сильнее этого никогда не видали. Несмотря на такой небесный катаклизм, солдаты сохранили всю свою живость. После полудня они вознамерились развести огонь и приготовить тюрлютин. Собравшись ротами, они поставили живую стену, под прикрытием которой смогли приготовить горячую пищу.

На следующий день после урагана часть Херсонесского мыса, соседствующая с инкерманской мельницей, напоминала своими аспидными и серыми красками дно огромного пруда, из которого спустили воду⁷⁹.

В декабре действующие батальоны 2-го полка зуавов получили два подразделения (в 960 человек), присланные из полка, оставленного в Алжире. Более молодые и, главное, менее закаленные, чем их крымские товарищи, эти вновь прибывшие труднее сносили тяготы и лишения зимы; многие попали в госпиталь, и иные более не вернулись в корпус.

Старые зуавы выдерживали все испытания храбро. Довольно легко одетые, не имея для всех (*crimbennes*) *крымчаков*^{80*} и пальто из бараньих шкур, обреченные жить в биваке в маленьких походных палатках, они большую часть зимы прибегали к средствам своей сообразительности, так как администрация, невзирая на все свое усердие и добрую волю, никак не могла удовлетворительно их снабдить. Используя шинели русских, оставленных на поле Инкерманской битвы, под-

* Широкая и длинная шинель с воротником и капюшоном, присылаемая солдатам в Крым из Франции.

бирая вещи мертвецов, брошенных англичанами, они отчасти утеплили этим тряпьем свои маленькие палатки, сделав менее жесткой и сырой землю, на которой спали. Все палатки они вкопали, пользуясь свойствами грунта, представлявшего собой на глубине нескольких сантиметров от поверхности слой хрупкого камня.

Пища, как правило, была довольно обильной. Бережливые по опыту, зуавы скупо угощались повседневной провизией, присылаемой из Константинополя усердным и толковым офицером, поручиком Рео, с каждым небольшим отрядом, направлявшимся в Крым. Зарабатывая деньги на работе в траншеях, солдаты могли покупать съестные припасы и напитки в основном у маркитанток, всегда хорошо обеспеченных.

Бригада полковника Клера, оставленная после Инкерманской битвы посреди английских лагерей и имеющая весьма дурные пути сообщения с основными магазинами в Камыше и Балаклаве, не могла снабжаться столь же быстро, как другие корпуса армии. Однако в самые жестокие зимние погоды она, как и другие корпуса, несколько раз получала вино, водку, сигары и одежду, как правило посылаемые в Восточную армию императором. В дни этих внеочередных наград в биваке случалось большое торжество, и продукты нравились тем больше, что каждый сознавал заботу монарха об армии, которая в тот момент вдали от родины защищала интересы и честь Франции.

Главнокомандующий постоянно заботился о благополучии войск этой бригады. Он часто появлялся в ней, обращался ко всем солдатам с ободряющими словами, заходил в их маленькие палатки, с предельной доброжелательностью выслушивал суждения о солдатской жизни, какие любой зуав считал вправе ему высказать. В самую суровую зимнюю пору, когда снег укрывал местность, где находились аванпосты, солдаты бригады, не имевшей еще больших палаток, не могли ежедневно переставлять с места на место свои походные палатки, затвердевшие от инея и льда. Стало быть, на посты, занимаемые двадцать четыре часа, они их тащить не стремились, потому как, сменившись с караула, палатки нужно было устанавливать на прежнее место в биваке, ставшее мокрым от снега и дождя. Зная об этом, генерал Канробер отдал приказ доставить из Камыша в лагерь у Мельницы пятьсот походных палаток. К несчастью, в то время все транспортные средства администрации были задействованы для доставки продовольствия. Великодушный приказ генерала не мог быть выполнен. Уведомленный о задержке, замечательный генерал поспешил послать в Камыш адъютанта, капитана Шара, и мулов, купленных для себя и за собственные средства, чтобы привезти в лагерь у Мельницы пятьсот походных палаток, предназначенных для аванпостов.

Он сообщил это распоряжение полковнику Клери, предупредив, чтобы тот, поскольку путь от штаб-квартиры в Камыш и оттуда в лагерь у Мельницы долгий и трудный, послал навстречу отряду своих *собственных* мулов и наряды, которые помогли бы обозу добраться до лагеря.

Несмотря на постоянную заботу командиров, солдаты пережили трудные моменты, особенно начиная с того дня, как, взяв на себя все обслуживание наблюдательной линии, они принялись за строительство наступательных траншей Киленбалки. В январе они неоднократно проводили по двадцать четыре часа в снегу без огня и укрытия. В феврале стало не так холодно, но оттепель часто заканчивалась на склоне дня теплым и мелким дождем, а потом мороз, крепчающий в последние часы ночи, превращал в ледышки влагу, пропитавшую их одежду.

Во время этих тяжелых испытаний офицеры и унтер-офицеры перед лицом страданий подавали солдатам пример верности долгу и стойкости. Ослабленные трудной и непрерывной службой, они, имея горячую пищу, боролись в палатке с болезнями, дабы быть готовыми снова занять место во главе своих рот, когда придется идти на противника или нести службу в траншее и на сторожевой заставе. Иным эта высокая самоотверженность в служении долгу стоила жизни. Лейтенант Плазоле, ревностный и энергичный офицер, будучи очень больным, продолжил службу. Отказавшись отправиться с обозом раненых в Константинополь, он умер в первые дни зимы, унеся в могилу уважение командиров и скорбь товарищей.

Сами солдаты, сопротивляясь болезням, противопоставляли страданию отвагу. Многие готовы были скорее умереть на поле боя, нежели проситься в госпиталь или эвакуироваться в Турцию.

Зуав Б., старый африканский солдат, чувствуя, что силы его покидают, однажды, возвращаясь в лагерь после службы в траншее, сказал товарищам: «Ну, ну, б..., ноги отказываются служить, чую, что стар и скоро *скисну*. Чем попасть в *лодыри*, я предпочитаю покончить с жизнью». Товарищи не придали никакого значения его словам, но, едва вернувшись в бивак, услышали выстрел. Бросившись в маленькую палатку Б., они нашли его мертвым и еще держащим большой палец ноги на спусковом крючке своего ружья. Немногие поддавались унынию. Другой зуав, А. Д., который вел жизнь Жиль-Блаза и поступил на службу уже в годах, очень хорошо исполнял в комической труппе роль *благородного отца*. Не имея мочи вытерпеть скуку зимы, проведенной вдали от радостей кулис, в одну прекрасную ночь он исчез. Как утверждали товарищи, он узнал от русского дезертира, что в Севастополе играют комедию, и отправился искать директора городского театра, чтобы записаться в его труппу... После восьмидневного отсутствия А. Д. добровольно явился в камышинскую жандармерию и вернулся в полк в платье, не имеющем ничего общего с мундиром. Рассудок его был в совершенном разладе, так что он не смог или не захотел дать никаких объяснений относительно своего времяпрепровождения в дни дезертирства. Все его товарищи остались убеждены, что он совершил путешествие к русским. «Вот как, — говорил один шутник, — он не сумел поступить на службу к *Талии* и вернулся, чтобы в ожидании лучших дней взяться за кирку и ружье на службе у *Марса*»⁸¹.

Позиции, занятые русской армией на высотах Инкермана и Мекензи, в Чоргуне и на Федюхиных горах, принуждали сторожевые войска к очень тщательному наблюдению — во избежание внезапных нападений. Аванпосты находились очень близко друг к другу. Между передними часовыми иногда начинались разговоры с помощью жестов и нескольких французских или русских слов. В морозы молчаливое перемирие, заключенное с обеих сторон, позволяло часовым вылезать из засады и попрыгать, чтобы согреться. Но этот обмен вежливости имел место в основном между французами и русскими.

Генерал Боске, командовавший всем французским фронтом, обладал неутомимой энергией, каждый день он посещал различные пункты, устанавливая позиции аванпостов в зависимости от маневров неприятельской армии. Он сам следил за неукоснительной аккуратностью службы, и офицеры его штаба постоянно были в седле, чтобы везти его приказы, а он в любое время дня и ночи получал донесения своих помощников.

III

Лравно, лишь эта ежеминутная бдительность спасала сторожевую армию от нападений.

Расположение бригады Клера посреди английской армии имело также самый благоприятный моральный эффект, так как повседневно смещение солдат двух национальностей установило между войсками задушевность, которая могла быть вызвана только постоянными отношениями.

До Инкермана англичане и французы держались в границах прохладной и, так сказать, официальной вежливости. Из-за столь разительного различия характеров, из-за памяти о старой национальной вражде иначе и быть не могло. Гражданское и военное воспитание наших офицеров, живущих с солдатами, и воспитание английских офицеров, джентльменов вне жизни полка, долго должно было диктовать эту манеру поведения даже высшим чинам.

Вот почему, когда в порту Мальты, в Дарданеллах, на Босфоре французские корабли салютовали крепостям или шли бок о бок с английскими пароходами, экипажи по приказу обменивались криками «ура» и оркестры отзывались на «Отъезжая в Сирию» «God save the Queen»⁸², но на этом — все. Во Фракийском Херсонесе в лагере у Булера, в Болгарии в лагере Варны английские и французские офицеры попробовали обменяться вежливыми приглашениями, солдаты, в основном зуавы и шотландцы, даже несколько раз братались со стаканами в руках — но это были еще натянутые чувствоизъявления. При высадке в Крыму две армии не становились биваком вместе, англичане заставили себя ждать во время атаки 20 сентября, сообщения были редки, и полки ограничивались отношением друг к другу скорее вежливым, нежели сердечным. Однако на другой день после Альмы, хотя войска двух национальностей и не перемешались, лед начал ломаться. Совместно пережитые на поле боя опасности, добытая слава, общее боевое крещение — все это способно было сблизить. Победители, обходя театр своего недавнего успеха, вспоминая эпизоды того славного дня, смогли вполне оценить друг друга. Французы восхищались хладнокровной и решительной храбростью, которая заставляла их бывших врагов идти под картечь грозных батарей, не моргнув глазом, не ускоряя и не замедляя шаг и лишь смыкая ряды, чтобы скрыть человеческие бреши, проделанные неприятельскими орудиями. У англичан же был на памяти бросок наших пехотинцев, ухитрившихся превратить большое сражение в настоящие скачки с препятствиями, бросок, после которого русские, говоря о зуавах, утверждали, что «африканцы в тот день были безумными или пьяными».

Итак, на Альме пехоты обеих армий начали взаимно ценить друг друга и понимать, что всякий раз, когда они будут сражаться бок о бок, победа не сможет ускользнуть от них.

А вскоре блестящие балаклавские атаки установили уважительные отношения также и между двумя кавалериями. Французская конница стала свидетельницей хладнокровной отваги английской кавалерии, которая, раба своего долга и дисциплины, шла на смерть, выполняя злополучный приказ⁸³. Английская конница увидела в деле наших африканских стрелков⁸⁴, кидающихся на своих быстрых, выросших в пустыне лошадях, с саблями наголо против эскадронов и батарей.

И все-таки под Севастополем, как и на Альме, было два поля битвы, два центра событий: англичане — с одной стороны, и французы — с другой. Но скоро зазвучали орудия Инкермана, скоро военная случайность свела на одном поле

битвы и славы войска двух национальностей. Французские солдаты бились против русских, если допустимо так сказать, перемешавшись с солдатами английскими. Когда батальоны бесстрашного Бурбаки, 3-й полк зуавов, туземные пехотинцы храброго полковника Вимпфена на бегу откликнулись своим воинским африканским кликом на «hurrah for the French»⁶⁵ англичан, войска двух национальностей являли собой не что иное, как единую армию. Тогда-то на самом деле и зарождалось товарищество между нами и нашими союзниками. Это было справедливо, ибо мы могли восхищаться нашими достойными соперниками в деле славы, которые с утра удерживались на своем оборонительном рубеже, падая под картечью, но всякий раз поднимаясь, несмотря на безнадежные усилия русских, превосходящих их числом. Мы видели этот живой вал несокрушимого сопротивления, вал, кровавые бреши в котором, проделанные орудиями, тотчас закрывались остатками искалеченных полков... Со своей стороны те, кто были еще в английской армии на ногах, видели наши батальоны, выходившие на поле резни с быстротой молнии, без колебания кидавшиеся навстречу глубоким неприятельским колоннам, батальоны, атаковавшие русских с фланга и с фронта с тою французской яростью, которой так страшились во все времена, и вынудившие массы русских отказаться от своих замыслов и вернуться в стены Севастополя, пройдя перед этим в беспорядке мост через Черную.

Итак, в тот день к взаимному уважению прибавилась благодарность за оказанную услугу. К этой благодарности скоро прибавилась совместная жизнь: жизнь в лагере, жизнь в биваке, жизнь в условиях тяжелой траншейной работы, распределение пищи, огня, общие средства к жизни, улучшения быта, материальные блага, потери, заботы, услуги.

2-й полк зуавов, морская пехота, гвардейские батальоны и 2-я английская дивизия, имея общие биваки в лагере у Мельницы, страдания от суровой зимы, тяжкие труды и лишения, все делили между собой. С того времени с обеих сторон определенно установилось самое искреннее радушие и задушевность без обиняков и задних мыслей.

Английские солдаты, более богатые на карманные деньги, чем наши, и испытывавшие недостаток в маркитантах, заходили к столу зуавов. Совершались обильные возлияния. Между воинами двух армий, наполовину с помощью жестов, наполовину с помощью слов, завязывались настоящие, длинные беседы, хотя зуавы зачастую были столь же несведущи в английском языке, сколь гвардейцы во французском. Но наши brave африканцы, благодаря запасам языка *сабир*, коим они объясняются с арабами, никогда не смущались такими пустяками.

В лагере у Мельницы этот язык ограничивался в основном следующими фразами: «*Englisch bono, Francis bono, Englisch et Francis semis amis, bibir soua soua, Crimea maskach bono, Frbia bono, chapard beseff*», которые переводятся приблизительно так: «Англичанин хороший, француз хороший, англичанин и француз хорошие друзья, они пьют вместе; Крым плохая страна, Африка лучше, там есть чем поживиться».

Понятно, что эти ужасные *варваризмы*, способные заставить сорок кресел Академии плясать, как на шабаше, а *бессмертных*⁶⁶ перевернуть кверху ногами, обычно сдобривались бесчисленным количеством рюмок. По натуре словоохотливый зуав забывал, что новый друг с другой стороны Ла-Манша не может его понять, и принимался рассказывать о самых волнующих эпизодах своих африканских набегов. Бесстрастный Джон Буль⁶⁷ добросовестно слушал, непрерывно пил и каждые пять ми-

нут невозмутимо изрекал великолепное проклятие. За историей — история, за проклятием — проклятие, за восхищением — восхищение, за рюмками шли стаканы, за стаканами — бутылка, и англичанин падал пьяным у ног зуава, который прерывал рассказ, чтобы выпить в свою очередь за Англию и оттащить в свою палатку любезного сотрапезника, и хорошо еще, если браваый *шакал* не брался провожать колдстрим-гвардейца или шотландца по зыбкой почве *Бахуса*, потому что тогда они тащили друг друга, падая на каждом шагу. Так обычно заканчивались великие братания за столом.

За этим столом иногда случалось бывать зуавам, знающим несколько английских слов, или, чаще, нескольким англичанам, немного владеющим французским. Тогда завязывались долгие и занимательные рассуждения о Крымской войне, достоинствах воюющих армий. Заканчивали всегда согласием делить между собой работу, опасности и славу. «Послушайте-ка, — говорит однажды один из собутельников, — чем же занята Турция? Пока она донимает Магомета своими молитвами, которые длиннее, чем дорога от Константинополя до Парижа, мы за нее *убиваемся!* Ну не хитрые бестии!..» — «Оставь турок, — отвечает ему другой гуляка, — они храбрее нас; их можно оккупировать, если только они *передохнут*, как собаки, а подышают они, не жалуясь... И ты, б..., сам на это не способен».

Последний зуав был близок к истине: несчастные батальоны Редифа (мобилизованной национальной гвардии), посланные в Крым, без сомнения, для того, чтобы напомнить союзникам, что на поверхности земли еще существует несколько турок, умирали, не жалуясь. Плохо снабжаемые, плохо устроенные, они буквально *таяли*, и их кладбища разрастались с каждым днем за счет их лагерей**.

Английские и французские офицеры собирались очень часто. Всякий раз, когда одна или другая сторона получала запасы сигар, кофе и чая, офицеры приглашали и посещали друг друга с самым искренним радушием.

Английские генералы очень любили зуавов и не упускали случая засвидетельствовать милостивую к ним приверженность. Так, генералы Пеннефетер и Буллер⁸⁸, командовавшие 2-й английской дивизией, лорд Рокби⁸⁹, командовавший гвардейской бригадой, простерли свою любезность и благожелательность до того, что послали зуавам шерстяные вещи, когда получили их для своих войск. Лорд

* Солдаты предпочитали произносить «Turge» вместо «Turc».

** В лагере у мельницы своеобразный характер обоих народов представлял в обнаженном виде. Столь хладнокровно храбрые в бою англичане в лагере выглядели степенными. Зуавы, наоборот, подобно смышленным и трудолюбивым бобрам, едва сняв мушкет и патронную сумку, изобретательно обустроивали свои жилища до вида чуть ли не комфортабельного. Они утепляли палатки всяким тряпьем, какое только удавалось раздобыть, выдалбливали в камне комнатики, мастерили каминь. Англичане восхищались их талантами и пользовались ими, потому что за зуавы всегда были расположены помочь своим друзьям-островитянам. Среди зуавов был браваый парень, саперный капрал, который в конце концов снискал репутацию истинного *архитектора*. В лагере у Мельницы его знали под псевдонимом *Простуженный* — прозвище, полученное за голос, беспрестанно испытывающий воздействие многочисленных и обильных возлияний. Принятый в гвардейские зуавы, он среди первых бросился в атаку на Малахов; а затем, раненный в ногу, оставался двадцать четыре часа погресбленным под мертвыми и умирающими в русской траншее, был зачислен в погибшие и вычеркнут из списков. Когда его уморили хоронить, он воспрял, категорически этому воспротивившись, доковылял до госпиталя, был эвакуирован в Константинополь, ни за что не соглашался на ампутацию и через шесть месяцев с *перевязанной* ногой предстал перед полковником гвардейских зуавов, требуя вернуть ему место во главе саперов. Благодаря императорской щедрости, которая распространялась на всех искалеченных и ампутированных в Крыму, он поселился около Парижа на хорошую пенсию.

Рокби вручил офицерам часть вещей, отделанных принцессами и леди Рокби и посланных офицерам гвардии е. в. королевой Викторией. Лорд Раглан, сопровождаемый частью своего штаба, через несколько дней после 1 января 1855 г. нанес визит полковнику Клеру. Главнокомандующий английской армией в самых теплых словах засвидетельствовал удовольствие, которое он испытывал, видя согласие и гармонию, царившие между войсками обеих национальностей, и душевные отношения, установившиеся между офицерами зуавов и английской гвардии.

В

IV

В первых днях февраля французская бригада в лагере у Мельницы была усилена 2-й бригадой 3-й дивизии. Генерал Моне принял командование 1-й бригадой, а генерал Мейран⁹⁰ после отъезда принца Наполеона — командование дивизией.

К тому же времени атака крепости на позициях Малахова была принята в принципе⁹¹: решили, что атака будет вестись с двух сторон оврага Килен-балки и что операцию поручат 2-му корпусу под началом генерала Боске.

Этот февраль 1855 г. должен был дорого стоить 2-му полку зуавов.

12-го ночью 300 солдатам полка поручили разведать русские посты, расположенные на нижней части горы Сапун, между оврагом Килен-балки и верховьями порта. Эта разведка должна была привести несколько пленных⁹². Операцию произвели до Килен-балки, но русские отступили с такой стремительностью, что невозможно было ни одного из них захватить. После разведки решили продвигать строительство апрошей⁹³ между англо-французским плацдармом и параллелью, начатой нашими союзниками, затем устроить батарею из 15 орудий⁹⁴ на так называемой параллели «Сент-Лорен», совершенно ее закончив.

С 12 по 22 февраля 2-й полк зуавов принял самое деятельное участие в этом новом наступательном строительстве параллелей и батарей.

Русские, обороной которых руководил выдающийся офицер⁹⁵, поняли значение новых наступлений на кульминационную точку Малахова. Видя, что мы продвигаемся к краю плато, они предприняли род проявления силы, возведя в ночь с 21-го на 22-е в 1000 метрах от французской параллели весьма протяженный контрпрош⁹⁶.

Велико же было изумление, когда 23-го увидели работу, проделанную защищавшимися, и обозрели туры⁹⁷, уже начавшие покрываться землей. Несколько генералов собралось в параллели, чтобы исследовать этот отрезок обороны и подумать о противодействии новому препятствию. Русское укрепление казалось слишком удаленным от траншей, чтобы стать оккупированным постоянно, но представлялось возможным захватить его моментально — лишь для внушения неприятелю мысли, что мы решили немедленно уничтожить всякие наружные сооружения, какие они только ни решились бы возвести.

Это была одна из самых сложных операций, попытаться осуществить которую можно было только ночью. Для ее выполнения нужны были надежные войска, храбрые, сильные солдаты, не отступающие перед опасностью, и толковые, дабы приказы понимались верно и исполнялись буквально. Выбор пал на зуавов. Генерал Боске непосредственно должен был подготовить атаку, а управлял ею генерал Мейран. Командование войсками поручили генералу де Моне; в распоряжение последнего предоставили 900 зуавов и 450 солдат морской пехоты. Для

резерва этим трем небольшим батальонам дали два батальона 6-го и 10-го линейных полков под командой подполковника Дюбо и разместили их в параллели.

Таким образом, 1400 отважных мужчин собирались появиться, *оставить свои визитные карточки* на неприятельском укреплении, где многие должны были погибнуть безо всякой иной цели, как только потревожить на минуту противника, доказать ему, что его не оставят в покое. Порой у войны ужасные потребности!..

Вечером 23 февраля генерал де Моне и полковник Клер были вызваны в палатку генерала Мейрана для получения инструкций.

На тот день у 2-го полка зуавов пять рот было либо в траншеях, либо на сторожевых заставах, так что он не смог выделить более 900 солдат и 25 офицеров. Сформировали два батальона из шести взводов.

Генерал де Моне и полковник Клер получили приказ атаковать русские оборонительные сооружения, более известные под названием Селенгинского и Волынского редутов⁹⁸, а еще более — под именем Белых Укреплений; по возможности держаться там необходимое время для разрушения начатых работ; осуществить разрушение до прихода вражеских подкреплений; по сигналу, который даст командир задействованных войск, уйти во французские траншеи.

Итак, видно, что в любом случае была тысяча шансов иметь значительные потери для того только, чтобы получить моральный результат и попробовать добиться слабого материального результата.

Вернувшись в лагерь, полковник Клер собрал вокруг себя офицеров и унтер-офицеров своего полка и дал им боевые указания. «Соблюдайте полнейшую тишину, — сказал он, — нужно скрыть наш маневр. Оставьте сабельные ножны и все, что может шуметь; боевой крик зуавов должен раздаваться только в случае боя в самом укреплении или, если, отступая по сигналу, совершенно заблудитесь. Ни единого выстрела; ночь, пальба — дело ненадежное, пули угодят в своих точно так же, как в неприятеля. Наше оружие — штык и приклад». Эти общие указания были восприняты, и полковник прибавил: «Письма из Франции сообщают о моем назначении в чин генерала; назначение совершилось вместе с появлением указа о создании новой дивизии... В запоздании я усматриваю новое доказательство моего везения и моей доброй звезды. Вы всегда верили в них; сегодня провидение еще раз позволяет мне остаться во главе вас и записать на вашем знамени еще один славный бой...»

Полк выказывал истинный энтузиазм и беспримерный пыл. В ряды тех, кто участвовал в экспедиции, проникли счетоводы, ординарцы, даже больные, когда около десяти часов вечера батальоны построились, чтобы отправиться на англо-французский плацдарм, назначенный местом сбора войск.

В полночь маленький экспедиционный корпус отправился с англо-французского плацдарма во вторую параллель. Два батальона зуавов остановились за широкими рвами, прорытыми справа и слева в бруствере.

В центре было 450 человек морской пехоты с генералом Моне. Этот маленький батальон должен был поддержать и усилить один из батальонов зуавов, который нуждался бы в этом.

В час ночи луна скрылась. Тотчас небо, покрытое густыми серыми облаками, стало таким темным, что ни один предмет, возвышающийся над землей, не был уже различим в двух шагах. Через полчаса два батальона зуавов бесшумно вышли из параллели повзводной колонной. Правая колонна — под началом полковника

Клера и командира батальона Лакретеля, левая — под командованием Дарбуа. В голове каждой атакующей колонны идет в шестидесяти шагах рота, образующая авангард и сообщающаяся с ядром батальона через другую роту.

По условленному знаку две колонны начинают движение; правая без единого выстрела доходит до крайней линии ложементов⁹⁹. Едва колонна входит в эту линию, ее встречает сильнейшая стрельба во фронт и с флангов, и притом с очень малой дистанции¹⁰⁰. Чтобы хорошо видеть противника и целиться наверняка, русские освещают подступы к ложементам с помощью осветительных снарядов и бомб, которые разливают вокруг то яркий, то тусклый свет, озаряющий волнующую сцену ужасного ночного боя. Тем временем, поскольку наиболее сильный огонь открыт с левого фланга, четыре роты поддержки первой колонны меняют направление и быстро берут в штыки русские ложементы. В несколько минут весь центр поля сражения выметен. Левая колонна, которую ведет инженерный офицер, переходит глубокий овраг и поспевает к месту схватки тогда только, когда весь первый батальон сильно втянулся в бой. Ускоренным шагом подходят четыре роты под началом батальонного командира Дарбуа; тьма такая, что войска готовы сойтись в штыки, приняв друг друга за неприятеля. Слава небесам, приказ не стрелять был соблюден зуавами неукоснительно¹⁰¹.

Русские, однако, дали пройти авангарду двух колонн сквозь свои ложементы. Вскоре этот авангард оказывается прямо посреди рот неприятеля, расположившихся небольшими каре впереди и по флангам укрепления. Как только авангарды убеждаются, что перед ними русские, завязывается яростный бой штыками и прикладами. Здесь среди солдат были ранены поручики Баратшар и Бартель.

Скоро в передних ложементах появляется с батальоном морской пехоты генерал де Моне, задержавшийся из-за труднопроходимой местности. Раненый несколькими выстрелами, он вынужден передать командование полковнику Клеру, призвав его к себе, затем, делая последнее усилие и указывая солдатам на русские укрепления, он кричит: «За мной, мы должны быть там!»

Избавившись от части войск, защищавших подступы к укреплению, полковник Клер поручает управление атакой справа майору Лакретелю, слева — майору Дарбуа, и, взяв с собой ротные подразделения двух своих батальонов, несколько солдат морской пехоты, которой командуют батальонный командир Мермье и капитан Мерльде Бофонд, он приказывает подать сигнал к возобновлению атаки и идет прямо на укрепление.

После того как выдержан первый огонь русских, устроившихся на берме¹⁰² за парапетом, заслон из туров наверху контрэскарпа снесен; довольно широкий, но неглубокий ров преодолен; 2-й батальон Селенгинского полка опрокинут, и зуавы врываются на парапет. Но этот успех не обходится без самых ощутимых потерь: решительные офицеры и храбрые солдаты, образующие голову атакующей колонны полковника, падают вокруг него. Сам он спасается от разорвавших его мундир русских штыков лишь благодаря удачному падению за тыльную сторону парапета. Собрав осколки своего маленького войска, так чтобы перемешавшиеся русские и французы не дрались (русские остаются в окопах непоколебимы, несомненно, подчинены порядку, и французам кажется, что перед ними трупы), объединив всех, кто остался еще из бесстрашных товарищей, полковник приказывает им прижаться друг к другу, прикрываясь турами, и дожидаться таким образом подхода резервов.

Русские незамедлительно замечают численную слабость врагов; тогда они приближаются, так как предупреждены и находятся начеку*. Они бесшумно окружают зуавов, охватывая их кольцом, которое все сильнее сужается и лишает зуавов всякого средства к отступлению. Они так близко, что зуавы принимают их за войска подкрепления и кричат, чтоб те не стреляли, но на призыв отвечает команда по-русски, и зуавы мгновенно оказываются в огненном кольце, извергающем град пуль. К счастью, пули проносятся над их головами в неприятельские батальоны, расположенные на банкетах¹⁰³ укрепления**. Несколько русских солдат, более отважных, чем их товарищи, гибнут на французских штыках.

Вид этой борьбы, озаренной огнем из крепости, страшен и фантастичен. Позади укрепления выстрелы пароходных и крепостных орудий выделяют на горизонте Севастополь и рейды; в укреплении — горсть солдат, окруженных и решивших скорее дорого продать свою жизнь, нежели сдаться; впереди — земля, покрытая снегом, которую бороздят тени нескольких отрядов, стремящихся примкнуть к атакующим колоннам; набат, примешивающий свой скорбный голос к крикам раненых и грохоту стрельбы; наконец, длинные шинели русских пехотинцев, перемешавшихся с зуавами в красных фесках, и казаки-волонтеры, черные шапки которых, подбитые огненными клиньями, движутся по краям рва — все это соединилось, чтобы придать ужасной сцене дьявольский вид.

Некоторое время длится неравный бой, но наконец французский горнист трубит отступление. По этому сигналу войска, втянутые в бой и еще не окруженные, отходят, но маленький отряд, который находится в редуте в центре, не может решиться покинуть эфемерные завоевания, стоившие элиты 2-го полка зуавов.

* «Journal de St.-Petersbourg» от 13 марта, сообщая очередные новости из Крыма, показывает, что русские были подготовлены к этой атаке.

• Чтобы дополнить, — говорит эта газета, — крымский бюллетень касательно неприятельской атаки на Селенгинский редут в ночь с 23 на 24 февраля, вот подробности этого дела, извлеченные из рапорта главного адъютанта барона д'Остен-Сакена от 27 февраля, направленного предьдущему главнокомандующему наземными силами в Крыму.

К вечеру 23-го войска, предьназначенные завершить строительство редута, начатого предьдущей ночью, были расположены следующим образом.

Селенгинский пехотный полк — на редуте: 4-й батальон — на строительстве, 2-й и 3-й — внутри укрепления, и 1-й — во рву.

Батальоны Волынского пехотного полка были выдвинуты для защиты работ: 4-й — в колонне, его роты — по ту сторону ложементов, сооруженных перед редутом, 1-й и 2-й — справа от редута, и 3-й — слева в атакующей колонне.

Пешие казаки черноморского батальона № 8 занимали секреты перед нашими ложементами».

Девять этих *хорошо подготовленных и хорошо расположенных* батальонов, вполне возможно подкрепленные во время операции резервами из Килен-балки, таким образом, ожидали наступления на *укрепленную* позицию, которую поддерживали на правом фланге городские орудия между Малаховым и верховьями Килен-балки, сзади — орудия с кораблей и батареей правой стороны порта, на левом фланге — навесный огонь с пароходов «Владимир», «Херсонес», «Громоносец», стоявших на шпринге в верхней части порта.

900 зуавов 2-го полка, выйдя из траншей, еще не вооруженных орудиями, преодолев 800—900 метров по овражистой местности, покрытой кустарником, глыбами камня и снегом, изрезанной многочисленными ложементами, пытались атаковать эту грозную позицию.

** Русские, защищавшие внутреннюю часть редута, конечно боясь попасть по солдатам 1-го Селенгинского батальона, перемешавшимся с зуавами во рву, не стреляли по этой части укрепления.

Полковник по-прежнему надеется, что возобновленное наступление даст ему победу. Но во французских траншеях раздаётся второй сигнал, и нужно отступить. Клер собирает вокруг себя несколько человек, держащихся еще на ногах, и громко кричит им: «Не доставим этим б... удовольствия отвезти в Россию полковника зуавов, лучше смерть!» Затем, подавая пример, он бросается сломя голову с горсткой храбрецов на массы русских. Тогда начинается драка прикладами, штыками и даже кулаками, в которой, прокладывая кровавый путь товарищам по оружию, падают храбрые солдаты.

Тут падают храбрый капитан Саж и юный подпоручик Свестр, прибывший в полк пятнадцать дней назад и погибший в ту минуту, когда ему показалось, что он различает на левом фланге зуавов своего взвода, и он позвал их.

Капитан Бано падает под ударами русских, но поднимается, чтобы следовать за своим полковником. Назначенный в награду за храброе поведение командиром батальона в 3-м полку зуавов, он был убит, мужественно отражая вылазку русских ночью 23 марта.

В конце концов горстке героических солдат удастся прорвать линию противника и добраться по местности, покрываемой шрапнелью, до французских траншей.

В минуту, когда они достигли параллели, полковник Клер натывается на группу зуавов, бегущих в сторону русских. «Вы куда, — кричит он, — не слышали сигнала к отступлению?..» — «О! Полковник, — отвечают храбрецы, — это вы! Нам сказали, что вас захватили, и мы побежали вас искать хоть в самом Севастополе...»

Что прекрасней этой похвалы великолепных солдат, как передать эти простые и благородные слова безграничной преданности!

В ту злополучную ночную атаку у зуавов было ранено и убито 18 офицеров из 25-ти участвовавших в бою, ранено или убито 200 унтер-офицеров и солдат. 63 погибших и 13 раненых осталось в неприятельском укреплении. Из всех офицеров, предложенных в ряды гвардии зуавов, один смог туда попасть — остальные погибли или выбыли из строя¹⁰⁴.

Приведем несколько примеров храбрости, проявленной в опасности.

Капитан Саж ранен в ногу и падает рядом со своим полковником, когда зуавы силой прокладывают себе дорогу; русские подобрали его и отвезли в Севастополь; он умер через день, несмотря на заботы, какими его окружили. Это был офицер, преисполненный мужества, бодрости и живости, преждевременную его кончину оплакивал весь полк. В ночь атаки его рота была в сторожевой заставе; он не сопровождал ее, потому что исполнял обязанности капитан-майора в боевом полку. Он добился того, чтобы идти со своим полковником и драться добровольцем. Это непомерное усердие стоило ему жизни.

В капитана Дскиро пуля угодила, когда он перебирался через парапет вражеского редута. Так как отличительные знаки его звания выделялись на мундире очень сильно, русские приняли его за полковника*.

* Вот список наград, назначенных главнокомандующим по 2-му полку зуавов.

Офицеры Почетного легиона: господа Бланше, капитан, и Лакретель, командир батальона.

Кавалеры: господа Баратсар, поручик; Рамбо, подпоручик; Дю Мазель, капитан; Лакретель, капитан; Фомбон, сержант; Виньё, старший сержант; Эгро, сержант; Тюрья, сержант.

Военная медаль: Прадель, сапер; Эсмё, сержант; Демон, старший сержант; Дорида, сержант; Файо, сержант; Пру, солдат; Дерлик, солдат; Эмбре, капрал-горнист; Тайян, капрал;

Капитан Борель, человек столь же скромный, сколь и храбрый, был ранен в ногу и умер после ампутации. Он уже несколько дней лежал больным в палатке, но пожелал вести в бой свою роту. Он решительно пошел с ней в атаку на левом фланге и получил рану, когда ворвался в редут.

Капитан Ду, смертельно раненный на парапете, сказал своим солдатам, которые хотели его вынести: «Нет, нет, оставьте меня умереть здесь, мне осталось жить несколько минут. Возвращайтесь к сражению, там без вас не обойдется». Крест капитана Ду, присланный генералу Канроберу губернатором Севастополя, был отправлен престарелому отцу капитана полковником 2-го полка зуавов... Драгоценная реликвия, которой семья может гордиться...

Раненный в первый раз при переходе через ложементы, поручик Бартель продолжал идти вперед во главе своей роты. Выстрелом ему раздробило ногу. «Ступайте дальше, — сказал он солдатам, собравшимся его вынести, — это лучший способ доказать мне вашу преданность». Через мгновение храбрый поручик пал под русскими штыками и более уже не поднялся. Это был блестящий боевой офицер.

Как мы сказали выше, подпоручик Севестр был смертельно ранен несколькими ударами штыка, когда спешил присоединиться к своим зуавам, прорывавшимся сквозь русские батальоны. Выпускник военной школы, всего несколько дней назад попавший в полк, этот юный офицер уже сумел заслужить, благодаря своим качествам, всеобщее расположение. Он умер, получая боевое крещение.

Пример неустрашимости подали также сержанты Ришар и Брейс. Первый, обладающий огромной физической силой, погиб на парапете укрепления после того, как уложил прикладом ружья нескольких русских. Второй — старый солдат, поседевший на службе, — получил смертельную рану во рве редута. Зуавам, собравшимся подобрать его при отступлении, он крикнул: «Мое дело сделано, спасибо, друзья; оставьте меня и постарайтесь сделать ваше!»

Адьюдан Лаказ, тяжело раненный при атаке на редут, остался во рву и попал в плен к русским.

Сапер Прадель и зуав Тебо, ординарцы полковника, назначенные охранять его палатку, пожелали следовать за своим командиром. Первый был опасно ранен, а второй во время атаки ни на минуту не терял из виду своего командира.

Еще многие зуавы погибли, подав пример мужества и безропотности. Товарищам, слышавшим их последние слова, не удалось совершенно полно собрать их имена, менес известные, нежели имена офицеров и унтер-офицеров.

Генерал Остен-Сакен¹⁰⁵, губернатор Севастополя, в письме, которое он прислал через день после боя главнокомандующему союзными армиями, воздал должное мужеству, проявленному зуавами в атаке ночью с 23 на 24 февраля. Он писал: «Спешу сообщить вам, что те из ваших погибших храбрых солдат, которые

Шазаль, солдат; Моро, солдат; Бран, горнист; Лабрю, старший сержант; Муфар, солдат; Паже, сержант; Дюбуа, солдат; Буде, сержант; Авран, капрал; Мартинель, солдат.

Повышения:

в чин батальонного командира: Банон, капитан;

в чин капитана: Гийро и Фрассето, поручики;

в чин поручика: Дуссо и Вийен, подпоручики;

в чин подпоручика: Сийян и Венсандон, старшие сержанты; Прадье, адьюдан; Пепен, Лабрюн, Боск, старшие сержанты; де Сето, сержант.

остались в наших укреплениях ночью 23, преданы земле в присутствии части гарнизона и со всеми почестями, подобающими их *примерной отваге*».

Несколько раненых зуавов, подобранных русскими на поле боя, встретили в Севастополе благожелательные заботы, скрасившие для них горечь заточения.

Огромную симпатию к зуавам проявили после сражения англичане. Вернувшись в траншеи, полковник Клер встретил начальника штаба 2-й английской дивизии, которому только что сообщили о смерти полковника. Радость снова увидеть полковника целым и невредимым была самой живой и искренней.

К пяти часам утра вернувшись в палатку, полковник Клер, потрясенный потерями своего полка, никого не пустил в бивак, но на рассвете услышал голоса нескольких человек, добывавшихся его видеть. Это был генерал лорд Рокби и его офицеры, пришедшие поздравить полковника от имени английских гвардейцев со славным ночным боем, а также выразить огорчение, которое они испытали, узнав о гибели многих своих товарищей-зуавов.

«Примите это оружие, — сказал лорд Рокби полковнику, вручая ему револьвер, — храните его как память о нашей дружбе и, самое главное, не забывайте брать его с собой, когда придется идти в новые бои. Быть может, однажды он защитит вашу жизнь, драгоценную для нас, и сохранит нам друга, которого мы все любим».

Самые сильные чувства овладели полковником, когда он благодарил лорда и английских офицеров.

Генерал Канробер поспешил осведомить армию о блестящем поведении зуавов 2-го полка в нижеследующем приказе.

«Под Севастополем, 27 февраля 1855 г.»

Солдаты! В бою, который в ночь с 23 на 24 число сего месяца дали русским войска 2-го корпуса, цель, поставленная нами, была достигнута, и оружие наше приобрело новый блеск, коим оно обязано по большей части офицерам, унтер-офицерам и солдатам 2-го полка зуавов во главе с его мужественным и достойным командиром полковником Клером и батальонными командирами Лакретелем и Дарбуа.

Генерал де Моне, который, под деятельным руководством дивизионного генерала Мейрана лично вел атаку на русских, первым проник в их укрепления, где, несмотря на четыре раны, не перестал проявлять всем в пример блестящую храбрость. За генералом следовали майор Мермье 4-го морского полка, поручик артиллерии Делафосс, капитан инженерных войск Валеск.

Подготовил операцию и осуществил верховное руководство ею дивизионный генерал Боске, командующий 2-м корпусом.

Главнокомандующий благодарит от имени императора и Франции храбрецов, защитивших честь нашего знамени со столь высокой доблестью, что сами враги наши воздают ей должное.

Наши потери чувствительны. Девяносто четыре наших воина, почти все принадлежащие ко 2-му полку зуавов, храбрый бросок которого я не боюсь переоценить, пали со славой. Скорбим о них, но они пали за Родину, за императора, и смерть их отмщена смертью гораздо большего числа наших неприятелей.

Я сообщил императору и военному министру имена всех, о ком мне доложили.

Они не имели границ в своей самоотверженности, и я не хотел бы устанавливать границы в наградах для них, но мои полномочия имеют пределы, и это по-

звolyет мне вознаградить от имени императора только тех, о ком мне доложили как о храбрейших среди храбрых¹⁰⁶»*.

Бой в ночь с 23 на 24 февраля был прощанием полковника Клера с его прекрасным и добрым полком. Через несколько дней он был назначен бригадным генералом и сообщил об этом назначении 2-му полку зуавов в следующем приказе:

«Назначенный бригадным генералом императорским указом от 5 марта текущего года, я испытываю глубокое волнение, видя приход дня, когда я должен расстаться с моим добрым полком и соратниками, с которыми я три года делил труды, опасности и славу.

Офицеры, унтер-офицеры и зуавы 2-го полка, покидая вас, я вам благодарен за поддержку, которую вы мне всегда оказывали, и прошу сохранить в память обо мне добрую привязанность: по вечерам — в ваших бивачных беседах; позже, когда вернетесь на родину, — в военных рассказах у семейного очага.

Мне не дано читать по книге судеб, но я предвижу в будущем, что мне трудно будет вписать в свой послужной список имена более славные, чем имена Лагуа, Баборов, Альмы, Инкермана, атаки в ночь с 23 на 24 февраля и Севастополя, когда я был горд и счастлив идти во главе вас.

Заканчивая прощание, я не стану призывать к храбрости — я давно научился понимать зуавов и знаю, что они презирают смерть и сносят страдания.

Я попрошу сохранить ваш великолепный кастовый дух и пожаловать вашим доверием и вашей преданностью командира батальона Лакретеля, который должен принять с сего дня командование полком, и потом — моего приемника, который будет дан императором».

(Перевод В. В. Орехова)

Комментарий

¹ Все даты в текстах и комментариях соответствуют европейскому, григорианскому, календарю. Разница между григорианским и бытовавшим в России юлианским календарем в XIX в. составляла 12 дней.

² Союзная эскадра состояла из 89 военных судов (34 линейных корабля, из них 4 паровых, 55 боевых судов разного ранга, из них 50 паровых) и 300 купеческих транспортов.

³ ...армия произвела высадку на российской земле. — С 14 по 18 сентября южнее г. Евпатории на пространстве между озерами Кизил-Ярским и Кичик-Бельским

* Во время перемирия после сражения 24 марта 1855 г. полковник Клер, тогда уже генерал, получил от молодого поручика Вольнского полка сведения о судьбе офицеров и солдат 2-го полка зуавов, пропавших в деле 24 февраля. Русский офицер сказал генералу, что тело полковника подобрали на редуте, что весь гарнизон желал видеть его и что похоронили его с большими почестями. Генерал, который имел некоторое сходство с капитаном Декиро, попросил молодого русского описать портрет мнимого полковника зуавов. Поручик Вольнского поклался, между прочим, что этот старший офицер был лысым.

— Полковник 2-го полка зуавов пока не лыс, — возразил генерал, поднимая фуражку, — взгляните, сударь...

— Но вы генерал, — ответил офицер.

— Я генерал сегодня. В ночь с 23 на 24 февраля я был полковником 2-го полка зуавов.

— Тогда примите мои поздравления, генерал. Мне приятно узнать о вашем повышении по службе.

— Где же я имел честь встречаться с вами, если вы столь живо интересуетесь моим успехом?

— Я перед вами, генерал, уже третий раз и горжусь этим. Первые две встречи — это Альма и Селенгинский редут.

экспедиционная армия союзников высадилась в Крыму до 62 тыс. чел. со 134 орудиями. Французы — 1, 2, 3 и 4-й дивизии в составе 40 батальонов и 68 орудий (около 28 тыс. чел.), англичане — Легкую, а также 1, 2, 3 и 4-ю дивизии в составе пяти кавалерийских полков (10 эскадронов), 32 батальонов, 54 полевых и 40 осадных орудий (до 27 тыс. чел.), турки — 7 тыс. чел. при 12 полевых и 9 осадных орудиях.

Главкомандующий русской армией в Крыму светлейший князь А. С. Меншиков имел в своем распоряжении 37,5 тыс. чел. В Восточном Крыму в распоряжении генерала Хомутова было еще 13 тыс. чел. В составе флотских экипажей было 20 тыс. чел., из которых на берегу находилось лишь 5 тыс. чел. Почти вся армия союзников была вооружена штуцерами, в нашей армии штуцерников было всего 1660 чел. (см.: *Тарле Е. В. Крымская война*: в 2 т. — М.—Л., 1941—1945. — Т. 2. — С. 122).

⁴ *Олд-Форт* — Старое Укрепление.

⁵ В состав 3-й дивизии под командованием принца Наполеона входили две бригады: 1-я — под командованием генерала Монс (19-й стрелковый батальон, 2-й полк зуавов и 3-й полк морской пехоты), 2-я — под командованием генерала Тома (20-й и 22-й легкие полки). Полки французской армии имели двухбатальонный состав. Всего в 3-й дивизии в момент высадки было 6106 чел.

⁶ *Наполеон* — принц Жозеф-Шарль Бонапарт Наполеон (1822—1891), младший сын короля Вестфальского Иеронима Бонапарта. Получил образование в военном училище в Людвигсбурге. За связь с вождями республиканского движения высылался из Франции. После Французской революции был избран в учредительное собрание, где выделялся радикализмом своих речей. Этот радикализм доставил ему прозвище «Красного принца», но не мешал помогать своему кузену Наполеону III. После провозглашения империи получил титул французского принца. В 1854 г. он в звании дивизионного генерала принимал участие в Крымской кампании, но недолго. Принцу Наполеону приписывается издание в 1855 г. анонимной книги «Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала» (пер. с франц. — СПб., 1855). По версии журналиста «Современника», книга написана Эмилем Жерарденом по заказу принца Наполеона, который находился «не совсем в приятных отношениях со своим родственником» Наполеоном III. В книге, кроме множества ценных свидетельств фактического характера, представлен критический разбор крымской экспедиции, вина за плохую подготовку которой возлагается автором на императора Франции (Новые книги // Современник. — 1855. — Т. LI. — С. 51—55). В 1859 г. принял участие в войне с Австрией. В 1886 г. вследствие закона об изгнании из Франции всех претендентов на престол он вынужден был удалиться в Швейцарию, затем в Италию.

⁷ В Варне, где до десанта в Крыму находились войска союзников, свирепствовала холера.

⁸ Деревня Багайлы, ныне не существует.

⁹ *...как край света*. — Видимо, имеется в виду хутор Контуган — имение штаб-ротмистра П. Ф. Ревелиоти, покинувшего поместье при известии о высадке союзников. Он отправил семейство свое на Качу к родственникам, а сам отправился верхом к кн. Меншикову. Н. Ф. Дубровин обнаружил сведения о посещении французами хутора в «Записке ДСС Григорьева», который по долгу своего членства в комитете для пособия жителям, пострадавшим от войны, расследовал подобные случаи. Из «Записки...» ясно, что прежде принца Наполеона в имении побывал уже маршал Сент-Арно со свитой и даже музицировал на рояле. В усадьбе же оставался не приказчик, а старуха-ключница. Она и получила от принца две золотых чеканки 1854 г. Принц Наполеон действительно обещал неприкосновенность имения и просил местного муллу предостеречь против грабежа татар. Но после его отъезда «в оставленный хутор бросились татары, а вместе с ними и мулла... Ворвавшись в дом, они перебили стекла, изломали мебель, вытащили и расхитили все имущество, изрезали портрет Ревелиоти и вообще предались самым грубым неистовствам» (*Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя*: в 3 т. — СПб., 1890. — Т. I. — С. 198).

¹⁰ ...они пересекли богатую деревню, оставленную жителями... — Деревня Бельбек, ныне с. Фруктовое Нахимовского района г. Севастополя.

¹¹ ...о периоде чужеземной оккупации. — Как явствует из официальных документов эпохи Крымской войны, собранных А. И. Маркевичем (*Маркевич А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. — Симферополь, 1994), некоторая часть татарского населения Крыма сочувствовала неприятелю. «Татары фальшиво показывали разведчикам одвижению неприятельских войск, показывали неприятелю дороги, доставляли провиант в Балаклаву, грабили помещичьи экономии» (с. 30). Обычно это сочувствие татар выражалось в разбое. Так, 14 сентября 1854 г. татары захватили в Кара-Чора-Молла дворянского заседателя Комаровского и угрожали ему смертью. «Вооруженные ружьями, они разрезжали в большом числе по всем дорогам и говорили, что поступили на службу к своему султану». «Упомянутые наездники, — доносил Комаровский, — нагло требовали от меня себе угощения <...>. Спустя несколько часов явился житель д. Каймачи Осман-бай, а вслед за ним человек тридцать татар, частью вооруженных. Эта шайка состояла под предводительством евпаторийского мещанина, слесаря Суина, который, сводя несколько раз курок пистолета против меня, показывал тем, что имеет полную власть над моей жизнью, и, подтверждая мне не выезжать из деревни, приказал татарам шайки забрать всех без исключения упряжных моих лошадей. После чего, а особенно по случаю повсеместного возмущения татар в Евпаторийском уезде, а также был каждодневно впоследствии подвержен унижению, угрозам и насилию от шатавшихся по уезду татар, я решительно не имел возможности не только пробраться в Перекоп, но и сделать о себе донесение начальству» (с. 17). Ялтинский исправник доносил губернатору, что «неприятелю продано много скота татарами, у которых были насажены на палках косы. Помещики и крестьяне оставили экономии и бежали» (с. 22). Однако многие татары отличились абсолютной лояльностью и преданностью. «При транспортировке раненых из позиций близ Евпатории в Симферополь в феврале 1855 г. татары деревень Котур и Камбар оказывали скорое и неусыпное содействие в отводе квартир и предоставлении удобств, добровольно и охотно оказывали помощь раненым, в особенности в д. Камбар мурза Ислям Джагинский, а в д. Кутур поселянин Сеит Мамут Бекироглу. Они отдали добровольно лучшие помещения в домах, постели, одеяла, простыни, помогали сносить больных и разносить им пищу. Некоторые татары Евпаторийского уезда и других были впоследствии представлены к получению медали за усердие. Агаджан мурза Караманов (из д. Шули) получил золотую медаль на Владимирской ленте» (с. 32).

Что касается цен, то они повысились непомерно не только в расположении французских войск, но и повсюду в Крыму. Так, цены на живность поднялись в 10—15 и даже в 25 раз, на сено — в 17 раз, на зерно, дрова, зелень и молоко — в 5—9 раз, на мануфактурные изделия — в 23 раза, на транспорт — в 5—7 раз. Это было следствием не только ажиотажа, но и наплыва в Крым войск, перемещения беженцев. В Симферополе, например, число жителей вместе с ранеными и беженцами возросло во время войны с 14 до 80 тысяч (*Затлер Ф.* Записки о продовольствии войск в военное время. — СПб., 1860. — С. 298, 315).

¹² *Кермани-Кави-Савья* — По всей видимости, деревня Замрук в устье р. Булганак, где французские войска расположились на ночевку.

¹³ ...в бой с ними не вступали. — 19 сентября русскими и английскими войсками была произведена демонстрация движения, во время которой солдаты 1-го эскадрона гусарского Николая Максимилиановича полка под командованием майора Гельфрейха захватили первого военнопленного — адъютанта лорда Раглана, подполковника французского генерального штаба графа де Лагонди.

¹⁴ *Боске Пьер-Франсуа-Жозеф* — французский маршал (1810—1861); учился в Политехнической школе и Мецском военном училище, откуда в 1833 г. выпущен в артиллерию. Служил в Алжире и в 1853 г. был уже дивизионным генералом. Находясь с французской армией в Крыму, он сначала командовал дивизией, затем корпусом из шести дивизий. Особенно отличился в сражениях под Альмой и Инкерманом; накануне штурма 18 июня отстранен от командования корпусом. Но вновь получив коман-

дование 2-м корпусом, участвовал в штурме 8 сентября и был ранен гранатой. В феврале 1856 г. назначен сенатором, а 26 марта того же года произведен в маршалы.

¹⁵ В 1-ю дивизию под командованием генерала Канробера входили: 1-я бригада полковника Бурбаки (1-й стрелковый батальон, 1-й полк зуавов и 7-й линейный полк), 2-я бригада генерала Винуа (9-й стрелковый батальон, 20-й и 27-й линейные полки и батальон иностранного легиона).

Во 2-ю дивизию под командованием генерала Боске входили: 1-я бригада генерала д'Отмара (два батальона алжирских стрелков, 3-й полк зуавов, 50-й линейный полк), 2-я бригада генерала Буа (3-й стрелковый батальон, 6-й и 7-й легкие полки).

¹⁶ В 4-ю дивизию под командованием генерала Форей входили: 1-я бригада генерала де Лурмея (5-й стрелковый батальон, 19-й и 26-й линейные полки), 2-я бригада генерала д'Орелля (39-й и 74-й линейные полки).

¹⁷ *Сент-Арно* Арман-Жак-Леруа (1798—1854) — маршал Франции. С 1837 г. воевал в Алжире в составе иностранного легиона. Во время революции 1848 г. пытался спасти монархию. С осени 1851 г. военный министр, сыграл важную роль в восшествии на престол Наполеона III, при котором стал маршалом и сенатором. В 1854 г. по болезни оставил пост министра, но возглавил войска, назначавшиеся для войны с Россией. Чтобы читатель смог за этими сухими биографическими данными более отчетливо представить личность маршала, приведем характеристику, которую дает французскому главнокомандующему академик Е. В. Тарле: «Маршал Сент-Арно провел бурную гулливую, буйную, приключенческую жизнь. Не было злодеяния, перед которым он остановился бы, наслаждений, которых он не испытал бы, опасности, перед которой отступил бы, человека, которого пожалел бы. Он воевал очень долго в Алжире <...> арабов за людей никогда не считал, своим подчиненным позволял грабить их и убивать при малейшем сопротивлении и сам грабил и убивал, но и расстреливал своих солдат беспощадно за малейший признак неповиновения с их стороны. Его отряд головорезов, воспитанных им же, получил не только у арабов, но и у французоз название «адской колонны». <...> Маршал Сент-Арно был талантливым военачальником, зорким, энергичным, быстрым и удачливым в решениях, лично бесстрашным. Он до такой степени нуждался в острых ощущениях, что не пропускал и в мирное время ни одного большого пожара в городе, если таковой был поблизости, участвовал в тушении, рисковал жизнью. <...> Он домогался поста главнокомандующего потому, что без войны, без новых приключений, жизнь ему казалась просто противной» (*Тарле Е. В.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 8—9).

¹⁸ Задержка была вызвана единственно нерасторопностью англичан, между тем главнокомандующий британскими войсками не удосужился поставить о ней в известность своих союзников.

¹⁹ Ныне с. Вилино Бахчисарайского района.

²⁰ Позиция русских войск имела большие преимущества, так как левый берег значительно возвышен над правым. Неприятель мог видеть только первую линию наших войск, в то же время его передвижения были хорошо видны с русских позиций. Союзники не могли рассчитывать в полной мере и на содействие своего флота из-за небольших глубин и высоты берега.

Однако князь Меншиков не воспользовался выгодами позиции. Она не была подготовлена, не были расчищены сады и стены в низине, где должны были проходить неприятельские войска. Все пространство левого фланга на несколько километров от моря занимал один батальон Минского пехотного полка, расположенный фронтом к морю для предотвращения высадки десанта. Опасаясь за правый фланг, главнокомандующий стянул туда основную массу войск, оголив труднодоступный левый фланг. Места для войск были выбраны более чем неудачно. Обе боевые линии сводились вниз с гребня высот и имели между собой дистанцию не более 150 м, а стрелковая цепь была в 50 шагах перед батальонами. Меншиков не объяснил подчиненным цели сражения и ограничился поручением командовать правым флангом и центром генералу П. Д. Горчакову, а левым — генералу В. Я. Кирякову, не разграничив их полно-

мочий. Не было отдано распоряжений о действиях войск ни на случай победы, ни на случай поражения. О размещении перевязочных пунктов также речи не шло.

²¹ Генерал де Моне — командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии.

²² ...оставляет свою грозную позицию... — Оборону левого фланга русской армии А. С. Меншиков доверил «редко бывавшему в совершенно трезвом состоянии» генералу Кирыкову, который не удосужился укрепить позиции. Французские войска перешли р. Альму и, поднявшись на крутой берег, открыли огонь по стоявшему здесь батальону Минского полка. Меншиков направил на левый фланг Московский полк, три батальона Минского полка, четыре батареи и два дивизиона гусар. Вскоре к французам подошла еще одна бригада с батареями и на 16 русских батальонов и 40 орудий вели атаку 48 французских батальонов при 84 орудиях. Французы уклонялись от рукопашной схватки, встретив наши войска картечью и сильным ружейным огнем. Под давлением превосходящих сил русские части на левом фланге начали отступать к р. Каче.

²³ Русская кавалерия (два гусарских и два Донских казачьих полка) участия в сражении не принимали.

²⁴ Башня телеграфа, где находился наблюдательный пункт русского главнокомандующего и «откуда кн. Меншиков со свитой смотрел в телескоп огромной величины на бивуаки и корабли союзников» (*Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 221).

²⁵ *Канробер Франсуа-Гертрэн* (1809—1895) — маршал Франции, главнокомандующий французскими и союзными войсками в Крыму с 27 сентября 1854 г. по 19 мая 1855 г. Окончил военное училище в Сен-Сире. В 1835—1851 гг. служил в Алжире. В 1851 г. активно содействовал приходу к власти Наполеона III. Прибыл в Крым командиром 1-й дивизии, вскоре сменил на посту главнокомандующего маршала Сент-Арно. 19 мая 1855 г. передал командование генералу Пелисье и был назначен начальником своей прежней дивизии. После Восточной войны воевал в Италии в 1859—1860 гг., во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг. попал в плен. С 1876 г. сенатор.

²⁶ *Орель де Палладин Луи-Жан-Баптист* (1804—1877) — французский генерал. В 1849 г. принял участие в походе на Рим, затем сражался в Алжире. Во время Крымской кампании командовал бригадой под Севастополем, с мая 1855 г. — пехотной дивизией резервного корпуса. Во время Франко-прусской войны (1870—1871) командовал Лаурской армией, был разбит немецким принцем Фридрихом Карлом.

²⁷ ...со стороны англичан бой еще продолжался. — Англичанам успех достался тяжело. Владимирский полк трижды опрокидывал их к реке штыковой атакой и отступил, только потеряв 51 офицера и 1260 чел. нижних чинов. Из 3500 чел., выбывших из строя у союзников, на долю англичан пришлось 2000. Заняв правый фланг и центр русской позиции, они пытались преследовать отступавшие войска, но, встретившие артиллерийским огнем арьергарда, прекратили дальнейшее наступление.

²⁸ ...проломил центр русской армии. — Вот как описывал окончание битвы другой французский автор: «В половине четвертого все было кончено. От армии князя Меншикова остались лишь беглецы, раненые и мертвые. Русские дрались с такой храбростью, что, когда устанавливали палатку маршала на плато, завоеванном зуавами, для расчистки этого небольшого участка пришлось убрать пятьдесят трупов» (*Cabrol. Le Maréchal de Saint-Arnaut en Crimée.* — Paris, 1895. — P. 366).

В тот же вечер командир 2-го полка зуавов полковник Клер описывал успехи своего отряда в послании маршалу Каstellану:

«Мой полк вписал в свою историю одну из самых славных страниц. С полудня до трех часов дня он с 1-й бригадой 1-й дивизии теснил центр русской армии, занимавшей возвышенности, господствующие над течением Альмы, реки с крутыми берегами, глубокой и топкой. Мне посчастливилось также первым достичь строящейся башни, расположенной в ключевой точке отступления русских, и с криком «Да здравствует император!» первым водрузить французский флаг на этой башне.

Маршал пообещал мне, что название «Альма» будет вышито на моем знамени, а принц с живейшим чувством несколько раз пожал мне руку. Наша победа была бы

полной, будь у нас кавалерия, чтобы преследовать русских, которые собрались числом в сорок пять — пятьдесят тысяч на великолепных позициях и оборона которых была рассчитана заранее. Из двенадцати сотен моих зуавов, участвовавших в деле, сто шестьдесят было ранено, многие были ранены ядрами и картечью. А я, хотя и провел два часа под свинцовым и железным дождем, имел счастье избежать ранения; мои зуавы не раз говорили, что меня хранит Бог. Поскольку вы всегда проявляли ко мне совершенно отеческую доброту, спешу сообщить вам, что генерал Моне сказал, что необходимо просить для меня у императора чин бригадного генерала...» (*Campanne de Crimée, d'Italie, d'Afrique, de Chine et de Syrie.* — Paris, 1898. — P. 99).

Полковник Клер, как многие в армии союзников, переоценивал численность русских войск. Под Альмой у русских было никак не больше 35 тыс. чел. против почти 60 тыс. неприятеля. Позиции русских хотя и были великолепны, но выгоды их были использованы слабо. По непредусмотрительности главнокомандующего А. С. Меншикова даже не было назначено пункта на случай отступления русской армии. Неся огромные потери от вражеской артиллерии, армия стихийно отступала к Севастополю. Полевые госпитали не были устроены должным образом, и сотни отставших от своих частей раненых без всякой помощи должны были либо погибнуть, либо догонять армию по абсолютной безводной местности.

Наша армия потеряла на Альме убитыми, ранеными и контужеными 5 генералов, 23 штаб-офицера, 170 обер-офицеров и 5511 чел. нижних чинов. Потери союзников составляли 3500 чел., выбывших из строя (см.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 259).

²⁹ ...*обходить город.* — По первоначальному плану союзники должны были атаковать Северную сторону Севастополя, которая имела самые несовершенные и почти безоружные укрепления, к тому же была слабо заселена. Одновременно англо-французский флот должен был прорваться в Севастопольскую бухту и бомбардировать укрепления с тыла. Однако по приказу князя Меншикова 23 сентября 1854 г. поперек рейда была затоплена часть старых линейных кораблей и фрегатов. Известие о затоплении судов поразило союзников. Английский адмирал Лайонс сам признавался впоследствии, что рвал на себе волосы, а французский адмирал Гамелен срочно отправил нарочного с донесением к маршалу Сент-Арно, который придавал затоплению судов большое значение и отменил первоначальный план. По признанию почти всех руководителей обороны Севастополя, если бы противник немедленно после Альминской битвы атаковал Северную сторону, город, защищаемый лишь малочисленным гарнизоном, пришлось бы оставить.

Е. В. Тарле выдвигал версию еще одной причины, побудившей союзников обходить город: «Перед войной были разработаны планы создания укреплений вокруг Севастополя. Но деньги, отпущенные на их возведение, бессовестно расхищались. Мало того, сами планы укреплений были проданы французам. Результат этого двойного казнокрадства и предательства оказался самым неожиданным. Высадившись в Крыму, союзники и не подозревали, что купленные ими планы укреплений существовали лишь на бумаге» (Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. — М., 1981. — С. 280). Учитывая незаурядные масштабы хищений, которыми «славилась» николаевская армия, версия эта вполне может быть справедливой. Во всяком случае, когда в Севастополе стало известно, что неприятель отказался атаковать Северную сторону, Нахимов воскликнул: «Первая просьба моя к государю по окончании войны — это отпуск за границу: так вот-с, поеду и назову публично осли и Раглана и Канробера» (*Тарле Е. В.* Крымская война. — Т. 2. — С. 132).

³⁰ ...*арьергард армии князя Меншикова.* — Описанная встреча двух армий была равно неожиданной для обеих сторон. 24 сентября армия союзников двинулась к долине р. Бельбек, где расположилась лагерем. Вечером того же дня по приказу князя Меншикова, считавшего, что союзники стремятся отрезать город от сообщений с Перекопом, русская армия двинулась к Бахчисараю, совершив знаменитое фланговое движение и оставив осаждающего между осажденной крепостью и полевой армией. В Севастополе остался малочисленный гарнизон (около 16 тыс.). Выйдя в тыл союзной армии, русские войска после марша стали в 10 км от Бахчисарая, перейдя затем

в долину р. Качи. До утра ни русские, ни союзники не имели сведений друг о друге. Союзники опоздали в своем движении на несколько часов и захватили лишь часть обоза. Отрезанные от основных сил, батальон Тарутинского полка и дивизион батареи 16-артиллерийской бригады вернулись в Севастополь.

³¹ В батареях и бригадах русской армии знамен и штандартов не было.

³² ...экипаж принадлежал князю Меншикову. — Экипаж был захвачен союзниками в Альминском деле. Поначалу союзники придали этому факту серьезное значение, считая, что в карете был секретарь Меншикова и портфель с важными документами. Но в экипаже находился не секретарь, а писарь, а в портфеле — бумаги, не представляющие интереса. Рассказ об этом происшествии, записанный Н. П. Сокальским со слов самого писаря, см.: Восемь месяцев в плену у французов (после Альминского дела) // Современник. — 1855. — Т. LIII. — С. 161—210.

³³ Балаклава — небольшое селение (в четырнадцати с половиной верстах от Севастополя), расположенное в очень удобной бухте. По версии знаменитого французского путешественника Дюбуа де Монпере, именно здесь, в Бухте Знаменский, легендарный Одиссей столкнулся с листригонами (племенем варваров-людоседов) и потерял многих товарищей (см.: Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Arménie et en Crimée. — Р., — 1843. — Т. VI. — Р. 109—117; Орехов В. В. Гавань Одиссея: Балаклава в описании Дюбуа де Монпере // Пилигримы Крыма. Осень-99: Междунар. науч.-практ. конф. Материалы: в 2 т. — Симферополь, 2000. — Т. 1. — С. 41—48). 26 сентября Балаклава была захвачена неприятельской армией после героического сопротивления роты греческого батальона. Здесь располагалась основная база британской армии.

³⁴ Маршал Сент-Арно скончался от холеры 29 сентября 1854 г. на корабле «Бертолле», который вез его в Константинополь. Командование французской армией он передал генералу Канроберу. Новый главнокомандующий был известен армии как храбрый и заслуженный генерал. Он начал военное поприще в Африке и участвовал там во всех экспедициях. В 1837 г. в чине капитана отличился при штурме Константины, где был ранен в ногу. В операции при Бале, имея в своем распоряжении всего 250 чел., он успешно противостоял трехтысячному войску Бу-Мурзы. Продвигаясь по службе, Канробер получил в 1848 г. командование колонной, назначенной для покорения аурских горцев. Он разбил противника, взял в плен Бей-Ахмета, затем покорил джуржурских кабиллов, а при штурме Заатчи в 1849 г. командовал одной из штурмующих колонн, взшел в пролом крепости, причем из числа его окружавших было убито 4 офицера и 16 рядовых. За это дело он получил командирский крест Почетного легиона. В 1850 г. Канробера произвели в генералы и вызвали в Париж, где он был назначен адъютантом президента республики, а в 1853 г. произведен в дивизионные генералы. Приняв командование 1-й пехотной дивизией, он поступил в состав экспедиционного корпуса, с которым в 1854 г. отправился в Турцию. Канробер отличался исключительной храбростью на поле боя, но в делах администрации и верховного управления войсками был крайне нерешителен.

³⁵ Раглан Фидрой Джеймс Генри Сомерсет (1788—1855) — лорд, британский фельд-маршал (1854). В армии с 1804 г. С 1808 г. — адъютант, а с 1810-го — секретарь генерала А. Веллингтона во время войны против наполеоновской Франции; потерял руку под Ватерлоо (1815). Оставался секретарем Веллингтона до его смерти, после чего, в 1852 г., назначен генерал-фельдцейхмейстером, а в 1854-м — главнокомандующим британской экспедиционной армией во время Крымской войны. Выступал против высадки британских войск в Крыму и осады Севастополя, но был вынужден подчиниться приказу правительства. Его действия в ходе кампании вызвали немалую критику. Умер от болезни в лагере под Севастополем 18 июля 1855 г. На посту главнокомандующего британской армией его сменил генерал Симпсон.

³⁶ Федюхины высоты (горы) тянутся вдоль левого берега р. Черной от горы Гасфорта до подножия Сапун-горы. Название связано с именем командира одной из

полевых батарей полковника А. А. Федюхина, располагавшегося с батареей на этих высотах.

³⁷ Холм относится к Семякиным высотам, располагающимся в Балаклавской долине, справа от шоссе Севастополь — Ялта. На этой возвышенности в 1854 г. был построен английский редут № 1, получивший имя генерала Канробера.

³⁸ *Дом зуавов* — Хутор Уптона, находился на 4-м километре Балаклавской дороги. Принадлежал Джону (Ивану Ивановичу) Уптону, английскому военному инженеру на русской службе, автору проектов многих зданий и Графской пристани в Севастополе.

³⁹ *Камыш* — Камышовая бухта, где и до 1960-х гг. рос камыш, расположена между Круглой (Омега) и Казачьей бухтами. В 1854—1856 гг. французы устроили в ней базу своего флота и построили город Камыш.

⁴⁰ *Казачья бухта* — следующая за Камышовой бухтой в направлении м. Херсонес. Топоним появился, видимо, в конце XVIII в. и связан с находившимися там казачьими пикетами для наблюдения за турецким флотом.

⁴¹ Войска неприятеля заняли возвышенности вокруг Севастополя и производили рекогносцировку. Стремясь не допустить противника близко к оборонительной линии, защитники города вели обстрел ядрами и бомбами. К концу сентября передовые траншеи союзников находились в 1270 м от 3-го бастиона и в 1500 м — от 4-го.

⁴² *...командование генерала Форей* — 1 октября союзники разделили свою армию на осадный и обсервационный корпуса. Осадный корпус французской армии расположился перед 4, 5, 6, 7-м бастионами. В состав 3-й и 4-й пехотных дивизий, двух резервных батарей под общим командованием генерала Форей. 3-я дивизия, куда входил 2-й полк зуавов, находилась на правом фланге, упираясь в Сарандинакину балку. Английские войска располагались от Сарандинакиной балки до Инкермана.

⁴³ Пользуясь темной и пасмурной ночью с 9 на 10 октября, французы заложили на высоте хутора Рудольфа (небольшая возвышенность в районе современной ул. Гоголя) траншею длиной около 420 м и на расстоянии около 960 м от 5-го бастиона. Аванпостами эти работы замечены не были.

⁴⁴ *Карантинный форт* — 7-й бастион; *Центральный бастион* — 5-й бастион; *Мачтовый бастион* — 4-й бастион.

⁴⁵ 17 октября артиллерийская дуэль французских батарей с русскими, при почти равном калибре и количестве орудий, была проиграна французами. Они неудачно расположили осадные батареи, подставив их под перекрестный огонь наших орудий. В результате 28% орудий неприятеля было подбито, а многие амбразуры засыпаны.

Англичане удачнее расположили свои орудия, которые имели больший калибр и буквально громили укрепления Корабельной стороны. Потеряв 7 орудий (из 71), английские артиллеристы подбили 30 орудий (из 54).

⁴⁶ Бомбардировка с моря началась около часа дня 16 французскими и турецкими линейными кораблями и 15 английскими линейными кораблями и пароходами. Против 1340 орудий одного борта (по другому источнику — 1244) вели борьбу 155 орудий береговых батарей. Корабли союзной эскадры получили серьезные повреждения, и к 16 часам, выпустив более 50 тыс. снарядов, флот прекратил стрельбу и вернулся на базы.

На английской эскадре убито 44 и ранено до 266 чел., на французской — убит 31 и ранено 185. На береговых батареях убито 16 и ранено или контужено 99 чел., подбито 33 орудия. Наиболее пострадала Константиновская батарея.

⁴⁷ Подобный исход мощнейшей бомбардировки весьма обескуражил союзников. Одна из иностранных газет назвала бомбардировку 17 октября «блистательной попыткой к нападению».

В этот день на Малаховом кургане был смертельно ранен ядром вице-адмирал, глава обороны Севастополя В. А. Корнилов. Уже находясь в лазарете, он узнал, что городская артиллерия сбила английские батареи, и вскорости скончался.

⁴⁸ Вторая параллель против 4-го бастиона, вскоре здесь были построены батареи № 13 и № 10.

⁴⁹ ...мощная отвлекающая атака русских на балаклавские линии. — 25 октября произошло Балаклавское сражение. 26 октября для отвлечения противника от отряда генерал-лейтенанта Липранди по приказанию главнокомандующего была произведена вылазка через Килен-балку на Сапун-гору.

Атакующий отряд состоял из шести батальонов Бутырского и Бородинского полков, четырех орудий легкой № 5 батареи 17-й артиллерийской бригады и находился под началом командира Бутырского полка полковника Федорова. Во время вылазки 270 чел. было убито и ранено, из них — 25 офицеров. Убит был и полковник Федоров.

⁵⁰ *Контрапроши* — оборонительные сооружения (окопы, траншеи), возводившиеся осажденными войсками для противодействия продвижению противника к укрепленным позициям. Строились навстречу апрошам наступавшего противника.

⁵¹ ...от этого нового проекта атаки. — 1 ноября от дезертиров были получены сведения, что противник готовится штурмовать 4-й бастион. Князь Меншиков приказал срочно усилить оборону города, и в течение ночи на 2 ноября были произведены огромные работы по устройству внутренней обороны города, чтобы, в случае занятия французами 4-го бастиона, обеспечить отступление войск и обеспечить наступательные действия главного резерва. Все здания театрального квартала (ныне ул. Ушакова) и на улице, ведущей от Театральной площади к 5-му бастиону (ныне ул. Шмидта), были приведены в оборонительное положение, в католической церкви (на площади) установлены четыре карронады. В доме на углу ул. Морской также были установлены две карронады. Выходы на всех продольных улицах были перегорожены баррикадами, на которых установили малые карронады. Четыре батальона заняли баррикады и дома, приведенные в оборонительное положение. На случай отступления наших войск было приказано не заклепывать орудия на бастионе, чтобы после отражения атаки можно было картечью расстреливать французские войска. В то же время орудия на батареях позади бастиона (район Язоновского редута) приказано обязательно заклепать, чтобы не дать неприятелю возможность использовать их против атаки нашего главного резерва.

Несмотря на срочную подготовку к отражению штурма, у французского командования была реальная возможность захватить 4-й бастион, а у русского командования почти не было шансов в случае захвата выбить оттуда противника.

⁵² *Генерал Лурмель* — командир 1-й бригады 4-й дивизии. Убит 5 ноября в районе Загородной балки перед батареей Шемякина.

⁵³ ...атакуют наших союзников. — 5 ноября 1855 г. на Суздальских высотах произошло Инкерманское сражение. Ко времени битвы русская армия пополнилась новыми дивизиями, и в распоряжении Меншикова оказалось до 100 тыс. чел. (кроме флотских экипажей). Численность союзной армии достигала 71 тыс. чел. (французов — 41 798, англичан — 24 530, турок — 4907). Было решено использовать численное превосходство, чтобы вынудить союзников снять осаду города или, по крайней мере, отсрочить штурм 4-го бастиона, в 140 м от которого находились французы. Для наступления выделялись две колонны — отряд генерала Ф. И. Соймонова (погибшего в этой битве) в числе 19 тыс. чел. и отряд генерала П. Я. Павлова в числе 16 тыс. чел.

Главная причина поражения наших войск заключалась в неправильно разработанном плане сражения, где не указывалась цель атаки, лишь говорилось, что «назначается наступление на английскую позицию». Генералы и офицеры не знали местности, карты отсутствовали. Не была поставлена четкая задача перед Чоргунским отрядом. Назначенный командовать сражением генерал П. А. Данненберг, согласно диспозиции, вступал в командование только после соединения отрядов Саймонова и Павлова и фактически не мог влиять на ход сражения, однако внес коррективы в маршруты колонн, вызвав путаницу. И все же русским войскам удалось застать англичан врасплох. Первый удар пришелся по 2-й дивизии Лэси Ивэнса, которой командовал в тот день генерал Пеннефетер. После кровопролитных схваток русским войскам удалось серьезно потеснить англичан, так что положение английской армии стало критическим.

⁵⁴ Мельница находилась на плато между верховьями Килен- и Лабораторной балок.

⁵⁵ Отряд князя П. Д. Горчакова.

⁵⁶ *д'Отмар* — генерал, командир 1-й бригады 2-й французской пехотной дивизии, с 5 апреля 1854 г. начальник 1-й дивизии 1-го армейского корпуса. Участник Альминского и Инкерманского сражений. Командовал французским отрядом во время экспедиции союзников в Керченский пролив и Азовское море. Командовал атакой на куртину справа от Малахова кургана во время штурма 18 июня.

⁵⁷ *Бурбаки* (Шарль) — французский генерал, грек по происхождению (1816—?). В 1851 г. назначен командиром 1-го полка зуавов, в 1854 г. в звании бригадного генерала отправлен в Крым, где особенно отличился в сражении под Инкерманом. После этого Бурбаки служил в Алжире, затем в Итальянскую кампанию 1859 г. командовал дивизией. В начале Франко-прусской войны командовал гвардией, затем командовал корпусом и армией. Потерпел неудачу при освобождении крепости Бельфор, после чего покушался на самоубийство, но рана его оказалась несмертельной. Выздоровев, снова получил командование корпусом.

⁵⁸ *...вчетверо превосходящего неприятеля...* — В первые часы боя 11,5 тыс. англичан, которые были расположены, несомненно, более выгодно, противостояло около 15 тыс. русских. Кроме того, англичане имели то значительное преимущество, что все они были вооружены карабинами Минье. Это позволяло им буквально расстреливать плотные колонны наших войск с дальнего расстояния.

⁵⁹ «*Бойня*». — Английская батарея № 1, к моменту сражения не была окончена.

⁶⁰ Генерал Канробер был контужен.

⁶¹ *...медвежьи шапки...* — так называли английских гвардейцев. В данном случае имеется в виду Колдстримский полк гвардейской бригады генерала Бентинка, входившей в 1-ю дивизию герцога Кембриджского.

⁶² *...атаки, направленной на французские траншеи...* — Имелся в виду вылазка с 6-го бастиона, совершенная генералом Н. Д. Тимофеевым с четырьмя батальонами Минского полка и с четырьмя орудиями. Внезапно атакующие французские батареи № 1 и № 2 на Рудольфовой горе не успели ответить и были сразу же захвачены, прислуга переколота, 15 осадных орудий были тотчас заклепаны. Канроберу пришлось бросить против Тимофеева «последовательно» три бригады. Когда наконец Тимофеев отступил, французы увлеклись преследованием, близко подошли к городу и сильно пострадали от крепостной артиллерии. В этом деле французы потеряли около 1000 чел. Эта вылазка не позволила Канроберу отправить войска для преследования русских войск, отступавших после Инкерманской битвы. Наш урон составлял (по Тотлебену) 23 офицера и 1071 чел. нижних чинов.

⁶³ *...в беспорядке пошли обратно через Инкерманский мост...* — Приказ об отступлении в самый критический момент сражения поступил от генерала Дашенберга, который во все время сражения, как и Меншиков, оставался сторонним наблюдателем. По утверждению историков и признанию английских военачальников, если бы к русским в этот момент подоспели резервы (12 тыс. чел. резерва имелось у генерала П. Д. Горчакова, 22-тысячный корпус которого в бездействии стоял у Чоргуна), участь английской армии была бы решена и союзникам, возможно, пришлось бы снять осаду. Отступление русской армии прикрывали Владимирский полк и оставшиеся на позициях легкие батареи. Батареи и основная часть войск отходили в город через Килен-балку. В сторону Инкермана отступали полки сводной дивизии и легкие батареи при артиллерийской поддержке стоявших напротив Сушильной балки пароходов «Херсонес» и «Владимир».

⁶⁴ Герцог Кембридж Георг-Вильям-Фредерик-Чарльз, граф Тиннерари, барон Куллоден (1818—1899?) — британский фельдмаршал. Во время Крымской кампании, командуя дивизией, участвовал в Альминском и Инкерманском сражениях. В июле 1856 г. назначен главнокомандующим британскими войсками. В 1887 г. получил звание главноначальствующего над армией.

⁶⁵ *Колдстрим-гвардия* — см. примечание № 61.

⁶⁶ ...инкерманские руины... — руины средневековой крепости Каламита на плато Монастырской скалы.

⁶⁷ Каменоломенный (Карьерный) овраг находится между Воловьей и Чертовой балками, северо-восточнее Суздальских высот.

⁶⁸ Во время Инкерманского сражения в этом районе русских батарей не было.

⁶⁹ *Соймонов* Федор Иванович (1800—1854) — генерал-лейтенант, начальник 10-й пехотной дивизии. Из дворян Тамбовской губернии. Прибыл с дивизией в Севастополь 21 октября 1854 г. В Инкерманском сражении командовал первой колонной войск. Смертельно ранен в начале сражения.

⁷⁰ ...во власть союзных войск... — Во время Инкерманского сражения потери русских войск (по Тотлебену) составили 10 729 чел.: 2988 убито (из них 43 офицера), 6151 чел. ранен или контужен (из них 6 генералов и 208 офицеров), 1690 чел. (из них 5 офицеров) пропало без вести. У французов выбыло из строя 2 генерала, 119 офицеров и 1680 нижних чинов, потери англичан составили 9 генералов, 144 офицера и 2499 нижних чинов.

⁷¹ *Редут Канробера* располагался на мысе между Сушильной и Георгиевской балками.

⁷² Легкая дивизия в составе 1-й бригады (7, 23 и 33-й пехотные полки) и 2-й бригады (2-й стрелковый и 19, 77 и 88-й пехотные полки).

⁷³ 2-я дивизия в составе гвардейской бригады (гвардейский гренадерский, Колдстрим-гвардейский полки и полк гвардейских шотландских стрелков) и 2-й бригады (42, 79 и 93-й пехотные полки).

⁷⁴ *Пеннефетер (Пеннефазер)* — английский генерал. В июне 1846 г. произведен в полковники, 21 февраля 1854 г. — в бригадные генералы, 23 января 1855 г. — в генерал-майоры. Участник Альминского и Инкерманского сражений. С 3 декабря 1854 г. по 27 февраля 1855 г. был в метрополии. Уехал из Крыма в июле 1855 г.

⁷⁵ *Редут, сооруженный англичанами...* — Редут № 1 (Left lighthouse redoubt № 1; redoubte anglaise) на Казачьей стороне (по Тотлебену), предназначенный для обстрела Килен-балочного хребта до Килен-бухты, местности за Килен-балкой и Инкерманской плотины. Английской батареей называли также редан перед этим редутом.

⁷⁶ «*Редут Маяка*» — рейдовая батарея № 1 (St. Laurent's battery; batterie № 1 du fond du port) на утесе между Воловьей и Сушильной балками (по Тотлебену).

⁷⁷ «*Редут 5 ноября*» — большой редут, начатый до Инкерманского сражения, был окончен и стал главным опорным пунктом позиции.

⁷⁸ «*Слабак*» — 9-орудийная батарея «А» на утесе Инкерманских высот над развалинами крепости Каламита.

⁷⁹ ...из которого спустили воду... — Урон армии союзников от бури был огромен. Бура нанесла значительные потери союзному флоту. В районе Евпатории были выброшены на мель и разбиты 100-пушечный французский линейный корабль «Генрих IV», 200-сильный французский паровой фрегат «Плутон» и 5 английских судов. Возле Балаклавы затонуло 11 и потеряло мачты 7 английских судов. Несколько союзных судов погибло в районе устьев рек Бельбек и Кача.

⁸⁰ *Крымчак*. — Видимо, так можно перевести субстантивированное прилагательное *criméenn*.

Это не единственное новшество в одежде, приобретенное Европой во время Крымской кампании. Известно, что у английских военных в ту пору появился вязаный, застегивающийся на пуговицы жакет — кардиган, особый фасон рукава пальто — реглан и вязаный капюшон, названный солдатами «балаклавским шлемом» (см.: Балаклавская погода и английская мода // Родина. — 1995. — № 3—4. — С. 122).

«Современник» за 1855 г. в разделе «Моды» сообщал читателям еще об одной новинке: «В Париже явилась новая материя для платьев: цвет — серо-пороховой с большими атласными черными кружками в виде ядер. Материя эта носит название — Севастополь!.. Остроумное название!!! Эти платья с ядрами и бомбами можно решиться надеть только дамам очень высокого роста, имеющим притом величественные манеры» (Т. LIV. — С. 285).

⁸¹ ...на службу к Талии, ...на службе у Марса. — Талия — в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница комедии; Марс — древнеитальянский бог войны.

⁸² «*God save the Queen*» — гимн Великобритании.

⁸³ ...злополучный приказ. — Имеется в виду приказ, полученный от лорда Раглана Легкой бригадой английской кавалерии лорда Кардигана атаковать захваченные русскими войсками позиции при Балаклавской битве. В результате кавалерийская бригада, где служили представители самых аристократических английских фамилий, была почти полностью уничтожена: из 700 чел. вернулось около 200, да и те в большинстве ранеными.

⁸⁴ Имеется в виду неудавшаяся атака двух эскадронов 4-го африканского конноегерского полка, пытавшихся облегчить отступление бригады Кардигана.

⁸⁵ «*hurrah for the French*». — «Ура Франции!»

⁸⁶ ...бессмертных... — титул академиков.

⁸⁷ Джон Буль — сатирический персонаж серии политических памфлетов Дж. Арбетнота, традиционное ироническое прозвище английских буржуа.

⁸⁸ Буллер Д. — английский генерал, командир 2-й бригады 1-й дивизии. 11 ноября 1851 г. произведен в полковники, 21 февраля 1854 г. — в бригадные генералы, 12 декабря 1854 г. — в генерал-майоры. Участник Альминского и Инкерманского сражений. 26 мая 1855 г. убыл в метрополию.

⁸⁹ Лорд Рокби Генри-Робинсон-Монтекью (1798—1883) — английский генерал. Вступил в шотландскую гвардию в 1814 г., участвовал в сражении при Ватерлоо. Генерал-майор с 20 июня 1854 г. В конце января 1855 г. прибыл в Крым и был назначен командиром гвардейской бригады. В июле 1855 г. произведен в генерал-лейтенанты, а в августе назначен начальником 1-й дивизии.

⁹⁰ Мейран — дивизионный генерал, с мая 1855 г. начальник 3-й пехотной дивизии 2-го французского корпуса. Командовал войсками в атаке на передовые редуты Корабельной стороны 7 июня. Убит во время штурма 1-го и 2-го бастионов 18 июня.

⁹¹ В английской армии из 50 тыс. чел., постепенно высаженных в Крыму, к началу января 1855 г. под ружьем оставалось не более 12 тыс. чел. (Аничков. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные генеральным штаба капитаном Аничковым. — СПб., 1856. — Ч. 1. — С. 71).

Ввиду сильного расстройств английской армии главнокомандующий французской армией генерал Канробер принял решение взять на себя большую часть осадных работ англичан, оставив за ними осаду 3-го бастиона. 10 января 1855 г. французские части начали сменять английские у хутора Дергачева и на Килен-балочных высотах. 20 января военный совет союзных армий рассмотрел и принял предложение прибывшего с инспекционной целью генерал-адъютанта Наполеона III генерала Нелья вести главную атаку против Малахова кургана, захватив который союзники могли уничтожить флот и город.

⁹² В ночь на 13 февраля французы произвели рекогносцировку по направлению к хутору 42-го флотского экипажа, где наткнулись на секрет из 17 пластунов, и после короткой перестрелки отступили, подобрав раненых. У пластунов был ранен 1 чел.

⁹³ Апроши — зигзагообразные земляные рвы (подступы), которые устраивались атакующими для скрытого приближения к осажденной крепости или для прикрытия от выстрелов ходов сообщения с параллелями, осадными батареями.

⁹⁴ Параллель «Сент-Лорен» — шла от рейдовой батареи № 1 (см. прим. 76).

⁹⁵ ...выдающийся офицер — руководитель инженерных работ при обороне Севастополя генерал-майор Э. И. Тотлебен (1818—1884).

⁹⁶ ...протяженный контрпрош. — Имеется в виду Селенгинский редут, названный в честь Селенгинского полка, принимавшего основное участие в его строительстве. Редут должен был помешать французам разместить позиции на возвышенности, называемой в городе «Кривой пяткой», а среди союзников — «Зеленым Холмом», так как это давало бы им значительные преимущества в наступлении на Малахов курган. Устройством редута руководил генерал А. П. Хрущев, который и стал во главе обороны укрепления в ночь с 23 на 24 февраля. Это укрепление не входило в непрерывную цепь русской

обороны, а выдавалось далеко вперед, наступая на противника, и являлось новым шагом в тактике строительства фортификационных линий при обороне Севастополя.

⁹⁷ *Туры* — плетеные корзины цилиндрической формы, без дна, наполненные землей и предназначенные для строительства укреплений.

⁹⁸ *Вольнский редут* был заложен уже после этой операции в ночь с 28 февраля на 1 марта на мысу под Георгиевской балкой.

⁹⁹ *Ложемнты* — неглубокие окопы (до 1 м) для стрельбы и укрытия пехоты от ружейного и артиллерийского огня.

¹⁰⁰ По описанию Н. Ф. Дубровина, наши секреты едва не прозевали неприятеля, «но один из безжавших впереди зуавских офицеров наткнулся на нашего пластуна, который не долго думая схватил его за горло и крикнул соседу: «Беги, кажи, що враг иде» (Указ. соч. — Т. 2. — С. 457). Согласно же Тотлебену, пластуны заранее донесли, что французы выстраиваются за своей параллелью, и Хрушев дал команду зажечь фальшфейр — сигнал пароход-фрегату «Владимир».

¹⁰¹ В ночной темноте едва не погиб начальник русского отряда Хрушев. Один из офицеров-зуавов бросился на него с обнаженной саблей, но «стоящий возле него рядовой Белоусов заколол зуава, а полковой горнист Павлов в то же время выхватил саблю из рук убитого офицера» (*Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 458).

¹⁰² *Берма* — полоска земли шириной около 10 см, оставляемая при сооружении окопа между рвом и насыпью с целью предупредить осыпание земли в ров. Берма в окопах и ходах сообщения используется для складывания патронов, для упора локтей при стрельбе из личного оружия.

¹⁰³ *Банкет* — насыпь у внутренней стороны бруствера, предназначенная для размещения стрелков, ведущих огонь поверх бруствера.

¹⁰⁴ *...выбыли из строя.* — Результат атаки, принесшей французам такой ущерб, никак не мог удовлетворить союзников, так как Селенгинский редут русскими был удержан, достроен и долгое время не давал возможности наступать на Малахов курган; кроме того, уже в ночь с 28 февраля на 1 марта левее этого редута и еще ближе к неприятелю был заложен Вольнский редут, а в ночь с 10 на 11 марта Якутский полк приступил к возведению Камчатского люнета на Зеленом Холме.

Наши потери (по Тотлебену) в этом ночном бою составили убитыми 67 чел. нижних чинов, ранеными — 6 офицеров и 342 чел. нижних чинов, из которых 104 чел. остались во фронте. Потери французов, по их официальным сведениям, составили: 80 убитых, 280 раненых и 15 пропавших без вести. Однако цифры явно занижены, так как около 100 неприятельских солдат и офицеров (8 офицеров) было захоронено русскими, а 5 офицеров и 26 нижних чинов взято в плен.

¹⁰⁵ *Остен-Сакен* Дмитрий Сергеевич (1790—1881) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участвовал во всех войнах России против Наполеона I, затем в Персидской войне 1826—1827 гг. Во время Турецкой войны 1828—1829 гг. стоял во главе штаба кавказского корпуса. Во время Польской войны 1831 г. нанес поражение корпусу Геллуда под Вильно и овладел Ковно. В 1849 г. участвовал в подавлении венгерского восстания. В Восточную войну 1853—1856 гг. сначала был главным начальником над войсками и крепостями в Бессарабии и части Херсонской губернии, а в ноябре 1854 г., после Инкерманского сражения, был послан в Крым, где исполнял обязанности начальника севастопольского гарнизона. По окончании войны Д. С. Остен-Сакен возведен в графское достоинство и назначен членом Государственного совета.

¹⁰⁶ Российский император Николай, независимо от наград, пожалованных главнокомандующим, награждал чинами и орденами всех офицеров Вольнского полка, наиболее отличившегося в описанном деле, а всем нижним чинам Вольнского и Селенгинского полков пожаловал по рублю на человека и по четыре знака отличия на роту. Генерал-майор Хрушев был награжден орденом Св. Анны I степени (см.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 460).

(В. В. Орехов, В. В. Крестьянников)

Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном

I(VII)*

*Камышовая бухта,
9 февраля 1855 г.*

Мои дорогие!

Стрех часов мы в Камышовой бухте. Довольно трудно ее вам описать, потому что она нисколько не похожа на то, что вы можете себе представить, да и осмотрели мы ее только едва. Тем не менее скажу вам о ней то немногое, что нам известно.

Камышовая бухта находится на юге Севастополя, на конце она разветвляется, как это изображает рисунок на обороте страницы. Ее глубина от 6 до 7 метров, что позволяет входить в нее самым большим торговым судам. Вход закрыт молом на сваях, цель которого, видимо, не пропускать зажигательные снаряды, которыми русские при удобном случае могли бы поджечь торговые суда. Берега находятся почти на одном уровне с водой и представляют собою прекрасный пляж, очень удобный для высадки.

Именно на этом пляже располагается Камышинский лагерь, который состоит из небольших отделений, выставляющих наряды для разгрузки, и является чем-то вроде перевалочного пункта между флотом и большим лагерем. Возможно, мы пробудем здесь недели две, пока не соберется вся наша дивизия, и потом присоединимся к большому лагерю.

Вид лагеря очень оживленный: большое движение и перевозки, солдаты перемешиваются с матросами и буржуа, занимающимися всякого рода торговлей.

Люди располагаются в лагере в палатках на шестнадцать мест.

Есть несколько довольно сносных барачков, предназначенных под конюшни, и это обстоятельство меня более радует, что одна из моих лошадей заболела и, находясь на открытом воздухе, непременно издохнет. Не хочется думать, что в конюшне ее может ожидать та же участь. К счастью, она не самая лучшая, но все же ее потеря поставила бы меня в очень затруднительное положение, так как здесь нет никакого способа обзавестись новой лошастью.

* Поскольку в настоящем издании публикуются избранные письма Анри Луазьона, в скобках указываются номера, под которыми они следуют в оригинальном издании. — *Прим. переводчика.*

Когда мы приехали, было очень холодно, на палубе по лицу хлестал ледяной северный ветер, тем не менее в лагере не было видно ни малейшего дымка. Только в четыре часа, через час после того, как был брошен якорь, мы заметили несколько огоньков для приготовления супа. Мне кажется, труднее всего переносить холод, а дров совершенно не хватает. Все, что способно гореть, прибывает из Константинополя.

К настоящему времени температура немного повысилась, но пошел проливной дождь, который наутро сильно помешает нашей выгрузке. Поскольку прибыли мы в три часа, было слишком поздно высаживаться, и нынешнюю ночь мы проводим еще на борту. Мы, можно сказать, наслаждаемся напоследок, потому как по крайней мере на некоторое время нам придется отказаться от комфорта.

По небольшому наброску на первой странице вы видите, что путь наш лежал с юго-запада, но мы хорошо не знали дороги, слишком отклонились на север и вышли к Севастополю. Мы вовремя остановились и повернули вправо. Этот окольный путь имел то преимущество, что мы увидели городские укрепления, защищающие вход в гавань.

Это громадные сооружения, которые мы издалека смогли рассмотреть в деталях. Когда мы их заметили, послышалась канонада: за полчаса выстрелили раз пятьдесят как из крепости, так и из лагеря. Как вы можете догадаться, эти оружейные выстрелы весьма нас взволновали.

Повернув вправо, чтобы отыскать дорогу и попасть в бухту, мы пересекли линию французской эскадры, все корабли которой стояли пошелонно, так чтобы показать русскому флоту, если ему вздумается выйти, все свои орудия.

Вы видите, я рассказываю не очень подробно, детали я откладываю до следующего письма; за десяток дней я успею устроиться и дать вам отчет. Сегодня моя единственная цель — уведомить вас, что мы прибыли в Камышовую бухту, переплыв без крушений Черное море.

Путешествие было весьма интересным. Выйдя из Константинополя во вторник, мы час плыли по Босфору к бухте Бейкос¹, чтобы запастись там углем. Берега Босфора восхитительно живописны, особенно азиатская сторона. А находящаяся на этой стороне Бейкос — жалкая деревня, обязанная нынешней известностью только своему расположению в очень надежной бухте. Завершая путь из Босфора, на выходе из Бейкос, мы наслаждались всегда новым зрелищем: жилища, укрепления, батареи, горы, овраги, пропасти и т. д. и т. п.

На выходе из канала произошла маленькая драма. Рыбацкий баркас с привязанной маленькой лодкой перерезал нам путь, так как плохо слушался руля; волны от наших машин потопили лодку, где был человек. Со всех кораблей тут же раздался крик: «Стой! Человек за бортом!» К счастью, этот моряк отменно плавал и его успели вытащить.

Поначалу это Черное море, в которое мы вступали, вспоминая рассказы о его дурном нраве, показалось нам прекраснейшим на свете. Но нам пришлось изменить свое доброе мнение о нем! Час спустя море разъярилось и мы кружили на гребнях волн, как жалкая щепка. Почти всех одолела морская болезнь. Меня и Конеглиано болезнь обошла, и после этого испытания мы решили, что нам более бояться нечего. Ужин — самый занимательный момент: наше число сразу уменьшилось на три четверти; почти все пассажиры были заняты (вам известно чем)

в своих каютах. Что касается меня, я никогда так не ел, как в тот день. Казалось, аппетит — моя морская болезнь.

Я совершал это путешествие с генералом Пелисье², генералом Риве³ и с их адъютантами.

Генерал Пелисье назначен командующим вторым корпусом (армия сейчас разделена на два корпуса), а генерал Риве стал его начальником штаба.

Вот пока и все, что я могу вам сказать, и еще должен прибавить поклон от моего друга Конеглиано. Дружба наша все больше крепнет, и всякий день мы благословляем случай, который нас свел.

Я всех вас целую и прошу передать мои сердечные пожелания нашим друзьям.

А. Луазьон

Здесь поговаривают, что объявлена война с Пруссией. Если это верно, у вас на Рейне будет армия, где, может быть, вам больше понравится меня видеть, нежели здесь.

II(IX)

*Камышинский лагерь,
2 марта 1855 г.*

Мои дорогие!

Использую свободную минуту, чтобы вам написать, хотя не могу после моего последнего письма, написанного всего несколько дней назад, сообщить вам ничего ни интересного, ни нового.

Мы все еще в Камышовой бухте, встречаем войска нашей дивизии⁴, прибывающие ежедневно. Ее численный состав будет вдвое превосходить другие по тому соображению, как я уже вам говорил, что мы станем дивизией резерва. Это должно успокоить мою добрую матушку, ибо драться мы будем последними.

Здоровье мое такое цветущее, каким оно только может быть, и, кажется, в этом отношении я достиг высшего предела. Эта жизнь на свежем воздухе очень укрепляет, аппетит усиливается, и, когда есть возможность, как у нас, его удовлетворить, самочувствие восхитительное.

Ни секунды не сожалея, что нахожусь здесь, ни за что на свете не хотел бы я упустить возможность сюда приехать. Неприятности плохой погоды прошли мимо нас, не оставив следа; суровость холодов мы смягчаем шутками. Впрочем, самые тяжелые моменты миновали, и (после несколько жестокого мороза — до восьми градусов) мы вступаем в более мягкий период.

Наш пансион по-прежнему очень хорош. Если принять во внимание, как мы живем, расход в шестьдесят франков кажется мелочью, даже при учете, что мясо и хлеб нам ничего не стоят. Вообразите, обычная капуста стоит здесь полтора франка.

Скоро мы станем вовсе большими господами, потому что наш стол, который до сих пор накрывался в палатке, где он замерзал, пока мы сли, теперь будет перенесен в дощатый барак, построенный для начальника штаба. В том же бараке будет работать наша канцелярия.

Из-за обустройства нашей дивизии, а также из-за того, что штаб не в полном составе, работа не прекращается. Невзирая на наши канцелярские занятия, генерал пожелал, чтобы мы обследовали всю позиционную территорию. Это

позволило мне побывать во всех траншеях, и я провел там не менее пяти часов. Я видел ложементы русских в пятидесяти или шестидесяти метрах от наших; они много стреляют, но стрельба их имеет слабый результат; с двух часов постоянно слышны их орудия большого калибра. Наши батареи не стреляют; их снабжают для четырехсот пятидесяти выстрелов на орудие, так чтобы, когда начнется стрельба, мы произвели на город ужасное действие, ибо каждый выстрел попадет в цель.

Однажды я провел послеобеденное время на наблюдательном пункте генерального штаба и обследовал через подзорную трубу весь Севастополь, в котором мог различить мельчайшие детали.

С тех пор как французы атаквали Малахову Башню (предыдущая цель англичан, которые ничего не добились), она усилилась огромным укреплением, оштетинившимся орудиями; с какой бы стороны его ни обходили, видны были только амбразуры в два этажа. Отчетливо были различимы мириады русских солдат, работающих на укреплениях, перевозящих ядра и т. д. и т. п. Взять город будет делом немалым, но я не сомневаюсь в успехе. Наши солдаты обладают таким пылом, что все доведут до конца. Мы войдем в Севастополь.

В ночь с 20-го на 21-е* мы совершили блестящее дело: целью поставили захватить укрепления на севере Малаховой Башни, защищаемые шестью или семью тысячами русских. Туда проникли двенадцать сотен зуавов, взяли врага в тылки и прогнали его в крепость. Русские в крепости настолько испугались рвения наших солдат, что повели орудийную пальбу по своим вместо наших.

Нам очень дорого стоило это дело: у нас было 97 убитых и 17 офицеров, выведенных из строя. Несмотря на потери, в моральном отношении результат был прекрасным.

В моих странствиях я увидел монастырь Святого Георгия, где живут еще 17 монахов⁵.

Там укрылось много женщин, все почти из крестьянок, и несколько офицерских семей. Говорят, среди них есть две девушки, очень хорошенькие, но я не имел счастья их увидеть. Все это общество находится под охраной поста зуавов, которые следят за ними не спуская глаз, дабы не допустить сообщения с крепостью.

Этот монастырь, построенный на очень большом возвышении в полукруглой бухточке, расположен великолепно. Справа и слева вздымаются две громадные скалы, из которой одна носит имя Ифигении⁶, ибо именно здесь она совершала жертвоприношения. На спуске от монастыря к морю, у воды, расположен очаровательный скит; он был построен французским артиллерийским капитаном — русским пленным, оставшимся в России после заключения мира, где и умер⁷. Сейчас этот скит стал обиталищем самого старого монаха.

Мои добрые пожелания нашим родным и друзьям; я обнимаю вас всех троих так же горячо, как люблю.

А. Луазьон

* Здесь некоторая путаница в датах: речь идет о бое в ночь с 23 на 24 февраля. 2-й полк зуавов под командованием полковника Клера героически атаковал русские укрепления, позднее получившие имя Селенгинского редута. Мнение, высказанное об этом деле К. Руссе (т. II, с. 70), точно совпадает с мнением капитана Анри Луазьона⁸. — *Прим. франц. издателя.*

III(X)

*Под Севастополем,
15 марта 1855 г.*

Сегодня я пишу вам, просто чтобы сказать, что чувствую себя хорошо; кажется, я даже прибавил в весе.

За исключением этого, не знаю, чем еще мог бы вас заинтересовать. Я приучил вас к длинным письмам, но от этого нужно отказаться, больше не знаю эпизодов, о каких я мог бы вам рассказать или какие мог бы вам описать. Наша жизнь так же спокойна и тиха*, как жизнь обитателей Марс. Печально, но это так. Тем не менее мы очень заняты и время летит поразительно быстро.

Сердечные отношения, царящие между всеми членами штаба — от генерала до капитанов, — все более крепнут. Наш командир штаба — товарищ, который руководит работой; кроме того, он наш превосходный кормилец.

Все рассказанное мною покажется вам весьма ничтожным перед шумом и опасностями, которые должны нынче волновать Европу, где мы занимаем крохотное местечко и куда новости доходят в столь разных толкованиях, что сложить мнение почти невозможно.

Николай умер — вот что достоверно. Но как он умер? Это произошло естественно или это политическое дело? Вот чего мы не знаем. Как бы там ни было, нужно думать, это событие помешает императору осуществить, может быть, слишком дерзкий план поездки в Крым.

О ваших протехе я пока ничего узнать не смог. В будущем, когда будете кого-нибудь рекомендовать, особенно из солдат, дайте мне по крайней мере номер полка, поскольку в противном случае, как говорится, найти человека так же легко, как иголку в стогу сена.

Я вас целую и поручаю вам выразить мою привязанность всем нашим родным и друзьям.

А. Луазьон

IV(XI)

*Под Севастополем,
26 марта 1855 г.*

Мои дорогие,

Я очень сожалею, что не смог отписать вам с последним курьером и избавить вас от беспокойств, причиненных вам, наверное, газетами.

До сей поры я скрывал от вас позиции, занимаемые нашей дивизией, но эта предосторожность становится бесполезной — теперь вы осведомлены из прессы.

С 4-го числа сего месяца мы заняты наступлением на Малахову Башню, которая, по всеобщему убеждению, является ключом к городу. На следующий день

* Благая ложь, которой невозможно пользоваться долго. Из следующего письма станет видно, что с 4 марта дивизия Брюне, расположенная на плато Килен-балки, начала наступательные работы у Зеленого Холма. С 14 по 21 марта она участвовала в четырех ночных боях, ставших кровавой и славной прелюдией большого дела 22 марта, описанного в письме от 26-го. «Генерал Брюне выручил меня со всею своей энергией и душою доброго солдата», — писал по случаю этой непрерывной борьбы генерал Боске (*Руссе К. Указ. соч. — Т. II. — С. 114*). — *Прим. франц. издателя.*

после нашего выступления мы проложили (я говорю «мы», потому что именно нашему генералу доверены атаки) траншею в шестистах метрах от так называемого Зеленого Холма, на котором русские, как только увидели, что на них наступают с этой стороны французы, поспешили возвести укрепление¹⁰.

Прокладка траншеи произведена весьма удачно¹¹. Русские заметили ее лишь на рассвете и тогда открыли огонь из сорока расположенных там позиционных орудий и со всех своих кораблей. К счастью, мы достаточно углубились и они убили у нас всего человек десять.

Назавтра наших рабочих сильно беспокоили в течение дня русские ложементы, расположенные всего в ста метрах от наших параллелей; на закате их взяли боем¹². Это стоило нам нового артиллерийского огня, рядом с которым предыдущий был Святым Жаном. Поистине, воля провидения, что ядра не причинили большого вреда: они сыпались со всех сторон, пробивали бруствер параллели, пролетали среди солдат, и в результате — четверо убитых и десять раненых.

Как только ложементы стали нашими, а русский огонь на ночь прекратился, все (я имею в виду рабочих, генералов, офицеров) высыпали на плато позади параллели. На самом деле коридор был настолько узким и загроможденным, что по нему невозможно было передвигаться.

В эту минуту разразилась канонада еще более неистовая, если такая бывает, чем предыдущая; русские издают крики, которыми они обычно воодушевляют друг друга во время атаки; их пехота, скопившаяся справа и слева, бросается на ложементы и стремится снова ими овладеть. Они добились успеха в двух, но разбились о третий — самый значительный, оставшийся нашим¹³.

Так как они всегда атакуют массами, а у нас в траншеях было крайне мало людей, генерал, с которым я находился на плато во время канонады, отправил меня за подкреплением.

Я должен был спуститься по левому тыльному склону плато и попасть в овраг Килен-балки, откосы которого — настоящие стены из голых скал. Овраг этот простреливается со всех русских кораблей, стоящих на якоре в бухте Килен-балки, и, чтобы преодолеть его под прикрытием, там вырыли небольшую траншею; я по ней однажды ходил, но, к сожалению, ночью.

Так вот, я добрался до оврага как раз тогда, когда все корабли, считая, что в нем скрывается какое-то сосредоточение наших войск, принялись палить, посылая туда тьму бомб. В довершение всего в потемках я сбился с дороги и, слишком рано повернув влево, не попал в траншею — и шел совершенно без всякого укрытия. Ядра свистели возле уха, бомбы рвались над головой и по сторонам в количестве гораздо большем, чем мне хотелось бы.

Тьма была такая — в двух шагах ничего не видно. Не найдя траншею, я решился пересечь овраг бегом. И это — чтобы наткнуться с другой стороны на стену неприступных скал. Двигаясь дальше в постоянном сопровождении ядер, я шел вдоль этой стены и неожиданно попал в траншею, которой не видел.

Оттуда я добрался до другого овражка, перпендикулярного первому (и, стало быть, хорошо укрытого), где была оставлена моя лошадь. Здесь в безопасном месте стояло несколько палаток передвижного госпиталя с убитыми и ранеными за день.

В пещере, совсем рядом с палатками, заметив врачей, я решил подойти к ним и разузнать новости об офицере, раненном двумя часами раньше. Я не был и в десяти шагах от одной из палаток, когда раздался взрыв и она взлетела на воздух.

Бомба на излете скатилась в овраг и угодила под палатку, где и разорвалась. То была перевязочная. По счастливой случайности в ней никого не оказалось, но лекарские инструменты, медикаменты и прочее — все пропало. Что до меня, я был покрыт землей и лоскутьями полотна, и — ни малейшего ушиба!.. В моем путешествии по оврагу это самая большая опасность, что я пережил; с того момента опасности мы более не подвергались и, думаю, никогда подвергаться не будем*.

Меня послали за войсками, не сообщив, за какими именно, но они были не нужны, так как русские уже отступили.

После той ночи мы очень энергично продвинули наши работы. Противнику это причинило беспокойство, к тому же в течение двух недель еженощно продолжались бои, в которых мы неизменно брали верх.

22-го вместо боя завязалась настоящая баталия¹⁴: десять тысяч русских** атаковали левый фланг нашей параллели, защищаемой в том месте лишь двенадцатью сотнями человек, которые сдержали удар. Все наши солдаты были разгоряченными. Сначала русские ворвались в параллель, но их перебили штыками и кирками; дрались врукопашную, камнями, всем, что попадалось под руку.

1-й батальон 11-го легкого полка, первым вступивший в бой, покрыл себя славой. К сожалению, потери его огромны: из пятисот солдат двести шестнадцать убитых и раненых, из семнадцати офицеров четверо было убито и восьмеро ранено, из них один уже скончался, а двое перенесли ампутацию. Бедняга Лере, которого я собирался продвинуть в сержанты (его полковник пообещал мне отдать Лере первое же вакантное место), тоже убит. Я доверяю Мари самой определить, насколько она должна позаботиться о семье.

Следующее за ночью утро открыло зрелище страшное: между нашей параллелью и русскими ложементами было шесть или семь сотен трупов, и русских много больше, чем французов.

В полдень заключили перемирие для захоронения мертвых. Мы сопровождали генерала Брюне¹⁵, руководившего этой скорбной операцией, русский генерал также прибыл со своим штабом. С одной стороны на демаркационную линию французы несли тела убитых русских, в свою очередь русские приносили трупы французов.

Мы передали им более пятисот мертвецов, и, учитывая тех, что они подобрали ночью, их потери оценивают в двенадцать или пятнадцать сотен человек убитыми. Что касается нас — шестьсот человек, выбывших из строя; это мало по сравнению с потерями противника, но слишком много, если помнить о доблести потерянных нами солдат.

Сразу после перемирия с обеих сторон возобновилась сильнейшая орудийная стрельба; последующие ночи были отмечены легкими и незначительными боями, а прошлой ночью ничего не было. За семнадцать суток это первая ночь,

* Будущее показало обратное. Луазьону пришлось пережить много других опасных случаев под Малаховым. Постоянное желание успокоить тревоги родных приводит в результате к смягчению картин, которые он им описывает, к умышленному изменению определенных дат и т. д. В противоположность военным корреспонденциям рассказы эти всегда находятся ниже истины. — *Прим. франц. издателя.*

** Одиннадцать батальонов под командой генерала Хрулева. Русские в рассказах о кровопролитном деле 21-го оценивают свою численность в шесть тысяч человек и признают колоссальную цифру — тысяча триста человек, выбывших из строя (*Руссе К. Указ. соч. — Т. II. — С. 118*). — *Прим. франц. издателя.*

что я полностью провел в своей кровати, и могу вас заверить, я воспользовался этим в полной мере.

Прежде всего, каждый четвертый день мы идем в охранение траншеи, как и все другие капитаны штаба, и, кроме того, каждые третьи сутки — так называемая наблюдательная ночь: с возвышенной точки позади траншеи мы исследуем через подзорную трубу все происходящее в городе. Позапрошлой ночью я был в наблюдении и увидел, как наши ракеты разожгли великолепный пожар, который, впрочем, русские потушили с быстротой изумительной.

Сверх этой регулярной службы мы сопровождаем нашего генерала: ему поручено наступательное продвижение и он всякий раз, как что-нибудь происходит, садится на коня — вот почему прошлая ночь была первой, которую мы целиком провели в кроватях. Однако — небывалая вещь — я никогда не чувствовал себя так хорошо, как нынче. В начале всех этих атак у меня, как и у многих других, было несколько приступов лихорадки. Ночи, проведенные на свежем воздухе, совершенно меня от них избавили, и здоровье мое цветущее.

Что касается моего положения в дивизии, оно с каждым днем только улучшается: мною очень довольны из-за моих побочных занятий и службы в канцелярии, и я начинаю делать себе репутацию. В подтверждение тому генерал Лафон де Вийе¹⁶ вчера попросил меня у генерала Брюне в качестве адъютанта. Тот ответил, что предоставляет мне в этом свободу.

Генерал Лафон, стало быть, сделал мне предложение да так меня обласкал, что я не нашел случая оборвать его своим отказом. Чтобы завершить разговор, я попросил двадцать четыре часа для размышлений, и вот через минуту я дам ему ответ.

Рядом с ним я имел бы выгоды: прежде всего — питаться за его столом, что позволило бы мне сделать сбережения и быстрее расплатиться с долгами во Франции; потом, я думаю, генерал Лафон — человек с будущим и смог бы быть мне полезен. Но признаюсь, мне так хорошо там, где я есть, и я столь привязан к моему генералу, что не хочу оставлять свое место ради другого, мне незнакомого.

К слову об экономии. У меня в этом месяце некоторое затруднение: один мой товарищ из 11-го легкого полка, раненый и эвакуированный в Константинополь, оказался без единого су и попросил у меня в долг сто франков — я их ему отослал. Если он не умер, он их мне вернет. Это пока не позволит мне отправить сто франков Мари, которыми я хотел ее попросить оплатить мой долг, ибо я вынужден сохранять необходимые средства на мула или на вьючную лошадь.

Еще о моей деятельности, об одной из причин, по которой я пользуюсь в дивизии благорасположением, — я проявил себя инженером. Несмотря на нашу работу, я нашел способ в некоторые свободные минуты соорудить большой бассейн, где собрал воду из нескольких источников, которыми невозможно было пользоваться. Теперь у меня бассейн в двадцать метров длиной, в восемь — шириной и в метр — глубиной, а рядом я устроил водопой для лошадей.

С тех пор как работа моя завершена, все, даже очень издалека, приходят за водой сюда, приходят и из госпиталей, расположенных более чем в лье отсюда, так как моя вода (говорю «моя», поскольку ее называют водопом «Луазьон») самая чистая в округе.

Мое произведение тем более делает мне честь, что инженерные войска со всеми своими средствами решили вырыть водопой в овраге, рядом с моим, но потерпели полное фиаско, и войска, для которых они работали, идут за водой ко мне.

Английский инженерный генерал даже прислал ко мне за советами офицера, чтобы сделать бассейн по соседству с моим и обустроить его таким же образом.

Вопрос воды в настоящее время нас очень тревожит, так как опасаются, что жара может сократить режим источников. Вследствие этого делаются промеры, чтобы использовать малейшую струйку воды, из чего следует важность моего водопоя.

Генерал Брюне написал по этому поводу самое лестное для меня письмо генералу Боске, командующему вторым корпусом. Генерал Боске вызвал меня для благодарности, много хвалил и поручил мне открыть источники возле траншеи. Сегодня я туда отправился, нашел три, и теперь, по моему приказу, там роют колодцы, в которых, надеюсь, не будет погребена моя новая и неожиданная приобретенная репутация.

Мое письмо было внезапно прервано приходом в палатку генерала Лафона де Вийе, который зашел осведомиться о моем решении. Со всякого рода ораторскими предосторожностями я отклонил его предложения. Он выразил свои большие сожаления, но сказал, что понимает меня, и, я надеюсь, он не обидится. Отказ я формулировал с чрезвычайными затруднениями, и мне было бы гораздо легче, если бы генерал Лафон передал свои предложения через начальника штаба, нежели обратился прямо ко мне. В конце концов, я думаю, что выпутался не слишком дурно.

Я благодарю вас всех, мадам Д., Мари и вас, дорогие родственники из Битча, что пишете так часто. Курьер здесь — большое событие, и кто не получил писем, печален весь вечер. Особенно благодарю мою добрую матушку, что пишет мне всякий раз; ее письма мне очень дороги, и я часто их перечитываю. Я счастлив, что последовал своему порыву и повидал вас перед отъездом, невзирая на советы некоторых людей, утверждавших, что по возможности нужно избегать этих всегда тягостных прощаний. Здесь есть доля правды, но, с другой стороны, мысль об этих тягостных прощаниях мне мила, и всякий раз, засыпая, я вас вспоминаю.

Я посылаю вам фиалки, которые собрал, пока разыскивал родник; их заслуга в том, что сорваны в восьмистах метрах от Зеленого Холма, на земле, изборожденной ядрами (только не в тот момент, когда я собирал цветы).

Прощайте, мои дорогие родственники (сейчас я включаю в это слово и семью Д., решено!), я целую вас от всего сердца и остаюсь любящим сыном, все так же довольным своей судьбой.

Анри Луазьон

V(XX)

*Под Севастополем,
4 мая 1855 г.*

Мои дорогие!

Если вы плакали, читая письмо мое, могу вас уверить, что ваше меня сильно взволновало и свидетельства вашей столь бескорыстной и нежной привязанности и столь безусловной преданности заставили меня пролить слезы нежности! Когда находишься вдали от Родины, вдвойне чувствуешь счастье быть любимым, как я, и в этом отношении мне завидовать некому. Богатейший среди богатых, благодаря вам, благословляю вас за все счастье, которым вам обязан. <...>

Одновременно с вашим письмом курьер доставил мне несколько других, среди них одно — от Луи де К., очень интересное, как вы можете судить. Передав

мне сердечные поклоны от всей своей семьи и от г-на Д., он сообщил мне следующую новость.

Он только что отослал мне от имени своей матушки два ящика, в коих: пятьдесят бутылок бордо, восемнадцать — водки, двенадцать — рома и четыре — киршвассера. Вы видите, мне будет чем разбавить воду из моих источников, как он говорит, и я смогу весьма недорого изобразить из себя богатого вельможу, чтобы отпраздновать успех Мари.

Эта очаровательная заботливость г-жи де К. будет принята здесь, не говорю, что с раскрытыми для объятий руками, но — с раскрытыми ртами. И я отвечу ей достойной благодарностью от имени моих товарищей и от моего собственного.

Несмотря на все мои поиски и хлопоты, я до сих пор не смог раздобыть себе коня; это тем более раздосадовало меня, что со дня на день мы должны выступить маршем. Одна дивизия уже двинулась в путь.

Приказ о выступлении предписывал ей отправиться в Евпаторию, но это — чтобы сбить со следа русских лазутчиков. Вообще, думают, что она займет Керчь, расположенную на входе в Азовское море, там, где русские строили громадную батарею, которая не давала бы проходить нашим канонерским лодкам¹⁷.

Что кажется определенным, так это то, что военную систему меняют, стараются биться с русскими в открытом поле в нескольких частях Крыма и окружить крепость полностью. Отсюда покой, в каком мы пребываем.

Мы более ничего не делаем. Зато русские много работают: всякое утро замечаем укрепления, которых не было накануне. Если окружение может быть осуществлено, вероятно, все эти работы не будут очень полезны, так как придется сдать ее из-за недостатка припасов. А я уверен, что их не хватит и на пятнадцать дней.

С нашей стороны, как я вам говорил, все ограничивается очень вялой канонадой, но в местах старой осады по-прежнему наступают. Три дня назад был прекрасный успех. Захватили очень длинную траншею, сделанную русскими перед центральным бастионом¹⁸. Той же ночью они в три приема пытались ее отбить, но всякий раз бывали отброшены с большими потерями. В разных этих атаках мы взяли много пленных, среди них — полковник и несколько офицеров.

В течение следующего дня русские предприняли еще одну попытку, но, едва открылись, были встречены чудовищным огнем и, несмотря на усилия офицеров заставить их идти вперед, в беспорядке отхлынули¹⁹.

После взятия этой траншеи, где мы нашли восемь гаубиц, у нас было 120 человек, выбывших из строя, тогда как у русских — по меньшей мере, вчетверо больше.

Вот новости дня.

Мы ожидаем прибытия резервной армии и императора. Все мы начеку и ждем идти в глубь Крыма.

Не знаю, сбудутся ли наши пожелания относительно своей дивизии, но именно в надежде на это я хотел бы обзавестись конем, чтобы быть экипированным как можно надежнее.

Конеглиано чувствует себя все лучше и лучше и скоро снова сможет служить.

Занимаюсь вашими протеже, солдатами из Битча, но на сей раз не могу сказать вам ничего определенного.

Я вас целую.

VI(XXIII)

*Под Севастополем,
26 мая 1855 г.*

<...> Как я сообщал вам в последнем письме, мы немного продвинулись вперед, в полночь оставив лагерь, чтобы присоединиться к 1-й дивизии 2-го корпуса. Вы помните, что генерал Канробер командует двумя дивизиями, а также всей нашей кавалерией. Пьемонтская дивизия была справа от нас и занимала возвышенности, и, наконец, турки были позади нас. Численность всех сил достигала 46 или 47 тыс. человек.

Покинув лагерь, мы направились по Воронцовской дороге²⁰, чтобы спуститься в долину Черной. Эта долина начинается в деревне Чоргун²¹, неподалеку от которой берет исток река. Ее основное направление — с юга на север; на юге она перекрыта очень высокими горами, соединяющимися с балаклавскими; но под ними находится линия менее высоких отрогов, где расположены редуты, отбитые русскими у турок 27 октября прошлого года²². Редутов четыре: два на западе никем не заняты, они были на нейтральной территории, в точке соприкосновения аванпостов, тогда как два на востоке заняты русскими.

Поначалу долина стиснута между склонов, но она расширяется вправо, где граничит с цепью возвышенностей, образующих полукруг, который с одной стороны упирается в деревню Чоргун и с другой — в батарею «Слабак» (Gringalet). (Эта батарея, принадлежащая русским, была так наречена солдатами из-за слабого действия ее стрельбы.)

Эти горы имеют острые хребты, но есть промежуточные отроги, и по их изгибам можно выйти на верхний гребень. На этих отрогах русские строят редуты и устраивают лагерь.

Западный край долины образован очень крутыми возвышенностями, на которых находится наша линия наблюдения с такими укреплениями, как Канроберов и Инкерманский редуты*, ведущими огонь по Слабаку.

Между высотами, где располагаются наши линии**, и левым берегом Черной, на равнине, возвышаются два плато, разделенные оврагом***. Ближайшее к нам плато было незанятым, и в течение дня туда посылали за дровами вооруженные отряды. Другое плато, напротив, было во власти русских, имевших там редут. Два этих пригорка протяженностью приблизительно в три тысячи метров окаймляет дорога, проходящая через Трактирный мост, чтобы затем подняться на возвышенности правого берега — это дорога на Бахчисарай.

На Трактирном мосту был устроен водозабор, который гнал воду из реки в большой резервуар у подножия нейтрального холма. Оттуда она шла в Севастополь по огромному каменному акведуку, тянущемуся ниже отрога, где расположен Инкерманский редут. Когда армия подошла к Севастополю, водозабор и акведук разрушили, что вынудило русских некоторое время отправляться за водой к Бельбеку.

Теперь, когда я познакомил вас с местностью, вам легче будет понять наш маневр²³.

* Инкерманский редут чаще зовется редутом 5 Ноября. — *Прим. франц. и дателя.*

** Гора Сапун.

*** Федюхины горы.

1-я дивизия, образовывая правый фланг французов и выходя на Балаклавскую дорогу, сосредоточивается в крайней южной точке плато (Федюхино). 5-я дивизия (бывшая дивизия резерва) спускается по Воронцовской дороге и, протягиваясь вдоль подножия плато, сосредоточивается слева от предыдущей. Кавалерия, двигаясь повзводно, охраняла правое крыло пехоты. Маневр начался на рассвете.

Кавалерия пошла на рысях, пересекла Трактирный мост и под огнем двух русских батарей вышла на высоты. Пехота 1-й дивизии, перейдя реку, двинулась на позиции с фронта и с флангов.

Во время этого очень эффектного развертывания, выполненного с такой правильностью, что его включили бы в маневры на Марсовом Поле, две русские батареи вели сильнейший огонь, но, как ни странно, ядрами и снарядами, летевшими по нашим массам, никого не убило.

Кавалерия, первой выведенная на линию, была встречена ружейным огнем, поначалу довольно слабым, но скоро ставшим весьма густым. Она укрылась в неровностях местности, чтобы дожидаться пехоту, которая шла на помощь и защищала ее тылы, а потом устремилась в атаку. Перед этой прямой атакой русские в беспорядке отступили, оставляя лагерь и редуты.

Пока 1-я дивизия таким образом избиралась на позицию, 5-я шла за ней, растянувшись вправо и влево, чтобы поддержать ее в случае необходимости. Но, как я вам уже сказал, русские не оказали долгого сопротивления. Кроме того что малочисленны, они оказались застигнутыми врасплох, и мы довольно могли судить об этом, проникнув в их лагерь, где они бросили множество мелких предметов, не успев их в спешке увезти. Некоторые из них занимались стиркой; пришедшие сюда зуавы подогрели воду и постирали белье, которое они весьма блюдут.

Этот счастливый для нас день (ибо мы потеряли всего несколько человек убитыми и ранеными) был, однако, весьма тяжелым из-за сильной жары, а также из-за того, что предыдущей ночью мы не спали.

Поскольку мы не могли удерживать отроги, захваченные из соображения, что они господствующие, то к полудню отступили.

На Трактирном мосту мы сделали укрепление и вернулись, чтобы стать лагерем на двух холмах с травой и кустами, доставляющими бесконечное удовольствие после сухой и голой местности нашего прежнего лагеря.

Я получил ваше письмо в вечер выступления и вижу, что все вы в ожидании успеха Мари. Поскорее же сообщите мне добрую весть.

Знайте, что ящики г-жи де К. я тоже получил; напитки прекрасны, мы им уже отдали должное.

Наш начальник почтовой службы ждет мое письмо, и я успеваю только поцеловать вас, а об остальном вы догадываетесь.

А. Л.

VII(XXIV)

*Лагерь у Трактира,
2 июня 1855 г.*

После наступления, совершенного нами 25 мая на Черной, мы бездействуем. Теперь наша роль заключается в наблюдении за возвышенностями справа от реки.

Мы стоим лагерем в прекрасном месте, где у нас есть вода, трава и дрова в избытке, и солдаты усердно извлекают пользу из этих ресурсов. Повсюду шала-

ши (хижины из листьев), где отдыхают после обеда в дневные жары, и на первый взгляд может показаться, что вы в прогулочном лагере.

Одним словом, мы счастливы Восточной армии, ибо, кроме приятностей жизни, которыми мы пользуемся, наша служба по условиям нашего расположения сводится к охране самих себя и не имеет ничего общего со службой в иных осадных дивизиях. Это благополучие заставляет нас почти стыдиться, когда думаем о страданиях наших товарищей в траншеях.

Когда мы получили приказ идти на Черную, нам показалось, что мы совершим обходной маневр для полного окружения крепости, о котором столько говорилось. У солдат всех войск был такой задор, что русские, каково бы ни было их число, не смогли бы перед ним устоять. К сожалению, это оказалось не так, и мы должны мириться с нашим наблюдательным положением, имеющим, впрочем, преимущество в наличии пропитания для всей нашей кавалерии и артиллерии и фуража, добываемого в долине.

Вот основные обстоятельства, мешающие, на мой взгляд, окружающему маневру: прежде всего — огромные трудности с провизией, потому что все снабжение ведется из Камышовой бухты, а числа транспортных средств, даже для нынешних наших нужд ограниченного, не достанет, если мы еще удалимся. Кроме того, этот маневр как военная операция, возможно, опрометчив, так как, опрокинув русских, чтобы захватить возвышенности справа от Черной, мы были бы вынуждены переместиться с фронта на правый фланг и завершить окружение. Тогда перед нами — Северные форты, а позади — очень легкопроходимая местность без естественных препятствий для нашего прикрытия, и однажды мы могли бы оказаться меж двух огней. Таким образом, окружающий маневр, по крайней мере таким способом, кажется, совершенно отвергнут.

С тех пор как генерал Пелисье стал главнокомандующим²⁴, осадные атаки приобрели невиданную доселе мощь, особенно со стороны Зеленого Холма и Малаховой Башни, которая, как постоянно говорят, является ключом к городу, поскольку она господствует над крепостью. Однажды завладев этой точкой, мы пресечем снабжение Севастополя, осуществляемое морем.

Все русские обозы останавливаются у подножия Северного форта на северном берегу и затем перевозятся в город лодками, пересекающими бухту²⁵.

Впрочем, этот натиск не будет таким жестким, каким его могли представлять поначалу, потому что мы сейчас заняты во множестве имитациями атак во всех точках одновременно, что, естественно, вынудит русских распылять войска. И потом, одновременно с Зеленым Холмом и Малаховой Башней, будут атакованы Белые Укрепления²⁶, расположенные между большой бухтой и Килен-балкой.

Эти укрепления бьют по местности перед Зеленым Холмом и образуют поэтому самую серьезную защиту этой точки; но считается, что они не окажут большого сопротивления, так как сообщаются с крепостью только по маленькому понтонному мосту через бухту Килен-балки.

Войска, расположенные подобным образом, имея для отступления лишь узкий мост, обычно не проявляют той же уверенности и той же крепости сопротивления из страха, что будут отрезаны.

Наступления на Зеленый Холм и Малахову Башню уже сильно продвинуты вперед, и после общих преимуществ, завоеванных в различных точках и особенно в результате быстрой и уверенной манеры, в какой нынче ведутся атаки, никто не

сомневается в успехе, и даже — в короткий срок. С этим соглашаются и те, кто был наибольшим скептиком до сего дня. Впрочем, этому много содействовала удача экспедиции в Керчь²⁷; русские должны находиться сейчас в весьма критическом положении, потому что они сожгли свои магазины с огромными запасами.

Кроме того, поскольку мы занимаем Керчь, мы хозяева на Азовском море и мы захватили все транспортные средства; русским придется все возить через Перскон, что связано с огромными трудностями, так как от Перекопа до Симферополя только и есть, что степь, где часто отсутствует вода.

Вы, конечно, уже знаете через телеграф, что генерал Канробер оставил командование наблюдательным корпусом и передал его в руки генерала Морриса, который старше его.

Его образ действий всеми был одобрен и завоевал ему уважение всей армии. Что касается меня, мое положение не должно более внушать вам опасений. Единственное, чем мы могли бы рисковать, — это быть посланными иногда на возвышенности для разведки, к тому же и это маловероятно.

Живите же спокойно.

Я целую вас от всего сердца.

А. Л.

Я говорил вам уже, что получил ящики г-жи де К., в коих мы проделали уже значительную брешь, опасаясь, что не сможем их увезти. Но теперь со своим провиантом мы обходимся бережно.

VIII(XXV)

*Лагерь у Трактира,
5 июня 1855 г.*

Мои дорогие!

Позавчера, в воскресенье, мы производили разведку в Байдарской долине, и это было настоящей прогулкой²⁸.

Для этой разведки 1-я и 5-я дивизии 2-го корпуса, занимающие линии на Черной, выделили каждая по три батальона. Остатки дивизий охраняли наш лагерь. В помощь этим шести батальонам пехоты отрядили всю нашу кавалерию, состоящую из шести полков: двух гусарских, двух драгунских и двух — африканских стрелков. Пьемонтцы со своей стороны поставили под ружье 5000 человек пехоты²⁹.

В полночь войска покинули лагерь, чтобы отправиться к месту сбора на Воронцовской дороге, где она проходит через пьемонтские аванпосты напротив деревни Чоргун. В три часа утра они двинулись в путь. Кавалерия держалась в голове колонны, пьемонтцы шли следом, и, наконец, за ними двигалась французская пехота.

Воронцовская дорога — единственная в Крыму, которая так же хороша, как наши французские дороги; она прорублена в голой скале. Слева от нас — вертикальная стена, где видны еще выбоины от петард, которыми взрывали скалы, а справа — другая вертикальная стена, и под нею струится речушка Грюнтзен, впадающая в Черную в деревне Чоргун.

Пьемонтцы, перейдя Грюнтзен³⁰, оставили колонну, чтобы уйти влево и подняться на возвышенности, а мы тем временем шли своим путем по Воронцовской дороге.

Если бы в этот момент нас атаковали, положение было бы самым критическим, потому что в лоб на возвышенности не смогла бы взобраться даже пехота; именно поэтому пьемонтцев послали на левый фланг занять хребты и обеспечить нам марш.

На пространстве десяти километров долина крайне узка. Ее образуют с каждой стороны громадные скалы; это как большая улица, где чувствуешь себя затворником. Поэтому какой подарок выйти в прекрасную и богатую долину Варнутки!³¹ Вместо скал, начавших казаться нам однообразными, — обширные луга, леса, где мы отдыхаем в тени больших деревьев; цветущие холмы, и у их подножия амфитеатром построены две деревни, сейчас покинутые. В них, однако, находилась сторожевая застава казаков, удалившихся при нашем приближении.

Эти деревни «Татары» (Tatars)³² имеют весьма убогий вид: все дома построены из самана, стены — из больших решеток, обмазанных илом. На иных даже нет этого ила — доказательство, что деревни уже некоторое время необитаемы.

После передышки пересекаем великолепный лес и рассеянные здесь и там широкие прогалины *Хуторов* (ферм), также покинутых.

На выходе из леса, где нашим последним открытием было прекрасное жилище — несомненно, охотничий домик, — мы наконец попали в Байдарскую долину — к цели нашей разведки. Мы обнаружили огромную равнину, совершенно обработанную и, должно быть, очень плодородную.

Деревня Байдар³³ построена посреди равнины; она много значительнее тех, что мы до сих пор видели. Когда мы входили, жители стояли на порогах своих домов и с большим любопытством разглядывали нас без выражения какого-либо чувства страха или симпатии. Солдатам был дан строжайший приказ не допускать никаких беспорядков.

Там был небольшой амбар с вином и табаком для русской армии, каковые мы присвоили себе и раздали на площади солдатам; местное вино превосходно и было весьма оценено.

Затем мы продолжили путь без иных происшествий, как только встреча с несколькими сотнями казаков, которые унеслись при подходе кавалерии; мы, однако, нескольких убили³⁴.

В девять часов вечера, проделав свои сорок пять километров, мы наконец вернулись в лагерь, конечно, очень усталые, но очарованные чудесной прогулкой.

Сейчас, после этого рассказа, для меня нет ничего лучшего, как отправиться спать, и я вас целую.

А. Луазьон

IX (XXVI)

*Зеленый Холм,
9 июня 1855 г.*

Мои дорогие!

Электрический телеграф, это изобретение ужасное для семей, уже должен оповестить вас о наших успехах и доставить вам большие беспокойства, пока вы не получите этого письма.

Мы захватили великолепную позицию, обладание которой сильно продвигает осаду вперед³⁵.

В полночь нам приказали покинуть наше расположение в линиях на Черной, чтобы со 2-й дивизией атаковать Зеленый Холм. Оживление солдат было наивысшим, но и потери также огромны. Более подробно я расскажу в первом же письме. Вот уже три дня как мы здесь, и сменят нас только завтра утром, так что у нас четыре бессонных ночи. Пятая — ночь отдыха — будет принята, как подарок.

Я имел счастье избежать всех опасностей и сейчас цел и невредим. Конеглиано ранен пулей в плечо; Арди, полковник 1-го легкого полка, которого вы знаете, убит, и столько других...

Я всех вас целую.

Анри Луазьон

X(XXVII)

*Лагерь у Трактира,
12 июня 1855 г.*

Как обещал, спешу вас совершенно успокоить и сообщить подробности кровопролитного дела, в котором мы участвовали.

Чтобы для вас все было более понятным, я присоединяю к письму маленькой чертеж позиций и в то же время опишу вам местность.

Малахова Башня, расположенная на очень высоком холме, господствующем над рейдом и частью города, была с начала осады разрушена английскими батареями³⁶ с громадного расстояния в тысячу восемьсот метров. Тогда русские окружили ее огромными земляными укреплениями с очень широкой и очень глубокой траншеей, а перед ней устроили вал.

Зеленый Холм — в шестистах метрах от башни и отделенный от нее сильным понижением местности — также имеет большое значение.

Когда мы проложили наши траншеи для атаки Виктория³⁷, русские очень быстро соорудили на Зеленом Холме грозное укрепление, вооруженное примерно двадцатью крупнокалиберными орудиями, а, кроме того, перед ним вырыли параллель, очень близкую к нашим траншеям.

Когда под нашими атаками они вынуждены были оставить эту параллель, то сделали позади нее вторую, чтобы отстаивать землю пядь за пядью.

Все наши атакующие траншеи Виктория заключались между Корабельным оврагом³⁸ и Килен-балкой: первый можно перейти повсюду, а вторая напоминает огромный коридор, окаймленный справа и слева стенами очень высоких скал. Таким образом, наши атакующие траншеи Виктория слева соединялись с английскими линиями наступления, но от наших атакующих траншей Килен-балки они были отделены.

Напротив наших наступательных линий — Белые Укрепления, уже атакующие 23 февраля генералом Моне. Укрепления эти сообщаются с крепостью только по маленькому мосту в бухте Килен-балки.

Позади Белого Укрепления № 3*, на той же территории, что и Малахова Башня, находятся две русские батареи, называемые Малым реданом³⁹ и Дозорной батареей (*batterie de la Pointe*)⁴⁰, которые обстреливают атакующие линии у Килен-балки и в то же время бьют по местности между нашей параллелью Виктория

* Укрепление, обозначенное этим номером, — русская батарея 2 Мая, или Забалканская батарея. Укрепления № 1 и 2 — редуты Селенгинский и Вольнский. — *Прим. франц. издателя.*

и Зеленым Холмом. Большой редан⁴¹, расположенный перед наступательными работами англичан, равно как другая батарея и линия контрапрошей справа от Малаховой Башни, тоже достает сюда. Так что эта местность подвергалась перекрестному обстрелу более сорока орудий, не считая кораблей, также принявших в этом участие.

Вы видите, что единовременное наступление на Холм и Белые Укрепления было делом немалым, однако генерал Пелисье, любой ценой желая потеснить противника с этой стороны, отдал приказ к атаке не колеблясь.

Огонь был открыт 6-го в два часа пополудни. В полночь 5-я дивизия 2-го корпуса получила приказ покинуть рубежи на Черной и стать лагерем на плато; она должна была поддерживать 2-ю дивизию, назначенную атаковать Холм. На Белые Укрепления шла 3-я дивизия при поддержке 4-й.

7-го, в шесть часов вечера, войска расположились для атаки и ждали сигнала, которым была ракета, выпущенная перед выступлением с редута Виктория.

Как только ракета поднялась, 1-я бригада 2-й дивизии под командованием генерала Вимпфена⁴² устремилась из наших траншей, бегом перешла русскую траншею, выгоняя защищавших ее солдат, и под страшным огнем всех батарей, которые я вам выше назвал, неудержимым броском вышла на Зеленый Холм. Все русские артиллеристы остались у своих орудий и были взяты в плен или убиты на месте⁴³.

По приказу главнокомандующего, следовало захватить лишь холм, но пыл солдат был таким, что, пройдя, как ураган, по Зеленому Холму, они пошли на Малахову Башню, невзирая на все усилия офицеров их сдержать.

Так они дошли до траншей у Башни, оставляя за собою землю, устеленную трупами.

Русские, в этой точке многочисленные, отбросили их и заставили вернуться на Холм⁴⁴. Во время отступления наших солдат побила картечь, и, преследуемые по пятам противником, они бежали к нашим траншеям, даже не остановившись на Холме⁴⁵.

Но увидев, что им на помощь спешат 2-я бригада 2-й дивизии и 2-я — 5-й, эти храбрецы повернулись кругом и под постоянным картечным огнем вновь кинулись на русских и отобрали у них Холм.

На Холм вышли также и две бригады поддержки; солдаты принялись кричать: «На Малахов!», и вот они снова идут на Башню, на Малый редан и на Дозорную батарею.

Отказываясь сдерживать порыв своих солдат, офицеры пошли во главе их, и эта новая атака, как и первая, докатилась до русских батарей, но для того, чтобы быть разбитой и отброшенной на Холм.

Только с невообразимым трудом удалось нам остановить солдат, которые желали снова броситься на Малахов: достаточно было горниста, заигравшего на парашете сигнал атаки, чтобы внести беспорядок в колонны, тут же начавшие рассыпаться для возобновления атаки. Все офицеры, генералы и другие должны были бежать, чтобы сдерживать их и заставить вернуться в укрепление.

Я и раньше знал, что первый натиск французов неудержим, но я не думал, что они способны на такое упорство. Все эти солдаты стали героями. Но если жестокое проявление при взятии Малаховой Башни, восхитительно, оно также и скорбно, так как, если первое взятие Холма не стоило нам больших потерь, то после возобновления атаки цифра их стала ужасной.

Пока на наступательных рубежах «Виктория» разворачивались эти события, Белые Укрепления были атакованы с фронта, и в то же время их обходили по оврагу Килен-балки.

Здесь 3-я дивизия выказала тот же пыл, что 2-я и 5-я на Холме; три укрепления были захвачены одновременно, и наибольшая часть защитников оказалась в плену⁴⁶.

Тут нечего было опасаться того, что произошло на наступательных рубежах Виктория, так как за Белыми Укреплениями — море. Тем не менее и здесь преувеличили приказы главнокомандующего, которые ограничивались взятием номеров 1 и 2. Заклепав орудия в Укреплении № 3, его покинули, но не из страха перед контрнаступлением, а потому что оно слишком открыто для огня батарей с другой стороны бухты.

Итак, за два часа были захвачены грозный Холм, считавшийся неприступным, и Белые Укрепления, взяты шестьдесят два морских орудия крупного калибра и шестьсот или семьсот пленных.

Правда, наши потери чрезвычайно велики: по самым скромным оценкам, они исчисляются цифрой в три тысячи человек, выбывших из строя⁴⁷. Эти потери тем более досадны, что, если бы солдаты не поддались своему запалу и выполнили приказ главнокомандующего, у нас было бы не более пятисот человек убитых и раненых.

Среди офицеров потери особенно велики; в некоторых батальонах осталось всего четыре, пять, шесть офицеров, а остальные убиты, ранены или пропали без вести. Генерала Лаваранда⁴⁸ уже после операции убило ядром на плато Килен-балки. Бедный Арди, полковник 11-го легкого полка, получил картечную пулю в живот и на другой день умер. Среди очень большого числа старших офицеров были убиты полковник и подполковник 50-го полка.

Эти потери среди офицеров, несопоставимые с потерями солдат, свидетельствуют об ожесточении борьбы, в которой командиры не щадили себя. Стакими людьми нет ничего невозможного. Многие считают, что если бы главнокомандующий решил взять Малахов и согласовал эту атаку со штурмом Большого редана англичанами, мы преодолели бы все препятствия и в настоящий момент Севастополь бы был почти в наших руках.

После взятия укреплений опасность отнюдь не миновала; нужно было оставаться там, закрепиться, устроить батареи — и все это под картечью, ядрами и бомбами.

Рабочие, вооруженные лопатами и кирками, немедленно принялись перестраивать брустверы, и, поскольку существовало опасение, что со стороны русских ночью может последовать контрнаступление, четыре дивизии оставили на два дня на своих позициях.

2-я дивизия вернулась в лагерь, тогда как 5-я охраняла Холм — это их третья ночь без сна. 3-я дивизия осталась в Килен-балке, а 4-я — вернулась в лагерь. Ну и вот, несмотря на все это длительное утомление и огромнейшие опасности, со стороны солдат не слышно ни единой жалобы, ни единого недовольного слова.

Как и во всем, в битве есть обратная сторона медали: следующим утром все эти мертвецы, все эти раненые, которые оставались еще на месте и которых не смогли подобрать, являли зрелище ужасное.

Труны, разбросанные между нашими наступательными линиями и Холмом, похоронили сразу там же, где они лежали. На беду, наибольшее их количество

устилало пространство между холмом и Малаховой Башней, а перемирие для захоронения мертвых было заключено только через день после дела в полдень. Под воздействием солнца тела разлагались быстро, и воздух был отравлен. Страшная подробность: подобрали человек двадцать раненых, не получавших никакой помощи в течение сорока восьми часов...

В наших госпиталях много раненых русских офицеров. Среди них артиллерийский капитан, захваченный в начале дела на Зеленом Холме. Его тотчас отправили в госпиталь, куда донесся слух, что мы взяли Малахову Башню. «Если бы эта новость, в которую я не могу поверить, была правдой, — сказал капитан, — овладев башней, вы овладели бы городом».

Он добавил, что в крепости не могли поверить в отвагу, подобную нашей, и ожидали серьезной атаки лишь дней через восемь стрельбы.

Овладев однажды позициями, мы опасаемся контрнаступления. Принимая во внимание прежнее поведение русских, мы даже не сомневаемся в нем. Пока ничего не было, и эта бездеятельность указывает нам на степень упадка их духа⁴⁹.

Керченские события поставили русских в весьма критическое положение; многие их пленные солдаты утверждают, что уже урезаются суточные пайки. Этот материальный и моральный упадок значительно упрощает нашу задачу, но, не слишком полагаясь на выдающие его симптомы, мы имеем множество иных оснований надеяться на окончательный успех.

Противника теснят повсюду; его коммуникации через рейд с берегом крайне осложнятся, когда мы откроем огонь с Холма и с Белого Укрепления № 3.

Кроме того, генерал Пелисье станет действовать энергично; более чем вероятно, что в ближайшие дни начнутся наступления на Малахову Башню, и они будут проведены быстро, чтобы дать сражение во всех точках одновременно.

После того как вели себя русские в последнем деле, я убежден, и многие офицеры со мной согласны, что в день, когда мы станем хозяевами Малаховой Башни, русские подожгут город и покинут его*. Впрочем, следует отдать им должное, до сих пор они слишком хорошо оборонялись; их офицеры полны храбрости и рассудительности; их оборона очень хорошо задумана, а работы выполнены в совершенстве.

После захвата Зеленого Холма нас сильно удивило его внутреннее устройство. Повсюду были укрытые траверсы, куда люди прятались от бомб, чтобы потом вернуться к орудиям. Помимо того мы обнаружили огромное подземелье, где могли уместиться две сотни человек пехоты, так что их потери были много меньше, нежели мы предполагали.

Все эти крытые траверсы тем более изумительны, что в них потрясающий уют: кровати с пуховиками, фарфоровая посуда, полные чайные сервизы и т. д., и этим, конечно, пользовались солдаты.

Была также и часовня, в которой достоин быть отмеченным один предмет — очень красивый вырезанный из дерева и позолоченный Христос.

Думаю, русских должно озлоблять более всего то, что они вынуждены из всех своих орудий палить по Зеленому Холму, который был предметом стольких

* Это было пророчеством за четыре месяца до события, но, хоть Луазьон говорит так, не все офицеры были столь же правы. Смотрите корреспонденцию генерала Ньюля и маршала Вайана. — *Прим. франц. издателя.*

хлопот. Впрочем, они не колебались и, едва мы им овладели, устремили туда тьму бомб. Поэтому какое печальное зрелище предстало перед нами на рассвете: всюду беспорядок и разрушения!..

Все русские артиллеристы были убиты на своих местах, сверху — трупы французов, и среди этих мертвецов несколько умирающих приподнимались с мучительным стоном, чтобы затем уйти в вечность.

Нас всех поразило различие между трупами: русские сразу раздулись и приняли землистый цвет, а французы и мертвыми имели еще вид грозный.

Но довольно угнетать вас ужасами, и теперь, сказав о главном, расскажу о себе и о своих друзьях.

Как вы уже знаете, в полночь мы покинули лагерь на Черной, отправились на плато и добрались туда днем. Там полки отдохнули, пока штаб был измотан рассылкой приказов, проведением разведок и принятием подготовительных мер.

Перекусив весьма скудной пищей, в половине пятого мы двинулись маршем к оврагу Корабельной, где дивизия и осталась.

Генерал Брюне со всем своим штабом, исключая меня, взошел на редут Виктория⁵⁰, чтобы присоединиться к находившемуся там генералу Пелисье. Тем временем я отвел в первые траншеи четыреста рабочих — по дороге у нас убило десять человек.

Затем я вернулся к генералу, и, когда стало видно, как войска, смешавшись, покидали Зеленый Холм, мы снова спустились в овраг, чтобы идти на помощь. Меня спешно послали дать команду «в ружье», и, когда генерал подошел, все было готово. Войска всколыхнулись и вошли в траншеи, куда в изобилии падали снаряды всех видов. Там генерал распределил нас по батальонам, которые должны были идти вперед.

Конеглиано был с 4-м батальоном стрелков, которые, выйдя на возвышение Холма, рассыпались и понеслись к Башне. Разумеется, он шел с этим батальоном, и именно тогда в него угодила пуля; она застряла в куртке (следует сказать, мы сделали для себя большое благо, не пожелав, чтобы русские в случае нашей смерти могли сказать, что мы не были элегантно одеты).

В то же время полковник Делавиль, наш начальник штаба, вел на Зеленый Холм два батальона, а я имел приказ выяснить у генерала Вимпфена, где эти два батальона должны быть расположены.

Генерал направил их на правый фланг с предостережением не идти далее русских параллелей, но, как вам уже известно, солдаты не приняли этого в расчет и бросились на Малый редан. В тот момент сыпавшейся градом картечью смертельно ранило полковника Арди. Мы также были возле этой батареи и стали возвращаться на позицию, указанную генералом Вимпфеном, за которую мы ни в коем случае не должны были выходить.

Когда все было совершенно упорядочено, я вернулся в нашу траншею, где находился генерал Брюне, и, чтобы добраться до него, мне снова пришлось преодолеть местность, перепаханную во всех направлениях русскими батареями, ведущими огонь изо всех орудий.

По дороге мне встретился бедняга-солдат из алжирских стрелков, раненный в икру ноги и употреблявший свое ружье в качестве костыля. Он страдал и сильно жаловался — в минуту, когда я старался ободрить его, говоря, что траншея рядом, пронеслось ядро, которым его перерубило надвое.

Добравшись до траншеи, я даю отчет о происшедшем генералу Брюне, который отправляет меня уведомить о том же генерала Боске. Тогда, постоянно сопровождаемый снарядами, я снова поднимаюсь к Ланкастерской батарее возле редута Виктория. После моего рассказа генерал Боске обнимает меня за шею и говорит: «Возвращайтесь скорее к генералам Каму⁵¹ и Брюне и скажите им, что я восхищен; их войска, как я и ожидал, великолепны».

Я закончил эту беготню, пришел к Зеленому Холму и там провел ночь в траншее, где мы были почти в безопасности.

Следующим утром новое поручение: меня посылают в госпиталь в овраг Корабельной. В самый миг, когда я подходил, посреди 7-го легкого полка взрывается бомба, убивает четверых солдат, и ваш друг, бедняга Бадуан, был разорван в клочья.

Короче говоря, в течение трех дней и ночей, что мы находились на плато, я бегал не останавливаясь. Эта беготня и бессонные ночи, первая из которых — ночь, когда мы покинули Черную, буквально *переломили мне хребет*. Я не нахожу иного выражения для описания моего состояния, и я еще не пришел в себя, но за этим дело не станет, поскольку, покинув траншею, мы вернулись занять позиции на Черной, где мы — как сыр в масле. Похоже, нас здесь оставят на некоторое время.

Теперь, я уверен, вам не терпится узнать, каковы были мои ощущения. Так вот, сколь уж я сужу о других по себе, я убежден, что подавляющее число солдат в самые критические минуты не задумываются об опасности.

В течение всех этих сцен резни ни на минуту не приходила ко мне мысль, что я могу там остаться. И думается мне, нет ничего проще, чем быть храбрым в бою. Но только на второй день вид поля битвы, госпитали наводят на скорбные размышления. Я более других мог почувствовать это, занимаясь захоронением мертвых, начавших, как я вам сказал, разлагаться. Мои хождения на Зеленый Холм ничто перед этой пыткой.

В итоге я выполнил долг, не морщась, все остальные — также... Право, я был бы награжден, будь я в другой дивизии. К сожалению, я постоянно соперничаю с офицерами, звания которых превосходят мое: так, Конеглиано, имеющий чин восемь лет и ранение; полковник, имеющий право на офицерский крест, — получат производство по всей справедливости раньше меня.

Генерал мне сказал, что не мог наградить всех, но что обо мне он не забыл и чтобы я потерпел. На следующий день после дела он упомянул меня в своем первом рапорте главнокомандующему. Раз есть упоминание, надеюсь, и мое имя там фигурирует. В конце концов, случаи представляются наудачу.

Я вас целую.

Анри Луазьон

XI(XXVIII)

*Под Севастополем,
19 июня 1855 г.*

Мои дорогие!

Едва опомнившись от переживаний сражения 7 июня, вы сейчас, должно быть, взволнованы новостями и гораздо сильнее встревожены, узнав по телеграфу о злополучной атаке Малахова, где мы были разбиты совершенно⁵².

Огонь не велся и десяти минут, как вся передовая часть нашей колонны лежала на земле.

Бедный генерал Брюне, рисковавший, как солдат, был убит пулей в грудь в ту минуту, когда вел полк на выручку другому полку, сильно втянувшемуся в бой.

Командование дивизией тут же принял на себя генерал Лафон де Вийе (тот, что предлагал мне стать адъютантом); штаб наш остался с ним, а рядом с ним было горячо.

Генерал Лафон получил две картечные пули, к счастью лишь оцарапавшие его. Ранения получили два штабс-капитана, то есть Руайер и я. Руайер — пулей в ногу, легкая рана, а я — в бедро шрапнельной пулей, которая причинила мне сильный ушиб, но о нем через три-четыре дня не будет и речи. Ранены двое адъютантов генерала Лафона, и один — очень тяжело. Ранен также адъютант полковника, командовавшего первой бригадой. Одним словом, из девяти генералов и офицеров штаба, которые там были, лишь один полковник остался невредим.

То же соотношение в полках.

Полковник 49-го полка и его подполковник ранены.

Полковник 16-го полка опасно ранен.

В 11-м легком полку, полковника которого убило еще на Зеленом Холме, командир Лебрюн из Лонгийона, которого вы знали, убит наповал.

Число убитых и раненых офицеров огромно, и все же, когда представляешь себе эту картечь, пули, ядра, бомбы и снаряды, падавшие как ливень, не можешь понять, как не полегли там все.

Другие атакующие дивизии не были счастливее нашей.

На правом фланге в дивизии Мейрана также огромные потери. Генерал Мейран смертельно ранен.

Слева дивизию д'Отмара постигла та же участь, убит находившийся там бедный брат Конеглиано. Мой друг еще не знает об этом; он думает, что брат только ранен или в плену.

Если у вас есть план Севастополя, вы увидите, что Малахова Башня находится позади Зеленого Холма и связана справа с Большим реданом, слева — с Малым реданом и с Дозорной батареей посредством укрепления, снабженного очень широким и глубоким окопом.

Англичане должны были атаковать Большой редан, пока наши войска шли атакой на Малахову Башню в трех разных точках. Слева дивизия д'Отмара имела целью, пройдя по оврагу Корабельной, выйти к правой стороне Башни. Мы, в центре, должны были, ориентируясь на середину укреплений, обойти Малахов слева, чтобы помочь дивизии д'Отмара. Наконец, дивизия Мейрана была брошена против батарей Сторожевой и Малого редана.

Все эти совместные маневры должны были совершиться по сигналу ракеты, пущенной на рассвете с Зеленого Холма.

17-го, в одиннадцать часов вечера, войска покинули лагерь, чтобы успеть расположиться ко времени сигнала. За полчаса до него мы услышали начавшуюся справа от нас перестрелку, и мы не знали еще, завязали ее первыми русские или французы*.

Русские, которые, не подавая признаков жизни и не отвечая на огонь всех наших батарей, позволили нам расположиться, сразу же обдали нас картечью из всех орудий.

* Генерал Мейран принял за сигнальную ракету бомбу с горящим следом, пущенную с редута Brancion. Так он преждевременно дал своей дивизии приказ атаковать. — *Прим. франц. издателя.*

Именно эта картечь причинила нам такой урон, потому что в тот самый момент наши солдаты преодолевали парапеты, чтобы броситься на укрепления, куда они дошли значительно истребленными. Они все-таки попытались поставить лестницы, но расстреливавшие нас из-за парапета русские были столь многочисленны, что пришлось от этого отказаться и повернуть обратно.

Однако вместо того, чтобы вернуться в траншеи, наши солдаты остановились в карьерах, расположенных на полпути от русских укреплений, откуда храбро повели ружейную стрельбу.

Тем временем 5-й батальон стрелков из дивизии д'Отмара выполнил маневр под прикрытием оврага Корабельной и без особых трудностей вышел к поясу укреплений Малахова⁵³, но, не имея достаточно близкой поддержки, не смог сохранить своих преимуществ. В свою очередь, вперед пошел следовавший за ним 19-й линейный полк, но неприятель, успокоившись в других местах, сосредоточил усилия с этой стороны. Мы были немногочисленны, и в конечном счете нас отбросили.

В нашей дивизии возобновили атаку не с большим успехом.

Бой начался в три часа утра, и лишь в половине девятого мы вернулись на наши линии.

Ищут и находят причины, повлекшие неудачу этой атаки. Набрасываются на общие недостатки и совершенные ошибки, но единственный реальный мотив нашего провала — то, что мы имели против себя почти весь гарнизон.

За три дня русские ввели в крепость более двадцати тысяч человек, которые, конечно, все были направлены на оборону Башни, ибо они хорошо знали, что атакуют их именно здесь.

Уже сама по себе очень сильная, их позиция стала неприступна с таким количеством войск, а главное — с поддержкой их кораблей, посылавших в нас море картечи.

Говорят, генерал Пелисье намеревался возобновить атаку тем же вечером, но вынужден был от этого отказаться⁵⁴.

Думаю, для благоприятного результата придется остановиться на одном из двух вариантов: либо обойти крепость с севера, чтобы завершить ее окружение, перерезать последние коммуникации и уничтожить ее голодом, либо дать сражение на южном фронте повсеместно, чтобы заставить войска обороны рассеяться.

Каким бы ни было решение главнокомандующего, мне кажется, оно не заставит долго ждать и через некоторое время мы еще получим новость.

Что касается меня, будьте совершенно спокойны, я сказал вам чистую правду.

Когда мы шли вперед, чтобы сдержать наши войска, я оказался в веере картечного выстрела, и, по воле провидения, картечная пуля, угодившая в меня, пробила сначала лежавшую передо мной глыбу земли. Это обстоятельство и заставило ее пойти рикошетом и вместе с тем так уменьшило ее силу, что она ударила меня слегка, причинив лишь простой ушиб.

Вчера весь день и всю ночь я держал на нем холодную воду; сегодня я поднялся и под руку с Риго смог немного походить; я присутствовал даже на состоявшихся в полдень похоронах генерала Брюне.

Я повторяю, что чувствую себя прекрасно; послезавтра дивизия идет в охранение, и я отправляюсь вместе с ней.

Прощайте, мои дорогие, я целую вас и остаюсь вашим.

Мой бедный друг Конеглиано, когда мы выдвигались в атаку, сказал (он очень религиозен): «Я взял мои четки, имеющие благословение папы, и отсчитал с молитвой по десяти косточек за генерала, за моего брата и за вас».

Бедный юноша! Из троих мне одному это принесло удачу.

XII (XXXI)

*Под Севастополем,
7 июля 1855 г.*

Мои дорогие!

После дела у Малаховой Башни боев не было.

Поднесением дезертиров и лазутчиков можно было опасаться серьезной атаки, так как говорили, что генерал Людер решил с пятьюдесятью тысячами человек отбить Белые Укрепления и Зеленый Холм, даже ценою самых больших жертв. Сведения эти, несмотря на малое их правдоподобие, не были оставлены без внимания, и три дня мы держались с усиленной бдительностью и осторожностью.

Русские со своей стороны постоянно начеку, опасаясь новой атаки. Подкрепление, вошедшее в крепость 15, 16 и 17 июня, оттуда не выходило. Кроме того, несколько дней тому две тысячи человек пересекли рейд, чтобы попасть в город, так что теперь гарнизон насчитывает пятьдесят тысяч человек вместо двадцати или двадцати пяти тысяч, которые были в нем прежде⁵⁵.

С той и другой стороны работа продвинулась как нельзя более энергично; мы находимся в точке завершения новой параллели, проходящей перед счастливыми карьерами, где 5-я дивизия нашла укрытие, возвращаясь из атаки на укрепление, и которым она обязана тем, что не имела еще больших потерь.

Эта параллель, как указано на эскизе, приложенном к моему письму, огибает Зеленый Холм, продлеваясь вправо, и находится, таким образом, напротив Малаховой Башни и Малого редана. Когда она будет завершена, двойной сапой⁵⁶ выйдут к Малаховой Башне и к Малому редану.

Со стороны Килен-балки строится батарея⁵⁷ ниже бывшего русского укрепления, называемого «Второе Мая». Эта батарея воспрепятствует русским паровым кораблям становиться на шпринг напротив бухты Килен-балки и вести оттуда огонь. Весьма досадно, что батарея эта не была построена уже ко времени атаки на Малахову Башню, поскольку дивизия Мейрана не имела бы таких потерь — потерь, вызванных главным образом картечью с паровых судов, которые стали на шпринг, не опасаясь огня, и на наилучшем для стрельбы расстоянии.

С некоторых пор англичане вовсе ничего не делают; говорят, что это по высшему приказу. Они даже не возвращаются к русской параллели, находящейся перед Большим реданом и павшей при взятии Зеленого Холма, мотивируя это тем, что она пронизывается продольным огнем и обстреливается с тыла. Они ограничиваются тем, что каждый вечер посылают туда стрелков.

Уверяют, что они отказались от атаки на Большой редан и именно поэтому больше не работают. Возникает вопрос: что же тогда они будут атаковать? Тем временем они устроились в прекрасных бараках, всякий день музицируют и совершают моцион; офицеры постоянно прогуливаются верхом. Одним словом, живут в свое удовольствие.

Слева работы продвинуты столь далеко, сколь возможно; мы в сорока метрах от Мачтового, Центрального и Карантинного бастионов.

Зубчатая стена, которая была, по сути, единственным оборонительным сооружением, почти разрушена, но за нею — земляные укрепления. Возможно, будь штурм, ее взяли бы, но там положили бы многих, а перед собою нашли бы опять новые укрепления, потому что в этой части города много пустырей и русские покрыли их непрерывными линиями обороны. Сверх того, улицы забаррикадированы, а дома приспособлены для орудий, так что это было бы повторением осады Сарагосы⁵⁸, но в гораздо больших измерениях.

Потребовалось бы увеличить количество атак и отбивать пядь за пядью; эти атаки стали бы очень губительными и потребовали бы бесконечного времени.

Вот поэтому, конечно, работы на левом фланге и не выходят за нынешние границы. С этой стороны лишь охраняют траншеи, а все усилия сконцентрированы на Малаховой Башне и Малом редане, ибо там находится Севастополь.

Если бы нам удалось овладеть Малым реданом, мы сразу заставили бы пасть Дозорную батарею, которая в окружении и чьи коммуникации с городом легко можно было бы пресечь. С сего момента наша артиллерия открывает огонь по всему рейду; она в состоянии потопить флот — обстоятельство, которое лишит гарнизон сообщения с Северной стороной, что станет равносильно полному окружению города. Тогда можно было бы отказаться от атаки на Малахову Башню и ждать, пока отсутствие пищи вынудит русских сдатьсь.

Почти определенно, наши планы сводятся к этому, и об этом можно сказать сейчас без обиняков, так как через несколько дней проложат двойные сапы, и тогда не будет никаких сомнений в атаке.

Мы также вернемся к принципам крепостной атаки, к принципам, которым не могли следовать до сих пор.

Но при открытии двойных сап начнутся и истинные трудности, поскольку при осаде обычной крепости наступление идет по мере того, как огонь осаждающих подавляет огонь осажденных, а когда начинают захватывать траншеи и, главное, идти на приступ, городская артиллерия должна почти вовсе молчать.

Здесь все совершенно иначе. В распоряжении русских не только военная техника огромной крепости, но еще и пушки (что гораздо более значительно) всего их флота. Таким образом, по словам одного их инженерного офицера, плененного при атаке на Холм, всякий раз, когда они вооружают батарею, они устанавливают подле каждого орудия еще по одному орудью на лафете, готовому заменить орудие, стоящее на платформе, в случае если его выведут из строя.

Обладая такими ресурсами и в первую очередь быстротой, с какою они перепахивают землю (что является одним из самых больших их достоинств), русские, что нетрудно предугадать, противопоставят нам живейшее сопротивление и сосредоточат на наших сапах как возможно более сильный огонь.

Благодаря счастливому для нас расположению местности, двойная сапа, которую должны проложить к Малаховой Башне, укрыта от огня окружающего ее укрепления. Рельеф этого укрепления оставляет «мертвое» (недоступное для снарядов. — В. О.) пространство значительных размеров. Это наступление будет подвержено только огню Малого редана, слишком удаленного, чтобы его очень опасаться, и фланговое действие которого не сможет препятствовать продолжению работ, как это делает иногда фронтальный огонь.

Что касается начала сапы, направленной на Малый редан, она, напротив, будет подвержена фланговому огню Малаховой Башни и с фронта — Малого реда-

на, не считая огня других батарей, которые русские, возможно, готовят нам в качестве сюрприза.

Вы видите — трудности велики, но храбрость и самоотверженность наших солдат безграничны, и нужно надеяться, что усилия наши увенчает успех.

Я целую вас от всего сердца и препоручаю вам мои сердечные пожелания для всех наших друзей.

Весь ваш.

А. Луазьон

XII(XXXV)

*Под Севастополем,
31 июля 1855 г.*

Мои дорогие!

После моего последнего письма я ничего не могу вам сообщить касательно осадных работ. Мы продолжаем укреплять параллели и возводить батареи: они продвигаются вперед и скоро будут совершенно вооружены.

Русский флот имеет еще значительную численность: он состоит из двух трехпалубных, трех двухпалубных кораблей, семи фрегатов, шести пароходов и нескольких маленьких судов⁵⁹.

Стой поры, как мы стали хозяевами Белых Укреплений и Зеленого Холма, ему пришлось удалиться на расстояние; высокобортные корабли стоят в боевом порядке у бона, идущего от форта Св. Николая к форту Св. Екатерины⁶⁰. Другие — впереди. Паровые корабли находятся около берега и еженощно ведут огонь по нашим наступательным работам. Как скоро будут завершены наши батареи, им придется удалиться.

Пять высокобортных кораблей служат госпиталями: каждое утро видны шлюпки, привозящие раненных за ночь. Именно сюда перевезли и здесь пользовали наибольшую часть наших раненных, взятых в плен; письма их давно сообщали нам, что к ним относятся с большим вниманием, а сегодня мы получили самые обстоятельные подробности от наших пленников, которых обменяли в Одессе и которые прибыли к нам нынче утром.

Среди этих пленных есть и те, что были взяты ночью с 22 на 23 марта, когда русские совершили против наших траншей Виктория вылазку, стоившую им столь дорого; есть и более поздние — они были захвачены в окопах Малаховой Башни во время завоевания Зеленого Холма. Все единодушны в своих рассказах.

Как водится в любой армии, пленных допрашивали в несколько приемов, чтобы добыть сведения об армии союзников. Так они провели день в Севастополе, переходя от одного генерала к другому.

Плененные с 22 на 23 марта говорят, что в то время в крепости было еще много народу, но взятые седьмого июня видели, как все жители перебирались на Северную сторону, чтобы обосноваться в палатках и бараках. С помощью военных властей там устроен рынок, сильно напоминающий наш Камыш.

После дознания пленных препроводили в Северный форт, где они пробыли всего несколько дней. Затем их отправили маршем в отделениях по сто человек по направлению к Перекопу по дороге, идущей в Бахчисарай и Симферополь. Этот последний город, вопреки тому что говорилось, не укреплен; там всего несколько незначительных земляных оборонительных сооружений.

Перекоп, которому далеко до военной крепости, состоит всего из нескольких домов; он даже не столь значителен, как добрая французская деревня⁶¹.

Проход на западе Перекопа закрывает каменный форт, а на севере находится Стémaillere⁶², перерезающий перешеек; эта последняя фортификация — из земли, и, поскольку она уже древняя, грунт обрушился, так что преодолеть ее можно повсюду.

Самая глубокая нужда и опустошение царят во всем Крыму; население не может более прокормить себя, так как армия уже испытывает затруднения с удовольствием.

Все города, деревни, даже *хутора* (фермы) превращены в госпитали.

Все работоспособные мужчины сорваны с мест, остались только старики, женщины и дети.

От Севастополя до Перекопа наши пленные питались, как русские солдаты, то есть черным хлебом, которого и собаки не захотели бы, да супом из пшена, иногда — с мясом. Суп из пшена, который солдаты наши есть не смогли, — обычная пища русских, и это объясняет нам огромное количество мешков с пшеном, найденных нами в лагерях на Черной; мы тщетно искали ему применение.

Из Перекопа старших по званию пленников направили в Харьков, других — прямо в Одессу. Пройденные ими области имеют вид самый убогий: только необработанные, безводные степи; встречаются лишь редкие стада быков да лошадей.

Следы земледелия видны только возле рек.

Все мужчины в армии, а так как правительство чрезвычайно слабо занимается рассылкой похоронных извещений, женщины постоянно спрашивают, даже у наших солдат, новости о своих мужьях. Они очень гостеприимны по отношению к нашим пленным, которые этому только рады.

Впрочем, начиная с Перскопа они зажили как большие господа: им выдавали по одному франку в день, что превышало их потребности, потому что за три су они покупали дюжину яиц, а за восемь — курицу.

Сопровождавшие их русские солдаты имели на пропитание всего четыре су! Правда, их очень мало мучают угрызения, когда они берут то, что не могут купить.

Наши солдаты пригласили их поесть вместе с собою, и вскоре эта вежливость установила доверие с обеих сторон; через несколько дней эльзасцы понимали русских, и разговоры не прекращались⁶³.

Русские очень удивлены были, узнав подробности нашего жизнеустройства: как обращаются с нашими солдатами и т. д. и т. п.

Все, что они слышали, казалось им невероятным; они не желали верить, что у нас офицеры не имеют права *бить*, что солдаты наши идут в бой по собственному желанию, без наущения священнических проповедей и палочных ударов. Они постоянно прерывали разговор, восклицая: «Эх, как бы мы хотели быть французами!»

Повсюду наши пленные получали многочисленные свидетельства симпатии; во многих местах предоставляли им приют дворяне.

Англичане, напротив, вызывали неприязнь и дурное отношение конвоя.

На дезертиров наших офицеры смотрели презрительно и обращались с ними сурово.

Когда в Харькове пленным дали приказ отправиться в Одессу для обмена, дезертиры потребовали освобождения — вместо ответа им пригрозили палкой. Вероятно, сейчас с ними должны обходиться как с чистокровными русскими.

Когда они видели отъезд своих товарищей, их скорбь и отчаяние более не имели границ; иные пытались покончить с собой. «Скажите товарищам там, — кричали они, — чтобы они не дезертировали! Мы здесь слишком несчастны»⁶⁴.

В Одессе наши пленные были встречены французами, живущими в этом городе, с самым большим энтузиазмом.

Русские власти с готовностью пошли на все необходимое для смягчения их судьбы. Их водили в горячие бани, на прогулки — и все за счет французских колоний, также озабоченных их благополучием.

В общем, наши пленные очарованы совершенным путешествием и тем, как с ними обходились.

Русские солдаты, за исключением русских офицеров, которые великолепны, оставили у них не ахти какое впечатление.

Как они говорят, ополченцы⁶⁵ вооружены плохо и состоят из юнцов, не способных противостоят малейшим тяготам.

Регулярные войска, каковы-е они видели то ли в Крыму, то ли в России, также формируются из мужчин восемнадцати лет⁶⁶, и лишь в Севастополе встречаются пока старые солдаты, но число их день ото дня уменьшается.

Все эти сведения носят печать точности. Они даны людьми, прошедшими по разным дорогам и захваченными в разное время и тем не менее единодушными в своих рассказах.

Можно заключить, что мы причинили русским громадные потери, и, при участии холеры и других болезней, невероятная доселе цифра в триста тысяч человек, выбывших из строя с начала войны, может оказаться верной.

У меня осталось времени лишь запечатать письмо, так как нынче утром я развлекался, слушая допрос пленных и затем вам его пересказывая. Из-за того что я писал в большой спешке, вы, конечно, найдете мой отчет не очень стройным, но надеюсь, он вас все же заинтересует. Для меня редкая удача, что у нас нет сейчас никаких происшествий, и я смог сообщить вам все подробности. Работы ведутся только на возведении батарей и на утолщении парапетов. У нас нет возможности двигаться вперед, потому что, едва мы устанавливаем тур, его переворачивает ядром.

Пожелайте нам терпения, необходимого при таких задержках.

Я вас нежно целую.

А. Луазьон

XIV (XXXVIII)

*Инкерманский лагерь,
21 августа 1855 г.*

Мои дорогие!

В качестве компенсации за письма, лишенные интереса, которые я писал вам столь долго, отсылаю вам описание баталии у Трактира⁶⁷; надеюсь, оно вас заинтересует, и, чтобы сделать мой рассказ для вас более внятнм, присовокупляю к письму чертеж. Хотя он выполнен грубовато и в малом масштабе, однако представляется мне достаточно подробным, чтобы дать вам возможность проследить за всеми маневрами.

Прежде прочего я должен разъяснить вам соображения, подвигшие нас занять рубежи на Черной и вызвавшие попытку русских эти рубежи отбить. Разъяснение это обязывает меня вернуться к началу осады.

Как вы знаете, после Альминского сражения союзные армии пошли вдоль моря до Бельбека; затем, повернув на юго-восток и фланговым маршем обойдя Севастополь, достигли у Мекензиевой фермы дороги, которая вывела их в долину Черной. Оттуда они приступили к осаде южной части Севастополя. Французская армия слева, обосновавшись в Камыше, а английская армия справа охраняли линию сообщения с Балаклавой, заняв северо-восточный хребет* Херсонесского плато и меньшие возвышенности, уходящие в Балаклавскую бухту.

Чтобы сохранить Балаклаву, англичане заставили турок построить три редута О-1, О-2, О-3** и доверили им охранение.

Днем 29 октября русские эти редуты захватили. Но они не смогли продвинуться до самой Балаклавы, так как между укреплениями и городом англичане большими силами занимали несколько небольших холмов, способных к очень мощному сопротивлению. Английская артиллерия даже принудила русских покинуть два первых редута, оставляя за собою в качестве передового поста лишь третий, расположенный позади этих редутов.

5 ноября русские вознамерились атаковать англичан⁶⁸ с левого фланга, взбравшись на высоты слева от Черной — напротив инкерманских развалин.

Англичане, хотя и были застигнуты врасплох, твердо сопротивлялись и тем самым дали время подойти французской дивизии.

Дивизия эта сломя голову ринулась на русских и отбросила их в овраги, нисходящие к Черной. В то же время их беспорядочные массы поражала наша искусно управляемая артиллерия.

Этот день, стоивший русским 15 000 солдат, был тем не менее для нас роковым в том смысле, что англичане, жертвы внезапного нападения, имели большие потери и заявили, что не в состоянии идти на штурм.

По словам всех русских офицеров, мы упустили тогда прекраснейшую возможность взять Севастополь, ибо гарнизон был слишком малочисленным, чтобы оказать серьезное сопротивление.

Английская армия уменьшилась более чем наполовину, приступ был отложен, и почувствовалась необходимость защищаться от новых атак. Тогда-то и приостановили осадные работы, чтобы построить редуты Маячный, Виктория, Инкерманский и Канроберов, так же как и громадный ров, который, пролегая вдоль восточных хребтов Херсонесского плато, спускается к Балаклаве.

Система наших позиций, столь укрепленных и снабженных артиллерией, стала огромной и способной противостоять любым усилиям русских.

Именно за этим рвом мы и провели зиму. Ежедневно с одиннадцати до четырех часов вечера вооруженные отряды, высылаемые каждым корпусом для заготовки дров, то есть для корчевки корней кустарника, спускались с плато; при их приближении казаки, находившиеся в карауле на возвышенных точках С—D—E***, удалялись, чтобы после ухода наших стрелков снова занять позиции.

* Гора Сапун. — Прим. франц. издателя.

** На карте — так называемые Турецкие редуты по Воронцовской дороге. — Прим. франц. издателя.

*** Речь идет о трех Федюхиных холмах. Холм С — самый близкий к горам Сапун; холмы D и E находятся один на севере, другой на юге от дороги из Балаклавы в Бахчисарай. — Прим. франц. издателя.

Однако, когда весной прибыли новые французские дивизии и вместо того, чтобы противопоставить их неприятелю внутри Крыма, как все мы предполагали, подкрепление было употреблено для расширения фронта атак, нам стало слишком тесно на плато.

На этом основании 1-я и 2-я дивизии 2-го корпуса, а также вся наша кавалерия и артиллерия резерва под командованием генерала Канробера снова спустились в долину. Кавалерия, двигаясь во главе, пересекла Трактирный мост и, следуя по большой дороге, вышла на возвышенности, в то время как пехота преодолела склоны с фронта. Русские, застигнутые врасплох и, впрочем, малочисленные, бежали в полнейшем беспорядке, не успев унести наибольшую часть имущества и ограничившись тем, что послали в нас несколько ружейных выстрелов.

Французские войска остались на высотах между дорогой и Шулиу⁶⁹ до полудня, затем удалились и стали лагерями: пехота — на плато С и D, а кавалерия с артиллерией резерва — между точкой E и Воронцовской дорогой*, в то время как пьемонтцы занимали Чоргун и растягивались по возвышенностям слева от Крэтзена⁷⁰ и Черной**. В тот же день, из страха перед контрнаступлением русских, было заложено предмостное укрепление у Трактирного моста, а вода из Шулиу снова пущена в канал.

Этот канал, перекрытый нами, когда после Альмы мы спустились в долину Черной, нес в Севастополь почти всю потреблявшуюся там воду. После того как его перекрыли, русским пришлось отправляться за водой к Бельбеку, поскольку колодцы и фонтаны внутри города обеспечивали столь огромные потребности лишь в незначительной степени.

У Шулиу и у Черной очень крутые наклоны, а канал, проложенный у подножия возвышенностей на правом берегу, удерживается на уровне почти горизонтальном; поэтому он пересекает Черную по мосту-акведуку⁷². Затем он следует вдоль реки, проходит через овраг Килен-балки на краю бухты по очень высокому мосту и, наконец, расходится по разным кварталам Севастополя.

Впрочем, вы, конечно, догадываетесь, что, если мы и пустили снова воду по каналу, то лишь для наших собственных нужд, а не для того, чтобы ею пользовались русские и вода не пошла далее прудов, находящихся у подножия холмов С и D.

Позиция, занятая французской армией, имела различные преимущества: 1) увеличение радиуса действия; 2) отдых войск, утомленных осадными работами; 3) наконец, и это главное, питание для кавалерии и артиллерии резерва, так как берега Черной — сплошные луга.

Однако с кормами в пределах досягаемости было покончено немедленно, и, когда они истощились, было решено послать дивизию д'Аллонвиля⁷³ с частью резервной артиллерии в Байдарскую долину, где ранее разведка обнаружила великолепные луга.

Чтобы попасть в Байдары, кавалерия должна была следовать по Воронцовской дороге, прорубленной в почти вертикальных скалах, так что нельзя было

* Пехота, значит, заняла два Федюхиных холма на севере от Бахчисарайской дороги; конные войска стали биваком почти на краю того места, где была знаменитая Балаклавская атака. — *Прим. франц. издателя.*

** Эти возвышенности, расположенные по левым берегам Черной и Крэтзена, носят название Mont-Nasfort⁷¹. — *Прим. франц. издателя.*

вступать на этот путь, не заняв возвышенностей между Черной и Крётзеном, возвышенностей очень труднопроходимых, покрытых лесом и с большими трудностями уже пройденных пехотой.

Поэтому, когда генерал д'Аллонвиль двинулся в путь, пьемонтцы для его прикрытия предварительно заняли позицию на высотах, между тем как турецкую дивизию разместили лагерем вокруг усадьбы в точке N*.

В Байдарской долине генерал д'Аллонвиль собрал фуражу, достаточного для прокорма более чем двадцати тысяч лошадей в течение сорока дней и, когда все луга были выкошены, перешел Черную и расположился вдоль долинки, находящейся напротив Байдарской долины.

На этой позиции он находился на виду и вынужден был организовать охрану самым тщательным образом, чтобы, в случае серьезной атаки, иметь возможность отойти за Черную и соединиться с пьемонтцами, которые, владея господствующими краями долины, прикрыли бы его отступление по Воронцовской дороге.

Многочисленные разведки и донесения лазутчиков внушили генералу уверенность, что русские задумывают атаку на Черной. Он уведомил об этом генерала Боске, командующего вторым корпусом, который предписал дивизиям Дюлака⁷⁵ и де Ла Моттжуа⁷⁶ быть готовыми к выступлению. Тот же приказ получила гвардия, стоявшая лагерем в штаб-квартире.

Предосторожности эти не были бесполезны, так как 16-го на рассвете с занимаемых нами холмов можно было видеть большие колонны русских, спускавшиеся по ущелью, где ниже батареи Слабак** проходит Мекензиева дорога.

Кроме того, русскими, которые под покровом ночи и утреннего тумана незамеченными заняли позиции, оказались покрыты все высоты между этой дорогой и Шулиу, а также возвышенности перед Чоргуном.

Мы были настороже, но войска, расположенные на холмах С, D, E, тем не менее должны были встретить первый удар и, сопротивляясь, дать возможность подойти подкреплению.

Эти малочисленные войска состояли из: 1) одной бригады дивизии Гербильона⁷⁷, расположенной на плато E и соединяющей правое крыло французов с левым флангом пьемонтцев (другая бригада этой дивизии была задействована в осаде); 2) дивизии Фоше⁷⁸ (бывшей дивизии Мейрана), первая бригада которой под командой генерала Фальи⁷⁹ должна была занимать и защищать предместное укрепление, в то время как вторая бригада располагалась позади, оседлав дорогу, и служила резервом бригаде Фальи и бригаде дивизии Гербильона; 3) дивизии Каму, целиком стоящей лагерем на холме С***; 4) наконец, из дивизии африканских стрелков (под командованием генерала), размещенной лагерем в F****.

* На востоке от Крётзена в треугольнике, образованном Черной, Крётзеном и деревней Алсу⁷⁴ (см.: Фэнэ, с. 274). — *Прим. франц. издателя.*

** Названное так нашими солдатами русское укрепление было расположено в юго-западной точке Инкерманских высот выше так называемой Мекензиевой дороги, ведущей из Балаклавы в Бахчисарай. — *Прим. франц. издателя.*

*** Самом близком к горам Сапун; Каму образовывал наш левый фланг. — *Прим. франц. издателя.*

**** Кавалерийская дивизия Морриса занимала на втором плане выход из долины между горой Гасфорт и Федюхиными горами. — *Прим. франц. издателя.*

Пехотные сторожевые заставы располагались на канале, представляющем собой по всему течению укрепленный участок, поскольку земля при выравнивании почвы отбрасывалась на левую сторону и образовала парапет, что оказалось для нас в этих условиях весьма полезным.

Когда стало достаточно светло, чтобы ориентироваться, русские колонны выпустили перед собою по всему течению Черной от Слабака до Чоргуна тьму стрелков. Возможно, неприятель желал скопировать наш альминский прием и использовать стрелков большими отрядами.

Стрелкам предшествовала многочисленная артиллерия, открывшая огонь близ реки. Стрелки, находившиеся ниже моста, перешли реку в брод и на принесенных с собой плотках (*cadre*), а затем хлынули к каналу; наши сторожевые заставы, ответив смертоносным огнем, уступили количеству и вернулись на плато С и D.

Тем временем вся дивизия (дивизия Каму) продвинулась к хребту, а наша артиллерия стала в боевом порядке с тыльной стороны оврага, образованного холмами С и D, чтобы быть большей частью укрытой от русской артиллерии.

Рассчитывавший на легкий успех неприятель был встречен здесь всею дивизией Каму, стрелявшей в упор; после общего залпа эта дивизия ударила в штыки и отбросила русских под огонь нашей артиллерии, который преследовал их, нанося громадные потери, до противоположного берега реки.

Но эта атака была лишь диверсией, поскольку все усилия русских направлялись на Трактирный мост.

Ниже моста, а также от моста до Чоргуна реку всюду можно перейти в брод, стало быть, здесь атака русских должна была стать более стремительной, прежде всего потому, что им приходилось преодолевать меньшее расстояние до нашей линии обороны, а также потому что они не были стеснены мостами, которые ниже им приходилось перебрасывать через реку, чтобы ее перейти.

Генерал Фальи, находившийся в этом месте с бригадой, насчитывавшей не более двенадцати сотен человек, стал героем дня.

Стремительно атакованный шестью тысячами солдат⁸⁰ и находясь под огнем очень многочисленной артиллерии, он понял, что не сможет удержаться на реке, переходимой в брод по всей округе, и отошел на возвышенности за хребет, защищавший его от артиллерийского огня.

Там он смело дождался русских, наступавших большими стрелковыми отрядами, встретил их густым огнем, затем ударил в штыки и отбросил их за мост, пока наша артиллерия, размещенная на хребте и у подножия холмов D и E, ужасно обстреливала их картечью.

Атаку возобновила новая масса стрелков, такая же мощная, как и предыдущая.

Генерал Фальи, вынужденный снова отступить, вернулся на позицию за хребтом и повторил свой маневр с прежним успехом.

Русские отступали столь же стремительно, сколь и шли в атаку, когда их встретил генерал Вимпфен во главе 50-го линейного и 7-го легкого полков.

Генерал Каму, выдержав атаку со своей стороны, скоро заметил, что это была лишь диверсия и настоящей точкой атаки является Трактирный мост.

На этом основании он послал генерала Вимпфена с двумя полками на выручку генералу Фальи. Но Фальи уже вынудил противника начать движение вспять, когда весьма кстати в атаку пошел Вимпфен: его войска двигались по-

середине склона параллельно каналу, отрезали русских от реки и взяли много пленных.

Во время двух этих атак, следовавших одна за другой и отбитых генералом Фальи со столь малым числом солдат, русские попытались также захватить холм Е, обороняемый одной бригадой дивизии Гербилона, и высоты GG*, занятые пьемонтцами, но в этом месте, равно как в других, они потерпели неудачу. Хотя пьемонтцы не выдерживали большого напора, они показали, на что способны, и этот день, когда они отстояли свои отроги, еще увеличил нашу веру в их маленькую, но столь элегантную армию.

Основное действие, то есть бой пехоты, длилось всего час: с пяти до шести.

Итак, русские удалились, так что к приходу дивизий Дюлака и Моттружа все уже было кончено; к великому сожалению этих дивизий, пострелять им не довелось.

Канонада продолжалась, пока неприятель производил отступление, завершившееся к трем часам.

Позицию он занял на Мекензиевой дороге ниже Слабака, имея часть своей задействованной кавалерии на правом фланге перед небольшим ущельем, разделяющим батареи Слабак и Флажолет (Flageolét); позади — мощный пехотный корпус на дороге; на востоке от дороги — другие пехотные линии, сформированные пошелонно и в шахматном порядке. Слева от этой пехоты находилась еще конница. Все гребни Мекензиевого плато обложила артиллерия, беспрестанно стрелявшая до двух часов, пока русские совершенно не отступили и не исчезли в ущельях Мекензиевой дороги. На этой временной позиции их силы можно было определить невооруженным глазом: мы насчитали семнадцать эскадронов кавалерии и более сорока батальонов, кроме того, множество и сверх всякой меры артиллерии; общей сложностью более тридцати тысяч бойцов.

И вот натиск армии в тридцать тысяч сдержала горстка в четыре тысячи французов! На деле, с нашей стороны серьезно были втянуты в бой только бригада Фальи, 50-й и 7-й легкий полки; другие войска корпуса выдержали лишь ложные атаки, а дивизии Дюлака и Моттружа подошли после боя.

Нас тем более должен радовать этот великолепный успех, что стоил он нам потерь относительно незначительных, особенно по сравнению с огромными потерями, понесенными нашими противниками.

Более всего пострадала наша артиллерия, так как, стреляя по толпам, она не отвечала на огонь гораздо более многочисленной русской артиллерии. Назовем одну гвардейскую батарею, где у нас было сорок убитых лошадей, тридцать девять солдат, выбывших из строя, и трое офицеров, хоть и легко раненных.

Против обыкновения у нас было очень мало убитых офицеров; под генералом Фальи и полковником Кастани (7-го легкого полка) убило лошадей. Среди рядовых мы насчитываем приблизительно двести погибших и семьсот раненых, в то время как у русских, без преувеличения, — десять тысяч человек, выбывших из строя⁸¹.

Мы взяли шестьсот пленных, и пьемонтцы — от двухсот пятидесяти до трехсот. Сверх того, в наших госпиталях тысяча восемьсот русских раненых.

* Утесы Чоргунский и Mont-Hasfort. — Прим. франц. издателя.

Их эвакуировали в Одессу, и эти бедняги восприняли эвакуацию с самым большим сожалением, ибо, насколько в начале войны они боялись попасть в плен, ожидая, что французы, в чем их постоянно убеждали, сначала отрежут им уши, а потом отдадут туркам, настолько теперь после нашего доброго обхождения желали остаться пленными, чтобы, по их словам, не возвращаться в ужас осажденного города.

Вся земля между рекой и каналом была усыпана трупами, вокруг моста и даже в реке они были навалены один на другой. После боя мы похоронили всех, что лежали на левом берегу. Подобрать раненых на правом берегу было невозможно, потому что всякий раз, как наши солдаты пересекали с этим намерением реку, русские вели огонь из всех своих батарей.

18-го и утром 19-го было перемирие. Русские подобрали своих погибших на правом берегу и увезли их на арбах (arabas). Число трупов, включая тех, что мы похоронили уже на левом берегу, составляет не менее двух тысяч.

Среди мертвых — три генерала, среди которых генерал Рead⁸². При нем нашли письмо, содержащее предписания. Это письмо подтвердило слова пленных, что приказ об атаке пришел из Санкт-Петербурга⁸³ и что император прислал брата своего, великого князя Михаила, присутствовать при этом деле.

В соответствии с письмом, генерал Рead командовал 1-м корпусом, который был атакующим; другой корпус был в резерве. Общее число личного состава превышало шестьдесят тысяч человек⁸⁴.

Следуя этим предписаниям, генерал Рead должен был быстро захватить холмы С, D, E, укрепиться там с помощью траншей и тотчас установить в боевом порядке позиционную артиллерию, чтобы обстреливать наши линии и тылы пьемонтцев. Говорилось, что к тому сроку он получит новые распоряжения.

Возможно, в плане русских было отделить нас от пьемонтцев, направиться в сторону Балаклавы и, принимая в расчет, что захватить ее им, видимо, не удастся, занять турецкие редуты и высоты к северу от Балаклавы, так чтобы отрезать пьемонтцев и всю нашу кавалерию. Этот план был задуман не слишком дурно, так как, имея он успех, вы видите, какие были бы последствия⁸⁵.

Впрочем, они унижены в высшей степени, продемонстрировав такие силы и не справившись со столь малым числом противника.

Все заставляет думать, что они снова примутся за свое, дабы отомстить за это поражение.

Это наивысшее удовольствие, что они могут нам доставить, ибо никогда они не разобьют нас на наших позициях, и чем большим будет их ожесточение, тем значительнее будут их потери.

Письмо это, которое я надеялся дописать лишь сегодня к полудню, закончено в четыре часа утра, потому что всю ночь гремят повозки и орудия на Черной, а мы с одиннадцати часов вечера под ружьем.

Солдаты уснули на сумках у своих ружей, составленных в козлы, а я употребляю бессонное время, чтобы закончить мой рассказ до того, как, в случае необходимости, мы выступим маршем...

Нас продержали под ружьем до пяти часов утра. Это была ложная тревога, и я покидаю вас и отправляюсь спать, потому что, отбив в карауле предыдущую ночь, все мы валимся от усталости.

Я вас целую.

XV(XXXIX)

*Инкерманский лагерь,
24 августа 1855 г.*

Мои дорогие!

После моего рассказа о сражении у Трактира ничего нового на Черной не произошло, если не считать приведения нас в боевую готовность по тревоге, что случалось весьма часто.

Этой ночью часть войск снова была поставлена под ружье с полуночи до самого дня.

Эти меры предосторожности порою заставляли жаловаться солдата, который возымел тщетную надежду помериться силами с неприятелем, но в конце концов в этом отчаялся. Однако они (предосторожности. — *В. О.*) бесполезны, так как всякий день с этой стороны можно ожидать атаки русских, несмотря на малый успех, добытый ими 16-го.

Основанием этому служит то, что все их источники в Севастополе и на Мекензиевом плато истощены, и за всю воду они вынуждены отправляться к Бельбеку, среднее расстояние до которого три лье. Так что они хотят отбить Черную столь же по необходимости, сколь из желания потеснить нас на плато и отрезать нашу кавалерию.

Мы же, далекие от опасений перед новой атакой, призываем ее. Действительно, наша позиция столь хорошо защищена, принятые нами меры столь действительны, что мы не можем питать ни малейшего опасения быть разбитыми. Мы можем даже надеяться, что, позволив русским сильно увлечься операцией, мы сумеем отрезать часть их войск либо нанести им урон еще более серьезный, чем в последнем деле.

Со стороны осады кое-что переменилось. Вы должны помнить (я говорил вам об этом), что в течение дней пятнадцати все наши старания продвинуть вперед и соединить в центре правый и левый края шестой параллели были тщетны.

17-го утром мы открыли огонь с батареей, и так же поступили англичане⁸⁶.

Приблизительно до полудня огонь был очень силен, чтобы возобновиться с еще большей интенсивностью к ночи; под прикрытием этого огня и была вырыта в ту же ночь шестая параллель.

На следующий день ее усовершенствовали, и, когда стрельба продолжалась, рабочие продвинулись очень быстро, потому что русская артиллерия, уступая нашей и английской, отвечала на огонь батарей, а рабочих обстреливала весьма слабо.

Захвачена также территория впереди: пути сообщения двойных сап, которые направлены к Малахову и к Малому редану и которые роют саперы в броне и со шлемами на головах, теперь находятся не более чем в пятидесяти метрах от этих двух выступающих укреплений.

Начиная с этих ходов сообщения и протягиваясь вправо и влево, сооружено несколько плацдармов, куда помещены солдаты, занятые исключительно наблюдением за амбразурами: как только щит открывается, они посылают туда десяток пуль. Этот ружейный огонь, должно быть, губителен для русских артиллеристов, и, думаю, из-за этого они стреляют меньше, чем прежде. Скорее всего, нынче мы проберемся до рва укрепления и сможем сделать брешь в эскарпе либо миной, либо орудиями и снарядами.

Русские завершают огромный мост⁸⁷; он, проходя между линией кораблей и второй эстакадой, связывает северный берег с южной частью города. Говорят, они готовят путь к отступлению, видя, что через небольшое время им придется отходить.

Возможно, эта мысль и имела место при строительстве моста, но мне кажется, определяющая причина — устройство постоянного сообщения между северным берегом и городом для перемещения войск, материалов, припасов, провизии и т. д. и т. п. Уже одно это способно объяснить их усилия, и я не думаю, что они определенно задумывают покинуть город. Они, разумеется, признают, что мы неизбежно захватим укрепление, но они использовали ту же тактику, что и при осаде на левом фланге, и пока они защищают первое укрепление, за ним строят второе, способное позволить еще долго держаться. Правда, это лишь вопрос времени, ибо никто, начиная с русских, не сможет усомниться, что мы возьмем Севастополь.

Рвение, энергия, самоотверженность наших солдат неизменны; и небольшой доли этого достало бы для сопротивления всем тяготам и изнуряющей скуке столь долгой осады.

Санитарное состояние остается хорошим в том смысле, что у нас очень мало случаев холеры и лихорадки. Но цинга начинает появляться снова; она в особенности обрушивается на полки, проводшие зиму в Крыму и перенесшие долгие тяготы и лишения.

Появление цинги объясняет мудрое решение императора заменить старые полки новыми войсками; такое перемещение, кроме того, имеет еще и то преимущество, что заставит всю армию пройти школу, откуда она выйдет несравненной, с сокровенным убеждением в собственном превосходстве, которое стало бы твердым залогом ее победы, если бы более масштабная война призвала ее на великие поля сражений Европы.

Несколько времени назад я получил самое сердечное письмо от генерала Марьё. Он был весьма обеспокоен на мой счет и сказал мне, что в Версале я слышу очень тяжело раненным и даже погибшим. Я поспешил поблагодарить его за сердечность, с какою он ко мне отнесся и какая проявляется в каждом слове его письма.

Я жду известного вам Дюма, одного из лучших моих друзей. Он должен быть здесь, но я его пока не видел и опасаясь, как бы по прибытии ему не пришлось отправиться в госпиталь. Не говорите об этом его брату.

До свидания. Весь ваш.

А. Луазьон

XVI(XL)

*Инкерманский лагерь,
28 августа 1855 г.*

Мои дорогие!

После моего последнего письма от 24 августа в ходе осады не произошло ничего примечательного. Однако в ночь с 24-го на 25-е мы захватили один русский ложемент⁸⁸, находящийся слева от начала нашей сапы на Малахов и доставлявший нашим рабочим большие беспокойства.

Этот ложемент, постоянно занимаемый русскими всего несколько дней, был единственным, которым они владели, со всех сторон они так зажаты, что болес не могут выходить из укрепления: поэтому они так крепко здесь держались.

Наши солдаты захватили его с холодным оружием, но русские вернулись и нам пришлось его оставить. Тогда приказали выйти семи ротам 10-го линейного полка, взявшим русских в штыки, и на сей раз ложемент решительно остался за нами. Все это произошло в одну ночь.

Тогда русские попробовали предпринять вылазку к началу нашей сапы у Малого редана, но, встреченные очень густым ружейным огнем, вынуждены были отступить в ров своего укрепления. Следующей ночью они возобновили вылазку с тем же успехом⁸⁹.

Артиллерия всякую ночь продолжает вести ужасный огонь, и он должен причинять русским огромные потери⁹⁰, так как каждое утро видны десять, пятнадцать, двадцать телег, отвозящих на кладбище мертвых.

Огонь русских, наоборот, становится все менее и менее оживленным. Ему мешают наши стрелки, осыпающие пулями открывающиеся амбразуры. Эти самые в очень плохом состоянии, и, кажется, у русских наконец-то разбито большое количество орудий.

Они возмещают неудачи новым устройством, я хочу сказать — малыми мортирами, расставленными во рву на всем протяжении укрепления и приносящими нам весьма ощутимый вред.

Эти мортиры, стреляющие бомбами, гранатами и картечью, направляются не на наши батареи, но на наши траншеи и на основания наших сап. После их появления на сцене действий наши ежедневные потери удвоились.

Надо думать, это еще один повод ускорить развязку, ожидаемую каждый день по причине крайне небольшого расстояния между нашими работами и укреплением.

Все полагают, что до 15 сентября будет предпринят решительный удар, чтобы использовать уныние русских, в косм они пребывают. Кажется, сражение у Трактира и огромные потери, которые они всякий день несут в Севастополе, совершенно их подавили.

Только что опровергли новость о смерти Тотлебна⁹¹, но, однако, не достаточно достоверно, чтобы я мог вам это утверждать.

Дюма наконец меня обнаружил, и мы провели вместе прекрасный день. Он сказал мне, что его брат все еще под угрозой новой ампутации, так как культя продолжает гноиться и долго не затягивается. Это очень печально после трех лет испытаний.

Я вас целую.

А. Л.

XVII (XLII)

*Инкерманский лагерь,
11 сентября 1855 г.*

Мои дорогие!

Севастополь взят 8-го вечером⁹², но из-за отбытия курьеров новости о себе я могу сообщить вам только 11-го, новости, которые дойдут до вас лишь 25-го или 26-го, значит, для вас это шестнадцать или семнадцать дней жестоких тревог...

Я пишу вам, и, стало быть, я жив, болес того — я не ранен.

Наша дивизия была в том же месте наступления, что и прежде, то есть у большой куртины, идущей от Малаховой Башни к Малому редану.

Мы бросились в атаку из наших параллелей; как по волшебству преодолели пространство в пять сотен метров, изобилующее завалами, волчьими ямами, фугасами и рогатками, и, заходя в ров, все перескочили вертикальный контрэскарп⁹³, чтобы взобраться на земляной эскарп⁹⁴, покатый вследствие ударов наших снарядов.

При нашем приближении русские открыли огонь со всех сторон; картечь, камни, снаряды, пули — все сыпалось на нас дождем, но ничто не останавливало поднятый нами ураган.

Так мы стали хозяевами куртины⁹⁵, где убили русских, не пожелавших спастись бегством.

Тем временем 1-я дивизия взяла Малахову Башню слева от нас, тогда как справа 4-я дивизия терпела неудачу у Малого редана⁹⁶.

Колонна русских от пяти до шести тысяч человек, рассчитывая использовать трудности нашего положения, пошла в атаку, чтобы отбросить нас, но была встречена ружейным огнем по всей нашей линии и в конце концов вынуждена была уйти в Малый редан. Эта контратака и одновременный взрыв фугаса все же внесли в наши ряды панику, которая могла иметь самые серьезные последствия, если бы нам не удалось вернуть в ров наших убегающих солдат⁹⁷.

Пока мы шли атакой на правый фланг, Старая Осада шла на левый, а англичане — на Большой редан.

Войска левого фланга начали бросок так же, как и наши, но после нескольких взрывов фугаса в беспорядке отступили.

Англичане, как у них водится, создали видимость атаки на Большой редан с несколькими сотнями человек, когда требовалось их десять тысяч⁹⁸. Определенно, это изменники, и, такие храбрецы в других местах, во мнении французской армии они пошли на дно. Если бы захотели сделать нашим солдатам хороший праздник, то попросили бы русских сбросить в море этих сомнительных союзников, которых мы никогда не могли переносить.

Слева и в центре результат был ничтожным. Значит, Севастополь был взят именно атакой на правом крае, и честь принадлежит главным образом 1-й дивизии и затем — нашей.

Хотя успех очень велик, потери наши весьма досадны⁹⁹. Первым раненым, которого я увидел, был Эмиль Вьолан. Когда мы взошли на куртину, он был поражен пулей в грудь. Я надеялся, что пуля лишь задела его, скользнув по ребрам, так как он шел весьма твердо; я рассчитывал отыскать его в лагере. Потом я тщетно разыскивал его по всем госпиталям, в полку о нем нет никаких новостей, и я очень опасаюсь, как бы он по дороге не умер. Ничего не говорите его родным; признайтесь только, что он ранен, пока я не узнаю определенно, что с ним стало.

Вьолана ранило в самом начале, когда мы атаковали куртину, но только потом, после поражения 4-й дивизии у нас на правом фланге, потери наши в один момент увеличились ужасно.

Полковник 49-го полка был убит подле меня, когда я с ним разговаривал.

В минуту, когда наши солдаты *спасались*, наш начальник штаба полковник Делавиль послал меня останавливать их с одной стороны, а сам побежал — с другой. Он не сделал и сотни шагов, как получил пулю в живот, от которой скончался вчера в десять часов утра.

В то же время пуля попала в сердце адъютанту генерала, моему товарищу по выпуску, и убила его наповал.

Постепенно через это проходил весь штаб: другого штабного капитана унесли с поля боя после того, как он был опрокинут взрывом бомбы, сделавшим ему ужасную контузию, от которой он, по счастью, не умер. Племянник генерала, лейтенант 7-го легкого полка и адъютант своего дяди, получил пулю в ногу, и необходима ампутация. Наконец, поручик штаба, служивший вторым адъютантом, был поражен пулей в голову — ранение, хотя и серьезное, жизни, кажется, не угрожает.

Китель генерала был пробит пулями и картечью. Я же, один оставаясь подле него, получил только осколок камня, оторвавший нижнюю часть моих панталон, да пулю, которая их пробила.

Как только взяли Малахову Башню, нам начиная с двух часов стало немного легче на нашей куртине. Я позабыл вам сказать, что началась атака в полдень.

Тем не менее русские все еще удерживали Малый Редан и обстреливали нас продольным огнем.

Внезапно посреди этого относительного затишья происходит движение, напоминающее землетрясение на Зеленом Холме, о каком я вам рассказывал. В мгновение ока оно нас сметает и опрокидывает.

Я был рядом с генералом: нас отбросило назад по-прежнему рядом друг с другом, но без вреда, тогда как потом посыпались всякие камни и обломки. Избежав камней, мы уже посчитали себя спасенными и поднимали голову, когда заметили огромную балку блиндажа, летевшую по прямой линии в нас. Одним концом она ударила по большому камню, за которым генерал прятал голову. Камень разбился и изранил ему все лицо. К счастью, ранение, хотя и очень болезненное, но не тяжелое, и он скоро поправится.

Что касается меня, то, когда балка завершила свое падение, я так же, как генерал и все, кто был рядом с нами, скатился вместе с ней. Я поднялся с ушибами повсюду, и первым моим движением было отыскать генерала, но из-за того, что солдаты наши, снова впад в панику, покинули позицию, я побежал во весь дух, взял всех, что были у меня, офицеров и унтер-офицеров, заставил их с саблями в руках остановить убегающих солдат и добился, чтобы они вернулись на парапет.

С этого момента я (я капитан) принял командование всей дивизией, так как при этом взрыве майор 16-го легкого полка Телье, покровитель Эмиля и мой друг, был завален с четырьмя офицерами своего полка. Полковник того же полка получил ужасную рану, после которой он, однако, поправится.

Я сохранял командование до тех пор, пока не встретил подполковника 16-го легкого полка, находившегося в нашей шестой параллели; тогда я передал командование ему.

На другое утро после того, как русские оставили город, первой моей заботой по возвращении в лагерь было повидать генерала. Он встретил меня крайне резким тоном, заставившим меня опасаться, как бы он не осудил меня за то, что его не вынесли с поля боя.

Тогда я сказал, что искал его, но посчитал своим долгом прежде всего удержать войска на позиции. «Я видел вас, — ответил он, — остававшимся у меня еще глазом; я слышал, как вы кричали «Вперед!», и ваше поведение вам зачтется».

В рапорте, подготавливаемом каждым дивизионным генералом для главнокомандующего, в рапорте, который проходит через мои руки и руки Конеглиано, поскольку мы здесь остались одни, излагается, как я командовал дивизией в критическую минуту и что генерал предлагает для меня не только крест, но

и помещение в приказ по армии. С моей стороны не самонадеянно предположить, что я по крайней мере получу крест.

Сегодня мы воздаем последний долг погибшим: в семь часов мы хороним нашего бедного полковника Делавиля, о котором я буду сожалеть всю жизнь. Я уже присутствовал на похоронах всех офицеров штаба. Руководил похоронами генерал Пелисье, произнесший прочувствованную речь, в которой говорил, что всегда гордился тем, что вышел из этого прекрасного корпуса. Потом мы были на похоронах генерала Бретона¹⁰⁰ и генерала Риве. Этот поселил общую скорбь, и я ее ощущаю еще более, чем другие, потому что со мною он был особенно добр и ласков.

Я более не могу ничего сказать и никому писать; пускай Мари всех успокоит на мой счет. Вследствие всех наших потерь и следующих из этого назначений я завален работой, а поскольку я один с Конеглиано, который пока не может писать, судите сами, что мне нелегко справляться со всеми делами.

И потом, мне сейчас ни до чего нет охоты; я нахожусь и долго еще буду находиться под тяжелым впечатлением смерти моих друзей.

Именно поэтому я даже вам не могу ни описать детали, ни рассказать о пожаре и взрывах в Севастополе; отчет об этом вам дадут газеты.

Скажу лишь, что 9-го утром, после ухода русских¹⁰¹, я совершил прогулку в город. Какое опустошение и какое ужасное зрелище кровавых следов ожесточенной борьбы!

Как воспоминание об этом грустном визите я забрал с собою малозначащую картинку и несчастного кота из красивого и частью разрушенного дома.

Кот не ел и не спал по меньшей мере дня три, и, оказав ему помощь в нужде, я нашел себе закадычного друга. Если мы вернемся во Францию, я преподнесу его вам в подарок.

Прощайте, мои дорогие; благодарю Бога, моя добрая матушка, за то, что я уцелел, ибо трижды или четырежды лишь по вмешательству providения я был спасен.

Я всех вас целую.

А. Луазьон

(Перевод В. В. Орехова)

Комментарий

¹ ...к бухте Бейкос... — Бухта в Босфорском проливе у одноименной деревни при впадении р. Бейкос.

² ...с генералом Пелисье... — Пелисье Эмабль Жан Жак (1794—1864) — маршал Франции. В 1815 г. закончил военную школу в Сен-Сире. 1823 г. участвовал в подавлении революционного движения в Испании, в 1830—1840 гг. — в боевых действиях в Алжире, где приобрел репутацию талантливого, решительного военачальника и «прославился своими очень успешными и весьма зверскими действиями в этой постепенно завоевываемой стране. В армии у него было прозвище «копитель» (l'enfumeur), так как в Алжире он однажды задушил дымом загнанное в пещеру население целой деревни» (Тарле Е. В. Крымская война. — Т. 2. — С. 375). Прибыв в Крым, он принял командование одним из двух корпусов французской армии, а в мае 1855 г. сменил на должности главнокомандующего французской армией генерала Канробера, нерешительный способ действий которого не удовлетворял правящие круги Парижа. В 1855 г. произведен в маршалы, с 1856 г. —

герцог Малаховский. В 1858—1859 гг. был послом в Великобританию, во время Австро-итало-французской войны командовал Рейнской армией, с 1860 г. — губернатор Алжира.

³ *Генерал Риве* — начальник штаба 2-го корпуса французской армии. Убит 8 сентября во время штурма укреплений Корабельной стороны.

⁴ Капитан Луазьон был офицером штаба 5-й дивизии генерала Брюне.

⁵ *Монастырь Святого Георгия* — один из старейших монастырей России, расположен между Мраморной балкой и м. Фиолент на верхней террасе обрывистого берега. В годы Крымской войны его настоятель архимандрит Геронтий и часть иеромонахов оказались в плену.

⁶ *...носит имя Ифигении...* — Ифигения — жрица в святилище Артемиды. Согласно преданию, Артемиде, желая наказать Агамемнона (вождя греческой армии, направившейся в Трои) за убийство любимой лани, сначала требовала смерти его дочери Ифигении, но смягчилась и перенесла Ифигению в Тавриду, сделав ее жрицей. По мнению Дюбуа де Монпере, на побережье Крыма несколько мест могло быть связано с именем Ифигении. См. об этом: *Орехова Л. А., Орехов В. В.* Еще о храме Дианы: Дюбуа де Монпере — В. П. Буренин // Крымский научный сборник. — Вып. 1(10). Русская культура и античность. — Симферополь, 2001. — С. 293—301.

⁷ Имеется в виду Александр Боудон. Оставшись сиротою, он стал воспитанником графа В. О. Витта. Летом 1840 г. граф умер и по завещанию был похоронен на кладбище Георгиевского монастыря. Позже, выйдя в отставку в чине поручика, А. Боудон с разрешения настоятеля построил за свои деньги келью, где решил прожить последние годы. Эта келья имела необычный вид — с зеркальными окнами и дверями и украшена цветами. В середине 1854 г. он выехал из монастыря.

⁸ *Мнение, высказанное об этом деле К. Руссе...* — Предоставим читателю самому судить, насколько мнение Анри Луазьона совпадало с мнением французского историка К. Руссе: «Кроме морального эффекта, достигнутого главным образом благодаря «примерной отваге» французов, их предприятие было безуспешным, так что они не могли снова его возобновить, по крайней мере, до той поры, пока обстоятельства не стали бы достаточно благоприятными. Так, они постарались расширить свою параллель и продвинуть строительство большой батареи; но отважный почин Тотлебена, поощренный успехом первой попытки, подготовил его противникам новую неожиданность. Первого марта на рассвете они заметили на своем правом фланге начало строительства второго редута в 250 метрах перед первым» (*Russet C. Histoire de la guerre de Crimée.* — Paris, 1877. — P. 70).

⁹ *Но как он умер?* — Николай I скончался 2 марта 1855 г. По официальной версии, причиной смерти стала сильная простуда. Но и в России долгое время бытовал слух о самоубийстве императора.

Для защитников Севастополя весть о смерти императора стала полной неожиданностью. Н. И. Пирогов писал впоследствии: «Я помню только о каком-то безгласном изумлении при получении известия о кончине императора Николая. Мы почти ничего не знали о его болезни. <...> О каких-либо предстоящих переменах с восшествием на престол нового государя тогда некогда было помышлять. У всех одно было на уме — настоящее, весьма неприглядное. Неприятель приближался своими осадными работами; предстояли новые битвы и кровопролития; все были уверены, что, несмотря на перемену правления, до мира еще далеко. Газет мы тогда почти не читали: они приходили бог знает когда, да и читать было некогда» (*Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. — М., 1950. — С. 652).

¹⁰ Камчатский люнет, заложенный в ночь с 10 на 11 марта.

¹¹ Траншея заложена в ночь на 13 марта. В ночь на 14 марта русские войска начали возводить ложементы между люнетом и французской траншеей.

¹² Ложементы остались за русскими. В бою у французов взяты в плен 1 офицер и 3 солдата 10-го линейного полка. В 1-м батальоне Камчатского полка убито 8 и ранено или контужено 60 человек.

¹³ 17 марта французы напали на ложементы перед Камчатским люнетом, но были выбиты. Русские потеряли в бою 15 человек убитыми 171 ранеными и контужеными (среди них 5 офицеров). Потери французов, по официальным данным, составили около 40 человек, однако по русским сведениям, в ложементах подобрано до 50 убитых и взяты в плен 1 офицер и 9 солдат.

¹⁴ *22-го вместо боя завязалась настоящая баталия.* — Это была самая крупная вылазка за всю оборону Севастополя. В ночь с 22 на 23 марта более 5 тысяч солдат Камчатского, Вольнского и Углицкого полков и моряков 35-го и 55-го флотских экипажей под командованием генерала С. А. Хрулева атаковали позиции французов перед Малаховым курганом. «Для большего развлеченія неприятельских сил» одновременно по двум направлениям выступили еще два отряда под начальством лейтенанта Астапова и мичмана Завалшина. Русскими войсками была ликвидирована неприятельская батарея и заклепаны орудия, разрушены траншеи и ложементы, взяты ружья, шанцевый инструмент и именных до ста человек (См.: *Голикова Л.* «...Каждый рядовой — Шевченко, каждый офицер — Берилев» // *Родина.* — 1995. — № 3/4. — С. 80). По оценке Е. В. Тарле, русские потери составили 387 человек убитыми и около тысячи ранеными. По его мнению, потери союзников много превосходили официальную цифру 600 чел. За эту операцию С. А. Хрулев был награжден орденом Св. Георгия III степени, а 46 нижних чинов награждены знаками отличия Военного ордена Св. Георгия. Ордена Св. Георгия IV степени был удостоен также иеромонах Иоаникий Савинов, который находился при войсках и увещевал разгоряченных рукопашной схваткой солдат подчиниться уже троекратно прозвучавшему сигналу отступления (см.: *Голикова Л.* Там же). Из вылазки монах-воин вернулся с трофеями. «Два штуцера, — объяснял он, — вырвал я из рук зуавов, спас их, может быть, этим от греха; а вот это ружье принадлежало злому человеку, он хотел меня убить, видите, рясу всю прорвал» (*Столыпин А. Д.* *Ночная вылазка в Севастополе* // *Современник.* — 1855. — Т. LII. — С. 11. Подробнее см.: наст. изд., с. 373–377).

¹⁵ *Брюне* — дивизионный генерал, прибыл в Крым в феврале 1855 г. во главе 9-й пехотной дивизии. В мае, после реформирования французской армии, назначен командиром 5-й дивизии 2-го корпуса. 1 июня участвовал в штурме Килен-балочных редутов. Убит 18 июня при штурме укреплений Корабельной стороны.

¹⁶ *Лафон де Вийе* — бригадный генерал, прибыл в Крым в феврале 1855 г. во главе 2-й бригады 9-й дивизии. В мае после реформирования армии назначен командовать 1-й бригадой 5-й дивизии 2-го корпуса. 18 июня при штурме укреплений Корабельной стороны после смерти генерала Брюне принял командование дивизией и был ранен.

¹⁷ *...громдную батарею...* — У входа в Керченский пролив были построены две батареи на мысах Павловском и Ак-Бурун и вооружены 29 орудиями. Всего от м. Павловского до косы Ческе располагалось 7 батарей с 62 орудиями.

¹⁸ 1 мая, около 22 часов, французы атаковали контрапроши перед 5-м бастионом и захватили их. Потери французов достигали 600 чел., русские потеряли 425 чел. (из них 131 убитыми). В контрапрошах было захвачено 9 шестифунтовых мартирон.

¹⁹ Попытка обороняющихся отбить контрапроши 2 мая не увенчалась успехом. В этой атаке и от неприятельского огня из строя выбыло 547 чел., у французов — 683.

²⁰ *Воронцовская дорога* — дорога (Севастополь — Ялта — Алушта) была построена в 1840-х гг. и шла от оконечности Южной бухты по Лабораторной балке (ныне ул. Ревякина), спускалась с плато Сапун-горы, проходя в трех километрах от Балаклавы, и следовала через д. Комары (ныне с. Оборонное Балаклавского района г. Севастополя).

²¹ *Чоргун* — ныне с. Чернореченское Балаклавского района г. Севастополя.

²² Редуты были взяты русскими войсками во время Балаклавского сражения 25 октября 1854 г.

²³ 25 мая французские войска в составе двух пехотных и двух кавалерийских дивизий при 60 орудиях и при поддержке турецких, сардинских и английских войск произвели рекогносцировку у д. Чоргун, где, уничтожив лагерь русских войск и бараки,

около 9 часов перешли обратно на левый берег р. Черной. У Трактирного моста были построены укрепления. Русские войска потеряли в перестрелке 38 чел.

Название моста произошло от трактира, который возле него располагался. Трактиром владела некая гречанка, помещица из Чоргуна, которую Н. Берг в «Заметках» именует М*** и называет «первой сестрой милосердия в Севастополе под ядрами и бомбами». К 1856 г. от трактира остались одни развалины (*Берг Н. В. Из крымских заметок // Современник. — 1856. — Т. LVIII. — С. 151*).

²⁴ Генерал Пелисье был назначен главнокомандующим французской армией вместо генерала Канробера 15 мая 1855 г.

²⁵ Обозы с продовольствием и боеприпасами выгружались на берегах небольших бухт на северном берегу (Перевозная, Инженерная бухты и др.), и далее грузы на баржах, буксируемых пароходами, доставлялись к Графской пристани на Городской стороне и к пристаням на Корабельной стороне в районе Ушаковой и Аполлоновой балок.

²⁶ Белые Укрепления — Селенгинский, Волынский редуты и Забалканская батарея.

²⁷ ...удача экспедиции в Керчь... — 24 мая англо-французский флот в составе 57 судов (из них 9 линейных кораблей), имея на борту около 16 тыс. чел., показался в районе Керчи и высадил десант. В это время на всем Керченском полуострове находилось 8850 солдат и офицеров главным образом иррегулярных войск. Доступ в пролив защищала эскадра контр-адмирала Вульфа в составе 3 пароходов, 4 транспортов, 1 лоц-шхуны и 6 казачьих баркасов.

После артиллерийской перестрелки русские войска заклепали все орудия на береговых батареях и взорвали пороховые погреба. Суда, блокированные неприятельскими пароходами, выбросились на берег и были сожжены с грузом. Четырем русским пароходам удалось прорваться сквозь огонь неприятельских кораблей и уйти в Азовское море.

25 мая 1855 г. союзники овладели Керчью. Город был попросту разграблен. Вот что вспоминал очевидец: «У меня нет сил рассказать, я не умею выразить, что сделали защитники знамени Магомета с промышленной Керчью и несчастными ее жителями! Если б вы знали все подробности действий англичан и турок (о французах не говорю — те несколько милосерднее), нет, если б вам передать только сотую долю их подвигов, совершенных в Керчи и Еникале <...> вы не упрекнули бы меня за нерелигиозное желание мстить врагам, мстить беспощадно...» (*Современник. — 1855. — Т. LII. — Раздел «Внутренние известия». — С. 137*). «При этих передвижениях турки, а наравне с ними и англичане, выказали себя бесчеловечными варварами. Они врывались в дома, отнимали у оставшихся жителей деньги, дорогие вещи, оскорбляли жен и девиц. Французы слабо следят за их поведением, и потому разбои повторяются ежедневно» (*Там же. — С. 136*). О взятии Керчи см. также в наст. изд., с. 462—479.

27 мая союзный флот беспрепятственно сжег в Бердянске казенный склад зерна (около 840 т). 29 мая, несмотря на противодействие небольшого отряда князя Лобанова-Ростовского, в Геническе было сожжено около 22 тыс. т казенного провианта и фуража. 1 июня суда эскадры бомбардировали Мариуполь. 15 июня, оставив на укреплениях Керчи и Еникале один английский, один французский полки и весь турецкий отряд (всего около 6000 чел.), флот с основными силами десанта направился к Севастополю.

²⁸ Отряд, предпринявший разведку с Федюхиных высот в Байдарскую долину, находился под командованием генерала Морриса и состоял из 4000 чел. пехоты, 10 эскадронов кавалерии и 3 полевых батарей.

²⁹ *Пьемонтцы* — имеется в виду сардинская армия, которая, под командованием генерала Ла Мармора (1804—1878) и в составе 15 тыс. чел., 8 мая 1855 г. прибыла в Крым и поступила в подчинение к английскому главнокомандующему. Сардинское королевство присоединилось к антирусской коалиции в надежде на помощь Наполеона III в освобождении Ломбардии и Венеции от австрийского владычества.

³⁰ ...речушка Грюнтзен — р. Сухая (Варнутка).

³¹ *Долина Варнутки* — Варнутская долина, расположенная вдоль дороги Севастополь — Ялта, перед Байдарской долиной. Носит название по одноименному селу (ныне с. Гончарное Балаклавского района г. Севастополя).

³² *Деревни «Татары»* — ныне не существуют.

³³ *Байдар* — ныне с. Орлиное Балаклавского района г. Севастополя.

³⁴ Казачьи пикеты Донского № 56 полка отошли к д. Уркуста (ныне с. Передовое), потеряв трех казаков ранеными и одного попавшего в плен.

³⁵ 7 июня после бомбардировки Севастополя французы превосходящими силами атаковали Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты и Забалканскую батарею и после кровопролитного боя захватили эти укрепления.

³⁶ *Башня* была разрушена во время первой бомбардировки Севастополя 17 октября 1854 г.

³⁷ *Атака Виктория*. — Очевидно, имеется в виду 1-я линия ложементов, заложенная французами перед Зеленым Холмом (будущим Камчатским люнетом).

³⁸ *Корабельный овраг* — Доковый овраг.

³⁹ *Малый редан*. Редан — открытое полевое укрепление, выступающее в сторону противника под углом 60—120 градусов и позволяющее вести косопрямельный огонь. Малым реданом союзники называли 2-й бастион.

⁴⁰ *Дозорная батарея* — неизвестно.

⁴¹ *Большой редан* — 3-й бастион.

⁴² *Вимпфен* Эммануил-Феликс (1811—1884) — французский генерал. Сражался в Алжире. В Крыму командовал 1-й бригадой 2-й дивизии 2-го корпуса. Участник Чернореченского сражения и штурма укреплений Корабельной стороны 8 сентября 1855 г. Во время Франко-прусской войны 1870 г. командовал 5-м корпусом. В битве при Седане принял от раненого генерала Мак-Магона командование французской армией и подписал 2 сентября капитуляцию.

⁴³ *...взяты в плен или убиты на месте*. — Для атаки русских укреплений генералом Боске, распорядившимся штурмом, было выделено от 35 до 40 тыс. чел., в то время как весь гарнизон Севастополя насчитывал не более 36 тыс. чел., размещенных в двух разных частях города. А, по необдуманной диспозиции генерала О. П. Жабокритского, защита передовых редутов была возложена лишь на пять рот, численность которых едва достигала 800 чел. На Камчатском люнете было всего 350 чел. гарнизона. В момент штурма на Камчатском люнете находился адмирал Нахимов. Воодушевленные его присутствием, 350 чел. Полтавского полка завязали с атакующими жестокую рукопашную свалку. Лишившись батальонного командира и большей части офицеров, полтавцы оставили Холм. При этом доблестный адмирал Нахимов, на котором по обыкновению были эполеты и орден Св. Георгия, едва не попал в руки французов, но был отбит полтавцами.

⁴⁴ *...вернуться на Холм*. — Некоторые французские солдаты не успели отступить от Малахова кургана и спрятались во рву. 70 чел. из них было взято в плен.

⁴⁵ *...не остановившись на Холме*. — Ворвавшись снова на Камчатский люнет, наши солдаты взяли в плен 7 французских офицеров и 300 чел. нижних чинов.

⁴⁶ *...оказались в плену*. — В соответствии со все той же злосчастной диспозицией Жабокритского, Белье Укрепления, или Селенгинский и Волынский редуты, могли противопоставить 3-й дивизии Мейрана всего 450 чел. Муромского полка.

⁴⁷ *...выбывших из строя*. — По другим, более достоверным, сведениям, французы потеряли в этот день 5554 чел., англичане — 693. Наши потери составили 5 тыс. чел. (см.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 390).

⁴⁸ *Лаваранд* — бригадный генерал, прибыл в Крым в сентябре 1854 г., командуя в чине полковника 7-м линейным полком. В ходе осады произведен в бригадные генералы. После гибели его именем названа линия укреплений на Килен-балочных высотах.

⁴⁹ ...*степень упадка их духа*. — Потеря передовых укреплений действительно потрясла защитников Севастополя. Именно после этого дела русский главнокомандующий М. Д. Горчаков стал готовить императора к мысли о потере города. Дух гарнизона, однако, сломлен не был.

⁵⁰ *Редут Виктория* — построен англичанами в начале осады на высоте над Доковым оврагом (конец нынешней ул. Горпищенко на выезде из Севастополя).

⁵¹ *Каму* — дивизионный генерал, командир 2-й пехотной дивизии 2-го корпуса. Полки его дивизии участвовали в Чернореченском сражении и в штурме 8 сентября.

⁵² Штурм 18 июня 1855 г.

⁵³ Речь идет о 5-м стрелковом батальоне под командованием полковника Гарнье, прорвавшегося в районе батареи Жерве, расположенной между Малаховым курганом и Большим реданом. Солдаты батальона смогли даже проникнуть дальше, занять матросские домики на правом скате Малахова и грозили ему окружением. В этот момент появился генерал С. А. Хрулев. Не имея под рукою войск, он остановил идущую с работ роту Севского полка (их было 138 чел.) и со словами «Благодетели мои! В штыки! За мною!» атаковал домики, занятые французами. После отчаянной рукопашной схватки неприятеля вытеснили обратно до батареи Жерве, где двое французов пытались взорвать пороховой погреб, но были заколоты рядовым Якутского полка (шесть рот которого подошли на помощь отряду Хрулева) Дорофеем Музиченко.

Выметенные с наших позиций французы еще трижды пытались атаковать эту батарею, но всякий раз были остановлены нашими пехотинцами, заменившими у орудий перебитую прислугу.

⁵⁴ ...*от этого отказаться*. — Инициатива штурма 18 июня целиком принадлежала французскому главнокомандующему генералу Пелисье. В это время император Наполеон III не поддерживал идеи штурма и требовал, чтобы Пелисье вместо того атаковал русскую армию между Бахчисараем и Бельбеком. Против решающей атаки крепости высказывались и некоторые генералы союзной армии (в частности, генералы Боске и Каму). Однако, воодушевленный взятием русских редутов, Пелисье решил не терять времени и приурочил штурм к сороковой годовщине битвы при Ватерлоо.

Готовясь к атаке, 17 июня союзники подвергли Севастополь жесточайшей бомбардировке, сосредоточив основной огонь на Малаховом кургане. За этот и следующий дни артиллерия союзников выпустила 62 тыс. снарядов. Севастопольские укрепления и артиллерия сильно пострадали, но гарнизон всю ночь самоотверженно трудился и многое удалось восстановить. В результате атака повсеместно была отбита.

17–18 июня (по Тотлебену) французы потеряли 5000 чел. (2 генерала убиты и 2 ранены), англичане — 1728 чел. (1 генерал убит и 3 ранены). Наш урон составил 5446 чел. выбывших из строя.

⁵⁵ Накануне штурма на всех укреплениях города находилось около 54 тыс. чел. Из них менее половины (около 24 тыс.) располагалось в укреплениях Корабельной стороны.

⁵⁶ *Sana* — траншея, выкапываемая для приближения к осаждаемой крепости. При этом рабочие снабжаются турами, которые они ставят перед собой и которые сами по себе представляют для них некоторую защиту. Выкапывая землю, рабочие бросают ее в туры и за туры, и таким образом образуется насыпь, защищающая их от огня из крепости. Сапа бывает двойной и одиночной, в зависимости от ширины рва и количества прикритий — одного или двух.

⁵⁷ К 10 июля в районе бывшей Забалканской батареи и у бывшего Вольнского редута французы построили пять новых батарей (№ 21, 22, 28, 31 и 32).

⁵⁸ ...*осада Сарагосы*. — Сарагоса — город в Испании на р. Эбро. В 1808–1809 гг. Сарагоса была осаждена французскими оккупантами и героически оборонялась.

⁵⁹ На 31 июля 1855 г. в Севастопольской бухте находилось 6 линейных кораблей, 2 фрегата, 7 пароходов, 2 корвета, 7 бригов, а также тендеры и транспорты.

⁶⁰ Форта или батареи Св. Екатерины в Севастополе не было.

⁶¹ *Перекоп, которому далеко до военной крепости...* Перекоп — важный стратегический пункт, через который проходит сухопутная дорога, соединяющая Крым с материком. Во время Крымской войны через Перекоп производилось снабжение армии и вывоз раненых. «В 1842 г. Перекоп с Армянским Базаром насчитывал 8 деревянных и 675 каменных и саманных домов. Было здесь 5 казарм и гостиница. В апреле 1855 г. для охраны Перекопа были выделены 3 батальона и 4 полевых орудия. В начале июля 1855 г. образован особый Перекопский отряд» (*Маркевич А.* Таврическая губерния во время Крымской войны. — Симферополь, 1994. — С. 259) под командованием генерал-адъютанта Анрепа. Подробно о жизни Перекопа в годы Крымской войны см.: *Кружко Л. П.* Армянск. Страницы истории. — К., 1999. — С. 60–64.

⁶² *Crémallere* — имеется в виду ров, пересекающий Перекопский перешеек.

⁶³ *...разговоры не прекращались.* — Аналогичными наблюдениями делится и русский свидетель событий: «Любопытно видеть — ведет ли солдат пленного француза, или караулит его на дворе гауптвахты, или в одной палате лежит с ранеными — разговор у русского с французом не прекращается. Болтливый француз говорит без умолку; сметливый солдат, вовсе не понимая рассказчика, толкует дело по-своему, повторяя впазд и невпазд приобретенные в Придунайских княжествах сведения иностранного языка: Буна есть нуй есть буна!» (*Современник.* — 1855. — Т. ЛII. — Внутренние известия. — С. 153).

⁶⁴ *Мы здесь слишком несчастны!* — Разумеется, во французской армии, для предотвращения дезертирства, распространялись именно такие слухи, и Анри Луазьон повторяет их. Но вот «Письмо из Симферополя» от 12 мая 1855 г., опубликованное в ЛII томе «Современника» (1855): «Дезертирство из союзной армии, уменьшившееся в последнее время, теперь вновь усилилось. На этой неделе привели к нам около шестидесяти перебежавших французов. Причину своего бегства они объясняют недостатком воды и свежей мясной пищи и, кроме того, скукою от продолжительного пребывания на бесплодной местности между Севастополем и Балаклавою. Большая часть из них веселы, остроумны и сохраняют собственное достоинство. Наши солдаты обнаруживают к ним больше приязни, нежели к англичанам» (с. 155).

Французские солдаты сильно страдали от недостатка топлива и сносных помещений. Один из пленных французов на предложенный ему вопрос, не страдает ли армия от холодов, отвечал, играя словами: «ничуть; у нас есть Форей (что по-французски звучит как «лес») и Боске (по-французски означает «роща»)». Войска поддавались унынию. Любопытно письмо одного зуава к родным: «Омер-паша — высокомерен, Пелисье — груб, Боске — лучший из них, но у него много врагов, Симпсон спит, а Раглану нужен целый день, чтобы выговорить: Yes или No. Из лучших людей, первоначально сюда прибывших, уже немного налицо; из моего батальона осталось 13 человек. Когда нас освободят из этого кладбища, как мы называем здешние места?» (*Гюббенет А. Я., Гюббенет О. Я.* Профессор хирургии Х. Я. Гюббенет и его воспоминания об обороне Севастополя 1854–1855 гг. // *Русская старина.* — 1889. — Т. LXI. — Кн. I. — С. 87, 96).

⁶⁵ *Ополченцы.* — Большие потери на поле боя и от болезней истощили русскую армию, и 29 января 1855 г. Николай I вынужден был объявить в великорусских губерниях набор в ополчение.

За два года, с осени 1853 по осень 1855 г. произведено было 4 рекрутских набора, каждый по 10 или 12 чел. с тысячи душ; в государственное ополчение 1855 г. взято по 23 чел. с тысячи; сверх того из удельных крестьян сформированы стрелковый полк и отдельный стрелковый батальон; всего удельные крестьяне сдали в военную службу за два года до 75 чел. с тысячи душ (*Попов В. Т.* Император Александр II в Вологодской губернии в 1858 г. // *Русская старина.* — 1890. — Т. LXVIII. — С. 679).

⁶⁶ *...мужчины восемнадцати лет.* — По российским законам, в армию брались мужчины в возрасте 20 лет.

⁶⁷ *Баталия у Трактира* — Чернореченское сражение 16 августа 1855 г.

⁶⁸ *...атаковать англичан...* — имеется в виду Инкерманская битва 5 ноября 1854 г.

⁶⁹ *Шулю* — р. Шуля, протекающая через деревни Ай-Тодор, Шулю, Чоргун и впадающая в р. Черную ниже д. Карловки. Ныне — р. Айтодорка.

⁷⁰ *Крётзен* — канал, по которому поступала вода из р. Черной в резервуар, питающий адмиралтейские доки в Севастополе. Канал начинался в районе г. Телеграфной, шел параллельно р. Черной и, огибая Федюхины высоты, подходил к отрогам Сапун-горы, где располагался резервуар.

⁷¹ *Mont-Hasfort* — гора Гасфорт, находится на левом берегу р. Черной, на 15-м километре шоссе Севастополь — Ялта.

⁷² *Мост-акведук* — сооружение в виде моста с водоводом, построенное для заполнения водой сухих доков в Лазаревском адмиралтействе в местах пересечения водопровода с балками и лошинами. В четырех местах водовод длиной 18 км покоится на 38 каменных арках. Всего было сооружено пять многоарочных акведуков, длиной 105 м каждый: Инкерманский, Чоргунский, Килен-балочный, в Ушаковой и Аполлоновой балках.

⁷³ *Д'Аллонвиль* — генерал, прибыл в Крым в сентябре 1854 г., командуя кавалерийской бригадой. С мая 1855 г. — начальник кавалерийской дивизии 2-го корпуса.

⁷⁴ *Деревня Алсу* — ныне с. Морозовка Балаклавского района г. Севастополя.

⁷⁵ *Дюлак* — дивизионный генерал, начальник 4-й пехотной дивизии 2-го корпуса. 8 сентября частью сил дивизии атаковал 2-й бастион.

⁷⁶ *де Ла Моттпруж* — дивизионный генерал, в феврале—мае 1855 г. командовал 1-й бригадой 2-й дивизии 1-го корпуса. 8 сентября был во главе дивизии, штурмовавшей куртину между Малаховым курганом и 2-м бастионом.

⁷⁷ *Гербилю* — дивизионный генерал, с мая 1855 г. был начальником 1-й пехотной дивизии резервного корпуса. 16 августа, во время Чернореченского сражения, командовал французскими войсками на Федюхиных высотах. 8 сентября исполнял обязанности командующего резервным корпусом.

⁷⁸ *Фоше* — дивизионный генерал, прибыл в Крым в феврале 1855 г. во главе 1-й бригады 4-й пехотной дивизии. В июне 1855 г. назначен начальником 3-й пехотной дивизии 2-го корпуса, с которой и принял участие в Чернореченском сражении.

⁷⁹ *Фальи де* — бригадный генерал; в Чернореченском сражении, командуя 2-й бригадой 3-й пехотной дивизии, выдержал и отразил главный удар русских войск на Федюхины высоты. 8 сентября он уже во главе бригады гвардейских вольтижеров (Гвардейская дивизия генерала Мелине) атаковал куртину между Малаховым курганом и 2-м бастионом.

⁸⁰ Бригада генерала Фальи (95-й и 97-й пехотные полки — 1491 чел.) была атакована тремя полками 12-й пехотной дивизии — Азовским, Украинским и Одесским (6030 чел.).

⁸¹ *...выбывших из строя.* — Неудачное сражение На Черной речке стоило нам (по Тотлебену) 11 генералов (3 убитых), 260 офицеров (69 убитых) и 8010 чел. нижнего состава (2273 убитых). У французов 196 чел. было убито и 1551 ранен, у сардинцев потери — 200 чел., у турок — 7 чел. ранеными.

⁸² *Рead* Николай Андреевич (1792—1855) — генерал от кавалерии. Участник войны 1812—1814 гг., подавления восстания в Польше в 1831 г. В 1854 г. временно управлял Кавказским краем (до прибытия генерал-адъютанта Муравьева), после чего направлен в Крым, где командовал 3-м армейским корпусом.

А. М. Фадеев называет смерть Н. А. Реада от французской пули роковой и рассказывает по этому поводу случай периода 1812—1814 гг., когда Рead с двумя своими братьями служил под командой Воронцова в русском корпусе на территории Франции: «Однажды, в Париже, три брата Реады обедали в ресторане; возле них за столиком сидели три француза. Узнав в Реадах русских офицеров, французы начали оскорбительно отзываться о России и о русском войске. Понятно, Реады рассердились, вступили с французами в горячие препирания, произошла ссора, окончившаяся огуль-

ной дуэлью. На другой день три Реада стрелялись с тремя французами. По условию, стреляться должны были поочередно, начиная со старших по летам, и тот из противников, который оставался уцелевшим, должен был продолжать поединок с следующим противником. Н. А. Реаду, как младшему из братьев, следовало выступить третьим и последним из них. При первых выстрелах старший Реад упал смертельно раненный и умер тут же; его заменил второй, средний брат, и тоже свалился убитый тем же противником. Тогда стал на место убитых братьев, возле трупов их, младший брат, последний Реад, и убил наповал убийцу братьев, а за ним второго и потом третьего француза. Стрелялись шесть человек, и только один Н. А. Реад вышел живым из этой бойни... Но и ему было суждено пасть от французской руки, только сорок лет спустя, и не на берегах парижской Сены, а крымской Черной речки» (Фадеев А. М. Воспоминания... — Одесса, 1897. — С. 184—185).

⁸³ ...приказ об атаке пришел из Санкт-Петербурга. — Формального приказа об атаке из столицы не приходило. Горчаков считал благоразумным вести пассивную оборону города до прибытия сильных подкреплений. Однако командированный из Петербурга в Крым генерал-адъютант барон Вревский пришел к противоположному мнению и настаивал на необходимости решительных действий, о чем он писал военному министру 23 июля 1855 г. Следует учитывать и общественное мнение, требовавшее решительных сражений. Военный министр князь Долгоруков считал, что решать этот вопрос вдали от Севастополя невозможно, и предложил рассмотреть его на совещании под руководством князя Горчакова. Мнение военного министра одобрил Александр II. Большинство генералов высказалось в пользу наступления со стороны р. Черной. Однако многие офицеры, да и сам Горчаков, судя по всему, не верили в успех дела.

⁸⁴ Генерал-адъютант Реад командовал правым крылом войск (14 833 чел. при 62 орудиях), левым крылом командовал генерал-лейтенант Липранди (15 889 чел. при 70 орудиях). Общая численность войск с резервами составляла 57 885 чел. при 272 орудиях.

⁸⁵ ...какие были бы последствия. — Отряду генерала Липранди было приказано сбить сардинский авангард, защищавший Телеграфную гору перед д. Чоргун. Войскам генерал-адъютанта Реада предписывалось выстроиться в боевой порядок против Федюхиных высот вне пушечного огня, выдвинуть артиллерию и приготовиться к форсированию р. Черной. После этого «для переправы через р. Черную и атаки Федюхиных высот генерал-адъютант Реад ожидает приказания главнокомандующего».

Далее князь Горчаков намеревался избрать один из трех вариантов: 1) атаковать г. Гасфорт силами обоих отрядов, оставив против Федюхиных высот артиллерию и кавалерию; 2) атаковать Федюхины высоты отрядом Реада при поддержке Липранди и пехотного резерва и 3) ограничиться одним усиленным обозрением.

Когда русские войска взяли Телеграфную гору, князь Горчаков отдал команду атаковать гору Гасфорт и двинул дивизию из резерва в помощь генералу Липранди, но в это время неожиданно генерал Реад атаковал тремя полками 12-й пехотной дивизии укрепления на Федюхиных высотах. У Горчакова не хватало войск вести атаку одновременно на два пункта, и он был вынужден отменить приказ об атаке г. Гасфорт. Впоследствии главнокомандующий сознался, что «с этой минуты признал дело испорченным». Вина за ошибку, приведшую к поражению, была возложена на погибшего генерала Реада, однако многие историки, опираясь на свидетельства участников битвы, склонны винить в ней скорее нечетко сформулированное распоряжение Горчакова.

⁸⁶ 17 августа началась пятая бомбардировка Севастополя, продолжавшаяся 4 дня.

⁸⁷ ...русские завершают огромный мост. — Идея устройства этого моста принадлежит начальнику инженеров Крымской армии генерал-лейтенанту Бухмейеру. Поначалу проект был признан неосуществимым, но автор сумел убедить командование;

мост был построен между Николаевской и Михайловской батареями, где ширина бухты не превышала 960 м. Мост строился с 26 июля по 27 августа и состоял из 86 плотов, длиной до 13 м, удерживаемых каждый двумя якорями. Ширина проезжей части была около 5,5 м. Он принес большую пользу для снабжения гарнизона и сослужил неоценимую службу при переправе гарнизона на Северную сторону после падения города.

⁸⁸ *...захватили русский ложемент...* — Ночью с 24 на 25 августа три роты французов атаковали завалы перед куртеной между Малаховым курганом и 2-м бастионом и перед Малаховым курганом и после рукопашной схватки овладели двумя завалами перед передним фронтом кургана, но из остальных были выбиты.

⁸⁹ В ночь с 24 на 25 августа подпоручик Хайбетов, командовавший цепью впереди 2-го бастиона, атаковал с 70 охотниками три французских ложемента перед правым фасом бастиона и занял их. Затем охотники, подкрепленные взводом Замосцкого егерского полка, двинулись на передовую неприступную траншею, выбили рабочих. Захватив пленного и несколько ружей, охотники возвратились. У французов началась тревога, и после вылазки подпоручика Хайбетова, они атаковали завалы впереди кургана (см. прим. 88).

⁹⁰ *...он должен причинять русским огромные потери...* — Под впечатлением победы на Черной речке союзники предприняли 17 августа новую бомбардировку Севастополя, и канонада, почти не переставая, гремела в течение двадцати дней. «Ежедневный урон наш в этот период времени простирался: в первый день до 1500 человек, в следующие за тем — по 1000, а с 10(22) по 24 августа (5 сентября) — от 500 до 600 человек в сутки» (Известия из Крыма // Современник. — 1855. — Т. LIII. — С. 57). Это бомбардирование действовало на наши верки «самым разрушительным образом»: «Мерлоны и траверсы, под жестоким огнем возобновляемые каждую ночь, рассыпались от нескольких снарядов; брустверы глыбами оседали в ров, и работы, стоившие неимоверных усилий и пожертвований, снова распадались в прах; насыпи из сухой и рыхлой земли уже не имели никакой связи. На левой стороне корабельной части, которая преимущественно была поражена неприятелем, бастион № 2-го каждый вечер представлял груды развалин, и ни одно орудие оно не могло действовать свободно» (Там же. — С. 57–58).

⁹¹ *Новость о смерти Тотлебена.* — Возможно, Анри Луазьона ввели в заблуждение запоздалые слухи о ранении Тотлебена. Тотлебен был ранен 20 июня 1855 г. и находился на излечении на р. Бельбек, хотя и сохранил за собой верховное руководство сооружением городских укреплений. По поводу ранения Тотлебена сохранился следующий рассказ: «Тотлебен был ранен пулею в икру; рана была незначительна, пришел доктор и, желая узнать глубину раны, не имея зонда, опустил в нее свой палец; в эту самую минуту разорвало возле них бомбу, которая, оконтузив доктора, судорогой свела ему всю руку и пальцы так, что он не мог вынуть пальца, который был в ране у Тотлебена, боясь скрючившим пальцем увеличить ее. Страдание Тотлебена было ужасным и прекратилось только тогда, как принесли горячей воды и ею уничтожили судорогу в руке у доктора; но этот случай был причиною, что у Тотлебена нога разболелась, потому что сделалось сильное воспаление» (Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Русская старина. — 1880. — Т. XXIX. — Кн. IX. — С. 213).

⁹² *Севастополь взят 8-го вечером.* — Это был 349-й и последний день обороны Севастополя. Штурму предшествовала трехдневная бомбардировка города, в течение которой артиллерия союзников выпустила по Севастополю 150 тыс. снарядов. За эти три дня гарнизон потерял 7561 чел. Основные действия артиллерии были сосредоточены против укреплений Корабельной стороны: по Малахову кургану вело огонь 110 орудий, против 2-го бастиона — 90. За дни бомбардировки на укреплениях было подбито 89 орудий и 113 станков, причем половина этого урона приходилась на Малахов курган, 2-й бастион и куртеной между ними. К утру 8 сентября на переднем фасе Малахова кургана сохранилось 8, а на 2-м бастионе — 6 орудий. Сами укрепления,

особенно на 2-м бастионе, были почти скрыты снарядами. Несмотря на это, гарнизону, уступающему числом неприятелю, удалось отбить штурм во всех пунктах, кроме Малахова кургана.

⁹³ *Контрэскарп* — передний откос крепостного рва, ближайший к противнику.

⁹⁴ *Эскарп* — откос крепостного рва, ближайший к обороняющемуся.

⁹⁵ В полдень 8 сентября французы неожиданно атаковали одновременно Малахов курган, 2-й бастион и куртину между ними. Куртину, которую защищали два батальона Муромского (700 чел.) и два батальона Олонецкого (550 чел.) полков, атаковала дивизия генерала Ла Моттружа. Во время атаки командир Олонецкого полка полковник Алексеев попал в плен, а командовавший Муромским полком подполковник Начек был тяжело ранен. Лишившись командиров и большинства офицеров, батальоны отступили. Передовая бригада генерала Бурбаки с боем прорвалась к Корабельной слободке, но подошедшими резервами была выбита из слободки и с куртины.

⁹⁶ Дивизия генерала Мак-Магона (6000 чел.) захватила Малахов курган, затем на курган были введены бригада генерала Вимпфена и два батальона гвардейских вольтижеров. Многократные попытки русских войск отбить бастион не увенчались успехом.

Бригада генерала Сен-Поля из дивизии Дюлака атаковала 2-й бастион и захватила его. Подошедшие резервы выбили французов с бастиона с большими потерями.

⁹⁷ События искажены. После отражения атаки французы вновь бросились на 2-й бастион и куртину, подкрепленные 2-й бригадой дивизии Дюлака под командованием генерала Биссона и бригадой гвардейских вольтижеров генерала де Фальи. Атака была отбита с большими потерями для отступавших.

⁹⁸ Английские войска под командованием генерала Кодрингтона, численностью до 10 тыс. чел, дважды атаковали 3-й бастион, но были отбиты.

⁹⁹ *...потери наши весьма досадны.* — Французы потеряли (по Тотлебену) в день штурма 7561 чел, англичане — 3440 чел, итальянцы — 40. Наши потери составили 12913 чел. (Тарле Е. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 506). Из них около 2000 вышло из строя еще до штурма от бомбардировки.

¹⁰⁰ *Бретон* — бригадный генерал, прибыл в Крым в сентябре 1854 г., командуя в чине полковника 74-м линейным полком. В феврале 1855 г. в чине генерала командовал 1-й бригадой 1-й пехотной дивизии. Убит 8 сентября, во время штурма укрепленного 5-го бастиона.

¹⁰¹ *...после ухода русских...* — В ночь с 8 на 9 сентября пароходы вывезли русские войска с Корабельной стороны. С Городской стороны гарнизон ушел по мосту через рейд. Эта сложнейшая операция была осуществлена в совершенной тайне от противника и обошлась практически без потерь. Утром 9 сентября мост был разведен, и на Южной стороне осталась лишь горсть охотников для прикрытия отступления и подрыва укреплений. Все укрепления были взорваны, магазины — уничтожены, все, что могло гореть, — сожжено.

(В. В. Орехов, В. В. Крестьянников)

Воспоминания протестантского священника о французском лагере под Севастополем (1855–1856)

Глава первая *Путешествие*

В августа в великолепную погоду я погрузился на «Амстердам». Живописные брега Босфора, позолоченные южным солнцем, тянулись, украшенные бесчисленными виллами, благоуханными садами, кипарисовыми рощами и поэтичными кладбищами. Гроза накануне освежила и очистила воздух; я охотно прогуливался по палубе в компании очень любезных офицеров; мелодичное фортепьяно посылало нам из салона свои звучные ноты; короткий прекрасный вечер давал нам всем надежду на переход удачный и недолгий. Но мы еще проходили Босфор и только вступали в Эвксин¹, негостеприимный характер которого мы вскоре испытали. Море не замедлило стать бурным, килевая качка — более и более сильной. Меня начала одолевать тошнота, и я слышал только половину слов служанки, которая (как говорила она) немногими днями раньше ухаживала за маршалом Канробером, атакованным тою же болезнью. Она любезно приготовила ту же кровать, что служила маршалу, напоила меня чаем, пошла отыскивать мне самый вкусный виноград и самые восхитительные апельсины, но как бороться с морской болезнью? Энергия, с какой я играл на фортепиано, не изгоняла ее. Нужно было лежать в постели, и все мои мысли время от времени принимали характер меланхолический. Волны были матово-серыми, солнце закрыто густым туманом. Еще немного, и «Амстердам» разделил бы судьбу судна, которое, предпринимая переход в такую же погоду, было вынесено под самое орудие русской крепости Константин и пробито его ядрами.

На третий день утором шум канонады предупредил нас об опасном соседстве осажденного города, и наш корабль поскорее от него удалился. К полудню мы пристали к Камышовой бухте; те же трудности с выгрузкой моих шести ящиков. За неимением транспортных средств я должен был их там оставить и отказаться от того, чтобы перевезти в штаб-квартиру.

Взамен благополучного прибытия мы получили об очень серьезном бое на берегах Черной. Я поторопился отправиться пешком в штаб-квартиру, где находилось жилище моих коллег. Я шел в обществе одного из моих компаньонов по переезде, который направлялся в лагерь с тою же целью, что и я: это был

шампанский священнослужитель, честный кюре, оторванный от покоя сельской жизни, который, совсем как я, собирался начать жизнь священника. Морская болезнь лишила нас всякой охоты спорить, и два льва, которые нам оставались до штаба главнокомандующего, мы заканчивали отличными друзьями. Тем временем солнце метало обжигающие лучи на пыльную дорогу, по которой когда-то ступали Орест и Пилад².

Мой храбрый компаньон показался мне немного в курсе истории двух этих друзей. Я решился сказать, что не знаю, какое сходство между их путешествием в Крым и нашим. Вдруг он закричал, прервав меня: «Пилат! Пилат! Он тоже приехал в Крым? Я видел его мощи в Вене». И я позволил ему рассказать удивительную историю римского наместника. Рассказ этот прервал артиллерист, принявший нас в свой фургон, — в столь шумном экипаже нет возможности беседовать.

В расположении частей наши пути разошлись: он добирался к начальствующему над ним отцу Параберу, а я направлялся к палатке евангелистских священников³. Поиски стоили мне весьма забавного приключения.

Часовой, к которому я обратился, указал мне палатку, расположенную в черте лагеря; обрадованный, что обнаружил обиталище моих собратьев, я бросил саквояж и готовился переодеться. Обстановка состояла из очень низкой походной кровати, двух табуреток, столика и доски с рукописями и книгами. Я умылся холодной водой и растянулся на кровати в ожидании прихода священников, которые отсутствовали еще несколько часов.

Я не мог уснуть: захотел почитать и протянул руку к столу. На нем были номера «Летописей распространения веры». Между тем на книжной полке были видны требники, молитвенники и другие католические издания.

«Что бы это могло значить?» — спрашивал я себя, несколько смутившись.

По правде сказать, я предчувствовал какую-то ошибку. Неужели я нечаянно захватил пространство, на которое не имею никакого права? Я поспешил выбраться из этого места и заполучить точные сведения. Проходящий офицер сказал мне: «Здесь жилище эльзасского католического священника; протестанты живут по другую сторону от ставки главнокомандующего». Я поблагодарил и попрощался, пристыженный, будто совершил дурной поступок.

Поселение моих коллег я отыскал без труда. Трое их ординарцев, предупрежденные о моем приезде, приняли меня с радостным видом. Вскоре с высот Трактира, где была битва, вернулись мои коллеги. После объятий и сердечных излияний до позднего вечера говорили о Родине и об отсутствующих. Тем временем пришла ночь со своим торжественным спокойствием, и я отправился отдыхать.

Глава вторая

Вступление в должность

Каково было жилище, я описал своим родителям тем же вечером в следующих строках:

«Только пара слов, мои дорогие, чтобы вы были в курсе, как я теперь живу. Я приехал и завтра приступаю к обязанностям священника.

Я пишу вам на моем чемодане при свете свечи, закрепленной в горлышке бутылки. Вдали непрерывно грохочут орудия — последний эпизод сегодняшнего

сражения. Его кровавые последствия только завтра будут слишком ощутимы в госпиталиях. Сегодня 16 августа. В прошлом году, в похожий день, я был в дивных долинах Черного леса.

Моя квартира — дощатая хижина, очень напоминающая те, в которых у нас прячутся от урагана дорожные рабочие: держаться там в полный рост и входить туда, не нагибаясь, невозможно. Что касается моей кровати, то представьте себе тонкий матрас, расстеленный на столе. Тем не менее весело желаю вам доброй ночи.

Да хранит Господь вас и вашего сына!»

Едва свет погас, я заметил, что мне приходится делить жилище с нежелательными хозяевами. Ужасные крысы стали шумно резвиться, прыгать ко мне на кровать, на руки и на лицо. Вооружившись хлыстом, я тратил долгие ночные часы на то, чтобы держать их на расстоянии.

Привязанная за моим домиком лошадь била копытом и подстрекала своим ржанием сотню других лошадей, стоящих на открытом воздухе.

Орудийный гул, «Стой! Кто идет?» дозорных не давали мне спать, и, когда я, побежденный усталостью, начинал закрывать глаза, с четырех сторон четыре трубы заиграли зарю, и все вокруг моей хижины ожило. Я поступил, как другие, и увидел солнце, встающее надо всей этой военной суматохой.

Это была живописнейшая картина. Палатки и бараки вытянулись неправильными улицами, все было устроено сообразно с моментальной необходимостью. Будто какая-то огромная базарная площадь, которая беспрерывно пополнялась новыми постройками. Жилища старших офицеров были окружены садиками с прекрасными цветами и снабжены беседками, служащими этим господам столовыми. В том, как украшены были эти дома, проявлялся изобретательный ум французских солдат, и ограды скрывались под украшениями, сооруженными из ядер и других трофеев. Но самым лучшим украшением расположения войск была великолепная акация перед палаткой главнокомандующего, она была и единственным сохраненным деревом на площади всего лагеря. Три воздушных телеграфа, расположенные на бугре в центре лагеря, беспрестанно качали своими длинными руками, чтобы передавать во всех направлениях распоряжения главнокомандующего. На берегу моря был заметен похожий телеграф⁴; в том же месте начинался телеграфный кабель, который, пересекая Черное море, передавал депеши из Севастополя в Париж за три часа.

Четыре палатки священников располагались на западном склоне лагеря; я поставил там пятаю, где и устроился как возможно более удобно.

Это странная жизнь, которая не лишена, однако, некоторой притягательности, — жизнь под открытым небом, так сказать, жизнь кочевника. Во-первых, совершенная бесцеремонность: теснота палатки это оправдывает и чаще всего моются и одеваются на свежем воздухе. Из-за нехватки воды добиться чистоты и порядка непросто, к несчастью, это становится заметным по состоянию белья. Что касается нас, то у нас четверо солдат для нашей obsługi, но они вчетвером не делают работу одной хорошей служанки. Один занят уборкой наших жилищ; как только он закончил, порыв ветра раскрывает палатку, опрокидывает стол и кровать и наполняет все помещение степным песком. Другой — повар; мои коллеги не раз заставляли его за тем, как он чересчур добросовестно снимает пробу с утреннего шоколада. А когда готовит ягненка, случается, что преподносит только лопатку, под тем предлогом, что жаркое во время жарки удивительно уменьшается.

Двое других ходят в Камыш покупать провизию, носят воду и ухаживают за лошадьми — работа немалая, так как почти каждую ночь эти неугомонные животные отвязываются от кольев и удирают с диким ржанием; это повод для сцен чрезвычайно шумных: слуги, а часто и господа гонятся за беглецами.

Каждый из нас живет в маленькой отдельной палатке. Моя, как самая просторная, служит нам одновременно гостиной и столовой; рядом находится наша кухня, лучше сказать, яма, грубо огороженная и заменяющая камин. Есть у нас также птичий двор, и одно из огромных наших развлечений — доставать из гнезда только что снесенные яйца.

Обойдем молчанием пытки, вызываемые многочисленными насекомыми, действительными монархами и владыками Крыма; это пустяк для нас и других молодых людей, но для больных и раненых — это истинное бедствие. Еще одна из тех безделиц, о которых и не задумываются, когда говорят о громких военных подвигах и блестящих победах.

Великолепная погода благоприятствовала моему приезду в лагерь, и со следующего утра я вступал в должность.

Штаб-квартира была в центре лагеря союзников на расстоянии полулье от первой траншеи. Различные войсковые корпуса образовывали окрест нее полукруг; этот полукруг имел площадь в несколько квадратных лье, на которой полки размещались лагерями неравной величины. Каждая дивизия (состоящая из четырех полков) имела госпиталь для своих больных, так что мы ежедневно отыскивали наших единоверцев в двенадцати разных местах, сильно удаленных одно от другого, и это требовало огромных затрат времени и сил.

Утром, в упоительной прохладе, с карманами, набитыми «Новыми Заветами» и религиозными трактатами, я отправлялся в дорогу. Снаряжение мое состоит из бумаги для писем, шоколада и апельсинов, снаряжение, дополняющее строгий наряд: черный сюртук и белый галстук — непосредственно указывающие на то, что я священник.

Когда мы спускались в узкий овраг, ведущий к первой больнице, нам встречалась длинная колонна русских раненых, которых переправляли в Камыш. Лошади, связанные парами, шагали в ногу, везя этих несчастных, сидящих в чем-то вроде корзин или лежащих на небольших железных ложах, называемых коколетами. Было страшно видеть изломанные конечности и слышать крики и стоны этих горемык, мучимых тысячью страданий при тряске на неровностях земли.

Зайдя в госпиталь, мы прошли по палаткам, где больные и раненые не спали и лежали по десять-двенадцать человек. Для начала мы объявляли о своем присутствии обычной формулой, произнесенной по-французски и по-немецки: «Среди вас есть протестанты?» За неимением ответа и после нескольких сердечных слов к лежащим там беднякам мы шли дальше, надеясь услышать слабое «да»; когда это «да» бывало произнесено, мы садились подле больного и пытались возобновить его храбрость; потом записывали его имя и старались доказать нашу заботливость. Когда его состояние позволяло, мы читали ему Слово Божие и произносили молитву. Соседние больные слушали с почтительным вниманием. Мы старались еще и раздобыть справки о родственниках больного и передать им весточку от их брата или сына. Если больной знал грамоте, мы оставляли ему Новый Завет и несколько хороших книг, способных занять весь длинный день больного и его соседей.

Так же прошло не только первое мое утро в Крыму, но и все другие. Посещение одного-единственного госпиталя, то есть человек двадцати протестантов, обнуженных среди пяти-шести сотен раненых, абсолютно заполняло утро.

Совместный завтрак давал нам какое-то время передохнуть, и сразу после него мы снова садились на наших маленьких турецких лошадей и возобновляли визиты с другой стороны лагеря.

Впечатления, полученные в первые дни моего министерства⁵, верно отмечены в следующем письме: «Это великий, но тяжелый труд, который я выполняю. Несомненно, представляя будущее, я говорил себе, что романтические и рыцарские стороны министерства скоро уступят место горестным реальностям, но ни одна из моих догадок не приближалась к истине. Все поэтические иллюзии рушатся перед монотонными хождениями из одной палатки в другую и перед материальными заботами о нашем существовании. Будем справедливы, однако: эти столь прозаические труды имеют доброе возмещение, эта усталость — славную награду. Я редко выхожу из госпиталя без того, чтобы не встретить хотя бы одну душу, нашедшую утешение в Божьем Слове и в проявлениях нашей заботливости. Что до остального, наша жизнь, окруженная военными беспокойствами, не становится от этого менее безмятежной; шум сражений доносится до нас лишь издали громыханием гаубиц и пушек; наша совершенно мирная миссия ограничивается тем, чтобы внушать душам, часто подавленным тяжкими жертвами, истинное утешение религии».

Среди первых раненых, которых я посещал, были русские, попавшие в плен в бою у Черной. Речь шла о том, чтобы удостовериться, нет ли в их числе протестантов. Беда в том, что я вовсе не знал их языка и не мог обратиться к ним со словами утешения, но их растроганные взгляды благодарили меня, когда, совершая крестное знамение, я воздевал руку к небу, указывая им на Спасителя, обожаемого ими так же, как и мной. После сражения не оставалось и следов национальной розни в этих сердцах, столь ожесточенных в момент борьбы; французские санитары ухаживали за французами и русскими с одинаковым вниманием; никто из этих раненых в течение всей кампании не испытывал недостатка в заботах, какие только были в человеческих силах.

С вершины достаточно возвышенного холма я впервые рассматривал картину осады. Каким спокойным предстал перед моим взором город Севастополь!

Его горделивые сооружения, его высокие казармы, затем купола церквей, белых на фоне лазури, — все это виднелось еще невредимым; русские корабли держались в порту с вызывающим видом и будто неуязвимые. Огни, поднимающиеся от траншей, величественное появление флота, снаряженного западными державами и стоящего на якоре у входа в Стрелецкую бухту, дополняли эту грандиозную картину. Я созерцал, и у меня щемило сердце: несколько часов назад я видел в слишком ярких красках обратную сторону всего этого великолепия.

С каким чувством умиротворения я оказывался с моими коллегами после утомительной дневной работы! Нас собирал обед, и мы рассказывали о дневных испытаниях, делились радостными и горестными впечатлениями. Часто отдыхом руководила сердечная веселость, так как наш образ жизни не исключал забавные эпизоды. То это были рассказы об одном из конных приключений г. Мейнадьера, нашего единоверца-реформатора, прекрасного священника и крайне неудачливого наездника, то — обсуждение нашего домоводства. Среди прочего мы строили

проекты по улучшению нашей кухни, которая грешила прежде всего абсолютным однообразием и отсутствием всего, что способно пробудить аппетит.

Я не знаю, чего мне стоил четкий надзор за кухней и хозяйством. Разбирался я в этом почти так же, как наш бравый повар, который каждое утро спрашивал меня с отчаянной миной: «Отец мой, что мне сегодня приготовить на ужин и обед?» Обычный ответ: «Рис, сын мой, и еще раз рис!»

Каждый священник ежедневно получал, как и командиры, для себя и слуги две порции хлеба и мяса, риса и кофе, сахару и вина. Эти съестные припасы годились для приготовления лишь чрезвычайно простой пищи, а мы нуждались главным образом в свежих продуктах, таких как молоко, овощи и фрукты. В прошлом году окрестности Севастополя еще были покрыты виноградниками и наши солдаты ели великолепный виноград, но за зиму виноградные кусты один за другим были выкорчеваны, и драгоценные лозы послужили для отопления жалких жилищ лагеря.

Питательная пища, которой не мог предоставить наш скромный стол, ждала меня в прохладной беседке маршала Пелисье, пригласившего меня на завтрак в первое воскресенье моего пребывания в лагере.

Это утро незабвенно для моей памяти. Бодрый, с седой головою старый воин, на которого были устремлены тогда взоры целой Европы, молчаливо и замкнувшись в себе, сидел на почетном месте; по левую руку был сардинский генерал, по правую — английский полномочный представитель — важные лица, к которым тем не менее он обращался с совершенно фамильярными эпитетами: «*Armata Sarda*» и «*Fiere Albion*». Поприветствовав за руку, маршал указал мне место подле английского генерала сэра Hugh Rose и сказал ему: «Альбион, перед вами протестантский священник!» Затем, повернувшись ко мне, добавил: «Господин священник, я сажаю вас рядом с одним из представителей вашей паствы. Вы можете наставлять его во время завтрака». Сэр Hugh Rose, который нынче командует в Индии, с начала Восточной войны играл важную роль как представитель Англии в Константинополе; этот видный генерал и замечательный человек в совершенстве изъяснялся по-немецки, а также говорил на разных диалектах, и я весьма приятно побеседовал с ним во время завтрака, по-военному краткого и довольно безмолвного. Другой сотрапезник, генерал д'Отмар, рассказал о нескольких эпизодах кровавого сражения, бывшего три дня тому у Трактира; маршал Пелисье в беседу вмешивался редко, ограничиваясь тем, что ворчал на слуг и сделал выговор нескольким молодым офицерам, позволившим себе смеяться. Он едва притронулся к мороженому, привезенному с большими издержками из Америки, и к великолепному винограду, созревшему на единственном сбереженном холме. Сразу после завтрака маршал вышел; я же никак не хотел удалиться, не обратившись с благодарностью к генералу Мартимпрей⁶, начальнику генерального штаба. Он оказался весьма благожелательным и заверил меня в поддержке со стороны главнокомандующего, который, по его словам, всегда рад быть нам полезным. Эта благожелательность была нам дорога и сильно содействовала процветанию труда, допускаемого в качестве попытки и с тех пор приобретшего постоянный характер.

Вторая половина того же воскресенья оставила во мне след благодаря восхитительной прогулке. Все втроем мы отправились в монастырь Святого Георгия. Дорога пролегла по бесплодной песчаной равнине через овраги, которые могли быть когда-то зелеными, но теперь представляли вид весьма унылый. Жалкие,

худые бараны щипали жухлую траву, и пастух, сумрачного и отупевшего вида татарин в остроконечной меховой шапке, безмолвно следовал за своим убогим стадом, едва подняв глаза при нашем приближении. Мы шли вдоль каких-то стен, оставшихся от очаровательной виллы, которая совсем недавно возвышалась там, окруженная садами, хутором и виноградниками; дом в тени огромных деревьев и с видом на море был разрушен; одни только каменные развалины указывали место, где, может быть, жила, прячась ото всех, семья, разоренная войной. Картины опустошения продолжались до входа в монастырь. Война с уважением отнеслась к этому красивому зданию. Во дворе было несколько жалких на вид татар; монахи же, напротив, показались нам большей частью здоровыми и крепкими. Длинная борода покрывает им могучую грудь. Платье у них черное, однако они не носят, подобно нашим монахам, опущенный на голову капюшон; у них большие шапки в форме сахарной головы, придающие им своеобычность.

Меня ждал приятный сюрприз: коллеги, знавшие монастырь, повели меня по темному и мрачному коридору; я подумал, что он идет к часовне, но он закончился террасой, откуда взор охватывал самую прекрасную панораму. Море, вопреки тому что зовется Черным, было в голубой лазури; серебристые волны стелились пред нами с зеркальной чистотой; монастырь высился своими белыми стенами, ажурными галереями и часовней, прислонившейся к склонам скалы. Террасами спускаются к морскому берегу, где волны с грохотом разбиваются об утес, благоуханные сады. Гигантские деревья выглядывают из глубины оврага, и их густая листва создает странный контраст с бесплодием опустошенного пейзажа. Между тем от Камыша до Балаклавы возносятся, напоминая бастионы, высокие береговые скалы; колоссальная стена фантастически искореженного берега раскалывается посередине и, как крепость, защищает зеленые окрестности монастыря.

Чтобы лучше насладиться этим пленительным ландшафтом, мы спустились посидеть на берегу. Рука Божия в изобилии рассеяла здесь цветы и зелень. Воздух насыщен свежими ароматами, чарующей тенью. Как не задуматься в таком месте о преданиях, которых там в избытке! На этих скалах возвышался храм Дианы, памятный из-за жертвоприношения Ифигении; по этой самой тропе ступал ее несчастный брат.

Вдруг нас вывели из задумчивости детские крики, и взоры наши перенеслись на ватагу хорошеньких детей. Шаловливое войско, увидев нас, остановилось, потом развернулось и со всех ног бросилось удирать. Это были дети одного русского офицера, при взятии Балаклавы лишенного жилища, раненого и взятого в плен. Бедные малыши, у которых больше не было матери, остались под присмотром тетки в одной из татарских деревень, вклинившихся в наш лагерь, и своим спасением обязаны были храброму французскому солдату. Но их положение стало настолько тягостным, что французский генерал дозволил им поселиться с отцом в монастыре Святого Георгия, где они живут в чрезвычайно мягком плену. Мы наблюдали за их бегством, сожалея, что не можем к ним присоединиться. Затем мы собрались навестить обитателей монастыря. Мы тщетно силились быть понятыми — они не говорят ни на латыни, ни по-гречески. Двое католических военных священников, посещавших часовню, поразились, как и мы, их неведению. Бедные монахи не способны были дать нам ни малейшей справки. По монастырю же мы прошли, сопровождаемые двумя аббатами, которые любезно вызвались служить нам чичероне⁷. Наши католические собратья, украшенные великолеп-

ными бородами, в больших бурнусах и в высоких сапогах со шпорами, менее напоминали священников, нежели военных. Только широкие кресты на груди обнаруживали их церковный сан. Монастырь не владеет иными сокровищами, как лишь несколькими картинами византийской школы и молитвенниками почтенной древности. Как бы ни были любопытны эти молитвенники, они не заинтересовали меня, и я предпочел в последний раз сходить на террасу.

Предчувствовал ли я в то время, что эта прогулка в монастырь Святого Георгия станет последней?

Глава третья

Посещения госпиталей иностранныго легиона

Кужно было бы устроиться в иностранный легион, если бы вздумалось вдруг изучить бесконечное число физиогномий. Название «иностранный легион» применяется к полкам, набранным за пределами Франции. Эти войска, обычно находившиеся в Алжире, получили, как и остальные, приказ о выступлении, но с тех пор, как прибыли в Крым, рассеялись, добраться до них было тяжело, и их раненые протестантского вероисповедания оказались лишенными духовной поддержки. Однажды вечером, проходя через незнакомую еще мне дивизию, я услышал, что из палатки доносятся голоса, хором поющие «Романс улана»: «Сегодня воскресенье!» «У вас тут немцы?» — спросил я молодого солдата. «Да, месье, — ответил он, — у нас тут люди изо всех стран, и в основном немцы: это лагерь иностранного легиона». Я осматривался вокруг: милостивые ограды, окружавшие палатки; удобной формы очаги; ухоженные палисадники, где бегали домашние животные, — все, вплоть до белок, прыгавших в проволочных клетках, напоминало мне Эльзас. Повсюду, где я проходил, мое приветствие вызывало в ответ сердечные слова: «Храни вас Господь, господин пастор!» Там встречалось все разнообразие диалектов германского языка. Как приятны мне были эти родные акценты! С того дня я всякую неделю посещаю госпитали иностранного легиона, который мои коллеги охотно согласились оставить на мое попечение.

Какое обширное поле деятельности для моих сил! Пшеница и сорная трава выросли здесь вперемежку. Тут встречались люди всех национальностей и званий, для кого родина стала слишком тесной, а положение — слишком жалким. Обманутые надежды, бестолковое честолюбие, а кроме того, неповиновение родителям или командирам, наказания, предназначенные для дезертиров, — таковы чаще всего разнообразные мотивы, которые приводят этих заблудших детей под французские знамена и в условия строгой дисциплины иностранного легиона.

Я дословно переписываю заметки, сделанные после визита к их раненым.

Десять часов утра; солнце бросает жгучие лучи; наши горячие кони со ржанием несутся по пыльной дороге. Проезжаем около артиллерийского парка, расположенного в ложбине; вдруг засвистело ядро, и мы инстинктивным движением пригибаемся. Это русское ядро, пущенное по направлению к нашим пороховым погребам. Продолжаем путь. Слева тянется одно из наших бесконечных клад-

бищ. Но вот лошади наши встают на дыбы, испуганные развевающимся там белым полотнищем; оно прикрывает людские трупы, которые часов через шесть после кончины два санитар собираются зарыть в долине. Там не менее двадцати тел, уложенных одно подле другого, — все умерли за ночь. Ни друга, который бы их проводил, ни священника, который прочитал бы на их могиле молитву. Французская армия располагает лишь двенадцатью католическими капелланами, а что такое двенадцать священников для стольких покойников? Церемония коротка, особенно для простого солдата. Двое санитаров хватают труп, второпях опускают его в общую могилу; несколько лопат негашеной извести, затем могилу слегка присыпают, так как скоро снова придется ее разрывать. То здесь, то там две доски, установленные в виде креста на отдельном холме, указывают место погребения офицера; того в последний путь провожают служитель его веры и собратья по оружию.

Вот мы далеко от могил, совсем рядом с госпиталем. Необходимо пройти через двор, потом через бедный дом, один из редких домов, что были сохранены. Эта лачуга, угрожающая разрушением, служит убежищем генералу Форю, здесь он устроил свою ставку. Но вот — море! Сверкающие волны разбиваются о песчаный берег, заполненный веселыми купальщиками. Несколько санитаров стирают в неглубоком месте белье. Они указывают нам крутую тропу, ведущую в госпиталь. Спешившись, привязываем лошадей, за долгое время приученных ожидать без питья и еды возвращения хозяев.

В больнице нас встречает доктор Браунвальд (Braunwald), один из моих земляков, главный врач иностранного легиона. Он принимает нас самым сердечным образом. Сегодня прежде всего мы должны зайти к нему и восхититься открытием, которое он только что сделал. Это рукопись севастопольского лютеранского пастора г. Гилденгагена⁸, рукопись, имеющая целью познакомить с состоянием евангелической церкви в Крыму. Вот как этот замечательный труд оказался в руках нашего доктора. Дом священника, расположенный при въезде в город около кладбища, недавно занимали казаки. Как только дом занял иностранный легион, обитатели его укрылись в Севастополе, бросив всю обстановку. Присутствие офицеров не спасло его от разграбления: книги, предметы искусства, рукописи — все было растаскано. В доме устроили госпиталь, и из-за небольшой своей колокольни он получил название Колоколенка. Пока врачи и офицеры советовались, как использовать помещение, дверь резко отворилась и вошел молодой человек. Сын пастора (а это был он) с великим трудом добился позволения вернуться в дом. Он был сокрушен при виде разгрома, устроенного неприятелем. Рабочий кабинет отца был разорен и разграблен.

Книги и рукописи исчезли, и бедный юноша не смог спасти драгоценную коллекцию. Офицеры утешили его надеждой на лучшее, но на том дело и стало, и я ничего более не знаю о нашем коллеге. Он и его близкие пробудили участие во мне: я не мог смотреть на Колоколенку без мысли, что здесь был приют одного из наших братьев; я полюбил также этого мальчика, этого храброго ребенка, который бесстрашно подвергся опасности, чтобы спасти вещи, дорогие его отцу, и я был благодарен своим соотечественникам за поиски, которые они предпринимали из милости к пастору-беглецу. Генерал Руль приказал скрупулезно восстановить все, что можно было разыскать. Среди прочего находился очаровательный портрет девочки, без сомнения, дочурки пастора.

Что касается упомянутой уже рукописи, то ее нашему доктору преподнесли в подарок немецкие солдаты, он с интересом прочел ее и собирался по возвращении передать своему дяде, пастору в Страсбурге. Произведение дошло до почтенного служителя Бога, но племянник, превосходный врач, остался в Крыму. Спасший стольких, он стал жертвой тифа. Мы хоронили его под Рождество.

Возвращаюсь к госпиталю. Военный фельдшер на своем посту в первом бараке. Уже издали он кричит нам: «*Buon giorno, signori Pastori!*» Необычный облик у этого доктора. Его зовут *il cavaliere Gaetano Battistini*. Поверьте, это не первый встречный. Синьор Гаэтано был префектом полиции в Риме при диктатуре Мадзини⁹. *Sic transit gloria mundi!*¹⁰ Все, что осталось ему от прошлого, — жгучая ненависть к католическим священникам. Поистине он тем больше любит нас, чем пуще ненавидит священников, и делает все, чтобы нам это доказать. Прежде всего, он как нельзя лучше распространяет Новый Завет, и я сомневаюсь, что делает он это из собственной выгоды. Всякий раз, как мы пытаемся завести об этом речь, он претворяется глухим и утверждает, что занят. Зато он богат на недоброжелательные анекдоты о католическом священнике; тот как раз проходит подле барачков, бьет хлыстом по доскам, кричит: «Здравствуйте, дети мои!» и продолжает путь. Синьор Баттистини не без основания находит на сей раз, что тот сделал бы лучше, если бы вошел. К несчастью, его презрение, как и его преданность, нам подозрительны, и болтовня его нас не трогает.

Этот тучный итальянец крепкого телосложения, казалось, не боялся болезни. Я вижу еще, как он поглаживает свои красивые блестящие усы, озаряет комнату своими большими, искрящимися, черными глазами. Его сильные руки, казалось, не чувствовали тяжести больных. Бедный Баттистини! Как многие, он погиб от страшного тифа. Я еще вижу его, лежащего без памяти с потухшими полузакрытыми глазами... Вскоре его уносят (и его тоже!) в палатку, откуда никто не возвращается.

Проходим длинные ряды косяк. Пока беседуем с больными, с соседней кровати доносятся сдавленные рыдания. Оборачиваемся: на нас с выражением скорби устремлены блестящие глаза, ввалившиеся от горячки. Эти глаза выделяются на бледном, изможденном лице — настоящем лице ребенка. Бедный мальчик очень слаб, его руке едва достает силы ответить на наше рукопожатие. Я спрашиваю о его возрасте, о его судьбе. Ему семнадцать лет, он собирался изучать богословие, но последовал дурному совету. Покинул родительский дом, родной город Магдебург и, в конце концов, приехал во Францию поступить на службу в иностранный легион. Почти тотчас он должен был уехать в Крым, но его слишком хрупкое телосложение не могло противостоять тяготам воинской жизни; он вынужден был отправиться в госпиталь, где на глазах умирает. На вопрос о семье он показал письмо, написанное младшим братом, письмо, полное поздравлений с его храбростью и мужественным поведением; это было эхом бахвальства, несчастливо опровергнутого делами.

Я спрашивал, рад ли он сегодня своему поступку. При этом вопросе хладнокровие покинуло его, и он залился ручьями слез. Он обещал раскаяться и просить прощения у своего отца: «Я опишу ему, — сказал он, — мое печальное положение, и я не сомневаюсь, что он согласится меня выкупить». К сожалению, мы более не виделись, так как на следующий же день он покинул госпиталь и был отправлен в Константинополь; из-за слабости он нуждался в забо-

тах, каких здесь найти не мог. Пускай же спасут его эти заботы, и блудный сын вернется к родным!

Другая палатка: здесь лежит человек с лицом, изможденным цингой; он смотрит сумрачно и встречает нас с безразличием. Мрачное молчание; «да» или «нет» — это все, что нам удастся вытянуть из него. Он был офицером в голландском полку, убил на дуэли товарища, скрылся от суровости закона в иностранном легионе и умирает здесь в госпитале от горячки.

Дальше мы находим бывшего немецкого студента. Этот общителен и начинает с того, что рассказывает свою историю. Если верить ему, он ученый и мог иметь прекрасное будущее. Мы пытаемся обратиться к его добрым чувствам и считаем необходимым предложить ему несколько хороших сочинений, но он едва удостаивает их взглядом и, отводя глаза, отвечает с бесконечной надменностью: «О, прошу вас, господин священник, избавьте меня от этой литературы, которую я давно знаю и которая не способна удовлетворить требовательность мыслящего человека».

— Значит, бедный друг, вы поступили в иностранный легион, чтобы удовлетворить потребности мыслящего человека?

— Разумеется, тут есть где поупражнять свои умственные способности, господин пастор. Если бы командующий захотел, к примеру, меня выслушать, дела бы пошли только лучше. Мои проекты относятся главным образом к улучшению госпиталей. Мне досадно вам это говорить, но ваши врачи и чиновники ничего не смыслят. Если бы они пользовались советами человека образованного и проделавшего солидные исследования...

— Бедняга, неужели ваши лишения не наводят вас на более серьезные мысли?

— Образованный человек не нуждается в жалости; мне достаточно себя самого, и я могу обойтись без вашей помощи.

Не без боли мы покидаем несчастного. Его осунувшееся лицо предвещает скорый конец, и при следующем визите мы его уже больше не видим. Да сжалится Господь над его душой!

Бывает здесь и иначе: больной с трудом приподнимается на своих простынях и смотрит в сторону двери. Он ждет нас с нетерпением и радуется нашему приходу. И все же какое легкомыслие было еще вчера в сердце этого юноши! Л., сын чиновника из Ратисбонна, с детства так мало проявлял охоты к службе своего отца, так живо восставал против перспективы провести жизнь в бюро и так дурно исполнял свою работу, что отец в конце концов позволил ему завербоваться. Судя по его обещаниям, можно было надеяться, что он поведет себя должным образом, но его политические взгляды, как он говорил с весьма важным видом, не могли мириться с военным режимом страны. Поэтому он предпочел пересечь границу и поступить в иностранный легион, строгая дисциплина которого, видимо, более сообразуется с его принципами. В атаке он был ранен, затем ранение осложнилось грудной болезнью. Все это не помешало ему оставаться ветреным. Сегодня, однако, он показался мне совсем другим; он держал Новый Завет, раскрытый на Евангелии от святого Луки; по его словам, он узнал здесь свою собственную историю и более не искал ничего, кроме раскаяния. Раскаяние это было простодушным, трогательным, без громких фраз. Мы слушали его со слезами на глазах, осчастливленные произошедшей переменой. Перед уходом он дал нам письмо для своего отца, и мы взялись доставить его по назначению. Мы надеялись, что бедный мальчик вернется к родным, но Бог распорядился иначе.

Путешествие только ускорило развитие болезни, и, когда пришла весна, легкая смерть отправила его в Царствие Отца Небесного!

Увы! Не все заблудшие дети здесь молоды. Вот человек с седеющими волосами. Он покинул не только родительский дом, он бросил еще и жену, которая оставила все, чтобы следовать за ним. Когда он уехал, она с детьми оказалась без куска хлеба; она написала ему с душераздирающими интонациями, способными растрогать камень, умоляла пожалеть ее. «Ты не вернешься? — обращалась она к нему. — Мы вечно будем жить в разлуке? Если тебя не трогает моя мольба, если ты отказываешь мне в помощи, я не считаюсь с собой, и ты узнаешь, до чего меня может довести отчаянье. Конечно, я не переставала тебя любить, но я не могу отвечать за остальное. Милостивый Бог меня простит. Слишком горька моя жизнь, и я завещаю тебе молиться за мою бедную душу...»

Я спрашивал, что ответил он на это отчаянное письмо. Из его груди вырвалось неудержимое рыдание — он до сих пор не ответил. К несчастью, даже выздоровев, он не может быть свободным, об этом он и не решается сообщить жене. Я пробовал внушить, насколько легкомысленно его поведение, насколько велика его ошибка. Он казался растроганным, обещал написать. Выполнил ли он это? Вскоре с партией раненых его отправили в Константинополь, и никто из наших коллег о нем более не слыхал. Да смилостивится Бог над этим несчастным и его горемычной женой!

В последней, более аккуратной палатке при первом взгляде поражает некоторая изысканность в обслуживании. Однако мы не у офицера, а у простого солдата. Сияющий санитар делает нам знак говорить тише: «Спит, — произносит он. — Врач надеется на благоприятный перелом». В углу, в самом защищенном и спокойном месте, спит бледный юноша; его кроткое лицо безмятежно и выражает детское простодушие. Однако не нужно заблуждаться, конец близок, и мы разглядываем больного с глубоким волнением. Он медленно открывает глаза, мы смотрим, пытаемся улыбаться. «Бедное дитя, как вы себя чувствуете?» Увы, его голос не слышен, он может говорить только знаками. Но этого достаточно, чтобы мы поняли, что душа его примирилась. Этот — не заблудшее дитя, он сын вдовы, молодой бельгиец, уехавший с материнского позволения. С начала войны он проявил необычайную храбрость и заслужил нашивки капрала. Но, счастливо пройдя множество сражений, он пал жертвой неосторожности отнюдь не на поле битвы, а в палатке. Вот как произошло это несчастье: его товарищ чистил ружья; одно из них, еще заряженное, выстрелило, и пуля попала в ногу нашему юноше-бельгийцу; ногу необходимо было незамедлительно ампутировать. Несчастливого искалеченного повезли в госпиталь, расположенный болсе чем в десяти лье. По дороге мул падает, больной переносит невыносимые муки и лишается способности говорить. Он вынес все с героическим мужеством, и терпение, с каким он переносил боль на койке, сравнялось с его храбростью на поле боя. Он не проронил ни единой жалобы, был признателен за малейшую услугу. Больные и здоровые — все интересовались им и старались сделать что-нибудь приятное. Я сомневаюсь, что генерал когда-нибудь о ком-то заботился больше, чем об этом молодом солдате. Наше посещение доставило раненому большую радость, я эту радость разделял и ощущал себя счастливым, когда мог принести ему хоть какое-то облегчение. Несмотря на все наши заботы, Келлер (так звали молодого капрала) слабел день ото дня. Нет ничего трогательнее его отношения к своему неосторожному

товарищу: «Он более меня заслуживает жалости, — говорил он, — я умру, а ему придется жить с угрызением, что убил меня».

Бедный Келлер! Даже сегодня мы обнаруживаем в нем тот же дух любви к ближнему и терпение; голос изменяет ему — но говорят глаза и рука его сжимает мою, когда я читаю ему это Божественное напутствие: «Просторна обитель моего Отца... Я подготовлю там ваши жилища... Да не уstrasится ваше сердце». Догадывался ли он, что этот визит последний? Улучшение было мнимым и напоминало последнюю вспышку светильника, готового погаснуть. Еще несколько дней — и другой займет его место на ложе страданий. Не оплакиваем — он был верующим. «Блаженны благодушные, блаженны те, кто добивается мира».

Пока мы делали визиты, пришел вечер. В госпиталях звучит труба, санитары направляются к продовольственному бараку за ужином для своих больных. Весь госпиталь приходит в движение, и лица оживляются. Мы тоже закончили сегодняшнюю работу, но возвращаемся долго — путь дальний. Наши лошаденки встречают нас радостным ржанием и, кажется, довольны, увидев нас снова. Мы садимся верхом, и они несут нас с быстротой молнии. Это время, когда офицеры ужинают под звуки военного оркестра, играющего самые приятные мелодии. Канонерские лодки, стоящие на шпринге в Стрелецкой бухте, берутся аккомпанировать заунывными звуками; с шипением проносится бомба, и мы невольно пришпориваем лошадей.

Проезжаем возле первых параллелей. Часовой штыком преграждает нам путь; без сомнения, мы чересчур близко подошли к городу. Быстро поворачиваем вправо, и в ту же минуту появляется полк, он готовится приступить к службе в траншеях. Сколько тех, которые идут туда полными жизни и здоровья, не увидят завтра солнца или изувеченными попадут в госпитали! Двадцать четыре часа проводят они в абсолютном молчании, и даже раненому запрещено испускать малейший крик. Сколько ног и рук, отмороженных зимою, когда эти люди сидят по колена в снегу, наблюдая за малейшим движением неприятеля.

Редкая ночь, особенно в плохую погоду, проходит без того, чтобы осажденные не сделали вылазку, и темнота, которая покрывает театр борьбы и часто мешает солдату отличить друга от недруга, усугубляет ужасы боя. Человек, обязанный идти в засаду, ползет, как можно сильнее съезживаясь, во мраке по высокой насыпи, защищающей окопы, останавливается в воронке от бомбы за камнем, которого едва хватает, чтобы спрятаться, и который находится в двадцати шагах перед траншеей. В тридцати или сорока шагах от него, спрятавшись в таком же укрытии, сидит русский часовой; оба находятся лицом к лицу, подстерегая друг друга, пока их не сменят и они не смогут проделать рискованный путь обратно.

Но когда, прижав ухо к земле, часовой чувствует необычное движение в аванпостах противника или когда, благодаря свету луны, замечает длинные шинели и фуражки, он как можно быстрее отступает: его ловкость и осторожность охраняют жизнь нескольких сотен людей.

Вот происшествие, случившееся вчера и которое может возобновиться завтра: темная ночь, раскаты грома, дождь льет стеной; вдруг молния озаряет пейзаж, и благодаря ей молодой легионер, застывший на своем посту, видит приближение неприятельской колонны. Русские продвигаются бегом, не соблюдая равнения. Он тем временем поднимается, его задевает выстрел, он снова падает на живот, ползет, как уж, до первого поста, где спешит предупредить своего капитана,

одного из наших страсбургских друзей. К сожалению, время не терпит, неприятель приближается ускоренным шагом, и слишком поздно вызывать подкрепление, но пыл наших солдат ввиду опасности увеличивается. Вся гренадерская рота 2-го полка (отборные солдаты), сомкнув шеренги и с пальцами на спусковых крючках, бесшумно спешит к тыльной стороне окопа. Поверх насыпи появляются черные фуражки. Наши солдаты встречают превосходящего числом противника яростными криками и ужасным залпом и под командой своего доблестного капитана отбрасывают неприятеля к его укреплениям¹¹.

Кто знает, что ждет этой ночью вновь прибывших? Может — бой, может — смерть. Пусть нас разбудит перестрелка, пускай грохот орудия по сигналу тревоги донесется до ставки командующего, и мы будем знать, что идет бой, и будем молиться за храбрецов, которые только что прошли мимо. Без сомнения, многие легкомысленные идут на гибель, не задумываясь о будущей жизни, но здесь есть и другие, которые помнят о Боге под самым огнем неприятеля. Так, видели солдат, берущих Библию в траншеи, и целые цепи воинов с ружьем в одной руке и с книгой — в другой, заполняющих зловещие часы ожидания чтением Слова Господнего.

В этом самом месте христианское милосердие готовит раненым величайшее утешение; недалеко отсюда стоит Колоколенка, бывший дом евангелического священника, описанный мною выше. Здесь раненые находят первую помощь, а часто — испускают последний вздох. В эту минуту молодой еще человек выходит из дому, мы радушно приветствуем его, и он сердечно отвечает на приветствие. Водежде его нет ничего от пастора, но большой серебряный крест, сияющий на груди, и спокойная важность, запечатлевшаяся в его красивой, благородной внешности, подсказывают, что он министр Господа. Этот капеллан, с душой, преисполненной евангельским милосердием, — поистине местный ангел-хранитель. Его палатка стоит на кладбище среди могил, но он там не появляется и никогда не покидает Колоколенку, где проводит дни и ночи; для его нежности, внушаемой одним лишь христианским человеколюбием, не существует различия в убеждениях и вероисповедании. Не заботясь тем, протестант умирает или католик, он принимает его на руки, утирает кровавый пот с его чела и силится, чтобы тот в последний раз услышал имя Спасителя. Ему едва достает на это времени, и по этому поводу он говорил нам с очаровательным простодушием: «О! Бедные мои раненые! Они все время просят у меня воды, когда я говорю им о небе. Тогда мне остается только обнять их, как обнимали их родные, и поцеловать». Этот удивительный священнослужитель, одновременно санитар и священник, спит у изголовья своих больных и не касается иной пищи, кроме той, что съят простые солдаты. Если случается, что протестант просит к себе пастора, он тотчас же разыскивает нас. Нет нужды повторять об уважении к его персоне и о всеобщей братской симпатии, которую он нам внушает.

Но вот звучат фанфары перед маршальской столовой. Мы проходим подле бароков этих господ и скоро добираемся до наших палаток, где нас радостно встречают ординарцы. Нас ждет сюрприз, доставленный запоздавшим курьером. На столе лежат с нетерпением ожидаемые письма; при их чтении палатка преобразается, и мы на несколько часов переносимся к родному очагу! Какие горячие мольбы, какие пожелания в этих письмах! Они упрочивают нашу храбрость, и наш тяжкий труд снова представляется нам во всем блеске Божественных обязанностей.

Глава четвертая

Штурм Севастополя. Взятие города

Штаб-квартира, 8 сентября 1855 г.
«...Третьего дня я наблюдал с возвышенности за бомбардировкой Севастополя, которая с жаром возобновилась после минувшей среды; прыгающие бомбы бороздили пространство во всех направлениях; временами поток светлого дыма, выпущенный с одного из наших кораблей, расстилался по морю голубоватым облаком. Через подзорную трубу я мог видеть в траншеях множество наших солдат и против них — русских, оборонявших свои батареи. Одни от других были настолько близко, что аванпосты могли разглядывать друг друга в упор. Такое положение вещей не может продолжаться далее, и каждый в полный голос призывает к решающей схватке. Севастополь должен был быть великолепным; некоторые его сооружения выполнены с большим размахом, отдельные дома — очень красивы. Поистине народ, который сумел создать столь очаровательное обиталище в пустынной степи, должен обладать не только воинственным чувством, но и чувством прекрасного...»

Когда я писал эти строки, то не предвидел еще, что приближается решающий момент. Все, что я знал, так это то, что наши траншеи отделяет от окопов, окружающих Малахов бугор, расстояние, самое большее, в восемьдесят шагов. Каждую ночь успехи наших саперов стоили огромных людских потерь. Русские дрались, как львы. Не раз мы видели, как английские бомбы пускали ко дну большие корабли¹², стоявшие в русской гавани, и мы даже наблюдали гибель этих военных гигантов, носивших названия «Марианна», «Париж», «Двенадцать Апостолов».

Благодаря подзорной трубе мы наблюдали ужасные эпизоды. Последние гибнущие моряки с «Двенадцати Апостолов» уцепились за обломки своего корабля; они тщетно боролись с волнами, и казалось, что слышны их отчаянные крики. Однако это был лишь пролог чудовищной битвы.

Утром 8 сентября, когда мы сели за стол, к нам зашел чрезвычайно взволнованный офицер из числа наших друзей. «Вы знаете, — спросил он, — что через два часа начинается штурм по всем линиям фронта?» Мы бросили завтрак и отправились в окопные госпитали, где сегодня должно было разрешиться столько кровавых драм.

Сутра войска заполнили траншеи, полки подходили один за другим, и бесконечные параллели, сооружавшись одиннадцать месяцев, переполнились храбрыми солдатами. Они ждали только сигнала к атаке и знали, что это бой не на жизнь, а на смерть.

Атака должна была начаться отовсюду сразу, однако основной натиск должен был сконцентрироваться на двух укреплениях, контролирующих город: на укреплениях Малахова и Большого редана. Маршал Пелисье управлял ситуацией со спокойным челом, расположившись напротив Малахова на пригорке, называемом Зеленым Холмом, и на просьбу покинуть это опасное место довольствовался ответом: «Я останусь здесь».

Когда русские генералы заметили необычное движение в наших траншеях, было уже слишком поздно предотвращать атаку, они вынуждены были гото-

виться к тому, чтобы ее выдержать. Погода была отвратительной; густые облака мелкого песка и пыли затемнили небо, и время от времени как из ведра лил дождь.

Ровно в полдень (часы были сверены) начинается самая ужасная канонада, какую когда-либо слышали. Колебание продолжается более десяти минут, и потом ничего больше не слышно.

Тогда лучшие храбрцы, возбужденные словами и примером доблестных офицеров, выскакивают из траншей, бегом пересекают небольшое пространство, отделяющее их от оборонительных сооружений неприятеля, прыгают в ров десяти футов глубиной, подходят, теснясь, к земляному валу, оставшемуся невредимым, один взбирается другому на плечи, и так, служа друг другу лестницей, они преодолевают высокую стену и, как разъяренные тигры, врываются в бастион Малахова, где завязывается смертоносная рукопашная схватка. Безостановочная перестрелка возвещает о разгारे операции, результатов которой мы ждем с лихорадочным беспокойством.

В пять часов вечера приходит первая новость: Малахов наш. На стенах его развевается трехцветное французское знамя; форт занят тысячей доблестных зуавов. Но какой ценой и с каким риском! Русские защищали каждую пядь земли; уже безоружные, они дрались кулаками и зубами. Многочисленные окопы и укрепления, окружающие форт, сделали подступы к нему трудными вдвойне. Еще немного — и русские снова стали бы победителями.

Малахов сохранял остатки старой башни; там укрепился русский офицер с горсткой солдат и вел из этого убежища огонь по нашим солдатам, взбравшимся на возвышенность. От маленького войска потребовали сложить оружие. Предупреждение бесполезно, войско не пожелало капитулировать, и его пришлось уничтожить артиллерийским огнем. Башня загорелась, пламя росло, и можно было ожидать страшного пожара. Близкое соседство порохового погреба увеличивало опасность; говорили даже о минной галерее, проложенной под земляным валом. Тогда генерал Мак-Магон¹³ отдал приказ проложить вокруг очага пожара широкий окоп; при первом ударе кирки встречается препятствие, заступ ударяет по электрическому проводу, который тянется к соседнему пороховому складу. Несколько мгновений — и с Малаховым покончено, и победа, на чьей бы стороне она ни оставалась, дорого обошлась победителю¹⁴.

Все другие атаки были отбиты. Французы потерпели поражение у Мачтового бастиона, англичане — у Большого редана. Штурм этого гигантского форта, три раза сряду предпринимавшийся английскими войсками, опустошил их ряды. Французский генерал, командовавший атакой, остался перед бастионом один с несколькими солдатами, и, не находя более ни одного человека, желающего следовать за ним, один ринулся в атаку, принося себя в жертву неприятельским пулям.

Взятие Малахова решило успех дня. Во французском лагере не знали еще, насколько полной была победа, и готовились к новой атаке.

Вдруг темную ночь озарили отсветы пожара. Сквозь пламя звучат наводящие страх взрывы и странный треск. Сомнения более нет, русские сами, как это было когда-то с Москвою, предали Севастополь огню, и 9 сентября восходящее солнце осветило картину страшного опустошения. До рассвета зуавы и военные моряки отважно проникали в город; они повсюду находили мертвую тишину, пустынь-

ные улицы, горящие дома и в подвалах — напившихся водки поджигателей. Эти бедняги, выбранные среди самых низких подонков их племени, были доставлены во французский лагерь. Я издали был свидетелем дознания, происходившего в присутствии командующего, но из них ничего нельзя было вытянуть по причине их пьянства, они едва держались на ногах и смотрели на нас большими глупыми глазами.

Увы! Это сухая правда. Русские, желая избежать унижения видеть, как мы занимаем прекраснейшую из их крепостей, не оставили там ничего, кроме груды развалин; не только город был подожен, но и военные корабли были затоплены¹⁵.

Ночи было достаточно, чтобы уничтожить труды стольких лет, и первые проблески дня, осветив колонны беглецов, обнаружили перед нами весь размах катастрофы.

Генерал Горчаков в особенно короткий срок совершил самое лучшее отступление новейших времен¹⁶. В воскресенье утром мы побывали на одной из наших батарей, расположенной напротив Мачтового бастиона, и прошли по траншеям, где смерть накануне произвела столь громадные опустошения. Всюду на земле лежали бесчисленные трупы в тех же позах, в каких встретили гибель; их товарищи молча убирали их; совсем рядом с нами огромные орудия непрерывно посылали ядра в ряды русских; мы без усилий могли разглядывать невооруженным глазом, как они перебегали по понтонному мосту, чтобы найти убежище на северной стороне крепости. Люди, лошади, экипажи — все теснилось в величайшем беспорядке; корабли, еще остававшиеся на рейде, на наших глазах шли ко дну; длинные вереницы повозок, прекратившие движение из-за дождя ядер, тщетно пытались добраться до противоположащей возвышенности. В сущности обобщенное, упоение наших солдат еще усиливало волнующий характер картины. Каждый тащил какой-нибудь трофей: кто — корову, кто — барана, тот возвращается с кушеткой, другой — со старым креслом. Разумеется, не было недостатка в забавных эпизодах. Пьяные от радости солдаты таскали за собой все, что смогли захватить. В комическом воодушевлении они изобретали тысячу проделок, и это — в том самом месте, где лежали бледные мертвецы, совсем рядом с берегом, где слышались крики несчастных беглецов. Как мучительно контрастировало это с теми скорбными сценами, что ожидали нас в госпиталях!

Госпитали были переполнены ранеными, и с какими ранами! Эти несчастные, в большинстве обезображенные и искалеченные, испускали последний вздох или, уложенные тесными рядами, ждали прихода хирурга.

Незачем и говорить, что всякие различия в вероисповедании и национальности отошли в сторону перед общей бедой, и на протяжении нескольких дней моя миссия сводилась к тому, чтобы говорить утешительные слова умирающим и проявлять знаки сочувствия больным. Мы писали послания, адресованные уцелевшим, помогали санитарам, количество которых было недостаточным, приносили больным питье. Наконец, госпитали сделались посвободнее; множество раненых умерло, других отправили в госпитали Константинополя, где их ожидал самый что ни на есть лучший уход и избавление от губительной горячки.

Как только обстоятельства позволили, я и мои коллеги отправились верхом в Севастополь. Гидом нам служил инженерный капитан, поспешивший изло-

жить нам всевозможные детали. Мы направились к Карантинному бастиону¹⁷, расположенному на левом краю линии нашей атаки. Миновав траншеи, мы добрались до одного из огромных севастопольских кладбищ¹⁸. Это кладбище, размещенное рядом с Карантином, было взято нашими солдатами ночью в мае после ужасного боя. Часовня, прелестно уместенная в зеленой нише, держится еще довольно прочно, так как вынуждена была служить наблюдательным постом для часовых, но алтари ее разграблены, картины изувечены, крыша зияет дырами. Не меньше пострадали могилы. Ядра посбивали кресты, перепахали могильные холмы. Несколько чудом уцелевших памятников говорят о том, что вы на кладбище, но плакучие ивы и кипарисы выкорчеваны и распростерты на земле. Ядра и всяческие обломки завалили тропинки, осквернили цветники. В этот момент проходит полк иностранного легиона, и заброшенное место оживляется звуками труб и фанфар.

Мы поднимаемся за нашими солдатами по крутой дороге, ведущей к центральному бастиону, и входим в город через большую брешь, четыре дня назад проделанную нашими войсками. Перед нами открываются широкие прекрасные улицы, вида которых достаточно, чтобы мы поняли, чем был Севастополь. Впрочем, полное опустошение; ни одного целого дома; сорванные двери, выбитые окна, проломленные крыши. Через груды щебня и нагромождения горящих балок проникаем внутрь. Расположение строений мне кажется абсолютно приспособленным к нуждам повседневной жизни. Исключая дворцы, большинство домов одноэтажные, и жило в них по одной единственной семье. Отсюда большая площадь города, несмотря на довольно ограниченное число жителей — 40 000 человек. Двери жилищ открывались на веранды (или что-то в этом роде), производящие наилучшее впечатление. Что касается самих домов, то они состояли, кроме кухни и передней, всего из четырех или пяти комнат, впрочем весьма просторных. В большинстве комнат стены были выкрашены синим и желтым; мы, к сожалению, нигде не смогли остановиться, так как скрытые под землей мины часто взрывались и не позволяли задерживаться. Еще более, чем опасность, нас гнали из домов трупные испарения. Многие мародеры и любопытные вынуждены были отступить перед отвратительным запахом, источаемым брошенными трупами. На улицах царил зараженный воздух, что объяснялось беспорядком, внезапно случившимся в русском лагере. Совершенно не стало времени заниматься ранеными и мертвыми, и в ходе отступления никто не занялся перевозкой несчастных, находившихся в госпитале. Большой частью они из-за отсутствия ухода и пищи приняли мучительную смерть, некоторые сгорели, иные задохнулись от дыма, проникающего отовсюду. Это было страшное зрелище, и мы видели, как перед ним отступали самые мужественные наши врачи; они позаботились обо всех, кто подавал еще признаки жизни. Остальные с почетом были преданы земле нашими солдатами, и вбитый над могилой крест хранит память об их скорбной кончине.

Не без радости увидели мы среди руин уцелевший дом: его называли Зеленым домом¹⁹, несомненно, из-за его зеленой крыши. Это здание, построенное на чем-то вроде холма, высится в центре города. Издали мы приняли его за дворец какого-нибудь русского дворянина, но это был всего-навсего пансион для юных девиц. В классах еще были деревянные скамейки, а на столах — музыкальные тетради и картонки для рисунков. Повсюду были разбросаны хорошенькие пред-

меты рукоделия и очаровательные вышивки; одним словом, война пощадила этот приют, устоявший под разрушительным огнем; здесь и обосновался генерал Базен²⁰, назначенный губернатором города. М-м Базен не замедлила присоединиться к супругу. Он устроил свои зимние квартиры в том самом месте, где когда-то сутился целый очаровательный мир девушек, и скоро бряцание оружия и звон шпор зазвучали там, где совсем недавно воздух наполняла девичья радостная болтовня.

Маршал незамедлительно отдал приказ, запрещающий всякий грабеж, однако солдаты успели — таки украсть кто шляпу, кто зонтик, кто шали и мантию; они расхаживали по улицам, разодетые в эти «трофеи» и веселые, как школьники на каникулах. На беду, их «юмор» распространился и на более ценные вещи; так, в первые дни они сочли за честь подпитывать свои костры хорошей мебелью. Чтобы сварить суп, они раскалывали столики красного дерева или брали комнатные пианино.

Кроме Зеленого дома, разорения избежали еще два или три строения. Одно из этих зданий, оборудованное изящным портиком, напоминало немного архитектуру храма Тезея; его окружали деревья, и мне показалось издали, что я вижу театр. Вскоре по чаше и кресту, высеченным на фронте портика, я определил, что ошибся. Под колоннадой еще видны были статуи апостолов Петра и Павла. К великой моей радости, я находился перед лютеранской церковью Севастополя²¹. И я подошел, чтобы бросить взгляд на внутреннюю ее часть. Алтарь, сиденья, подсвечники — все было на земле; самые плиты были сорваны с мест; едва удалось сохранить и четыре стены церкви: накануне поймали переодетого русского, который пришел сюда, чтобы разжечь огонь. От органа — ни следа, если не считать дощечки на земле с именем знаменитого музыкальных дел мастера.

Насколько все это виделось мне печальным! «Значит, вот, — говорил я себе, — место, где так часто звучало Божье Слово, где верующие пели наши древние и прекрасные гимны!»

При виде разоренного святилища у нас возникло благочестивое желание: мы вознамерились просить о его восстановлении генерала Пелисье, полные решимости взять на себя все издержки, которые повлек бы ремонт. Как радостна была мне эта мысль! Как желал я увидеть себя проповедующим в этом здании, старающимся собрать вокруг себя некоторых наших дорогих единоверцев. Как говорили, иностранный легион отправлялся зимовать в Севастополь, и я видел уже место, где стояло бы скромное жилище его пастора, но Бог распорядился иначе, и этот проект не смог осуществиться.

Как хорошо было проехать верхом при ярком солнце по улицам, еще недавно омраченным ужасами битвы! На мостовой было множество французов, англичан, итальянцев, турок, не считая всех воинских знаменитостей, которые дефилировали перед нашими глазами; это было движение сардинских, французских, оттоманских мундиров, тут представлены были все армии и все воинские чины. Никогда не забыть храбрых английских леди, сидящих на элегантных пони и позволяющих ветру развеивать длинные ткани их голубых одежд, — некоторые английские офицеры, обладающие редкой привилегией, смогли привезти с собой в лагерь за 800 лье от родины домашние радости. Всюду отыскивались друзья, считавшие друг друга погибшими; долгое время лишенные новостей один о другом и счастливые от встречи, они обнимались.

Мы снова зашли на Малахов холм; остатки знаменитой башни еще стояли на возвышенности. В окопах еще лежали обгоревшие и изувеченные трупы русских; они источали ужасные миазмы и портили всю атмосферу. Мы отвлеклись, чтобы посмотреть на солнце, бросающее последние лучи на эту арену смерти. Увы! Придут ли благословенные времена, когда мечи сменятся мотыгами, а алебарды — серпами, когда воцарится мир на всей земле, возрожденной и счастливой!

Наш гид указал место, где он сам сражался и где провел ночь штурма.

Наши бедные солдаты в ту ночь валились от усталости и засыпали там же, где дрались. Тогда канонада и перестрелка замирали и только внезапный грохот и беглый ответ то здесь, то там говорили о том, что разорвалась мина. На рассвете дня генерал Мак-Магон приказал играть подъем во все сторожевые трубы. Победные звуки, этот радостный гром фанфар на театре столь кровавой битвы, тронули самые черствые сердца. Глаза у всех наполнились слезами, и слова благодарения срывались с самых непривычных к молитве уст.

Можно ли было подумать? Я вернулся в Севастополь лишь однажды, зимой, по полям, покрытым снегом. Читатель позволит мне привести здесь письмо, в котором содержится рассказ об этой прогулке:

«21 декабря 1855 г.

Скоро мы добрались до городских ворот, иными словами — до французского аванпоста, располагающегося в большой бреші. Оттуда мы проехали к Зеленому дому, где у моего друга Бабю есть родственник, адъютант коменданта города. Нет ничего красивей этой виллы, построенной в восточном вкусе, с маленькими башенками по бокам, напоминающими минареты. К несчастью, все это видно издали, и дом, как некогда для французских ядер, сегодня служит точкой прицела для ядер русских. Поистине генерал Базен нашел там очень уж открытое укрытие.

Таким образом, вовсе не редко, в то время как в гостиной собиралась веселая компания, чтобы сыграть или помузицировать, в дымоход попадает бомба. Эти господа, истинные французы, встречают ее смехом и продолжают играть. Замечательная вещь, огонь до сих пор еще не охватил здание. После довольно долгого пребывания в палатке я испытал сущее удовольствие подняться по ступеням лестницы и очутиться в комнате с паркетным полом и с отделанным потолком. Кроме роскошной софы и кресла, в ней было даже большое зеркало. Не без некоторого страха увидел я в нем свое отражение; шесть месяцев, проведенных в лагере, невзирая на черный сюртук, придали мне бог весть какой бравый вид. Что тронуло меня особенно — фортепьяно, великолепный рояль; его отыскивали в подвале и поместили в гостиную, второпях оборудованную губернатором. Я поспешил открыть инструмент, но, на беду, он был расстроен; басовые струны упорно производили минорные звуки, тогда как верхние, более мягкие ноты образовывали мажорные аккорды. Я пробовал сыграть несколько романсов, но скоро, обескураженный жуткой какофонией, должен был от этого отказаться; я оставил инструмент и принялся глядеть в окно.

Как выглядит город! Что стало за шесть месяцев с прекрасным Севастополем! Уже в первый визит я не думал, что здесь возможно найти еще что-нибудь, способное быть подверженным пожару и разрушению, но это было восхитительно по сравнению с тем, что осталось нынче. С тех пор французские полки получили

приказ отапливаться обломками от остовов строений. Удивительно ли, что в жестокие холода они не оставили ничего, кроме голых камней. Есть в этом зрелище нечто горестное, и невольно задумываешься о Фивах или о Пальмире²². Почерневшие камни, казалось, нагромождались здесь веками. Невозможно представить, что эти пустынные ныне развалины не далее как в прошлом году давали приют совершенно мирному населению. Укрепления, этот шедевр стратегического гения, были разрушены; форт Святого Николая²³, циклопическое трехэтажное сооружение как карточный домик был разнесен взрывом пятидесяти тысяч фунтов пороху.

Что касается доков, выдолбленных в скале, они были разворочены, и одни лишь гигантские груды обломков указывали место, где был построен флот, составлявший гордость России.

Глубокая тишина царила там, где некогда был Севастополь. Временами раздавался залп русской артиллерии, которая не переставала бомбардировать пустынный город. Пройти по улицам невозможно. Тем не менее мы поднялись к обсерватории, где канониры вели огонь из орудий двух батарей; неосторожный человек, решившийся высунуться в подобный момент, дорого заплатил бы за свое безрассудство. Меня огорчило одно обстоятельство: красивая евангелическая церковь, о которой я говорил выше, теперь представляла собой не более чем груды обломков. Ею восхищались несколько генералов; вдруг в крышу попала бомба, здание загорелось и не замедлило рухнуть. Сегодня его обломки окаймляются несколькими сломанными колоннами; повалившись на землю, они лежат, являя собой мою рухнувшую надежду. Увы! Что осталось от моей мечты проповедовать в этой церкви!

Перед лицом подобного разочарования как не задуматься о разочарованиях севастопольских жителей! В чистосердечном патриотизме они рады были считать этот город защищенным от всякой опасности, поистине неприступным. Происшествие, о котором прочтут, может быть, содействовало им в этой иллюзии. В первый день 1855 г. осаждающие, как мне рассказывали, заметили в городе необычное движение. С Обсерватории, с насыпи, недостижимой для французских ядер, тысячи мужчин и женщин, военных и мещан смотрели на море, как бы ожидая необычайного зрелища. Пока наши солдаты старались предугадать по их местоположению, что должно произойти, русский пароход «Владимир» вышел из порта, под самым носом флота союзников вошел в Стрелецкую бухту, проворно обстрелял несколько наших канонерских лодок, которые причиняли большой урон Карантинному форту, затем с молниеносной быстротой покинул свою рискованную позицию и гордо вернулся в севастопольский порт. Один единственный английский фрегат успел нагреться достаточно быстро, чтобы его преследовать, но более скорый «Владимир» ушел в порт целым и невредимым, и союзники, восхищенные этим блестящим военным подвигом, чуть было не присоединили свои рукоплескания к овациям русских. Годом позже, в похожий день, «Владимир», уничтоженный самими русскими, был погребен в волнах, и множество людей, приветствовавших его в день триумфа, это повергло в траур²⁴. В пансионе для юных девиц, единственном уцелевшем здании, живут нынче наши офицеры, и брошенные музыкальные тетради занимают досуг этих бравых военных».

Глава пятая

Жизнь священника в лагере

Я попытался описать самые горестные моменты моей священнической жизни. Но на фоне столь мрачном выделяется вдруг воспоминание, полное радости. 16 августа 1855 г. в бою у Трактира молодой офицер-протестант, урожденный ливонец, раненым оказался в руках французов. Адьютант маршала Пелисье, граф Монтобан, взял его клинок и вынес умирающего с поля брани. Благородный француз проникся дружбой к своему пленнику и окружил его самыми преданными заботами.

Мы нашли его в бараке, соседствующем с нашим обиталищем, что позволило мне наведываться к нему почти каждый день. Интерес, внушенный мне при первом визите, не замедлил перерасти в тесную приязнь; лед сломали общие ливонские знакомства, где у меня были старые товарищи по учебе. Каждый вечер, возвращаясь из госпиталей, я останавливался у изголовья этого любезного молодого человека, который, казалось, был рад повстречать в Крыму во французском лагере протестантских министров, знающих по-немецки.

Александр де В. был единственным сыном ливонского барона, жившего в своих владениях на острове Ёзель; он был любимцем деда, девяностолетнего старика, который жил с детьми и с нетерпением ждал возвращения внука. Когда разразилась Восточная война, юный де В., оторванный от родительского дома больше чем на пять лет, заканчивал учебу в Кадетском корпусе в Петербурге. Он вынужден был немедленно отправиться в Крым и не успел повидаться с родными. Отряд, в котором состоял г. де В., уже несколько месяцев стоял на плато Мекензи, когда пришел приказ штурмовать лагеря французов и англичан близ Черной. Эта попытка имела целью загладить воспоминание о кровавой инкерманской катастрофе. Французский лагерь, плохо защищенный с этой стороны, должен был быть захвачен врасплох, войска — рассеяны и с помощью большой вылазки отброшены к Камышу, где им более ничего бы не оставалось, как только снова погрузиться на корабли либо погибнуть. По словам г. де В., никто в русском лагере не сомневался в успехе предприятия. «В этот самый вечер Крым будет очищен», — говорили русские офицеры, и многие уже отдавали распоряжения к возобновлению наступления. Решили, что атака произойдет в ночь с 15 августа, дня именин императора. Естественно, французы в этот день праздновали, и многие офицеры очнулись от глубокого сна только при самом приходе русских. Когда заметили опасность, неприятель уже занимал окрестные возвышенности, и бесконечные артиллерийские обозы и несметные массы кавалерии готовы были хлынуть через Трактирный мост. Эту важную позицию заняло лишь несколько французских полков; в какой-то момент произошло замешательство, но французская храбрость взяла верх: пехотинцы и зуавы, совершавшие в тот день чудеса доблести, первыми бросились на русских. В столь краткий срок невозможно организовать регулярную оборону, но личная инициатива вполне возместила ее отсутствие. Простым офицерам пришлось взять командование на себя, да так ладно, что неприятель, вытесненный с холма, скоро был отброшен на равнину, где победа не замедлила склониться на сторону французов. Г. де В. был ранен чуть ли не в минуту окончания битвы; одна пуля попала выше колена, другая — оцарапала молодому человеку лоб, когда г. де Монтобан собирался его вынести.

Дела нашего любезного больного шли как нельзя лучше: силы возвращались к нему, он стал идти на поправку и, казалось, был вне опасений. Я поспешил сообщить эти добрые вести его матери. И вот письмо, которое она прислала мне в ответ:

«Аренсбург, 14 октября 1855 г.

Высокопочтимый господин пастор!

Как отблагодарить вас за внимание, с каким вы отнеслись к моему сыну? Мы с супругом можем лишь молить для вас Божье благословение. Господь благословит вас за все, что вы делаете для нас.

Нет нужды говорить, как болезненно поразила мои материнские чувства печальная новость, и все же я благодарила Бога за его доброту. Без вас, сударь, мы до сих пор были бы в неведении о судьбе нашего сына, самого драгоценного из наших земных богатств. Этот бедный ребенок — все наше счастье, и мы счастливы знать, что у него есть такой друг, как вы. Человеческий язык не в силах передать, в какой тревоге мы жили; но Господь сжалился над нами и прислушался к нашим молитвам, да услышит он и нашу благодарность!

А вы, господин пастор, закончите свою миссию по отношению к моему сыну, не покиньте его, сохраните вашу благодушную привязанность к нему, не оставьте его без поддержки и совета.

Господь за это отблагодарит вас, а я буду благословлять вас всю мою оставшуюся жизнь.

Шарлота В.»

Это письмо сопровождали несколько строк, написанных достойным местным пастором. Вот что он писал мне:

«Дорогой брат по вере, взявшись доставить вам письмо г-жи де В., я присоединяюсь к скорбящей матери, чтобы поблагодарить вас за доброту к нашему бедному раненому. Хоть бы Всевышний, который побудил вас с таким тактом предупредить родителей, позволил вам также направить на добрый путь этого молодого человека. Его печальное положение (увы!) и страдания, которые он переносит, должны облегчить вам эту задачу.

Бог продлил ему срок своей милости, мы можем лишь восхвалять и восхищаться неисповедимыми путями. Надеемся, что в награду за патриотическое служение он выйдет из боев настоящим христианином, окрепшим в вере.

Грустно, что это резня меж братьев. Молим Бога, чтобы он прекратил ее и послал нам мир. Что касается нас, мы в этом мире несем через поля, орошенные слезами, как в мирное время, так и в войну, священную Христову хоругвь и посредством наших министров проповедуем в душах мир Иисуса Христа, пока смерть не разрушит наше сердце! Я молю Бога, чтобы он дал вам, как и мне, силы и вы привели к нему многие души.

Ваш брат по вере, К. Е. Х.»

Ранение и плен молодого В., казалось, сильно приблизили минуту его свидания с родителями. Доктор хотел отправить его сразу, как это станет возможным, в Одессу, где его обменяли бы, и он смог бы вернуться домой. Короче говоря, это было лишь делом времени, и он уже считал дни.

Часто он находил отраду в том, что с горящими от волнения глазами описывал мне остров Ёзель, где он родился, и водил меня на прогулки по его цветущим долинам и свежим пастбищам. Как озарялось его лицо, когда он рассказывал о своей матушке, о скором счастье обнять ее! Чистая кровь и благоприятный вид

раны давали повод для этой надежды и заставляли считать его выздоравливающим. Чтобы его развлечь, я давал ему все религиозные и другие книги, что у меня были, так как он оставался с нами еще почти шесть недель. Всем этим книгам он предпочитал собрание древних гимнов. Многие он знал и часто вечерами с удовольствием их мне читал. Такою была жизнь моего юного друга первые три недели после его пленения. Его приветливость и естественное добродушие завоевали все сердца. Врач ходил за ним как за братом, санитар знать ничего не хотел, кроме того чтобы быть ему полезным. Великие и малые — все интересовались им. Г. де Монтобан, подобравший его на поле боя, снабжал его бельем, приносил фрукты, вербовал ему друзей даже среди командиров армии. Без сомнения, невозможно было встретить сочетания качеств более привлекательных и более рыцарских. Что меня трогало еще сильнее — его глубокая вера и детская покорность Богу. Под пелюхом преходящего легкомыслия у него сохранилась божья искра, которая пробуждалась теперь с новым жаром. Сказывались набожное воспитание, христианская среда. Не было и следа спеси в этом юноше; он равно был любезен со всеми и благодарил за малейшую услугу. Не без огорчения узнал он о падении города и о поражении своих соотечественников, но, не прикрываясь несправедливым равнодушием, изо всех сил старался щадить самолюбие своих благодетелей. Отчасти я держал его в курсе политических событий и сообщал ему (поскольку он позволял мне это делать) все новости, какие мне удавалось раздобыть. Однако я предпочитал говорить с ним о Боге и отвлекал его мысли от земли, обращая их к небу. Он не замечал никакого ухудшения в своем состоянии, и рана не причиняла ему больших страданий. Весь вечер 17 сентября я провел с ним. Он показался мне еще более веселым и общительным, чем обычно. Я нашел его читающим свою книгу гимнов. Тот, что начинается словами «Чего бояться мне, когда Господь со мной?», он знал на память. Фраза эта излучала чистосердечную радость. «Гляньте, как я его выучил», — говорит он мне и читает от начала до конца.

Бедный юноша! Никогда не встречал я ни большей доверчивости, ни большей любезности! С радостью он рассказал мне о своей жизни, о многих обстоятельствах, когда Бог явно берег его. Большинство этих приключений относились к детству. Однажды он ехал с родителями в экипаже. На подъеме пошли пешком. Ребенок, отвлеченный дорожными происшествиями, бегал из стороны в сторону. В этот момент со склона понеслась тяжелая телега, нагруженная камнем. Она задела ребенка и опрокинула. Его подняли еле живым, с наполовину раздавленной ногой. Лечение было долгим и мучительным, тем не менее ногу вылечили, да так хорошо, что от раны не осталось и следа. Вторая история показалась мне еще более удивительной. Он был в Петербурге; играл, сидя на одном из окон третьего этажа. Вдруг — наклонился вперед и выпал. Все подумали, что он расшибся насмерть. Но сила падения только ошеломила его, не причинив никакого вреда. «Как добр Господь, — говорил он мне, — как много причин мне благодарить его!» И он изливал чувство благодарности Богу. Он рассказывал также о своей матушке и о счастье, которое он испытал бы, снова увидев дорогое лицо. «Я уже вижу, как она протягивает руки, чтобы обнять меня», — говорил он. Затем он представлял счастливую минуту, когда снова увидит цветущие, живописные берега острова Ёзель.

Но Бог, не постижимый в своих путях, решил иначе.

На два следующих дня неотступные обязанности заставили меня отлучиться от моего дорогого ливонца. Я смог вернуться к нему лишь вечером на третий день.

Меня поразило, что Александр де В. спал; бледность и безмятежное выражение лица придавали ему нечто ангельское. Несмотря на это, я не мог подавить зловещего предчувствия. Я пробовал успокаивать себя. Его покой могли нарушить стоны товарищей по несчастью и укусы насекомых. Но в глубине души я не был спокоен. Я не спал и на следующий день поспешил навестить моего протеже. О, горе! Вместо того чтобы обратиться ко мне с милым доброжелательным приветствием, каким он имел обыкновение меня встречать, он устремил на меня растерянный взгляд, странный взгляд. Лицо его после того, каким оно было накануне, совершенно изменилось. Черты были искажены, цвет — мертвенно-бледен; он смотрел вокруг блуждающим взором, и руки его судорожно метались, казалось, желая что-то схватить. Я пытался заговорить с ним, но с его почерневших уже губ слетали только бессвязные слова. Кроме остального, он жаловался на жесткую подушку. «Посмотрите же, из какого дерева ее сделали», — сказал он мне. Судорожные спазмы не дали ему продолжить. Друзья, санитары, больные — все переглядывались с подавленным видом. Я положил руки на его горячий лоб и силился успокоить его, но он меня не слышал. Появился доктор и нашел, что он очень плох. Доктор приписывал это изменение тому, что несколько часов назад внезапно произошло гнойное всасывание, и объявил, что всякая надежда потеряна. Потрясение было всеобщим. Я не мог поверить своим глазам и не покидал его весь тот день. Увы, теперь моя роль ограничивалась тем, чтобы молиться за него. Вечером перед уходом я последний раз препоручил его заботам санитаря. Этот человек, кроме того что ухаживал за ним с величайшей самоотверженностью, должен был позвать меня, если состояние больного ухудшится. Ночь прошла без происшествий, но на следующий день конвульсии возобновились. За мною спешно послали, но смерть опередила меня, и я пришел в тот момент, когда он только что скончался. Я смог только закрыть ему глаза и помолиться у изголовья о его родителях, о которых он рассказал мне накануне безмерного горя!

Г. де Монтобан помог мне отдать последний долг нашему другу. Мы собрали в пакет его одежду и все мелкие вещи, принадлежавшие ему. Потом мы отрезали прядь его волос, присоединили к этому пулю, ранившую его в бою у Трактира, и отослали все в русский лагерь с просьбой известить родителей покойного. Похороны состоялись следующим воскресеньем, 23 сентября, в прекрасный день. К похоронной процессии присоединились многие офицеры из наших друзей. По прекрасному совпадению, согласно Библии, это был день сына вдовы Наинской²⁵. Наши сердца нуждались в самых поразительных сопоставлениях, и слова мои внушали их моей аудитории. Под целительным впечатлением уроков Божьего Писания о смерти и возрождении мы опустили гроб, и земля сомкнулась над бранными останками юного чужеземца. Подобно пшеничному семени они уснули там, дожидаясь дня счастливого воскресения.

Яма зарыта, я отметил место, где мы хотели поставить крест. Этот крест, установленный нашими заботами, должен был, кроме имени покойного и даты смерти, носить надпись: «Блаженны почившие в Бозе!»

Теперь мне оставалось исполнить последнюю и самую трудную часть моей работы — сообщить горестную весть родителям. Они едва успели получить письмо, в котором я поддиктовку их сына абсолютно успокоил их на его счет, говоря, что все идет как нельзя лучше и что через месяц он сможет отправиться в Одессу. Нужно было за этим радостным посланием отправить траурное извещение.

Поначалу храбрость изменила мне, потом силы ко мне вернулись, и Господь, откликнувшись на мои молитвы, внушил мне то, что нужно было сказать. Известия от скорбящих родителей я получил в конце января в следующем письме:

«А., 22 декабря 1855 г.

Достойный господин пастор,

Я пишу вам из глубины сердца, разбитого самой непоправимой утратой. Благодарю вас, тысячу раз благодарю за все, что вы сделали для нашего ребенка. Слова бессильны перед таким чувством, и я не нахожу, как выразить вам нашу признательность. Все, что могу сказать вам, — это то, что в самом глубоком горе мы находим какое-то утешение, поделившись нашими мыслями с вами, представляя, как за нашим сыном ухаживали любящие руки, как окружали его духовная помощь и преданные заботы. Увы, мы, его родители, мы ничего не могли сделать для него. О, сударь! Вот уже двенадцать дней, как мы получили ваше письмо, и с тех пор сон еще не приходил к нам, чтобы дать хоть минуту покоя и сомкнуть глаза, выжженные слезами. Этот ребенок, единственный, которого нам дал Бог, составлял все наше счастье. С ним ушли наши радости и земные надежды. В глубоком нашем горе, однако, есть причина благословлять Бога. И, как прекрасно вы это сказали, какая утешительная мысль знать, что он спокоен в благодатной обители, навсегда защищен от всех страданий! О, хоть бы наш сын научил нас тому, что ведет на небо, чтобы однажды мы получили награду, соединившись навеки с тем, о ком горюем! Нет сомнения, Бог его любил и давал ему видимые доказательства своей милости. Он не дал ему умереть покинутым, он позволил ему встретить сострадающие сердца, заслужить всеобщую привязанность. Моя самая горячая благодарность прежде всего молодому человеку, который подобрал его на поле битвы, санитару, что ухаживал за ним...

В течение нашей жизни мы прошли уже много жестоких испытаний, но то, с каким мы столкнулись сейчас, превосходит все остальные. Какая печаль не только для нас — для всей семьи, и больше всего — для моего старика-отца, любимцем которого он был! Увы! Нужно отречься от того, чтобы увидеть его снова, в тот момент, когда мы готовились уже обнять его... Мой муж, подавленный, как и я, многие годы страдает от болезни. Только надежда в скором времени обнять сына поддерживала его, и после нашей утраты он снова слег.

Вы видите, сударь, мы более чем когда-либо нуждаемся в вашем внимании и ваших молитвах. Не откажите нам в них и соблагovolите принять выражение моей глубокой благодарности.

Ш. В.».

Мне оставалось исполнить и другие, не менее трудные обязанности. От смертного одра молодого русского я должен был отправиться к молодому офицеру-французу, который пал жертвой (и он тоже) храбрости, проявленной им у Трактира. Первый и единственный сын должен был смертью своей привести в отчаяние материнское сердце бедной вдовы, и нет нужды говорить, чего мне стоило сообщить ей эту новость. Оставался третий несчастный, раненный в то же время. У него было раздроблено бедро, и он безумно страдал. Все больные вокруг него выздоравливали или умирали. Один он, находясь между страхом и надеждой, не мог ни жить, ни умереть. Так он влачил свое существование долгие месяцы, перенося страшные муки со стоическим мужеством. Он прожил довольно, чтобы услышать о том, что появилась надежда на мир, и умер в тот самый день, когда его армейские товарищи,

погрузились, чтобы отправиться во Францию, в ту Францию, которую он страстно желал увидеть снова. Мы проводили его на кладбище холодным февральским днем при волнующих звуках похоронного марша. Густой туман подобно савану обволакивал поле. Я возвращался с сокрушенным сердцем, молящим Бога прекратить бедствия войны и ускорить минуту возвращения домой.

Глава шестая

Дом священников

 Севастополь был в нашей власти. Цель войны казалась достигнутой. Как описать всеобщее ожидание счастливого дня отъезда!

Но об этом еще нечего было и думать. Россия была унижена, но вовсе не сломлена; ее великолепный флот был уничтожен, это правда, а первый среди ее портов — разрушен, но эта бескрайняя империя была уязвлена лишь в одной точке и имела силы восстановить брешь. Колоссальное вооружение предвещало неизбежность новой борьбы, более страшной, если это возможно, нежели первая. Не было дня, чтобы армия не ждала приказа выступить и направиться форсированным маршем на Симферополь, а оттуда — на Одессу. В долгие дни вынужденного отдыха, наступившего вслед за штурмом, войсками владели самые авантюрные проекты. Активность бездвижных полков пробовали поддержать несколькими большими маршами через Южную Тавриду. Офицеры, вернувшись из экспедиций, рассыпались в похвалах красоте ландшафтов. По их словам, пейзажи были сказочными. Они рассказывали об очаровательных садах, о великолепных виллах, выходящих к берегу моря. Другие описывали бесконечные леса, долины, над которыми господствуют древние гегуэзские донжоны романтического вида²⁶. Этого было более чем достаточно, чтобы соблазнить нас и заставить мечтать об ином жилище. Но время не вносило никаких изменений в наше положение, армия бездеятельно жила лагерем в палатках, и солдаты убивали время, как могли. Без сомнения, эта неопределенность была тягостной, но наши занятия не оставляли времени на мысли об этом. День проходил в визитах к больным, вечер — в составлении утешительных или траурных посланий. Обязанность очень трудная! Может быть, самая тяжкая из всех. Нужно было передать мучительное последнее прощание, до крови ранить преданные сердца... Однако как отступить, если подумать о бальзаме, который мы смогли пролить на души, и о том, что в ином случае новость попала бы в материнские руки в виде простого свидетельства о смерти!

Среди всех этих печалей Бог дарил нам большие милости. Приезд нового коллеги, присланного мне в помощь на время зимы, доставил мне огромную радость. Общность радостей и переживаний скрепила нашу дружбу, и скоро мы стали неразлучны.

Дорогой и благословенный Анри! Как я люблю переноситься мыслями к бедному священническому жилищу, где мы оба жили напротив руин Севастополя. Твое присутствие не давало мне видеть запустение. Какая в тебе самоотверженность, какая неустанная энергия! Я постоянно вижу перед собой эти сияющие глаза, эти улыбающиеся и всегда готовые радовать неистощимым юмором уста, тысячу мелких недоразумений нашей трудовой жизни. Но я вспоминаю также последний миг расставания, минуту, когда, прижав свое растроганное лицо

к мосму, ты перенес меня крепкой рукой в шлюпку, на волны Черного моря. Я болен, я не смог бы идти. Но ты здесь, чтобы помочь мне добраться до корабля, который меня сейчас увезет. Оставшись на берегу, ты посылаешь мне сердечные знаки прощания, и я слышу ободряющий звук твоего голоса, кричащего: «До свидания!» Конечно, до свидания, но когда! Каждую Пасху я думаю о далеком кладбище, где покоится твой прах! Мне кажется, я вижу, как копаю в лучах восходящего солнца могилу, которая должна его принять. И я говорю себе, что, если наше единство отсрочено до лучших дней, то мы будем вечно радоваться ему на небе за звездами — ясными стражами твоей далекой могилы!

Двое моих коллег, моих наставников и предшественников в священнической службе, в конце лета должны были уехать обратно. Что касается меня, я должен был готовиться к тому, чтобы остаться, — перспектива в этом краю и в подобных условиях довольно тягостная. Я снова набрался храбрости, думая, что смогу разделить тяготы министерского труда с преданным другом. При первой встрече с ним мне казалось, что я не увижу больше Родину: трехмесячная усталость и нездоровая пища (животные страдали от эпидемий, как и люди) обернулись для меня болезнью, и в течение трех недель я, к горячему моему сожалению, вынужден был отказываться от визитов по госпиталям.

Человек замечает радости мира, только испытав горести войны. А Бог, казалось, еще не был расположен внять нашим молитвам. Армия готовила зимние квартиры, каждый устраивался так, чтобы возможно меньше страдать от сырости и холода.

Мы поступили, как другие, и я употреблял свой вынужденный отдых на создание плана маленького домика, способного приютить нас на зиму. Возрастающая сырость и ледяные холода по ночам настойчиво принуждали нас к этой перемене, и мы не могли долее жить на голой земле. Зато дни были великолепны, и я никогда не видел октября, прекраснее этого. Что до остального, то санитарное состояние в войсках было удовлетворительным, многочисленные отправки раненых значительно уменьшили работу, и я смог найти время, необходимое для обустройства.

Наш домишко, стены которого поднялись как по волшебству, вмещал, кроме нашей комнаты, кухню и конюшню. Слуги наши ночевали в палатке. Крыша состояла из нескольких досок, подбитых широкой холстиной. Конечно, мое произведение не согласовалось со всеми правилами искусства и не имело ничего от классического здания. Но из-за этого я не смотрел на него с меньшей гордостью. Соорудив конструкцию, я попросил принести извести, и работа быстро пошла к завершению. Наши побеленные стены были видны издали, и наше *протестантское жилище* вызывало всеобщее восхищение. Заметьте, что этот монумент имел дверь и окна — настоящие окна с рамами и стеклами.

Вскоре тепло от небольшой чугунной печки, которую мы держали зажженной день и ночь, высушило штукатурку и сделало наше обиталище пригодным для жизни. Радовался я не только своему переезду на новое место, но и тому, что я предоставлял хороший приют моему новому коллеге. Нужно провести три месяца в палатке, чтобы понять удовольствие жизни в доме. Сколько раз из-за ветра, сорвавшего полог палатки, мы оказывались вымокшими до костей или снятыми под открытым небом! Я обхожу молчалим корреспонденцию, прерванную тем же посетителем, перевернутые чернила, раскиданные бумаги и двадцать раз подряд погасшие и наново зажженные свечи. Необходимость класть на каж-

дую бумагу булыжник создавала иллюзию коллекции минералов. Не забудьте, что солнце туда не проникало и все было абсолютно сырм. И после трех месяцев такой жизни в лагере — приятное ощущение укрыться в стенах дома! Мы не избегали того, чтобы добиваться в нем все большего и большего удобства. Испытав себя в деле архитектуры, мы принялись за столярное и слесарное ремесло. У нас были дверь на задвижке и почти приличный пол. Конечно, наша комната одновременно служила спальней и столовой, кабинетом и туалетной комнатой, но она при этом не лишена была некоторого комфорта. Посетители наши завидовали главным образом шкафу и полкам, сооруженным одним из наших слуг, к счастью оказавшимся столяром. В равной степени мы гордились и нашим рабочим столом, который происходил из Севастополя, и испытывали удовольствие устраивать на нем все то, что до той поры покоилось на дне нашего сундука — тысячу маленьких сувениров, привезенных с Родины. Вечерами мы задергивали занавески и таким образом отграничивались от вида окружавшего нас лагеря и от солдатской суматохи. Короче говоря, при малейшем желании мы могли представить, что мы у себя дома и спокойно усаживались в своем кабинете.

Днем было хорошо заметно, что домишко этот сделан руками неумелыми; перочинный нож занял место рубанка, и наличники окон и дверей были вырезаны ножом. Впрочем, где было бы взять нам все необходимое для завершения строительства дома. Действительно, окна и двери не были вполне доделаны, но тем не менее это были окна и двери, и при закрытых дверных створках нас ничто не беспокоило. В палатке, где слышен любой шум извне, было не так. Это не все: сколько раз нас удивляло там нежданное появление пьяного солдата или заплутавшего всадника? При подобных помехах невозможно организовать размеренное домашнее богослужение. Но в самый вечер переезда мы собрали вокруг стола четверых наших слуг и с сего дня непременно совершали совместную молитву. Трое наших слуг были католиками, однако они весьма аккуратно присутствовали при совместной молитве, и есть основание полагать, что это пошло им на пользу.

Солдаты, назначенные прислуживать священникам, освобождались от тяжелого труда и опасной службы в траншеях. Понятно, с каким рвением они добивались места денщика. Право, которым мы обладали, — отправлять их обратно при малейшем поводе к недовольству — делало их абсолютно покорными, и мы не слишком сетовали на них.

Один, протестант, особенно привязался к нам; это был человек набожный и кроткий, по природе своей противник всякого насилия, приходивший в ужас от необходимости проливать человеческую кровь. Он вовсе не относился к роду людей, из которых получаются герои, и полностью удовлетворился, пойдя к нам на службу. По трогательному совпадению, его назначили нашим ординарцем в тот самый день, когда его рота должна была в первый раз отправиться в траншеи.

Трое его товарищей, истинных южан, не умели ни писать, ни читать, однако угодить нам старались всячески. Один только наш повар порою грешил чревоугодием. Но он был женат, отец семейства и при малейшей угрозе просил у нас пощады не для себя, но для бедной жены и малого ребенка. И все это посредством обещаний и уверений в преданности. Разумеется, мы смягчались. Впрочем, слуги наши не пьянствовали, и от них никогда не слышали ни грубого, ни низкого слова. В сущности, вели они себя хорошо, и мы смогли сохранить их до конца кампании.

Дожди начались к середине ноября, вечером, когда мы собирались для молитвы. Молитва окончена, мы спокойно принялись за чай, радуясь, что впредь имеем приют. Погода была ужасной — ночная буря. «Как хорошо жить в доме», — говорил я себе. И как только в голову мне пришла эта мысль, я заметил на потолке черное пятно. Вода сочилась со всех сторон и большими каплями падала на пол.

Наводнение незамедлительно достигло грунта. Скоро пол стал представлять собою нечто вроде лужи. Вода, капая со стен, мочила кровати, портила мебель. Каучуковые плащи были растянуты в качестве чехлов, зонты накрыли бумаги и книги. Сделав это, мы спокойно возобновили нашу работу. К полуночи дождь ослабел и мы собрались ложиться. Но скоро он снова поднял нас. Пришлось спать под зонтами. Наутро солнце осветило довольно комичную сцену: кровати наши буквально плавали по воде, наши миленькие белые стены походили на географическую карту, где реки, озера и моря были выкрашены желтым.

Бравые наши слуги, стоя на дощатом островке, бурно вздыхали. Мы заметили, что для них было бы лучше нам помочь. Они притащили к нашим кроватям сухие доски, и мы наконец смогли подняться. Скоро дыры в крыше были заделаны, и мы, сколько это было в наших силах, обсохли у печки. По сути, ущерб был меньшим, чем мы предполагали, а приключение — просто комичным. Снаружи буря сделала много других разрушений, невозможно представить состояние дорог, до того довольно приличных. Они стали похожи на только что перепаханное поле. Наши лошади, естественно, встревоженные, храбро скакали по грязи; что касается их хозяев, они, как правило, возвращались заляпанные до подбородка грязью. Отметим, что стоило нам сойти с лошадей, как они использовали наше отсутствие, чтобы принять грязевые ванны. Они валялись там всласть, и чаще всего к нашему возвращению на их спинах не оставалось сухого места. Труднее всего было пробить дорогу к нашим лошадям: тысячу раз мы утопали по колена в грязи, обеими руками вытаскивали одну ногу, потом другую и сапоги, отягченные несколькими фунтами жирной земли. На исходе нескольких дней за дождем пошел снег, и после нескольких морозных ночей снова можно было ходить, не замочив ног. Первый погожий день мы использовали для прогулки в Балаклаву, чтобы запастись на зиму всем необходимым, и прежде всего непроницаемым покрытием для крыши.

Когда-то Балаклава была небольшой деревней, но англичане выбрали ее для места высадки и война преобразила ее чуть ли не в город. Там обустроилось множество торговцев, снабжающих армию всем необходимым за обычные по военным временам цены. Выехали мы спозаранку, завернувшись в большие походные плащи. Палатки покрывал снег, между ними, чтобы согреться, бегали, опустив синие капюшоны, часовые; эти военные виды напомнили мне старые гравюры, висевшие на стенах родительского дома. Там были сцены, заимствованные из первой русской кампании, и среди прочих — переправа через Березину. Теперь всадники в белых плащах, с руками в карманах, осторожно ведущие коней в поводу к водопою, заставляли меня невольно вспомнить об отставших французах, изображенных на этих гравюрах. Разумеется, наши солдаты не боялись подобной участи; устав от службы минувшей ночи, они, напевая, завтракали и казались веселыми и бодрыми.

Чем более мы приближались к горам, тем живописнее становилась местность. Обнаженный пейзаж прятался под толстым слоем снега, и палатки англичан при-

бавляли привлекательности этой картине. На фоне полупрозрачной лазури выделялись горы, где стояли лагерем русские, и лагерь их имел вид поистине волшебный. Чтобы сократить путь, мы направились по тропинке, по всем признакам более прямой, нежели военная дорога, и были далеки от мыслей о малейшей опасности. Однако здесь были только глубокие овраги, крутые склоны которых заставили бы отступить серну. Красота дороги делала нас безрассудными; наши храбрые лошаденки сразу попробовали проскользнуть вдоль по склонам, но — с риском сломать шею; мы спешили и взяли их под уздцы. Станный, почти фантастический облик здешних обитателей еще усугублял дикий характер окрестных видов. Здесь паслась истощенная кляча, а там лошадь издыхала среди конских скелетов, наполовину погребенных под снегом. Эти удручающие сцены беспрестанно возобновлялись, и мы поняли, что здесь место, предназначенное англичанами для свалки. Наши лошади не нашли пребывания здесь приятным и, шумно фыркая, поспешили вывезти нас из оврага. При входе в долину на вершине высокой горы виднелась татарская деревня; кто-то из жителей, типичные азиаты в пестрых одеждах, прошли рядом и пристально на нас посмотрели. Наконец мы выбрались на военную дорогу: вместо того чтобы сократить дорогу, мы поехали по самой длинной.

«Под Севастополем, 1 декабря 1855 г.

...У ног наших Балаклава; кажется, видишь маленький английский порт — так все там аккуратно и вместительно. Каждый предмет движется размеренно и в строгом порядке: отсюда огромная экономия времени и сил. Изящные локомотивы английской армии пересекают долину; какой бы временной ни была здешняя железная дорога, она служит огромную службу; именно по ней армия снабжается боеприпасами. Героический характер всего предприятия здесь проявляется еще раз: перевезти армию в 400 000 человек на расстояние более чем 800 лье; посылать ей по морю провиант, одежду, жилища; снабдить ее железной дорогой и телеграфами и исполнять в этой дикой стране все чудеса новейшей стратегии — поистине здесь наши потомки нашли бы предмет для эпоса вроде «Илиады» или «Энеиды»!

Мы пересекаем красивые широкие улицы. Какими неутомимыми выглядят английские солдаты, как хорошо чувствуют себя рабочие и погонщики, которые управляют большими транспортными возами, запряженными английскими лошадьми! В прошлом году обстояло не так; армия вынуждена была сносить самые жестокие холода без удовлетворительной пищи, без подходящих средств отопления. Здесь говорят факты, и мы видим результат благородных выступлений в Парламенте в защиту бедных солдат.

Англичане позаботились не только о материальном, но еще и о духовном благополучии каждого. Многочисленные священники с помощью простых мирян, миссионеров, распространителей Библии исполняют свое предназначение действенным образом. Долгими зимними вечерами организованы «чтения», вольные ученые и религиозные заседания, и многие солдаты посещают эти собрания очень усердно. Несколько читальных залов, снабженных большими библиотеками, ежедневно открыты для солдат; организованы даже концерты, чтобы удовлетворить взыскательность любителей музыки. Что касается больных и раненых, ими занимаются особым образом; известна самоотверженность мисс Найтингейл²⁷, этой добровольной диаконессы, которая, происходя из высшего английского общества, основала и оборудовала балаклавские больницы, сверх того создала боль-

шой госпиталь в Скутари, где английские больные встречают столь совершенные заботы. В Балаклаве каждый воздаст себе хвалу, но прежде всего превозносят крепость своего характера, жар своего милосердия и старания²⁸. У наших союзников — преимущество перед нами в женских заботах. У нас генералы, считая, что проникновение женщин в лагерь нарушает законы благопристойности, запретили им идти в сестры милосердия. В Константинополе, напротив, женщины заняты уходом за больными, и наши коллеги беспрепятственно превозносят героическую простоту, с какой они трудятся подле солдат, не различая их вероисповедания».

Наша прогулка в Балаклаву завершилась посещением многочисленных *store-houses*²⁹. Хороший английский язык моего друга Бабю всюду обеспечил нам самый милостивый прием. Магазины были снабжены довольно хорошо, в особенности продуктами питания и предметами роскоши. Мы нашли там вина, сахар, апельсины, говоря короче, почти все, что можно добыть за деньги; зато мы должны были отказаться от поисков единственной вещи, которую искали, — я имею в виду просмоленное полотно для предохранения нашей крыши и для нашей защиты от будущих наводнений.

В дорогу домой мы отправились расстроенными. За снегом последовал дождь, и, вернувшись, мы нашли нашу комнату затопленной. Пришлось предпринять полное переселение и спасти самые важные бумаги. Сцены потопа возобновлялись ежечасно и угрожали стать бесконечными, когда на помощь пришел друг, капитан Салансон. Он прислал нам из Севастополя цинковое покрытие, и с тех пор мы могли спать в сухом месте.

К несчастью, наш бедный священнический домишко имел еще и другие недостатки. Мы были решительно плохими архитекторами. Стены у фундамента, слишком неглубокого, чтобы противостоять размягченной земле, сильно наклонились. Однажды ночью рухнула стена в конюшне, в другой раз ветер унес крышу с кухни, и на следующий день все наши запасы оказались под снегом. В комнате от потолка постоянно отставали куски штукатурки и с грохотом падали. Но, слава Богу, никто из нас не был ранен, и каким бы ни был шатким наш домик, хозяйева нашли в нем приют и защиту до конца кампании и еще вспоминают его с благодарностью.

Глава седьмая

Церковь в лагере

 суббота, вечер; наши взмыленные лошади только что уведены в конюшню, где Жан заботливо обтирает их соломой и, лаская, сообщает, что завтра они смогут отдохнуть. Дом чисто выметен, и вся забота священников — воскресный туалет. Походные шинели, сапоги, хлысты тщательно приведены в порядок, и пасторы, склонившись над Библией, готовят завтрашнюю проповедь. Право, они пока лишены опыта, но столь серьезные уроки в окружающих нас условиях возмещают молодость лет и наводят на глубокие размышления. Впрочем, среди нас Анри Бабю, племянник величайшего проповедника Франции, и его ранние годы были озарены лучами блестящего красноречия Адольфа Моно.

К полуночи, обдумывая завтрашнюю речь, мы ложимся спать, счастливые, что с Божьей помощью завершили труды недели, что видим луну, которая восходит и обещает нам мирную ночь.

На рассвете нас пробуждает сигнал подъема. С какой торжественностью звучат его аккорды в утренней тишине! Мы совершаем домашнее богослужение; пока мы совместно молимся, раздается звон колокола. Это первый сигнал к мессе. Скоро при звуках музыки и в окружении генерального штаба маршал направляется к часовне, остроконечная колокольня которой возвышается посреди штаб-квартиры. Строение деревянное, но снабжено всем необходимым для католического богослужения. Орган заменяют музыканты императорской гвардии, которые в торжественные моменты мессы играют свои великолепные мотивы, чтобы усилить блеск богослужения.

Недалеко от католической часовни и всего в нескольких шагах от нас — небольшой барак с крестом наверху, он служит для нас церковью. Это здесь мы каждое воскресенье совершаем Божественную службу. Какая разница с прекрасным севастопольским храмом, которым мы однажды мечтали владеть! Рабочий стол, покрытый черным сукном, одновременно служит нам кафедрой и алтарем. Несколько скамеечек, несколько плохо закрепленных лавок служат сиденьями, и крысы суетятся без страха в течение всей службы. Конечно, все это — бедность, почти убогость. И все же сколько у меня осталось дорогих воспоминаний о бедном бараке! Какое дыхание Божественного разума чувствовалось там среди грома войны и солдатской суматохи!

Мы без труда добились позволения устроить протестантскую часовню — преимущество тем более драгоценное, что в большинстве дивизий католические капелланы служили обедню в палатке или на открытом воздухе. Чтобы лишить солдат всякого повода уклониться, в приказ для всех полков было также вписано извещение о протестантском богослужении.

Решили, что торжественное открытие нашей церкви состоится 2 сентября 1855 г. При этом торжестве помогало несколько офицеров. В их сопровождении мы направились из нашего барака в тот, что отныне служил нам храмом. Солдаты инженерных войск старались изо всех сил, но, несмотря на усердие, они еще не полностью выровняли грунт и сиденья опасным образом шатались. Вопреки этим мелким помехам все прошло как нельзя лучше. Между тем нас не встречал ни звук колокола, ни пение хоров, но, когда мой дорогой коллега принялся читать Евангелие, когда мы запели французские псалмы, волнение было всеобщим. У всех на глазах навернулись слезы, и волнение удвоилось, когда мы, священные три раза воззвали к Богу, чтобы он благословил храм.

Позднее я организовал службу на немецком для солдат, понимающих только этот язык. Присутствующие набирались в основном среди солдат и выздоравливающих больных иностранного легиона. В воскресенье перед Рождеством я впервые совершал службу на немецком языке, и на их родном наречии раздались прекрасные слова: «Крепкая защита — наш Бог».

Наша аудитория состояла человек из сорока, пришедших за несколько лье, не боясь дождя и бури, со всей округи, чтобы присоединиться к собранию верующих. Тут без различия чинов и званий садились старшие офицеры и простые солдаты, сильные юноши и выздоравливающие больные с бледными лицами. Больные и здоровые благодарно внимали слову пастора; оно напоминало им Родину, мирные воскресенья, когда пастор доносил до них то же Евангелие.

<...> Да, в нашей хижине под Севастополем мы встретили множество свидетельств преданности и сочувствия, много прекрасных слов благодарности.

Однако мы и предположить не могли, что наша церквушка увидит праздник крещения. Это было в прекрасное октябрьское воскресенье. Верхнюю часть алтаря покрывала белая скатерть; подле Библии установили красивую овальную чашу.

Солдаты наши с удивлением смотрели на эти приготовления, но каково же было их изумление, когда около двери остановился экипаж и из него вышла женщина, несущая младенца в белом. Две дамы проследовали за ней в сопровождении двух офицеров иностранного легиона и заняли место перед алтарем. Тем временем маленькая, едва ли двухмесячная, девочка принялась кричать и ее пришлось унести. Детский крик, довольно необычный в подобном месте, произвел большую сенсацию среди наших храбрых солдат. После проповеди я направился к алтарю и объявил, что состоится обряд крещения. Внесли успокоившегося ребенка, и я смог приступить к церемонии. Солдаты очень внимательно следили за каждым движением, и волнение было всеобщим, когда я, окропив водой открытую головку ребенка, окрестил его во имя Отца, Сына и Святого Духа. Это была, поистине трогательная сцена: мать в кругу бородатых лиц со слезами радости целовала ребенка, солдаты казались не менее растроганными, и каждый с любопытством разглядывал крохотное создание, только что крещенное и получившее прекрасное имя Мария-Виктория. Это происходило накануне отъезда императорской гвардии, где было столько протестантов. Многие солдаты в последний раз присутствовали на богослужении в лагере, и эта столь необычная церемония должна была оставить у них воспоминание, вдвойне дорогое. А вот почему девочку крестили в военном лагере.

За несколько дней перед этим, в самую минуту, когда я собирался отправиться с визитами по госпиталям, у нашей двери остановился экипаж. Из него вышел прилично одетый мужчина и спросил протестантского священника. Слуга его впустил, и он попросил меня немедленно поехать с ним в Камыш на похороны сына часовщика-протестанта. «Родители в отчаянии, — прибавил он, — и, когда я узнал, что здесь есть протестантские священники, тут же отправился в дорогу, чтобы просить вас принести бедным людям религиозное утешение».

Я, не медля, взял ясу, литургию и Библию и сел в экипаж, в то время как иностранец сел на мою лошадь, которая в тот же вечер должна была привезти меня обратно. Мы быстро проделали путь почти в два лье и оказались возле дома часовщика.

Камыш, как и Балаклава, походил на большую базарную площадь; все здесь дышало страстью к коммерции, и жили здесь, только чтоб заработать денег. Мы вошли в дом, сильно напоминающий базарный сарай, и я содрогнулся, представив, как не подходит подобный кров для больного ребенка. В сущности, санитарное состояние в Камыше не было плохим, и наши солдаты, так часто страдающие от эпидемии, говорили презрительно о его жителях: «Эти люди не дают себе времени даже болеть!» Без сомнения, они пользовались дурной репутацией, эти *торгаши*, как называли в армии торговцев, ведущих коммерцию на театре войны. В какой-то мере они заслужили плохую репутацию; многие из них ради наживы пожертвовали безопасностью семьи. Естественно, они очень дорого продавали свои товары, думая только о том, как быстрее выручить крупную сумму и поскорее вернуться на родину. Среди них был и часовщик, отец ребенка, которого хоронили. Несчастный человек лежал на койке, изнуренный лихорадкой. Его давил двойной груз: усталость и горе. Рядом с ним покоился труп красивого двухлетнего ребенка. Мать,

молодая женщина с добрым и искренним лицом, кормила грудью новорожденного; она безмолвно плакала, омывая слезами розовое личико младенца.

Я занял место рядом с ними и дал им возможность говорить. Муж, швейцарец, был в отчаянии. Он душераздирающе рыдал и рассказал мне, что только любовь к родным заставила его предпринять это путешествие. «Я хотел видеть их богатыми, независимыми», — говорил он. И прибавлял, что, забрав ребенка, судьба отобрала у него все и он никогда не сможет смириться с этой потерей.

Я хорошо видел, что его жена, более покорная, осуждала это неистовство, вызванное горем. Но посчитал, что не должен прерывать безутешного отца. Наступило бессилие, я в свою очередь попробовал говорить и скоро заметил, что это сердце, озлобленное горем, не было недоступным для религиозного утешения. Однако успеха я добился лишь наполовину. Если этот несчастный перестал винить судьбу, то только для того, чтобы обвинить во всем самого себя и назвать себя убийцей собственного ребенка. По его словам, он один был причиной этого несчастья, а вина заключалась в том, что он не остался в Швейцарии. Я потратил много сил, чтобы убедить его, что это испытание было в замыслах Бога и не в человеческой власти было этого избежать. Наконец он немного успокоился и сокрушенным голосом повторил слова Иова: «Всевышний дал мне его; Всевышний у меня его забрал; да благословится имя Всевышнего!» Когда под вечер на похороны пришли приглашенные, он был спокойнее и смог помолиться со мною над телом своего ребенка. Мы подняли несчастное тельце, и длинная процессия, идущая за протестантским пастором, произвела сильное впечатление на многочисленных жителей Камыша. Мы направились на кладбище, и собравшаяся толпа почтительно внимала словам речи, что я произносил над могилой.

Когда мы возвращались с кладбища, довольно удаленного от города, вечерело, и домой я отправился уже ночью. Мне предложили проводника, но я имел неосторожность отказать, полагаясь на инстинкт лошади, которая раз двадцать ходила по этой дороге. Как можно быстрее покинул я Камыш и направился по тропинке, которая, по моим расчетам, должна была намного сократить путь. Но скоро заметил, что заблудился и нахожусь в какой-то пустыне. Ни куста, ни дерева, ни дома, который мог бы служить ориентиром. Однако храбрость меня не покинула, так как лошадь, не спотыкаясь, шла вперед. Вдруг мне почудилось, что я различаю человеческие фигуры. Я спросил дорогу, но ответ показался мне весьма сомнительным, и я счел благоразумным поскорее оттуда удалиться. Больше двух часов я, спотыкаясь, ездил через рвы, овраги, груды камней, нигде не замечая света; одни только звезды освещали мое ночное путешествие.

В конце концов я заметил красный огонек — далекий костер бивуака; я пустил в ход шпоры и скоро различил смутные очертания нескольких палаток. Шагающий впереди часовой крикнул: «Кто идет?» «Заблудший священник», — был мой ответ.

Часовой сразу позвал дежурного офицера, и тот очень любезно дал мне все необходимые разъяснения.

Бог знает, как мне это было полезно! Я оказался в двух шагах от монастыря Святого Георгия, и мне оставалось еще одно лье, чтобы добраться до своего жилища. Мне дали проводника до штаб-квартиры, где я чувствовал себя как дома. Как счастлив был я в тот вечер снова увидеть многочисленные огни лагеря и яркий свет кузницы, расположенной возле нашего жилища!

Белый конь радостно заржал, чуя возвращение своего черного товарища, и мои коллеги и слуги с радостными криками выбежали мне навстречу. Они ждали меня с захода солнца, и страх за меня не дал им поест. Мы сели за стол, проникнувшись благодарностью к Богу. Никогда еще мы не ужинали так поздно; рассказ о моем приключении служил приправой к нашей пище.

В тот же вечер мне сообщили об одном обстоятельстве, которого я не знал. По словам наших друзей, берег Черного моря был наводнен бандами дезертиров и разбойников. Прячась днем, эти мерзавцы выходили вечером из укрытий, чтобы заставить врасплох и грабить путников. Некоторое время тому назад молодой офицер из Камыша подвергся нападению и был обязан спасением только резвосты своего коня.

Через несколько дней я снова заехал к семье часовщика; неистовство бедного отца, вызванное горем, уступило место безмолвной скорби. Он сообщил, что намерен вернуться в Швейцарию, пока не испортилась погода, и в связи с этим привести в порядок свои дела. При этом он сказал, что у него остается ко мне просьба. Я отвечал, что счел бы за счастье быть ему полезным. Он пожал мне руку. «Моя маленькая дочь, — сказал он, — еще не крещенная, и мы, я и жена, были бы вам очень признательны, если бы вы согласились окрестить ребенка в вашей часовне». Я согласился с готовностью, и так одно из богослужений, к великой радости наших военных прихожан, было украшено церемонией крещения.

Вскоре после выдачи родителям выписки о крещении ребенка я застал их за упаковкой вещей; позже я узнал, что они счастливо прибыли в Швейцарию. Прощаясь, отец преподнес мне в подарок серебряный кубок с выгравированным названием *Севастополь*; сейчас этот кубок служит моим детям и, когда случайно попадаете мне на глаза, я вспоминаю мою маленькую дощатую церковь с украшениями столь скромными и с прихожанами столь верными. С тех пор я крестил многих детей, но никогда — с таким волнением, как Марию-Викторию.

Да пребудет с тобой Божья милость, маленькая Виктория, как в памятный день, когда под взглядами собравшихся военных ты была возрождена водою купели!

Этот последний визит в Камыш по разным причинам не истерся в моей памяти. Он совпал с отъездом нашего дорогого коллеги, пастора Мейнаде; в этот самый день он погрузился на корабль, чтобы среди своих прихожан, ждавших его с нетерпением, вернуться во Францию. А мы с Бабю оставались на печальном театре войны и скорби. В то время как мы, растрогавшись, желали ему счастливого пути, он призывал для нас Божье благословение, мужество и силу, необходимые, чтобы перенести тяготы зимы. Неодолимое желание уехать вместе с ним охватило нас, когда, опершись на перила палубы, мы наблюдали за приготовлениями к отъезду. Лодки, расцвеченные флагами, мириады барок подвозили солдат императорской гвардии, победоносно раздавалась военная музыка, на лицах отъезжающих выражалось счастье. В знак сердечного прощания пелись только веселые песни, радость изливалась из сердец и из уст.

Добираясь до парохода, на который садился наш коллега, мы прошли в кильватере флагманского корабля. На носу огромными буквами сияло его название «Монтебелло». Мне вспомнился друг юности, о котором я знал, что он подле адмирала. По лестнице мы поднялись на судно, и первым, кого я встретил, был как раз мой земляк, лейтенант Тюркхейм. Он был занят наблюдением за погрузкой войск, и времени у него хватило лишь на прощание со мной. Толпа солдат,

прибывающих со всех сторон, разделила нас. Я уже собирался удалиться, когда путь мне преградил гвардейский пехотинец и на виду у всего войска сдвинул меня в своих объятиях. Он громко поблагодарил меня за проповеди, которые он слышал, за визиты, которые мы ему делали в течение кампании, и закончил тем, что пожелал нам всяческих благ и счастья.

Излияние благодарности, исходившее из сердца бравого эльзасца, с лихвой возместило мне терзания по Родине, томившие меня с утра. Я увидел в этом особый знак Божьей милости и домой отправился, почти успокоившись. Сердечные слова прощания слышались со всех сторон. Скоро приготовились к отплытию, и мы в несколько взмахов весел оказались на берегу.

Заходящее солнце освещало наше возвращение домой. Мы более не чувствовали в себе храбрости беседовать. Но молча пожали руки, в душе пообещав себе облегчать друг другу наши обязанности и работать для дела Господа, пока ему угодно удерживать нас в Тавриде.

Глава восьмая

Русская зима

«Зима! Несносная зима!..» — так у нас поют дети, когда по вечерам, собравшись у очага, слышат шуршание снега и крупы. Но они и понятия не имеют о том, что действительно заслуживает названия «несносной зимы». Я и мой бедный друг познали это на собственном опыте. Сколько раз северный ветер, несущийся по необозримым степям, забрасывал нам снег через плохо затворенные окна! Проснувшись, мы обнаруживали тонкий слой снега на наших одеялах. Грязь и наводнения, бывшие в конце осени, скоро уступили место снегу и льду, и последние недели 1855 г. оставили в моей памяти много болезненных воспоминаний.

В предыдущем году 14 ноября на всем пространстве полуострова свирепствовал чудовищный ураган, срывавший и уничтожавший бараки и палатки, пустивший ко дну Черного моря сотни кораблей, стоивший жизни очень многим людям. Но это был только прообраз бесчисленных страданий, ожидавших нас будущей зимой. 14 ноября 1855 г., в годовщину знаменитой бури, погода была настолько хорошей, что солдаты толпами отправлялись купаться в бухту Килен-балки.

Но на следующий день страшная катастрофа ознаменовала переход от лета к зиме. Правда, катастрофа эта не имела эффекта бури, но ее последствия не менее умножили бедствия, неотделимые от зимы.

На Инкерманском плато возвышалась ветряная мельница³⁰; ее длинные крылья господствовали над местностью и виднелись издалека. Англичане использовали каменные строения мельницы для хранения пороха. Напротив находился французский артиллерийский парк, отделенный лишь небольшим оврагом. Незадолго до этого на территории парка сложили порох в мешках, захваченный в Севастополе, и, вознамерившись в скором времени перевезти его в более безопасное место, лишь слегка присыпали землей. Вокруг стояли лагерь 2-й корпус французской армии и значительная часть английских войск; совсем рядом находилась также деревенька, заселенная торговцами; у подножия холма располагались два наших госпиталя, а в отдалении сотни шагов — третий.

Я и Бабю только что закончили посещение первых двух госпиталей и направлялись к третьему, находившемуся по дороге домой.

Я вошел в первую палатку и обратился с речью к нескольким больным, держа при этом за стойку палатки.

Вдруг раздается взрыв — самый ужасный, что я когда-нибудь слышал. Земля сотрясается в своем основании; стойка палатки, как соломинка, ломается в моей руке; горизонт покрывается самым что ни на есть густым мраком; извержение продолжается, а я стою на месте, оглушенный грохотом, подобным залпу нескольких тысяч орудий.

Выскочить из палатки, позвать моего друга — такова моя первая мысль. Но — и его тоже. В тот же миг я замечаю, что он выходит из палатки бледный как смерть. Он не в состоянии ни держаться на ногах, ни идти. Вокруг нас со зловеющим шипением летят сотни ядер; густой дым заполняет пространство и душит нас; присутствующие при этой ужасной сцене падают ниц, прижимаясь телом к земле и неподвижно ожидая, когда закончится дождь из ядер.

Не зная причины происшедшего, Бабю бросается обнять меня; в этом смятении у нас лишь одна мысль — бесконечная благодарность Тому, кто только что уберег нас от ужасной смерти. Понемногу густой вихрь рассеивается, и мы осознаем, что случилось. Из французского артиллерийского парка поднимается черный столб дыма, смешивающийся с наводящими страх отсветами; оттуда вылетают раскаленные добела ядра и снопы пламени, разносящие гибель по всей округе. Это порох, захваченный у неприятеля (его там 800 квинталов³¹), и бесчисленные снаряды, которые загорелись и взрываются на воздух.

Разумеется, мы стараемся как можно быстрее вернуться к скорбному месту, к нашим больным, сейчас таким тихим и, быть может, умирающим. Но лошади наши в суматохе потерялись. Солдат, державших их за поводья, они уволокли на приличное расстояние. Наконец мы находим дрожащих от испуга лошадей. Звук нашего голоса и ласки скоро успокаивают их. Торопясь вернуться обратно, мы пускаем лошадей рысью.

Памятное путешествие! Перед нами — густой дым, откуда вырывается пламя; со стороны русских — усилившаяся канонада; вокруг нас — смятение. Бледные от страха люди; разбежавшиеся в поисках убежища кони; полураздетые и помешавшиеся от ужаса больные бегут от своих коек, здоровые бросаются им навстречу; генералы, интенданты, врачи несутся галопом — все это в беспорядке и невыразимой сумятице. Санитары бегут с носилками. Все устремляются к госпиталям, но у подножия холма нас вновь постигает ужас: дорогу преграждает неслыханная масса пеших и конных беглецов. Чьи-то руки хватают за повод наших лошадей и поворачивают их вспять. Удушливый дым заволакивает всю сцену, и среди треска и взрывов звучит один-единственный крик: «Спасайся кто может! Мельница горит!» Нас уносит вихрь, кони наши кусают удила и бешутся от ужаса. В любое мгновение мы ожидаем смертоносного удара. Но, по счастью, это лишь ложная тревога. Большого взрыва можно более не опасаться. Хотя только что мы избежали огромной опасности. Силой взрыва с мельницы сорвало крышу, еще немного — и одна из тысяч бомб, летящих во все стороны, упав туда, погубила бы нас всех.

Англичане уже на крыше и, проявляя героическое хладнокровие, в мокрой одежде заделывают дыры. Ядра сталкиваются у них над головами, но они обра-

щают на это не более внимания, чем если бы это был град. С невообразимой быстротой они спасли пороховой склад и отвели опасность.

Мы спешиваемся у первого госпиталя; здесь больных не затронуло, но они бледны и взволнованны от испуга и убеждают нас дальше не идти, так как справа и слева летят ядра и бомбы. Но нам нужно двигаться вперед; мы прочно привязываем лошадей и бежим к месту катастрофы.

Мало-помалу наступает мрак; темные облака закрывают солнце, и дорогу нам освещает лишь зловещий отсвет пожара, занявшегося от взрыва.

Скоро нам встречаются первые жертвы дня; санитары молча несут на носилках мертвых и умирающих; опираясь на товарищей, ведущих их в уцелевшие госпитали, идут раненые. Дорога заполняется этой печальной процессией. С трудом по дороге идет молодой офицер, завернувшийся в шинель и с перевязанной головой. Это друг, любезный молодой капитан от инженерных войск. Страх парализовал его члены, все тело сотрясается в сильной лихорадке, по лицу струится кровь. Я силюсь поддержать его, веду в ближайший госпиталь. Там я промываю ему раны и с огромной радостью вижу, что он приходит в себя. Кровь, сочившаяся по лицу, шла из простой ссадины, нанесенной качнувшейся балкой. К счастью, рана эта нисколько не была серьезной, но ужас настолько охватил его, что он сделался больным. Он долго оправлялся, и непроизвольная дрожь охватывала его при воспоминании о несчастном происшествии. Когда до него донесся первый гул, он делал чертеж, спокойно сидя за столом. Барак обвалился на него, и все вокруг разрушилось.

Я передаю его на руки санитаров и спешу на помощь другим жертвам. У одного проломлена грудь, у другого взрывом бомбы изувечен глаз, третий, плача, показывает раздробленную руку, окровавленное тело. Мы спешим прежде всего определить наиболее серьезно раненных, помочь занятым хирургам сделать первые перевязки. Какое зрелище представлял собою госпиталь в этот день! Несчастные числом в четыре сотни, как убитые, лежали на земле, и с трудом можно было объяснить себе, как вышли они живыми из подобного бедствия.

Мы вернулись домой в полночь полумертвыми от усталости, намереваясь следующим утром снова отправиться к роковому месту. По счастью, зло оказалось не столь огромным, как можно было думать поначалу. Серьезные ранения были относительно редки, и не многие раненые умерли. Зато потрясение от ужаса многих сделало больными. Иные, напротив, были обязаны ему исцелением. Один юноша был спасен почти чудесным образом. «Я был среди обломков, — рассказывал он нам, — как погребенный заживо; поперек груди у меня лежала тяжелая балка, и я боялся задохнуться; но вот влетает бомба и попадает в эту балку. Балка послужила мне щитом, и я спасся от смерти». Другой был в тифу; балкой ему поломало правую ногу, но лихорадка сразу же прекратилась и юноша, от которого врачи уже отказались, не замедлил выздороветь. Этот необычный курс лечения удивил всех, и об этом долго говорили.

В самую ночь с 15 ноября сильная буря и потоки дождя живо обозначили конец прекрасной осени, которой мы так долго восхищались. Через несколько дней на пустынные поля падал большими хлопьями снег, и мы узнали, что такое русская зима. Это не был веселый и грубоватый товарищ, которого наша юность приветствует радостными криками, когда он надевает свои белые одежды, и которого она принимает с удвоенной энергией, когда он перебрасывает ледовые

мосты через ручьи и речки, — труд, какой, к великому огорчению храбрых любителей коньков, он задает себе не всякий год.

Наводнения, жертвами которых мы стали, не пощадили госпитали, но тем не менее это было лишь предвкушением более жестоких страданий.

В ночь с 18 декабря нас разбудил ледяной ветер; скоро нашу комнату заполнили слуги, заявившие, что не могут оставаться на кухне. Провизия наша замерзла; вино и уксус были в состоянии льда в разбитых бутылках; яблоки и картошка стали твердыми как камень; сапоги наши — также несгибаемыми, и мы смогли их надеть, только смягчив предварительно у печки. Мы оставили слуг погреться, но в конце концов, так как они никак не решались покинуть комнату, нам пришлось крепко браниться, чтобы заставить их хоть что-нибудь делать и выпроводить их готовить к отъезду нашу одежду и седлать лошадей. «Если вы выйдете сегодня утром, — говорили они нам, — замерзнете на ходу; ни человек, ни лошадь не устоят против такого дьявольского холода! Что ехать на лошади, когда снег выше дома! Оставайтесь дома, господин пастор». Эти благонамеренные соображения, естественно, воздействия не оказали. Мы повторили приказания. Слуги, тряся головами и дыша на пальцы, оседлали коней; скоро мы были в седле, но в двух шагах от дома поднялся северный ветер такой силы, что мы ослепли и оглохли. В самом деле, о том, чтобы отправиться верхом, нельзя было и думать.

Мы поспешили повернуть назад; денщики встретили нас с триумфальными минами. «Мы же вам говорили», — выражалось на четырех физиономиях. Но их триумф длился недолго; надев шинели, мы отправились по госпиталям пешком, барахтаясь в глубоком снегу, где местами утопали по колена. По лицу стегал колющий ледяной ветер, щеки и нос горели, несмотря на капюшон. Но что это по сравнению со зрелищем, которое нас ожидало! Конечно, в бараках зло было терпимым: больные и санитары, занятые поддержанием огня в маленьких печках, располагались так, чтобы не страдать от холода. В противоположность этому какое зрелище было в палатках, целиком пронизаемых для холода и где даже и вопроса не могло стоять о том, чтобы развести огонь! Тут лежали несчастные люди, больные цингой или лихорадкой, покрытые двумя дюймами инея и с трудом пряча на своем убогом ложе под тонкими одеялами замороженные конечности. В каждой палатке меня встречали слезы и горестные крики: «Господин пастор, посмотрите на мои руки... У меня отморожены ноги! Господин священник, помолитесь за меня, но сначала согрейте, если можете!» Так жаловались люди, которые сотню раз пренебрегали самыми страшными опасностями и не ведали страха.

Признаюсь, при таком зрелище твердость духа меня покинула. Я сохранял хладнокровие перед лицом самых отвратительных болезней и самых ужасных ран. Но эти отчаянные крики меня потрясли, и я насилу сдержал слезы.

Я садился подле несчастных на солому, служившую им постелью, — она одна только и отделяла их от голой земли; я брал их жалкие, обмороженные руки в свои и пытался отогреть на груди; я говорил им о земной родине, которую, быть может, они увидят снова, потом — об иной родине, где солнце светит всегда, где прекращаются всякие страдания, где Спаситель простирает свои объятия для всех, кто его любит. И почти всюду я видел, как отчаяние уступает место тихому горю, бессильный ропот сменяется немым смирением. Большинство горемык безмолвно укладывалось снова на убогое ложе и умирало без жалоб.

Мало кто из больных, лежавших в палатках, пережил страшные декабрьские дни, когда холод заставлял барометр опуститься до двадцати градусов по Реомюру ниже нуля. Вскоре температура изменилась, но той, что пришла на смену, было достаточно для нашего знакомства с суровостью русской зимы. В ту пору мы менее чем когда-либо желали сократить число наших визитов. Когда после мучительного путешествия нам удавалось пробраться через глубокий снег и открыты тяжкие затворы палаток, бедные больные встречали нас радостными возгласами и, казалось, снова набирались мужества.

«20 декабря 1855 г.

Вчера я сопровождал хирурга, который ходил из одной палатки в другую и ампутировал отмороженные конечности; я провел день, поддерживая головы бедным больным, пока им отрезали пальцы или ноги, уничтоженные гангреной. Сегодня я обнаружил этих несчастных ампутированных в бараке, где размещение их более сносно, и они смотрели на меня глазами полными благодарности, когда, склонив колена перед их койками, я произносил молитвы, готовившие их к смерти. Часто взгляда, устремленного к Небу, простого крестного знамения было достаточно, чтобы успокоить души, уставшие от страданий. Огромность их беды отгоняет всякую мысль, протестанты они или католики; входя, я ограничиваюсь тем, что говорю, кто я, кем служу и что для всех хочу быть лишь министром Спасителя, зывающим к небу об утомленных и отягченных душах».

А вот как мы торжественно вступили в Филиппов пост и приготовились к празднику Рождества.

Этот столь радостно встречаемый у нас день должен был сделаться днем веселья также для наших военных прихожан и для их священников. Мы долго обдумывали проект, как украсить рождественское дерево — проект тем более претенциозный, что мы не знали, где добыть необходимую пихту. Страна была совершенно опустошена на много лье вокруг, и не видно было даже следа зелени. Невзирая на эти препятствия, мы продолжали скромные приготовления и тратили редкий досуг на то, чтобы серебрить орехи и яблоки. Фольга от шоколада предоставляла нам материал для этой операции, и мы нашли способ раздобыть лимоны, апельсины и прочие лакомства. Правда, недоставало дерева, и мы уже были готовы отказаться от нашего проекта, когда незадолго до праздника возле нашего жилища с шумом остановился артиллерийский фургон. Как представить нашу радость при виде храбрых служак, разгрузивших у нашей двери дрова и два можжевельных дерева. Те читатели, которые, как мы, часто ложились под утро или поздно вставали для экономии дров, поймут нашу признательность за этот подарок. По крайней мере, такое же удовольствие нам доставили прекрасные зеленые деревья. Мы усмотрели в этом залог Божьей доброты, подтверждение его отеческой заботы. Преподнес этот подарок наш превосходный друг барон де Беркхайм, столь любезно старавшийся быть нам полезным.

За несколько недель до этого, попав к нему на ужин, я завел речь о приближающихся празднествах и выразил сожаление, что нет возможности нарядить *рождественскую елку*. Г. де Беркхайм разделял мое сожаление и, продолжая мысль, разъяснил офицерам, собравшимся за столом, в чем дело. Большинство игнорировало этот обычай. «Это, должно быть, очаровательно, — сказал один из этих господ, — но, чтобы добыть пихту, пришлось бы пощупать за бороду казаков, потому как они зорко следят за своими лесами».

Мы давно позабыли и об этой беседе, и о елке, когда нам преподнесли сюрприз. Один юный капитан с помощью храбрых своих артиллеристов похитил эту славную добычу в Байдарской долине из-под самого носа казаков. Участвовавшие в экспедиции солдаты имели радостный вид, и мы их всех вместе с капитаном пригласили на празднование, и капитана по праву — в первую очередь.

Итак, мы праздновали Рождество в нашей бедной хижине. Зелень, которой мы так долго были лишены, — сама по себе радость; а как засияла бы она при свечах? Нужно было разжиться свечами. Накануне праздника под вечер мы отправились: Бабю — в Балаклаву, а я — в Камыш, твердо решив обобрать эти города в честь нашего праздника. Их прозвища, быть может, заслуженные — *Coquinville* и *Fripon City*³² — нисколько нас не сдерживали. Мы нашли там всяческие подарки, подходящие для наших друзей и сотрапезников. Но только не свечи. Наконец, владелец одной из последних лавок припомнил, что видел в прошлом году среди товаров пачку небольших свечей. Я наблюдал, как он терпеливо переворачивал свой магазин. В конце концов долгожданная пачка отыскалась, и я приготовился заплатить, но добрый малый сделал жест в знак отказа: «Позвольте, — сказал он, — вам их подарить». Великодушный поступок меня очень тронул, и я решил, что жителей Камыша, может быть, несколько оклеветали.

Домой я вернулся с богатствами, бережно держа в руке полотенце со свежими яйцами — редким лакомством в этих краях и в эту пору.

К ночи, как и я, с сокровищами вернулся мой коллега и мы поспешили наряжить рождественскую елку. Что и говорить, мы не могли справиться с работой, как это делала мама, но, в общем, нашли свое произведение вполне удовлетворительным. Пришли гости, мы зажгли свечи и позвали денщиков; придя в изумление от нового для них зрелища, они молча устроились в глубине комнаты и большими, удивленными глазами разглядывали рождественскую елку. Снаружи показывались любопытные глаза: необычный свет в доме священников привлек множество солдат.

Были ли мы виновны, если при воспоминании о наших родителях, занятых, быть может, теми же приготовлениями, к радости примешались печальные мысли? Но должен сказать, что мысли эти превосходила горячая благодарность за все милости, коими Бог щедро осыпал нас, — нас, как и всех своих детей, в этот верховный праздник христианства!

Остаток вечера посвятили душевным разговорам; потом для каждого нашего друга я отрезал веточку от *Christbaum** с подарком, которую они пожелали сохранить и отвезти семье в качестве сувенира.

Вдень Рождества мы совершили богослужение по-французски, потом, к великой радости всех наших друзей, пришедших на службу, снова зажгли свечи на елке.

Конец года преподнес нам новый сюрприз: настоящие новогодние подарки, приготовленные дорогими руками. Курьер, запоздавший на несколько дней, приехал в самый вечер 31 декабря, и все мы получили по ящику драгоценных для нас вещей. Распаковкой этих сокровищ завершилось наше Рождество; слуги, привлеченные любопытством, становились на цыпочки, чтобы лучше видеть; мы щедро велели им участвовать в великолепии, которое только что получили. *Christbaum* освещала его последним своим сиянием. Книги, одежда, посуда, про-

* Немецкое слово, которое означает «рождественская елка».

дукты поочередно показывались из душистого сена; какое счастье все это доставать! Тут была провизия, чтобы снова наполнить пустую кладовку, и лампа, чтобы освещать наш рабочий стол.

Дорогая лампочка! Именно при ее свете я пишу сегодня эти строки, и мысли мои переносятся к вечеру Святого Сильвестра в 1855 год. Настоящее расслаивается, и вместо веселых детских лиц, окружающих мой стол, я вижу снова перед собой моего горячо любимого Бабю, завернувшегося в свой широкий «крымчак». Моя радость отражается в его лице, и мы принимаемся за обзор сокровищ, которые послужат таким утешением для бедных раненых. И эти прекрасные книги! Как сократят они наши долгие зимние вечера! Приветствую вас в Крыму, дорогие учителя, досточтимые наставники моей юности! Какое счастье после долгого воздержания снова окунуться в обильные источники вашей учености! Приветствую вас, дорогие поэты, приветствую, Ламартин и Уланд, Гейбель и Делавинь³¹! Сколько раз магия ваших песен озаряла печальную прозу моей военной жизни! Приветствую вас, портреты друзей, воссоздающие дорогие лица!

Но наступила полночь, и нам пора в походные кровати. Новый год начался в безмолвии зимней ночи: что уготовит он для нас?

Глава девятая

Последние месяцы в лагере

Зима, словно по волшебству, преобразилась в дивную весну, и такие погоды стояли первые две недели января. Веяли теплые бризы, солнце было сияющим, а небо прекрасным, как небеса Италии. Больные и здоровые — все воспряли духом; можно было считать себя спасенными.

Все заставляло предполагать близкий конец экспедиции, и о мире думали более, чем когда-либо. Тем не менее армия не переставала готовиться к дальнейшему пребыванию в Крыму; из Франции и Англии доставлялись всяческие семена, и солдаты усердно предавались огородничеству.

Офицерские жилища были окружены очаровательными плантациями. Севастопольские сады предоставляли миндальные деревья, розовые кусты, акации — короче говоря, набор прелестных кустиков; brave садовники обкрадывали леса, чтобы добыть зеленые деревья: сосны и можжевельник. Их во множестве сажали вокруг палисадников, и штаб-квартира, украшенная зеленеющими оградами, не замедлила принять весьма приятный вид. Чем большей была опасность при захвате подобной добычи, тем радостнее наши солдаты отдавались мирному труду. В центре лагеря, перед баракком маршала-коменданта, на деревянной башне были установлены большие часы. Мы слышали их бой, что было громадным усовершенствованием, так как до этого каждый был вынужден выставлять свои часы по воле собственного каприза. Много строили в Камыше и Балаклаве; казалось, армию оставили в Крыму на неопределенное время. В каждом из этих городов было уже по две церкви, и в Камыше, где население насчитывало десять тысяч душ, строилась третья. Кроме того, из Константинополя прибыла труппа артистов, чтобы для удовольствия *торгашей* и солдат давать представления в недавно построенном театре. Одним словом, не пренебрегали ничем, что могло развлечь войска и заставить их запастись терпением.

В первые дни нового года мы нанесли визиты генералам и старшим офицерам; их благожелательный прием много способствовал тому, чтобы ободрить нас в исполнении наших обязанностей. Это правда, что говорили о близком мире, но русские, расположившись на другом берегу Черной, не прекращали нас бомбардировать. Они занимали два форта, названные нашими солдатами «Бильбоке» и «Слабак». Эти укрепления вполне оправдывали свои прозвища, не причиняя никому вреда и угрожая лишь отчаянным и безумным людям.

Однажды визиты к офицерам завели нас в окрестности Черной. Невозможно было попасть туда более кстати: на мосту велись переговоры, и батареи бездействовали, так что мы смогли подойти к берегу реки.

Пейзаж в этом месте великолепен. Волны с тихим журчанием перекатывались у наших ног, убегая к Черному морю. На противоположном берегу расстилались памятные кровавыми событиями равнины Трактира; возвышались Мекензиевы горы, на которых русские установили палатки; справа взгляд проникал в романтическую долину. В этой долине, украшенной руинами, напоминающими о генуэзском владычестве, располагались лагерь пьемонтцы. Еще далее разворачивалась Байдарская долина с густыми вечнозелеными лесами, ее пересекают быстрые воды реки.

Этот дивный пейзаж, оживленный дыханием весны и освещенный лазурным небом, пробуждал мирные мысли. Русские и французы казались беседующими добрыми друзьями, словно они никогда не обменивались пулей.

Но соглашение заключено, и русская дама элегантного вида собралась пройти по мосту, почтительно сопровождаемая французским офицером. На другом берегу стоял русский полковник, он принял ее из рук французов и проводил к заранее подготовленному экипажу. Дама эта была женою генерала, по случаю нездоровья она получила позволение остаться в монастыре Святого Георгия, пока не сможет продолжить путешествие. Какой она должна была быть счастливой, прервав свое уединение и вернувшись к близким! Но в душе мы были болезненно поражены при виде всех этих французских и русских офицеров, которые только что ожесточенно стреляли одни в других и теперь угощали друг друга сигарами, внешне производя впечатление лучших друзей на свете!

Едва мы добрались до штаб-квартиры, канонада возобновилась с новой силой. Это было тем более печально, что в тот самый день, 16 января, начались серьезные переговоры. Русское правительство, как говорили, согласилось с посредничеством Австрии. Телеграф тут же передал новость, и понятно, с какой радостью мы встретили эти упования на мир*.

Армия, однако, им предаваться не смела. На берегах Черной не переставая гремела канонада, и наши солдаты говорили с горькой иронией: «Слышите? Это русские, которые подписывают мир». Впрочем, мы знали, что час нашего избавления пробьет не скоро, и даже думать не могли об отъезде, пока не будет погружен на корабль последний наш солдат. Погода не замедлила перемениться. Зима после короткой передышки вступила во все свои права и быстро положила конец поспешной весне. Жестокий северный ветер вернул нам снег и все мытарства, о которых я рассказал выше. Новые невзгоды присоединились к прежним и принесли в лагерь уныние.

* Переговоры продлились до 1 марта, до дня, когда было подписано общее перемирие. Мир был заключен 31 марта. — *Прим. автора.*

Парижский мир был заключен 30 марта 1856 г. — *Прим. переводчика.*

Ужасная болезнь, цинга, с началом зимы поразила множество наших солдат. Этот недуг начинается с болей во рту, разрушаются десны, тело покрывается черными пятнами, наконец, распухает грудь, портится кровь, и больной умирает от постепенного ослабления. Происходит эта болезнь от сырых жилищ, употребления сильно засоленного мяса и отсутствия всякой свежей пищи. Самое верное средство для исцеления — перемена обстановки, поэтому больных цингой отправляли в Константинополь, и иногда они приезжали туда выздоровевшими.

Однако скоро наши солдаты вступили в борьбу с врагом гораздо более страшным: госпитальный тиф — болезнь, которую ничто не излечивает и от которой не знают никакой защиты. До того мы имели только несколько отдельных случаев, но к середине января эпидемия сделала большой прогресс и не замедлила поразить почти все дивизии. Скотина, предназначенная для обеспечения армии, уже обессиленная переездом, была срочно забита, так что не осталось никакого способа раздобыть питательной, а следовательно, здоровой пищи.

День ото дня работа наша становилась все более серьезной. Когда мы отправлялись в путь, дух наполнялся мыслями о смерти и мы спрашивали себя, не станет ли это последним нашим путешествием и не принесем ли мы, вернувшись домой, зародыш заразы. Вот что я писал по этому поводу родным в начале февраля.

«В палатке 14-го линейного полка, в которой было двенадцать человек, в одну ночь были поражены все, кроме капрала. Я нашел одиннадцать этих больных в госпитале; двумя днями позже четверо из них умерли, и остальные, по всей вероятности, последуют за ними. Наши католические коллеги понесли жестокие потери; старший капеллан в большом затруднении; в пяти дивизиях недостает священников. Четверо капелланов опасно больны; вчера он причастился, и я не знаю, жив ли он. Вчера мы с Бабю написали свою последнюю волю и обменялись завещаниями. Но мы ничего не боимся. Именно сейчас мы чувствуем величие нашей миссии и результат данных обетов. И, благодаря Богу, тяготы до сих пор не сломили нашего здоровья, и мы никогда не чуяли в себе столько сил. Что до остального, то наш дом удачно расположен на возвышенности и открыт потокам целебного воздуха. Однако в этом лишь человеческие ручательства, которые ничто перед Богом. Он один дает жизнь и смерть. Такова единственная ободряющая мысль, которая должна всецело нас занимать».

Наибольшее количество жертв тиф находил среди врачей и санитаров. Из-за усталости, из-за недостатка ухода и сна они вдвойне были подвержены болезни. В течение месяца пришлось обновить почти весь медицинский персонал, и всякий раз, приходя в госпиталь, я обнаруживал новых санитаров. Больные на своих жалких ложах сменяли друг друга не менее быстро; и тот, кто попадал в больницу сегодня с легким недомоганием, завтра отправлялся оттуда на кладбище.

Ежедневно в госпитали приходили командиры. Не отказывались ни от чего, что могло противостоять эпидемии.

Прежде всего разрушили и залили хлоркой старые больницы. Новые палатки и бараки поставили в другом месте и тифозных больных перевезли туда. Устраивали очищение госпиталей резким северным ветром — мера предосторожности, несомненно, полезная, но весьма осложняющая службу подле больных.

Какие горькие страдания, какая глубокая нищета! Само бедствие войны отступало перед бедствием болезни. Там смерть представлялась в героическом свете, здесь она свирепствовала среди госпитальных коек. Да, ужасно видеть, как

в госпиталь приносят изуродованные человеческие тела, только что полные здоровья и жизни. Но нервы, раскаленные гулом сражения, становились менее чувствительны к ужасу ран. Сами умирающие черпали в этом нечто вроде лихорадочного возбуждения и умирали, если допустимо так сказать, не чувствуя боли.

Какое различие с нашим нынешним положением! В сердцах у всех поселилось уныние. Избегали произносить даже имя грозной эпидемии.

Эти солдаты, еще совсем недавно такие энергичные, были теперь распростерты на койках, мрачны и погружены в глубокую апатию. Невозможно докричаться до них, победить их страшную глухоту. Однажды я зашел в палатку, расположенную поодаль, где санитар не хотел мне позволить перейти через порог. Там я увидел страшную картину, напавшую на меня все ужасы средневековой чумы.

На высоких койках лежали несчастные, покрытые язвами. Синюшные пузыри на груди свидетельствовали, что их состояние безнадежно, и многие из них были в агонии. Взгляды недвижимы, черные губы источали зловоние. Никогда не видел я ничего подобного даже у больных холерой. Они не понимали более моих слов, и я смог лишь преклонить колени, благословить умирающих и помолить Бога о том, чтобы они приобщились к благодати.

Иногда болезнь прекращалась внезапно, с быстротой молнии. Однажды я читал Евангелие одному из моих больных. Закончив чтение, я встал на колени, чтобы помолиться. Когда я хотел взять его руку в свою, я нашел ее холодной. Бедный юноша только что умер.

Эти скорострельные смерти очень часты у тифозных больных.

Такой больной думает, что выздоровел, собирает вещи, скатывает одеяло, вскидывает его на плечи, идет к выходу из палатки, где падает замертво. Другой, который только что прохаживался вдоль и поперек по палатке, присаживается на минуту отдохнуть и более не открывает глаз. Большинство больных находятся в состоянии, близком к летаргическому. Мы видели, как ночью во время сна они не чувствовали, что крысы грызут их пальцы на руках и ногах. Один умирающий, как рассказывали шепотом солдаты, до того был объеден крысами, что стал неузнаваем. Всеобщий упадок духа, моментальная смерть делают из тифа, к тому же столь заразного, одну из самых ужасных эпидемий, которые только могут охватить армию.

Но набросим пелену на эти скорбные сцены. Впрочем, я рискую встретить недоверие. Мои рассказы найдут преувеличение. Увы, мне самому порой казалось бы, что я брежу, если бы не было моих записок.

От палаток с умирающими переходим к могиле офицеров и врачей, погибших в таком множестве. Вот что я нахожу по поводу капитана X., сына эльзасского пастора.

«Бедный юноша! Мы идем хоронить его, и меня мучает угрызение, что я ни разу за время болезни не навестил его. Я не знал, что он болен, и известие о его смерти ошеломляюще больно поразило меня.

Его брат пришел просить меня совершить службу. Усопший пользовался всеобщим уважением и любовью. Длинная колонна следовала за гробом, и на всех лицах читалось горе.

В минуту, когда гроб опускали в землю, военный оркестр заиграл похоронный марш. Глаза у всех наполнились слезами, и брат покойного, опираясь на мою руку, закричал голосом, разрывающим душу: «Мои родители, бедные мои роди-

тели!» Это было мучительно больно. Старый полковник, как ребенок, всхлипывал под седеющими усами, и боль его вызывала жалость».

Эти похороны в Тавриде снова возникли в моей памяти, когда немногими годами позже по роковому совпадению я присутствовал на похоронах полковника. Он более счастливо, чем юный капитан, покоится на кладбище в родном городе. Гроб, покрытый военными знаками отличия, длинная колонна солдат, шедших с опущенными ружьями, скорбный бой барабанов, а особенно военный оркестр, игравший тот же похоронный марш, — все напоминало мне траурный день, когда я видел старого и храброго воина льющим слезы у разверстой могилы юного капитана. Я представлял огромное восточное кладбище, бесчисленные надгробия, из которых одно носит имя Шардона, а другое — Бабю, пасторов, заплативших жизнью за свою самоотверженность. Я думал о синем море у Трактира, о сильных и красивых юношах, которые покоятся там, о родительских слезах, пролитых в мыслях о далеких могилах... и уста мои шептали невольно древнюю молитву: «Упаси нас, Господь, от войны и кровопролитья, от голода и от чумы!»

Да, голод и чума, следующие обычно за войной и кровопролитием, распространялись вокруг нас, как грозные призраки. С первыми февральскими днями возобновились сильные холода; метели препятствовали подвозу провизии, и вся наша пища сократилась до жалкой порции плохого мяса. Мне не забыть действие дурного воздуха, который с результатами повседневных переживаний завершил наш разгром.

В тот день я должен был хоронить одного из моих земляков. Дорога представляла собою лужу воды. Мелкий снег ранил нас, как дождь из иголок. Я вымок с головы до пят, пока произносил речь. На другой день после нескольких часового стояния на сквозняках у раскаленных почти добела печек я вернулся домой весь в лихорадке. Я подумал, что немного простудился, и даже не подозревал, что серьезно болен. Это было накануне дня моего рождения, и я на другой же день написал родителям.

«Вы, конечно, — говорил я им, — далеки от мысли, что ваши молитвы и пожелания застанут меня на больничной койке. Но не сказано ли в Библии: «Кто низверг меня, тот и поднимет»? С верою в сей обет я начал новый год моей жизни, в остальном полагаясь на Господа. Позавчера вечером было очень холодно, и, вернувшись, я почувствовал сильный озноб. Ночью у меня была страшная головная боль и сильная лихорадка, и на следующий день я остался в кровати. Бабю тут же побежал за главным врачом; тот сразу пришел и объявил, что мое недомогание, вызванное переохлаждением, не должно быть запущено. Он прописал абсолютный покой и крепкий отвар. Сегодня мне лучше, и я надеюсь с Божьей помощью избежать опасности.

Но позвольте мне рассказать вам кое-что, касающееся дня моего рождения.

Я не знаю, как Бабю нашел способ разузнать число, но пока я думал, что он сидит у печки (он два дня страдал от сильного насморка), он сел на коня и использовал мое отсутствие, чтобы поехать в Камыш и закупить множество приятных подарков. Он вошел за три минуты до моего возвращения и с важным видом погрузился в чтение. Я сразу заметил, что что-то произошло, и подшутил над его успехами в чтении (книга была открыта на той же странице, что и утром). Я увидел, как он краснеет, и сильно ворчал на него за то, что в таком состоянии он ходил по больным, а об истине я далеко не догадывался.

Вчера утром, однако, все открылось. Я терзался муками, вызванными рвотным корнем. Вдруг заходят с поздравлениями слуги, и вперед выступает мой дорогой коллега, улыбающийся и вооруженный множеством милых подарков. Несмотря на слабость, я живо почувствовал ценность этих доказательств любви и сожалел, что вдвойне неуместное недомогание могло испортить ему удовольствие. Но это с Божьей помощью лишь вопрос времени, и мы все наверстаем. Дай Бог, чтоб это было скоро! Поверьте, мне тягостно сидеть дома и лечиться, в то время как мой друг делает работу за двоих».

Днем мое состояние улучшилось, но вечером лихорадка возобновилась, и на завтра с утра доктор, к моему горькому сожалению, объявил, что мне нужно покинуть лагерь и отправиться в Константинополь. Ничто не могло огорчить меня сильнее. Все же мне хотелось надеяться, что это будет лишь кратким отъездом и к празднику Пасхи я вернусь.

Последний вечер мы провели, собравшись в нашем жилище. Бабю совершил вечернюю молитву и препоручил меня всесильному покровительству Господа. Я был далек от мысли, что это собрание станет последним.

Глава десятая

В Константинополе

Н

ервого марта сияющее солнце озарило заснеженные равнины. Меня подняли с кровати, одели, и один из наших храбрых слуг поместил меня в госпитальный экипаж, назначенный отвезти меня в Камыш.

Туда меня должен был проводить Бабю. У меня осталось об этом путешествии только смутное воспоминание. Я помню лишь, что, сильно растрясенный экипажем, я почти весь путь проделал на руках моего друга. Приехав в Камыш, он помог мне выбраться из фургона и, скорее, донес, чем довел, до корабля, на который я должен был сесть.

Корабль (английское судно, называемое «Европеец») отправлялся в Константинополь, нагруженный двумя сотнями тифозных больных. Бабю уложил меня на койку, потом сердечно сказал: «До свидания!» Он отправился обратно, поручив меня, угрюмого, почти в обморочном состоянии, заботам младшего английского матроса; тот проявил себя по отношению ко мне очень предупредительным.

Переход, который, впрочем, был удачным, длился тридцать шесть часов. Мы высадились перед городом. Сесть верхом у меня не было сил, и, за отсутствием фиакра, мне пришлось, едва двигаясь, взбираться по дороге из предместья Тофан в Перу <...>.

В «Посольской гостинице» я задержался всего на несколько дней и предпочел занять комнату в протестантском госпитале <...>.

Первые письма Бабю показались мне написанными с большим оживлением. Он призывал меня к терпению и пытался доказать, насколько мало необходимо было мое присутствие в армии. Вот что он писал в воскресенье, следующее после моего отъезда.

«Итак, ты в море, дорогой мой друг, и каждый взмах весел удаляет тебя от твоего домишка и от твоего верного товарища! Я представляю твою каюту, узкую и жесткую кровать. Ты зовешь слугу, который не идет, ты страдаешь, и нет никого, чтобы помочь тебе. В довершение бед ты окружен людьми, как и ты, мучающимися, как и ты, страдающими от морской болезни. Я утешаюсь, говоря себе, что путеше-

ствие твоё близится к концу и нескольких дней медицинского ухода и полного покоя тебе будет достаточно, чтобы поправиться. Не вздумай, однако, покинуть Константинополь до полного выздоровления. Мне кажется, я слышу, как ты говоришь: «А моя служба, а ты сам!» О, друг мой, лучше поправляйся и будь в состоянии помочь мне, когда вернешься. Не думай о моем одиночестве. Я давно привык жить один и постараюсь не скучать.

Тебе известны мои отшельнические таланты, но, между нами, мне все-таки трудно привыкнуть к твоему отсутствию. Да, моего собственного общества мне более не достаточно; я понял, что разные вещи: жить с другом и — без него. Часто я не знал, чем занять мою достойную персону, на что употребить свое время. Работа, работа энергичная и непрерывная — вот единственное лекарство от подобных затруднений».

Скверная погода, не дающая выйти из дому, еще усиливала тоску его одиночества.

«У нас снег, — писал он через несколько дней, — и мороз десять градусов. Меня бы это не остановило — я вынослив, но дороги перепаханы, и по ним невозможно пробраться. Вчера, едва выйдя, я принужден был вернуться. Перерыв в моих посещениях госпиталей — это то, что более всего меня огорчает. Теперь нужно пожелать тебе спокойной ночи, потому как холодно, а у нас нет угля. По счастью, тебя тут нет и я смогу прибавить к своему одеялу твое».

В другой раз он писал: «Ты скажешь, что я тебе пишу, только чтобы держать в курсе атмосферных явлений, но ты знаешь, как и я, что здесь это вещь немало-важная. Уже пять дней, как сильно похолодало, бури и гололед, страшные снежные шквалы — короче говоря, декабрьская погода. Следовательно, ни дров, ни угля; невозможно навещать больных, что для меня мучительнее всего; нет ни курьера, нет ни слова новостей ни из дома, ни от тебя!

Я благодарю Бога, что ты далеко отсюда, вне досягаемости этой сибирской зимы, и скоро будешь в состоянии приехать ко мне». <...>

В Вербное воскресенье я получил от Бабю письмо. Он писал мне, как обычно, весело, рассказывая в свойственном ему юмористическом тоне о малейших событиях своей жизни.

«Вчера, — писал он, — я сделал глупость: я пошел под ледяным ветром в госпиталь у Мельницы, ураган не давал мне идти. Думал, не дойду. Вернулся уже ночью. Я лег, но усталость не давала мне уснуть, и утром я встал только в девять часов».

Я стал тревожиться и с нетерпением ждал новостей. Мои опасения были слишком обоснованны. Следующее письмо, написанное дрожащей рукой, сообщало мне то, чего я боялся. Бабю был болен. <...>

Несколько дней тревоги! Я только и представлял Бабю больным или умирающим в одиночестве, без помощи, вдали от всех, кто его любил. <...>

Последние новости были лучше. Мужество, эта черта, преобладающая в характере Бабю, при физических страданиях сохранилось, и письмо, написанное под диктовку, носило еще следы воодушевления.

«Я знаю, — писал он, шутя, — ты имеешь обыкновение видеть вещи в черном цвете, особенно когда меня нет рядом, чтобы наставить тебя на трезвый ум».

Через несколько дней новое письмо известило меня о его немедленном отъезде в Константинополь. Дрожащей рукой Бабю приписал эти почти неразборчивые слова: «Одиночество часто казалось мне долгим, но теперь оно закончилось, и я могу сказать тебе: до свидания! Да пребудет с тобой и твоим верным Анри Божий мир!» Сколько раз вспоминались мне эти простые слова и заставляли меня плакать!

Я поспешил сообщить сестрам о скором приезде моего заболевшего коллеги.

На другое утро я отправился на почту. Для себя я письма там не находил, но зато мне вручили послание, написанное не знакомым мне почерком и адресованное одному из моих коллег.

Слова «личное и срочное», начертанные на конверте, повергли меня в ужас. Охваченный самыми дурными предчувствиями, я побежал к получателю письма. Увы, я оказался слишком догадлив относительно содержания... мой друг закончил жизнь.

Вместо того чтобы описывать это несчастное событие, я приведу письмо Маршала, набожного капитанармуса, который был слугой и сиделкой моего друга. Вот в каких словах он сообщал мне о беде.

«Дорогой и досточтимый пастор,

готовясь передать вам подробности кончины г. Бабю, я чувствую мою боль. Но Господь даст мне силу выполнить ваше желание.

Друг, о котором мы скорбим, страдал недолго. Пятнадцать дней тому, зная, что он приболел, я заходил повидать его. Я нашел его усталым и немного измотанным, но еще бодрым и в веселом настроении. Мой визит, кажется, доставил ему удовольствие. Как обычно, он совершил вечернюю молитву, потом мы спели и помолились вместе. Я заходил с Кутелье повидать его по нескольку раз на день, и все время он был слабым и вялым, но не страдал. Единственное, на что он сетовал, — абсолютное отсутствие аппетита, следствию чего он приписывал свою слабость. 20 марта я заметил в состоянии больного перемену, черты его лица показались мне необычно искаженными. Он чувствовал себя хуже и попросил меня остаться рядом с ним. С этого часа я бодрствовал каждую ночь с его ординарцами. На другой день, то была Страстная пятница, лекарь объявил, что г. Бабю немедленно должен быть перевезен в Константинополь.

Но что можем мы, беспомощные создания, перед непостижимыми велениями Бога!

На Страстную пятницу г. Бабю навестили ваши друзья. Вечером я нашел его в кресле; он встретил меня с обычною своею доброготою и сказал: «Видишь, дорогой мой Маршал, как Бог добр ко мне! Весь день я видел друзей». Тогда он захотел писать и продиктовал мне письмо для вас, где он своей рукой приписал последние строки. Всю ночь он был покоен; я по нескольку раз читал ему места из Божьего Писания и громко молился с ним и денщиками.

В субботу состояние больного сильно ухудшилось. Он выглядел обеспокоенным и встревоженным и думал только о своем путешествии в Константинополь. Он даже захотел встать и сложить вещи, и мы с величайшим трудом удержали его.

Однако сознания он не терял. К вечеру он успокоился и просил оставить его, сказав, что ложится спать и желает остаться один! Мы залились слезами и встали у его кровати на колени. Тогда он воспрял и произнес молитву: «Господь, я в тебе навеки! Дай мне быть верным тебе до смерти. Благослови моего любезного дядюшку Адольфа, который страдает от больших горестей, нежели мои; благослови мою матушку и всех моих родных; благослови Рейхарда и его семью; благослови Маршала и Кутелье! Аминь!»

Мы вышли из комнаты, как он говорил, но — не из дома. Ночь была довольно спокойной. Утром Светлого воскресенья, когда я вошел к больному, он, казалось, едва узнал меня и говорил с трудом. Я прочел ему несколько строф из Библии; казалось, он слушал и ответил: «Аминь».

К вечеру, находясь с ним наедине, я несколько раз спрашивал, слышит ли он меня. Но он отвечал мне только неясными звуками и чем-то похожим на судорожное рыдание. Я обнял его, покрывая его слезами и молитвами. Под вечер его объяли страшные судороги, и началась агония. Пришел полковник Хартунг с лекарем, но всякая помощь была напрасной. Через несколько часов наш так горько оплакиваемый пастор испустил последний вздох. Какая минута для нас, господин пастор, и как мы плакали в ту ночь!

Почему, сударь, нужно, чтобы вы получили эти подробности из-под пера столь неумелого, как мое. Одна просьба: если вы пишете родителям г. Бабю, соизвольте сказать им, что это не просто исполнение долга, а порыв наших сердец, которому мы поддались. Кутелье и я — верные слуги их сына. Труд, который мы возложили на себя, делал нам честь, и мы счастливы, что смогли облегчить эти последние минуты.

Во вторник, около трех часов, мы похоронили его бранные останки рядом с прахом г. Шардона. Богослужение совершил английский священник, и гроб несли на кладбище в сопровождении многих ваших друзей и военного отряда. Да наставит нас Господь, как его, на свершение благих дел! Может быть, господин пастор, мне не суждено будет увидеть снова ваши черты здесь на земле, но небо соединит нас, и мы узнаем друг друга на общей родине, где мы снова встретим всех, кто следовал за Господом здесь на земле!»

Письмо, которое первым принесло нам несчастную весть, предшествующее тому, что только что прочли, было от полковника Хартунга, одного из лучших наших друзей. Превосходный человек, опасаясь за последствия для меня от подобного переживания, он предпринял тысячу предосторожностей, сообщая мне новость. Это он шел во главе траурной процессии и взял на себя выполнение скорбных мелочей, которые влечет за собой подобное событие.

Мне он оставил только передать роковую новость матери моего друга. К счастью, это была героическая душа, окрепшая в вере в Того, кому с колыбели она посвятила свое дитя. Мое письмо дошло до нее в тот самый момент, когда она готовилась хоронить брата. Этим братом был Адольф Моно, выдающийся проповедник, к долгим предсмертным мукам которого были обращены последние мысли Бабю! Какое горе для этой благородной семьи! Но какая Пасха на небесах для этих двоих свидетелей Владыки Небесного!

Мы видим, окончание труда, как и его начало, нашло себе жертвы среди служителей Христовых. Шардон, первым охваченный воодушевлением, умер от тифа в мае 1855 г. Он умер среди ужасов осады и военного смятения. Бабю годом позже, тоже на Пасху, испускал последний вздох, когда все христианские народы радостно приветствовали близкий мир, когда вокруг нас на улицах Константинополя всюду раздавался ликующий крик греков: «Христос воскрес!»

Пастор Рериш, отправленный в Крым, чтобы привезти Бабю, прибыв в штаб-квартиру, узнал о его смерти. Скоро к нашему коллеге присоединился второй священник. Благодаря Богу их труды становились все более и более легкими.

31 марта был заключен мир. Эта новость, всюду возвещенная громом орудий, произвела на армию магическое действие. Принялись за погрузку войск, потом — бесчисленной военной техники. Погода все более и более улучшалась, а с нею — и здоровье поправляющихся больных. Лагерь и госпитали незамедлительно исчезли, и счастливый солдат приготовился покинуть эту землю, про-

питанную кровью. На Троицу наш преемник в последний раз совершил обряд святого причастия в лагере в нашей часовне. Слушателей было тридцать солдат. Церковь была разрушена. Потом священник, собравшись, запер наше жилище и положил ключ под порог³⁴. Сам он смог отправиться во Францию в первых днях июня.

Последним его делом в Крыму было проявление братских чувств к коллегам-предшественникам. На могилах двух священников он велел установить камни с надписями. Надгробие Шардона носит слова: «Христос — моя жизнь, но смерть — мне награда»; у Бабю — прекрасное изречение: «Я возрождение и жизнь! Светлое воскресенье 1856 г.».

(Перевод В. В. Орехова)

Комментарий

¹ ...вступали в Эвксин. — До VI в. н. э. греки называли Черное море Понтом Аксинским, что обозначало: Море Негостеприимное. Позднее они стали именовать его Понтом Эвксинским — Море Гостеприимное.

² ...по которой когда-то ступали Орест и Пилад. — По легенде, сын греческого царя Агамемнона Орест отправился со своим другом Пиладом в Тавриду, чтобы украсть священную статую Артемиды. Они пробрались к храму Артемиды, но были схвачены стражей и, по обычаям местного народа, должны были быть принесены в жертву. Однако жрицей в храме Артемиды оказалась сестра Ореста Ифигения, которая помогла друзьям выкрасть статую и вместе с ними бежала.

³ *Евангелические церкви* — общее название ряда протестантских (главным образом лютеранских) церквей.

⁴ ...похожий телеграф. — К середине апреля 1855 г. союзники завершили прокладку подводного кабеля между г. Варной и Георгиевским монастырем.

⁵ ...в первые дни моего министерства. — Слова «министр» и «министерство» происходят от лат. *ministro*, имеющего два значения — «служу», «управляю». Автор пользуется здесь и далее первым, в наши дни забытым, значением слова.

⁶ *Мартинпрей* — бригадный генерал, в 1854—1856 гг. был начальником штаба Восточной (Крымской) армии Франции, в ходе кампании получил звание дивизионного генерала.

⁷ *Чичероне* (итал.) — проводник, дающий разъяснения туристам при осмотре достопримечательных мест.

⁸ *Гильденгаген* — дивизионный проповедник духовного управления евангелическо-лютеранской церкви.

⁹ *Мадзини Джузеппе* (1805—1872) — основатель «Молодой Италии», активный участник революции 1848—1849 гг., глава правительства Римской республики 1849 г. Призывал к национальному освобождению Италии и к ее объединению революционно-демократическим путем, считал участие в освободительной борьбе религиозным долгом каждого итальянца.

¹⁰ *Sic transit gloria mundi!* (лат.). — Так проходит земная слава!

¹¹ ...его укрепления. — Постоянное ожидание вылазок из Севастополя сильно изматывало союзников. Наши же войска овладели искусством вылазок в совершенстве и, кроме эффекта внезапного нападения, имели в эти скоротечные схватки преимущества молниеносной штыковой атаки, от которой в открытом поле союзники неизменно уклонялись. Поэтому союзники предпочитали использовать выгоды, предоставляемые нарезными штуцерами, стреляющими в три раза дальше и гораздо точнее гладкоствольных ружей, которыми в большинстве своем были вооружены русские солдаты.

По некоторым подсчетам, за время обороны гарнизон Севастополя осуществил более 150 вылазок (см.: *Голикова Л.* «...Каждый рядовой — Шевченко, каждый офицер — Бирилев» // *Родина.* — 1995. — № 3–4. — С. 82).

¹² Это явное преувеличение. В дни обороны от неприятельских снарядов загорелись и погибли только фрегат «Коварна» и транспорт «Березань». Линейный корабль «Двенадцать Апостолов» был затоплен в ночь с 24 на 25 февраля 1855 г. во второй линии судов поперек бухты. Линейные корабли «Императрица Мария» и «Париж» затоплены в ночь на 9 сентября в бухте, когда войска покинули Южную сторону Севастополя.

¹³ *Мак-Магон* Мари-Эдм Патрис Морис (1808–1893) — французский государственный и военный деятель. В 1827 г. окончил военную школу в Сен-Сире. В Крымскую войну командовал дивизией, которая 8 сентября 1855 г. взяла штурмом Малахов курган. Во время Австро-итало-французской войны, в 1859 г., командовал корпусом и за победу при Медженте получил титул герцога Медженте и звание маршала. В 1864–1870 гг. — генерал-губернатор Алжира. Во время Франко-прусской войны командовал войсками, разгромленными при Верте и Седане, был ранен. В 1871 г. командовал армией версальцев, действовавшей против Парижской Коммуны. В 1873–1879 гг. — президент Франции, в январе 1879 г. вышел в отставку.

¹⁴ *...дорого обошлась победителю.* — В башне на Малаховом кургане укрылись несколько десятков солдат Модлинского полка с поручиком Юньевым и подпоручиками Данильченко и Богдзевичем того же полка. К ним присоединились флотские кондукторы Венецкий и Дубинин с несколькими матросами. Всего набралось до 40 чел. Они завалили вход и стали обстреливать французов, находясь посреди только что занятой неприятелем позиции. В запале боя французы некоторое время не могли понять, откуда по ним стреляют. Далее Макс Рейхард пугает детали. Французы сами разложили под башней огонь и подожгли ее, пытаясь выкурить защитников укрепления. Опасаясь, как бы огонь не переметнулся на пороховой погреб, сами же французы огонь и потушили. К этому времени у защитников башни, почти всех раненых, закончились патроны, а французы подтащили к дверям мортиры и стали забрасывать башню гранатами. Гарнизону башни пришлось сдать. Причем «смелых защитников башни повели на Камчатский люнет, где французские офицеры встретили их восторженно» (*Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. — Т. 3. — С. 425). Никакого взрыва мин при обороне башни не было. Зная о деталях штурма Малахова лишь по рассказам, священник, видимо, связал в одно целое разные факты: в 5-м часу вечера русским огнем был взорван пороховой погреб на 6-орудийной французской батарее, находившейся на куртине возле Малахова кургана. Взрыв нанес очень серьезные потери дивизии Ла Моттужа и сильно взволновал войска, занявшие Малахов. В рядах штурмующих распространился слух, что мины заложены подо всеми укреплениями, и французы определенно ждали взрыва Малахова кургана. Тем более что незадолго до этого французы очень пострадали от русских мин перед редутом Белкина.

¹⁵ *...военные корабли были затоплены.* — В ночь с 8 на 9 сентября в бухте были затоплены последние 7 линейных кораблей, фрегат, корвет и 5 бригов. Пароходы были отведены к северному берегу Севастопольской бухты, но из-за постоянного обстрела французскими батареями затоплены 11 сентября.

¹⁶ *...лучшее отступление новейших времен.* — Отступление наших войск на Северную сторону действительно было осуществлено искусно и с минимальными потерями. Заслуга в этом принадлежит в первую очередь генерал-лейтенанту Бухмейеру, который подал идею и сумел настоять на необходимости строительства моста через Севастопольский рейд, и начальнику штаба гарнизона В. И. Васильчикову, который «принял на себя всю ответственность за эту трудную и рискованную операцию, так как главнокомандующий кн. Горчаков не пожелал подписать диспозицию, опасаясь последствий в случае неудачи» (*Ляшук П. М.* «Жизнь — царю, честь — никому» // Крымский архив. — Симферополь, 1997. — № 3. — С. 24).

¹⁷ Карантинный бастион — 7-й бастион.

¹⁸ Городское кладбище в Загородной балке (ныне ул. Пожарова). На территории кладбища располагалась Всехсвятская церковь, построенная в 1822 г.

¹⁹ *Зеленый дом* — девичье училище, основанное в 1827 г. для дочерей нижних чинов Черноморского флота. В 1848 г. для него было построено специальное здание на городском холме (ныне ул. Суворова, 27).

²⁰ *Базен Франсуа-Ашиль* (1811—1888) — французский военачальник. Окончил Политехническую школу, воевал в Алжире и Испании. Во время Крымской войны произведен в дивизионные генералы. После взятия Севастополя назначен комендантом города. В 1859 г. воевал в Италии. В 1862 г. отправлен в Мексику во главе дивизии, в 1863 г. назначен главнокомандующим экспедиционным корпусом. Во время Франко-прусской войны проиграл несколько сражений, сдал крепость Мец и был пленен. В 1873 г. предстал перед военным судом и был приговорен к смертной казни, замененной 20-ю годами заключения. В 1874 г. бежал с острова Св. Маргариты в Швейцарию, затем переехал в Испанию, где и умер.

²¹ *...лютеранская церковь Севастополя.* — Рейхард ошибся. Это православный Петропавловский собор, который был первоначально построен в 1792 г. из дерева анатолийскими греками. В 1843 г. вместо обветшавшего собора был построен новый каменный православный храм, по периметру украшенный 44 доисторическими колоннами и мраморными статуями апостолов Петра и Павла. Петропавловский собор после Крымской войны был восстановлен и существует донныне.

²² *Фивы* — город Древней Греции, разрушенный до основания в 335 г. до н. э. при подавлении антимакедонского восстания. *Пальмира* — город на территории современной Сирии, разрушенный в 272 г. после подавления антиримского восстания.

²³ *Форт Святого Николая* — Николаевская батарея, построенная в 1837 г. и вооруженная 105 орудиями. На этом месте ныне располагается Приморский бульвар.

²⁴ *...повергло в траур.* — Пароход-фрегат «Владимир» был построен по заказу России в Англии в 1848 г. (длина 64 м, ширина 11 м, машина в 400 л. с.). На испытаниях корабль достиг скорости 11 узлов. Вооружение состояло из девяти орудий. С февраля по май 1853 г. пароход находился при посольстве кн. А. С. Меншикова в Константинополе. В ноябре 1853 г. «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Бутакова одержал победу в первом в истории бою паровых кораблей и пленил турецкий пароход «Перваз-Бахри» («Владыка морей»). С началом осады Севастополя вооружение парохода было увеличено. Уже при первой бомбардировке Севастополя капитан Бутаков создал «Владимиру» искусственный крен, чем увеличил дальность стрельбы его пушек до 4—5 км. В октябре 1854 г. впервые в истории русской морской артиллерии орудия «Владимира» вели огонь по невидимой цели с помощью корректировщиков. В знаменитой морской вылазке, описанной Максом Рейхардом, кроме «Владимира», участвовал еще и пароход «Херсонес». Во время отступления гарнизона Севастополя на Северную сторону «Владимир» за два рейса перевез 2490 чел. Это было его последним заданием. В ночь на 12 сентября «Владимир» был затоплен.

²⁵ *...был день сына вдовы Наинской.* — Согласно Новому Завету (Лук. VIII, 11), Иисус воскресил сына Наинской вдовы.

²⁶ *...романтического вида.* — Французских солдат привлекали не только романтические пейзажи Тавриды. «Военный корпус генерала де Сая, — вспоминает участник событий, — сначала получил задание обходить позиции неприятеля. Этот авангард с радостью отправлялся через плодоносные долины Черной и Бельбека, достигая неприступных скал Бахчисарая, но добывал лишь «зеленые трофеи». Изгнанный первыми осенними дождями к Байдарам, он с похотой возвращался с этой приятной прогулки, которую история назовет, заимствуя слово из солдатского жаргона, «канустной экспедицией» (Journal humoristique du siège de Sébastopol par un artilleur. — Paris, 1868. — Т. 2. — P. 557).

А вот как выглядели эти «экспедиции» в глазах местных жителей: 1 октября 1855 г. неприятелем «разграблено было имение Кучук-Кой и Кикинеиз Ревелиоти, после чего пришло более 500 человек из Байдар, набрали винограда, сколько могли взять, и ушли» (*Маркевич А.* Указ. соч. — С. 28).

²⁷ *Найтингейл* Флоренс (1820—1910) — английская сестра милосердия, общественная деятельница. С 17 лет посвятила жизнь уходу за больными и ранеными, в 1851—1853 гг. изучала организацию медицинской помощи в Германии и Франции. По предложению английского военного министра в 1854 г. с 38 сестрами милосердия отправилась в Турцию, где за шесть месяцев наладила госпитальное обслуживание английских солдат — участников войны. В мае—июне 1855 г. посетила Балаклаву в качестве инспектора всех английских госпиталей в Крыму. В 1860 г. открыла в Лондоне первую в Англии школу сестер милосердия. В 1912 г. — Лига Международного Красного Креста учредила медаль ее имени для медицинских сестер.

²⁸ ...*жар своего милосердия и старания.* — В первое время после оккупации Балаклавы англичанами она являла собой вид жалкий: «Две ее улицы — единственное ровное место между морем и крутыми скалами — были завалены телегами, военными снарядами, продовольственными и медицинскими припасами. Город был переполнен больными и скитавшимися грязными и голодными турками» (*Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 14). За следующие несколько месяцев Балаклава превратилась в «маленький Лондон» с железной и шоссейной дорогами к ставке британского главнокомандующего, с многочисленными магазинами, набережной и лесопилкой. Англичане, у которых в первые месяцы войны из 100 солдат 39 умирали от болезней, сумели добиться к концу войны «гигиенического успеха» (*Journal humoristique...* — Т. 2. — P. 562) и смертность не превышала 1 чел. на 70 (см.: *Айрапетов О.* 15 из 1000. Небоевые потери русской армии // *Родина.* — 1995. — № 3—4. — С. 114—115).

После окончания войны это крымское «предместье Ливерпуля» исчезло столь же скоро, сколь и появилось. Англичане увезли с собою все, что было возможно, а железную дорогу разобрали и продали туркам. Французский путешественник Жилибер, посетивший Крым вскоре после войны, нашел в Балаклаве лишь «брусчатый причал, построенный англичанами» (*Gilbert. Lettres sur le Caucase et la Crimée.* — Paris, 1859. — P. 473).

²⁹ *Store-house* (англ.) — амбар, кладовая. Имеются в виду магазины в современном понимании этого слова — лавки.

³⁰ Мельница — см. прим. № 54 в коммент. к «Воспоминаниям офицера 2-го полка зуавов».

³¹ *Квинтал* — мера веса; величина меняется от 45 до 69 кг, в большинстве стран — 46 кг.

³² *Coquinville* — Плутовской город (франц.); *Fripou City* (видимо, от англ. *frippey* — мишура, безделушки) — Город-барахолка. Н. Берг приводит еще несколько топонимов, придуманных в Крыму союзниками. Возле д. Кебасы (Кабасы) лавки маркитантов носили имя *Brigandville* (Разбойничий город). Подле Севастополя существовал Флибустополь, подле Камыша — Канальвиль (*Берг Н. В.* Из крымских заметок // *Современник.* — 1856. — Т. LVIII. — С. 165).

³³ *Ламартин* Альфонс Мари Луи де (1790—1869) — знаменитый французский поэт-романтик, с него начинается пора романтической лирики во Франции; тяготел к спиритуализму.

Уланд Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт-романтик. Один из создателей германистики, собиратель немецкого фольклора.

Гейбель Эмануэль (1815—1884) — немецкий поэт, писатель, переводчик. Один из пропагандистов «чистого искусства».

Делавинь Казимир Жан Франсуа (1793—1843) — французский поэт и драматург. Выступал как эпигон классицизма. Стиль его поэм и баллад отличался напыщенностью и сентиментальностью. В его творчестве сильны антидеспотические мотивы, которые не выходили, однако, за рамки умеренного либерализма.

¹⁴ Вполне возможно, после заключения мира наши соотечественники видели жилище протестантских священников. Во всяком случае, ставку главнокомандующего, рядом с которой, как помним, домик находился, русские посещали и описывали довольно подробно. «Главная квартира французской армии — несколько домиков, образующих в середине улицу, обсаженную деревьями, палаток, конюшен и дощатых заборов, — вспоминал Н. Берг. — Почти у всякого дома был маленький огород, окруженный железными обручами, врытыми до половины в землю. По улице, похожей на бульвар, ходили несколько офицеров, принадлежавших к штабу маршала. <...> Домик маршала был тут же, деревянный, низенький, окрашенный серой краской, и рядом с ним другой, каменный — обеденная зала маршала. Подле этого дома возвышалась башенка с часами наверху» (*Берг Н. В.* Из крымских заметок // *Современник*. — 1856. — Т. LVIII. — С. 176). А вот описание другого очевидца: «Несколько чистеньких красивых барак на пригорке в порядке расставлены в две линии, образуя улицу, довольно хорошо вымощенную щебнем и усыпанную песком. В середине этих домиков, в ряду с другими, барак Пелисье в две комнаты, разделенные аркою; в задней комнате камин и кресло, сделанное из бочки. Все это, конечно, в печальном, ободранном виде. Тут же, рядом с квартирой Пелисье, стоит высокая башня, на которой были поставлены часы с севастопольской Адмиралтейской башни. Часы эти увезены, вероятно, во Францию как трофей» (*Афанасьев Д.* Севастополь и его окрестности в настоящее время // *Современник*. — 1857. — Т. LXII. — С. 143).

По свидетельству того же автора, «севастопольские промышленники купили в Камыше все французские бараки и перевезли их в город. <...> Притом все непроданные бараки французского и английского лагерей брошены неприятелем, и местное начальство раздает их для построек бедным жителям» (с. 136). В Камыше у француз-ов было также куплено деревянное здание театра и перенесено в Севастополь на Морскую улицу (с. 138).

...По сведениям французского медика Ле-Фора, обнаруженным в Парижской медицинской Академии, в период осады Севастополя в армии союзников от болезней погибло 75 000 чел. За последние шесть зимних месяцев только французская армия потеряла от болезней 21 190 чел. (*Бертенсон И. В.* Николай Иванович Пирогов и его профессорская, ученая и общественная деятельность, 1831—1881 гг. // *Русская старина*. — 1881. — Т. XXX. — Кн. 3. — С. 630).

Условия мирного договора были обременительны для России, но, по мнению самих победителей, не стоили принесенных жертв и затраченных усилий. В Англии лорд Пальмерстон и лорд Джон Рассель находили, что результат превзойдет все их надежды, если навязанные России условия можно будет продержать в силе хотя бы 10—12 лет. В Австрии князь Меттерних писал в мае 1856 г.: «Севастополь не стоит того, во что он обошелся». В самой Франции наиболее спокойные наблюдатели за политикой: Гизо, Токвиль, Монталембер — среди всеобщего ликования с трудом скрывали свои опасения за будущее. Еще до падения Севастополя генерал Боске, самый блестящий из военачальников союзнической армии в Крыму, выразил опасение, чтобы так много потраченных трудов не пропало даром. «Война эта, — писал он, — доставит Франции лишь немного славы; она может потерять своих лучших солдат и, следовательно, средства сопротивления русско-немецкому нашествию, когда останется одна, брошенная Англией, интересы которой, несмотря на союз, отличны от наших...» Что касается самого Наполеона III, то и он, сообщая герцогу Кобургскому в письме от 11 марта 1856 г. о том, что мир обеспечен, заявлял откровенно, что «жертвы войны не были в соответствии с теми выгодами, которые можно было надеяться из нее извлечь» (*Г*** А. А.* Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853—56 гг. // *Русская старина*. — 1898. — Т. XCV. — Кн. 8. — С. 381).

(*В. В. Орехов, В. В. Крестьянников*)

Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона

Мы предлагаем читателю публикацию глав из книги «Военные воспоминания» французского генерала Жана Батиста Александра Монтодона¹. Эта книга внушительна по объему и включает в себя рассказ о трех войнах, в которых автор принимал деятельное участие: в Африке, Крыму и Италии. Мы предлагаем читателю, несомненно интересующемуся в первую очередь отечественной историей, перевод лишь той части книги, где речь идет о Крымской войне.

По признанию автора, в основу «Воспоминаний» легли его дневниковые записи. Видимо, этим и объясняется, что почти все повествование ведется в настоящем времени. Опубликованы «Военные воспоминания» в Париже в 1898 г.² Работал генерал над воспоминаниями, уже находясь в отставке. Предисловие к книге имеет помету: «Амьен. — 1885 г.».

Биография генерала Монтодона весьма типична для боевых офицеров французской армии, принявших участие в Крымской кампании. Он родился 13 февраля 1818 г. Закончив военную школу в Сен-Сире, попросился в Африканскую армию, куда и был направлен в 1838 г. с назначением младшим лейтенантом в 26-й линейный полк, стоявший в Константине. В 1841 г. он был назначен лейтенантом 75-го линейного полка, находившегося во Франции. Уже в 1842 г. Монтодон вернулся в Африку и оказался в шестой роте 1-го батальона зуавов. Дважды был ранен во время экспедиций в Алжире. Накануне Крымской кампании, в 1852 г., Монтодон, уже в чине майора, был назначен командиром батальона в 3-м полку зуавов. В Крыму он участвовал в нескольких сражениях и закончил кампанию в звании полковника. После короткого пребывания в Африке возвращается во Францию, где возглавляет 3-й полк гвардейских стрелков. Затем с 4-м стрелковым полком проходит Итальянскую кампанию, в 1860 г. получает звание бригадного генерала, а в 1869 г.,

¹ Не следует путать генерала Монтодона (Montaudon) с его современником Шарлем Монтандоном (Montandon), автором первого путеводителя по Крыму.

² *Montaudon [J. B. A.]. Souvenirs Militaires. — Paris, 1898.*

в 51 год, стал дивизионным генералом. Участвовал в войне против Германии, отличился во многих сражениях, в одном из которых был ранен. После капитуляции Меца попал в плен. По возвращении принимает командование версальской армией. Снова был ранен в военной операции против Коммуны. В 1883 г. вышел в отставку.

Итак, в 1854 г. Монтодон в качестве командира батальона погрузился на корабль и с экспедиционной армией направился к крымским берегам. Об этом, как и о дальнейших событиях, читатель узнает из рассказа самого Монтодона — с этого момента начинается текст нашего перевода. Однако ясно, что любой военной операции предшествует этап материальной и психологической подготовки, от которой во многом зависит, как поведет себя армия в условиях реальных боевых действий. А потому мы, опираясь на воспоминания Монтодона, вкратце расскажем о том пути, который прошел этот офицер, как и множество других французских военных, о пути, который вел из Африки к берегам Крыма.

В феврале–марте 1854 г. два батальона 3-го полка зуавов, причисленные к экспедиционной армии, были отправлены в Филиппвиль, где изо дня в день занимались стрельбой по мишеням, упражнялись с дальнобойными ружьями, совершали военные переходы. Двумя этими батальонами командовал полковник Тарбурьеш; во главе первого батальона стоял майор Монтодон с заместителем Мартеном (впоследствии убит в Мексике); во главе второго — майор дю Бо с заместителем Летором де Греси (убит в Крыму).

2 апреля началась погрузка на корабли, которые 5 апреля привезли зуавов в Мальту. Здесь они посетили лагерь своих будущих соратников. Англичане приняли их весьма сердечно и сами произвели приятное впечатление на французов. «Эти английские офицеры, — вспоминал Монтодон, — в основном молоды, образованны, внимательны. Что касается их солдат, они хорошо одеты, имеют нормальное жилье и питание; все очень вежливо: когда мы проходим мимо них, они нас приветствуют по-военному и с исключительной почтительностью».

7 апреля корабль с зуавами вышел в море. Пережив бурю, 11-го он заходит в Безикскую гавань неподалеку от развалин Трои. Близость этих развалин заставляет Монтодона задуматься, что он находится на том месте, где стоял флот греков перед взятием Трои, и откуда вышел знаменитый Троянский конь. Он еще не знал, что пройдет четыре месяца, и, как Троя, будет осажден далекий, не знакомый ему русский Севастополь...

12 апреля корабль прошел Дарданеллы и прибыл в Галлиполи. Но лишь 14-го зуавы сошли на землю и сразу стали лагерем в четырех километрах от города. Здесь они остаются в апреле и мае, снова совершенствуясь в стрельбе, предпринимая военные переходы, изучая практическую сторону русских маневров. Солдатам пришлось работать на линии укреплений, тянувшейся от Мраморного моря до залива Сарос для защиты Галлиполи от «русского нашествия».

Кроме того, проводились большие смотры войск. Первый — в честь принца Наполеона. Зуавы были разочарованы видом этого военачальника. Вопреки ожиданиям племянник победителя Аустерлица оказался «грузным, чопорным», вместе с тем его «невозмутимое лицо» отражало его «вялую натуру». На маневрах он присутствовал с видом «индифферентным и даже скучным».

Союзники охотно демонстрировали друг другу блеск своего оружия и выpravку своих войск. 6 мая первый смотр английских батальонов провел генерал Джордж Броу в присутствии генералов Канробера, Боске, Буа. 31 мая лорд Раглан пригласил маршала Сент-Арно на очередной смотр войск. Английские солдаты держались «превосходно», показали себя весьма «дисциплинированными».

Точно так же 27 мая проводил смотр маршал Сент-Арно, пригласив английских генералов. Во время этого смотра имело место досадное происшествие, запомнившееся солдатам и офицерам надолго: когда маршал передавал посланный самим императором флаг полковнику Вимпфену, лошадь последнего встала на дыбы и повалилась вместе со всадником, изломав знамя.

Лагерь союзников находились рядом. Англичане весьма почтительно относились к французам и старались наладить близкие отношения с ними. Часто англичане засиживались с французами в столовой, выпивали «за уничтожение русских», быстро становились «лучшими друзьями на свете». Английских офицеров Монтодон нашел весьма вежливыми и интеллигентными. Но уже тогда автор почувствовал некоторую разницу в поведении и характерах союзников: «В общем, английские солдаты хорошо сложены: высокий рост, широкие плечи; но они совсем не имели живости и непринужденности наших солдат, у них не было того терпения переносить непогоду и приспособляться ко всем испытаниям военной жизни».

В то же время автор восхищается французскими солдатами, которые, «несмотря на плохую погоду, проявляют себя полными энергии и желания броситься на поле битвы». В отведенное для отдыха время французы не спят, они прохаживаются по полям, посещают деревни, собирают черепки для изысканных блюд.

В конце мая 3-я дивизия направилась на Константинополь по суше; 1-я — на корабле с целью занять Варну. А 2-я дивизия, к которой принадлежал полк Монтодона, получила приказ на отправление в Андрианополь. 10 июня, после многодневного пребывания в Буларе и в окрестностях Саросского залива, она отправилась в путь с генералом д'Отмаром и полковником Тарбурьешем во главе. Проходя в среднем по 24 километра в день, зуавы находят в каждом биваке по дороге запасы провизии, подготовленные генералом д'Отмаром. 16-го дивизия прибыла в Андрианополь, а 24 июня Монтодон с четырьмя ротами своего батальона выступил в Варну, близ которой уже 6 июля разбил лагерь.

В течение 15 дней союзники не теряли времени: они снова занимались военной подготовкой, военными упражнениями. Между тем

зуавы узнали, что генерал Канробер с английскими офицерами отправился разведывать берега Крыма. В другой раз пришло известие о том, что русские сняли осаду Силистрии и заняли оба берега в низовьях Дуная.

Кроме того, прошел слух, что холера, привезенная из Франции, появилась в Галлиполи. Генералы и большое количество офицеров стали ее жертвами. А уже 18 июля эпидемия пришла и в Варну.

В то время, когда маршал Сент-Арно и лорд Раглан пытались договориться об операциях на Дунае или в Азии, английский военачальник получил от военного министра герцога Ньюкасла категоричный приказ такого содержания: «Готовьтесь к немедленному маршу на Крым. Это приказ правительства. Французский командующий получает распоряжения того же смысла». Раглан передал это письмо Сент-Арно. Маршал, «прочитав и перечитав письмо», интересовался у Раглана, следует ли воспринимать это письмо как абсолютный приказ. Раглан в свою очередь отвечал: «Это — весьма категоричный приказ, мне ничего не остается; нужно, чтобы я отправлялся, а в остальном, поверьте, этот приказ исходит из более высоких инстанций, чем английское министерство; поэтому он не оставляет нам другого выбора, как подчиниться общественному мнению, давлению со стороны Палат, которые диктуют эту энергичную операцию, потому что они всячески желают результата; нет способа отклониться от нее».

Спустя несколько дней Сент-Арно получил письмо от военного министра Вайана, но менее уверенное: «Если ваше моральное и материальное состояние позволяет вам предпринять серьезную операцию, такую как кампания в Крыму, согласуйте действия с лордом Рагланом». С этого момента экспедиция в Крым была решена, началась самая деятельная подготовка.

Сент-Арно подталкивало покинуть Варну еще и то, что там свирепствовала холера, важно было избавить солдат и от бездействия, от которого они стали приходить в уныние, и от эпидемии. При этом Сент-Арно посчитал, что для армии необходима закалка перед скорой битвой с сильной армией, он полагал также необходимым «отвлечь внимание противника от стратегической точки, где союзники намереваются перейти в сильное наступление». И вот генерал Юссуф во главе баши-бузуков получил задание разведать Кустенджи и столкнуться с казаками, попытаться вынудить их покинуть правый берег Дуная. В помощь генералу выделили три французские пехотные дивизии.

22 июля 2-я дивизия тронулась в путь во главе с генералом Боске, полная задора и живости. Через два дня она прибыла в Базарджик — город, покинутый либо после нашествия русских, либо после разграбления и разрушения баши-бузуками (так говорит о Базарджике Монтандон). 24-го Боске направляет солдат в сторону Дуная, и за семь часов они добираются до Муссу-Бея по тяжелой дороге почти без питьевой воды. 27-го — Мангалия; 28-го и 29-го — войска совершают разведку внутри страны, теряя много солдат, пораженных эпидемией.

Дорога в Добрудже была ужасной: пустынные однообразные степи, отсутствие всякой воды, жара. Не удивительно, что холера не переставала свирепствовать. 30 июля войска Боске настигли 1-ю дивизию, к которой шли на подмогу; ожидая сражения с русскими, она была побеждена гораздо более серьезным «невидимым и беспощадным» врагом. В течение нескольких часов насчитывали несколько сотен умерших и умирающих от холеры. «Это настоящая катастрофа», — писал Монтодон. Речь уже не шла о борьбе с русскими, которые исчезли, принимались меры только для самосохранения.

1 и 2 августа войска возвращались в Мангалию. Порядок среди баши-бузуков был в полном расстройстве. В городе они грабили жителей, которых французы вынуждены были защищать, совершали самые мерзкие поступки. Французы ужасались при виде такого «варварства и эгоизма». Баши-бузуки не помогали больным, не заботились о мертвых. Автор удивлялся их дикарству: «Именно нашим солдатам пришлось собирать трупы мусульман и относить их к мечетям». Очень трудно было заставить турок покинуть город. От двух тысяч пятисот солдат Юсуфа осталось триста...

Отступление продолжалось. Так как транспортировать больных было не на чем, зуавам был дан приказ сделать из подручных материалов носилки, чтобы они по двое могли транспортировать пораженных, не важно, знакомых или нет. Провизии катастрофически не хватало, с трудом удавалось купить муку у местных евреев и греков.

Наконец 9-го, после множества испытаний, зуавы вернулись в Варну, однако реакция их соратников-англичан была несколько неожиданной. «Казалось, — вспоминает Монтодон, — они нас сторонятся, как зачумленных». Но эти опасения длились недолго, через сорок восемь часов отношения снова стали дружескими и товарищескими.

Потери за этот короткий период — с 21 июля до 10 августа — были весьма чувствительны и в основном бессмысленны. 1-я дивизия насчитывала четыре тысячи триста солдат от былых десяти с половиной тысяч. Потери 2-й дивизии значительно меньше — превышают тысячу. 3-й полк зуавов недосчитался ста пятидесяти пораженных болезнью человек, половина из которых скончались.

Прибыв на старый бивак в Варне, солдаты надеялись немного отдохнуть, но нет: 10 августа в городе вспыхнул сильный пожар. Горело все: частные и общественные дома, склады с экипировкой, медикаментами и обмундированием союзников. Солдаты изо всех сил старались спасти хоть что-то, но среди обезумевшей толпы находились мародеры и воры. Кроме турков и греков, в числе последних были и некоторые французы. В критической обстановке оказалось множество пьяных солдат. Однако автор отмечает героизм артиллеристов. Пороховой склад был недалеко от взрыва, пламя даже охватило его покрытие, но солдаты не замедлили подняться на крышу, накрыть ее мокрыми покрывалами, которые постоянно обливали водой. Основной пожар был потушен, но некоторые дома горели еще 13-го числа.

Днем 13 августа Сент-Арно лично сообщает Монтодону, что намерен вскоре назначить его командиром 1-го батальона пехотных стрелков, заменяя Тристана Легро, пораженного холерой. С одной стороны, это честь для Монтодона — быть выделенным главнокомандующим. Но автор вспоминает и о своем огорчении: став командиром другого батальона, он вынужден оставить старых друзей, с которыми долго воевал и жил в биваках. «Перспектива моего расставания с моими храбрыми зуавами в момент борьбы <...> была самой тяжелой и оставляла в моем сердце глубокую печаль», — с грустью вспоминал Монтодон.

27 августа ему пришел приказ покинуть зуавов и 3-ю дивизию и перейти в 1-й стрелковый батальон 1-й дивизии. Батальон сильно пострадал от эпидемии, но имел в своем распоряжении еще 550 человек, которых Монтодон нашел весьма дисциплинированными и преданными, офицеры были полны усердия и доброй воли.

Здесь же, в лагере Варны, Монтодон, как и его товарищи по оружию, наблюдает национальный характер и нравы турок, на защиту которых французы отправлены на войну. «<...> С точки зрения нравственной, — замечает автор, — турок честен, лоялен, верен своим обязательствам, пассивно и инертно храбр, сдержан; но вместе с этими природными качествами в нем обнаруживаются телесная и умственная лень, апатия без всякой инициативы, он фаталист, воспринимающий ручной труд ниже своего достоинства. Как приверженец Магомета, он считает себя выше всех прочих народов.

В праздном его существовании три занятия поглощают почти все его время: молиться в мечети, курить чубук в кофейне или у своих дверей, наконец, предаваться чувственным наслаждениям в своем гареме. Не требуйте от него ничего другого, так как его голова работает не больше его тела.

<...> У турок нет ни классов, ни социальной иерархии; нет гражданского общества, нет буржуазии, нет дворянства, но одна лишь инертная масса, без воли, без прав, без авторитета; и рядом с многочисленными чиновниками разного ранга, выше всех — падишах, который является представителем Бога на земле. Он — государственный и религиозный глава; он управляет людьми, вещами; он хозяин душ и тел. <...> Очень часто первый встречный, какого бы происхождения и каких способностей он ни был, назначается на самые важные гражданские или военные посты — полковником или генералом — так же легко, как и капралом: все зависит от влиятельности покровителя».

Таковыми предстали перед французами и англичанами их союзники, во имя которых европейские солдаты отправлялись воевать в Крым. Впрочем, вряд ли французские и английские военные сосредоточивались на чувстве разочарования. Ужасы эпидемии, уныние бездействия и катастрофа пожара наполняли их одним стремлением — как можно быстрее покинуть эту «проклятую землю» и забыть о своих невзгодах среди деятельности войны...

Ж. Б. А. Монтодон
Военные воспоминания
(фрагменты)

Предисловие

Излагая мои воспоминания о Крымской войне, я не претендую на описание полной истории этой памятной кампании, на подробный рассказ о работах при осаде Севастополя, о славных боях против наших неутомимых противников; официальные сведения уже опубликованы; весьма сведущие французские и зарубежные писатели проинформировали публику о дипломатических прелиминариях, о стратегических армейских маршах, о сражениях и операциях осады.

Моя цель проще и скромнее: я займусь главным образом и прежде всего тем, что я видел, тем, что происходило в корпусе и дивизии, где я служил. Для этой ретроспективной работы я рассчитываю использовать ежедневные записи, суждения, заносимые в мой журнал по ходу действий. В изложении этих воспоминаний я постараюсь неизменно быть точным и беспристрастным, представляя реальные факты и действия и не прибегая к воображению, которое слишком склонно либо приукрашивать, либо искажать их.

Теперь вот в нескольких словах истоки и причины войны, столь славной для нашего оружия, но столь малополезной для благородных интересов страны и нашей внешней политики.

Религиозный протекторат над священными местами вызвал вспышку разногласия между Россией и Турцией.

Напрасно после перехода через Прут в 1853 г. прошла конференция в Вене, целью которой было найти способ привести к согласию враждующие стороны: раздражение между Санкт-Петербургом и Англией было слишком велико, чтобы прекратить амбициозный взрыв императора Николая и чтобы успокоить опасения Англии видеть Константинополь занятым ее грозным соперником.

В этот период дипломатических переговоров Англия довольно искусно добивается от Франции тесного альянса и, наконец, объединения двух флотов при входе в Дарданеллы для того, чтобы быть готовой ко всяким случайностям.

Затем, после разгрома турецкого флота в Синопе, английские и французские корабли покидают Безикскую бухту и направляются в Черное море, чтобы преградить русским проход через Босфор. Фактически с этого момента была объявлена война; но если флот находится на границе, готовый к сражению, то этого не скажешь о сухопутной армии; в последней ничего не предусмотрено и не организовано; союзники должны активно заниматься приготовлениями, чтобы иметь возможность вступить в кампанию в срочном порядке. Приказы относительно транспорта, войск и материальной части, будь то во Франции или в Африке, были отданы с лихорадочной поспешностью.

Вот в связи с какими обстоятельствами нам пришлось бросить наши дорожные работы в Алжире и погрузиться на корабль, чтобы участвовать в этой новой кампании.

Глава вторая*

Погрузка войск на корабли. — Переход. —
Высадка войск в Олдфорте. — Альмин-
ское сражение

I

В последние дни августа 2, 3 и 4-я дивизии отбывают из лагеря в Балчик, где находится основная сила нашего флота.

Что касается 1-й дивизии, которая должна сесть на корабль в Варне вместе с английской армией, она с истинным воодушевлением и энтузиазмом радостно готовится покинуть эту проклятую землю.

Смотр генерала Канробера (31 августа). 31 августа генерал Канробер производит для нас смотр, чтобы констатировать физическое и моральное состояние людей своей дивизии, отделить больных и выздоравливающих. Вот при каких обстоятельствах мы увидели немало смелых солдат, едва оправившихся от болезни или приступов холеры, настойчиво просивших в качестве награды быть в составе отъезжающих. Многие были приняты; но сколько других должно было остаться в госпиталях с сокрушенным сердцем, со слезою на глазах, тех, чьи силы были исчерпаны!

Тут же после смотра генерал Канробер собирает вокруг себя офицеров из военных корпусов и затем звонким возбужденным голосом объявляет нам завтрашнюю посадку на корабль, посвящает нас в планы атаки Севастополя, напоминает обязанности офицеров в критические фазы сражений, об их роли возле подчиненных, об их ежедневном моральном воздействии собственным примером, который они должны подавать со всею воинской доблестью. Затем приводит он нам интересные подробности о нашем враге, о его упорстве в действии, его тактике, его организации, наилучших способах его удачно атаковать и победить. Своими писаниями, которые он дает нам, он воспламеняет наши сердца, он нас заставляет гордиться благородной и славной миссией, возложенной на нас; с каким счастьем мы мечтаем о скорой борьбе со страшным противником, который, казалось, имеет на своей стороне все преимущества.

Погрузка на корабль. 1 сентября я сажусь с пятьюстами человек моего батальона на «Помон» — винтовой 36-пушечный фрегат под командованием капитана корабля Буэ, брата начальника штаба флота (контр-адмирала Буэ-Вьюоме). Пятьдесят моих человек сели на «Эвмениду» с зуавами 1-го полка. Едва разместившись на палубе, мы поднимаем якорь, чтобы присоединиться к флоту в Балчике. Там находится не только наибольшая часть наших военных кораблей, но также много паровых и парусных транспортных кораблей, которые должны перевозить войска и снаряжение других дивизий.

С самого начала моего пребывания на борту знакомлюсь с капитаном корабля; я нахожу в нем человека любезного, открытого. Общение с ним в течение всего моего путешествия было самым корректным и приятным.

* Мы публикуем перевод «Воспоминаний» с того момента, как французская армия начинает действия непосредственно в Крыму. — *Прим. переводчика.*

В разговорах он меня осведомлял о движении флота, о планах высадки. «Помон» был поставлен во главе колонны: мой батальон должен высадиться на крымскую землю первым.

2, 3 и 4 сентября мы остаемся без движения на рейде Балчика. Поскольку англичане не готовы, нам нужно их ждать; все недовольны этой задержкой. Между тем адмирал Буэ-Вюйоме является к своему брату пообедать вместе с нами. Я весьма счастлив знакомству с морским офицером, уже известным своими достоинствами и военной подготовкой. Он говорит нам о нерешительности и увертках адмирала Дундаса, которые убеждают нас, что он против крымской экспедиции, где предвидит большие трудности во время высадки. С другой стороны, Буэ-Вюйоме нам рассказывает о нетерпении маршала Сент-Арно, который весьма уверен в успехе экспедиции и не понимает опасений английского адмирала, а еще менее он понимает задержки и бездеятельность наших союзников после принятого решения начать кампанию, все эти задержки могут оказаться для нас неблагоприятными.

Движение флота в Черном море. Как бы там ни было, утром 5 сентября наш флот начинает путь, надеясь видеть двигающихся в нашем направлении англичан; это была иллюзия чистой воды: наши союзники еще отдыхали. Тогда приходится дать сигнал остановки и сразу после этого отправить на разведку «Примогё» узнать новости об английском флоте, а наш корабль «Помон» отослать исследовать устье Дуная у Змеиного острова.

Наконец после трех дней ожидания, 8 сентября, показывается английский флот; он движется к нам с огромным конвоем пароходов и парусных кораблей. Вскоре, когда были отданы распоряжения о движении вперед, мы наблюдали волнующее и в самом деле прекрасное зрелище: корабли трех флотов в пути идут колоннами, маневрируют, как сухопутные батальоны, бок о бок по сигналам, посылаемым с флагманского корабля каждой нации.

Это совместное движение кораблей продолжается недолго. 9-го числа англичане покидают нас, чтобы направиться на север, в сторону Одессы; что касается нас, то наши корабли продолжают путь на восток, по направлению к Крыму.

В последующие дни мы занимаем выжидательные позиции и продвигаемся медленно по дождливой погоде; временами распространяется слух, что мы откажемся от дороги в Крым.

11-го наконец появляется английский флот со своим конвоем; он налаживает связь с нашим и с трех часов после полудня телеграфирует на наш корабль, что высадка назначена на западном берегу Крыма, на 45-м градусе. Это решение было принято после разведки, совершенной генералами Канробером и Мартимпреем, полковником Трошю и контр-адмиралом флота.

12-го и 13-го флот движется медленно и непрерывно; пароходы отправили, чтобы подтянуть и взять на буксир торговые суда. Наш фрегат «Помон» участвует в этом задании; но поскольку из-за бурного моря нам приходится бросаться из стороны в сторону, бороться против волн и ветров, мы неприятно взволнованы. 13 августа вечером мы останавливаемся перед городком Евпаторией, который сдается, не оказывая ни малейшего сопротивления.

Даются самые точные инструкции по завтрашней высадке; люди получают провиант на четыре дня и складывают в ранцы. Все счастливы и довольны при

виде этой земли, о которой говорят уже так долго; их сердца воспаляются, на всех лицах выражается радость перед перспективой оказаться лицом к лицу с врагом, в конце концов, нарушить застой, которым они тяготились в течение шести месяцев.

Наконец 14 сентября, в восемь часов утра, поднимаем якорь; наш флот после очень короткого перехода останавливается возле пляжа Олдфорта.

В очень короткое время корабли трех союзных держав скопились на малом пространстве; наши выстраиваются бок о бок в три параллельные линии по порядку высадки. Все эти движения производятся, будто на суше, без недоразумений и с отменной правильностью. Многие сторожевые суда и фрегаты станут на шпринг, чтобы защищать наш десант.

В половине восьмого над спокойным и безмятежным морем был подан сигнал; шлюпки с частью первой дивизии направляются в сторону суши, мой батальон — во главе колонны. Прибываем беспрепятственно; лишь перед тем, как ступить на землю, нам приходится замочить ноги: шлюпки не могут достичь берега, и нам нужно выпрыгивать в воду.

Наш генерал, сошедший раньше нас, незамедлительно отдает нам приказы; со своим батальоном я занимаю небольшую возвышенность на правом фланге, затем, разместив аванпосты, посылаю разведчиков изучить окрестности наших лагерей. Вся окружающая местность — это обширная равнина, голые степи без деревьев и растительности; при этом, ожидая найти пригодную для питья воду, мы обнаруживаем повсюду слишком соленую.

Другие дивизии не медлят, чтобы присоединиться к нам и устроиться на нашем левом фланге. Вечером уже около двадцати тысяч солдат под ружьем, но ни одного русского перед нами.

К трем часам маршал прибывает на коне в наши биваки; мы весьма удивлены, увидев его сияющее лицо, так как пронеслись слухи о тяжелой болезни, от которой он чуть не скончался. Но его превосходное настроение, редкая сила воли смогли победить страдания от недуга и физическую слабость.

В этот же день часть английской армии высаживается и располагается слева от нашей. На следующий день море стало бурным, ветер — неистовым, баржи не могут продолжать операции по высадке; много лошадей утонуло.

Так как в округе нет никакого врага, некоторое количество солдат, особенно английских, этим пользуется и идет в соседние деревни грабить и даже разрушать некоторые лачуги, добывая дрова, необходимые, чтобы вскипятить котелок.

Нужно отправить патруль для защиты татарских собственников и избавить их от порыва этих стоящих лагерем под открытым небом солдат без подкрепляющих припасов, питьевой воды, дров. Эти татары рады нас видеть и, кажется, мало желают оставаться под господством русских.

Во время наших прогулок мы узнаем, что английский генерал устроился в соседнем замке с роскошью высокого сеньора. Управляющий боярина, владельца дома, оставляет все в его распоряжении: серебряную посуду, севрский фарфор, шампанское, бордо и т. д.

Необходимо еще много дней, чтобы позволить англичанам и туркам высадить на землю большую часть их войск со снаряжением. Наконец после этих досадных задержек 19-го утром были отданы приказы двигаться вперед.

С самого рассвета союзные армии выстраиваются в боевой порядок:

1-я дивизия (Канробер) в центре, представляет авангард.

2-я (Боске) немного позади, она формирует правое крыло с турецкими войсками в резерве.

3-я дивизия (принц Наполеон) слева от дивизии Канробера.

4-я дивизия (Форея) пребывает в резерве и замыкает марш.

Англичане распределены позади линии и должны формировать левое крыло.

Можно было бы представить это построение из двух армий как нечто вроде ромба, где по одной дивизии в выступающем углу.

Флот равняется на линию сухопутной армии и должен идти на своем уровне. Есть в этом какое-то особенное единство, очень трогательно наблюдать эту гармонию и эту сплоченность между солдатами в море и на суше. Сердца глубоко взволнованы, все обладают изрядным самолюбием, которое заставляет бодро переносить тяготы и лишения.

В течение наступательного марша по обширной, лишенной растительности равнине наши солдаты были приятно развлечены видом огромного количества обезумевших, бросавшихся под ноги зайцев и кроликов, которых они хватили за уши под многочисленные взрывы смеха; вечером они были съедены солдатами.

В час мы выбираемся на плато между Булганакком и Альмой; нам приходится охотиться за вражескими разведчиками, посланными для атаки на наши аванпосты. С этой точки мы отчетливо видим русскую армию, расположившуюся на высотах левобережья Альмы; мы можем следить за всеми ее движениями и оборонительными приготовлениями.

После полудня все наши войска сконцентрированы и располагаются биваком в боевом порядке, избранном для марша и для завтрашней атаки.

II

Альминское сражение (20 сентября). Наши аванпосты остаются под ружьем всю ночь с целью избежать всевозможных неожиданностей со стороны врага; что касается других войск, они отдыхают на месте, готовые по сигналу сразу вступить в борьбу.

С самого рассвета все на ногах; корпуса берут оружие и ждут приказов продвинуться вперед и ринуться на указанные им точки.

Боевой порядок. Дивизии Канробера и Наполеона составляют центральную колонну; они должны атаковать главные позиции прямым ударом по основным силам вражеской армии.

Дивизия Боске, в правом крыле, должна идти вдоль моря, перейти через реку в ее устье и под прикрытием кораблей флота завладеть возвышенностями, чтобы облегчить операции центра, угрожая левому флангу русских. Турецкая дивизия должна помочь этому движению. В качестве главного резерва имеется дивизия Форея и большая масса артиллерии. Это что касается французской армии.

Английская армия должна формировать левое крыло и атаковать альминские позиции по большой севастопольской дороге.

С пяти часов утра дивизия Боске готовится к наступательному маршу; дивизия Канробера должна выдвинуться некоторое время спустя.

В 7 часов все войска готовы к атаке; они ждут сигнала с особенным нетерпением.

Дивизия Канробера. Наша дивизия Канробера представлена в следующем составе:

1-я бригада под командованием полковника Бурбаки* выстроена в повзводную колонну; бригада Винуа — во второй линии в том же порядке. 3-я дивизия Наполеона — с нашей левой стороны — в таком же построении и в таком же составе, что и 1-я. В крайнем авангарде, предназначенном для поддержки стрелковой линии, находится 1-й и 9-й батальоны пехотных стрелков, определенных под мое командование.

У французов все под ружьем: офицеры во главе своих солдат. Маршал Сент-Арно рассчитывал дать бой, начав с восьми часов утра, соответственно приняв все меры и отдав приказы.

К сожалению, англичане кажутся еще погруженными в сон; их колонны прибыли с опозданием, многие смогли подтянуться лишь под покровом ночи. Кроме того, их солдаты еще не завтракали.

Задержки атаки. Англичане не готовы. Маршал весьма раздосадован этой задержкой, которая может провалить самые ловкие комбинации, предоставляя возможность русским избежать всякой неожиданности, позволит им наблюдать за всеми нашими действиями и принять защитные меры против фланговых атак.

Скрепя сердце он чувствует себя вынужденным отправлять адъютанта за адъютантом, чтобы дать контрприказы генералу Боске, чтобы побудить лорда Раглана почувствовать опасность этой затянувшейся бездеятельности, напомнить ему недавние договоры и данные обещания; кроме того, поскольку наши союзники не движутся вперед, мы умираем от скуки с ружьями к ноге, нам остается составить оружие в козлы и готовить кофе в своих ротах.

Наконец в половине первого, немного спустя после начала движения дивизии Боске, сигнал был подан. Все центральные колонны отважно продвигаются; им приказано идти вперед, не обращая внимания на то, что творится на их флангах.

Едва моя линия стрелков начинает марш, как подвергается ружейной пальбе русских; устроив засаду в густых кустарниках, виноградниках и фруктовых садах, они тешатся вволю и причиняют нам некоторые потери. Но наши солдаты, далекие от того, чтобы остановиться из-за этого огня небольшой дальности и из-за огня артиллерии, помещенной на высотах, не колеблясь бросаются на врага, преследуют его, подгоняют штыками, принуждая бежать на другой берег и оставлять на земле немало своих.

Переход через Альму. Атаки центральной колонны. Мы намереваемся пересечь через реку, но не находим ни дороги, ни тропинки, а лишь очень крутые и глубокие откосы; тем не менее мы не колеблемся ни секунды. Конные офицеры оставляют своих лошадей, затем все унтер-офицеры подают пример солдатам; солдаты хватаются за корни, кочки и скатываются вниз или бросаются в стремнину с отважной энергией, пересекают реку по пояс в воде, затем, хватаясь за ветви деревьев, мои стрелки, которые находятся во главе, стремительно взбираются на выступы, отделяющие нас от русских батальонов. Как только мы достигли вершины, были встречены градом пуль, бомбами, выпущенными с малого расстояния; многие из наших поражены; но далеко от того, чтобы остановить их рвение, это лишь возбуждает их ярость.

* Полковник 1-го полка зуавов Бурбаки принял командование 1-й бригадой, замещая генерала Эспинасса, пораженного холерой в Добрудже и эвакуированного во Францию. — *Прим. автора.*

У меня под рукой мало солдат, они даже несколько рассредоточены. И так, молодые офицеры, с благородным рвением в сердцах, а также и унтер-офицеры, отбросив всякую нерешительность, кричат с воодушевлением и даже с некоторого рода бешенством: «Вперед, вперед, в штыки!» Но так как речь идет о встрече с множеством батальонов, сформированных в плотные колонны, непоколебимых и спокойных в своей обороне, абсолютно готовых идти на нас, я стараюсь удерживать это опрометчивое воодушевление, способное иметь страшные последствия, пока не имею достаточно людей для поддержки первых рядов, полных благородного пыла. Тем временем стрелки отрядов авангарда понемногу присоединяются к голове колонны, что позволяет нам идти вперед, продолжая бой.

При этом обстоятельстве я смог понять, как важно для командира, ответственного за введение в бой своих войск, уметь верно оценить события, быть всегда готовым ободрить робких, а также усмирить нетерпеливых, сохраняя силы для броска в подходящий момент.

Как бы там ни было, когда у меня под рукой добрая часть моего авангарда и моих передовых рот, я продвигаю вперед многие подразделения перебежками, заставляя их по возможности укрываться в небольших неровностях земли и направляя очень сильный огонь на батареи и на батальоны пехоты, расположенные на малом расстоянии. К нашему счастью, эти значительные массы не помышляют занять боевые позиции; они продолжают пятиться, выдерживая наш огонь, не замедляя и не ускоряя свой ход; их плотный огонь также производит мало эффекта на наши узкие и вытянутые линии, между тем как с нашими карабинами большая часть наших пуль ударит по этим глубоким колоннам и произведет страшные опустошения в их рядах.

Во время этой смертоносной борьбы мы восхищаемся превосходной смелостью русских офицеров, которые, беспрестанно находясь впереди, прилагали самые большие усилия, чтобы не допустить отступления своих батальонов, поредевших от нашего огня и снарядов. Было видно, как со шпагами в руках они бросались вперед во главе колонны, побуждая своих солдат идти на нас, затем падали, смертельно раненные, и немедленно сменялись другими, большинство из которых также гибли.

Мы продвигаемся, идем все время в хорошем порядке; наши солдаты восхитительны в своем рвении, в своей надежде на успех. Ничто их не останавливает, несмотря на серьезные потери, которые они терпят.

После утомительных усилий другие батальоны дивизии показываются на плато; во главе их — наш знаменитый командир генерал Канробер; им приказывают одному за другим построиться в две линии, затем все вместе атакуем основные массы, которые перед нами. Наша задача однозначно стала легче: с одной стороны, из-за прибытия батарей нашей дивизии, с другой стороны, из-за двух батарей дивизии Боске, прибывающих обстреливать пехоту, а также артиллерию косоприцельным огнем. Чтобы преодолеть обрывистые берега Альмы, всем этим батареям пришлось справиться с трудностями; солдаты вынуждены подталкивать колеса и даже поднимать и нести орудия.

С этого времени мы можем действовать более продуктивно; наша передовая линия, побуждаемая генералом Бурбаки, командующим нашей бригадой, стремительно атакует вражеские батальоны и принуждает их отступать перед нашим безостановочным и смертоносным натиском.

В течение этих атак генерал Канробер, наш командир, хотя и ранен в плечо, находит силы переносить боль, после перевязки снова сесть на лошадь, оставаться все время во главе дивизии, подавая всем пример храбрости, хладнокровия и великой моральной энергии*.

Дивизия Наполеона, которая должна идти на одной линии с нами, со своей стороны также вынуждена бороться с трудностями местности, с огнем противника; к счастью, тем временем ей посылают в качестве подмоги бригаду д'Орелля дю Паладина из дивизии резерва. Это позволяет центральным колоннам двигаться прямо на телеграф — центр и кульминационный пункт русской армии. Наконец к половине четвертого, после новых усилий, после стремительной атаки в глубь врага, среди ружейной и картечной пальбы, наши батальоны вынуждают русских покинуть все их позиции.

Знамя 2-го полка зуавов было поднято полковником Клером на телеграфной башне; в это время слева и справа прибывают другие войска двух дивизий. Разгром нашего противника полный, мы не испытываем больше сопротивления в наступательном марше; мы этим пользуемся и отправляем на левое крыло линии помощь англичанам, втянувшимся в очень серьезный бой.

Атака правого крыла. Это что касается центра; на правом крыле дивизия Боске начала свое движение немного раньше нас с целью завладеть возвышенностями морского берега, чтобы обойти левое крыло врага и угрожать центру, где сконцентрированы значительные силы.

Эта дивизия под прикрытием артиллерии флота испытывает между тем большие трудности, преодолевая реку около ее устья, сосредоточивая свою пехоту и артиллерию на противоположном берегу и, наконец, отражая неистовые атаки. Несмотря на это, благодаря энергичным усилиям 3-го полка зуавов, отважному настроению войск, невозмутимому спокойствию и мужеству генерала Боске эта дивизия держится на завоеванных позициях, стремительно атакует противника, наконец добивается полного успеха и приносит нам свою помощь, в то время когда мы оказываемся в самом трудном положении.

Атака английской армии на левом крыле. На левом крыле английская армия должна была сражаться против великолепной артиллерии, против хорошо защищаемых и обеспеченных окопами позиций; несмотря на это, батальоны наших союзников, построенные в колонны, продвигаются с абсолютным хладнокровием и поразительной храбростью; все проявили несокрушимую твердость, и после яростных, длительных и смертоносных схваток они атакуют позиции на другом берегу, овладевают ими и удерживаются на них. Правда, в решающий и критический момент они получили поддержку от французских войск, победивших на других точках и ставших хозяевами телеграфной башни.

Таким образом, в центре, на правом и левом флангах полная победа; русская армия совершенно разгромлена; заметны беспорядочное бегство и паника во всех колоннах. Пришло время преследовать их, завершить разгром, захватив беглецов со всем снаряжением; вместо этого в пять часов вечера войска заставляют расположиться лагерем на поле битвы, покрытом убитыми, ранеными, пленными, орудиями с их лафетами и разного рода осколками.

* В течение этого времени наконец удалось заставить мою лошадь перейти реку, ее привели ко мне на поле битвы; но только я сел верхом, она была поражена пулей рикошетом. Снова я должен сойти на землю.

Причин для этой паузы множество; в первую очередь это следствие той бездеятельности англичан, которые нас продержали под ружьем все утро и помешали начать борьбу в нужный момент; затем это полное отсутствие кавалерии: было едва ли несколько эскадронов у англичан, да и те увязли в трясине Альмы; это отсутствие припасов для наших солдат: их сумки были сброшены и оставлены позади, чтобы легче было движение; со времени бессонной ночи они почти ничего не ели. Но преобладающей причиной является болезненное состояние маршала Сент-Арно: в течение всего дня наш блестящий командир не слезал с лошади, не прекращал руководить всеми движениями, переходя от правого крыла к левому под пулями, которые сыпались дождем со всех сторон. Ни на минуту не покидал он поле боя; парил над ним взглядом и мыслью.

В этой великой борьбе несокрушимая воля, сила духа смогли временно преодолеть физическую слабость, зачаток смерти, которая настигла его и которой ему пришлось поддаться через несколько дней.

Лишь к концу дня, как только гул орудий перестал оживлять его силы, страдания умирающего снова взяли свое и воспрепятствовали смелым решениям, необходимым для завершения работы, столь хорошо начатой, — для преследования побежденного противника.

В течение этого сражения, где неприятельские армии имели от сорока до пятидесяти тысяч солдат каждая, русские потеряли от пяти до шести тысяч, союзники — около трех тысяч. Наиболее пострадали англичане: у них около двух тысяч убитых и раненых, у французов — тысяча триста.

Два моих батальона довольно пострадали; у меня больше сотни убитых или раненых. Командный состав тоже дорого заплатил; среди многих был убит молодой сержант Ригоди — сын адмирала, зять полковника Сиссея. Наконец, я должен прибавить, что в течение наших операций мне весьма помогли мой заместитель командира батальона капитан Дюмон, лейтенант д'Юг, а также наибольшая часть других офицеров двух батальонов*.

III

После победы. На следующий день, 21-го, после относительного отдыха маршал, который сохранил ясность ума и чья деятельная моральная сила могла бороться с физической болью, пожелал продолжить наступательный марш, чтобы по примеру великих военачальников воспользоваться поражением и рассредоточением русской армии, чтобы завершить ее уничтожение и захватить у нее снаряжение и возможно больше личного состава. К несчастью, он столкнулся с возражением англичан: во время сражения наши союзники понесли серьезные жертвы, их войска оказались измотанными и изголодавшимися; кроме того, они должны были похоронить своих мертвых и транспортировать на борт своих многочисленных раненых. Для всех этих частностей нужно было время, так как биваки были удалены от моря; более того, шла речь о том, чтобы подкрепить солдат и раздать им припасы: многочисленные команды должны были с трудом на шлюпках добираться с берега за припасами.

Короче говоря, к нашему глубочайшему сожалению, нужно оставаться в течение 21-го и 22-го числа в неподвижности и ожидании, посвятив это время единственно

* Только в первом батальоне стрелков у меня двадцать три убитых, семь офицеров и шестьдесят пять унтер-офицеров и солдат ранены.

уходу за нашими ранеными и ощущению радости от нашей победы, очень хорошо сознавая серьезность затруднений в столь важной военной операции, когда войска подчинены двум независимым друг от друга командующим, которые из-за взаимного непонимания не в состоянии завершить разгром побежденной армии.

Вечером 22-го я направляюсь в лагерь 3-го полка зуавов; я остаюсь до десяти часов с моим превосходным полковником Тарбурьешем, разговаривая о событиях, о причинах нашего бездействия, о предполагаемом будущем. Он мне сообщает, что я назначен подполковником. Но нужно, чтобы это дошло до Парижа и обратно, это долгая история.

Марш на Севастополь. Каково же было мое удивление на следующий день, 23-го, в момент выступления, когда я узнал, что полковник Тарбурьеш, с которым я провел часть вечера, был поражен холерой и умирающим транспортирован на корабль! Для всего полка это была глубокая печаль, так как этого командира любили и уважали все; он мужественно вел себя в день сражения.

Я возвращаюсь в 3-й полк зуавов. Вечером, прибыв в качинский бивак, я получаю приказ покинуть 1-й батальон стрелков и принять командование 3-м полком зуавов, в котором я самый старый командир батальона.

Хотя мне только и оставалось, что радоваться короткому пребыванию во главе блестящего и надежного батальона, в котором я нашел превосходный дух дисциплины, изрядный боевой задор, полностью преданный своему долгу личный состав, все же для меня стало истинным счастьем снова оказаться среди моих старых соратников по оружию, которые отличились в последнем сражении.

С высоты нашего качинского плато нам видны укрепления Севастополя. Многие перебежчики польского происхождения являются в наши лагеря; здесь их принимают с самой большой симпатией, и они сообщают нам сведения о русской армии и о беспорядке отступления.

24-го, вместо того чтобы идти прямо на северные укрепления, после взаимного согласия командиров армий и флотов принимается решение вести наши войска на большое плато Херсонеса и для этого сделать крутой поворот, чтобы захватить рейд с тыла. На этой новой позиции мы будем иметь, по крайней мере, все благоприятные условия для прямой атаки на город, полностью лишенный укреплений со стороны суши, где находятся весьма немногие средства защиты, так как была предусмотрена лишь морская война.

Много критиковали эту комбинацию: по мнению некоторых, при захвате северных укреплений город и рейд не могли больше держаться, русские лишились подкреплений. Однако, кроме недостатка осадных батарей, нашим кораблям негде было пристать к берегу, не было ни единого места для выгрузки снаряжения и припасов; более того, русские загромодили вход в порт, отнимая этим у наших флотов всякую возможность проникнуть в него.

На Херсонесском плато, напротив, мы располагали двумя превосходными рейдами для флотов и торговых судов — Балаклавой и Камышом, которые должны были стать опорными пунктами, исключительно необходимыми для наших дальнейших операций.

Как бы там ни было, даже в случае захвата северных укреплений русские оставались со всеми своими ресурсами их обширной территории; этим ничего не заканчивалось, нам нужно было еще вести кампанию внутри империи. Между тем предпринять правильную осаду — значит ограничить театр борьбы, поста-

вить врага в положение угнетающей необходимости вызвать подкрепления из самых отдаленных частей их необъятной территории, подкрепления, которым придется преодолеть очень большие расстояния. Что касается союзников, ставших лагерем на незначительной площади, то, как полные хозяева моря, они могли легко получать свои подкрепления и провизию.

В этот же день мы становимся биваком на высотах Бельбека; здесь прелестная долина, где есть прекрасные культурные посадки, видно множество маленьких деревень. Недалеко от нашего бивака находится замок Геменова, который русские начали разорять во время своего отступления.

Разграбление замка Геменова. Вечером многие французские и английские солдаты среди триумфального восторга, дневной усталости, трудности марша по неровной местности, разброда, который был тому следствием, спешили продолжить утренняя грабительскую работу, соперничая в этом друг с другом.

Вечером мы были весьма удивлены при виде зуавов, несущих нам красивую посуду, зеркала, ковры, книги... Многие из этих вещей — французского происхождения, все совершенно бесполезны и абсолютно нетранспортабельны. Завтра их придется оставить.

Для наших солдат — это временная забава, развлечение, которое возбуждает их хорошее настроение, игрушки, которыми они увлекаются, как дети.

Английские солдаты, наоборот, люди самые практичные, они пренебрегают этими громоздкими предметами и предпочитают брать то, что могут унести в своих карманах или сумке, предполагая извлечь из этого пользу.

Лагерь Жажды. 25-го, в соответствии с установленной очередностью, в соответствии с договором между главнокомандующими двух армий, англичане должны были стать во главе и начать движение спозаранку; но так как они малоподвижны и мало заботятся о других, они выдвигаются лишь в десять часов. Наша армия может тронуться в путь только в час дня.

Мы вынуждены идти очень узкими колоннами, чаще всего по откосу, пересекая местность, покрытую густыми кустарниками, лесом и всякого рода препятствиями, без дороги, по единственной невзрачной тропинке.

Мы провели тяжелый день, останавливаясь на каждом шагу из-за бесконечного отряда наших союзников, которые загромаждали проходы, не продвигались и заставляли нас оставаться на месте целыми часами.

Ох! Если бы русская армия не была так обескуражена после альминского поражения, если бы она не исчезла подобно фантому, как бы она могла отыгаться на этих переходах! Какие тяжелые бои нам пришлось бы давать, чтобы проложить себе путь!

К концу дня англичане встречают большое русское подразделение в сопровождении многочисленного конвоя, направляющегося из Севастополя на Балчик; почти все было захвачено и разгромлено.

Наша дивизия прибывает на бивак только к полуночи; другие нас догоняют к трем часам ночи. Забираясь на плато недалеко от Маккензисва* хутора, каждый устраивается как придется и как может; роты перемешались между собой; самое досадное то, что негде найти ни воды, ни пищи. Есть единственный колодец

* Так у автора.

В начале XIX в. хутор принадлежал командующему севастопольской эскадрой в 1783—1786 гг. контр-адмиралу Ф. Ф. Мекензи (Макензи). Отсюда Мекензиевы высоты. — *Прим. переводчика.*

в пределах досягаемости, но нет возможности им воспользоваться и удовлетворить им желание всей дивизии.

Наши солдаты после столь утомительного дня сильно мучаются от жажды, не могут приготовить суп и лишь немного отдыхают. Поэтому они назвали этот бивак «Лагерем Жажды».

26-го при выступлении мы должны были встать во главе колонны; но, против своего обыкновения, английские командиры ушли ночью и остановились биваком на Чернореченской равнине. Через два дня мы нашли объяснение этому поспешному маршу: им для того нужно было прибыть раньше нас, чтобы завладеть бухтой и портом Балаклавы.

Впрочем, как мы увидим позже, они были сильно наказаны за этот дурной по отношению к нам поступок; сильно расстроились и имели ряд трудностей в этом порту, куда их корабли входили с трудом, где отсутствовали пристани для разгрузки снаряжения, между тем как нам повезло найти в Камыше удобную точку сосредоточения для нашего флота.

Как бы там ни было, чтобы прибыть в Чернореченскую долину, мы должны пробираться сквозь запутанные кустарники по тропинкам, загроможденным арбами, мулами, быками, которыми наши превосходные друзья завладели и которыми они заставили идти в своем арьергарде. Это не все: на каждом шагу мы встречаем обломки военного снаряжения, покинутого русскими, разбитые и валяющиеся на земле крытые повозки, экипажи.

После многих огорчений, после долгого времени остановки мы в конце концов достигаем долины, переходим через Черную и в скором времени становимся биваком на левом берегу. Здесь, по крайней мере, мы находим воду, которой были лишены в течение более двадцати четырех часов; это нам позволяет приготовить суп и есть овощи, которые мы находим в изобилии в округе.

За эти два прошедших дня мы еще испытываем тягостное волнение при виде вновь появляющейся холеры и от сожаления о многочисленных умерших наших солдатах.

IV

Первый период осады. 27-го дивизия Боске отправляется на разведку к Севастополю; она следует по большой дороге, именуемой Воронцовской; прибыв на широкое плато, разрезанное глубокими оврагами с волнообразной поверхностью, маскирующей их, мы продвигаемся в направлении Малаховой Башни и из точки, где нам приказали остановиться, весьма отчетливо видим форты, казармы, огромный порт с кораблями, находящимися в нем, с мачтами затонувших кораблей при входе на рейд.

Мой батальон отправляют вперед для сопровождения артиллерийских офицеров и офицеров инженерных войск с заданием разведать местность и оборонительные сооружения, которые мы должны будем атаковать; мы нигде не испытываем сопротивления; ни один русский не вел стрельбу по нам, не сделано ни одного пушечного выстрела.

Мы видели очень ясно только массы рабочих вокруг города, яростно роющих землю для создания новых оборонительных сооружений, для укрепления старых и образования различного рода препятствий.

Генерал инженерных войск Бизо, артиллерийский генерал Тери присутствуют здесь для изучения значимости фортификаций и оборонительных сооружений, с которыми мы столкнемся, которые установлены на небольшой возвышен-

ности; они исследуют в сильные бинокли общий вид этого обширного плато и всех окрестностей города; они вступают в достаточно оживленную дискуссию в присутствии генерала Боске и нескольких других офицеров и не колеблясь утверждают, что будет достаточно от восьми до десяти дней, чтобы уничтожить эти кратковременные фортификации, не имеющие большого значения.

Итак, несмотря на мнение этих достойных, отважных и, главное, ученых офицеров, мы останемся еще год без обещанного результата. Именно в этот момент командиры артиллерийских и саперных частей, слишком вникающие в научные и теоретические детали, недостаточно брали в расчет огромную работоспособность славянской расы и особенно не могли предвидеть творческую гениальность генерала Тотлебена, который в несколько дней превратил в настоящую цитадель город, почти полностью беззащитный со стороны суши.

В тот же день маршал, все более слабевший и не имевший сил выйти из своей палатки, должен был передать командование генералу Канроберу, заранее назначенному императором, и приказать перевезти себя на «Бертоле»*; немного дней спустя он умирал, полный спокойствия и безропотности, в окружении своих офицеров и всех этих суровых моряков, подавленных и скорбящих о потере командира, которого так глубоко уважали. Немного позже к нам пришла весть о его смерти.

Отъезд этого неустрашимого солдата, этого отважного командира, который в течение шести месяцев так славно командовал нашей армией, который должен был ею управлять в тяжелейших условиях холеры и на альминском поле битвы, глубоко прочувствовала вся большая военная семья, уважение и доверие которой он столь почетно завоевал**.

Порт Балаклавы. 28-го и 29-го мы остаемся в Балаклаве рядом с английской армией; наши корабли наконец выгрузили пищу и питье, которые стали весьма необходимы для подкрепления солдат. Вечером, после доставленных лорду Раглану ложных сведений, объявлена боевая готовность; наша кавалерия тут же отправляется на разведку и возвращается вскоре без всяких происшествий.

В течение дня я собираюсь посетить Генуэзскую крепость, расположенную на крутом труднодоступном склоне, полностью господствующем над входом в порт. Эта крепость — творение древнего генуэзского государства — сдалась без сопротивления по первому требованию англичан.

* См. прощальный приказ маршала по армии:

«Прощание маршала Сент-Арно с армией (26 сентября 1854 г.). Солдаты, Провидение лишает вашего командира счастья вести вас дальше по славному пути, который открывается перед вами; сраженный ужасной болезнью, с которой тщетно боролся, он с глубокой печалью осознает настоятельную необходимость, которую навязывают обстоятельства, необходимость оставить командование, тяготы которого его сокрушенное навсегда здоровье не позволяет более переносить. Солдаты, вы будете оплакивать меня, поскольку несчастье, постигшее меня, непоправимо и, наверно, беспримерно. Я передаю командование генералу Канроберу».

** Как могут патриоты, истинно французские сердца, понять забвение, в котором пребывает в наше время этот знаменитый воин? Прославленного в Африке в течение многих лет борьбы и сражений с арабами, героически подарившего Франции новую и прекрасную победу, нынешние правители не только забыли его, более того, эти фанатики стараются его оклеветать... И напрасно спрашивают, где памятники ему. Памятники воздвигают неизвестным личностям, весьма посредственным политикам, клубным оратором, революционерам; а что касается альминского победителя, его имя, фигурировавшее на одной из улиц Парижа, бесследно истерто, чтобы назвать улицу именем знаменитого писателя, особенно известного своим атеистическими заявлениями... Бедная Франция!

В Балаклаве море вдается в сушу между отвесными скалами, очень близкими одна к другой; рейд глубокий, самые большие корабли могут войти в него; к сожалению, там очень узко, корабли с трудом перестраиваются и разгружаются; потому занятие такого места причинит много неприятностей, много разочарований англичанам. Кроме трудностей с проникновением и разгрузкой, существует еще один недостаток — далекое расположение от их лагеря: по крайней мере десять километров. Чтобы облегчить перевозку разного рода припасов, они заставят привезти из Англии весь материал, необходимый для строительства железной дороги.

Что касается нашей армии, возникли бы чрезвычайные осложнения и серьезные трудности, привези наши корабли груз в этот же узкий и труднодоступный порт; поэтому, в соответствии с мнением морских офицеров, принимается решение завладеть Камышом, где разведана широкая бухта, укрытая от ветра и с легким входом; самые крупные торговые или государственные суда могут приблизиться к суше и без затруднений доставить на своем борту любой материал. Этот порт оказал нам грандиозные услуги.

Инкерманское плато. С 30 сентября наша дивизия будет располагаться на Инкерманском плато рядом с тем местом, которое разведали 27-го.

Это плато нам прослужит укрепленным лагерем более года; территория здесь довольно велика, но она неправильной формы: с одной стороны плато достигает моря, простирается ломаной линией от Севастопольского порта до Балаклавского; на востоке оно возвышается над Чернореченской долиной с крутыми и каменистыми неровностями земли; оно расположено множеством достаточно глубоких оврагов, которые устремлены к порту и городу, кроме того, выметено всеми ветрами.

Осадные работы. Открытие траншей. Когда все войска союзников были сосредоточены на высотах, мы занимаемся организацией осадных работ и внешней защиты; это служит причиной для некоторого движения и ежедневной перемены мест. С 4 октября все диспозиции решены; 1-я и 2-я дивизии под командованием генерала Боске должны формировать наблюдательную армию и защищать плато от атак вспомогательной армии. Эти две дивизии опираются правым флангом на Балаклавскую седловину, левым — в точку под названием Телеграфная, протягиваясь по водоразделу, возвышающемуся над долинами.

3-я и 4-я дивизии под командованием генерала Форей заняты осадными операциями левой стороны, упираясь своим правым флангом в большой овраг, левым — в приморскую местность.

Изначально левое крыло должны были сформировать англичане; но, по договоренности между обоими главнокомандующими и в связи со своеобразными и определенными морскими позициями обеих армий, англичане взяли на себя правый фланг осады.

Это новое местоположение напротив Малаховой Башни даст преимущество гораздо большей близости к Балаклавскому порту, где находятся их флот и припасы.

Несмотря на все эти перемены в расположении войск, не прекращается проведение разведок по направлению к городу, в балках и со стороны рейда; на передовых постах, в засадах происходят частые стычки с русскими; последние себя показывают неустрашимыми и весьма агрессивными; из рейда и с земляных валов они посылают снаряды и бомбы, которые долетают до наших лагерей; они стремятся всеми способами помешать нашим операциям.

Однажды, отправившись в разведку с несколькими ротами моих зуавов, я вижу огромный отряд в эскорте сильного подразделения, направляющийся в Севастополь; предупрежденный об этом генерал Боске вскоре прибывает с артиллерийской батареей, которая начинает активно стрелять по этим массам людей; сразу же они приходят в небольшое замешательство, виден некоторый беспорядок в рядах, а особенно в конвое. Это длится недолго, на их защиту прибывают канонерские лодки, осыпая нас пулями, что позволяет конвою продолжить дорогу без каких-либо происшествий.

Если это могло случиться, то лишь вследствие того (нужно это обязательно отметить), что англичане не позаботились о крайней возвышенности на их линии и не вооружили ее, предоставляя таким образом нашим противникам легкую возможность использовать единственную проезжую дорогу, чтобы проникнуть в город, дорогу, идущую вдоль господствующих позиций плато.

Мы не медлим загладить это упущение; отныне враг должен будет пересекать рейд, чтобы попасть в город.

С первых дней октября генералы артиллерии и инженерных войск стараются расположить линии атаки, подготовить открытие траншей, построить опорный пункт возле Телеграфа, окопы по всей длине гребня плато, малые форты на возвышенностях, которые разделяют Чернореченскую долину и Балаклавскую равнину; эти форты должны быть заняты турецкими батальонами.

Ежедневно вооруженные отряды отправляются охранять выгрузку снаряжения, эскортировать повозки, нагруженные припасами, фургоны, артиллерийские и инженерные подводы; кроме того, солдаты без ранцев переносят на своих спинах мешки с землей и даже порою — снаряды.

Каждый день наши зуавы используются без минутного отдыха, одни — на земляных работах, в разведках, другие — в засадах, на сторожевых заставах, на передовых постах.

6 октября командир батареи инженерных войск Шмитт был убит, проводя дальнюю разведку окрестностей города; он был первым, он предшествовал многим другим. Этот офицер, очень умный, очень способный, имел блестящее будущее.

Русские не остаются без движения, всегда настороже; они осыпают нас ядрами, снарядами, градом пуль, причем не только наши разведывательные подразделения, они выводят из города сильные пехотные и кавалерийские отряды с целью тревожить нас и мешать нашим операциям; в это время они не прекращают работу; каждый день новые бастионы вырастают из земли, новые батареи получают возможность стрелять по нам*.

* В первые дни нашего пребывания многие офицеры полка и других корпусов отправляются в Камыш, чтобы сделать продовольственные запасы. Вечером, не дождавшись их возвращения, я начинаю беспокоиться за их судьбу, когда в одиннадцать часов вечера я увидел запыхавшегося и весьма взволнованного доктора Масну, помощника полкового лекаря. Он ставит меня в известность о причинах задержки их возвращения и об их одиссее. С наступлением темноты он со своими попутчиками (все были верхом) покинул Камыш, пробираясь сквозь густой туман. Вскоре отряд ошибся дорогой и напоролся на русские аванпосты; многие были задержаны и попали в плен; некоторым, наиболее смелым и проворным, удается скрыться, двигаясь наудачу, переживая самые волнующие перипетии, оказываясь порою под угрозой быть подстреленными нашими аванпостами. Среди тех, кто остался во власти врага, был лейтенант де Дампьер, храбрый и восхитительный офицер, адъютант штаба генерала Боске. Отправленный в Санкт-Петербург, он был там прекрасно принят и присоединился к нам позже в результате обмена пленными.

Открытие траншей. Несмотря на это, поскольку с нашей стороны приняты все меры для открытия траншей, с 9 октября, воспользовавшись темной ночью, неистовым северным ветром, мы начинаем работы с самой большой активностью. Кажется, русские этого не замечают, не слышат ударов кирки по каменной почве.

К утру построено около тысячи метров парапетов, чтобы быть в укрытии; но когда настал день, русские, увидев наши работы, не медлят открыть самый неистовый огонь; тем не менее в течение всего дня и последующих ночей мы продолжаем также сносить землю для брустверов, и это несмотря на град снарядов и ядер, частично разрушающий наши оборонительные сооружения, не принося нам много потерь. Строительство наших батарей все-таки продвигается, линии окружения удлиняются.

В первый период осады спокойствие и смелость солдат восхитительны; все заняты днем и ночью, одни — на линиях окружения или охвата, будь то на осадных работах или в окопах на возвышенностях, другие — в аванпостах, в засадах, в разведке. Повсюду царит неутомимая активность: это оттого, что все надеются вскоре завершить труды и войти победителями в эту прекрасную морскую цитадель*.

Иллюзия длилась недолго; эта гигантская работа продвижения осадных верков продолжится еще одиннадцать месяцев среди испытаний, страданий и усталости. Каждый день придется исправлять траншеи, поврежденные огнем противника, восстанавливать те, которые попали под продольный огонь, расширять, углублять рвы, окопы.

14-го стоит густой туман, и русские, опасаясь сюрприза, ведут в течение пяти часов устрашающий огонь по нашим работам; это настоящий ураган, на который наша артиллерия не отвечает.

Днем я сопровождаю генерала д'Отмара в английский лагерь с целью разузнать расположение их батарей. Напротив Малахова на малом расстоянии от русских сооружений мы отмечаем, что между каждым орудием есть порядочное пространство. Это позволяет рабочим, скрытым и хорошо защищенным, перепахивать землю с самой высокой активностью, несмотря на непрекращающийся огонь противника.

16-го генерал Канробер собирает генералов и флотских командиров, чтобы сообщить им о завтрашнем открытии огня по городу из ста двадцати французских и английских орудий, о том, что в нужный момент будет дан сигнал атакующим колоннам; флот со своей стороны должен открыть плотный огонь по фортам с целью помочь сухопутной армии.

Утром и частью этого дня русские, полагая, что мы демаскируем наши батареи, дают страшный залп по нашим работам и рабочим. В тот же день проходит слух, что Меншиков появился с сорока пятью тысячами солдат между Бельбеком и фортом Константином и что они полностью готовы нас атаковать на наших линиях окружения.

* 12 октября после полудня, в то время, когда огонь был наиболее интенсивным, когда все русские батареи стреляли во всю мощь по нашим траншеям и лагерям, каково же было наше удивление видеть жену английского офицера, пересекающую наши биваки, в амазонке, верхом на великолепной лошади с целью присоединиться к мужу в траншеях наших союзников! Эта милая и красивая особа, как нам говорят, принадлежит к очень хорошей аристократической семье.

17 октября. Открытие батарейного огня. Полная неудача. В половине седьмого утра был дан сигнал. Все батареи союзников начинают огонь; русские, имеющие вдвое больше орудий, чем мы, причем большего калибра, энергично наносят ответный удар. В течение многих часов перед нами предстает действительно изумительное зрелище: это ужасающий артиллерийский бой, зловещее завывание которого мы слышим на каждой точке линии окружения. Все войска как наблюдательного, так и осадного корпуса под ружьем; они ждут с лихорадочным нетерпением приказа захватить вражеские окопы.

К несчастью, к десяти часам один из наших пороховых погребов взрывается от ядра, посланного русскими; две наши батареи разгромлены, шестьдесят наших солдат поражены более или менее тяжело. Несколько минут спустя взрывается второй пороховой склад. С этого момента почти все наши орудия не в состоянии продолжать борьбу; наши парапеты, окопы частично разрушены. При подобных бедствиях приходится дать приказ о прекращении огня.

Успехи английских батарей. Англичане, наоборот, счастливей нас. Весь день они ведут самый продолжительный и разрушительный огонь; они взрывают пороховой склад русских, приводят в негодность защиты Большого редана, заставляют противника понести ощутимые потери.

У наших союзников самый полный успех. Все последующие дни они продолжают свой огонь, не останавливаясь ни на минуту.

Флот, который должен был начать огонь со своей стороны по фортам в то же время, когда и сухопутная армия, был готов атаковать лишь к полудню, именно в тот момент, когда наши батареи были вынуждены замолчать. Как бы там ни было, четырнадцать кораблей, ставших на шпринг возле входа в порт, дают гораздо более страшный огонь, чем наши батареи; это происходит от большего количества орудий крупного калибра, находящихся на кораблях. Несмотря на это, они не намного счастливей нас, причиняют мало вреда противнику и у них много сильно поврежденных больших кораблей, среди которых «Виль-де-Пари». Ночью огонь прекращается почти повсюду; пользуясь темнотой, рабочие отправляются для устранения дневных повреждений, для приведения, по возможности, в надлежащее состояние окопов и батарейных траншей. Инженерные войска удваивают усердие, чтобы мы смогли взять блестящий реванш.

В этот ужасный день сердца испытали различные переживания: поначалу наши солдаты кипят, полны задора, оживлены благородным энтузиазмом; затем, после нашей неудачи, они становятся встревоженными, не теряя доверия, но одновременно и не надеясь на скорое возвращение успеха; однако тем временем все стремятся знать причины задержки нашего наступательного марша и понемногу склоняются критиковать инженерные войска и артиллерию, сваливать всю ответственность за неудачу атаки на эти два рода войск. По мнению некоторых, они были не правы, сконцентрировав батареи и в связи с этим дав чрезвычайно многочисленным вражеским орудиям цель вполне определенную и тем более доступную, что она находилась в менее выгодном положении, чем противник; более того, мы чересчур положились на научное и математическое соображение и недостаточно — на реальную и практическую сторону.

Англичане, напротив, со своими более рассредоточенными батареями на местности, более пересеченной и возвышенной, смогли сохранить все свои орудия,

окопы почти нетронутыми, не прекращая ни на минуту огонь по земляным насыпям. У них взорвался только один ящик.

Как бы это ни было унизительно для национального самолюбия, мы не можем отказаться от восхищения упорством наших союзников, мастерством их артиллеристов в траншейных работах; со своей стороны, они не замедлили отдать должное стойкости наших солдат и рвению наших артиллеристов.

18-го англичане продолжают свой батарейный огонь весь день; вечером они начинают оживленную ружейную стрельбу по русским подразделениям.

Во второй половине этого же дня два батальона и четыре эскадрона неприятеля движутся на разведку до нашего лагеря; они ведут весьма оживленный огонь по нашим аванпостам. Я был отправлен к Телеграфному реду с четырнадцатью из моих рот, чтобы отразить любую атаку с этой стороны; мои солдаты спокойны, держатся на почтительной дистанции и несут мало потерь. В десять часов вечера русские решаются на отступление.

Все последующие дни и ночи наши войска заняты самыми гигантскими трудами, будь то в стороне города или в стороне гребней, чтобы устранить повреждения, нанесенные 17-го, улучшить окопы, удлинить параллели, нагромоздить землю в бастионах и, наконец, заменить недействующие орудия.

Октябрь 1854 г. С 20-го, благодаря энергии наших рабочих, удалось привести наши траншеи в состояние обороны, и это несмотря на упорство города преумножить свои сооружения, ликвидировать причиненный нашей стрельбой вред; мы можем, наконец, возобновить огонь и увеличить количество наших батарей и, главное, установить мортиры, приносящие много вреда врагу и вызывающие в городе пожары. Если отныне мы можем выдерживать эту борьбу с помощью ядер и даже добиться некоторого превосходства над нашим противником, то мы обязаны этим в первую очередь настойчивым усилиям наших артиллерийских офицеров, которые прекрасно поддержаны храбростью солдат.

В этот же день генерал Боске отправляет меня с моими двумя батальонами на аванпосты с целью обнаружить и сдержать семь или восемь русских батальонов, которые приближаются к нашим позициям на Черной. С их стороны это простое отвлекающее наступление; обменявшись ружейными выстрелами в течение нескольких часов, русские отступают, причинив нам мало горя, всего лишь несколько раненых.

В ночь с 21-го на 22-е принимаемся за прокладку второй параллели, и начиная с этого момента наши работы по приближению к городу разделены на две атаки — так называемые левая и правая атаки; подполковники Рауль и Бессон назначены командирами траншейного батальона. Эти два офицера проявят свои мужественные качества и исключительную самоотверженность.

С этого времени огонь возобновляется каждое утро; порою бывают сильнейшие канонады — это страшный грохот; весьма редко человеческое ухо может услышать подобный шум от ядер, бомб и снарядов. Некоторое время работает воображение: нам не терпится узнать результат и понять, придется ли нам оплакивать новые катастрофы или услышать приказ о штурме, отданный пехоте, находящейся в лагерях без движения и с оружием к ноге.

Это прерывистый огонь; после полудня он весьма оживлен и на суше, и на море, более тысячи орудий одновременно заставляют слышать себя; затем царит тишина, особенно тихо ночью.

Время от времени случается ложная тревога, патрули кружат на всех фронтах, вражеские разведчики без конца в движении, стараются застать нас врасплох, занять наши траншеи; однажды ночью они добираются до наших окопов, принимаются заклепывать многие орудия и завязывают с нашими солдатами, оказавшимися в затруднительном положении, ожесточенный бой, где немало убитых и раненых. В конце концов мы одержали верх и оттеснили их, потеряв множество офицеров и солдат.

В течение этих самых волнующих и утомительных периодов перестрелки взорвалось несколько пороховых складов как в городе, так и у нас. Поэтому у наших войск нет ни минуты отдыха, все время они в боевой готовности, не выпускают из рук кирку или ружье.

Войска генерала Боске, ведущие наблюдение за позициями Балаклавы, также под властью постоянной тревоги; они находятся напротив армии Меншикова, восстанавливающейся и получающей крупные подкрепления. 24-го нам сообщают о большом скоплении батальонов в верхней части Чернореченской долины. Нужно готовиться к скорой атаке либо на позиции, занятой турками, либо со стороны Балаклавы.

Глава третья

|| *Балаклавское и Инкерманское сражения. — Буря 14 ноября*

25 октября ранним утром наши сторожевые заставы дают сигнал о передвижениях в русской армии; нам видно, как она выдвигается с целью атаковать занятые турками редуты, расположенные на линии, разделяющей долины Черной и Балаклавы; участвуют двадцать — двадцать пять тысяч солдат, многочисленная кавалерия и немалая артиллерия. Вскоре раздается оживленная ружейная пальба; во всех лагерях — как в осадных войсках, так и в тех, которые защищают гребни плато, — объявляется приказ «в ружье».

В течение всего дня с высоты нашей господствующей позиции войска генерала Боске в качестве внимательных, сильно обеспокоенных зрителей наблюдают захватывающую драму, не принимая в ней никакого участия, драму, которая разворачивается невдалеке и ниже позиций, которые мы обязаны оборонять. Какими взволнованными и какими беспрестанно трепещущими должны были быть французские сердца при виде развивающихся, следующих одна за другой кровавых перипетий борьбы, в которой по причине стратегических обстоятельств они не могли участвовать и оказать свою помощь, чтобы изменить ход действий? Об этом мы сможем судить по подробностям кровавой битвы.

С первых моментов атаки турки защищаются достаточно энергично, но это длится недолго; враг не медлит завладеть высотами Катага*, затем — самым близким редутом; наконец, к нашему большому удивлению и негодованию двух союзных армий, мы видим три других редута, последовательно покидаемых турка-

* Деревя Комары. — Прим. переводчика.

ми, со всех ног бегущими на Балаклаву, не оказав ни малейшего сопротивления и не подвергшись неприятельскому обстрелу.

Самое грустное — видеть, что командиры и даже старшие офицеры в первую очередь представляют образец беспримерной слабости, позорного страха, отдавая в руки кавалерии авангарда не только редуты, но еще и орудия, и артиллерийское снаряжение.

Старший французский офицер (имя которого я позабыл), служащий при штабе турецкой армии, напрасно прилагает все усилия, чтобы остановить беглецов, возбудить самолюбие командиров и солдат, принудить их снова занять свои позиции: ничего не поделасшь; беспорядочное блуждание этого храброго офицера по разбитым батальонам не производит никакого эффекта. Сразу после этого мы видим русскую кавалерию, разгоряченную своей победой и занимающую позиции, чтобы атаковать во всю мощь английскую пехоту и попытаться завладеть деревней и портом Балаклавой — крупным центром запасов продовольствия наших союзников.

Атака русской кавалерии. В этот критический момент английские и французские штабы, войска, расположенные на гребнях плато, сильно обеспокоены результатом, который может иметь это отважное предприятие. Дистанция, которую должна преодолеть русская кавалерия, невелика, местность — плоская и открытая. К счастью, на дне долины, где должно произойти столкновение, находятся батальоны шотландской армии (шотландцы), неподвижные и спокойные, построены в каре и уверенно ожидающие событий. Вскоре начинается атака, многочисленные русские эскадроны кричат «ура», и мы видим, как они устремляются галопом на эту живую стену. Никакого волнения в пехоте, никто не шевельнется; но едва кавалерия приблизилась на малую дистанцию к фронту, командир шотландских солдат приказывает взять оружие на плечо и, как на тренировке, распоряжается открыть по этим массам регулярный огонь, который немедленно создает беспорядок в рядах и принуждает русских отступить к своей пехоте.

Через короткое время эти же русские эскадроны снова атакуют; но они испытывают несокрушимое сопротивление, тот же истребительный огонь.

Напрасно в третий раз с новыми эскадронами подкрепления они хотят возобновить атаку: на этот раз английская кавалерия смогла сформироваться, занять позицию на фланге. Англичане пользуются этим, чтобы начать ярую атаку на врага, угрожать его флангу и отступлению и, наконец, привести его в полное расстройство, подгоняя штыками и захватывая два редута из тех, что несколькими минутами ранее были завоеваны противником.

Наши союзники отныне полные хозяева Балаклавской равнины; туда отправляются на помощь войска из французских и английских лагерей; но в это время русские занимают еще два наиболее важных редута Черной, а главное — во время захвата завладевают многочисленными артиллерийскими орудиями. Это — английские орудия, отданные туркам для обороны позиций.

Лорд Раглан, весьма раздосадованный тем, что в руки русских попадают не только редуты, но и английская артиллерия, отдает приказы генералу Лукану, командующему кавалерией, приложить все усилия, чтобы снова завладеть орудиями. Эти плохо понятые распоряжения, исполненные поспешно и абсолютно неподобающим образом, приведут к настоящей катастрофе.

Как мы только что отметили, речь шла о том, чтобы отбить обратно английские орудия, захваченные и увезенные с собой русскими. В это время враг нахо-

дился на другой стороне хребта; из Чернореченской долины противника не было видно и невозможно было понять, что там была сконцентрирована вся армия. Несмотря на это, приказ был отдан, восемьсот английских кавалеристов должны идти в наступление, преодолеть разделяющие вершины. Оказавшись там, они должны были остановиться; но согласно уверению капитана Ноллана — адъютанта, посланного лордом Рагланом, не следует колебаться, нужно продолжать. Именно тогда лорд Кардиган (кавалерийский генерал) бросается во главе своего эскадрона в блестящую и безумную атаку, ход которой и ужасающую развязку мы можем видеть с высот наших гребней.

По сигналу командиры с саблями наголо возглавляют свои эскадроны; все вместе бросаются ураганом в узкий бассейн Черной, где сосредоточена русская армия, нанося удары направо и налево, пересекая и разбивая пехотные линии; это — неопишуемая борьба, беспорядок, который трудно представить. Мы на наших высотах очень взволнованы и трепещем при таком зрелище: зарубленные, сбитые с лошадей и изрезанные кавалеристы, задавленные пехотинцы; там настоящая резня человеческих тел. Но это длится недолго: русские быстро оправляются от первого потрясения, корпуса войск снова занимают боевые позиции, ряды группируются и вскоре бросаются в решительное наступление, направляют перекрестный огонь на окруженных со всех сторон, отважных противников, которым приходится в спешном порядке совершать крутой разворот и пробовать отступить.

Эта попытка отступления была для храбрых и блестящих английских эскадронов ужасным периодом; несомненно, что они все погибли бы, не поддержи их на обратном пути две наши батареи и бригада африканских стрелков генерала Аллонвиля; эта последняя стремительно бросилась на Федюхину гору, изрубила и разогнала прислугу артиллерии, которая с малой дистанции уничтожала косоприцельным огнем несчастные остатки эскадронов лорда Кардигана; наши неустрашимые стрелки потеряли немало убитыми и ранеными.

Как бы там ни было, от этих восьмисот английских кавалеристов едва ли двести смогли избежать катастрофы; кроме того, в каком состоянии мы видим их по возвращении! Большая часть вернулась без лошадей, многие в той или иной мере изувечены саблями, прочие остались мертвыми на земле или попали в плен. Генерал Кардиган, к счастью, вернулся целым и невредимым. Эта кровавая балаклавская битва, эта бессмысленная и безрезультатная атака дала повод в Англии к самым пылким и страстным спорам.

Русские, ставшие отныне хозяевами Чернореченской долины и большей части балаклавских редутов, кажется, готовы предпринять атаку, осадить наши линии окружения. Мы же станем осаждать город и сами выдерживать осаду со стороны гребней, на которых расположены наши войска. Поэтому генерал Боске, наш храбрый командир, всегда начеку, все время готов самоотверженно оборонять подступ к плато; он сумеет с величайшей ловкостью захватить самые выгодные позиции, чтобы предупредить внезапную атаку, избавиться от ежедневно возобновляющейся тревоги.

В различных делах он не колеблясь помогает англичанам, которые часто подвергаются атакам на инкерманском плато, где расположена их армия, но где она плохо обороняется из-за слабости личного состава.

Каждую минуту наши лагеря поднимаются «в ружье», наши аванпосты перестреливаются с русскими, посланными в разведку на наши позиции.

Со стороны города порою бывают интенсивнейшие канонады; осажденные предпринимая частые вылазки против наших траншей; они пытаются захватить наших рабочих, разрушить батареи. Из-за этого происходят ожесточенные бои с ружейной пальбой и даже с применением холодного оружия, в этих боях с обеих сторон оказываются достаточно серьезные потери убитыми и ранеными.

Наши работы нисколько не замедляются; днем и ночью солдаты копают землю, поднимают парапеты, приносят и заполняют габионы. Русские, со своей стороны, не бездействуют: они не ограничиваются темным временем суток для устранения повреждений, причиненных нашими батареями, — с неутомимой активностью они поднимают новые оборонительные сооружения, устанавливают новые батареи, рассеянный огонь которых может обстреливать местность, предназначенную для прохождения наших войск в случае атаки. Но приготовления сосредоточившейся русской армии, ее расположение на левом берегу Черной на малом расстоянии от наших линий, подкрепления, которые она не прекращает получать (в то время, как в наши союзные армии подмога приходит медленно), — все это предвещает скорые страшные битвы. В последние дни мы получили из Франции пехотную дивизию, но в старых войсках личный состав полков восполняется слабо и постепенно.

Ночью с 28 на 29 октября в русском лагере на Черной поднимается сильнейшая тревога; это вызвано очень любопытным инцидентом. К четырем часам утра зуавы, обслуживающие редут возле воронцовой дороги, слышат сигнал атаки для кавалерии, которая направляется на них; они берутся за ружья и открывают огонь, но он не останавливает вражеский марш; вскоре — общее удивление: зуавы видят, как по большой дороге на полной скорости несетс вереница обезумевших лошадей без седел и наездников. Эти животные, испуганные ружейной стрельбой аванпостов, отвязались и, подчиняясь инстинкту, убежали на плато, к местам, где прежде находились их биваки.

Зуавы пленили сорок из этих дезертиров; англичане, более удачливые, поймали их более ста пятидесяти.

В первые дни ноября у нас очень плохая погода: дождь и холод; мною овладел озноб от лихорадки и желудочных коликов. Это физическое состояние, к счастью, не произвело никакого влияния на моральный дух; я не стал меньше служить в аванпостах и осуществлять, насколько это возможно, мое командование 3-м полком зуавов.

II

Инкерманская битва (5 ноября). В первые дни ноября все заставляет думать о решающей атаке; наша третья параллель значительно продвинута, мы находимся менее чем в двухстах метрах от внешних укреплений города, которые сильно пострадали под действием огня наших батарей. В связи с этим обстоятельством командующие двух союзных армий собрали генералов и дали им точные указания. С минуты на минуту ожидается получение приказов о наступательном марше. Мы находимся в ожидании этого, когда утром 5-го под покровом густого тумана после холодной темной ночи слышим в направлении английского лагеря оживленную стрельбу и смутно видим русские войска, собирающиеся на равнине и готовящиеся идти на наши гребни.

Нам незамедлительно приказывают взять оружие и идти на подкрепление аванпостов, все батальоны отправлены в районы сторожевых застав.

Генерал Боске садится в седло и направляется прямо на Телеграф, чтобы разобраться в событиях и знать, нуждаются ли англичане в нашей помощи; он имеет в своем распоряжении 2-ю бригаду (Бурбаки), совершенно готовую принять участие в сражении.

Если русские решаются предпринять наступление, то это потому, что они, опасаясь увидеть свой город разрушенным нашими снарядами, стремятся дать большую битву, ввести в бой солдат, полных боевого запала, воодушевленных присутствием императорского сына и балаклавской удачей, надеждой победить и сбросить нас в море.

Их план был хорошо продуман, хорошо составлен; только после многочисленных разведок на наши линии они решаются воспользоваться густым туманом ночи, чтобы сконцентрировать свои войска и приготовить атаку, нацеленную на господствующую и плоскую окраину инкерманского плато. Хозяевам этой позиции, союзным армиям стоит большого труда удерживаться на огромном пространстве Херсонеса, где расположены незащищенные лагеря.

К пяти часам утра колонна правого фланга русской армии начинает атаку Докового оврага, соединяется с колонной, которая спускается с Маккензи, и вместе они энергично атакуют левое крыло англичан, встречая перед собой лишь слабый личный состав, плохо защищенные выходы из балки, заснувшие и положившиеся на плохую погоду аванпосты. Врагу не стоит большого труда быстро отбросить первые подразделения наших союзников, захватить места их лагерного расположения.

Но английские офицеры не медлят объединить батальоны, затем начать ужасную ожесточенную борьбу и, наконец, отбросить эту столь стремительную и неожиданную, но плохо осуществленную атаку, поскольку колонны толпились на той же самой дороге.

В начале дела, около шести часов, я получаю приказ отправиться с одним из моих батальонов к Телеграфу, чтобы там получить распоряжения генерала Боске. Я был в пути, когда англичане, после успеха, передали генералу, что нисколько не нуждаются во введении французских войск и сами в силах вполне справиться с делом с помощью своих резервов. Таким образом, я вынужден сделать полуоборот и идти занимать мою позицию на линии гребней; едва я совершил это движение, как вслед за этим приходит приказ моим двум батальонам зауавов, всей бригаде д'Отмара, бригаде Бурбаки, алжирским стрелкам идти с максимальной скоростью, покидая сторожевые заставы, к английскому лагерю, чтобы помешать врагу завладеть плато. Как мы увидим, эти приказы и контрприказы были следствием русских маневров, которых англичане никак не ждали и не хотели предвидеть.

После своего успеха наши союзники, считая врага полностью разбитым, отказались от помощи нашей армии; но вскоре увидели сильные колонны дивизии Павлова, бросившиеся лавиной на английский лагерь и захватывающие его с правой стороны. В этот момент русские были полны энтузиазма; они вступают в борьбу с особым ожесточением, захватывают батареи, овладевают редутами, отбрасывают англичан на всех точках, грабят палатки, вступают в самые кровавые схватки, ударяют в штыки. Повсюду земля усеяна мертвыми и ранеными.

В подобном бедствии больше нечего колебаться: лорд Раглан отсылает французской армии отчаянный зов о помощи.

Генерал Боске, который оставался на месте, с самого начала определил опасность, которой подверглись англичане, ясно понимал планы врага, цель начатого

сражения; речь шла о захвате русскими Инкерманского плато — стратегической точки, которая сделает их хозяевами ситуации. Поэтому, несмотря на первоначальные отказы английского генерала, наш командир был наготове и мог немедленно оказать своевременную помощь; предусмотрительно он оставил часть дивизии в своем расположении, будучи уверен, что ему нечего бояться атаки на его балаклавские гребни, но следует опасаться простых отвлекающих наступлений, цель которых — обездвижить наши силы и позволить правому крылу русских раздавить англичан.

Бригада Бурбаки вступает в борьбу первой, затем — один за другим батальоны бригады д'Отмара. В этой ужасной стычке все полки отличаются воодушевлением, проявленным в блестящих штыковых схватках, а тюркосы* командующего Вимпфена — своей ловкостью настоящих алжирских пантер.

Когда мы прибыли на поле битвы и вступили в бой, перед нами открылось страшнейшее зрелище: повсюду лужи крови, груды трупов русских и англичан; жены английских солдат, потерявшие все и дрожащие от холода.

В первые минуты русские не кажутся пришедшими в замешательство от нашего прибытия; они продолжают оживленную стрельбу по нашим линиям; из их восьмидесяти орудий, рассеянных на соседних вершинах, они посылают на наши войска град ядер и снарядов; некоторые снаряды пролетают над нашими головами и поражают многих служащих наших батарей; кто-то буквально разорван на куски, и даже в нескольких шагах от нас у одного из солдат голова была отделена от туловища и далеко отброшена.

На всех точках происходят новые сражения; мы же видим новые русские батальоны, направляющиеся на нас плотными колоннами; но позиции заняты, отданы точные приказы, согласно которым следует дать возможность этим массам приблизиться и необходимо начинать оживленный огонь только с малой дистанции; затем по данному сигналу наши зуавы, хорошо подготовленные, полные смелости и отваги, бросаются вперед, заставляя дрогнуть врага, сильно пострадавшего от наших пуль, и принуждают его отступить до крайних точек плато.

В некоторые моменты — настоящая человеческая бойня; затем отброшенные войска получают новые подкрепления, разреженные ряды сжимаются, увлекаемые русскими офицерами, которые всегда впереди своих солдат, первые готовы быть убитыми, этим подавая пример стойкости в сопротивлении, смелости в атаке.

После нескольких часов непрекращающегося боя, после перемен в положении, где с обеих сторон имели место героические порывы, несогласованные соединения, контрнаступления, отчаянные атаки в неровностях местности, в зарослях кустарника, русские, несмотря на их утренний религиозный энтузиазм, возбужденный попами и присутствием сына императора, в конце концов удалились с этого поля страшной резни, понемногу исчезая в оврагах; Карьерный овраг стал настоящим хранилищем трупов, в котором были нагромождены тысячи мертвых.

К трем часам мы наконец хозяева поля битвы. В это время меня отправили с одним из моих батальонов на крайние точки плато с задачей преследовать врага, беспокоить его во время отступления. В течение нашего наступательного марша маккензиэвские батареи и батареи заякоренных на краю рейда кораблей беспрестанно стреляют по моим войскам; многие зуавы сражены; я с болью наблюдал, как упали мой превосходный товарищ командир роты де Ла Барр, лейтенант Ле

* Тюркос — алжирский стрелок во французских колониальных войсках. — Прим. переводчика.

Франк — оба раненные смертельно. Затем огонь затихает, и к пяти часам вечера он прекращается полностью. В этой операции мы смогли захватить множество пленных, завладеть важным снаряжением и, наконец, забрать английское оружие, захваченное утром во время первой атаки.

К восьми часам вечера войска бригады Монне сменили два моих батальона; мы возвращаемся в наш бивак, офицеры и солдаты почти ничего не ели весь день. Несмотря на эту пустоту в желудке, все счастливы и горды своим содействием столь славной победе, которой добивались в течение десяти часов борьбы*.

Вылазка русских. Атака наших траншей. Во время боя русские войска из города совершают отважную вылазку на окопы; затем разгорается кровавая битва; тем не менее после смертельных атак атакующие были отброшены, и храбрый генерал де Лурнель даже совершает сильное наступление, пытаясь захватить оборонительные бастионы. В этой смелой атаке он был смертельно ранен. Это стало большой потерей для нашей армии, так как генерал обладал большими военными достоинствами.

Совершена также ложная атака со стороны гребней Балаклавы; но это отвлекающее, вяло проведенное наступление не производит никакого воздействия; наши сторожевые заставы остаются неподвижными и спокойными, не вступая в борьбу.

Целью этих двух атак было помешать подкреплению прийти на помощь англичанам в Инкерман. Французские генералы не дают себя запугать и не колеблясь бросают силы, находящиеся в их распоряжении на место, где разворачивается решающая битва**.

Как и на Альме, русские действуют и сражаются массами. Это однозначно благоприятствует эффективности нашего огня и позволяет нам причинять им серьезные потери: так около трети их личного состава выведены из строя — десять тысяч солдат, пять тысяч из которых лежат мертвыми на плато или в оврагах.

После этого поражения русские настолько разгорячены, что не просят перемирия, чтобы похоронить своих мертвых и подобрать раненых; и даже стреляют по нашим солдатам, занятым достойной уважения миссией — погребением мертвых и спасением других.

В последующие дни почти везде, но чаще в оврагах, находим труны, начавшие разлагаться или изъеденные животными; грустно то, что было много раненых, которые сейчас мертвы из-за того, что не были вовремя спасены. На наших

* В двух моих батальонах зуавов два офицера убиты, пять ранено, сто пятьдесят солдат убито и ранено.

Среди наиболее выделившихся офицеров я счастлив отметить моего товарища и друга командира дю Бо, который все время подавал пример храбрости, хладнокровия в командовании и в одушевлении своих солдат. Вот другие, чье поведение более всего заслуживает похвалы: командир роты Ле Тор де Греси, Шампо (оба убиты немного позже), Каминад, Лаланн; лейтенанты Дрю, Манжэн, Реглей (ставший бригадным генералом); главные сержанты Россиньон, Малатерр и многие другие, которых, к сожалению, я не могу назвать: их список слишком длинен.

** Во время битвы мою лошадь повалило взрывом снаряда. Мне слегка зацепило ногу, но ничего серьезного. Считая мое верховое животное убитым и сумев быстро подняться на ноги, я поспешно захватываю седло и продолжаю наступательный марш. Как же все удивилось в полку после возвращения в наш бивак, когда под покровом ночи к моей палатке приходит животное, которое останавливается на месте, где находилась моя лошадь накануне! Мой денщик проснулся и замер в растерянности, узнав мою лошадь, брошенную на верную гибель на поле битвы более чем в трех километрах от нашего лагеря. Итак, это бедное животное инстинктивно вернулось к точке своего отправления.

После двух месяцев ухода лошадь была в силах снова мне служить.

солдат возложена тяжелая миссия захоронения этих человеческих масс, которые быстро могли бы стать очагом эпидемии в наших рядах, если бы были брошены на открытом воздухе.

В этот кровавый день тактика сыграла весьма малую роль: в основном была рукопашная битва в течение семи часов; русские — то победители, то побежденные — в конце концов отступили, заставив нас испытать ощутимые потери, но сами потеряли гораздо больше.

Их офицеры, будучи все время впереди, не прекращали вести своих солдат, перестраивать их поредевшие батальоны, чтобы снова вступить в борьбу.

Если в этот день англичанам недоставало бдительности и они плохо защищались, то нужно справедливо заметить, что их офицеры и солдаты вели себя отважно, они вызывали восхищение своим спокойствием, рвением, стойкостью перед смертью, которая их настигала. После сражения у них оставалось не более шестнадцати тысяч пятисот штыков; поэтому их армия была повреждена основательно — гораздо сильнее, чем в Балаклаве, за десять дней до Инкермана; их кавалерия была почти полностью уничтожена*.

Что касается французской армии, внезапно атакованной на линии окружения и в траншеях русскими войсками, желавшими отвлечь нас от их атаки в Инкермане, то, как всегда, она проявила себя полной отваги и рвения при защите траншей и в атаке на плато; следует прибавить, что во главе ее были блестящие генералы, такие как Канробер, Боске, д'Орель де Паладин, де Лурнель и другие, которые, всегда находясь в первых рядах, сумели осуществить разумное и удачное руководство повсюду, где пришлось бороться с противником.

Буря 14 ноября. Согласно плану главного штаба, следовало осуществить атаку на следующий день после Инкерманской битвы; теперь все приходилось изменить, так как отныне против нас стояла серьезно пополненная подкреплениями со всех концов империи армия, которая казалась весьма готовой к наступлению. Итак, продвигая наши траншейные работы против города, мы должны обезопаситься от новых атак; прежде чем назначить день нападения, нам нужно дожидаться прибытия резервов. С другой стороны, поскольку главное — удерживаться на Инкерманском плато (а у англичан из-за болезни и неприятельского огня численный состав весьма уменьшен), главнокомандующие приходят к соглашению, что заняться всеми траншейными и оборонительными работами напротив Малахова и с правой стороны до бухты должны французские войска.

9 ноября меня назначают подполковником в 10-й легкий полк; в тот же день я передаю командование 3-м полком зуавов полковнику Сен-Полю**, назначенному на замену полковника Тарбуреша.

* По официальным докладам, у англичан из тринадцати тысяч введенных в бой человек убит сорок один офицер (двое из которых генералы) и пятьсот восемьдесят солдат; семь генералов, сто офицеров и тысяча семьсот восемьдесят солдат ранены.

Во французской армии убито или ранено девятьсот восемьдесят солдат и офицеров в Инкермане и семьсот семьдесят — в траншеях, и это на численный состав в девять тысяч человек, которые приняли участие в обеих атаках.

** Полковник Сен-Поль выходил, как и я, из старого полка зуавов; это был неустрашимый, умный и находчивый командир; вместе с тем он прекрасно вел себя в бою и имел славный престиж среди подчиненных.

Он отличился в различных сражениях первых месяцев 1855 г.; убит во главе своих войск во время стычки 18 июня, будучи бригадным генералом.

Что касается меня, то вместо того, чтобы вернуться во Францию, где находится мой новый корпус, я получаю от главнокомандующего распоряжение вступить во временное командование 50-м линейным полком, полковник и подполковник которого, потребовав отставку, уехали.

Я с грустью расстаюсь с моими друзьями по оружию из 3-го полка зуавов, но у меня есть утешение: остаюсь в корпусе, относящемся к той же бригаде, командир которой — неизменно храбрый генерал д'Отмар.

Как бы там ни было, скоро мы должны будем бороться не только с русскими, но еще и с исключительно суровой зимой; в течение многих месяцев мы испытаем то сильнейший холод, то дождь, то снег, то ураганы.

Для начала 14 ноября, в семь часов утра, нам приходится перенести ужасную бурю, неистовый ветер, срывающий все палатки; многие из них унесены и потеряны, бараки полевых госпиталей разворочены и разрушены; даже людей сносило, а винтовки, сложенные в козлы, были опрокинуты. Вместе с тем морозный холод, проливной дождь; прибавьте к этому и то, что больные, офицеры и солдаты не имеют укрытия, у них нет никакой возможности разжечь огонь, приготовить себе горячую пищу! Какой печальный день! Редко можно увидеть подобное зрелище. Кроме того, армия страдает на голом плато, в несколько часов она приведена в полное расстройство.

Наши солдаты не медлят начать работу и пытаются всеми способами спасти какие возможно вещи, но особенно — палатки и снаряжение, магазины и припасы.

В море наши корабли терпят страшные разрушения: многие выброшены на берег, затем разграблены русскими. Некоторые корабли подверглись таким неистовым ударам, что мачты, рули и реи сломаны. Следствием этого урагана стала потеря армией большого количества съестных припасов, фуража, лошадей; пляжи полны обломков. Это не все: корабли «Генрих IV» и «Плутон» потеряны полностью, другие имеют серьезные повреждения. Три торговых судна теряются возле Камыша. Англичане со своей стороны видят, как на входе в Балаклавский порт терпят крушение восемь транспортных кораблей, нагруженных армейскими припасами.

23 ноября я передаю командование 50-м полком полковнику Брансьёну. Я некоторое время остаюсь под началом этого командира — настоящего средневекового рыцаря, высокого роста, худого, сурового в службе, но с превосходным характером, героической смелостью; вместе с тем у него речь хорошо воспитанного человека, привычки его строги, вкусы просты. В первое время ему пришлось провести малоприятные часы; причины вот в чем: все старшие офицеры полка обедали за одним столом. Среди них находился один командир, чья не очень корректная речь, грубые и зачастую весьма похотливые выражения заставляли краснеть от стыда нашего нового начальника, который был не в силах объяснить себе эту непристойность со стороны пожилого офицера и не замедлил сообщить мне о своих ужасных впечатлениях и о своем огорчении от повторяющегося за каждым приемом пищи такого чудачества, которое редко встречается даже в низкосортных кабаках. Что же: этот офицер, назначенный командиром батальона по старшинству, достиг позднее, по некоторым обстоятельствам и по политическим причинам, более высокого иерархического звания и даже, покинув армию, заседал депутатом, затем пожизненным сенатором.

Полковник Брансьён, напротив, через несколько месяцев был убит на редуте, который назвали в его честь.

Различные инциденты в последние месяцы года. 30 ноября — большой смотр войск всех корпусов, цель которого — наградить военных всех званий; это даст место манифестации, которая производит в войсках наилучший эффект, возбуждает соперничество и вселяет боевой дух в сердца всех наших солдат, перенесших столь сильные испытания.

Нужно сказать, что в течение двух месяцев, ноября и декабря, мы переносили достаточно сильные перепады температуры: то холод с густым туманом, затем сильнейший дождь, наконец, обильный снег, который, под властью дуновений ветра, проникает во все палатки и лишает наших солдат всякого отдыха.

Несмотря на это, траншейные работы не замедляются на всех линиях; огонь с одной и другой стороны порою бывает самым сильным. Русские совершают даже ночные вылазки на наши укрепления; чтобы уберечься от этих достаточно частых атак, мы считаем необходимым поставить на аванпосты элитные подразделения, которые будут всегда начеку, всегда готовы защищать наши траншеи. С этой целью генерал даёт приказ организовать в каждом полку роту франтире-ров, набранных из наиболее энергичных солдат (зуавов, пехотных стрелков, линейной пехоты) по доброй воле, управляемых избранными и известными командирами, полными отваги и рвения*. Эти роты оказали огромную услугу армии и инженерным войскам своим прекрасным отношением и решительным поведением, благодаря чему они отбивали атаки русских и порою совершали стремительные наступления.

Из-за суровости зимы, в тяжелейших условиях, без укрытия, обязанные дежурить на открытом воздухе в траншеях, многие наши солдаты вынуждены ложиться в полевой госпиталь; немало офицеров, подчиненных тому же режиму, также стали жертвами ненастья. Среди них мы с глубочайшим сожалением видим нашего отважного генерала Бурбаки, которого безжалостно поразила болезнь, он крайне слаб и вынужден отправиться во Францию для поправки здоровья. Сколько других окажется в таком же положении! И я тоже, я должен заплатить дань: временами меня одолевают боли в желудке с перемежающейся лихорадкой; но, так как я держусь за мою должность, мне нужно бороться с болью, призвать всю энергию духа и особенно — абсолютную волю. Несмотря на временные приступы, мне удастся перенести этот период и преодолеть трудности, не прибегая к помощи крайних средств.

11 декабря в девять часов утра русские совершают три вылазки на наши траншеи, две — на крайние точки, одну — в центр; более двух часов продолжается усиленный огонь, даже у англичан объявлена боевая тревога. В центре противник смог захватить подразделение 42-го полка, обстрелял аванпосты и, наконец, увез на себе три мортиры.

Несмотря на эти неприятности, русские отброшены на всех точках, но они заставили нас испытать достаточно чувствительные потери — убитыми и ранеными.

* Командиром роты добровольцев 3-го полка зуавов стал Гёртсман. Он был назначен для выполнения этой важной роли благодаря своим военным достоинствам, своевременной пылкости, спокойствию перед лицом опасности.

Позднее, будучи командиром батальона, убит.

В лагерях ходит слух, что наш неприятель получил два батальона донских казаков, прошедших кампанию против Шамиля. Как уверяют, эти очень смелые, очень отважные солдаты прибыли, чтобы атаковать нас на наших позициях.

13 декабря 7-я дивизия генерала Биссона высаживается на побережье Камыша; затем, спустя несколько дней, прибывают дивизии Дюлака, Пате и де Сая, а также достаточно серьезные подкрепления для старых полков.

Во время всех этих движений войск разнеслась новость, что заключается союз с Австрией; согласно этому трактату, ее силы должны были бы войти осенью в Бессарабию, а французы и англичане — в Азию.

III

Союзные армии (конец декабря 1854 г.). В течение более трех месяцев нашего пребывания на Херсонесском плато наши солдаты размещены в маленьких палатках на неплодородной, каменистой, с жалкой растительностью, выметенной северным и морским ветром, вымытой проливными дождями почве; то здесь, то там можно найти чахлые кустики, кустарники, несколько редких фруктовых рощиц, ветхие маленькие хижины, окруженные саженцами винограда, колодцы, выкопанные в скале. Повсюду в других местах — засушливые и бесплодные степи. Итак, именно на такой неровной местности наши солдаты должны найти необходимое для приготовления пищи и для увеличения ее количества; но поскольку скудные дрова в окрестностях наших биваков быстро закончились, солдаты вынуждены заниматься их сбором в других местах, так как прежде всего необходимо жить, есть что-то кроме сырого мяса; отсюда — необходимость найти способ согреть котелок, чтобы сварить суп. Наши солдаты, не только умные, но и изобретательные, не медлят разыскать на большей или меньшей глубине корни винограда, кустарников, растений разных видов, хорошо умея использовать их при временной необходимости.

Что касается одежды, белья и другого, то, поскольку невозможно получить из Франции самые необходимые вещи, офицеры и солдаты в крайней бедности, и это — без всякой возможности обеспечить себя. Как после этого удивляться, что все мы испытываем в большей или меньшей степени неудобства и неприятности от насекомых-паразитов, цепляющихся к телу*?

Лишь к концу декабря начинается обильное прибытие припасов: водка и кофе, затем теплые вещи, жилеты из фланели, сабо.

Наше ужасающее материальное состояние в эти первые месяцы несколько не ухудшает хорошего настроения наших солдат; французская веселость среди всех невзгод еще находит способ проявиться. В лагере смеются, шутят; время течет, работа и опасности непрерывны, но нигде не встретишь хандры на лицах или моральной слабости в сердцах.

Вот уже девять месяцев как наша армия на Востоке. В течение всего этого времени она была вынуждена переносить испытания самого разного рода; это

* В то время я был командиром батальона, затем — подполковником; итак, у меня был гардероб из трех плохих рубашек, четырех пар дырявых получулков, единственного дождевого плаща, который распозался на части, штанов, изношенных до дыр. Что и говорить после этого о состоянии, в котором должны были находиться солдаты и младшие офицеры, все запасное обмундирование которых было уничтожено в августе при пожаре в Варне.

позволило констатировать, что французские солдаты обладают неисчерпаемым запасом мужества, способностью переносить с совершенным спокойствием и величайшей самоотверженностью усталость, лишения, эпидемии, боевые опасности, неистовые атаки. Итак, опыт прошлого и настоящего учит нас, что так будет всегда в том случае, если командиры умеют внушить солдату доверие, говорить с его сердцем, самолюбием, чувством патриотизма; когда солдат видит, что командиры всегда беспокоятся о его благополучии, в приказах по армии ободряют его симпатией и патетикой, и особенно, когда он видит, как командиры подают пример всех воинских достоинств.

В эти столь тяжелые дни следует признать (и будущее лишь подтвердит такое утверждение): Франция имела сильнейшую армию, достойную знаков восхищения последующего поколения, армию, которая может служить образцом.

Английская армия. Перейдем к английской армии; солдаты ее храбры и непоколебимы перед врагом, но привыкли к самому большому комфорту, а не к бивачной жизни в местности без ресурсов. Предоставленные самим себе, имея малопрактичное административное устройство, они не умеют и не могут совладать с делом, много страдают, огромное количество заболевает и производит трудно-восполнимые прорехи.

Как не удивляться такому порядку вещей, когда представляешь, что эти солдаты получают припасы, но не умеют их приготовить; что офицеры не сильно стремятся прийти им на помощь, побеспокоиться о материальной жизни своих солдат? Это, мол, дело интендантства. У офицеров единственная миссия — идти впереди в сражении.

Поэтому мы видим, что личный состав наших союзников редсеет с удивительной скоростью; многие из их солдат идут к нам в биваки брататься с нашими служивыми, ищут в наших столовых способ подкрепиться, будь то напитками, будь то какой-либо серьезной пищей.

Глава четвертая

|| *Бури; мерзлота; эпидемии; вылазки
из города; траншейные работы*

Январь—февраль 1855 г. С начала нашей высадки в Крыму мы вынуждены были перенести множество испытаний: энергичный враг, с которым сражаемся либо в кровавых битвах, либо в ежедневных стычках; усталости и лишения, затем траншейные работы, продолжающиеся днем и ночью под неистовым огнем городских батарей и во время атак в штыки.

Лишь в первое время кампании для поддержки и воодушевления наших солдат в исполнении их долга сохранялся стимул для возбуждения корпоративного духа, национальной гордости, самолюбия и, наконец, завоевательской славы. Тогда все шло на смерть с благородным рвением, были горды тем, что могли содействовать успеху наших армий.

В первые месяцы 1855 г. дальнейшие усилия не имели больше той цели и того смысла. Мы переходим в новую стадию — весьма печальную и мрачную. Перед нами будут стоять не только лишь человеческие существа, которых нужно атако-

вать или от которых следует защищаться. С ними, по крайней мере, можно всегда надеяться посредством упорства и отваги добиться победы; между тем как в течение января и февраля нужно будет начать борьбу со всеми разбушевавшимися природными силами в наших лагерях, со смертоносными и обескураживающими последствиями эпидемий и бурь.

Существование станет оттого более невыносимым, что прояснения на небе, позволяющие перевести дух, снова набраться смелости, сохранить веру и надежду на будущее, будут весьма редкими явлениями.

Как описать этот печальный и губительный период без сражений? Как передать эти подробности длительных страданий, которые должна была перенести наша доблестная армия и которые принесут столько жертв в рядах?

В течение двух месяцев мы страдаем поочередно то от яростных северных ветров, обмораживающих и режущих наши лица; то от густой метели, проникающей повсюду; то от буйных шквалов, опрокидывающих деревья, палатки, госпитальные бараки, даже составленные в козлы винтовки; то от пронизывающего холода, достигающего от -9 до -18 градусов, тогда как накануне было $+14$; все раскисло от проливных дождей, оттепель превратила поверхность земли в огромное болото с глубокой и болезнетворной грязью. Прибавьте к этому, как следствие внезапных перемен, эпидемии, лихорадку, цингу, тиф и т. д.

Эти циклоны, неожиданные изменения температуры дают о себе знать с особыми силой и неистовством 4, 6, 12 и 16 января, затем 3, 11 и 20 февраля.

Солдатские Пещеры. Солдатские страдания. Для сопротивления сезонному ненастью, суровости этой исключительной зимы, чтобы, наконец, немного отдохнуть ночью, в свободное от службы время, наши солдаты умудрились сделать небольшие пещеры под своими палатками; для этого они вырыли землю на метр-полтора, бросая землю по сторонам, которая служит для укрепления кольешков и большей устойчивости крыши; все же, несмотря на принятые меры для укрытия этих настоящих кротовин, каждый раз во время шквалов густые хлопья снега, носимые ветром, проникают даже в эти жалкие маленькие сооружения, ложатся на покрывала вялых, продрогших, закоченевших, совершенно невыспавшихся, пораженных чем-то вроде физического и морального паралича солдат. Как ужасно! Человеческие тела лежат на земле, глубоко пропитанной зловредной сыростью, дышат спертым воздухом — все это благоприятствует распространению инфекций заразных болезней*.

Каждое утро наши несчастные солдаты двигаются, разминаются, пытаются разогреться, избавиться от снежного покрова, затем очищают изнутри и снаружи свое логово. После этого нужно будет срочно приняться за траншейные работы или идти на сторожевые заставы и аванпосты.

Нужно обязательно признать, что все эти ночные невзгоды плохо подготавливают человеческое тело к дневным военным действиям; тем не менее, когда приходит время поднимать гвардию, заступать в наряд, чтобы отправляться далеко на поиски припасов, снаряжения, провианта, необходимо идти сквозь ослепляющие шквалы, преодолевать большие пространства, покрытые снегом

* По указанию главных армейских врачей генеральный штаб приказал, подробно разобрав этот вопрос, в короткое время переместить палатки, особенно те, под которыми были выкопаны ямы, расположить эти палатки на ровной земле, для того чтобы иметь лучшую вентиляцию и, кроме того, вывешивать постельные принадлежности вне палаток.

глубиной в два фута, с трудом прокладывая себе путь; порою приходится впрягаться в повозки и, надрываясь, тянуть их.

В свободное от службы время солдаты обреченно остаются в палатке, зябнут там от холода, живут без развлечений, не в силах разжечь огонь, чтобы приготовить суп*.

Положение офицеров несколько не лучше: зачастую внутри палатки все заносилось снегом, отдых был невозможен; в свободное время они не могут погрузиться ни в какую интеллектуальную работу; постоянно коченеющим от холода, им весьма трудно держать перо, написать строчку; чернила — часто затвердевшие и замороженные.

Это страшное время навевает тоску в лагерях; души взволнованны, мысли темны. Многие рассматривают происходящее с худшей стороны, у некоторых пессимистический вид, предсказывают провал кампании, подвергающейся каждый день стольким катастрофам. Некоторые дошли до того, что спрашивают себя, зачем нужно было закрепить две прекрасные армии перед севастопольскими укреплениями, даже и не помышляя об операциях внутри империи.

Пребывание в траншеях. Но сколько ни говори о лагерных тяготах, они незначительны в сравнении с перенесенными бедами в траншеях! Там работники и караульные не могут нигде укрыться; все время на открытом воздухе, стоя или лежа, они вынуждены все время бодрствовать, чтобы избежать всякой неожиданности.

Промокшие до костей, они сильно страдают от холода, особенно ночью, когда они не могут сойти со своих наблюдательных постов из страха стать жертвой внезапного нападения бдительного противника, который всегда настороже.

В оттепель солдаты, несущие службу в траншеях, в результате дождей и таяний, увязли до колен в обледеневшей грязи и, что самое мучительное, должны оставаться в безнадежной неподвижности.

Перемены погоды, которые происходят с небольшим интервалом, вызывают множество разнородных болезней: одни настигнуты цингой, дизентерией, холерой; некоторое число получило обморожение ног, требующее ампутаций, почти всегда сопровождаемых смертью. Часто гангрена поражает легкие раны, в то время как еще не представляется возможным приступить к эвакуации больных, число которых растет с каждым днем.

В полевом госпитале скопление больных порождает брюшной тиф и, как следствие, ускоряет смертность.

Молодые солдаты, недавно прибывшие из Франции, страдают наиболее. По их высадке почти все полки должны платить большую дань акклиматизации, в то время как старые корпуса, с более закаленным духом, привычные к бивакам и трудностям, связанным с ними, тоже страдают, но гораздо менее подвергаются болезням.

Как бы там ни было, к концу января и в феврале, можно наконец эвакуировать больных и раненых в Константинополь и Францию в количестве более шести тысяч.

* Самым бедственным был день 16 января: дул ледяной северный ветер, образовались сугробы. Термометр показал ниже 18 градусов мороза. Дороги были непроезжими. Врачи уверяли, что если такая погода продолжится, то оставлять солдат в траншеях не будет представляться возможным, там их будет ждать верная гибель от обморожения. День 14 февраля был почти таким же несчастным.

В течение этого злосчастного периода кампании можно с законной патриотической гордостью констатировать, насколько на глазах у внешнего мира наши солдаты смогли сохранить в своей безупречности моральный дух и чувство долга; вообще, если слышится ружейная пальба, если прозвучал сигнал покинуть места в траншеях, все тогда не колеблясь оживляют отягчающий их ледяной застой и с рвением бросаются к оружию. Эти различные происшествя, правда, достаточно редки — когда проходят эти ужасные ураганы, парализующие все наши силы; иначе говоря, страдания столь же жестоки к осажденным, сколь и к осаждающим. Очень часто также наблюдаем, как с обеих сторон в силу обстоятельств заключается нечто вроде безмолвного перемирия*.

Тактика нашего главнокомандующего зимой. Генерал Канробер прилагает все усилия, чтобы облегчить эти тяжкие испытания нашим солдатам; всегда на ногах, он обходит наши лагеря, идет в траншеи, посещает госпитали, повсюду он пытается поднять моральное состояние, ободрить, укрепить патриотическое чувство. На его прошение прислали из Франции корабли, груженные провизией и разным вещевым довольствием. Вслед за этим он спешит в течение февраля распределить между солдатами бараньи шкуры, приготовленные заранее, чтобы уберечь корпус в суровый холод, шинели с капюшоном, сабо, шерстяные носки (*chaussons de laines*), кожаные гетры; большому числу людей в лагерях выдали походные одеяла.

Что касается пищи, он приказал повесить уставной паек, изготавливать несколько примитивный хлеб в военных печах, добился, чтобы его раздавали два и три раза в неделю, чередуя с сухарями, которые трудно усваиваются. Теперь, наконец, мы можем получать немного вина и водки. Армия весьма признательна своему командиру за его огромную заботу, за его великую самоотверженность в отношении всего того, что касается благосостояния подчиненных.

Вечером, уединившись в своей палатке, наш генерал погружается в размышления; только близкие из его окружения могут утверждать, насколько он обеспокоен, всецело поглощен тяжелой ответственностью, которую на него возложили события и суровости зимы.

Английская армия зимой. Если ураганы и бури нас заставляют нести чувствительные потери, то положение наших союзников катастрофично по другим причинам; личный состав их корпусов настолько уменьшается, что в результате у них очень мало людей в строю; доходит до того, что лорд Раглан прибегнул к нашей помощи, чтобы занять наибольшую часть его траншей; в общих интересах нам нужно отправить две дивизии, совсем недавно прибывшие из Франции, чтобы они атаковали подкопы Малахова и Зеленого Холма; помимо того мы атакуем всю длинную линию внешнего вала, всю, кроме левого фланга, где мы продолжаем работы.

В связи с этим распределением атак англичане охраняют лишь траншеи перед Большим Реданом, то есть менее шестой части всех работ против города

* 12 января, в самый разгар бури, наши вольные стрелки выдвинулись на русских и захватили засаду под самым неистовым огнем.

20 февраля, несмотря на скверную погоду, предпринята попытка вылазки на Черную. Наконец, 24-го атаковали Док.

Каждый раз солдаты были стойки в строю и полны морального духа.

и внешней стороны. Это очень ограниченная часть, на которой они отныне должны действовать.

Более того, нам нужно отослать всю бригаду генерала Винуа, чтобы охранять позиции возле Балаклавы, где находятся все ресурсы наших союзников, выделить работников для продолжения строительства редута, который они были вынуждены покинуть за недостатком рабочих рук.

Кроме осадных работ, мы должны еще приходить к ним на помощь по самым разным поводам: выделять им пехотинцев для нестроевой работы, повозки для транспортировки продовольствия, амуниции и прочего; оказывать им нашу помощь во множестве деталей по части административных услуг, поскольку у них одна за другой исчезали тягловые и верховые лошади, ротная прислуга и марки-танты, подрядчики, различные штатские служащие, которых вся английская армия тащит за собой и которые являются незаменимыми помощниками не только в траншейных работах, но и в самом лагере и даже для приготовления пищи.

Англичане используют солдат турецкой армии, точно как вьючных животных, транспортируя на их плечах из Балаклавы до хранилища батарей Мельницы бомбы, ядра и прочее артиллерийское обеспечение.

Но насколько все переменится, когда сможет функционировать железная дорога из точки высадки до лагеря наших союзников, особенно весной 1855 года! Тогда придут из Англии корабли, груженные палатками, полностью подготовленными для медицинской службы и расквартирования войск, большими двойными палатками, съестными припасами — изобильными и наиболее подкрепляющими; кухнями для солдат, столами, посудой, наконец, придет гражданский личный состав для выполнения разных работ, даже в качестве носильщиков. Во всех корпусах станет видно, как несколько эксцентрично выставляется напоказ роскошь: офицеры великолепно размещены с полнокомплетными постелями, зеркалами, письменными столиками, каминами. Что касается солдат, то они будут полностью обеспечены благосостоянием домашнего быта, не известным нам в мирное время; их пища будет столь же полноценна и столь же роскошна, сколь может желать истинный джентльмен.

Это превышало потребности настоящего и подготавливало на будущее желания и стремления, слишком часто неисполнимые.

В течение этого ужасного времени замечены в обеих армиях несколько редких случаев личного упадка, так как это происходит, впрочем, во всех участвующих в кампании армиях, даже в наиболее организованных и закаленных. Таким образом, мы видим, как некоторые офицеры, проявившие себя очень храбро перед лицом врага, доходят до того, что утрачивают моральную крепость и смирение, становятся «лжебольными», проскальзывают в круг раненых или настигнутых эпидемией и отправляются во Францию искать там отдыха и быстрого избавления от новых испытаний.

Другие, достаточно хитрые, однажды прибыв в столицу, воспользовавшись интересом, проявленным к армии всей нацией, удаиваются наград, которые не достаются товарищам, оставшимся на почетных постах страдания и самопожертвования во имя долга. Впрочем, моральный дух оставшихся только приумножается после предательства нескольких трусов.

С 7 ноября принц Наполеон подал дурной пример, покинув своих солдат без уважительных причин; он отбыл на корабле, дабы более не возвращаться. Но он

имел так мало воинского чувства, так мало «вкуса» к войне, что это не было потерей для армии: никто в наших лагерях не сожалеет о его исчезновении.

Во время всех этих перипетий этого ужасного времени мы продолжаем строить новые редуты, новые батареи, особенно на Инкерманском плато и на подступах к городу; тем не менее в наших лагерях начинают удивляться слабой силе огня нашей артиллерии; порою доходит до того, что мы принимаем русских за осаждающих — настолько их огонь интенсивней, настолько их ночные вылазки чаще. Мы не стесняемся критиковать наших инженеров, столь самонадеянных в своих абсолютных принципах, столь уверенных в своих теоретических расчетах, а теперь — таких колеблющихся, таких озадаченных.

Артиллерия тоже является объектом критики. Эти две армии вместе с тем сделали самые похвальные усилия, чтобы успешно завершить траншейные работы и линию батарейной стрельбы; в любом случае, их офицеры не пощадили себя; и если они были не в силах преодолеть все трудности, то это происходило из-за чрезвычайных обстоятельств — энергичности и упорства наших врагов.

1855 г. Январь-февраль. Атаки и сражения в траншеях. В течение этих двух месяцев суровой зимы, несмотря на страдания наших солдат, выполнялись не только земляные работы, но также происходило много отдельных сражений, упорных боев в траншеях, велся более или менее интенсивный огонь — все это с перерывами и сюрпризами. Каждый раз наши разведчики-добровольцы залегают небольшими группами перед нашими апрошами, продвигаются ползком с целью захватить вражеские посты или предупредить какие-либо наступательные действия с их стороны; действуя таким образом, они могут информировать обо всем, что готовится в темноте; довольно часто проявляют себя неутомимыми захватчиками, умеют видеть сквозь ночной мрак и вместе с этим бодро переживают ненастье, от которого другие страдают и гибнут.

12 января они продвигаются и уничтожают русскую засаду, сумев воспользоваться моментом, когда буря и ураганы свирепствовали во всю силу.

Ночью с 14 по 15 января прошли мощные атаки со стороны русских против наших и английских траншей; после оживленной пальбы столкнулись врукопашную; немало убитых и раненых в 74-м линейном полку, но наконец враг отброшен.

1 февраля, в пять часов утра, объявлена боевая готовность со стороны англичан; наша дивизия (генерал Боске) берется за оружие, отправляется вперед поддержать наших союзников, но после быстрого марша нам сообщают, что все кончено: отбитые русские вынуждены вернуться в город.

Этой же самой ночью 1 февраля с траншей левой стороны предпринята вылазка русских; произошел сильный бой, в котором убит командир инженерных войск Сарла и тяжело ранен капитан Фурнье.

20 февраля генерал Канробер совместно с лордом Рагланом отдает приказы о ночной атаке против войск, расположенных в долине Черной; умело предприняты все меры; но чуть позднее полуночи, как только назначенные войска двинулись, погода стала такой ужасной, что был отдан контрприказ об условленном сосредоточении на Трактирном мосту.

Наши войска, вовремя предупрежденные, разворачиваются, но, чтобы достичь плато, они должны продвигаться по вязкой грязи, встречая лицом снежные порывы ветра, вскарабкиваться с огромнейшими усилиями по обрывистым склонам холма, где расположены наши лагеря. Наконец к восьми часам утра мы туда

прибываем, но корпуса с трудом узнают свое местонахождение — настолько неузнаваемой сделали снежные сугробы поверхность земли; палатки почти полностью завалены, многое теряется из виду.

Англичане, предупрежденные позже, пострадали намного больше; они возвращались в свои биваки в течение дня, всю ночь и часть дня перенося снежные шквалы.

Строительство редута Белых Укреплений. 22 февраля русские, воспользовавшись нашими замедлениями в атаке на Малахов, увеличили свои защитные укрепления и продвинули их перед основным фронтом; они закрыли холм брустверами и батареями перед точками укреплений, к которым ведут наши подступы; в течение ночи они построили на плато редут, названный позднее Белыми Укреплениями, где мы дадим жестокий бой.

24 февраля, в два часа ночи, мы направляем нашу атаку на батареи Дока и на редут, укрепленный в высшей степени.

Операция возложена на колонну силой в пять батальонов под командованием генерала Монне. К несчастью, мы натываемся на врага, который находится на своих укреплениях и обстреливает нас косоприцельным огнем со своих кораблей. Разворачивается жесточайшая битва, и в конце концов мы вынуждены бить отступление, будучи не в силах добиться удовлетворяющего результата. Ошибка в том, что предприняли атаку ночью: она редко проходит удачно, так как в операциях такого рода при малозначительном личном составе весьма сложно управлять людьми; множество подразделений слабо получают подкрепление и действуют разрозненно.

2-й полк зуавов особенно пострадал: отважно управляемый полковником Клером, полк теряет убитыми четырех офицеров, двенадцать — ранеными, двоих — пропавшими и сто сорок солдат — ранеными и убитыми. Генерал Монне серьезно ранен; что касается полковника Клера, то все восхищались его спокойствием, отвагой и его рвением в этой смертельной борьбе.

На следующий день, в полдень, объявлено короткое перемирие для захоронения мертвых и сбора раненых. Во время этой операции русские солдаты и офицеры вели себя весьма любезно с зуавами, крепко пожимали им руки; несмотря на военное положение, можно констатировать истинную симпатию между двумя народами, враждующими по воле обстоятельств.

Тем не менее русские, воспользовавшись перемирием, изучили местность и начиная со следующей ночи строили новый редут напротив наших траншей Инкерманского плато.

Новости в лагере. Пронесся слух о том, что Горчаков подписал в Вене положения трактата, предложенного союзниками. Многие видят в этом знак скорого мира; другие, напротив, не доверяют: они рассматривают эти отвлекающие действия как способ надолго затянуть дела, помешать отправлению новых подкреплений с перспективой возобновить операции весной.

С другой стороны, объявили скорое прибытие пятидесяти тысяч новых французских солдат и стольких же английских, тридцати тысяч турок под командованием Омер-Паши.

Генерал Ньель, командующий траншейными работами. Генерал Ньель, отправленный по приказу императора, прибывает в лагерь к концу января. Он сразу принимается за осмотр траншейных работ, пытается разобраться, что было сдела-

но; после этого он высказывает свои мысли и особенно критику, подчеркивает ошибку в направлении основной атаки с левой стороны: следовало двигаться правым флангом на башню Малахова, где мы возвышались бы над городом и портом. Немного позже он отправляется во Францию, похоже несколько успокоенный результатом осады. Как только он прибывает в Константинополь, получает приказ военного министра вернуться в Крым и действовать согласно приказам главнокомандующего.

Он возвращается к концу февраля и начиная с этого времени будет играть главную роль в управлении осадными работами.

7-го числа этого же месяца февраля часть императорской гвардии под командованием генерала Ульриша высаживается в Камыше, затем одна за другой прибывают три новые дивизии.

Немного позже организовываем войска в два армейских корпуса: первый находится под командованием генерала Пелисье, которому поручена осада левой стороны; второй — под командованием генерала Боске, обязанного защищать линию обложения, атаковать Малахов и другие укрепления правой стороны. Каждый армейский корпус включает четыре дивизии.

Формирование гвардейских зуавов. 31 января мы узнаем о назначении полковника Лаваранда командиром полка гвардейских зуавов — нового корпуса, который должен сразу укрепляться подразделениями, взятыми из других полков зуавов и батальонов пехотных стрелков; в то же время до моего сведения довели о моем назначении в нем подполковником.

12 февраля, будучи замененным в 50-м полку подполковником Адамом (одним из моих старых товарищей из зуавов), я нахожусь в бездействии до времени, пока не уладят все детали по организации нового корпуса. Генерал Канробер очень желает, чтобы я прибыл в его штаб во время этого ожидания. Когда я прощался с моим командиром генералом Боске, он не стеснясь выразил мне все свое недовольство относительно формирования, которое он находит вовсе несвоевременным, так как оно отнимает лучшие подразделения трех полков зуавов, которыми он командует. Разумеется, он в чем-то прав, но здесь я не в силах что-либо сделать, и, полностью понимая допущенную ошибку, видя огромные потери этих полков, понесенные с начала кампании, я гордился, что меня назначили в этот новый элитный корпус. Впрочем, следует заметить, что все в биваках весьма недовольны этими нововведениями, особенно в корпусе, где заберут наиболее крепкие его подразделения, и это — перед лицом врага.

16 марта генерал Канробер вручает знамя полку и выступает перед нами с теплыми словами обращения.

Наш дорогой полковник Лаваранд принимает командование и сразу дает наставления по размещению разных рот в указанных местах.

Начиная с этого времени наш новый корпус участвует в работах и сражениях в траншеях левого фланга и Инкерманского плато. Каждый батальон находится на посту по два или три дня.

В промежутках между дежурствами солдаты отправляются в наряд на работу, на разведку, транспортируют фашины, габионы и прочее.

(Перевод Д. В. Орехова)

Осада Севастополя в «Крымских письмах» Шарля Боше

В 1877 г., по случаю новых военных событий на Востоке, участник Крымской экспедиции Шарль Боше опубликовал в Париже в издательстве Кальманна Леви свои воспоминания «Lettres de Crimée» («Крымские письма»). Богатая событийной стратегической информацией, подробностями о пребывании французской, английской, турецкой и сардинской армий в Крыму, которые в силу своего особого положения Боше знал лучше остальных (он служил в штабе французского главнокомандующего генерала Канробера, а затем Боске), книга ценна еще и своей антивоенной направленностью. Преуспевающий штабной офицер и, казалось бы, защищенный от опасностей и тягот войны, он, однако, не прячется под крышей штаба и считает делом чести, как и его кумир Канробер, рисковать и жить так, как живут и рискуют солдаты его армии. Ни одно описание боя (а их в книге множество) не обходится без перечисления понесенных утрат, причем в той же мере, как и своих, ему жаль противников, русских. Осажденные вызывают его восхищение и уважение своим отчаянным сопротивлением, и он, в отличие от многих, слабо верил, что Севастополь вообще будет взят приступом, а если и будет взят, вряд ли его удастся удержать. Ему жаль разрушенного города — великолепной крепости, на восстановление которой, ему кажется, уйдет полвека; ему понятны трагедия и «разочарование побежденной армии, которая сражается в отступлении, ночью, безмолвная, подавленная печалью, усталостью, болью и грустью, у которой вместо триумфа — поражение в качестве вознаграждения за столько жертв, принесенных родине». «Если бы мы не должны были думать и говорить по-солдатски, какие мысли возникли бы о войне и ее авторах!» — с горечью пишет Боше.

Композиционно книга состоит из 25 писем Шарля Боше близкому другу барону Сейеру, образующих, соответственно, 25 глав с постраничными примечаниями, а также авторскими дополнениями и некоторыми историческими документами в конце текста. Письма охватывают отрезок времени с начала весны 1855 г. до 4 октября 1855 г., когда автор из Севастополя возвращается наконец в Париж. «Эти письма, которые точно отражали тревоги, надежды, страсти французов, — предупреждает Боше в предисловии, — были написаны под впечатлением наиболее волнующих и трагических событий без всякой мысли предложить их однажды публи-

ке». Но теперь, когда возросла угроза новой войны, ему важно вспомнить о тех днях, «славных, но временно угасших» в людской памяти. О себе и тем более о своих военных заслугах автор ничего не рассказывает. И все же его благородный образ достаточно отчетливо высвечивается в книге. Нам удалось разыскать о нем хотя бы самые общие сведения.

Шарль-Филипп Боше (1816–1908) — французский офицер и писатель. Вышел из военной школы Сен-Сира в 1838 г. в пехоту, принадлежал к штабу генерала Эймара, был майором Лионской армии; затем участвует в Алжирской кампании в должности адъютанта Ла Морисьера. Он принимал участие в экспедициях на Черчелл, Музайя, Медея и, возвратившись в Мец, принадлежал к штабу генерала Ашара. Вернувшись в Алжир с 5-м батальоном стрелков, участвовал в осаде Заатчи (1849), отличился на взятии Нара (1850) и по возвращении готовился стать адъютантом Наполеона III. Его назначение было уже подписано, когда появился декрет о конфискации имущества Орлеанской семьи. Боше посчитал своим долгом отказаться от сделанного ему предложения.

Был капитаном в течение двух лет, в 1853 г. был награжден, принимал участие в Крымской войне при штабе генералов Канробера, Боске, после войны вышел в отставку.

Уже в 1851 г. он выпустил в свет в «Revue des Deux Mondes» описание осады Заатчи, в 1857 г. он опубликовал другую статью о взятии Нара. В 1897 г. он собрал в одном томе «Военные письма и рассказы: Африка и Восточная армия» («Lettres et Récits militaires: Afrique et Armée d'Orient») — наибольшую часть своей корреспонденции, адресованной семье, а также Канроберу, Бужо, герцогу д'Омалю, генералу Флэри¹ и др. Произведение было награждено Французской академией.

Шарль Боше был известной личностью парижского общества, где он «оставался более пятидесяти лет одним из типов наиболее представительных». Старейшина оперных абонентов, завсегдашней кулис, которые он посещал с 1851 г. и куда он посчитал своим долгом ввести влиятельных людей и заезжих властелинов, он хвалился тем, что заставил маршала Бужо вести репетицию балетной труппы. Он оставил «Воспоминания» («Mémoires»), которые являются жизненной картиной Парижа во второй половине XIX в. Умер в Париже 14 апреля 1908 г.²

¹ Генерал Флэри (23 декабря 1815, Париж — 11 декабря 1884) — 22-х лет поступил в полк сипаев, действовавших в Африке; честолюбив, храбр, был несколько раз ранен. Благодаря безупречной военной репутации в 1848 г. был назначен ординарцем президента Людовика Наполеона, а после провозглашения империи — шталмейстером; в 1856 г. — бригадный генерал. Пользуясь особым доверием императора Наполеона, исполнял важные политические поручения, в 1869 г. был назначен французским посланником в Петербурге (до сентября 1870 г.). Карьера его закончилась с падением империи, жил в отставке в Чайльсгерсте вместе с Наполеоном III. Оставил записки, изданные в Париже в 1898 г. По итогам Крымской войны, считал Флэри, Англия на Парижском конгрессе получила, «благодаря Франции, более, нежели она могла ожидать» (Россия и Франция в 1770 г. (По бумагам генерала Флэри) // Русская старина. — 1899. — Т. 2. — С. 695–697).

² Larousse du XX-e siècle en six volumes. — Paris, 1956. — 1. — P. 742; Dictionnaire biographie française. — 1954. — 6. — P. 747.

Конечно, нам дороги и интересны и воспоминания или письма простого солдата, которому есть что рассказать о солдатской военной жизни. Но также большой интерес представляет рассказ о командующих армиями, их взаимоотношениях. Ни один, конечно, солдат и далеко не всякий офицер мог быть настолько приближен к известным военным личностям, насколько приближен был Шарль Боше. Он пользовался особым доверием главнокомандующего генерала Канробера; когда должность Канробера занял генерал Боске, Боше и у него вызвал симпатию и расположение. Часто Боше приглашают на обед английский главнокомандующий лорд Раглан и генералиссимус турецких войск Омер-Паша. Все, как утверждал автор, обходились с ним с особой почтительностью. Конечно, он не забывает написать обо всех этих знаменитостях, представляя читателю какие-то новые детали, характеризующие их внешность, поведение, отношения к врагу, к войне, друг к другу.

Необходимость перевода столь значимой для истории Крымской войны книги назрела давно. Она, несомненно, обогатит информационно-исторические запасы, а кроме того, мне кажется, очень поучительна. Она учит, что патриотизм убедителен не только и не столько в войне, сколько в гуманности, которая подсказала бы политикам «согласительный мир» и сохранила бы жизни тысяч и тысяч своих соотечественников.

Д. В. Орехов

Шарль Боше **Крымские письма**

Предисловие

Париж, 1877 г.

Важные события, которые разворачиваются на Западе, усиливают актуальность нашей Крымской войны. Столь оправданный успех книги, только что опубликованной г. Камилем Руссе¹, является этому верным доказательством. Я же посчитал, что реклама, данная моим письмам, написанным у стен осажденного Севастополя, не будет ни безынтересна, ни безосновательна. Особенно я хотел, что и сделал в другие времена², выделить качества, достоинства, подвиги нашей армии и великих людей, которые командовали ею. Мои письма смогут внушить надежду, что дни, о коих они напоминают, славные, но временно угасшие в памяти, засияют новым блеском.

¹ История Крымской войны Камилля Руссе, Французская академия. — *Здесь и далее прим. Ш. Боше.*

² Воспоминания об Африке, осада Заатчи и взятие Напа («Revue des Deux Mondes», 1 апреля 1851 г. и 15 июня 1857 г.).

Эти письма, точно отразившие тревоги, надежды, страсти французов, писались под впечатлением самых волнующих и трагических событий без всякой мысли предложить их однажды публике. Если они часто представляют характер желчной критики и едкости против наших союзников в этой войне, особенно против англичан, следует в этом видеть только естественный результат наших страданий, разочарований и иногда неудач. С нашей победой, обеспеченной взятием Севастополя, отношения между двумя армиями восстановили характер совершенной сердечности. Чувства, выраженные в этой интимной корреспонденции, могли бы быть приглушены: мои письма, пересмотренные и исправленные таким образом, могли бы утратить те черты импровизации и правдивости, которые я сохранил.

Они будут служить, еще и озаряя настоящее прошлым. Сведения о достоинстве армий, которые участвовали в схватках, позволят составить понятие, сможет ли Турция, предоставленная сама себе, долго сопротивляться своим могущественным захватчикам, и способны ли бесплодные результаты стольких жертв, принесенных помощниками этой слабой империи, содействовать новым вмешательствам.

И последнее: эти письма, которые были отданы мне после моего возвращения из Крыма, были написаны лишь для малого кружка близких и родственников. Я их адресовал прямо барону Сейеру, столь отличающемуся возвышенностью ума и чувствами истинно французскими, чтобы он получал далекие откровения друга.

I

Из штаб-квартиры под Севастополем, Март 1855 г.

За несколько дней погода весьма улучшилась, и все предсказывает возобновление военных действий с концом суровой зимы. Я предвижу, что они будут иметь характер ожесточенности особой, не виданной до сей поры в этой осаде. Нужно ли сочувствовать, нужно ли завидовать тем, кто должен при этом испытать жестокие страдания?

Наша армия находится сегодня на неприступной позиции. У нас восемьдесят тысяч человек, чтобы противостоять русским. Часть города Севастополя может быть взята; но чтобы окружить и захватить север, нужно бы еще шестьдесят тысяч человек. Трудность — в содержании столь многочисленных армий. Для ста пятидесяти тысяч человек в Крыму нужно триста других в резерве, и в то же время мы ничего не можем делать в Европе. Вот как распределен наш личный состав в течение нескольких месяцев с начала войны: треть — умирает; треть — возвращается во Францию по ранению или болезни; последняя треть остается. В конце года армия, состоявшая из ста тысяч человек, запросила вдвое больше. Никогда экспедиция не будет стоить такой крови и таких денег. Если бы еще результаты могли оправдать подобные жертвы!

Дух армии отменный. Это будет гордостью генерала Канробера — сохранить его таким в течение тяжелых испытаний зимы. С такими заместителями, как Пелисье, Боске, он может сегодня предпринять все. Солдаты, изнуренные вынужденным бездействием, просят только сражения. Мы бы продвинулись больше, если бы англичане были готовы; но, пребывая в унынии, апатии и далекие от

того, чтобы нам содействовать, они парализуют наши усилия. Мы даже не можем получить от них никакой информации о ресурсах, которыми они располагают. Это большое неудобство, когда у союзников два разных командующих. Командующий французской армией на самом деле имеет некоторый перевес в решениях, который ему дают численное превосходство его войск, опыт военных дел и особенно доверие, которое он сумел внушить лорду Раглану; но это не компенсирует недостатка единства. Тем не менее уметь поддерживать совершенную гармонию между двумя командованиями, несмотря на расхождение во мнениях, будет считаться одним из великих успехов нашего главнокомандующего.

Штаб Канробера очень хорошо организован. У нас есть генерал Трошю, самый молодой в своем звании в нашей армии — живой и блестящий ум, неутомимый работник, делающий в одиночку больше работы, чем все другие офицеры штаб-квартиры, бывший адъютант знаменитого маршала Бужо, признательность которого он любит вспоминать в дружеских беседах; подполковники де Корнели¹ и Вобер де Женли², благовоспитанные люди приятнейшего обхождения. Герцог де Дино, добившийся разрешения служить в этой кампании, и г-н де Молен³, известный своими сочинениями в «*Revue des Deux Mondes*», также принадлежат к штабу. Общие воспоминания о Париже, преданность, особенно посвященная главнокомандующему, объединили нас. Именно в палатке герцога мы собираемся почти каждый день, особенно к приезду курьера из Франции. Здесь мы делимся нашими новостями. Наиболее интересны те, которые передает своему сыну герцогиня де Саган⁴ о политике кабинетов Европы; те, что я получаю со своей стороны, пополняют наши сведения, они приносят ободрения и пожелания, часто полезные командованию.

Представители Англии в нашем штабе: генерал Роуз⁵, министр в Константинополе в то время, когда дипломатические происшествия привели нас к войне, типичный английский офицер — характер стойкий, честный, энергичный, не отчаивающийся ничем, внушающий доверие всем окружающим и говорящий «да» на все то, что говорится, но очень хорошо знающий то, что думается (предприимчивый, решительный, если бы он был командующим английской армией, мы бы понимали друг друга во всех отношениях); майор Фоллей, капитан Клармон⁶, очень симпатичные французам, особенно капитан Клармон, который говорит, что удивительно, на нашем языке и оказывает очень большие услуги.

Принимают пищу они вместе, в большой палатке арабского командира, она — славный сувенир наших африканских войн, который оставил маршал Сент-Арно своему наследнику. Почти всегда здесь присутствуют приглашенные в штаб-квартиру по заданию или по служебным делам. Вчера мы обедали с полковником

¹ Г-н де Корнели, погибший полковник.

² Г-н Вобер де Женли, в настоящее время генерал.

³ Г-н де Молен, погиб в результате несчастного случая, старший офицер.

⁴ Прекрасная герцогиня де Саган, сыгравшая важную роль в Венском конгрессе, где она поддерживала род своего дяди принца Талейрана.

⁵ Начал как усмиритель Индий, пэр Англии под именем лорда Стратерна, совсем недавно назначен фельдмаршалом.

⁶ Генерал, долгое время атташе английского посольства в Париже.

Пажолем¹ — главой штаба кавалерии, веселость разума и любезность которого контрастируют с угрюмой и очень скучающей внешностью.

Стол скромен, я мог бы сказать, отвратителен. Генерал Канробер, сама скромность и простота, проведя всю свою жизнь в Африке, не смог бы ничего понять в тонкостях кухни. Далее мы наслаждаемся нашей беседой, более привлекательной и оживленной.

С Херсонесского плато наша штаб-квартира имеет достаточно плачевный вид. Находящаяся на почве без растительности, которую втаптывают в топкую и вязкую грязь, она состоит из нескольких палаток и дощатых барачков, наполовину разрушенных дождями и зимними снегами. Видны выходящие из этих диких жилищ офицеры в мундирах, украшенных золотыми галунами и вышивками, что является единственным контрастом. Главнокомандующий не выбрал себе более достойного жилища для своего высокого положения. Строгий к самому себе, будто не главнокомандующий, он спит и работает в обыкновенной солдатской палатке.

II

24 марта 1855 г.

Позапрошлой ночью против наших оборонительных сооружений справа, со стороны Зеленого Холма, была вылазка русских, очень смелая и прекрасно скомбинированная. Это, конечно, самая сильная атака, которой мы только подвергались с самого Инкермана. Их было от семи до восьми тысяч под командованием Хрулева. Наши караульные войска не особенно ожидали их оттуда. Траншеи, внезапно занятые этими неустрашимыми нападающими, были театром наиболее кровопролитной рукопашной схватки. Наше энергичное сопротивление отбило охоту к бою у противника, который отступил с очень большими потерями.

Сегодня было перемирие на несколько часов, чтобы похоронить мертвых. На считывалось по меньшей мере шестьсот трупов на земле. Офицеры и унтер-офицеры войск, участвовавших в бою с обеих сторон, с людьми в наряде идут опознавать трупы и приказывают относить своих. Это грустное зрелище. Эти жертвы войны большей частью страшно изуродованы; часто у них почти отсутствует голова, рука или нога. Какие впечатления у тех, кто видел их накануне полными жизни и здоровья!

В течение этой грустной церемонии французские и русские офицеры, находившиеся здесь в достаточно большом количестве, наконец приблизились и обменялись словами вежливости, крепко пожимая друг другу руки. С двух сторон желали конца войны, которая знакомила две армии, довольно-таки симпатичные одна другой.

Вражеский офицер перешел на нашу сторону; но было смягчающее обстоятельство для чести русской армии: это — поляк. Он нам сообщил о скором прибытии подкреплений для осажденных и о приходе сильной гвардейской дивизии.

Мы живем среди груд трупов; на каждом шагу встречаем на земле мертвых лошадей или останки животных. Только что присыпали небольшим количеством земли кучи трупов, нагроможденных вперемешку после инкерманского кровопролитного дня. С этой стороны — страшный очаг инфекции, который может нам принести холеру в жаркую погоду. В Константинополе была заказана известь, чтобы предохраниться, насколько возможно, но уже поздно.

¹ Ныне один из самых старых наших генералов.

Идут разговоры о приезде императора.

Генералы Канробер и Ньель написали в Париж, чтобы отсоветовать этот проект. Присутствие монарха, который вовсе не путешествует без шума, принесет большое беспокойство и стеснение в наши военные операции. С другой стороны, эта новость встревожила оттоманское правительство и английского посла больше, чем кого-либо. Наша манера действовать и управлять в Константинополе заставляет о многом задуматься. Здесь возможно размещаться более мастерски, чем мы это делаем, захватывая все важные кварталы города, пристани, порт, улицы, базары, гостиницы и т. д. Повсюду видны только французы, которые ведут себя здесь так же, как дома. Я должен сказать, что если у нас нет Севастополя, то у нас есть Константинополь, и это уже что-то.

Г-н Ньель, у которого ответственная миссия, остается окончательно в Крыму. Его роль, достаточно серьезная, хотя совершенно неопределенная, состоит в том, чтобы следить за всем весьма тщательно и отчитываться прямо перед французским правительством. Главнокомандующий, который выше всех чувств соперничества и зависти, полон предусмотрительности и вежливости, хорошо принимает адъютанта императора, проявляет самое великодушное гостеприимство, сажает за свой стол всегда по правую руку. Этот гость, впрочем, очень благовоспитанный, легко посчитал бы себя выше того, кто его принимает; говорит он с уверенностью. Это дух абсолютный, холодный, суровый, но, я думаю, превосходный. Он выражается легко, ясно, но без оригинальности и шарма. После маршала Вайана он считается первым офицером наших инженерных войск.

В остальном он приятен мне; он спросил с интересом о новостях моих и г-на с г-жой Делессеров¹, умоляя меня напомнить им о нем, что я и делаю здесь, присоединяя к сему мои самые нежные приветствия.

III

29 марта 1855 г.

Южная часть города Севастополя — объект наших атак — делится на две очень непохожие части, разделенные военным портом, протянувшимся между ними. Левая, по отношению к нам, включает: Мачтовый бастион, бастион Центральный с зубчатой стеной, возвышающейся над грозными батареями и укреплениями, и тянущиеся от берега укрепления Карантинного форта. Правая, имеющая свои военные сооружения, казармы, арсеналы и доки, защищена знаменитой Малаховой Башней — глиняным укреплением в форме башни, связанным с главной системой обороны, передовым постом которой является Зеленый Холм.

К несчастью, для успеха наших операций англичане, менее многочисленные и менее опытные, нежели мы, в искусстве осад, вначале наступали со своей стороны на правый фланг перед Малаховой Башней. Начиная с первых дней мы обязаны были им помогать, а теперь мы их почти полностью заменяем. Не будь этого обстоятельства, наибольшая работа была бы почти закончена.

Наши работы с левой стороны сильно продвинулись. Я считаю, что здесь мы сильны и могли бы успешно начать огонь. Теперь будем ли мы штурмовать частично или подождем, когда приблизятся наши атакующие линии справа для глав-

¹ Г-н Габриель Делессер — пэр Франции, бывший префект полиции при короле Луи-Филиппе.

ного и решающего дела, — этого я сказать не могу. Так или иначе, не стоит мечтать, что мы станем хозяевами Севастополя очень скоро. Пока не может быть и речи о взятии Северных фортов, находящихся на другом берегу бухты.

Защитные сооружения крепости или укрепленных лагерей, что мы атаковали, прекрасны; более того, они минированы: атаковать их нам также будет стоить дорого. Осажденные работают для своей обороны без остановки. Офицер инженерных войск Тотлебен, который ими управляет замечательным образом, человек незаурядный. Он олицетворяет оборону, он ее душа и вдохновение. Он работает против нас, а в нашем лагере говорят только о нем. Какой престиж должен он иметь среди тех, для кого он является наиболее солидной опорой!

Русские значительно превосходят нас. Мы слишком пренебрегали их силами. Мы, наверное, надеялись увидеть, как стены Севастополя падут подобно стенам Жерико, под грохот наших фанфар. Город, снабженный восемьюстами стволами орудий, громоздящимися друг на друга, с пятьюдесятью тысячами неустрашимыми защитниками под храбрым командованием, невозможно взять так легко. Не нужно удивляться в Париже, самом умном городе, ни вынужденным задержкам осады, ни осторожности того, кто ею руководит.

У нашей армии есть настроение, терпение, безропотность, которые выше всякого восхищения. Особенно великолепны солдаты, которые ничего не выигрывают, но теряют жизнь. В армиях обязательно присутствует сверхъестественная сила, управляющая душами и заставляющая принять без жалоб и страха испытания и опасности: это — воинская честь, которая рождается в военной жизни, как универсальные моральные принципы рождаются в становлении и существовании общества.

Главкомандующий сумел укрепить эти военные достоинства примерами, которые он сам преподносит своим командованием. Каждый день он осматривает окопы, где сблизается с солдатом, обнаруживает к нему истинный интерес, поднимает его настроение, поощряет его. Уже его присутствие среди работ в наиболее опасных местах обладает величайшим эффектом. К концу дня он не забывает отправиться в госпитали, чтобы навестить раненых, ободрить их, пообещать им вознаграждения, и благодаря тысяче внимательных забот помогает им переносить страдания. Эти человеческие чувства бесполезны для того, кто их внушает: популярность, которой он пользуется здесь и которая будет его сопровождать повсюду, преумножается и облегчает ему повседневные обязанности. А сколько обязанностей в управлении сотысячной армией перед лицом неприятеля! Нет общественной ответственности, которая требует столько же разума, деятельности, самоотверженности.

В качестве развлечения у нас есть ночной ужин. Остается достаточно времени посидеть за столом... Вечера длинные, и невозможно их лучше проводить, чем в беседах о дневных происшествиях. Генерал Канробер умеет нас очаровать разнообразием своих рассказов; его речь живая, легкая, его память замечательна. Он подробно знает историю наших африканских войн со взятия Константина до осады Заатчи. Часто темой его бесед является достопочтенный маршал Бужо. Его бывший адъютант Трошю присоединяет к этим рассказам то, что знает сам об этой военной жизни, столь популярной в нашей армии. Генерал Ньель, более холодный, более церемонный, рассказывает нам об осаде Рима, где он отличился как офицер инженерных войск. Генерал Роуз увлеченно слушает и проявляет самый живой интерес ко всему, о чем говорится.

Позавчера, во время пиршества, в качестве исключения нам подали кусок великолепной копченой говядины, подаренной королевой Англии, с портвейном. Это внимание нас очень тронуло. Среди приглашенных за нашим столом — бывший полковник иностранного легиона г-н Базен, которого я знал еще в Африке и которого нашел здесь бригадным генералом.

После атаки русских 23 числа сего месяца были лишь незначительные вылазки; однако враг продолжает стрелять днем и ночью невыносимым образом. Он нам калечит и убивает много людей. Только что одно из ядер смертельно поразило одним разом капитана артиллерии с его лейтенантом. Часы, тянущиеся слишком медленно, уничтожают наших несчастных солдат без перерыва и пощады.

IV

14 апреля 1855 г.

После конференции у лорда Раглана, где находились генерал Канробер, адмиралы сэр Эдмунд Лион и Бруа, на следующий день после Пасхи (в прошлый понедельник) был открыт огонь по Севастополю из шестисот орудийных стволов. Была отвратительная погода, будто Бог пожелал затемнить этот первый день, предвещающий серию боев. Все пушки наших батарей, амбразуры которых были демаскированы ночью, загрохотали одновременно! Застигнутые врасплох русские, как всегда происходят в подобных случаях, плохо ответили на наш огонь: отсюда у нас есть превосходство уверенной стрельбы с самого начала. Мы им разгромили много батарей, теперь замолчавших, частично разрушили зубчатую стену. Мы знаем также, что наши гаубицы причинили много неприятностей в городе, что гарнизон Севастополя, не смея больше выходить на улицы, прячется от опасности в противобомбовых укрытиях. Наконец, из донесений дезертиров мы знаем, что припасы врага начинают исчерпываться. Нам легко об этом судить уже из того, как они экономят свои удары. Их в городе не менее сорока-пятидесяти тысяч человек, и, когда мы сможем подняться на приступ после многодневного артиллерийского огня, о подобном которому никогда не слышали, найдем их готовыми самоотверженно отстаивать каждую пядь земли. Это будет самый трудный и трагичный момент осады. Впрочем, главнокомандующим были приняты все меры предосторожности, чтобы действовать наверняка.

С понедельника под прикрытием нашего огня мы продвигаем работы, и этой самой ночью мы смогли построить параллель совсем близко к Центральному бастиону. После этого займемся строительством последней параллели, затем завершением скрытого прохода и, наконец, захватом рва. Тогда мы почти завладеем частью города слева от военного порта, над которой возвышается знаменитый Мачтовый бастион, столь часто упоминаемый в рассказах об осаде.

Атака правой стороны не идет столь хорошо, и, как я вижу, мы будем брать город только по частям. Я считаю, мы в него войдем, но это будет нескоро, тяжело и очень опасно. Не следовало бы думать о результате скором и окончательном. Что касается захвата северных фортов, то есть всей системы обороны по ту сторону бухты, — нужно бы начать кампанией в Крыму, победами, взятием Симферополя и полным окружением этих последних крепостей. Это нас далеко заведет.

Англичане изнежены, беспокожны, скучают и, как все скучающие, скучны. Они нам оказывают лишь весьма слабое содействие. Приходится постоянно вес-

ти переговоры с лордом Рагланом, чтобы склонить его вникнуть в наши планы. Это подает ему повод для высказывания, характеризующего расположение духа его армии: «Лучший план кампании — это хорошее перемирие».

Каждый день они ждут получения через Варну мирных новостей из Вены. Они их жаждут. Порою я имею честь сопровождать генерала Канробера к лорду Раглану; там я вижу одного из адъютантов, его племянника, который является сыном лорда Вестморланда, английского посла в Вене. Последние письма, полученные им от отца, имеют тот же смысл.

Из Евпатории по морю прибыла часть турецкой армии. Она бралась помочь нам при попытках штурма, которые должны были совершиться после открытия огня с наших батареями. Сам Омер-Паша, победитель Силистрии и Евпатории, здесь. На этой неделе он неоднократно обедал и ужинал в нашей штаб-квартире, где ему оказывают наилучший прием. Это человек проницательный, хитрый, приятных манер, великой вежливости, превосходного ума. Он немного француз и этим хвастается (родился в Каттаро во времена, когда Иллирия составляла часть французской империи); он весьма правильно говорит по-нашему, как и на всех почти других языках, и очень нам симпатизирует. К сожалению, он является единственным полномочным представителем армии, которая не лишена военных качеств, дисциплинирована, воздержанна, терпелива и преданна, но в которой кадровый состав офицеров составляет огромный недостаток. Поэтому ее главнокомандующий обязан делать все сам: отсюда система войны всегда чисто оборонительная. Именно руководствуясь этим, генерал Канробер рассчитывает использовать турок; они будут защищать наши линии в то время, как мы будем вести кампанию.

Вчера я проводил главнокомандующего в траншеи наших атак на левом фланге. Он там оставался четыре часа, чтобы все увидеть самому. Когда он входил в параллель, сильно подверженную огню противника, бомба сломала крестец храброму капитану инженерных войск, который умер несколькими мгновениями позже. Далее, в то время как мы обсуждали с Пелисье план ночной атаки на русские засады, снаряд взорвался около нас. К счастью, взрыв лишь разбил приклады двух ружей. По траншеям можно идти по обозначающим их следам крови. Каждый миг уносят мертвых и раненых.

Отсюда мы отправились на батареи, построенные и обслуживаемые флотскими моряками. Ими командует контр-адмирал Риго де Женуйи¹, натура открытая и здравомыслящая; он управляет своими людьми по-отечески, чем и внушает к себе любовь и уважение. Около него командир Потуа², офицер из наиболее выдающихся и смелых, с которым я в тесной дружбе и чье общество я очень ценю. Он вместе со славным адмиралом — один из любимых завсегдацев нашей штаб-квартиры. Я отправляюсь так же часто, как это возможно, на пост наших моряков, где царят большие, чем в других местах, порядок, чистоплотность, хорошее настроение и совершенная учтивость всех офицеров. Во время нашего пребывания на этой важной батарее вражеское ядро сносит бруствер, покрывает нас землей и срывает с главнокомандующего шляпу с белыми перьями. Он был на волосок от смерти!

¹ Покойный адмирал Франции, бывший министр морского флота.

² Потуа, вице-адмирал, бывший министр морского флота.

Как всегда, эта прогулка закончилась визитом в госпитали. Какие боль и страдания! Генерал мне говорит: «Вот обратная сторона медали». Да, это обратная сторона, запятнанная кровью и слезами; но когда время стирает эти пятна, медаль становится лишь более красивой и ценной. При этих визитах командир, любимец солдат, никогда не забывает раздавать им золотые монеты, которые он специально держит в кармане — те, что у него остаются от месячного жалованья и которые, согласно его принципам, ему не принадлежат и должны служить лишь самой великой пользе его высокого предназначения.

V

21 апреля 1855 г.

Мы продолжили бомбардировать Севастополь и стрелять по его батареям. Для русских, способных легко восстановить свои потери благодаря сообщению с внешним миром, этот ущерб мал по сравнению с тем, что мы рассчитывали им причинить. Никогда мы не совершали осаду в подобных условиях. Жаль, что с самого начала мы не оценили более верно трудности, которые нам пришлось преодолевать. Севастополь — огромный город, укрепленный со всеми усовершенствованиями современного искусства, мужественно защищаемый, имеющий свободные сообщения и невредимый флот с множеством больших кораблей.

Необходимые и едва достаточные работы, которые мы предпринимаем, требуют армию в сто тысяч человек. Наши солдаты отдыхают лишь одну ночь за двое суток; они покидают траншеи только для того, чтобы снова взять кирку и лопату. Нет возможности оторвать от армии какую-то часть для операции в открытом поле, лучше всего продолжать по мере возможности начатые операции. В действительности мы имеем кое-какой прогресс, и в течение восьми дней благодаря превосходству нашего огня и особенно mine, что мы взорвали перед Мачтовым бастионом, мы построили четвертую параллель, которая нас приближает ко рву на расстоянии около пятидесяти метров. Мы хорошо защищаемся в этой новой параллели; в третьей строим батарею, более приближенную, для нанесения ударов по Центральному бастиону. Таким образом, мы готовим бреши, которые позволят штурмовать пояс городских укреплений. Будут еще построены спуски рва: здесь их у нас нет. Нескоро нужно ждать окончательного успеха.

Мелкие сражения поднимают ценность наших солдат. Русские беспрерывно строят засады в зоне наших работ, чтобы их остановить и в то же время закрыть подступы к городу. Речь идет о том, чтобы овладеть им приступом. Это сложная и опасная операция, которая может проводиться только ночью. Мы теряем много людей: сердце генерала Канробера обливается кровью, когда он подписывает приказ о подобном сражении. Получить представление о его гуманных чувствах можно из того, как он в последнее время осматривает подразделения, собираемые вечером для ночного боя. Предвидя, каким кровавым будет бой, он произносит для войска слова, наиболее подходящие, чтобы возбудить храбрость, и в завершение говорит, что, если кто-то из этих смелых людей чувствует слабость перед опасностью, может спокойно вернуться в свою палатку и он ничего ему не сделает. Генерал сдержал бы слово, но он не мог произнести речи, способной более тронуть его людей и внушить им чувство более возвышенное.

Позавчера утром я участвовал в разведке Омер-Паши по окрестностям Черной. Цель — разведать состояние реки и дорог, ведущих к неприятелю. Невозможность действовать с этой стороны была нам показана наглядно. Черная заболочена, протекает по лесистому и слишком неровному полю. Прежде чем достичь Севастопольской бухты, она проходит по узкой долине; один из берегов ее, окаймленный обрывистыми горами, принадлежит нам, а другой — со столь же значительным препятствием — укреплен и защищается русскими. Они нас могут беспокоить не более, чем мы можем их атаковать. Генерал Канробер очень надеялся, что в связи с открытием огня по Севастополю и этой демонстрацией турецких войск русские спустятся по Маккензиеву плато, а мы, преследуя их, сможем подняться вслед за ними; но они не настолько просты, чтобы принять нашу игру.

В этой разведке Омер-Паши пять или шесть русских батальонов, которые мы встретили с тремя эскадронами их кавалерии, исчезли из нашего вида.

Двое английских офицеров, объединенные с нами любопытством, нашли способ попасться казакам. Любопытство — одна из черт характера англичанина: он хочет знать и видеть. Если хорошо все взвесить, этот недостаток в тысячу раз лучше, чем безразличие турок, которые поступают, как чужеземцы в цивилизованном мире, которого они не умеют ни увидеть, ни понять.

Очень грустная церемония состоялась на этих днях: погребение генерала Бизо, одного из наиболее способных офицеров. Как командир инженерных войск, он с замечательными умом и преданностью управлял работами осады. Он был смертельно ранен, когда шел с генералом Ньелем на разведку работ во вражеских контрапрошах. Вся армия быстро почувствовала большую потерю. Штабы союзных армий с лордом Рагланом во главе пожелали уплатить справедливую дань сожаления и симпатии этой жертве долга. Церемония была особенно трогательна. Невозможно говорить лучше нашего главнокомандующего — так душевно, сердечно и красноречиво... Он вызвал слезы всех присутствующих. Не правда ли, что это — новое зрелище, способное впечатлить: Омер-Паша, турецкие и египетские офицеры присутствуют на религиозном погребении и окропляют святой водой тело христианина?.. В результате эта война, по меньшей мере, заставит исчезнуть ненависть, предрассудки и, вероятно, вовлечет восточные народы в движение христианской цивилизации.

VI

28 апреля 1855 г.

Новостям, отправляемым мною, недостает интереса, придаваемого действительностью. Англичане, которые всегда быстро применяют современные научные открытия и которым этот дух начинания дает неоспоримое превосходство перед другими народами Европы, установили электрический телеграф из Бухареста в свою штаб-квартиру, погрузив его в Черное море от Варны до монастыря Святого Георгия около Балаклавы.

В течение двух дней они сообщаются при помощи почти мгновенной связи с Венной, Лондоном и Парижем. Этот телеграф был любезно предоставлен в наше распоряжение. Мы начали им пользоваться, он улучшит наше официальное сообщение и уже неплохо загружен. Лорд Раглан вскоре свяжется со своими помощниками посредством маленьких телеграфов и сможет, не выходя из своего помещения, знать, что происходит в его армейском корпусе, и диктовать ему приказы.

Как есть различие в характерах двух армий, так оно присутствует у их генералов! Английский солдат холоден, молчалив, спокоен, дисциплинирован; он ухаживает за своим бельем, своими вещами, занимается кухней. Наш всегда в хорошем настроении, беззаботный, болтун, пунктуальный, но пренебрегающий всем тем, чем заняты англичане, в досугах лагерей он ищет лишь повод для забавы и развлечения. Французский генерал живет как солдат, выходит и показывается повсюду, не пренебрегает никакими мелочами и подает пример. Лорд Раглан не выходит из дома почти никогда. Помещенный в очень комфортабельном доме, выгодно расположенном около фонтана, он живет здесь, как в деревне в окрестностях Лондона. У него хороший, разнообразный и обильный стол. Здесь нет недостатка ни в чем! Не потому ли он никогда не соглашался ужинать во французской штаб-квартире? Я часто провожаю генерала Канробера к лорду Раглану. Вид этого бывшего адъютанта и друга Веллингтона при Ватерлоо — с недостающей рукой, которую он потерял в этом знаменитом бою, — внушает уважение. Высокого роста и немного грузный, изысканный в манере держать себя, он похож на очень богатого вельможу. Его прием, холодный, но доброжелательный, к концу стал сердечным. Его военные таланты, ослабленные возрастом и усиленным бездействием, не отвечают его высокому положению; тем не менее он обладает реальной властью над своей армией и даже над нашей, где ничего не делается без согласования с ним и всей почтительности, которая ему надлежит. Это говорит в пользу нашего главнокомандующего, который будет немало содействовать доброму согласию между двумя армиями. Лорд Раглан не очень верит в успех нашей операции; отсюда расположение его духа, которое придает ему грустный и сильно обеспокоенный вид. Он веселеет немного, когда разговор касается галантных тем. Он всегда принимал меня с любезностью, которой я очень горжусь. Офицеры его штаба — люди самые вежливые и самые благородные, каких я только знал. Они хорошо размещены в большом доме, который их защищает от дождя и холода; они не страдают, как мы, живущие в палатках в непогоду всех времен года.

Мы очень надеялись, что из-за интенсивного трехнедельного огня по Севастополю русская армия, принужденная необходимостью, совершит вылазку, которая нам позволит, преследуя русских, войти в город. Генерал князь Горчаков, заменивший князя Меншикова, не попал впросак: русские осмотрительно держались в обороне... У нас не было повторного инкерманского боя! Таким образом, мы вынуждены просто-напросто продолжать осаду. Наиболее близко мы будем к левому краю.

Омер-Паша, прибывший сюда, чтобы дать нам помощь своих войск, в надежде на серьезные бои с вражеской армией, уехал в Евпаторию. С этой стороны русские силы значительны; но, я думаю, они не предпримут ничего после их февральской неудачи. Омер-Паша, которого служивые называют Мэр-Паша, оставил здесь очень хорошее впечатление. Похоже, он любит французов — людей любезных и симпатичных иностранцам; а англичан он ценит меньше. Я отошел от наших боевых действий. Огонь по городу значительно ослабел; у нас не было достаточно припасов для его продолжения, как в первые дни. Храбрый генерал Лесбёф¹, командир артиллерии, полный рвения, хотел вести огонь из всех

¹ В настоящее время маршал Франции.

орудий. Мы любим видеть его живое лицо, внушающее доверие и предвещающее успех. К несчастью, в этом мире не все идет по воле наших желаний. Теперь нужно отказаться от прямой атаки. Есть комбинация, которая должна обеспечить счастливый исход кампании; но нужно прибытие больших войсковых подкреплений, нами ожидаемых. Русские, это следует признать, ведут прекрасную оборону. С ними операция осады — нелегкое дело.

Позавчера у нас был большой смотр войск, проведенный главнокомандующим. Я присутствовал при зрелище, достаточно внушительном. Египетская дивизия под командованием победителя Незиба была собрана в армейском корпусе генерала Боске. Все войска, менее этих использованные в карауле и траншейных работах, были сгруппированы на высотах над Чернореченской долиной почти лицом к лицу с местоположением русских. Враг должен был удивиться и в то же время обеспокоиться при всем этом движении корпуса численностью от тридцати до сорока тысяч человек в сопровождении шума нашей музыки. Сегодня была очередь армейского корпуса Пелисье. Это последнее военное торжество было интересно присутствием лорда Раглана, адмирала Лиона и лорда Рэдклиффа, прибывшего сюда, чтобы видеть вещи своими глазами. Это дипломат с изящным и умным лицом, внушительного вида. Уже глядя на него, можно судить, что английские интересы, которые он представляет в Константинополе, будут в надежных руках. Заметно, что Англия — великая держава только благодаря своим представителям за границей.

VII

12 мая 1855 г.

Наконец мы поняли, что война с русскими — не шутка. В течение месяца нам отправляют значительные подкрепления. Пьемонтцы уже приехали. Ла Мармора, их командующий, приехал вчера в нашу штаб-квартиру. Высокий, стройный, он имеет вид воинственный и рыцарский. Его беседа жива, привычки приятны. Невзыскательный, к тому же простой и скромный, хотя и занимающий большую должность, он желает оказать нам содействие, наиболее активное и преданное. Вскоре мы ждем наш резервный корпус с императорской гвардией, уже собранной в Константинополе. Не позднее 20 мая у нас будет армия или, скорее, четыре армии с личным составом более двухсот тысяч человек; тогда у нас будет возможность для больших дел, достаток в транспортных ресурсах, припасах, провизии всех видов, что на войне редко бывает в достатке. Затем мы сможем начать серьезно военные действия. Все, что мы сделали до этого дня, — лишь первый акт большой драмы, которая должна разыграться на этом Херсонесском плато.

В то же время не будем питать иллюзий: у войны свои случайности, и мы никогда не уверены в успехе. В деле наиболее опасны те, кто ни в чем не сомневается. Мы смогли бы попробовать атаковать на этих днях после нескольких более или менее удачных попыток бомбардировки; но это очень рискованно. Неудача имела бы плачевные последствия. Не благоразумней ли уйти в глубь страны, атаковать русские армии, идущие на подкрепление через Симферополь, затем полностью обложить город?

Все еще стоит вопрос о путешествии императора в Крым. Этим же утром высиделся один из его адъютантов, майор артиллерии Фаве¹, носитель важного

¹ Г. Фаве, в настоящее время генерал артиллерии.

письма. Наверное, депеша — по этому поводу. Я установил этому офицеру род кровати в моей палатке; я предоставил то немногое, чем располагал, но я сомневаюсь, что он себя чувствует так же хорошо, как во дворце Тюильри.

За одним из ужинов, по обыкновению поздним, поскольку мы ожидаем, пока все обходы лагеря будут закончены, произошла весьма интересная застольная беседа. Генерал Канробер, из старинной дворянской семьи Керси, нам рассказал, что, когда он должен был отправиться на воспитание в Сенли¹, где были воспитаны сыновья рыцарей Сен-Луи без состояния, отец посадил его позади себя на фермерскую лошадь и довез до маленького городка Брив-ла-Гаярд. Там он был доверен кучеру почтовой кареты, чтобы тот отвез его в Париж к дяде генералу Марбо². Еще не было и в помине железных дорог, и тогда не боялись заставить десятилетнего ребенка путешествовать одного! Позднее, по выходу его из военной школы Сен-Сира, мать, сильно колеблясь, вручила ему пятнадцать золотых луидоров, которые принесли удачу. Это все, что он получил от своих родителей в течение всей карьеры, начатой в 1828 году! Очень непринужденно, с историей наших африканских войн и первой Империи, он позволил нам провести часы, наиболее интересные эпизодами, о которых он нам повествовал.

Почти каждый вечер после ужина я отправляюсь к генералу Трошю, он мне диктует официальные доклады, которые вы должны прочитать в «Монитёре» и найти их очень хорошо сделанными.

Как вы, конечно, думаете, наша работа этим не ограничивается. Я очень доволен моей судьбой, я проявляю большое участие ко всему, что вижу, ко всему, что делаю. Если мне встречаются лишения, трудности, то я вознагражден дружбой нашего главнокомандующего, с каждым днем все более доброжелательной.

Лучшие новости о нашей армии. Война ее восстанавливает и укрепляет; армия много выигрывает на освобождении от гарнизонной жизни, никогда не подходившей французам.

¹ Воспитательное учреждение в Сенли под попечительством старого принца Конде.

Согласно правилу, установленному рыцарями королевского и военного ордена Сен-Луи, каждый член этого ордена, не называя себя, уплачивал сумму, пропорциональную его личным доходам. Общая сумма этих анонимных даров служила для оплаты затрат на образование сыновей тех, кто не имеет состояния. Генералы Рено, убитый при осаде Парижа, Ладмиро, нынешний губернатор Парижа, Демаре, Гран-шам, Гюё де Лепар, убитый в Седане, и др., и др., были воспитаны в этом заведении — лучшей подготовительной школе среди военных школ того времени.

Принц Конде был там почетным председателем. Среди прочих председателями к концу Реставрации считали старого маршала Виомениля, участвовавшего в семилетней войне; маршала герцога Регжио, генерал-лейтенанта виконта Гонто-Бирона, генерал-лейтенанта графа Ла Галлисоньера, сына победителя злополучного Бинга, обвиненного в поражении на слишком далеком расстоянии. Адмирал де Ла Галлисоньер, не имея возможности отправиться в Лондон, куда он просил дозволения поехать для защиты английского адмирала, направил памятную записку, где говорилось: «Не являюсь ли я, победитель, на более близком расстоянии побежденным?»

² Барон Марбо, генерал-лейтенант, военный историк, адъютант S.A.R. герцога Орлеанского и др.

VIII

Май 1855 г.

Омер-Паша, уехавший на этих днях в Евпаторию, прибыл к нам снова, вызвав бесполезные хлопоты на его высадку и посадку. Это независимый дух, повинующийся лишь самому себе.

Все эти отъезды и приезды также означают, что в совещаниях союзных генералов нет окончательного плана или, по крайней мере, французский генерал не может получить перевес своего мнения. Очень сложно заставить действовать армии с противоположными характерами и под управлением разных командующих. Здесь у нас присутствуют англичане, французы, итальянцы и турки. Поставьте им во главе Наполеона, Тюренна, Фредерика, великого Конде, они сделают гораздо меньше, чем с одним генералом, даже посредственным.

Адмирал Бруа пришел сегодня утром завтракать. Был также за нашим столом молодой, едва достигший десяти лет, младший лейтенант английского флота. Этот ребенок, племянник генерала Роуза, обладает апломбом молодого человека, выпускающегося из нашей морской школы. Он занимает весьма видное место среди морских офицеров, намного его старше. Подобное воспитание, конечно, более подходит для формирования блестящих офицеров, чем сложное и бесполезное, которому подчиняют учеников нашего морского флота до восемнадцати лет! Молодые английские офицеры того же возраста опережают наших на семь-восемь лет службы на море. Недостаточно у нас уделяют внимания настроению, характеру и здоровью молодых людей. Считают, что наука делает все; она не возмещает опыта и часто искажает здравый смысл, столь необходимый в жизни.

После завтрака я проводил адмирала Бруа к Омер-Паше. Так как он плохой наездник, я ему одолжил лошадь необычайной кротости. Какой тип старого моряка! Нужно было его видеть: морская фуражка, простой сюртук униформы без различия звания, штаны, закатанные до колена, шаровары из грубой ткани и дырявые шелковые перчатки! Вот в таком наряде он пересекал лагерь. Чтобы не засмеяться, нужно знать, что это — заслуживающий уважения главнокомандующий флотом и человек, наиболее благовоспитанный и почитаемый всеми нашими флотскими. Омер-Паша хорошо устроился в своем лагере, можно сказать, как паша; он принял адмирала с самой большой предупредительностью, приказал принести кофе, варенья, а музыкантам — сыграть нам французские мотивы.

Императорская гвардия прибыла. Люди высаживаются каждый день. Вчера я видел брата Альфреда¹, не принесшего мне ни малейшей радости. Его новости о семье были уже старыми. Хотя мы и запаздываем с отправлением грузов из Франции в Крым, все же опережаем русских, поскольку морской путь, будучи удобней наземного, в то же время короче; наши продовольственные запасы доставить легче, наши солдаты высаживаются здесь живее и бодрее, чем когда они вынуждены отправляться сухим путем. В том-то и дело, что русские должны были потерять зимой на их ледяных бесчисленных дорогах множество людей! Одним этим фактом объясняется относительная слабость их положения и уверенность, которая должна быть в будущем у нас.

¹ В настоящее время бригадный генерал, назначенный после битвы у Рейшоффена, где его полк зуавов был почти полностью уничтожен.

Гвардией командует граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели. Это скорее человек светский и административный, чем военный; за это он не любим лучшим корпусом. Его приветливость, изысканные манеры, скрывающая великие качества скромность делают генерала, если не великолепным, то по крайней мере вполне подходящим для этого важного поста. Я его знал когда-то и снова с удовольствием его увидел здесь, где он меня хорошо принял и напомнил о счастливых моментах былых времен.

Я был приятно удивлен, найдя друга моего старшего брата, генерала Бевиля¹, прибывшего с гвардией в числе первых. Он вез мне новости из Парижа. У него их будет много, и он сможет их мне сообщить, оказавшись по случаю со мной по соседству; своей беседой, изысканной, любезной, интересной и немного едкой, он мне доставит удовольствие.

Мундиры гвардии производят редкий эффект. Большие форменные медвежьи шапки и длинные плащи напоминают солдат первой Империи с иллюстраций Шарле. Эта форма больше не пригождается в нынешних армиях: она — хороший спектакль для парадов или смотров в Тюильри. Был отдан приказ отправить все эти смешные головные уборы на хранение на склады Константинополя. Лучшая форма на войне — форма зуавов и пеших стрелков.

Июнь будет насыщен большими событиями. Несмотря на все, мы не сможем завладеть Севастополем раньше чем через три месяца; военные действия в Крыму продлятся до конца года: мы же будем здесь еще и следующей зимой. Я не могу сдерживать гнев от легковерия и неосведомленности французских и английских газет, рассказывающих о военных действиях в этом году на Рейне и Дунае... Но с чего это? Неожиданное сопротивление России усмирит все эти безумные толки. Тем временем мы, если еще не возьмем Севастополь, то укрепимся в Камыше (Kamiesch) и Балаклаве.

IX

21 мая 1855 г.

Сегодня я с грустью сообщаю новость, которую столь печально занята Восточная армия и которая тронула меня особенно. Генерал Канробер из-за непреодолимых трудностей с англичанами, не имеющими возможности и не желающими сняться со своих лагерей и не понимающими, что лишь действие в открытом поле может вытянуть нас из затруднительного положения, решил сложить с себя командование. Воодушевленный примерным патриотическим рвением, он потребовал должность простого командира дивизии, то есть служить в третьем ранге в той же армии, в которой был достойным командующим. Вот жертвоприношение, совершенное для союза объединенных сил. Можно сказать, он принес эту жертву с достоинством, с несравненным благородством души.

Генерал много настаивал на своем отстранении от власти; он не желал советоваться с преданными друзьями — противниками его плана. Медлительность осады, испытанные разочарования и эта общая слепота публичного мнения, которое упрекает скорее людей, нежели порядок вещей, придали отношениям военного

¹ В настоящее время генерал инженерных войск.

министра с главнокомандующим характер, мало гармонирующий с достоинством души столь тонкой и сердца столь благородного.

Печаль была всеобщей; переживания на первый момент пылкие. Если бы его убили, не было б столько сожалений. Ни один генерал не внушал более глубоких чувств уважения и любви своим солдатам. Не был ли он поддержкой в дни испытаний, не способствовал ли он успеху Альмы и Инкермана?

Его личный штаб должен был еще более разочароваться этой отставкой. Утром следующего дня телеграф передал ответ, ожидаемый из Парижа; нас по очереди вызывали в палатку, обитатель которой почти не спал. Генерал Канробер лично объявил о своей отставке, предложил свои услуги каждому из нас — то, чем мог еще располагать в последние мгновения своей власти. Я старался не покидать его, крайне доброжелательного ко мне. Итак, я остаюсь возле него с подполковником Корнели, капитаном артиллерии Брэди, лейтенантом Моленом и преданным доктором Кесной. У генерала Трошю бригадное командование; подполковник Вобер де Женли становится одним из адъютантов генерала Пелисье, как он был им у маршала Сент-Арно. Герцог де Дино¹ назначен французским комиссаром при сардинской армии — функция, которую лучше исполнить не сможет никто; Пьер де Каstellан², прибывший два месяца назад в нашу среду, находится в штабе генерала Боске. Полковник Ла Тур дю Пен без официального задания, но с неповторимым вкусом к войне, присоединился к нашему штабу и вслед за нами в нашей новой судьбе проникся дружбой и уважением к нашему дорогому генералу.

X

*Из трактирного³ лагеря,
1 июня 1855 г.*

Я надеюсь, что в Париже, как и в Восточной армии, оценят редкое достоинство и благородное, исполненное бескорыстия поведение генерала Канробера. История предоставляет мало примеров такой самоотверженности; она нам рассказывает лишь о властолюбцах, способных на все ради сохранения или захвата власти. Невозможность привлечь англичан к выполнению установленного плана кампании, который был лучшим и самым решительным, передала управление медленными и разрушительными действиями осады в другие руки.

Командир 2-го корпуса был назначен в командование на должность того, кому он был помощником, наиболее способным в этой роли. Армия и командующий были с этим полностью согласны. Военное прошлое Пелисье, его личное достоинство, его высокий авторитет среди друзей по оружию оправдывают это общее доверие. Новый главнокомандующий не похож на того, которого он заменяет: это совсем иной характер, но — характер. У него есть свое достоинство. Гордый, энергичный, решительный, он сможет пожертвовать всем для успеха: как своей жизнью, так и жизнью солдат. Человек большой порядочности, он не

¹ Герцог де Дино участвовал в Итальянской кампании в 1848 г. с сардинской армией в штабе короля Карла Альберта и написал об этом очень интересный рассказ в «Revue des Deux Mondes».

² Сын маршала Каstellана, автор очень уважаемых статей в «Revue des Deux Mondes», долгое время был генеральным консулом императора.

³ Tracktir — по-русски *ресторан*.

идет на сделку ни со своими мнениями, ни со своей совестью; он будет всегда идти прямо к цели, не тревожась о других. Мало любимый солдатом, с которым он жестоко обращается, он сумеет заставить его подчиняться и уважать. Инстинктивно презирая тех, кого не почитает, он любит находиться в окружении благовоспитанных людей, как это делают все элитные образованные личности. У него большая сила духа, и причем весьма воинственного; он ею часто злоупотребляет по отношению к своим подчиненным и равным, но всегда не со зла. Немного угрюм, но угрюм благотворно.

Его мнения по поводу осадных операций приближаются к мнениям английского штаба; в то же время они далеки от того, чтобы их разделяли Боске и Омер-Паша — два авторитета в подобном предмете. Это исключает единство взглядов в ведении войны, результаты этого будут плачевны. Мы все из-за этого страдаем.

В отставке нашего бывшего главнокомандующего меня утешают привязанность, популярность, почтительная симпатия, сохранившиеся за ним в новой должности. Посетителей в нашем скромном лагере не убывает. К нам приходит больше людей, чем некогда в штаб-квартиру. Благородство характера, возвышенность чувств будут, несмотря ни на что, первыми чертами, вызывающими уважение и почтение людей.

Омер-Паша, сумевший своими военными талантами завоевать первый ранг в турецкой империи после султана, проявил себя очень трогательно. Он не желает быть верховным командующим турецкими силами во время немилости к своему другу и просит правительство освободить его от своих важных военных функций. Разочаровавшийся во всем, он хочет отправиться в Соединенные Штаты и жить там как простой гражданин. Я взял с него обещание поехать скорее в Париж, где его примут с уважением. Тем временем его отставку не приняли в Константинополе; но он настаивает и требует правительство заменить его в течение месяца. Он пришел обедать сегодня утром к генералу Канроберу; никого больше не желая видеть, он пригласил нас в воскресенье на обед в свой лагерь.

Омер-Паша согласен служить под началом генерала Канробера, планы которого он принимает; но он не желает мириться с мнениями нового командующего (который, как говорят, ранил его самолюбие) и особенно — с намерениями лорда Раглана. Отъезд Омер-Паши, если он произойдет, будет самым смертельным ударом, нанесенным по военной силе Турции, уже сильно ослабевшей. Не найдется никого, кто с тем же авторитетом и престижем мог бы его заменить. Несколько офицеров, которые служат подле него, — поляки и венгры; по примеру турок бедняги плохо ухожены, необразованны и неподготовлены, неизвестно, чем они отличаются от своих солдат. Эта армия не может ничего предпринять сама; она является образом империи, которую она претендует защищать, империи конченной, обреченной на разделение и на исчезновение, по крайней мере, с карты Европы.

С новым командованием мы завладели Керчью в результате экспедиции по морю, в которой участвовало много англичан. Но это было по нраву бывшему главнокомандующему, желавшему ударить разом всеми силами после прибытия всех резервов: искать через Алуштинскую долину вражескую армию в Симферополе, в то же время атаковать Керчь, Кафу, русские укрепления Азовского моря; совершить диверсию на Инкерманском плато и атаковать в лоб передовые укрепления города.

Система Пелисье заключается в последовательности каждого необходимого дела: после Керчи атаковать Зеленый Холм, затем Белые Укрепления. Терпение армии будет на исходе. Это тяжело для тех, кто прибыл в марте прошлого года, они уже пятнадцать месяцев лишены всех радостей цивилизованной жизни, надежды на скорое возвращение.

Довольно удачное дело произошло этими днями на Черной. Газеты вам об этом расскажут. Генерал Канробер командовал этой экспедицией и был достоин успеха. Мы шли всю ночь, чтобы на рассвете напасть на русских.

Генерал Моррис командовал кавалерией, которая проявила себя в первый раз, так как в операциях осады она сыграла весьма незначительную роль.

Уйдя из нашего лагеря на Инкерманском плато в полночь, в два часа утра пехота, кавалерия и артиллерия собрались на равнине перед огнями русских биваков. В три часа началось движение. Вражеские авангарды, настороженные или предупрежденные шумом нашего передвижения, отступили. Мы перешли через Черную по Трактирному мосту, бой продолжался по ту сторону до мощного редута, который занимали русские и который мы разрушили. После этого события мы стали хозяевами всей равнины, простирающейся от окрестностей Балаклавы до берегов Черной, что дает нам доступ в Байдарскую долину, которую мы не замедлим захватить.

XI

9 июня 1855 г.

Прошлой ночью справа от наших атак у нас было очень горячее дело: захват *Зеленого Холма и Белых Укреплений*. Генерал Канробер желал избежать этой серии смертельных сражений, которые закончатся взятием Севастополя, но без разгрома русской армии; между тем как одержанная победа под стенами Симферополя сразу делала бы нас хозяевами Крыма и заканчивала войну! Не имея возможности уговорить англичан выйти из их лагерей, приходилось подчиняться и действовать последовательными нападениями.

До настоящего времени мы должны были захватывать лишь контрапрошныя сооружения, то есть выступающие из бастионных ограждений города, и для их взятия мы уже понесли огромные потери. Вчера вечером в сражении полегли три-четыре тысячи человек, а позавчера вечером со стороны левых атак мы насчитывали уже около трех тысяч убитых и раненых! Если это будет продолжаться, мы потеряем тридцать-сорок тысяч человек, прежде чем покончим с этими неустрашимыми осажденными. Это больше не война, это побоище. Вообще, дела идут так. Пехотная дивизия от семи до восьми тысяч бойцов, усиленная резервными войсками, сосредоточивается позади параллелей, наиболее приближенных к сооружениям, которые нужно атаковать. По сигналу после адского огня по оборонительным линиям все выходят, так сказать, из-под земли; офицеры и солдаты вперемешку бросаются в атаку на вражеские укрепления. Если, несмотря на отвагу и достоинство атакующих, не удастся достичь успеха с первого раза, мы поспешно возвращаемся, чтобы спрятаться за параллели; затем уходим под страшной ружейной и картечной пальбой, не занимаясь ни мертвыми, ни ранеными. Заканчивается тем, что мы возвращаемся, как это произошло вчера днем, но не всегда так: известно только о значительном количестве жертв. Офицер здесь иг-

рает лишь второстепенную роль, военное искусство не нужно — это дело солдатской храбрости и порыва. В этом отношении наши не уступают никакой другой армии. Малая раздача водки и кофе перед боем и несколько добрых слов, которые наши офицеры умеют так хорошо найти в своих военных душах, — больше не нужно для поддержания французов, способных на самые героические поступки!

Атака Зеленого Холма имела очень ограниченное место действий, в бой было введено не более двух дивизий; мы тоже в него не вступали; но как я был тревожен в течение великолепной канонады, длившейся половину ночи, зная, что мой брат Альфред и один из моих кузенов¹ находятся в этой стычке! К счастью, сегодня утром я уже мог быть спокоен на их счет. Однако я узнал об очень чувствительной для меня потере — блестящего Лаваранда, которого я знал еще в Заатче, в Нара и которого я почти каждый день видел здесь, поскольку он был одним из наших завсегдатаев. Накануне его смерти генерал Канробер говорил молодому генералу, командору ордена Почетного легиона: «Я никогда не забуду выгравированную надпись на воротах кладбища Сенли: *Hic arguantur vanitatis praeterita* (здесь: «Всякое тщеславие сего мира будет давать отчет»)². Именно через эти ворота нам нужно будет всем пройти рано или поздно», — добавил он. И разговор затягивался на этой, как вы видите, мало веселой теме; мы не подозревали, что в кровавой завтрашней драме наш уважаемый храбрый друг станет наиболее интересной жертвой... Его разорвало надвое пушечным ядром.

Перед этим важным делом, 7 июня, мы проникли в живописную Байдарскую долину, которую занимали русские. Эта легкая экспедиция была поручена дивизии Канробера и кавалерии генерала Морриса. Уйдя еще ночью, на сей раз мы застали врасплох вражеские посты, которые один за другим отступили при нашем приближении. Мы вошли по красивой дороге в восхитительную долину с деревьями, заброшенными почтовыми станциями, миновали леса князя Воронцова, посетив красивый загородный дом — род охотничьего домика — с сожалением о невозможности здесь остаться; наконец мы добрались к десяти часам утра до татарской деревни (Байдары), обитатели которой, очень грязные и некрасивые, привезли нам в тележках вина для всей экспедиционной колонны. В будущем мы займем всю эту долину, которая предоставит нам много ресурсов, корм для наших лошадей, откроет дорогу к Симферополю.

Омер-Паша, всегда желающий нам угодить, устроил нам обед — на этот раз в монастыре Святого Георгия³. Еда была подана под столетними деревьями этого известного крымского места, откуда мы восхищались видом Черного моря, необыкновенным благодаря появлению [из воды] скал причудливых мрачных форм, возвышающихся недалеко от побережья. Как обычно, ничего не было готово для обеда: поэтому нам разрешили посетить капеллу, где пелись службы греческой

¹ Капитан Артур Диллон.

² Отрывок из Экклезиаста (с. XI). В 1850 г., при второй Республике, заменили надпись другой, не стоявшей прежней: *Когда царствует равенство, погибает тщеславие.*

³ Монастырь Святого Георгия, высокочтимый в Крыму, находится недалеко от Балаклавы, на берегу моря. Поскольку после нашего прихода на Херсонесское плато он находится на нашей линии, генерал Канробер отправил свой эскадрон спаги для его защиты. Позже он приказал регулярно выделять съестные припасы, начиная с того дня, когда слабые монашеские запасы начнут истекать.

Архимандрит, очень уважаемый и приятного вида, был здесь первым лицом.

Церкви. Именно здесь я стал свидетелем события единственного, быть может, во всем мире. Я находился возле генералов Канробера и Омер-Паши, присутствующих на одном из *Te Deum* при архимандрите и монастырских монахах, поющих молитвы за успех русских армий и наибольшую славу их императора, и это в то время, когда наши пушки гремели по их городу!.. Было воскресенье. Так как мы утром исполнили в наших лагерях, где произносилась месса, все свои религиозные обязанности армий перед Богом, к которому мы взываем, мы не могли найти ничего плохого в подобных действиях русских.

Этим же днем русские офицеры, плененные в результате захвата Зеленого Холма, были приглашены за различные офицерские столики французов. При виде добросердечия, царившего при этих сближениях, желания понравиться этим иностранцам не предположишь, что у нас с ними война. Ничто не сможет показать лучшие чувства симпатии между двумя народами. Сегодня они учатся ценить друг друга, чтобы иметь взаимопонимание и согласие в вопросах, остающихся на будущее. Вся эта война — лишь жертва, преподнесенная английскому альянсу, столь постыдно не признанному оппозицией времен короля Луи Филиппа, которого она дерзала называть тираном! Я боюсь, как бы эта жертва не оказалась бесполезной и как бы установленный однажды мир не пришлось позднее переделывать!

XII

18 июня 1855 г.

Я ждал этого дня, чтобы написать вам, потому что знал, что он должен быть решающим в этой страшной и грустной войне. К несчастью, для отправки вам у меня лишь дурные новости... Сегодня мы потерпели *тяжкую неудачу*. Вопреки предостережениям генерала Канробера, который как раз и подал в отставку, чтобы не быть исполнителем плана, присоветованного одним лордом Рагланом, мы пожелали штурмовать город. И были весьма жестоко отбиты.

Французская армия была разделена на три корпуса: корпус атак левого фланга, прежде чем пойти на приступ, ожидал, пока второй корпус втянется в бой на правом фланге, и, наконец, корпус с нашей стороны на Черной должен был взобраться на Маккензиово плато и угрожать отступлению русской армии после захвата города. Эта программа не была выполнена, попытки атаковать с правой стороны потерпели неудачу. В качестве цели у них были Малахова Башня, Малый редан и куртина, связывающая его с Малаховым; три колонны, состоящие каждая из одной пехотной дивизии в семь-восемь тысяч человек, вдобавок часть императорской гвардии в резерве должны были предпринять совместную атаку.

Эти три колонны, не знавшие, какие их ожидают препятствия, под командованием генералов Мейрана, Брюне и д'Отмара были брошены наудачу на рассвете; городская артиллерия и ружейный залп русских, укрывшихся за бруствером, поразили их прежде, чем они успели добраться до непроходимых рвов. Голова колонны дивизии д'Отмара единственная сумела проникнуть в первые укрепления справа от Малаховой Башни, но не смогла там удержаться. Именно здесь были тяжело ранены Альфред де Грамон¹ и молодой Роже².

¹ В настоящее время бригадный генерал.

² Умер от этой раны; сын графа Роже дю Норда, ветерана парламентских ассамблей.

Англичане должны были овладеть Большим реданом, но смогли еще в меньшей мере выполнить свою миссию: едва они вышли из своих окопов, открытая территория была взрыта пулями.

Все эти атакующие войска вернулись, понеся потери, которых хватило бы для долгого разочарования солдат, менее закаленных, нежели наши; головы колонн были особенно разбиты. Дивизионные генералы Мейран, Брюне убиты, бригадные генералы ранены. Мы потеряли в этом деле семь-восемь тысяч человек. Это слишком много для малого количества введенных в бой людей.

Стого времени, как генерал Пелисье принял командование армией, сегодня минул месяц и у нас восемнадцать тысяч человек выведены из строя. Это ждет нас всех, если есть желание бороться с препятствиями, которые может преодолеть лишь искусство захвата крепостей.

Генерал Канробер, у которого военный взгляд соединен с гуманными чувствами, довольно редкими для воинов его закалки, здесь не ошибся. В апреле, после очередной решительной попытки открыть огонь, который не смог разрушить городской обороны, он отказался от атаки в лоб и хотел обойти трудность уверенным маршем в тыл русской армии. Лорд Раглан не пожелал следовать за ним по этому пути, настаивая на отсутствии у него транспорта и считая, что, раз уж начали осаду, он будет ее заканчивать. Но он не вызывался брать ни Зеленый Холм, ни Белые Укрепления, ни особенно Малахову Башню.

Я находился на уборке мертвых тел через день после боя на Зеленом Холме. Русские офицеры были полны уважения и любезности. Я бы отметил среди них одного из адъютантов генерала Людера, знакомого Галлиффе, который выражал желание видеть конец этой войны, чтобы не быть больше нашим врагом. Мы назначали друг другу встречи в Париже этой зимой. Тем временем приезжают из любопытства английские офицеры, которым делать здесь нечего. Русские офицеры молчат, один из англичан говорит о скором взятии Малахова, на что русский, поворачиваясь, отвечает: «Наверное, французы смогли бы завладеть им, но вы — никогда!» Можно отметить, что между нами и русскими нет никакой враждебности и у нас больше симпатии к нашим врагам, чем к союзникам. Это происходит по разным причинам; но так происходит всегда, когда нет успеха в общем деле, — мы упрекаем своих лучших друзей.

Я надеюсь, после нынешней попытки мы склонимся к старому плану генерала Канробера разыскать русскую армию внутри Крыма, исполнение этого будет доверено генералу, он с успехом справится и обретет славу.

Я видел вчера Рессегье — здорового, всегда веселого. Кавалерия выгодно устроилась у подножия нашего плато, справа от наших линий в цветущей долине; она за время осады ничего не сделала, другие же армии расплатятся за нее.

XIII

30 июня 1855 г.

После последнего моего письма в наших военных операциях не произошло ничего важного. Неудача 18 июня (гибельная дата) заставила задуматься наиболее нетерпеливых; генерал Пелисье принял методическую систему крепостной осады согласно плану г. де Вобана. Если хочешь удачи на этом свете, нужно всегда нравиться великим правителям. Никогда с точки зрения военного искусства

мы не оправдаем эту авантюру. Нужно быть опьяненным прошедшими успехами, результаты которых, в конце концов, сильно преувеличены, чтобы продолжать дальше, да еще столь безрассудным способом.

План кампании Канробера обходил затруднения. Мы пренебрегали крепостью Севастополем, истинно первоклассным укрепленным лагерем, чтобы поразить русскую армию в наиболее уязвимых точках. Верно рассудили, что не нужно бросаться из-за упрямства на препятствие, когда оно, если и не кажется непреодолимым, то, по крайней мере, представляется полным случайностей и опасностей.

Запаситесь терпением, ожидая взятия Севастополя, завосвания Крыма, — в этом году об этом не стоит мечтать. Я теперь себя спрашиваю, сколько наших человеческих жертв, сколько денег будет стоить взятие Севастополя, который мы никогда не сможем удержать?

У нас здесь нет согласия с англичанами. Уже почти во всех вопросах, когда речь идет о нашем общем спасении, мы не можем его достичь! Им недостает жизни, доверия, они, кажется, берегут себя, будто не уверены в собственных силах, и в результате они не делают ничего. Они уменьшили свои действия в атаках до такой степени, что играют лишь незначительную роль. Их армия слаба личным составом и не способна двигаться, не то что драться. Несмотря на это, они более всех озлоблены этой войной, взятием Севастополя и особенно истреблением русского флота! Мы, французы, будем продвигаться дальше! Поэтому их не любят во французской армии: приписывают им наши неприятности, задержки, неудачи, и, может быть, не без основания.

В течение нескольких дней нам причиняет жестокие страдания еще и холера. Сардинская армия заплатила слишком дорого! В одном из генералов она потеряла образец чести и долга¹; она, и особенно английская и французская армии, страдают холерой; лорд Раглан умер от нее вчера. Эта новость произвела тяжелое впечатление на англичан, уже имевших столько причин для уныния! Лорд Раглан как человек воплощал все лучшее, что было в союзной армии. Его величественные манеры, приветливый и достойный вид, опрятность делали из него тип почтенного и высокопочтительного главнокомандующего армией действительно аристократической.

Никогда вульгарное чувство не присутствовало в душе этого благородного человека. Его многолетняя служба, происхождение, потерянная при Ватерлоо рука — все в нем вызывает уважение. В этом отношении его трудно будет заменить; но как генерал и особенно как главнокомандующий он вовсе не был на высоте своих важных функций. Его личные человеческие качества еще и причиняли неудобство в отношениях с генералами союзных армий, которые из-за избытка почтительности к этому человеку боялись грубо задеть его мнение и волю.

Я часто имел честь быть принятым у лорда Раглана, когда мои обязанности требовали моего присутствия в английской штаб-квартире; я всегда получал там самый доброжелательный прием. Это будет одним из моих интересных воспоминаний.

¹ Дивизионный генерал Александр де Ла Мармора, старший брат главнокомандующего сардинской армией. Благовоспитанный не менее своего младшего брата и старше по званию, он пожелал служить под его начальством. Редкий пример патриотизма и самоотверженности!

У сардинского главнокомандующего было также два других брата, генерал-лейтенанта.

наний о Крыме, и, если мне Бог предоставит жизнь, я расскажу об этом больше, чем о Восточной войне.

Наша дивизия находится на высотах Черной. У нас есть посты на другом, правом берегу, но очень близко к реке. Вчера и сегодня утром враг совершил мощную разведку ввиду наших авангардов. Перебежчики нас уверяли, что главная атака на нас подготовлена и объявлена в русской армии. Наша неудача 18 июня их сильно ободрила. В то же время я им не советую переходить в наступление, вне линии обороны их поражение будет очевидным.

Наше время в лагере проходит в обходах, посещениях аванпостов, затем в работе с корреспонденцией, возобновляющейся вечером. В свободное время меня особенно тянет к генералу Боске, у которого штаб состоит из элитных офицеров. Храбрый полковник Ла Тур дю Пен¹, которого мы называем *маркизом Малаховой Башни*, не покидает нас. Его палатка рядом с моей; мы можем разговаривать и видеться в любое время дня и ночи, если вынуждены бодрствовать. Я очень рад за себя, что у меня такое соседство, легкие отношения с наиболее любопытным и оригинальным типом в нашей армии. Представьте себе богатырскую душу в худом, тщедушном, болезненном теле. Глухой и почти слепой, он тем не менее везде в первых рядах бойцов и судит обо всем с необыкновенным превосходством. Война — его страсть; для него не существует ничего, кроме войны.

XIV

*Из Инкерманского лагеря,
7 июля 1855 г.*

Со вчерашнего дня наша дивизия оставила берега Черной, чтобы подняться на Херсонесское плато перед линиями атак Малаховой Башни; это та кость в горле, с которой не смогли справиться другие и которая предназначается нам. Пока мы могли опасаться предприятия русских со стороны Черной или пока у нас была мысль обойти вражескую армию, чтобы блокировать Севастополь, мы оставались лагерем на берегах реки; но сегодня мы напрягаемся в осадных операциях, и, несмотря на неудачу 18 июня или, может быть, по ее причине, мы вновь призваны для самой трудной и опасной работы. Я себя не жалею, но и не испытываю иллюзий на счет шансов, которыми располагаю; поразительно, что генерал Пелисье поручает генералу Канроберу атаку и штурм Малаховой Башни, хотя именно Канробер покинул свою высокую должность, не пожелав исполнения этого плана и предпочитая действия в открытом поле, которые использовали бы наши восемь-десять тысяч человек кавалерии, осужденной в противном случае на безделье, и что обещало бы овладение Крымом за меньший срок, чем тот, что потребуется для взятия одной Малаховой Башни. Одним словом, генерала Канробера, простого дивизионного, хотя и заставить исполнить то, что он сам осуждал, будучи главнокомандующим. Но все непредсказуемо и фатально в этой войне, все будет довольно удивлены, когда однажды правда обо всем обнаружится!

¹ Маркиз Ла Тур дю Пен, полковник штаба, умер при высадке в Марселе из-за ран, полученных при штурме Севастополя, опубликовал в «*Revue des Deux Mondes*» весьма известные рассказы о различных памятных делах наших африканских войн.

Например, англичане, наиболее содействовавшие этой рискованной крымской затее, в которой они одни заинтересованы, стали такими маленькими и слабыми, когда в последнее время нужно было энергично действовать, что почти исчезли с севастопольских атак, и лишь единственная батарея, с трудом вознесенная ими в укромном уголке, может удостоверить их присутствие. Но я вижу, как их офицеры повсюду прогуливаются на лошадях и посещают кофейни Камыша и Балаклавы. Пьемонтцы и турки делают не больше этого. За два месяца они не потеряли ни одного человека от огня русских; мы же потеряли около 20 000 (убитыми и ранеными)! Одним словом, всегда мы тащим каштаны из огня, а другие их едят. В различных небольших боях и разведках вблизи Черной французские дивизии всегда были в первых рядах, затем шли пьемонтцы, турки, но последние не забывали соблюдать хорошую дистанцию. Все это весьма удручающе. Завтра генерал Канробер вводит свой первый караул в окопы. Его приказы были отданы с совершенной точностью, отличающей его знание профессиональных обязанностей. Все им предусмотрено в малейших подробностях, и будь мы застигнуты врасплох, это случится не от недостатка предосторожностей и предупреждений. Мы счастливы, что у нас есть такие люди в армиях, дающие нам великие примеры самоотверженности и патриотизма. Судя по работам, проводимым артиллерией и инженерными войсками, я считаю, мы сможем начать новую попытку не раньше чем через пятнадцать дней. У меня будет, я надеюсь, время написать вам еще одно из тех писем, которые мы здесь стараемся сделать интересными.

Болезни продолжают безжалостно свирепствовать. Я с генералом посетил сегодня дивизионный госпиталь. Жалко смотреть! И если бы мы не должны были думать и говорить по-солдатски, какие мысли возникли бы о войне и ее авторах!

Мы присутствовали на днях на очень трогательной церемонии перенесения тела лорда Раглана на корабль «Карадок», который должен его привезти обратно в Англию. Гроб, покрытый английским флагом, был помещен на орудии, которое тащили восемь артиллерийских лошадей. Четверо главнокомандующих союзных армий шли рядом с командующими двух флотов. Затем двигались штабы и подразделения каждой армии, идущие между двумя колоннами солдат, выстроенных эшелонами, от английской штаб-квартиры до самого моря. Какие грустные мысли, какие темы для размышления приходили нам в голову в течение этой долгой похоронной процессии! Главнокомандующие лорд Раглан, Сент-Арно, в первые дни этой войны вдохновлявшие своих солдат! Российский император, не желавший переживать поражение своих армий! Смерть — как молния, которая бьет сначала самые большие деревья: кажется, она выбирает охотнее людей, которые поднимаются выше себе подобных!

Принц Эдуард¹ сопровождает тело лорда Раглана в Англию. Я воспользовался его любезностью, чтобы написать герцогу д'Омалю. По крайней мере, хорошо то, что этот изгнанный принц, который был бы столь горд и счастлив находиться среди нас, будет иметь воспоминание об одном из своих старых братьев по оружию в Африканской армии.

¹ Принц Эдуард де Сакс Веймар был высшим офицером гвардии, связан со штабом лорда Раглана.

XV

14 июля 1855 г.

На этой неделе у меня произошло приятное событие: мой брат Амеде¹, неко-
торое время назад вернувшийся в Крым со своим кораблем «Наварином», смог
навестить меня в нашем лагере. Старший, который был недалеко от нас, также
пришел к нам. Я очень наслаждался моей встречей с двумя братьями. Вчера мы
втроем были в окопе перед Малаховым: Альфред с караулом, я со своим генера-
лом, Амеде — в качестве любителя, так как ему нечего было здесь делать.

Вот несколько подробностей о нашей караульной службе: каждый день целая
дивизия, состоящая из личного состава от 7 до 8 тыс. человек, идет занимать укреп-
ления атаки. Недостаточно укрепления построить, чтобы более или менее укрыть-
ся от огня города, продвигаясь к нему; нужно еще препятствовать тому, чтобы
осажденные не вытеснили нас, иначе работа, время и, конечно, люди будут беспо-
лезно потеряны; поэтому траншеи пичкают готовыми к сражению войсками.

Выступаем утром в семь часов после кофе и супа. Прибываем в восемь-девять
часов на назначенные посты; остаемся здесь двадцать четыре часа не двигаясь,
подверженные всем огням противника, которые, если и не задевают нас, тем не
менее беспокоят и не оставляют ни минуты отдыха. Солдаты в наряде приносят
вечером суп и кофе, но в каких условиях! Спим, как можем, скорчившись на
земле, каждый на занятом месте.

Дивизионный генерал караула остается в батарее, называемой «де Ланкастр».
Отсюда он распоряжается всеми работами атаки и защиты и отсюда может оце-
нить все в целом. Я провожу здесь круглые сутки в течение трех дней. Днем во
время изнуряющей жары генерал проходит пешком по всем траншеям, чтобы
хорошо осмотреть продвижения наших работ, иметь представление обо всех по-
зициях и показаться своим людям.

Ночью мы часто довольно спокойны, но как-то вылазка русских заставила
нас взяться за оружие и держаться начеку, и, так как мы никогда не бываем пре-
дупреждены, спим вполглаза. Мое наибольшее беспокойство — завтрашнее осоз-
нание потери друга, которого видел накануне. Я привыкаю, но делаю это не так
легко. Редко на следующий день я не иду на погребение какого-нибудь офицера
из своих знакомых. Жизнь проходит здесь среди мертвых; на входе в траншеи —
широкие ямы, приготовленные для захоронений. Каждый день мы выкапываем
новые, поблизости на траншейной дороге установлены госпитали. Эта прогулка
мало вас развеселит, и в то же время никто не волнуется: привыкаем ко всему.
Провидение, впрочем, придает душам достойное настроение в экстремальных
ситуациях и сохраняет его. Нужно, чтобы так и было, чтобы никто не слабел.
Смелость не так редка и достойна этих напыщенных тщетных речей, которыми
думают платить тем, кто страдает или страдал. Во время войны благородное удов-
летворение, заставляющее испытать величие и важность дела, значительно под-
нимает дух!

Все три дня я нахожу в караулах много знакомых офицеров, относящихся
к складам траншеи, остающихся там на постоянном посту; между другими —

¹ Капитан-лейтенант «Наварина» после кораблекрушения «Плутона», на котором он был старшим помощником капитана.

Галлиффе¹, который занимает высокое положение среди старших. У него дух веселый, живой, оригинальный, полный задора, он чувствует себя чудесно. Мы в нашем штабе смотрим на него с удовольствием. Элиона де Вильнёва, которого хорошо знаю по парижскому обществу, где я его оставил секретарем посольства, теперь нашел сержантом зуавов перед Малаховым! Я его представил генералу, который был до невозможности любезен с ним, и пригласил его на наш скромный ужин. Ужин в самом деле скромный, компания весьма изысканная: обычно какой-нибудь иностранный офицер высокого звания, который приходит посетить наши окопы, остается среди нас допоздна; наш верный бравый Ла Турдю Пен, личный состав штаба генерала. В нашем предпоследнем карауле мы получили почту из Франции с речью графа Монталембера, хвалившего нашего генерала лестно и вполне заслуженно; письмо от г-жи де Калержи, которая передает ему от графа Моле чувства восхищения и уважения к его личности; наконец, письмо министра г-на Ашиля Фульда, докладывающее об *интересном* положении императрицы. Эти напоминания о Франции привнесли в наш лагерь приятное развлечение. Мы так нуждаемся в нем среди тяжелых работ.

Я более не рассказываю вам о скором конце осады: столько раз он был вам объявлен, что лучше о нем не говорить ничего; даже когда я рассматриваю вблизи накопившиеся средства обороны и способы сопротивления, могу не думать о столь близком успехе. Много добрых умов начинают сомневаться и не говорят более о взятии Севастополя, как говорили до дела 18 июня. Лучше молчать, чтобы никого не вводить в заблуждение. Я продолжаю себя хорошо чувствовать, хотя мы занимаем очень болезнетворный лагерь без укрытия и средств против самой губительной жары, какая только может быть в Крыму. Так я желаю идти до конца. Это не было бы моим единственным желанием, но я не смею иметь более амбициозных.

XVI

21 июля 1855 г.

Из-за бессонных ночей и усталости развлечения здесь весьма редки. Слава Богу, мне было позволено провести прекрасное утро на 100-пушечном корабле «Наварине». Мало найдется во всем флоте пушек, которые были бы такими большими, красивыми и лучше ухоженными. Когда покидаешь Херсонесский мыс, особенно часть, занятую дивизией «Канробер» (где нет и следа растительности и где дышишь лишь пылью и тлетворными миазмами), и попадаешь в тихое, благоприятное место, и бриз приносит тебе воздух свежий, чистый и живительный, испытываешь великий комфорт, наслаждаешься относительным счастьем, которое заставляет завидовать судьбе морского офицера.

Какое удовольствие испытал я, поднимаясь на этот мощный корабль, от сделанного нам здесь приема, благовоспитанности офицеров, ухоженности моряков, доброго выражения их лиц, опрятного вида и порядка, который мы отмечаем повсюду! Какая разница с видом наших лагерей, где тяготы, болезни, раны,

¹ Потом младший лейтенант, в настоящее время самый молодой дивизионный генерал нашей армии

изношенная одежда, отсутствие воды и гигиенического ухода придают лагерным обитателям такой плачевный вид!

Я обедал за столом офицеров: он был накрыт с особой роскошью и изысканностью, к которой мои глаза не привыкли. Эта роскошь мне показалась (так ситуации меняют точку зрения) такой же, как сервировка на улице Сен-Доминик, о которой я немного сожалею и которую мы частенько любим вспоминать по контрасту с нашим, далеко не похожим столом.

Мой брат Амеде был рад снова видеть меня. Мы хорошо провели время, вспоминая о семье.

Под офицерской кают-компанией находился аспирантский пост, занятый очень молодыми людьми, самым старшим не было и двадцати лет. Они здесь кричали, играли, бегали, как сбежавшие из колледжа. Не думающие ни о чем серьезном, без всякой ответственности, забавляющиеся всем, они самые счастливые в армии и, конечно, счастливее своих ровесников, еще запертых в школах.

Я покинул «Наварин» с сожалением; когда находился вечером в столь отличном месте, мне казалось, что сбылась моя мечта!

В один из прошлых дней, выполняя поручение при генерале Пелисье, я был весьма любезно задержан на обед; я воспользовался соседством для визита достопочтенному командиру штаба армии г-ну де Мартимпрею¹, которого видел некогда почти каждый день, когда он шел получать приказы от того, к кому он был сильно привязан. Рядом с ним я нашел полковника Жарра², майора Ренсона³, моего доброго друга по школе в Сен-Сире, молодого де Кадора⁴ — капитан-лейтенанта, временно исполняющего обязанности в нашем главном штабе для повседневных сношений между сухопутной армией и флотом.

После слишком короткой сердечной беседы я вернулся в нашу бывшую штабквартиру главнокомандующего и нашел ее в состоянии гораздо лучше. Эта черная грязь, по которой мы шлепали ногами всю зиму, была убрана; в жилой части были видны аллеи, посыпанные песком, хорошо ухоженные и ведущие к новым палаткам, баракам, аккуратно и заботливо построенным инженерными войсками. Водном из них, достаточно большом на вид, был приготовлен обед. Мы начали поданным превосходным молочным супом — большой редкостью в наших лагерях. Генерал Пелисье, видя, что я очень люблю это блюдо, сказал лукаво, но очень любезно, что он достал корову в Керчи, чтобы попотчевать меня молоком. Я видел, что сейчас он мне скажет, будто специально организовал экспедицию в Керчь ради этой коровы.

Стол был гораздо лучше, чем в наше время, но беседа не была такой же фамильярной и свободной; мы чувствовали себя под присмотром сурового командира, следившего за нами и ничего не упускающего. Я нашел здесь на прежнем месте храброго генерала Роуза; Вобера де Женли; полковника Рея⁵ (с характе-

¹ В настоящее время управляющий Домом инвалидов.

² В настоящее время дивизионный генерал.

³ В настоящее время дивизионный генерал.

⁴ Сначала герцог де Кадор; стал дипломатом, был полномочным министром при императоре.

⁵ В настоящее время дивизионный генерал, достойный сын маршала Рея и внук известного Массена. Пелисье сам был одним из адъютантов отца того, кто служил теперь подле него.

ром любезным, верным и преданным), с которым у меня связано столько общих воспоминаний о светской и армейской жизни; молодого Монтобана¹ — бывшего компаньона по оружию и прелестного сына африканского генерала, близкого друга Пелисье. Капитан артиллерии принц де Полиньяк — оригинальный, образованный, но немного странный — составлял также часть этого так хорошо устроенного штаба. Его шурин Сосфен де Ларошфуко² прибыл сюда искать в этой лагерной жизни отвлечение от своей обоснованной печали. Я его видел несколько раз, и если бы он не был в столь глубоком трауре, я ему напоминал бы о праздниках, которые он нам давал в Париже в самые счастливые дни.

Недавно я еще ходил к сардинцам. Генерал Ла Мармора³ меня также пригласил. Много обедов за короткое время, но лишь единственный случай преумножил приятные моменты развлечения в хорошей компании, я был счастлив им воспользоваться.

Ничего нет проще и скромнее стола сардинского штаба. Эти благовоспитанные офицеры без претензий и капризов очень хорошо выполняют свой долг. Генерал Чалдини⁴, непоколебимый воин, энергичный, которого мы высоко ценим, был здесь. Я нашел также герцога де Дино, французского комиссара при этой хорошо управляемой армии. Доблестный генерал Ла Мармора не уступает никому в отваге, военных качествах; бдительный, неутомимый, он первым встает утром и все осматривает раньше всех. По его деятельности и движениям видно желание выставить в выгодном свете своих солдат и внушить уважение тем, с кем рядом сражается. Если он оказал мне самый сердечный прием, я отношу всю заслугу на счет чувств симпатии и уважения, которые он испытывает к французам, и особенно к тому, кто более всего этого достоин и которого мне нет нужды представлять вам иначе.

В этой маленькой армии офицеры молоды; наши не старше: вот что нужно для войны! Нашим первым дивизионным командирам Канроберу и Боске немногим более сорока лет; нашим бригадным генералам Трошю, Эспинассу, Сен-Полю, Клеру, Фроссару, Бурбаки далеко еще до этих лет. Самый старший — наш командующий Пелисье, ему шестьдесят. Сила, здоровье, энергия, смелость — неотъемлемые спутники молодости.

По этому письму можно подумать, мы не помышляем больше об осаде. Не думайте ничего подобного; траншейные работы, минирование продолжаются лучше, чем когда-либо среди мелких сражений, столь часто повторяющихся и о которых бесполезно вам рассказывать. Результаты, как само действие, не меняются. Ждем больших ударов!

¹ В настоящее время один из наших самых молодых генералов, сын генерала Монтобана, граф де Паликае, командовавший экспедицией в Китай, бывший министр военных дел.

² Сосфен де Ларошфуко, герцог Бизачский, сначала член парламентской ассамблеи, затем посол Франции в Англии; недавно потерял свою первую жену.

³ В настоящее время генерал итальянской армии, занимает позицию выше дивизионных генералов, эквивалентен маршалу в других государствах, бывший президент Совета министров, сенатор и т. д.

⁴ В настоящее время генерал армии, бывший президент Совета министров, итальянский посол в Париже.

XVII

27 июля 1855 г.

Никакой выдающейся новости со времени последнего письма. Если бы я говорил, как газеты, привыкшие изменять истину, я сказал бы, что нужно вскоре идти на приступ и все будет закончено за пятнадцать дней. Но те, которые говорят и пишут, никогда не приезжали сюда; даже тех мало, которые, прибыв сюда, посетили бы последнюю параллель, наиболее приближенную к Малахову. Я провел там позавчера часть дня и мог бы специально об этом рассказать.

После неудачи 18 июня, которую мы пытались тщетно спрятать, нужно было продвигаться последовательно к городу и подступать под прикрытием. После пяти недель работ, которые не обходились без боев и существенных потерь, мы сделали последнюю параллель на расстоянии около 180 метров от оборонительных сооружений города. На этом расстоянии опасность возрастает из-за полученной врагом легкости отправлять сильный снаряд и веер пуль; и эти ядра проходят свободно сквозь земляные брустверы, позади которых мы считаемся защищенными. Более того, как я легко подметил, эта параллель, за которой спрячутся колонны, назначенные идти на приступ, прекрасно обозреваема с русских батарей другой стороны Севастополя; когда мы снова начнем огонь по всей линии, мы не сможем там остаться. Но это не все: от этой параллели нужно идти до Малахова рва, сильно увеличившегося, скрыть его и провести сверху земляной бруствер, который очень трудно пробить. Однажды головам колонн придется удерживаться на бруствере под огнем ружейного залпа, который будет страшным, под огнем тысячи орудий города и кораблей, ни один из которых мы не повредили своими бомбами. Я не обращаю внимания на то, что Малахов может быть минирован; однако это большая опасность, и я говорю, что взятие Малахова — военное дело первой трудности, и мы не можем заранее быть уверенными в успехе.

После Малахова нужно будет идти дальше: последовательно брать другие защитные сооружения города до самого моря; затем нужно будет обойти позиции русской армии, чтобы завладеть частью Севастополя на другой стороне рейда.

Наконец, город, однажды захваченный, нам нелегко будет покинуть. Какие человеческие и материальные жертвы будут необходимы, чтобы закончить войну!

Все это может завести нас далеко, если только почетный и быстро заключенный мир не вытянет всех из затруднения. Что касается материальных жертв — вы их знаете; но о человеческих вы никогда не будете подозревать. Цифру, которую вам дают газеты, увеличьте в четыре раза, но все равно это не будет истиной! Все подразделения, находящиеся здесь, были возобновлены до трех раз. Военные корабли и транспорт служили лишь для отправки в Париж или Константинополь наших больных и раненых!

Я только что потерял двух офицеров моей дивизии, к которым был привязан — Ромьё¹ и Вильнёва. Первый был убит пулей в сердце в траншее в тот момент, когда мы проходили около него; у второго была разбита челюсть взрывом снаряда. Это были два мужественных молодых человека! На нашем последнем смотре траншей генерал сделал очень длинный обход, опасный и полный трагических приключений. Возвращаясь на наш пост, он мне сказал: «Вот, мой дорогой друг, как дорога

¹ Сын г-на Ромьё, исполнявшего государственные функции и столь известного своими произведениями и умом.

к славе усеяна болью и разрушениями...» Товарищеский дух, взаимное уважение и особенно эти чувства привязанности и преданности, которые встречаются только в армиях, утешают и поддерживают нас в этих трудных испытаниях.

XVIII

4 августа 1855 г.

Генерал Канробер был вызван во Францию. Его благородный характер, выдающиеся заслуги, как и военный талант, сохраняли ему в армии престиж, моральный авторитет, какие только должны быть присущи молодому главнокомандующему. Благодаря переговорам удалось добиться этого отправления; терзания такой деликатной совести были побеждены лишь приказом императора. Генерал Пелисье, которому сильно ослабевшее здоровье друга было дороже, чем кому-либо, советовал смудля поправки временный отдых, впрочем слишком оправданный. Ответ был достойным: «Соглашаясь на мое возвращение во Францию по причине здоровья, я подам армии дурной пример, а я подаю ей только добрые».

Совершенно опечаленный, я себя ободряю, думая, что эта столь драгоценная жизнь будет сохранена во Франции. Там она, безусловно, будет нужна, никогда у Франции не будет более преданного служению сердца. У меня между тем некоторос облегчение в печали. Мне было очень сердечно сказано, что все весьма обеспокоены тем, что со мною будет. Я попросил принять меня в штаб генерала Боске, друга Канробера, что было сразу позволено.

Тот, кого я должен был вскоре покинуть, относился ко мне с крайним благодушием; он мне пообещал, что если он будет назначен на большое командование, в дипломатическую миссию или в военное министерство, то вызовет меня немедленно к себе по телеграфу. Это свидетельство доверия и дружбы удовлетворяет мои амбиции и делает мне честь большую, чем все остальное. На память он оставил мне боевого коня, раненного на Альме; на нем он был верхом при Инкермане: император, которому отпавил коня вице-король Египта, отдал его лично генералу накануне отправления в армию.

Он сохраняет при себе г-на де Корнели — своего первого адъютанта, самого безукоризненного офицера штаба, и де Молена, о котором я сильно сожалелю, так как мы понимали друг друга во всем. Если он напишет, как он умест, о том, что видел, это будет интересно.

Вот так вся семья, окружавшая командующего французской армией в Крыму, будет рассеяна. Дела этого мира не идут по-другому; нет завтрашнего дня! Нам остается лишь удовольствие от проведенной с пользой жизни, взаимное уважение и общие воспоминания, связывающие нас навсегда.

Правительство узнает, как отнестись к нашей нынешней ситуации, по приезде во Францию того, кто способен ситуацию объяснить. Правительству будет сказано, что Севастополь далек от взятия, что нам нужны еще люди и средства уничтожения. Если нужно продолжать осаду, а другого выхода у нас нет, мы должны уничтожить город ударами бомб, приводя в нежилое состояние. Затем с большим трудом нужно будет завладеть этими дымящимися руинами, несомненно, отважно защищаемыми. В Париже более нетерпеливы, чем здесь, где, однако, наше существование хорошо оплачивается; верят почтовой новости о взятии города, и в общественном легковерии, которое вы разделяете, Севастополь

взят или вскоре будет таковым. Ладно, пусть будет! Севастополь взят; больше не говорим об этом!

XIX

*Из штаб-квартиры 2-го корпуса
перед Севастополем, 11 августа 1855 г.*

Отправление генерала Канробера освобождает меня от постоянного страха за его жизнь. В прощанье ему были сделаны самые лестные комплименты. Все генералы и старшие офицеры, не задержанные службой, проводили его до берега моря. Оттуда он отправился с генералом Пелисье на борт «Монтебелло», где адмирал Бруа дал большой ужин в его честь.

Потом он отделился от нас не без сильного волнения, чтобы подняться на борт корабля, который должен его отвести обратно во Францию. Орудия адмиральского корабля салютовали бывшему главнокомандующему Восточной армией.

Адмирал Бруа всегда оказывал ему знаки наибольшего почтения. Некоторое сходство характеров должно было сблизить этих двух воинов. Добродушие и простота среди почестей одинаково выделяют их; первый такой же скромный в своей каюте, как второй — в палатке. Никакой изысканности, никакого предмета, напоминающего городской комфорт. Каюта Бруа украшена лишь портретами его жены и молодых дочерей. Зато его штаб один из лучших. Капитан корабля Жюрьен де Ла Гравьер¹, почтенный сын вице-адмирала с тем же именем, является его командиром: еще молодой, он достойно помогает тому, кто исполняет обязанности главнокомандующего. Во флоте, вообще строгом в своих суждениях, мнение о нем очень высокое.

Я нашел здесь аспиранта Робера де Фиц-Джеймса, почти юношу, которого, к счастью, пощадила смерть, поразившая его молодого и интересного друга Ла Бурдоннэ**, принадлежавшего, как и он сам, к штабу Жюрьена де Ла Гравьера. Они были рядом друг с другом в атаке фортов Севастополя 17 октября: «*His amor unus erat pariterque in bella, tuebant*»³, — когда ядро, снесшее голову Ла Бурдоннэ, отразило в лицо Фиц-Джеймса брызги самого страшного ранения. Трогательный эпизод этой незабываемой осады!

Я покинул «Монтебелло» с сожалением, восхитившись этим великолепным паровым кораблем, наиболее значительным и красивым в нашем флоте, поблагодарив бортовых офицеров, оказавших нам столько почестей. Фиц-Джеймс проводил нас к адмиральской лодке, идущей обратно на берег; на берегу генерал Пелисье, редко с кем-либо любезный, но со мной — довольно часто, предоставил мне место до лагеря в русском экипаже, захваченном в Керчи и запряженном обозными лошадьми. Это истинная редкость, единственная на пространстве всего плато. Я возобновил службу при генерале Боске; заменяю Пьера де Кастеллана, отозванного во Францию за одно из его писем, опубликованных в «*Constitutionnel*». В этом письме он с присущим ему умом критиковал наши военные

¹ В настоящее время вице-адмирал, автор очень уважаемых статей в «*Revue des Deux Mondes*».

² У него было предчувствие своей смерти. Идя под огонь, он сообщил об этом своему командиру.

³ Их любовь была неповторима и в то же время была разрушена войной (лат.). — Прим. переводчика.

операции, рассказывал о нашей неудаче 18 июня, не договаривая истины, так как всю правду трудно говорить, а еще более — писать. Старый суровый маршал де Кастеллан будет недоволен! но он заставит принять во внимание заслуги своего сына, конечно, наиболее способного офицера. У нас в штабе Боске служат майор Баллан¹, капитан Фэй²; Галлиффе, которого мы всегда рады видеть; г-н де Дампьер³, попавшийся в руки русских в начале нашей крымской экспедиции и хорошо принятый в Санкт-Петербурге.

Молодой генерал де Сиссей⁴, с которым мы были товарищами по первой африканской кампании в 1840-м, является начальником штаба 2-го армейского корпуса. Его важные обязанности мешают ему часто встречаться с нами.

Что ни говори, а холера беспощадно свирепствует в армии. Несколько дней назад мы потеряли еще одного генерала: это десятый с начала военных действий. Два дня я присутствовал на похоронной церемонии. Только за этот месяц я потерял много знакомых офицеров. Это самое грустное на войне. Наши испытания на самом деле жестоки; по возвращении во Францию мы должны вызывать то же почтение, что мы проявляли во времена нашей первой молодости к людям, прошедшим кампанию в России в 1812-м. Помимо опасности огня, те, кто покинул свою страну, в течение восемнадцати месяцев испытали тягостные лишения. Я не говорю об отсутствии семьи, всего того, что придает шарм жизни в нашем обществе прогрессивной цивилизации. Меня то разочаровывает, если я должен был разочароваться, что все, что мы сделаем, послужит для укрепления и защиты несуществующей империи: так как не иметь будущего — то же самое, что не существовать.

Империя Турции — это отсутствие всякого авторитета, безопасности для людей, как и для имущества, всякого богатства, исключая территориальные богатства — бесплодные из-за мусульманских законов; это в итоге противоположность нашей европейской цивилизации. Никогда и ничего не сделаешь из народа, развивающегося по-домашнему, то есть не развивающегося, который думает только о том, чтобы покурить, или не думает ни о чем.

XX

18 августа 1855 г.

Я участвовал в бою 16 августа на Черной. Местность, где был нанесен главный вражеский удар, представляла зрелище страшной резни. Я находился возле генерала Боске, взявшего высшее командование над всеми введенными в бой войсками. Они составляли часть его армейского корпуса. Я его нашел восхитительным, хладнокровным и с присутствием духа, его приказы ясны и точны. Он сразу решает, что нужно делать, и без замешательства предпринимает необходимое.

Задолго мы были предупреждены (перебежчиками), что нас будут атаковать, и в течение трех ночей мы почти не спали. Наконец, 16-го утром русские воспользовались часто стелющимся в долинах туманом, чтобы собраться в большие массы за Черной и снова начать нападение, уже испытанное со столь малым успе-

¹ Умерший бригадный генерал.

² Сейчас полковник штаба.

³ Сейчас бригадный генерал.

⁴ Сейчас дивизионный генерал, бывший военный министр.

хом при Инкермане. На рассвете они перешли реку по Трактирному мосту; разгромив наши аванпосты, они вскарабкались по очень крутым склонам на вершину, где мы были расположены. К счастью, мы быстро приняли оборонительную позицию, и, благодаря неудержимой горячности наших войск под командованием генерала Файи¹, нам удалось отбросить врага. Русские возобновили попытку с отличительной выдержкой. Два раза они переходили через Черную; последняя попытка им стоила дорого: они буквально закрыли землю своими мертвыми. Наша артиллерия посылала ядра, снаряды в эти густые массы, загромаждавшие мост, каждый удар приносил им смерть.

После сражения, длившегося шесть часов (так как мы еще долго перестреливались через Черную), генерал Боске отправился по всем местам, где простирались мертвые и умирающие; он приказал подобрать раненых обеих армий — русские были вынуждены покинуть своих. Эта грустная неприятная работа была едва закончена к ночи — столь огромное количество жертв.

По этому случаю он с яростью вспылал на английских офицеров, которые с достойным порицания любопытством шли насладиться грустным зрелищем, стали собирать на память потерянные предметы на поле битвы, в которой они даже не участвовали. По правде говоря, генерал Симпсон, сразу предупрежденный, прибыл к нам с английской гвардией; таким образом он не колеблясь оказал серьезную помощь, которая должна была быть нам очень полезной. Пьемонтцы в качестве своего дебюта нашли при этом случай сразиться на нашей стороне. Они оказались на высоте, и именно их неумоимый генерал Ла Мармора, вставший раньше всех в лагере и первым посетивший свои аванпосты, предостерег нас.

День 16-го закончился для генерала Боске посещением госпиталей. Из-за недостатка места в палатках русские раненые были уложены на земле под открытым солнцем, стонущие, корчившиеся в ужасных страданиях, с видом страшнейших ран. Наши солдаты приносили им воды, утешали их и обращались наилучшим образом. Один из солдат, побывавший в плену у русских, говорил: «Со мной так хорошо обошлись, что я хочу им дать все, что смогу». И он им предлагал трубки, табуку, водки, разведенной водой, и все это с трогательной простотой, которая давала возможность несчастным раненым понять, что теперь они имеют дело не с врагами. Мы вернулись в этот день после шести часов вечера; я был на коне в течение примерно тринадцать часов.

Русские должны были потерять очень много людей. Это была настоящая бойня; насчитывалось около 2000 трупов на поле битвы, столько же подобранных раненых в наших госпиталях. Кровь пролита совершенно бесполезно! Безрезультатная битва, отчаянный удар осажденных!

Мы снова открыли огонь по городу, но слабо, чтобы не истощить наши припасы. Русская артиллерия отвечала выстрелом на выстрел, таким образом, положение вещей оставалось прежним. Этой ночью возобновилась еще более неистовая бомбардировка. Много жертв с обеих сторон. В этой длинной и слишком кровавой войне жизнь людей не ставится ни во что; если бы не это, она была бы уже закончена. Гуманность подсказала бы согласительный мир, который прекратил бы все это.

¹ Ныне дивизионный генерал.

XXI

25 августа 1855 г.

После событий 16-го числа сего месяца, которые делают большую честь французской и сардинской армиям, мы живем в постоянной тревоге. Я провел четыре ночи из семи то в окопах, то рядом с линией Черной. Два раза по ночам русские предпринимали ложные вылазки на наши апроши. Они дали такой батарейный огонь и ружейный залп, что мы основательно поверили в намерение противника атаковать. В подобном случае мы отправляемся в спешном порядке к первым параллелям для подкрепления охраны траншеи.

Генерал Боске, командующий осадой правой стороны (направленной на Малахову Башню, Куртину и Малый редан), а также дивизиями линии Черной, всегда первым прибывает на поле боя. Это очень спокойная и осторожная, но в то же время весьма деятельная натура. Он совершенен в глазах своих офицеров, и я рад за себя, что заканчиваю мою крымскую кампанию возле него.

Два раза за эту неделю нам донесли татарские шпионы и перебежчики, что русская армия, подкрепленная прибывшими из Одессы войсками, собиралась возобновить ночью свою атаку 16-го; и так как эти сведения, дополняющие друг друга, уточняли даты, нам нужно было провести две ночи под ружьем. Работа, которую мы здесь выполняем, очень трудна и утомительна, и, чтобы ее долго выдерживать, нужно быть обученным не так, как мы: в течение десяти лет в тепличных условиях в колледжах и военных школах, где характер скорее слабее, нежели закаляется.

Операции осады проходят очень медленно и тяжело. Мы работаем в темное время суток и продвигаемся только на десять метров за ночь, потому что находимся близко к городу. Не более 50 метров осталось до Малаховой Башни. Но еще нужно подготовить выход войск из рва и пробить брешь. Теперь мы передвигаемся по минированному врагами полю. Это очень опасно, так как мы рискуем в любой момент взлететь в воздух; но со многими предосторожностями и знаменитой контрминной системой мы разрушаем вражеские работы. Только все эти противодействия столь же задерживают завершающие операции, и я боюсь, что генерал Пелисье не преуспеет, обещая императору близкое взятие Севастополя. Скоро уже год, как говорится одно и то же. Но оказалось, что можно управлять народом, только обещая ему то, чего он желает. Толпа хочет быть обманутой — ее и обманывают: «*Vulgus vult decipi, decipiatur*»¹.

Галлиффе, настоящий испорченный ребенок, у которого недостатки и слабости присутствуют в той же мере, что и достоинства, возвращается во Францию. Он взойдет на корабль в следующий вторник. Он будет сожалеть обо всех своих штабных друзьях.

Рессегье, у которого ума больше, чем у кого-либо, лучший молодой человек, что я знаю, снова заболел. Кавалерию испытает не усталость: никогда ни в какой войне она не была более бездейственной и бесполезной. Она потеряла людей из-за холеры, причем много; в то же время она занимает лучшие расквартирования в тенистой долине с зеленью, которой мы никогда не знавали на заселенных нами голых скалах. Наши госпитали набиты больными и ранеными. Я часто туда хожу по делам службы. Во время одного моего визита рядом с моим знакомым артиллерийским капитаном я встретил русского артиллерийского капитана, вели-

¹ Толпа желает быть обманутой, пусть и будет обманута (лат.). — Прим. переводчика.

колепного офицера, исполненного достоинства. У обоих грудь была пробита пулей насквозь в деле у Трактира во время их сражения друг против друга. Сейчас они очень хорошие друзья. За русскими пленными ухаживают так же, как за французами; если и делаются различия, то скорее в пользу русских. Наши, возвращающиеся из России, находили повсюду наибольшие знаки уважения. Нет никакой неприязни между двумя вражескими армиями, и, что бы об этом ни говорили, там тоже желают мира. Мы всегда в холодных отношениях с англичанами. Генерал Симпсон, человек умный, воздержанный и покладистый, хорошо это чувствует; он не без основания только что издал приказ по армии (по случаю битвы у Трактира), столь лестный для французов. Если у кого не очень или вовсе не военный вид, так это, конечно же, у генерала Симпсона; у него скорее вид интенданта армии; он носит очки и пристегивающиеся воротнички. Ничего воинственного в его поведении. Он мало выходит из дома, пишет много своему правительству, перед войсками показывается редко. Это своеобразная армия; она не делает великих дел, но также создает мало шума. Солдаты заняты лишь стиркой белья и приготовлением еды; офицеры скачут на лошадках повсюду и во всех направлениях. Глядя на них, можно сказать, что они воюют как непрофессионалы, ради своей забавы. Мы уже готовимся провести зиму в Крыму. Я спрашиваю, какую награду присвоят тем, кто проживет целых два года без перерыва в этой Восточной армии: они пройдут чистилище на этой земле. Я боюсь, как бы их заслуги не были забыты, когда война закончится, боюсь, что они не будут в положении лучшем, чем те, которые остались спокойно в Париже. Уже меньше думают о наших невзгодах, так как Париж предастся праздникам и весельям, которые было бы лучше оставить до мирных времен.

XXII

1 сентября 1855 г.

После моего последнего письма операции осады развивались медленно, но уверенно. Мы подошли на двадцать метров к Малаховой Башне, или, скорее, к севру. Предстоят еще второстепенные операции перед тем, как атаковать. Таким образом, осуществлено то, о чем я докладывал в моих письмах за март и апрель. Я писал о невозможности что-нибудь сделать и на что-либо надеяться до приближения к краю городского рва подрывными работами. Все человеческие усилия, вероятно, но бессмысленно собравшиеся, не могут преодолеть некоторые материальные препятствия. Не принимая это во внимание, говорить о взятии Севастополя, не преодолев их, значит говорить, не зная, — так же, как люди светского общества. Такие встречаются повсюду: несведущие, не сомневающиеся ни в чем и не знающие ничего люди, которые, однако, много говорят!

По мере того как мы продвигаемся к знаменитой Малаховой башне, мы имеем чувствительные потери: не проходит и дня, чтобы мы не теряли от двухсот пятидесяти до трехсот убитыми или ранеными. Посчитайте, какие будут цифры к концу месяца. Русские понесли больше потерь, чем мы.

На этой неделе у нас произошли два несчастных случая: ночью со вторника на среду взорвался пороховой погреб — оборонительный запас Зеленого Холма. Толчок был так силен, что все в лагерях внезапно проснулись. Сначала не была известна причина этого страшного взрыва. Генералы и служебные начальники отправились на Зеленый Холм; разведали, что несчастье не так велико, хотя мы и сожалеем о жертвах. Балки погреба были отброшены далеко в одном направлении и обруши-

лись на две гвардейские роты. Главнокомандующий прибыл со своей стороны, сопровождаемый частью своего штаба. В это время русские, догадывающиеся о движениях и поспешности наших войск при устранении повреждения разрушенных батарей, пустили град бомб и снарядов на точку, указанную взрывом как цель.

Следующей ночью два наших офицера и унтер-офицер вошли в покинутый русскими пороховой погреб; он был еще наполнен бомбами и снарядами. Огонь занялся мгновенно, все взлетело на воздух с огромным грохотом, так что найти останки несчастных невозможно.

Чтобы дать вам представление об этой войне, скажу, что сейчас происходит работа по подземному минированию перед Малаховым, где минеры двух лагерей заняты боями, о которых мы не имеем никакого понятия. Генерал Ньель, с превосходным профессиональным опытом, говорил, что никогда ни в какой осаде не получали подобного развития эти способы атаки и защиты. Я восхищаюсь минерами, призванными на настоящую войну кротов; испытания, которые они выносят столь терпеливо, делают из них самых интересных людей армии.

Я присутствовал в понедельник в английской штаб-квартире на вручении крестов Ордена «du Bain»¹ лордом Стреффордом Редклиффом. Эта сделанная с некоторой пышностью церемония меня глубоко тронула. Адмирал Лион, адмирал Стюарт, генерал Сир Колин Кэмпбелл были удостоены орденской ленты через плечо. У адмирала Лиона был весьма внушительный вид, когда он получал знаки отличия из рук английского посла. Этот последний был самым выдающимся из старых дипломатов той эпохи, которая мне едва известна, но которую я представляю по личностям, сохранным еще английской аристократией и обнаруженным мною здесь. После торжества, очень длинного из-за произнесенных речей, генерал Симпсон пригласил нас «на ленч», на котором собрались известные личности союзных армий. Я видел их здесь разочарованными. Дело в том, что мы рассчитывали увидеть, как награждают крестом Ордена «du Bain» генералов Пелисье и Боске, адмирала Бруа; они присутствовали и имели основания полагать, что их пригласили на церемонию не только в качестве свидетелей. Генерал Роуз, наш английский уполномоченный, поспешил нас уверить, что генерал Симпсон добился у своего правительства, чтобы было так, как мы желаем, но император приказал перенести обмен орденами на другое время — отговорка, поскольку (в обычной жизни присутствующие поддерживают дружеские отношения между двумя великими народами) такие свидетельства взаимного уважения и благодарности за оказанные услуги укрепляют союзы и часто предупреждают досадные охлаждения, как в этом случае. Я же должен признать, что мы были очень обижены таким просчетом.

Я получил от английских офицеров, всегда весьма учтивых с нами, множество приглашений на ужин: одно из них — к сыну лорда Лондондерри лорду Вейну, гвардейскому полковнику, у которого должен быть герцог Ньюкасл, бывший военный министр, уже восемь дней как прибывший в Крым; другое — к лорду Рокби, капитану королевской гвардии, заслуженному офицеру, относящемуся с уважением и симпатией к генералу Канроберу.

В последние дни мое здоровье лучше, у моих братьев оно также хорошо. Мы аккуратно получаем новости из Парижа: это наше утешение — так же, как наша надежда однажды снова увидеть тех, кто думает о нас.

¹ Орден Бани (франц.) — британский рыцарский орден. — Прим. переводчика.

XXIII

11 сентября 1855 г.

Мои братья и я, к счастью, хорошо сохранились в этом кровавом, страшном приступе Севастополя. Те, кто вернется с войны, должны считаться счастливыми, они будут исключением. Мой брат Альфред покинул ее из-за легкой раны в колене, я же храню невыносимую боль в ушах с болезненным звоном после пролета ядра над моей головой. Оно снесло мое кепи, оглушив, опрокинуло меня на землю и забросало меня ею, пробив гребень бруствера. Один из моих эполетов был разорван взрывом снаряда, который смертельно поразил несчастного солдата, находящегося передо мной. Я не думаю, что в армии случилось сражение, где не было бы, по крайней мере, какой-нибудь царапины. Цифра наших убитых и раненых огромна; и я мог бы только наполовину утешиться нашим успехом, столь дорого купленным!

За два дня до штурма состоялся большой военный совет у генерала Пелисье, на следующий день — у генерала Боске, который, как командир 2-го корпуса, был наделен командованием всеми атаками правой стороны. Накануне вечером все командующие армиями, командиры корпусов, призванные содействовать приступу следующего дня, собрались в нашей штаб-квартире. Там, определенно и ясно внушая свою идею другим, генерал Боске объяснил весь план атаки и роль, которую будет выполнять каждый. Часы были сверены с моими, которые были хороши и настроены на время начала исполнения программы этой страшной драмы. Несчастный Сен-Поль, не имевший из-за характера особой уверенности, сказал мне при выходе из этого собрания: «Когда приказы так хорошо отданы и каждый знает, что ему делать, успех наполовину гарантирован». Бедного генерала, которого я сильно любил, теперь больше не увижу!

На следующий день каждый готовился к бою так, будто должен был идти на смотр. Я нигде не отмечал на лицах малейших следов беспокойства. Нужно также сказать, что мы были весьма рады с этим покончить во что бы то ни стало. Испытанные страдания, впрочем, лишь закалили нас перед этим последним и торжественным испытанием. У меня было время написать два письма, передающих вам мои приветы в момент, когда мы, не без сожалений, думаем о вечной разлуке и готовимся к ней. В девять часов весь штаб генерала Боске был готов к отправлению. Завтрак, в котором, следуя моим привычкам, я принимаю мало участия, был приготовлен, как обычно. Он не был ни веселее, ни грустнее. Мой брат Альфред, проходя мимо нас со своими солдатами, спокойно отправляющимися в траншеи, оторвался от них, чтобы обнять нас и высказать тому, кого мы окружали, наши надежды и пожелания: «Мы сделаем все так, чтобы повысить вам звание». Другие находящиеся в лагере офицеры приходили сказать нам те же пожелания, выразить те же стремления.

К десяти часам мы садимся в седло и отправляемся к траншейному входу, находящемуся достаточно далеко от лагеря. Мы образовываем штаб столь же блестящий, сколь и многочисленный; в первоклассном нашем штабе объединены генералы Сиссей, Бёре, Фроссар, несколько других офицеров разных армий, все храбрые и очень приятные на вид. Мы встречаем на нашей дороге сардинцев во главе с генералом Чалдини; английские войска: их командиры стянуты мундирами с большими крахмальными воротничками, будто направлялись на парад; солдаты были чопорны, педантичны, без небрежности. Они хорошо представляли, чем они должны быть в огне: для атаки мало задора, особенно если речь идет

о том, чтобы бежать; но они должны быть сильными, грозными, энергичными в сопротивлении. Наши французские войска, солдаты и офицеры, были одеты небрежно, чтобы лучше сражаться. С самого раннего утра большинство находилось в траншеях. Чтобы не разбудить врага, мы воспользовались полумраком утренней зари. Я повстречал по дороге много друзей, среди них генерала Бурбаки, полковников Моссьона, Шаброна¹, я их обнял, так как мы были очень нежны друг к другу в эти торжественные минуты, столь близкие к смерти! У полковника Шаброна были закатаны рукава до локтей, кулаки яростно сжаты.

Незадолго до полудня все было готово для штурма; каждый на своем посту. Дивизия Мак-Магона (бывшая Канробера) сгруппирована в траншеях у подножия Малахова, дивизия Ла Моттужа — напротив куртины, соединяющей Малахов с Малым реданом, и, наконец, дивизия Дюлака — перед Малым реданом. Гвардейские полки формировались под началом Меллине. У генерала Боске было высшее командование всеми этими войсками, и поскольку это была почти единственная удача, то войска 2-го корпуса и их командиры были удостоены наибольшей доли чести за взятие города.

Необходимая и неизбежная прелюдия всего приступа — наша осадная артиллерия, великолепная как в качестве, так и в количестве — с крайней яростью загрела против города по всей линии одновременно. Речь шла о том, чтобы привести в смятение несчастных защитников и отбросить их как можно дальше от насыпей, которые мы будем штурмовать. Ровно в полдень, в час засекреченный, но условленный между генералами, огонь внезапно прекращается и генерал Боске, находящийся в наиболее приближенной к городу со стороны Малого редана 6-й параллели, окруженный своим штабом, обнажает шпагу и командует сильным и грозным голосом: «Барабаны и трубы, играть атаку! Друзья мои, вперед! Да здравствует император!» (Восклицания французов — как в крайних опасностях, так и в великих радостях — такие же, как «Да здравствует король!»). Этот приказ повторяется одновременно по всей линии, его разносит ветром так же, как звуки музыки всех наших фанфар. Войска с офицерами, обнажившими шпаги, во главе выходят одновременно из траншей. Вот знак, торжественный момент! Наиболее кровавые бои, на которых только можно присутствовать, длившиеся весь день, подробности которых будут вам преподнесены личными или официальными докладами. В военном деле такой важности и охватывающем довольно большое пространство — несколько лье — видно только то, что происходит возле тебя, в поле зрения.

В первые моменты штурма мы поверили, что дело выполнено блестяще и почти закончено так же быстро, как удар молнии; но русские, спрятавшиеся для своей безопасности в укрытиях или под землей от нашего адского огня, вскоре возобновили оборону; мы едва смогли удержаться на завоеванных позициях со стороны куртины и Малого редана. К счастью, дивизия Мак-Магона хорошо держалась в Малахове, глядя на который мы утешались развевающимся французским флагом. Вскоре мы оказываемся в настоящей огненной буре; на нас сыпался со всех сторон дождь снарядов; будто это был град, уничтожающий колосья в поле.

Мертвые и раненые лежали горами на нашем пути. Мы не знали, что делать: этот прилив и отлив наших солдат, бегущих к нам назад от врагов, отбро-

¹ Все трое ныне дивизионные генералы.

сивших их, — из-за всего этого можно растеряться. Генерал Боске не терял головы: с совершенным спокойствием и хладнокровием он отдавал приказы, управлял офицеров своего штаба во всех направлениях и заставлял отчитываться во всем, что происходит вне его видимости. Битва продолжалась с чередованием успеха и неуспеха, с необыкновенным остервенением на всей линии укреплений, когда брошенная из города бомба взорвалась позади нас. Генерал Боске ранен в правый бок, покачивается и падает; находясь рядом, я поймал его на руки. По страданию, выраженному на его лице, по бледности, душераздирающим стонам я посчитал, что теряю его¹. Какое тяжелое чувство среди нас! Потеря такого командующего может помешать успеху! Смелый раненый был еще в силе справляться обо всем, предупредить генерала Пелисье, находящегося на Зеленом Холме, чтобы тот заменил его. И только намного позже, когда силы его вдруг покинули, он позволил унести себя с поля брани. Сколько времени мы затратили, чтобы выйти из траншей! Они были загромождены защитниками, мертвыми и ранеными. Нужно было принимать тысячу мер предосторожности, останавливаться на каждом шагу, подчиняясь генералу, ужасно страдавшему. Покидая траншеи, мы часто передвигались под дождем огня. Встретившаяся нам хорошо оснащенная артиллерийская батарея, направленная к городу, была почти уничтожена на наших глазах.

Только ночью мы прибыли в нашу штаб-квартиру и поместили в палатке из досок бедного раненого. Только здесь он смог найти некоторое облегчение своим смертным мукам. Какая страшная ночь для нас! Когда мы покинули поле боя, победа не была одержана, и мы не были спокойны за существование того, кто нам всем вдвойне дорог.

Мы не имели представления о театре действий со времени нашего ухода; введенные с самого утра в бой войска были отброшены со всех сторон и вынуждены укрываться в траншеях. С другой стороны, русские офицеры, плененные с самого начала, находившиеся под присмотром в нашем соседстве, уверяли нас, что Малахов минирован и взорвется этой ночью! К полуночи раздаются страшные взрывы: никто не мог предположить, что происходило; мы могли поверить во все, по меньшей мере, в поражение армии. Только на следующий день утром, по возвращении наших первых офицеров с моим братом Альфредом, среди них стала известна правда. Мы узнали, что русские, посчитавшие себя не в силах снова овладеть Малаховым — ключом обороны, — отправились в северную часть города по построенному ими через рейд мосту и позаботились о подрыве укреплений южной части, минированной заранее. Именно эти взрывы так испугали нас.

Город Севастополь наш; но северная часть еще во власти русских. Самое трудное было сделано, но это далось не даром. Генерал Пелисье, прибывший в компании генерала Симпсона нанести визит генералу Боске, чтобы узнать новости о нем, сказал ему: «Севастополь наш, но мы за это дорого заплатили». И действительно, мы должны принять во внимание, что наши жертвы слишком многочисленны и значительны. Какие блестящие генералы погибли на службе стране! Мне перечисляют среди убитых генералов де Маролля, де Понтеве, Риве, Бретона, среди раненых генералов — Меллине, Биссона, Бурбаки, Ла Моттужа, Трошю, Кустона, Клера. Мы не говорим генералу Боске обо всех этих потерях:

¹ Эта рана была причиной его смерти в феврале 1861 г., после долгих лет мук и томлений.

в состоянии слабости ему нужен уход; новость о смерти генерала Риве, который был ему самым старым и близким другом, ему будет особенно тяжела.

Я знал ближе генералов де Маролля, а также графа де Понтеве¹, офицера столь же скромного, сколь и достойного; он уже заслужил быстрое повышение в Африке, где долго служил, сумев придать своему имени, которое он так хорошо носил, новый блеск. Меня уверяют, что он, тяжело раненный, получил еще три пули, когда его нес на спине с поля битвы до госпиталя верный адъютант капитан Лями. Почему смерть ожесточилась на жизнь, исполненную таким благородством!

Храбрый Ла Тур дю Пен должен был просить о смерти или вроде того, так как был достаточно серьезно ранен. Сегодня утром он передал мне, что просит биннокль, так как, потеряв все свои очки и будучи глухим, не может ни видеть, ни слышать. Рана генерала Боске серьезна; мы опасаемся за перелом ребер и кровоизлияние в легкие. Он не хочет ничего есть, кроме сиропа Танрада, которого вы хорошо знаете и который много думает о нас и недавно отправил мне довольно хорошую провизию. Генерал Пелисье, генералы союзных армий посылают за известиями о Боске, если не могут приехать сами. Это вереница всего, что есть наиболее значительного в союзных армиях. Генерал Боске заслуживает эти свидетельства симпатии и уважения; он сыграл во всей этой войне одну из важнейших ролей и исполнил ее как человек достойный, одаренный большими военными способностями. Пелисье, Канробер, Боске станут тремя выдающимися личностями этой осады, где так не повезло стольким другим.

Молодой д'Аркур², проявляющий себя столь достойным имени, которое он носит, адъютант генерала Мак-Магона, к счастью, цел и невредим. С капитаном Андло³ также все в порядке; его генерал Сен-Поль, один из наших друзей, к сожалению, убит. Это большая потеря. Я бы на этом не закончил, если бы рассказывал вам обо всех потерях, которые мы понесли и которые нам особенно чувствительны. Французская кровь текла слишком обильными потоками, чтобы мы могли в полной мере наслаждаться нашим триумфом.

XXIV

22 сентября 1855 г.

После большого сражения мы перевязываем свои раны; сегодня мы не занимаемся ничем другим. Они еще слишком сильно кровоточат, чтобы нам можно было радоваться победе, из-за которой пролилось столько крови. Вот почему мы не так веселы, как прежде, и даже эта тишина, это спокойствие, последовавшие за беспрерывным артиллерийским шумом, прежде заполнявшим воздух, отнимают у наших лагерей оживление и задор, которые устраняли тягостные мысли. Этот бесконечный грохот, что был слышен, чрезмерно волновал наш дух и заставлял забыть о своих страданиях. Сейчас мы, как те больные, только что оправившиеся от горячки: хотя и спасены, они лишь более удручены и грустны.

Мы должны считать себя очень счастливыми из-за нашего везения: случайность играет такую большую роль на войне! Нам удалось войти в город только

¹ Граф Эдмонд де Понтеве, старший брат герцога Сабрана, дядя маркиза де Сабран-Шеврё-за, который под командованием генерала Шаретта очень отличился в наших последних войнах.

² Ныне герцог д'Аркур, депутат Кальвадоса.

³ Д'Андло, сын генерал-лейтенанта графа д'Андло, ныне полковник штаба, сенатор.

вследствие этих счастливых обстоятельств, которые Провидение хранит для оберегаемых им армий. Русские знали через своих шпионов, что приступ будет лишь после открытия огня союзных флотов, которые должны были совершить диверсию, полезную в плане атаки. Ветра, страшные в тот день, унесли корабли в открытое море, помощь обеих эскадр полностью отсутствовала в момент начала атаки: отсюда ошибочное чувство безопасности, внушенное врагу, который не занял, соответственно, необходимые диспозиции, чтобы отразить атаку, и который был захвачен врасплох, когда он ждал ее менее всего. Малахов не был достаточно охраняем, и часть дивизии Мак-Магона смогла там легко закрепиться с первых минут штурма. Правда, мы предприняли ужасную бомбардировку, чтобы оттеснить защитников; но нашей самой большой удачей было открытие электрического провода, присоединенного к мине, которую генерал Тотлебен, предвидя то, что должно было произойти, приказал установить со всей вообразимой старательностью. Без этого открытия, помешавшего русским создать минный огонь, Малахов взорвался бы со всеми, кто его занимал.

Малахов — ключ к Севастополю, и, однажды став хозяевами этой позиции, мы господствуем над городом, который можно поразить, повернув пушки крепости на него; русские, не в силах ни снова овладеть Малаховым, ни взорвать его, решились эвакуировать южную часть, которую только нам и важно было захватить.

Не думая о себе, так как нужно думать также о других, даже о своих врагах, представляем ли мы разочарование побежденной армии, которая сражается в отступлении, ночью, безмолвная, подавленная печалью, усталостью, болью и грустью, у которой вместо триумфа — поражение в качестве вознаграждения за столько жертв, принесенных родине?

Я пошел посетить руины завоеванного города. После осмотра укреплений, нагроможденных для защиты, объясняется величина трудностей, которые нам нужно было преодолеть.

Все это подтверждает разумность плана генерала Канробера, не желавшего атаковать быка в лоб. Какое зрелище сравнится со зрелищем подобного разгрома! Все казармы, все общественные заведения, прекрасные величественные сооружения, потребовавшие таких больших расходов, пробиты, потрескались, разрушены нашими бомбами и ядрами; они стоят лишь чудом. Обширные площади заполнены руинами, почерневшими балками, кучами обуглившейся древесины, осколками оружия, лоскутьями мундиров, остатками лагерного расположения, экипировки и т. д. и т. п. Безлюдье сливается с ужасом места; видно лишь несколько редких офицеров, в основном английских, так как нужно специальное разрешение, чтобы войти в город. Он был в первый же день оккупирован мародерами, которые находятся повсюду и которых ничто не пугает. Здесь опасно долго оставаться: оплакивается уже несколько жертв; взрывы не прекращаются, и русские продолжают нам посылать ядра и снаряды, выпущенные из их пушек северной части города, — скорее из ярости, чем в надежде причинить нам зло. Я вам даю представление о времени, понадобившемся для уборки трупов и раненых, распростертых повсюду в этой огромной цитадели со дня штурма! Я не знаю наших потерь; потери введенных в бой армий двух сторон должны быть огромными. Официальные показания докажут нам это позже, если их вообще когда-нибудь обнародуют.

Русские взорвали все корабли их знаменитого флота, который был страшен для самого английского флота. Эти прекрасные и величественные корабли, прежде гор-

дые, пересекавшие Черное море как могущественные владыки, исчезли навсегда в глубине вод после смерти их выдающихся адмиралов Нахимова, Корнилова; они являются воплощением падения и затухания самых великих империй. Час российской — еще не пришел: энергия сопротивления, так же как и наступления (если последняя не превосходит), доказывает всю жизненную силу молодой империи.

Вознаграждения для командующих нашей армии не заставили себя ждать. Первый среди всех, наконец, — маршал Франции: это честь, которой удостоена вся армия в лице того, кто столь достойно ею командовал и кому принадлежит значительная часть славы и успеха. Что он объявил в день атаки? Что он вполне решил не отступить. Его солдаты это знали и говорили об этом себе; таким образом, он им внушил свои собственные чувства с непоколебимым желанием закончить все на сей раз! Адмирал Бруа был назначен генерал-адмиралом. Конечно, морской флот не сыграл большой роли во взятии Севастополя; но он был способен ее сыграть и, впрочем, после стольких мучительных жертв в течение восемнадцати месяцев заслуживает вознаграждения.

У меня нет нужды говорить вам, что я хотел бы, чтобы командующий 2-го корпусом не был забыт; он того достоин, по крайней мере, как и главнокомандующий нашим флотом, награда которого, однако, никого не удивила. Что нас утешает (я говорю «нас», потому что я знаю тайное желание Боске), так это то, что рано или поздно его назначат на высшие должности империи. Я вам по секрету сознаюсь, что он об этом много думает и иногда говорит мне — у его дружбы мало секретов от меня.

Вот Альфред назначен командиром 3-го батальона зуавов. Он это, конечно, заработал. Генерал Пелисье объявил ему об этом словами, которых хватило для его полного удовлетворения.

Что касается меня, я продолжаю исполнять должность санитаря при моем раненом генерале. Мне этого достаточно.

XXV

4 октября 1855 г.

Со времени, как Севастополь в нашей власти, мы оставались почти в полном спокойствии. Надеемся, что русские покинут Крым сами. Позиция для них больше не пригодна: мы занимаем море, важные точки берега; у нас есть все легкие способы снабжения продовольствием, мы можем бросить значительные силы в любое место на наш выбор; мы угрожаем их ходу сообщения с Перекопом. Не нужно более этого, чтобы заставить их выйти из игры. Но, с другой стороны, у них содержится столько больных и раненых, что они не могут их с легкостью бросить. Обе армии остаются следить друг за другом до нового приказа.

Тем не менее мы тревожим врага со стороны Евпатории. Генерал д'Аллонвиль успешно действует против русских эшелонов с кавалерийской дивизией. Он только что овладел хорошо экипированной батареей и захватил большое количество пленников. После этого последнего успеха мы отправляем новые войска в Евпаторию и готовим с помощью союзных флотов экспедицию на крепость Кинбурн. Зима заставляет себя чувствовать. После непомерной летней жары внезапно настали дожди и холода. Это могло бы быть препятствием для серьезных операций, но я не жалею об этом вынужденном бездействии. Рана генерала Боске, более тяжелая, чем думали, помешает ему вскоре снова взять командование его армейским корпусом.

Я вернулся в Севастополь, чтобы дать себе отчет о значительности этой огромной цитадели. Удивляет характер величия и солидности этих многочисленных военных конструкций. Трудно оценить, какие жертвы принес широкий и грандиозный замысел создания подобного города. Стоило бы стольких же жертв восстановление города до прежнего состояния, и это не произошло бы и через полвека!

Этот бедный Ла Тур дю Пен тяжело болен; я очень боюсь, что он не вернется. На его лице уже роковые следы; его взгляд потух; лишь его беседа, всегда живая и пленительная, заставляет полностью его узнать. «Я не буду сожалеть о жизни, — сказал он мне. — Привык к военной жизни с молодости, страстно люблю войну, смогу ли я воевать при мире, который не замедлит появиться? Я потерял большую часть моих лучших, наиболее достойных и оплакиваемых друзей по оружию: по словам маршала Бужо, именно такие погибают. Я хочу с ними встретиться... Я мог бы закрыться в монастыре, как Карл V, но это мне не по душе. Глухому, слепому и теперь искалеченному после моей раны, жизнь была бы мне невыносима. У меня нет больше утешения на свете, оно мне остается только в смерти. Да, мой дорогой друг, именно в смерти покоятся всегда боли, муки и страдания, беспрестанно волнующие несчастных живущих». На этих словах, полных грусти и покорности, я покинул солдата-философа — живой портрет тех доблестных рыцарей эпохи, отличной от нашей, которые жертвовали жизнью ради благородных побуждений и о которых эта Восточная земля, что мы топчем, сохранила нам благоговейную и сияющую память.

Я нашел под ногами и бережно сохранил огромный кусок чугуна, который столь фатально ранил генерала Боске. Зная, что я им овладел, он настойчиво его у меня просил, мне пришлось отдать. Я хотел бы сохранить этот сувенир осады, напоминающий об очень горестном моменте. Если бы генерал, ввиду холода и морозного ветра, царившего в тот день, не надел толстый плащ с меховой подкладкой, полученный удар неминуемо убил бы его. Позавчера хирургический совет решил, что для заживания этой тяжелой раны требуется возвращение во Францию; но генерал, дорожающий своим командованием, сначала по велению вкуса, затем по велению честолюбия, не желает на это решаться. Он не желает отказаться от столь высокого положения даже в ущерб здоровью! Эту жертву генерал, которого я знаю, принесет только при последнем издыхании. Как бы там ни было, если он это сделает, я уеду вместе с ним. Возможно, вы меня скоро снова увидите. Город Севастополь взят, военные операции будут усиленно возобновлены весной, я воспользуюсь благоприятным обстоятельством, чтобы насладиться отдыхом, которого мое сильно ослабшее здоровье заставляет ныне желать.

Я не нуждаюсь в отправке мне денег: мы получаем здесь жалованье, превышающее расходы, которые можно сделать, даже проявляя великодушие к нашим несчастным раненым.

Я ни разу не воспользовался аккредитивом г-на де Ротшильда, который с обычным любезным вниманием он мне предоставил вот уже как восемнадцать месяцев через своего корреспондента в Константинополе. Я вернусь богаче, чем был до отправления, — редкое явление в армии (что также характеризует всевозможные лишения, которые мы претерпели); но менее богатым в плане здоровья, так как война наносит ущерб именно ему.

Может быть, вы мне не поверите, но я вас уверяю, что, несмотря на все удовольствие вас снова увидеть в Париже, я с сожалением покину это знаменитое

Херсонесское плато, где я сполна испытал печаль, почувствовал грусть, но где у меня были самые большие радости: от удовольствия совершенного долга, от зрелища великих дел, свидетелем которых я был, и от благодарной памяти о редкой дружбе, столь лестной для моего самолюбия.

Заключение

Война, о которой эти письма дадут лишь слабое представление, закончилась через четыре месяца после взятия Севастополя; она продлится более двух лет (кровавая Синопская битва произошла 30 ноября 1853 г.).

Полученные результаты едва ли соразмерны преодоленным усилиям и опасностям, так как этот вечный Восточный вопрос, который желал разрешить навсегда Парижский трактат (апрель 1856 г.), стал еще более запутанным и опасным для интересов Европы, более неразрешимым, чем прежде.

Можно признать, что все наши жертвы (и никогда большего их количества не приносилось для иностранных интересов) были брошены безрезультатно.

Этот столь дорого оплаченный урок должен быть нам полезен сегодня... Чтобы французская кровь, которая текла слишком обильными потоками в этом отважном взятии Крыма, проливалась отныне лишь во имя чести и самых священных интересов Родины!

Исторические документы¹

Телеграфная депеша об отставке генерала Канробера, отправленная императору

Крым, 1 мая [1855 г.], десять часов утра

Мои здоровье и дух, утомленные постоянным напряжением, не позволяют мне более нести груз огромной ответственности. Мой долг перед государем и страной вынуждает меня просить вас о вручении генералу Пелисье, искусному и весьма опытному командиру, приказа о назначении на командование, который я для него имею. Армия, которую я ему оставлю, безупречна, закалена, пылка и уверена в себе. Я нижайше прошу императора оставить мне здесь место бойца во главе простой дивизии.

Ответ маршала Вайана на телеграмму генерала Канробера

Император принимает вашу отставку; он сожалеет о вашем расстроившемся здоровье. Он приветствует чувство, заставляющее вас остаться в армии; вы будете командовать не дивизией, а корпусом генерала Пелисье. Передавайте главное командование этому генералу.

¹ Подбор приведенных документов и составление примечаний к письмам принадлежит Шарлю Боше.

Письмо генерала Канробера маршалу Вайану

19 мая [1855 г.]

Согласно разрешению, которое изволил дать император, я передал сегодня генералу Пелисье главное командование армией. В этом письме я передаю Его Величеству в подробностях основания, заставившие меня принять такое решение. Перед лицом возникающих непрерывно трудностей, которые, *помимо* забот о моей армии, делают мою задачу с каждым днем все труднее, мне показалось, что я должен прежде всего подчиниться настоятельной необходимости, передав высшее руководство генералу, возраст которого, его военное прошлое, его одаренность, твердость позиции и духа заслужили доверие армии и в то же время делают его более, чем меня, способным к преодолению трудностей, неизбежных при расположении рядом союзных армий, у каждой из которых есть *свой независимый командующий*. Армия, которую я ему оставляю, господин маршал, вышла из самых сложных и опасных испытаний великолепнейшей и полной усердия и доверия; она делает честь Франции и не перестала быть для меня источником самых благородных утешений благодаря преданности, кося она меня окружала до сего дня. Она готова исполнить величайшие дела, которые от нее потребуют служба и императорская слава. Я вас лично прошу, господин маршал, добиться у Его Величества согласия на диспозицию, согласно которой главнокомандующий Пелисье передал мне командование моей бывшей дивизией (1-я 2-го корпуса). Я уверен, что не нужно объяснять и оправдывать чувство, которое мне внушило эту просьбу, исполнению которой я придаю наибольшее значение. Главнокомандующий, поддержавший среди сложнейших испытаний настроение своих солдат, отказывающийся от власти, но остающийся с ними, должен быть как можно ближе к ним.

Письмо того же дня, адресованное императору

Относительная слабость эффекта, произведенного против Севастополя многочисленными и превосходными батареями союзников, отсутствие атаки противника на наши внешние линии при возобновлении огня, атаки, которая казалась очень вероятной и на которую я возложил надежды успеха более решительного, чем при Инкермане; тяжкие трудности, какие я только что испытал для исполнения плана кампании Вашего Величества, ставшего почти невозможным из-за отсутствия содействия со стороны командующего английской армией; весьма ложное положение, которое у меня создалось в отношениях с англичанами, внезапный призыв к керченской экспедиции, которой (я это узнал позже) они придавали большое значение; исключительное моральное и физическое утомление, которому в течение девяти месяцев я не покорился ни на одно мгновение — все эти основания, Сир, произвели в моей душе убеждение в том, что я отныне более не должен оставаться во главе огромной армии, уважение, признательность и доверие которой я сумел завоевать.

(Перевод Д. В. Орехова)

Примечания к письмам

I

Генерал *Канробер* — главнокомандующий французской армией в Крыму, маршал Франции с 18 марта 1856 г., сенатор.

Генерал *Пелисье* — командующий 1-м корпусом французской армии в Крыму, сменивший генерала Канробера на посту главнокомандующего армией (май 1855 г.), маршал Франции и герцог Малаховский после взятия Севастополя (сентябрь 1855 г.), умер 22 мая 1864 г.

Генерал *Боске*, командующий 2-м армейским корпусом, маршал Франции с 18 марта 1856 г., умер 3 февраля 1861 г.

Лорд *Раглан* — главнокомандующий английской армией, умер в Крыму (июль 1855 г.).

Генерал *Трошю* — дивизионный генерал в отставке.

Полковник *де Корнели* — умер полковником.

Подполковник *Вобер де Женли* — бригадный генерал в отставке.

Капитан герцог *де Дино* — в отставке после войны.

Герцогиня *де Саган* — принцесса *Курляндская*, жена герцога Талейран-Перигора, подполковника; мать герцога де Сагана и де Валансэ, герцога де Дино и маркиза Каstellана.

Лейтенант *де Молен* — умер старшим офицером.

Генерал *Роуз* — лорд *Стратнерн*, пэр Англии, фельдмаршал.

Майор *Фолей* — начальник штаба, заместитель губернатора Гернси и Олдерни.

Капитан *Клармон* — генерал.

Полковник *Пажоль* — дивизионный генерал (действующий).

II

Генерал *Хрулев* — умер.

Генерал *Ньель* — маршал Франции (июнь 1859), умер 14 августа 1869 г.

Маршал *Вайан* — умер в 1871 г.

Г-н *Габриель Делессер* — пэр Франции, умер в январе 1858 г.

Г-жа *Габриель Делессер* — дочь графа Александра де Лаборда.

III

Генерал *Тотлебен* — генерал-лейтенант.

Генерал *Базен*.

IV

Адмирал *Лион* — главнокомандующий английским флотом, произведен в адмирала и пэра Англии, умер.

Адмирал *Бруа* — главнокомандующий французским флотом, французский адмирал после взятия Севастополя, погиб в море 19 ноября 1855 г.

Лорд *Бюргери* — сын лорда *Вестморланда*, английский посол в Вене, герцог *Вестморландский* с 16 октября 1869 г., полковник.

Омер-Паша — генералиссимус турецкой армии, умер в 1866 г.

Контр-адмирал *Риго де Жениуи* — французский адмирал с 27 января 1864 г., умер 4 мая 1873 г.

Капитан *Потуо* — вице-адмирал с 23 января 1871 г., сенатор.

V

Генерал *Бизо* — убит в окопе.

VI

Генерал князь *Горчаков* — главнокомандующий русской армией, заменил генерала князя *Менишкова*, наместник царя в Польше; умер 30 мая 1861 г., его тело транспортировано и захоронено в Севастополе согласно его последней воле.

Генерал *Лебёф* — маршал Франции с 24 мая 1870 г.

Лорд *Рэдклифф* — английский посол в Константинополе, умер.

VII

Генерал *Ла Мормора* — главнокомандующий сардинской армией, генерал армии в Италии.

Артиллерийский командир *Фаве* — бригадный генерал в отставке.
 Дивизионный генерал барон *де Марбо* — умер в ноябре 1854 г.

VIII

Командир батареи Альфред *Боше* — бригадный генерал с 25 августа 1870 г. (действующий).

Дивизионный генерал граф *Реньо де Сен-Жан д'Анжели* — маршал Франции, умер 1 февраля 1870 г.

Генерал граф *де Бевиль* — дивизионный генерал (определенный в запас).

IX

Командир артиллерии *де Брэди* — полковник в отставке.

Доктор *Кесной* — главный хирург в Доме инвалидов.

Лейтенант граф *II. де Кастеллан* — генеральный консул в резерве.

Полковник маркиз *де Ла Тур дю Пен* — умер от раны (октябрь 1855 г.).

X

Дивизионный генерал *Моррис* — умер 6 июня 1867 г.

XI

Генерал *Лаваранд* — убит при деле у Зеленого Холма.

XII

Дивизионный генерал *Мейран* — убит во время атаки Малаховой Башни.

Дивизионный генерал *Брюне* — убит во время атаки Малаховой Башни.

Дивизионный генерал *д'Отмар* — в кадровом составе запаса.

Капитан граф *де Грамон* — бригадный генерал с 27 октября 1870 г. (действующий).

XIII

Дивизионный генерал Александр, шевалье *Ла Мармора* — умер от холеры в июне 1855 г.

XIV

Принц Гийом-Август-*Эдуард*, герцог *Сакский* — английский генерал-майор.

Герцог *д'Омаль*.

XV

Боше (Амеде) — капитан-лейтенант, подал в отставку в 1857 г.

Младший лейтенант маркиз *де Галлиффе* — дивизионный генерал с 3 мая 1875 г. (действующий).

Граф *Элион де Вильнёв* — убит в окопе.

Граф *де Монталебер* — умер.

Графиня *де Калержи* — умерла.

Граф *Моле* — умер 25 ноября 1855 г. в своем замке Шамплатрё.

Г-н Ашиль *Фульд* — умер 5 октября 1867 г.

XVI

Дивизионный генерал граф *де Мартимпрей* — управляющий Домом инвалидов.

Генерал *Жарра* — дивизионный генерал с 31 июля 1867 г. (в запасе).

Командующий *Ренсон* — дивизионный генерал с 27 октября 1870 г. (действующий).

Кадор (маркиз *де*) — капитан-лейтенант, герцог де Кадор, бывший полномочный министр.

Полковник граф *Рей* — дивизионный генерал с 3 марта 1875 г. (действующий).

Лейтенант *Кузен де Монтобан* — бригадный генерал с 3 мая 1875 г. (действующий).

Командир артиллерии принц *Альфонс де Полиньяк* — умер 30 июня 1863 г.

Сосфен де *Ларошфуко* — герцог Бизаччский.

Дивизионный генерал *Чалдини* — генерал армии в Италии.

XVII

Лейтенант *Ромьё* — убит в окопе.

XVIII

Имена уже указаны.

XIX

Капитан-лейтенант *Журьен де Ла Гравьер* — вице-адмирал с 15 января 1862 г. (действующий).

Граф *Робер де Фиц-Джеймс* — кандидат к производству в офицеры, капитан 2-го ранга с 4 июня 1871 г. (действующий).

Генри де Ла Бурдонно — аспирант, убит.

Майор *Баллан* — бригадный генерал, умер 2 апреля 1876 г.

Капитан *Фэй* — штабной полковник с 12 ноября 1874 г.

Майор граф *де Дамьер* — бригадный генерал с 11 октября 1873 г. (действующий).

Генерал *де Сиссей* — дивизионный генерал с 13 августа 1863 г. (действующий), сенатор.

XX

Генерал *де Файи* — дивизионный генерал с 22 сентября 1855 г. (действующий).

Главкомандующий английской армией сир *Дж. Симпсон* — генерал армии, умер.

XXI

Лейтенант граф *Шарль де Рессегье* — оставил службу, генерал.

XXII

Адмирал *Стюарт* — умер.

Генерал сир *Колин Кэмпбелл* — умер.

Лорд *Вен* — лорд *Лондондерри*.

Герцог *Ньюкасла* — вновь стал колониальным министром, умер в 1864 г.

Генерал лорд *Рокби* — умер.

XXIII

Генерал *Сен-Поль* — убит в севастопольской атаке.

Генерал *Бёре* — дивизионный генерал, умер.

Генерал *Фроссар* — дивизионный генерал с 24 октября 1858 г., умер 31 августа 1875 г.

Генерал *Бурбаки* — дивизионный генерал с 12 августа 1857 г. (действующий).

Полковник граф *де Моксьон* — дивизионный генерал с 25 августа 1870 г. (действующий).

Полковник *де Шаброн* — дивизионный генерал с 25 ноября 1870 г. (в запасе), сенатор.

Дивизионный генерал *Мак-Магон* — маршал Франции, герцог де Маджента (где 4 июня 1859 г. Мак-Магон одержал победу над австрийцами. — *Прим. переводчика*), с 5 июня 1859 г.; президент Республики.

Дивизионный генерал *де Ла Моттруж* (действующий).

Дивизионный генерал *Дюлак* — умер.

Дивизионный генерал *Меллине* — из кадрового состава запаса.

Генерал *де Маролль* — убит при штурме Севастополя.

Генерал граф *де Понтеве* — убит при штурме Севастополя.

Капитан *Лами* — бригадный генерал с 3 мая 1875 г. (действующий).

Генерал *Риве* — убит при штурме Севастополя.

Генерал *Бретон* — убит при штурме Севастополя.

Генерал *Биссон* — умер.

Генерал *Кустон* — из кадрового состава запаса.

Генерал *Клер* — убит в Италии.

Лейтенант *д'Аркур* — герцог д'Аркур, депутат.

Капитан *д'Андло* — полковник с 3 августа 1869 г., сенатор.

XXIV

Адмирал *Нахимов* — умер.

Адмирал *Корнилов* — умер.

XXV

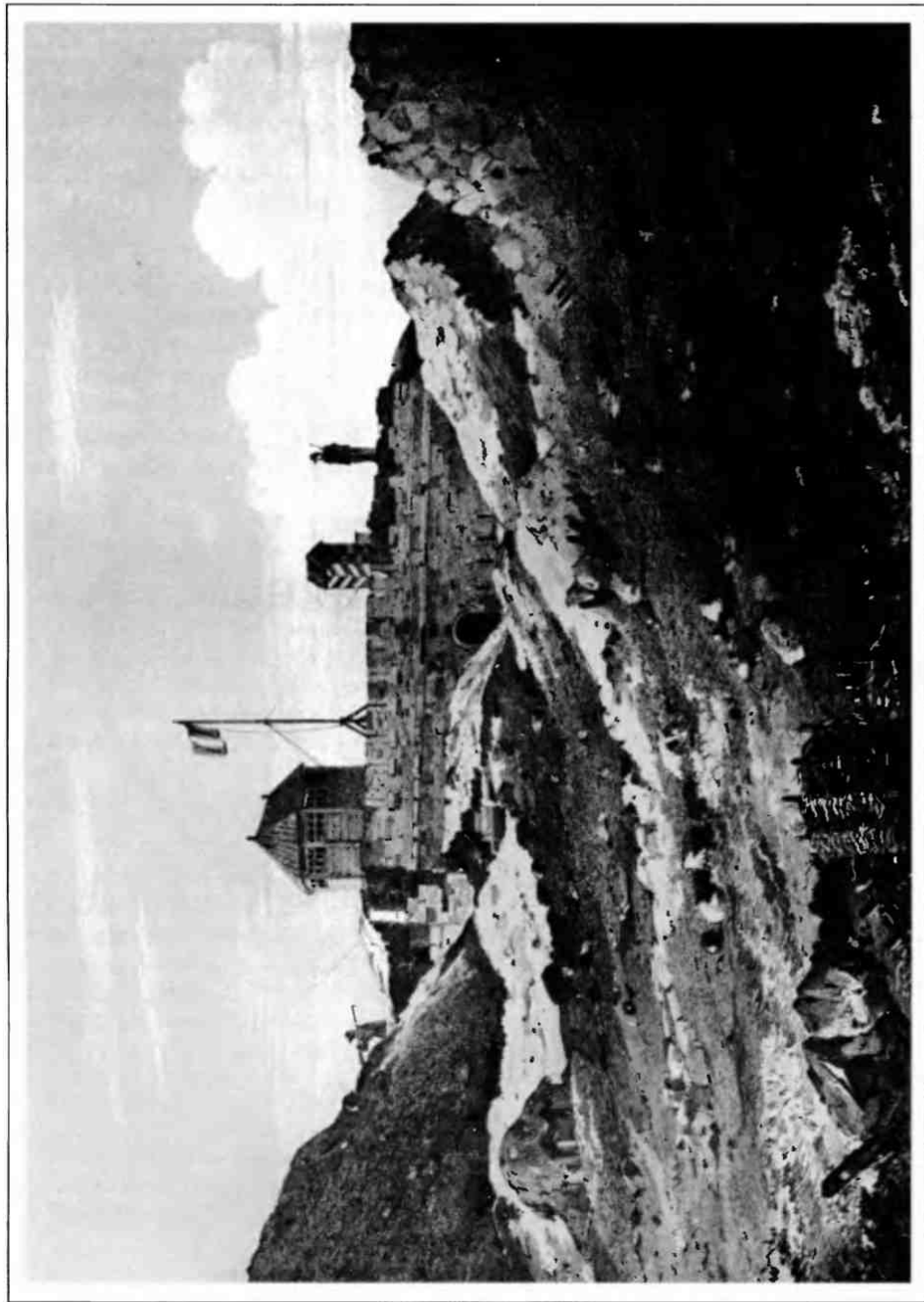
Дивизионный генерал *д'Аллонвиль* — умер 18 октября 1867 г.

Барон Джеймс *де Ротшильд* — умер 13 ноября 1869 г.

**Крымская Илиада:
эпоха
и современники**

Часть II

Н. В. Берг. Рисунок с натуры. Остатки Малаховой башни

Дух в войсках выше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько героизма...

Л. Н. Толстой

Крымская эпопея и ее герои на страницах журнала «Современник»

В олен Севастополем. Лихорадочно думаю с вечера о предстоящем утром принесении газет. Иду навстречу тому, кто их несет в мой кабинет. Стараюсь получать их на перепутье, в моей уборной, чтобы пробежать их без свидетелей, чтобы те лица, которые в это время обыкновенно бывают в моем кабинете, того не заметили и мне не помешали встретиться, так сказать, наедине с вестью из края, куда постоянно стремится, где наполовину живет моя мысль. <...> Всему другому хочется сказать: теперь не время! [б. — № 4. — С. 179–180].

В годы Крымской войны всюду — и в столице, и в провинции — ощущался информационный голод. Читая мемуарные свидетельства тех лет, то и дело встречаем выражения: «говорят, что...», «прошел слух», «толкуют», «кто-то сообщил», «написали из Москвы, Петербурга» и т. д. Дело было не только в объективном запаздывании известий, но и в строжайшей цензуре, в том, что редкие журналы, газеты располагали правом печатать даже официальные известия. «Что нам печатают за донесения Меншикова! — возмущенно писала в дневнике дочь писателя С. Т. Аксакова Вера Сергеевна. — Это возмутительно читать! Из них делают такие сокращенные извлечения в строчек пять, так что решительно не можешь себе составить настоящего понятия. Это уже слишком пренебрежительно или даже злонамеренно. Кажется, нарочно хотят нас оставить в неизвестности, в страхе» [2, с. 3].

«Если б у нас печатался ряд писем о Севастополе, в которых бы толковалось и об успехе и неуспехе», — с досадой продолжает Вера Сергеевна. Но вместо того, как она свидетельствует, цензура ожесточилась до последней степени: «Запрещено печатать что-либо, даже акты и документы, касающиеся до смутного времени России, также все, относящееся до быта русского народа, даже собрания преданий, песен и т. д. Неужели они думают такими мерами остановить смуты!..» [2, с. 6]. Поэтому многие выписывали «Journal de Francfort», «Supplément», которые тоже часто задерживались с доставкой, а иногда, из цензурных соображений, целые куски текста из них вымарывались или вырезались.

Английские и французские газеты широко публиковали частные письма из Севастополя, но и на Западе сторонники войны восставали против этого, взывая к *patriotisme de discrétion*. И все же зарубежная пресса имела несравненно больше свобод. «Times» рисовала войну с точки зрения бед чисто английских, так что даже русским было понятно, что английская армия под Севастополем «в крайнем положении», что «французы заняли все английские посты, англичан осталось всего тысяч 21, и те наполовину не в состоянии работать». «Times» вообще, судя по всему, была настроена против этой войны, и современники свидетельствовали, что она «не шадит выражений, чтоб представить ужасную картину всех бедствий, и не скупится укорами правительству и вообще всей администрации».

Иностранные журналы, в отличие от многих российских, не скрывали военных трудностей и не стремились умалить силу противника. Например, в начале 1855 г. они писали о русских укреплениях: что этих укреплений произведено так много, что уже нечего производить новые, что они превосходны и что русские занимаются только украшением их. А в феврале–марте 1855 г. все иностранные журналы откровенно заговорили о надеждах на мир [2, с. 81, 83, 51, 88 и др.]

Совершенно иным было положение русской прессы. Большинство русских редакторов сознавало свою миссию, но одновременно — свою беспомощность донести верную информацию до читателя. Популярностью пользовался во время Крымской кампании «Морской сборник», в котором, по словам В. С. Аксаковой, слышались «правда, свобода мысли, откровенность, полная доверия». Впрочем, эти слова относятся к февралю 1855 г., когда, после смерти Николая I, во всех изданиях вырвалось «благородное рвение на пользу общую». Активно выписывались «Московские ведомости», «Одесский вестник», иностранные журналы. В начале 1855 г. был устроен телеграф из Севастополя в Киев. Тем не менее столичные газетные известия запаздывали почти на две недели, провинция получала их и того позже. Во все годы Крымской войны несомненное первенство в передаче читателям правды о событиях принадлежало «Современнику», самому популярному в России журналу, издаваемому Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым. К концу 1850-х гг. «Современник» прочно занял первое место по числу подписчиков. Журнал имел широкую информацию из-за границы (через европейские издания и круг русских путешественников-корреспондентов) и посвящал этому целый раздел — «Иностранные известия». И другие рубрики: художественная литература, критические и библиографические обзоры, научные, политические, историко-литературные статьи, «Современные заметки», «Внутренние известия», «Смесь», и даже «Моды» — несомненно, отражали настроения общества, более того, формировали эти настроения. После войны ни у кого не было сомнений, что «Современник» и идущий за ним по стопам журнал «Русское слово» царили в журнальном мире, а главный сотрудник «Современника» Н. Г. Чернышевский был признан

среди молодых читателей как «величайший ум» «не только в России, но и во всей Европе» [4, с. 477].

«Современник» основан А. С. Пушкиным в 1836 г. Десять лет после смерти поэта (1837–1846) поддерживался литератором, ректором Петербургского университета П. А. Плетневым, а, перейдя в 1847 г. к И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, стал издаваться достаточно большим тиражом ежемесячно (при Пушкине выходил четыре раза в год). Это было время, когда вся литература сосредоточилась в журналах, журналы давали тон и направление литературе и общественной мысли. Дипломатичное руководство позволило редакторам привлечь в журнал ярких беллетристов и публицистов: И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Г. И. Успенского, Л. Н. Тостого, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Высочайшую работоспособность проявляли и редакторы журнала. Крымская война потребовала от редактората новой творческой энергии и находчивости, настойчивости в поиске и виртуозности в подаче материалов, избегая цензурных ловушек. «Современник» в ходе кампании обрел своих корреспондентов в местах боевых действий, и среди них Л. Толстой, А. Столыпин, Н. Сокальский, Н. Берг. При этом в отборе материалов и авторы, и редакторы ищут путей объективного видения войны — от ее начала до конца. Мы предоставляем возможность нашему читателю убедиться в этом, давая полный обзор публикаций «Современника», касающихся войны, за период с 1853 по 1860 г. Послевоенные публикации, как покажем, имеют немаловажное значение в деле исторического подведения итогов и вынесения исторических уроков.

В ряде случаев анализ публикаций «Современника» предваряется кратким историческим введением, характеризующим радикальные изменения в политической и военной обстановке. Синхронизация позволяет современному читателю легче перенестись воображением в обстановку того времени, и так лучше видна работа сотрудников журнала в подборе и интерпретации информационно-публицистических массивов.

Журнал шивался по два номера в один том (шесть томов в год), каждый по тысяче с лишним страниц довольно убористого текста. Цитируя материалы, указываем номер тома и страницы в тексте в скобках. При цитировании, по возможности, стараемся сохранить орфографию и пунктуацию оригинала.

В ситуациях установления авторства статей (или когда статьи были редакторскими, то есть принадлежали нескольким лицам) предполагаемых авторов указываем в скобках в тексте, ссылаясь на соответствующие исследования.

Предлагаемый нами обзор публикаций «Современника» о Крымской войне еще никогда не предпринимался в истории журналистики и литературы.

Глава первая

*Начало Крымской эпопеи.**Годы 1853—1854-й*

В первой половине 1853 г. военных событий, тревожащих публику, еще нет. «Современник» работает в своем обычном режиме. Печатаются стихотворения Н. Некрасова, А. Майкова, М. Михайлова; проза Я. Полонского («Тифлисская сакля»), Д. Григоровича («Рыбаки»), Ф. Толстого («Три возраста»); исторические труды С. Соловьева («Русский город в XVII веке»), А. Карцова («История войны России с Францией и царствование императора Павла I в 1799 г.»). Широко представлены зарубежные авторы. Среди них английские: Ч. Диккенс («Квартиры со столом и прислугою», «Летние потешные огни», «Подземный город на Цейлоне», «Снежная статуя», «Дом в четыре этажа», «Старое платье»), Э. Д. Булвер («Мой роман, или Разнообразие английской жизни»); французские: А. Дюма («Очерки варварских владений»), Жорж-Санд («Замок Мон-Ревеш»); американские: Г. Бичер-Стоу («Дядя Том»); немецкие: К. Вольцоген («Шиллер и его переписка с друзьями») и др.

Из ряда «путешествий», опубликованных в 1853 г., выделим «Поездку из Петербурга в Крым и обратно» Д. М. Перовщикова¹ [1. — Т. 37]. Очерк интересен описанием предвоенных крымских городов и имений, встреченных на пути. Особую важность представляет описание дорог, так как именно по этим дорогам через год в Крым будут идти войска, а из Крыма — тянуться повозки с ранеными. Большую часть пути Д. Перовщиков добирался на перекладных (в то время как в Англии и Франции была широкая сеть железных дорог): «От Орла до Крыма в ненастное время дороги очень затруднительны, ни в городах, ни на почтовых станциях нет порядочных гостиниц <...> за две станции до Перекопа началась непроезжаемая грязь <...> Между Перекопом и Симферополем лежит плоская степь, совершенно безводная <...>, при станциях вырыты колодцы, воды достают из них посредством ведра» [Там же. — С. 6—7].

Севастополь произвел впечатление «великолепного» и неприступного города: «<...> Он разделен многими бухтами, обширными и спокойными, окружен многочисленными батареями: нападение невозможно» [Там же. — С. 18]. Здесь же описание севастопольских строений: Дома благородного собрания, Публичной библиотеки, Адмиралтейства, Арсенала, театра. Наверное, это были последние описания неразрушенного города. По пути от Георгиевского монастыря до Балаклавы отмечено существование военных греческих поселений. Любопытен рассказ о симферопольском «высшем обществе», состоящем из «служащих в различных местах губернского правления»: «Это общество образованно, связано взаимною приязнью и гостеприимно; все живут умеренно, но с комфортом; нет ни роскоши, ни провинциализма; здесь покойный Гоголь немало бы нашел предме-

¹ Перовщиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880) — академик, профессор Московского университета, астроном и математик, в прошлом — литератор. В Крыму жил его дальний родственник и одноклассник по Казанской гимназии В. М. Княжевич (см. в настоящем издании статью Л. А. Ореховой «Председатель Крестовоздвиженской общины сестер милосердия В. М. Княжевич»).

товдля своих картин; он, может быть, пошутил бы над дамами, по большей части молодыми, умными и прекрасными, но беспрестанно упражняющимися во французском языке. Странно! Все народы и во всех слоях общества говорят на своих языках; только в России природный язык считается иногда как бы иностранным» [Там же. — С. 24].

Похоже, очерк Д. М. Перевощикова стал последней лирической весточкой из мирного еще Крыма. Политические события все более драматизировались.

Англия и Франция, опасаясь усиления российского влияния на Ближнем Востоке, заключили договор о совместных действиях против России. В Дарданеллы вошла англо-французская эскадра. 21 июня 1853 г. русские войска вступили в Дунайские княжества. После ультиматума турецкого султана от 27 сентября (9 октября) с требованием очистить княжества 4(16) октября 1853 г. России была объявлена война. В октябре-ноябре бои России против Турции велись достаточно успешно. 18(30) ноября турецкий черноморский флот был уничтожен эскадрой П. С. Нахимова в Синопском сражении. 23 декабря 1853 г. (4 января 1854 г.) англо-французский флот вошел в Черное море.

Все эти события не нашли отражения в «Современнике», возможно потому, что русское общество еще мало представляло размах и трагизм начавшейся войны, к тому же известия, по объективным причинам, запаздывали. Публикации носят мирный характер, продолжают печататься английские и французские писатели. Такая тенденция наблюдается и в самом начале 1854 г. Следует учитывать, что журнал проходил предварительную цензуру, цензурное разрешение поступало не позднее чем за месяц до выхода номера.

Но в 1854 г. вдруг заметно сократилось число иностранных художественных публикаций, исключение составили Ч. Диккенс («Холодный дом») и В. Теккерей («Лекции об английских юмористах»). Предпочтение отдается русским авторам. В 43-м томе (январь-февраль 1854 г.) опубликованы «Два приятеля» И. Тургенева, «Мелочи жизни» Н. Станицкого (А. Я. Панасовой), статья А. В. Дружинина «Жизнь и драматические произведения Ричарда Шеридана» и др. И если раньше в рубрике «Современные заметки» описывались промышленные и культурные достижения Англии и Франции, то сейчас отношение ко многому, происходящему в Европе, изменилось. Так, автор рубрики (выходила без подписи) саркастически отзывается даже о Французской академии, занимающейся присуждением литературной премии по теме «Афинский Акрополь»; в состязании участвовало около «100 стихослагателей» [Т. 47 — С. 216]. Или же: в Лондоне число посетителей Сейденгемского дворца было очень велико, но, оказывается, многих привлекали не столько «сокровища искусства, которыми наполнен хрустальный дворец, сколько салат из морских раков» [1. — Т. 47 — С. 216].

Между делом сообщается, что во Франции изобретено новое оружие — копьё, извергающее огонь [1. — Т. 46, июль-август], а Лондон в это время советует идти «против России с луком и стрелами» [Там же. — С. 151]. Война вызвала во Франции и Англии настоящий книжный бум, появилось огромное количество «книг и книжонок о Турции, России, Закавказских провинциях, Валахии и Молдавии» [Там же. — С. 57].

В следующем номере автор «Современных заметок» иронизирует по поводу духовности в Англии и во Франции (рождество празднуют, стремясь к роскоши и великолепию и забывая благолепие), опираясь на высказывания Ч. Диккенса, делает вывод, что в Англии и Франции нет истинной религиозности. Законы чести в Англии забыты: два офицера отданы под военный суд за то, что оскорбили друг друга и «подрались подсвечниками» [1. — Т. 47. — С. 217]. Некий поручик Перри был осужден за то, что, разбудив среди ночи своего товарища по службе, заставил его, «не одеваясь, стать в комнате на караул и делать разные оружейные приемы» [Там же. — С. 219].

А. В. Дружинин в статье «Жизнь и драматические произведения Ричарда Шеридана» [Там же. — С. 214], рассказывая о знаменитом суде над английским генерал-губернатором в Индии Гестингсом, на котором обвинителем выступал Ричард Шеридан, разоблачает косность английского парламента: приговор корыстному губернатору, несмотря на очевидность его злоупотреблений, был отложен на годы, а затем вовсе отменен. Кроме того, А. В. Дружинин обвиняет Англию в том, что она не бережет своих великих людей, доведя до нищеты автора «Школы злословия».

Сквозная тема «Современных заметок» — гастроли французской драматической актрисы Рашели, которая, возвратившись из России, была холодно встречена собственной публикой за то, что побывала у «abominables Russes, этих «гадких русских» [1. — Т. 47]. Лишь французский писатель и журналист Жюль Габриель Жанен, отмечает «Современник», выступил в ее защиту: «Возвращение m^{lle} Рашели, со всеми прекрасными качествами ее таланта должно увеличить нашу признательность к чистому вкусу людей, живущих там (в России. — Д. П.) <...>». С удовлетворением в «Современных заметках» примечается, что Жюль Жанен непримиримо относится к «затеявшим войну с русскими» [Там же. — С. 48], отдавая должное русской культуре: «Москва и Петербург <...> — истинные столицы <...>. Там умеют говорить <...> чистейшим, изящнейшим французским языком» [Там же. — С. 47].

Появление англо-французских кораблей у Кронштадта вызвало в «Современных заметках» довольно бодрый комментарий: самым популярным развлечением петербургских жителей «в июне месяце были поездки на разные пункты между Петергофом и Красною Горкою — с целью посмотреть англо-французский флот <...>». Если бы кто-либо испугался, то ему «стоило обратить телескоп на грозные твердыни Кронштадта», после чего он мог бы «совсем успокоиться» [Там же. — С. 83].

«Современник» публикует актуальное в тот период стихотворение князя П. А. Вяземского (6/18 января 1854 г., Карлсруэ) «Отдохнув от непогод...»:

Отдохнув от непогод,
Забывается Европа.
Ей двенадцатый наш год
Как преданье до потопа <...>

[1. — Т. 44. — С. 5]

Поэт напоминает новым врагам России, что в 1812 году:

Вопрос «Бить иль не бить?»
Мы по-своему решили <...>¹

[I. — Т. 44. — С. 5–8]

В том же 44-м томе опубликовано 100 стихотворений Ф. И. Тютчева особым циклом с оглавлением, чтобы читатель мог переплести их в отдельную книгу. Среди них имеющее отношение к войне стихотворение «Рассвет», призывающее к защите православных святых:

Вставай же, Русь! Уж близок час.
Вставай, Христовой службы ради.
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?..²

[Там же. — С. 171]

Любопытно, что после публикации стихотворений Тютчева все губернские власти России, в том числе и Таврической губернии, получили секретный циркуляр МВД, № 49 от 28 апреля 1854 г., подписанный министром Д. Г. Бибиковым, «О стихотворениях Тютчева, помещенных в “Современнике”». В циркуляре, в частности, сказано, что недовольство императора вызвал стих ХСІ Тютчева на 57-й странице «Современника»:

И своды древняя Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенят Христов Алтарь.
Пади пред ним, о Царь России,
И встань как всеславянский царь.

Далее пояснено: «Государь Император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха Собственноручно зачеркнуть и написать «Подобные фразы не допускать». О таковом Высочайшем повелении, сообщенном мне Т[айным] Сов[етником] Норовым³, считаю долгом уведомить гг. Начальников Губерний» [14, ф. 26, оп. 4, ед. хр. 1422, л. 1]. Это было тем более неожиданно, что двумя месяцами ранее,

¹ П. А. Вяземский был участником Отечественной войны 1812 г. Напоминание о гибели наполеоновского нашествия обрело дополнительную силу в стихах Вяземского. Характерно, что и ветеран Отечественной войны Ф. Н. Глинка выступил с этой же темой в стихотворении «Ура!» (Северная пчела. — 1854. — № 2):

<...>
Но год двенадцатый — не сказки,
И Запад видел не во сне,
Как двадцати народов каски
Валялися в Бородине <...>.

² В 1855 г., когда общественное мнение имело уже несколько иную точку зрения на войну, Ф. И. Тютчев говорил: «война негодяев против христиан (des gredins contre des chretiens)». А. О. Смирнова (Россет) возражала ему: «Здесь нет ни христиан, ни негодяев, а есть историческая коалиция против чего-то огромного, обладающего непомерною силою», имея в виду союз Европы против России [38. — Т. 3. — № 9. — С. 132].

³ **Норов Авраам Сергеевич** (1795–1869) — министр народного просвещения. В Бородинском сражении потерял ногу. Ревностный библиофил. В 1868 г. в «Военном сборнике» напечатал статью «Война и мир» — о романе Л. Н. Толстого. П. А. Вяземский в стихотворении «Памяти А. С. Норова» написал: «Он кроткой жизнью жил и умер смертью кроткой».

28 февраля 1854 г. по Высочайшему повелению в губернии был разослан от МВД циркуляр № 32 «О сочинениях по случаю настоящих событий с изъявлением патристических чувствований», где говорилось, что, «уважая столь возвышенные и прекрасные начала <...> Управляющий Министерством Народного Просвещения повергал на Высочайшее разрешение, до каких пределов может быть допущено изъяснение подобных чувствований». И далее: «Государь Император в 8 день сего февраля Высочайше соизволил разрешить беспрепятственное печатание вышеизложенных сочинений с тем только, чтобы в них не заключалось *брани*» [14, ф. 26, ед. хр. 1417, л. 1].

В критических и библиографических обзорах 1854 г. «Современник» регулярно уделяет внимание военно-патриотическим изданиям, вышедшим в России: «Русскому художественному листку» В. Ф. Тимма¹, лубочным изданиям. В последних, например, турки представлены «висящими и летящими». Похоже, «Современник» не очень одобряет шапкозакидательские надписи в подобных изданиях, но все же приводит их: «Как в Азии было, не в Европе, при городе при Синопе, что стоит на Черном море, отвели турки лютого горя, и доселе не образуются мусульмане, все ходят, словно в тумане и т. д.» [1. — Т. 46. — С. 86]. Лубочное искусство действительно очень быстро откликнулось на события. К. С. Аксакову, к примеру, прислали в подарок прекрасно вылепленную группу: русский мужик стоит, прислонясь слегка к камню, скрестя руки, и смотрит с совершенно спокойным выражением лица; против него, в некотором расстоянии, турок, которого подталкивают с одной стороны француз, а с другой — англичанин, турок упирается, хотя и схватился одной рукой за кинжал. Однако царь запретил эту сувенирную скульптуру [2. — С. 53].

Практически в каждом номере «Современника» первой половины 1854 г. публикуются материалы о Турции [1. — Т. 44–46]: «Сведения о современном состоянии Европейской Турции» (б. п., принадл. К. Д. Ушинскому [Там же. — С. 242]), «Исторический очерк военных сил Турции» (б. п.), «Воспоминания кавалерийского офицера о войне 1828 года», подп. «П. П.» (П. Л. Пуцыло [5. — С. 250]). Через несколько лет, в апреле 1859 г., сам «Современник» подметит, насколько Восточная война обусловила особенность подбора публицистического материала: «Поднялся Восточный вопрос и потом война: в литературе все отеснено было на задний план статьями о Турции» [1. — Т. 74. — С. 229].

В статье «Сведения о современном состоянии Европейской Турции» [1. — Т. 44] говорится, что «Англия, потеряв в конце XVIII столетия всякую надежду на утверждение своего владычества <...> схватилась за Турцию как за последний якорь спасения своего деспотизма на морях <...>

¹ Тимм Василий Федорович (Георг-Вильгельм) [1820–1895] — сын рижского бургомистра, часто подписывавший свои произведения «Вася Тимм». Тимм был прирожденный рисовальщик, или «карандашист». Жил в Париже, Алжире, на Кавказе, в Севастополе и в Москве. Пробыавание на Кавказе вдохновило его на знаменитый «Русский художественный листок», который он начал издавать в 1851 г. Целью его было, как говорилось в предисловии, «изображение всего замечательного в России, всего близкого русскому сердцу, всего драгоценного для русской жизни, с исключением всего иностранного, не касающегося России». В 1862 г. в связи с болезнью Тимм приостановил издание.

Шло уже дело не о том, кому какой кусок Турции достанется, но о том, на какую половину Европы упадет эта страна <...>» [1. — Т. 44. — С. 13]. Турция разорила, разрушила и выжгла тысячи деревень в Европе, «превратила сотни городов в развалины и целые области в пустыни», но Англия поддерживает Турцию, потому что «английский флот изгнал свободу из свободных морей», и потому турки — «чудесный народ для английских политиков». Анализируя народонаселение Турции, автор говорит, что 12 миллионов христиан тяготятся игом турок. В связи с этим Россия понимает политику Англии как лицемерную: Англия посылает миссионеров в ущелья Гималаев и на острова Индийского архипелага; а английские политики «удерживают в магометанстве 3 млн христиан!» [Там же. — С. 175].

Из «Исторического очерка военных сил Турции» [1. — Т. 46] следует, что «турки были прежде по преимуществу народом воинственным», но в канун нынешней войны «турецкий солдат совершенно лишился духа, оживляющего его прежде, веры в собственную силу уже нет» [Там же. — С. 39]. Большую часть турецкой пехоты составляли янычары, набранные из обращенных в магометанство греков и славян. Национальным же войском турок оставалась кавалерия.

В «Воспоминаниях кавалерийского офицера в войне 1828 года» [1. — Т. 46] ветеран П. Л. Пуцыло рассказывает о турках-воинах как о «разъяренном племени»: «Вид атакующих был невыразимо ужасен. Это были не люди, а тигры, почуявшие кровь, чтобы с наслаждением ею упиться. Турки с кинжалами в зубах мчались, колебля длинными своими пиками или размахивая шашками, вопили, как демоны. Множество разноцветных значков и знамен, пестрота одежд, гам и вопль турок и стон земли — все это представляло картину смерти и ада» [Там же. — С. 89—127]. Предлагая читателям эти воспоминания, «Современник» напоминает, как в прошлую войну с турками в самых трудных обстоятельствах, при абсолютном преимуществе турок, русские шли на хитрость и, благодаря храбрости, побеждали.

Прямым откликом на начало войны стало стихотворение Якова Полонского «Рыцарская ошибка»: здесь французы, «духом искавшие Палестины», приблизились с войной к... Севастополю [1. — Т. 48 — С. 123—124]. Стихотворение написано в период, когда началась оборона Севастополя, настали трагические дни Крымской войны: **2(14) сентября 1854 г. — высадка союзников под Евпаторией, 8(20) сентября — Альминское сражение, союзники подступили к Севастополю.** В этой обстановке стихотворения «Деревня» Н. А. Некрасова и «Жена ямщика» И. С. Никитина [1. — Т. 48] воспринимаются как своевременные, в них угадываются судьбы осиротевших крестьянских семей. Воронье в строчках из некрасовской «Деревни» превращается в зловещий символ:

Вот поднялись и закаркали рядом.
Слушай, равняйся! Вся стая летит,
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

[Там же. — С. 5—7]

Глава вторая

Крымская Илиада. Год 1855-й

В

1854 г. военные действия развернулись на территории России: высадка войск в Евпатории, бои в Крыму, осенью 1854 г. началась героическая 349-дневная Севастопольская оборона.

В Вене (через посредство Австрии) велись дипломатические переговоры о прекращении войны. В июле 1854 г. Англия и Франция выдвинули в качестве условий мира так называемые «четыре пункта», полностью не устраивавшие Россию. 28 декабря (9 января) 1855 г. открылась Венская конференция, которая не дала желаемых результатов. С января 1855 г. к союзникам начали прибывать крупные подкрепления. 14(26) января в войну, по требованию Наполеона III, вступила Сардиния и направила в Крым 15-тысячный корпус. В Евпатории сосредоточился 35-тысячный турецкий корпус Омер-Паши. 5(17) февраля 1855 г. главнокомандующий русской армией А. С. Меншиков направил для штурма Евпатории 19-тысячный отряд генерала С. А. Хрулева. Штурм был отбит. А. С. Меншиков сменен генералом М. Д. Горчаковым.

18 февраля 1855 г. умер российский император Николай I. На престол вступил Александр II.

28 марта (9 апреля) началась 2-я бомбардировка Севастополя.

А. В. Никитенко записал в дневнике 18 февраля 1855 г.: «В настоящих обстоятельствах смерть его (императора. — Д. П.) является особенно важным событием, которое может повести к неожиданным результатам. <...> Длинная и, надо-таки признаться, безотрадная страница в истории русского царства дописана до конца. Новая страница перевортывается в ней рукою времени: какие события занесет в нее новая царственная рука, какие надежды осуществит она?..» [28. — Т. I. — С. 402–403].

На смерть царя «Современник» откликнулся единственным стихотворением «18 февраля 1855 года» А. Н. Майкова [1. — Т. 50, март–апрель 1855 г.]. Уже то, что стихотворение принадлежит сотруднику «Москвитянина», а не кому-либо из сотрудников «Современника», говорит о многом¹. А на следующей странице, после стихотворения Майкова, помещено жизнелюбивое стихотворение М. Стаховича «Дедушкин садик» (старик разбил в селе сад, парк, устроил беседку, и здесь, в соловьином пении, расцветет жизнь его внуков, правнуков). За «Дедушкиным

¹ Чтобы точнее представить настроения времени, достаточно привести несколько эпиграмм, написанных на смерть Николая I, например Ф. И. Тютчева:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суеде своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые;
Ты был не царь, а лицедей.

(1855 г.) [33. — С. 375]

В 1855 г. неизвестным автором была написана «Надгробная надпись Николаю I»:

Да помнит вечно русская земля,
Как волей Божьей к ней была добра природа
18 февраля 1855 года.

[Там же. — С. 370]

См. также эпиграммы Н. Ф. Щербины «Всеобщий благоприятель» [33. — С. 389], а также неизвестного автора «На Николая I», «Едва царем он стал» [Там же. — С. 357].

садиком» следует довольно длинная приключенческая повесть А. В. Дружинина «Легенда о кислых водах», посвященная Д. В. Григоровичу, стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти приятеля» и «Маша». В томе нашли себе место стихотворения «Пчела», «Моя судьба, старуха, нянька злая» Я. Полонского, «Песнь Мирзы Шаффи» М. Михайлова, «Узница» Н. Гербеля, повесть «Воздушные замки» подписанная Н. С., критическая статья о драматических опытах Шекспира В. П. Б-на (Боткина). Таким образом, основные поэты-сотрудники «Современника» в этом томе представлены, но... не со стихами в память императора.

Еще пикантнее, что в этом же томе, в разделе «Новые книги», рецензируется сборник стихотворений А. Майкова «1854 год», где достаточно прозрачна ирония по отношению к процитированным (дважды!) майковским строкам:

Неполны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!

[1. — Т. 50. — С. 2]

И далее: «В самом деле, какой русский не желал бы ныне стать поэтом, чтобы откликнуться на громкий вызов великих событий современности? Кто не хотел бы возвысить свой голос против врагов отечества:

К ним стать лицом, поднять забрало
И грянуть речью громовой?»

«А. Майков сознал, — продолжает рецензент, — что на нем, как на поэте, равного которому в настоящее время едва ли имеет Россия, прямым образом лежит обязанность сделаться органом общего чувства. Он смело приступил к исполнению этой обязанности и после нескольких стихотворений, разъясненных в журналах, дарит нам небольшую книжку с заглавием «1854», к событиям которого относится ее содержание. Это заглавие заставляет предполагать, что подобные книжки будут повторяться ежегодно» [Там же. — С. 2].

Создается впечатление, что 50-й том журнала отражает всеобщую усталость от политической напряженности, даже иностранные известия не пестреют ироническими замечаниями о французах и англичанах, появляется больше сообщений о событиях в Европе, а фраза: «Восточная война и толки о поездке Луи-Наполеона в Крым перестают уже исключительно занимать умы общества и столбцы газет и журналов» [Там же. — С. 74] — только подтверждает общее настроение. Огульная критика европейской политики не была свойственна «Современнику», в то время как остальная русская пресса, по более позднему свидетельству сотрудника «Современника» М. А. Антоновича, «направо и налево сыпала обвинениями и швыряла камни осуждения в европейские дела, как самый компетентный судья, руководствующийся высокими государственными идеалами»: «Сколько, например, доставалось тогда от нашей печати Наполеону III! <...> Она возмущалась при виде безгласной французской прессы...» [3. — С. 500]. Пожалуй, два момента выдержаны в «Иностранных известиях» в прежнем, критическом, настроении:

1. Сообщение о том, что Арсений Гуссе и Теофиль Готье готовят к изданию бумаги французского поэта Жерара Нерваля, в нищете покончившего жизнь самоубийством (повесился у входа в ночлежку, куда его не пустили даже согреться) [1. — Т. 50 — С. 86—90].

2. По-прежнему «Современник» не мирится с бравадой в отношении к войне¹, какая, например, просматривается в опубликованном в занимательном журнале «Месяц в лагере» (*A Month in the Camp, etc. by a non-combatant*) очерке «путешествии» «Накануне бомбардирования» («*The eve of Bombardment*»), написанном молодым английским адвокатом, проводившим каникулярное время под Севастополем [1. — Т. 50. — С. 238].

Думается, энергия 50-го тома «Современника» сосредоточена в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» (И. И. Панаева). Но почему основное внимание критик уделяет не журналам, а «Истории Петра Великого» Н. Г. Устрялова? Случайно ли упоминание о книге кандидата юридических наук А. Вицина «Краткий очерк управления в России от Петра Великого» (Казань, 1855), а в статье «Русские мемуары XVIII в.» особо выделено «Сказание о Петре Великом» П. Н. Крекшина, дающее детальное представление о политических действиях Петра? Тот же М. А. Антонович свидетельствовал, что вопросы русской общественной жизни, тем более прогнозы о будущем царствовании (не говоря уже о крепостном праве) «были недоступны и запретны для печати» [3. — С. 497]. Как увидим далее, «Современник» прибегал к достаточно понятным читателю уловкам, чтобы сформировать общественное мнение о ближайших перспективах российской истории. Воспоминания о петровских преобразованиях работали в этом плане как нельзя лучше.

В 50-м томе находим актуальный материал о Крыме «Путевые заметки о северных уездах Таврической губернии» (подп. *И. П.*), одобрительное (во «Внутренних известиях») описание тетради карикатур о Крымской войне Н. А. Стенанова — обычно «Современник» строг к военным карикатуристам. Заключительная, рекламная, страница журнала рекомендует читателю лучшие из новых изданий. Список характерен: «Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами с описанием рек, озер, гори долин, с его историею, жителями, их нравами и образом жизни с двумя видами и планами» (СПб., 1855); «Осада и взятие Византии Турками (2 апреля — 29 мая 1453 г.)» М. М. Стасюлевича (СПб., 1854); «Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения Министерств» А. Вицина (Казань, 1855); «Петр Великий в Голландии и Англии», отрывок из «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (СПб., 1855).

12(24) мая 1855 г. 16-тысячный французский корпус высадился в Керчи, чтобы перерезать русским коммуникации со стороны Азовского моря. В мае союзники предприняли 3-ю бомбардировку Севастополя, русские войска были вытеснены из передовых траншей.

Том 51-й (май—июнь) в целом продолжает общую тенденцию предыдущего тома. Когда вся печать говорит о смерти Николая I, «Современник» щедро отдает место произведениям о его «пращуре» — Петре I. В работе П. П. Пекарского «Русские мемуары XVIII века» (с. 29—62) анализируются мемуары о царь-реформаторе П. Н. Крекшина, А. А. Матвеева и И. А. Желябужского. Лейтмо-

¹ Оптимистичное отношение к войне культивировали не все иностранные издания. Показателен в этом отношении курс «*Times*». «Конечно, — комментирует В. С. Аксакова, — «*Times*» действует так с целью заставить правительство переменить все прежние не только ошибки, но и основы и не скупится в выражениях самых энергических, самых оскорбительных для национальной гордости; но <...> эта газета не преувеличивает положения Англии, ее публичного позора, несостоятельности основ ее управления и т. д.» [2. — С. 91].

тивом проходит мысль об утрате Россией могущества и авторитета, обретенных при Петре¹.

И Россия, и ведущие державы Европы находились весной 1855 г. накануне необходимых перемен. События и обстоятельства, о которых рассказывают майские «Иностранные известия», подтверждают это: парижское общество возмущено экономической обстановкой; в течение трех лет цены повысились в три раза [1. — Т. 51. — С. 79]; «толки о мире и войне <...> представляют также один из современных важнейших интересов» [Там же. — С. 80]; «Севастопольская кампания заставила Англию серьезно оглянуться на себя, забыть о своих устаревших, отживших убеждениях в собственном превосходстве» [Там же. — С. 91]; отныне христианские подданные Турции будут пользоваться гражданскими правами в Турции; обо всех промахах в Англии правдиво и критически говорит лишь газета «Times», которая «вызывает наружу общественное негодование» [Там же. — С. 93]; в Англии всеобщее возмущение, «высокородная аристократия уступила управление аристократии промышленной» [Там же. — С. 95]; в Англии упал уровень образования, и «нигде народные школы <...> не находятся в таком пренебрежении и низшие классы общества не пребывают в таком невежестве» [Там же. — С. 95]; в английских колониях происходят государственные распри (отсылка «Современника» на «Indian News»); «все владычество Англии в Азии основано на завоевании, следовательно, с точки зрения чисто нравственной, основано на несправедливости» [Там же. — С. 110]; военные неудачи англичане относят на счет «кары Провидения», и после поражения под Балаклавой объявлено о всенародном молебне (который, по предположениям английской прессы, вряд ли привлечет большие массы людей — отсылка на «Sunday Times»), молебен состоялся и был многолюдным.

Всем журналам в России, кроме «Русского инвалида», запрещалось печатание военных материалов, они довольствовались перепечатками. Понятно, что в «Современнике» прямая информация из Севастополя до сих пор не появлялась. И в майском номере «Внутренние известия» дают обзор севастопольских событий перепечаткой, а также публикуют выдержки из статьи «очевидца», «недавно посетившего» Севастополь. «Современник» даже не комментирует настроение этой парадной статьи, где представлено положение русских войск под Севастополем «устойчивым» и без разрушений: «Радостно забилося у нас сердце при взгляде на город, в спокойном величии стоящий между неприятельских жерл, извергающих на него реки огня, тучи бомб и других боевых снарядов» [Там же. — С. 131]. Или: «Долго всматривался я в улицы и площади Севастополя, в строения казенные, общественные и частные и, к изумлению, заметил, что все они далеко не так пострадали, как можно было предположить» [Там же. — С. 135] и т. д. В то же время, свидетельствует «очевидец» (статья написана в январе 1855 г.), союзные войска — в бедственном положении: «<...> Солдаты, собравшись в кучки, грелись на январ-

* Эпиграмма Н. Ф. Щербины отражает настроения времени:

Все назад, наоборот
На святой Руси идет,
Где из ботика стал флотик,
А из флотика стал флот...
Но лишь выпал трудный год —
И остался только ботик.

ском солнце, едва выглядывавшем из-за серых туч; у несчастных, конечно, не было топлива. Неудивительно: союзные войска собирались в Крым на несколько дней, а пришлось простоять всю зиму, а еще, бог весть, суждено ли им возвратиться домой <...>» [1. — Т. 51. — С. 135]. Заканчивается рассказ «очевидца» красочным описанием бухт: «<...> Картинный вид представляет отсюда (от телеграфа) Севастополь, омываемый шестью морскими бухтами и расположенный на склонах гор и балок <...>» [Там же. — С. 133]. «Современник» не поправляет «очевидца», но тут же дает материалы из французских газет, и оказывается, что Камышовая бухта не должна бы показаться «очевидцу» столь прекрасной хотя бы потому, что уже четыре месяца обустроена французами: «Кругом Камышовой бухты возник, в последние четыре месяца, военный город, складочное место всех потребностей союзной армии, со многими большими улицами и лавками, в известные часы дня улицы бывают наполнены гуляющими пешими и конными. Как в гавани, так и городе произведены значительные работы. Матросы, артиллеристы и инженеры построили одиннадцать мостов и каменную набережную <...> От Камыша до главных точек внутреннего пространства положены четыре железно-конные дороги <...> Для укрепления камней употреблена известь из Константинополя...» [Там же. — С. 134]. От том, что это — правда, свидетельствовал тот факт, что французы, оказывается, подробно изучили Камышовую бухту, ее дно, берега, и дают подробное ее описание (цитируется в «Современнике»). Чего тогда стоят свидетельства «очевидца»? Однако с благодарностью отмечает журнал деятельность французских сестер милосердия по отношению к раненым русским (отсылка на «Journal de St.-Petersbourg»).

«Внутренние известия» комментируют небогатую достижениями театральную жизнь столицы. Заметны лишь «Бедность не порок» А. Н. Островского и «Женихи» Н. В. Гоголя, а о некоторых пьесах следующие отзывы: «За веру, Царя и Отечество» — дана пятнадцать раз, что как нельзя более выражает степень общего патриотического одушевления», «Взятие Казани», в пяти действиях, — дана шесть раз, несмотря на отрицательные ее достоинства», «Третий брак Иоанна IV», в пяти действиях, — дана только раз, и то напрасно» [1. — Т. 55. — С. 143].

На этот раз не восхитил «Современник» только что вернувшийся из Севастополя Тимм, посвятивший «Русский художественный листок», вопреки ожиданиям, не Крымским событиям, а «в Бозе почившему Императору Николаю I»: в № 1 — «Вынос тела в Бозе почившего Императора Николая I из Зимнего Дворца в Петропавловский собор, 27-го февраля 1855 г.», в № 2 — император представлен почившим на походной кровати, покрытым военной шинелью [Там же. — С. 145] и т. д.

В целом «Внутренние известия» 51-го тома дают объемное представление о жизни Петербурга весной 1855 г. Именно теперь был положен конец вынужденной несистемной перепечатке материалов о войне, которые, конечно, не давали объективной оценки обстановки. В следующем, июньском, номере «Современника» будут помещены «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, но, чтобы они появились, в мае И. И. Панаев обратился в Главное управление цензуры с письмом, в котором доказывал, что печатание военных статей должно быть разрешено всем журналам, «ибо патриотизм — чувство <...> не раздающееся как монополия»: «Если литературные журналы будут лишены этого права <...> быть проводниками патриотических чувств, которыми живет и движет вся Россия, то оставаться редактором литературного журнала будет постыдно». По представлению министра народного просвещения А. С. Норова, было высочайше разре-

шено журналам «Современник» и «Отечественные записки» перепечатывать извещения из «Русского инвалида» и печатать повести из военного быта, с прохождением двойной цензуры — общей и военной. Первым военным рассказом в «Современнике» стал «Севастополь в декабре месяце» Л. Н. Толстого.

Отметим особую историческую ценность 51-го тома, содержащего профессиональный разбор основных книг о Крымской войне, вышедших в 1855 г., — как русских, так и зарубежных. И политическая, и эстетическая позиция «Современника» становится понятной из характеристик этих изданий. В разделе «Новые книги» (Н. Г. Чернышевский [5. — С. 270]) рассматривается книга «Последние часы жизни Императора Николая Первого» (СПб., 1855), с приложением извлечения из «духовного завещания». Курсивом выделена оценка Николаем своего царствования: служил «<...> с пламенной любовью к Нашей славной России <...>, по крайнему Моему разумению, верой и правдой <...>» [1. — Т. 51. — С. 1–3]. Характерно, что эти строки цитированы дважды. А завершается короткая статья строками из пушкинских стансов «В надежде славы и добра...», написанными на восшествие Николая I на престол, а теперь подводящими соответствующие итоги царствования.

Далее — книги, актуальные в период Крымской войны. Например, «Таврида с Крымским полуостровом в географическом, историческом и статистическом отношении с самых древнейших времен» (СПб., 1855). Но, несмотря на «широковещательное заглавие», характеризует Н. Г. Чернышевский, книга не несет новой полезной информации и состоит из «двух печатных листков разгонистого набора» [Там же. — С. 20]. Новое сочинение И. В. Вернадского «Политическое равновесие и Англия» (М., 1855) убеждает, что английские разговоры о «защите политического равновесия» лицемерны, так как Англия всегда стремилась к главенству над другими государствами. Содержание книги, по оценке Чернышевского, соответствует «чувству, каким должен быть проникнут каждый Русский в настоящее время» [Там же. — С. 16]. По потребности времени вышли в свет «Повесть о Царьграде», изданная И. Срезневским, где описывается взятие Византии турками. «Живописные очерки Константинополя с двадцатью картинками, гравированными на стали в Лондоне», изданные А. И. Давыдовым. Представляет интерес глава «Константинополь в начале настоящего 1855 года». Если раньше о Константинополе писали как о «тихо дремлющем», «поэтическом в своей лениности городе», то теперь «другие времена настали для несчастной Турции», «ангел смерти распростер свои крылья над этой страной» (с. 33). Автор знакомит с «настоящей физиономией города», со страдающими нищими жителями, у которых «фанатизм остыл и сохраняется только как предлог для притеснения христиан» (с. 34). Что же касается внешнего вида Константинополя, то «с моря он великолепен по-прежнему», но, вместо «игрушечного полуразрушенного флота», «весь Босфор покрыт чужеземными транспортом, военными пароходами, левиафанами британского и французского флота, носящими на себе не бесславные, но меткие удары наших русских ядер». Легкие корабли султана Махмуда превратились в «плавучие больницы».

О положении в России в издающихся книгах пишется достаточно бодро. В официальной брошюре «Две современности... I. Мера, цена и вес Англии. — II. Взгляд на Севастополь» А. Гаряйнова (СПб., 1855) можно прочесть: «Более уже года продолжается война <...> Россия не обессилена, а, напротив, блестит славою; на Востоке ждет Англию не преобладание, а упадок ее влияния, ненависть правительства и народов и т. д.» (с. 44). В английском парламенте, по словам Гаряйнова, говорят

о «нелепости крымской экспедиции, которая только обнаружила перед всем светом, в каком жалком положении находится английская администрация...» (с. 45). «Современник» иронически отзывается о «красноречивой брошюрке», пожелав ей «полного успеха» (с. 46). Особо выделена критиком брошюра «французского генерала», участника войны, — «Крымская экспедиция» (СПб., 1855; пер. с франц.), произведшая в Европе «сильное впечатление». Написана она была («Современник» пользуется литературным слухом) якобы по поручению принца Наполеона, который «находился не совсем в приятных отношениях со своим родственником, нынешним французским императором» Луи Наполеоном (впрочем, брошюру приписывают даже Эмилю Жирардену, «самому бойкому из современных французских публицистов», издателю газеты «La Presse»). Хотя, как верно подметил «Современник», брошюра имеет первой задачей превознести принца Наполеона («великого политика, великого полководца, человека, чуждого всяких эгоистических расчетов и думающего единственно во благо Франции»), содержание ее наводит на мысль о ненужности войны: «Кого же должны обвинять французы в бесплодной гибели своих и русских воинов, — спрашивает Н. Г. Чернышевский. — Кто виноват в бездействии французской армии <...> кто виноват в пагубном для них решении осадить Севастополь, кто виноват в непростительных ошибках, которыми так богата история этой несчастной осады?» [1. — Т. 51. — С. 50—54]. Вопросы, поставленные «Современником», безусловно, относятся не только к французам, но и к русским политикам, однако высказаны они, по понятным причинам, в косвенной форме.

Как продолжение темы — анализ книги Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллинга «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» (Тифлис, 1855), в которой демонстрируются «познания» французов о России. Приводится случай: в Париже давалась драма, где Петр Великий являлся в чалме с пером, в бархатном платье с галунами «и жаловал Меншикова не только в князья, но даже в Долгорукие» (с. 64). Теперь у французов новый «конек» — Шамиль, вдруг ставший для них положительным героем. Началась «шамилемания», Шамиль «занял место в политипаже французской Иллюстрации», «драматизирован на сцене одного из французских театров», наконец, о нем написаны «многоумные диссертации в лучших французских учено-литературных журналах» (с. 64—65). И вдруг, торжествует Чернышевский, «скромное издание» Кавказского края опровергает вымысел о Шамиле, рассказывая о нем правду, ибо «каждому просвещенному русскому» претит «самонадеянное незнание» России, выдумки о ней, появляющиеся «с такой забавной энергией, в таких недобросовестных размерах» (с. 65). Как видим, библиографический разбор «Современника» умело актуализирует для читателя наиболее важные и тревожные вопросы, давая параллельно объективную оценку посредственным изданиям.

Характерной чертой официальных настроений начала 1855 г. является полное забвение первоначальных причин Восточной войны. С уходом из жизни Николая I этот вопрос тихо сошел с повестки дня. «Надобно сознаться, — писала тогда (29 марта 1855 г.) В. С. Аксакова, — что с самой первой минуты своего царствования до сей поры новый государь (Александр II. — Д. П.) ни одним звуком голоса, не только словом, не выразил хотя бы нечаянно какого-нибудь сочувствия к славянам и вообще к православным нашим братьям на востоке. <...> Забота об славянах, кажется, вовсе исключена из его политики, и знамя святой причины настоящей войны потеряно; его политика все та же, что и его отца <...>. Неизвестность, недоумение, постоянное напряженное ожидание, недостаток доверия ко всему правительству — вот

в каком состоянии находятся все умы» [2. — С. 93]. Зато 8 мая 1855 г. вышел указ правительствующего сената об изменении формы мундиров гражданского ведомства, введены однобортные писарские полукафтаны. В России началась смена министров. Уволен министр внутренних дел Бибиков и на его место преемником назначен 70-летний Ланской. Между тем в провинции собиралось ополчение...

Среди больших текстов о войне в 51-м томе заслуживают особого внимания помещенные рядом статьи «Пластуны» *-ского* (А. С. Афанасьева-Чужбинского¹ [5. — С. 271]) и «Зуавы» [1. — Т. 51. — С. 49–58]. Последняя — перевод с французского А. С. Афанасьева-Чужбинского [5. — С. 271], взята из журнала «Revue des Deux Mondes» и приписывается герцогу Омальскому. Похоже, и замысел соседства этих статей в журнале принадлежал А. С. Афанасьеву-Чужбинскому. Пластуны (профессионалы-разведчики из черноморских казаков) и зуавы (воины французской армии в Алжире) столкнулись на полях Крымской войны, слух об их воинском соперничестве распространился широко, и читатель нуждался в исторической о них информации.

Значительным событием литературной жизни стала публикация в июньском номере очерка Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце», открывающего знаменитые «Севастопольские рассказы». Датирован 25 апреля 1855 г. В подстрочном редакторском примечании сообщалось об обещании автора ежемесячно присылать «картины севастопольской жизни, в роде прилагаемой». Тут же практически дана оценка рассказу Толстого: «Редакция «Современника» считает себя счастливой, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого современного интереса» [Т. 51. — С. 333].

4(16) августа 1855 г. М. Д. Горчаков, отвлекая противника, неудачно атаковал его позиции на р. Черной. После победы в этом сражении Пелисье и генерал Симпсон, сменивший умершего от болезни Раглана, начали 5-ю бомбардировку Севастополя. Потери среди защитников города достигли 2–3 тыс. человек в день. 27 августа (8 сентября) после 6-й бомбардировки города начался общий штурм Севастополя.

«Journal de Francfort» писал о сражении на Черной речке: «Les Russes voulaient reprendre les hauteurs qu'avait occupé Liprandi» («Русские пожелали забрать высоты, которые ранее занял Липранди»).

52-й том «Современника» (июль-август) открывается рассказом участника войны А. Д. Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе»² (посвящ. А. И. К-ой [5. — С. 273]), посланным Л. Н. Толстым к Н. А. Некрасову из Крыма со словами: «Статей таких военных или очень мало, или вовсе не печатается у нас, и к несчастью <...>» [25]. В целом журнал сохраняет работу основных своих разделов. От-

¹ Афанасьев-Чужбинский (наст. фам. Афанасьев) Александр Степанович (1817, Лубенский уезд Полтавской губернии — 1875, Петербург) — русский и украинский писатель, этнограф, беллетрист, переводчик. Первым напечатанным произведением было стихотворение «Кольцо» («Современник», 1838, т. XI), подписанное «Чужбинский». Писал стихи на украинском языке. Сотрудничал в «Литературном прибавлении к Русскому Инвалиду», «Галатее», «Иллюстрации», «Сыне Отечества», «Пантеоне», «С.-Петербургских ведомостях», «Современнике», «Русском вестнике», «Морском сборнике», «Русском слове» и др.

² Эта вылазка (11 марта 1855 г.) была самой крупной за всю оборону. Генерал С. А. Хрулев удостоен за нее ордена Св. Георгия III степени, 46 нижних чинов награждены знаками отличия Военного ордена Св. Георгия (см.: Голикова Л. Каждый рядовой — Шевченко, каждый офицер — Бирилев // Родина. — М., 1995. — № 3–4. — С. 80–82). Рассказ А. Д. Столыпина см. в настоящем издании, с. 373–377.

метим лишь, что из иностранных авторов традиционно выбираются Ч. Диккенс («Тяжелые времена»), Д'Израэли («Писатели и критики старой Англии»), Жорж-Санд («История моей жизни»). В «Библиографии» вскользь извещается о выходе трех брошюр о «нынешней войне»: «Анекдоты из современной войны русских, англо-французов и турок» (М., 1855), «Страх врагам, дух русских чудо-богатырей» (М., 1855), «Севастополь в нынешнем состоянии» (М., 1855), которые, как отмечается, представляют собой устаревшие перепечатки из журналов.

Но в самых объемных рубриках — «Внутренние» и «Иностранные» известия — на этот раз значительное место уделено эпизодам из военной жизни. Народ ждет известий о войне, «во всех почти губерниях сформированы уже ополчения...» [1. — Т. 52. — С. 120], тогда как петербуржцы развлекаются поездками в Кронштадт, чтобы посмотреть на неприятельскую флотилию; в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Ораниенбауме, Петербурге играют оркестры, но им *недостает иллюминации*, впрочем, по весьма простой причине... — в Петербурге белые ночи. На дачах — музыкальные вечера «с участием труппы вольтижеров и гимнастиков известного Виоля» [Там же. — С. 122]. Понятно, что общество держалось в настроении, в каком преподносились официальные сводки, а сводки, как правило, сообщали об успехах: «В июне месяце мужественное войско наше покрылось новою славою, блистательно отразив штурм, к которому более года приготавливались союзники. Англо-французы, кажется, убедились достаточно, что Севастополь не только умеет выдерживать правильную осаду, но храбро и благоразумно отражает самый усиленный приступ и не упустит при возможности захватить в плен самых храбрых неприятелей, даже первых солдат в мире (зуавов)» [Там же. — С. 125]. Нужны были объективные материалы, и во «Внутренних известиях» «Современник» публично обещает, что в каждом номере будет печатать известия очевидцев Севастопольской обороны и публиковать письма из Крыма. Опубликованное здесь же письмо участника обороны содержит ценную информацию об оборонительных сооружениях вокруг Севастополя и заслугах генерала Тотлебена при их возведении. В самые драматичные моменты войны автор письма уверен в победе русских. О затоплении кораблей сказано: «С честью отслужив отечеству определенный для них срок, суда эти заживо погребли себя во влажную могилу с тем, чтобы окончательно обезопасить свой родимый город» [Там же. — С. 126]. С оптимизмом пишется о жителях Севастополя, которым правительство давало средства выехать из Крыма, а они остались, помогают воинам и уже «совершенно привыкли к близости смерти, сдружились с нею» [Там же. — С. 128]. Другое письмо из Севастополя рассказывает о конкретных фактах обороны города: вражеская атака ночью 1 февраля; построены два новых редута под руководством Тотлебена и Ползикова; самые сильные атаки принимает на себя Камчатский люнет перед Корниловским бастионом; 7 марта погиб контр-адмирал В. И. Истомин. «Современник» сохраняет имеющиеся в письме натуралистические подробности его гибели: «Ядро, брошенное с французской батареи, ударив в лицо Истомина, костями его черепа ранило саперного капитана Чистякова в висок и сильно контузило в руку капитан-лейтенанта Сенявина; одна только задняя часть затылка, отлетевшая назад, осталась от головы героя-адмирала, кровью его и мозгами облиты были Чистяков и Сенявин» [Там же. — С. 139]. Так в журнальные материалы врываются реальности войны.

В продолжение — еще один документ во «Внутренних известиях»: письмо из Симферополя (автор неизвестен) от 3 июня 1855 г., где сообщается, что вражес-

кая флотилия захватила несколько каботажных судов в Азовском море; в Керчи и Ени-Кале турки и татары грабят и убивают местных жителей: «Если б вам передать только сотую долю их подвигов, совершенных в Керчи и Ени-Кале, вы застонали бы сами, как Православные в греческой церкви» [1. — Т. 52. — С. 137]. «Современник» приводит письма сестер милосердия Крестовоздвиженской общины (в Крыму находилось 98 сестер милосердия). Читатель вновь узнает о жестоких подробностях войны. «Я не могу описать этой ужасной картины (12 марта было привезено 25 раненых), этого раздирающего сердце стона и крика, — пишет одна из сестер. — Вся операционная комната была уложена этими страдальцами: весь пол был залит кровью, и мы стояли в крови». И ниже: в числе раненых есть 22 француза и 3 англичанина. «Один получил четырнадцать ран штыком; лицо его поколото таким образом, что язык отрезан, и этот страдалец еще жив» [Там же. — С. 144]. Еще в одном письме из Симферополя, за 12 мая 1855 г., зачином стал тезис: англичане убеждают Европу в том, что нанесли ущерб могуществу и торговле России. В противовес этому автор письма с восторгом пишет, что «современные политические обстоятельства имели самые благоприятные последствия для расширения внутренней нашей производительности», а, «напротив, торговля Англии получила значительный урон». Доводы автора следующие: «С начала прошлого года добывание каменного угля и серы приняло у нас широкие размеры», «Балтийские и Черноморские флоты довольствуются ныне собственным антрацитом», «Россия извлекает в настоящее время все потребное ей количество самородной серы и серного колчедана в своих владениях», «серьезных копей в Крыму не открыто, но источники, имеющие запах и вкус серы, попадаются во многих местностях» (в Судаке, в имении графа Н. С. Мордвинова, есть «небольшой серный ручей»), «устройство шоссе от Симферополя до Севастополя, производимое по всем правилам строительного искусства, довольно быстро продвигается вперед» и др. [Там же. — С. 153—155]. «Современник» не комментирует ни «выгоды», ни «своевременность» перечисленных промышленных успехов.

О русских военнопленных во Франции известия довольно удовлетворительны. Из Севастополя также пишут, что «дезертирство в неприятельских рядах заметно усилилось с прибытием сардинцев, которые десятками передаются в наш лагерь» [Там же. — С. 157] — причину бегства они объясняют нехваткой воды, свежей пищи и «скукою от продолжительного пребывания на бесплодной местности между Севастополем и Балаклавою» [Там же. — С. 155]. Случай из частной жизни защитников: во время затишья на поле боя русские бойцы подстрелили зайца. Добыча лежала между нашими и неприятельскими ложементами. Меткий стрелок, выскочив из траншеи, мгновенно доставил зайца к своим. Наши и англичане, забыв на время перестрелку, с восторгом смотрели на удалца, кричали «ура» и даже хлопали.

Автор «Внутренних известий» рекомендует читателям купить новейшие удачные издания о Крымской войне: «Пословицы» г. Аннинского и «Зеркало для англичан» (из 4-х тетрадей) Невского. Иное отношение к «Альбому современных карикатур» (изд. Я. Лаппинга). «Современник» описывает лишь несколько листов издания, весьма дорогих — 1 р. за тетрадь, т. е. 20 к. за листок. На одном листе изображен русский мужичок, сажающий в печь «пастет с головою француза в кепи», сверху надпись: «За вкус не ручаюсь, а горячо будет». Еще карикатуры. 1-я — «Обед в складчину у Севастополя»: за столом Пальмерстон, Раглан, Меджид, Канробер, Луи Наполеон, над ними черт с рогами, внизу — поваренок с хвостом под-

жаривает людей. 2-я — «Современный юмористический листок» — такая: вдали Севастополь; на его фоне турки, французы, англичане, смерти с косами, и между ними благообразный русский мужичок. Под каждым рисунком стихотворение или шуточный рассказ, «довольно неловко», по мысли критика, «подделанный под народный». Вообще «Современник» одобрительно встречает карикатуры Аннинского, Степанова, Боклевского, Невского [1. — Т. 52. — С. 95–96], но твердо придерживается принципа, что злободневность не есть безусловный критерий достоинства произведения. Так, в «Библиографии» (Н. А. Некрасов [5. — С. 276]) упоминается о книге «Осада Севастополя, или Таковы русские» (М., 1855): «Бедный автор» (слова Некрасова. — Д. II.) оказался «беспомощным в изображении событий войны», в частности гибели адмирала Корнилова. Более того, Н. А. Некрасов убежден, что «ни один из существующих ныне талантов, ни в одной России, но и во всей Европе не в состоянии произвести что-либо, равняющееся величию совершающихся перед нами событий», лишь «Илиада» соответствует трагизму нынешней войны. Приводятся самые кровавые сцены из «Илиады». Еще не раз в литературе Крымская война будет сравниваться с Троянской, но показательно, отмечает «Современник», что осаду Севастополя с осадой Трои сравнила «Times» [1. — Т. 52. — С. 33].

К брошюре «Восточная война, ее причины и последствия» (М., 1855) «Современник» (критическая статья Н. Г. Чернышевского [5. — С. 276]) отнесся сдержанно, так как она «запоздала с выводами, по крайней мере, годичной давности» — о зависимости Турции от союзников [1. — Т. 52. — С. 44–45]. Зато одобрения Чернышевского заслужила познавательная книжка А. Зуева «Азовское море, с его приморскими и портовыми городами, их жителями, промыслами и торговлею. С приложением карты Азовского моря» (СПб., 1855), составленная «внимательно» и представляющая интерес «по случаю военных событий» [Там же. — С. 42].

Как продолжение «Внутренних известий» можно рассматривать «Письмо из Москвы» (подп. М). Большинство молодых людей Москвы, пишет автор, «поступили в ополчение и, покрасовавшись <...> в новых мундирах, разбрелись по дружинам». Общество Москвы, как и Петербурга, занято летними развлечениями: Эрмитаж, концерты Либермана, московские беги и т. д. [Т. 52. — С. 191–196].

Безусловно, ценный материал в «Современнике» 1855 г. — рассказ старшего лейтенанта английского фрегата «Тигр» Альфреда Ройера, попавшего в плен к русским, «Пленные англичане в России» (1. — Т. 52–54). «Тигр» в тумане сел на мель у Одессы. С уважением и благодарностью рассказывается о пребывании пленных англичан в «карантине» Одессы, о знаках внимания (на наш взгляд, преувеличенных) со стороны богатых жителей. Позднее часть англичан поменяли на русских пленных, а четверых английских мичманов император приказал отправить в московский университет и «отдать на особенное попечение ректора» [1. — Т. 52. — С. 220]. Отметим, что рассказ А. Ройера написан для соотечественников: здесь немало положительных (!) наблюдений о быте русских (о самоварах, обряде чаепития, тарантасе, русских дорогах, почтовых станциях, трактирах). Ройер рассказывает о городах, которые проезжал по пути в Петербург для встречи с царем (Николаев, Александрия, Полтава, Курск, Тверь и др.), и делает интересные выводы о характере русского человека. Например, говорит о медлительности русского мужика, для которого слово «сейчас» совсем не значит «скоро», но отсюда англичанин делает вывод не о пассивности и лени, а об обстоятельности русских, не привыкших спешить. Традиционно представлялось европейцам, что русский человек —

пьяница. Ройер, напротив, говорит, что в России «видел мало примеров нетрезвости, и даже в этих случаях она выражалась более веселостью, нежели буйством» [1. — Т. 52. — С. 33]. Англичанин особо останавливает внимание на набожности русских: «В каждом русском доме находится образ Спасителя или Богоматери с Младенцем» [Там же. — С. 43]. Об искренности религиозных чувств народа, по мнению Ройера, свидетельствует и большое количество церквей, поражающих своей ухоженностью. В Твери только «при первом взгляде» из кареты он насчитал 22 церкви [Там же. — С. 47], а въехав в Москву, увидел «множество башен, колоколен, куполов, зеленых, разноцветных, золотых или обитых просто медными листами». Этот вид, по словам Ройера, может соперничать со знаменитым видом Константинополя [Там же. — С. 43]. Да и ухоженные хозяйства, фермы вокруг Москвы выгодно отличают ее от Византии, где «у самых ворот ее встречаешь печальную, обнаженную пустыню, которую можно было бы обратить в плодоносную страну» [Там же. — С. 44]. Кульминацией путешествия Ройера по России стал приезд в Петербург и встреча с царем в Петергофе, когда Ройеру и его слуге была дарована свобода. Напутствуя его, русский царь подарил ему шпагу и выразил надежду, что никогда не увидит Ройера среди врагов России. После такого приема, разумеется, Ройер должен был рассказать своим соотечественникам, что «русские не такие варвары, какими их описывают в газетах» [1. — Т. 54. — С. 134].

В рубрике «Заметки о журналах за июнь месяц 1855 г.» выделим критический анализ статьи г. Б. «Десять дней в Севастополе», опубликованной в «Москвитяине». Одобряя статью (правдиво описаны госпитальные бараки, осадные укрепления, раненые пленные, работа хирурга Н. И. Пирогова), «Современник» настораживается ее пафосом. Так, в статье «Москвитянина» с восторгом говорится о солдатской смелости: «Русский солдат полагает, что от своей пули не спрячешься, и на этом основании часто доводит свою неосторожность до крайней степени». Критик «Современника» по этому поводу пишет, что «в этой логике более героизма, чем здравого смысла, и нам она потому не нравится, что из-за нее может погибнуть напрасно не один храбрый» [1. — Т. 52. — С. 275].

В конце 52-го тома впервые напечатана «Хроника современных военных известий» (редактор и составитель А. С. Афанасьев-Чужбинский [5. — С. 277]), выделенная в виде приложения к тому со своей нумерацией страниц. Напомним, в июне 1855 г. «Современнику» было разрешено печатать и перепечатывать материалы о войне. Настоящая Хроника является перепечаткой из «Русского инвалида» с целью осветить «ход современной войны в хронологическом порядке», разобраться в сюжете и смысле конкретных военных действий. События до июля 1855 г. даются последовательно, с точной датировкой, комментарием и лаконично. В конце — известия из Крыма, с Азовского, Балтийского и Белого морей, из Азиатской Турции за июнь-июль 1855 г. Нет сомнения, «Современник» пытается дать историческую оценку происходящему, разбираясь в причинах войны, которые видит не только и не столько в религиозных противоречиях между Россией и Западной Европой, сколько в борьбе за сферы влияния. «Процветание американских наших колоний, усиление деятельности на золотоносных россыпях, вызвавшей многие значительные частные капиталы, и беспрестанно возникающие торговые общества — все это некоторым образом начало возбуждать зависть Англии, которая постоянно стремилась и стремится овладеть всемирною торговлею» [1. — Т. 52. — С. 1—3] — идея, которую утверждал «Современник»

еще в 1853—1854 гг. Стремясь к предельной документальности, редакторы «Современника» помещают в «Хронику военных известий» Высочайшие Манифесты (14 июня 1853 г., 20 октября 1853 г., 9 февраля 1854 г., 11 апреля 1854 г., 29 января 1855 г., 18 февраля 1855 г.). Об истинных потерях русских «Современник» не мог знать и вынужден был сообщать, как везде это делалось, что у противника потери значительно больше; и так — во всех случаях описания боев.

27 августа (8 сентября) — общий штурм Севастополя; захвачен Малахов курган; оставшиеся корабли Черноморского флота затоплены; русские войска выведены на Северную сторону. На Балтике англо-французы блокировали побережье, бомбардировали Свеаборг и другие города. В Закавказье корпус генерала П. Н. Муравьева блокировал 33-тысячный гарнизон Карса. 17(29) сентября штурм Карса был отбит.

53-й том «Современника» (сентябрь—октябрь) открывается рассказом «Ночь весною 1855 г. в Севастополе» Л. Н. Толстого (б. п., датир. 26 июня 1855 г.), и таким образом рассказу придается программное значение. Теперь известно, что он выдержал большую цензурную правку; для прохождения через цензуру И. И. Панаев дописал толстовскому тексту концовку: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови...» [1. — Т. 53. — С. 30]. Практически сразу же за этим рассказом помещена «Рубка леса» Л. Н. Толстого (между ними «Воспоминание» Н. А. Некрасова, «Как грустно только зла следить одни деянья» О. Барбье (в переводе Н. Грекова). И хотя в «Рубке леса» речь идет о войне на Кавказе, «Современник» настойчиво ведет к мысли, что война, где бы и когда она ни шла, ужасна и жестока.

По-прежнему строг «Современник» к изданиям о Крымской войне. В «Библиографии» Н. Г. Чернышевский [5. — С. 278] с иронией отзывается о брошюре «Рассказ солдата Сидорова при бомбардировании Севастополя англо-французами»: «Одна из многочисленных спекуляций, рассчитывающих не патриотизм простонародья» [1. — Т. 53. — С. 18]. К такого же рода изданиям, «имеющим в виду воспользоваться патриотическими чувствами народа» (с. 21), принадлежат, считает Н. Г. Чернышевский, и следующие: «Последний вечер новобранца в родительской семье» (М., 1855); «Чувство и любовь к престолу и отечеству» (М., 1855); «Описание бомбардирования англичанами Соловецкого монастыря» (М., 1855); «Обхождение русских с врагами» (М., 1855); «Доблестные подвиги русских воинов» (М., 1855). Резко отзывается «Современник» (Н. А. Некрасов [5. — С. 279]) и о книжке А. Месковского «Говор простого народа» (1. Петушинцы. — СПб., 1855), где французы именуются «петушинцами» — так якобы называют их в простонародье. Н. А. Некрасов возражает: мнение, что «французы — вообще пустой и пропащий народ», распространено, надо думать, среди людей, не знающих войны, а никак не среди народа» [1. — Т. 53. — С. 28—29].

После сдачи Севастополя «Современник» приступает к публикации цикла солдатских мемуаров Н. П. Сокальского, сотрудника «Одесского вестника», и открывает цикл рассказом рядового Московского полка Павла Таторского, взятого в плен при Альминском сражении 5 сентября 1854 г., «Восемь месяцев в плену у французов». В примечании сказано, что мемуары записаны «со слов», и, если и подвергались литературной обработке, то в той мере, чтобы придать композиционную стройность, необходимый лаконизм устным рассказам, так что сказовая ситуация с просторечьем сохранена. Мемуары сюжетно сложны: история Татор-

ского с момента взятия его в плен затем «подтверждается» кратким и по-военному четким рассказом капитана Саварского и, в виде вывода, завершается описанием положения пленных французов в России. Кроме того, рассказ Таторского неоднократно прерывается короткими историями русских пленных: «Рассказ Щербакова», «охотника» ночных вылазок под Севастополем, чтоб «заколачивать орудия на неприятельских батареях» [1. — Т. 53. — С. 169—176]; «Рассказ писаря» — то был писарь кн. Меншикова [Там же. — С. 176—183]; «Рассказ Козлова» — «ундер-офицера саперского батальона» [Там же. — С. 183—210]. Таким образом, конструкция «рассказ в рассказе» существенно расширила исторический объем мемуарных свидетельств.

Из рассказа Таторского читатель получает подробное представление о пребывании русских во французском плену. Традиционные представления общества о цивилизованности и культуре французов многократно подвергаются сомнению. Ибо, свидетельствует Таторский, на поле боя среди французов встречаются мародеры (хотя среди турок больше), и в плену русских рядовых содержат впроголодь (суп варили из ослятины, несколько раз заливая одно и то же мясо водой, хлеба давали мало; пленные спали в тюрьме на голом каменном полу, согреваясь одной своей шинелью; пленных заставляли работать, а тех, кто не мог, «сажали в *призон*, в холодный погреб в одной рубашке, и не давали ему супу <...> и хлеб один раз в сутки — фунт с четвертью» [Там же. — С. 189].

В «Хронике современных военных известий» «Современник», как и обещал, дает по дням описание событий за июль-август 1855 г.; подробно говорится о сражении 4 августа на реке Черной, о бомбардировании Свеаборга. Здесь же помещен «Приказ Императора Александра II российским армиям» о сдаче Севастополя, где русские солдаты сравниваются с героями всех времен: «но есть невозможное для героев», «оставивших осаждающему неприятелю одни окровавленные развалины» Севастополя [Там же. — С. 140].

В этом же 53-м томе помещено стихотворение Я. П. Полонского «На Черном море». В то время, когда союзники ликовали победу, стихотворение напоминало, какой ценой она досталась. Сюжет организован диалогом раненых французов, возвращающихся из Севастополя. Они не забудут Крыма, ставшего могилой для многих их соотечественников:

На лоне мира и любви,
Ты вспомнишь — ужас! — ты в крови
Топтал товарищей своих,
Ты слышал их предсмертный хрип,
Ты раненый близ ран моих
Лежал, страдал и — не погиб!..

[Там же. — С. 139]

Для чего все это было? Слава завоеваний нужна лишь правителям: «<...> *Финиам* необходим // *Кумиру* и его *жрецам*...» [Там же. — С. 140].

В октябрьском номере «Современника» появляются первые сообщения о реакции общества на окончание войны. Они скупы до лаконизма. Так, в «Иностранных известиях» просто, без эмоций, сообщается, что «весть о взятии союзными войсками южной части Севастополя более всего занимала парижское население и жителей провинции» [Там же. — С. 133]. А далее — новости с Парижской выставки. Ощущение, что автор «Иностранных известий» рад окончанию войны, когда все возвра-

щается на круги своя; достойная человека жизнь — это когда государства соревнуются не в военном деле, а в промышленности, искусстве. Та же Турция, отставшая от Европы в военном отношении, представила на выставке товары, с которыми не могла соперничать Европа: шелка чесаные и сученые, материи для мебели, бумажные и нитяные ткани, ковры, богатые галуны и тесьмы, ткани, шитые золотом, и др.

Севастополь сдан. А 1 сентября 1855 г. в Москву приехал Александр II. Приехал поздно ночью, но встречало его очень много народу. Еще больше собралось людей, чтобы видеть его на другой день в Кремле — так что с мужчинами даже делалось дурно. «Говорили, впрочем, без уныния о настоящих, несчастных событиях, — пишет в дневнике В. С. Аксакова 2 сентября, — вспоминали 12-й год, своих отцов, участвовавших в нем. «Только скажи, только ухни, нас 60 миллионов — мигом 6 миллионов поставим» [2. — С. 126].

«Хроника военных известий» посвящена последним дням обороны Севастополя. Это не только отчет, но и оценка прошедшему, и не случайно здесь поименно называются многие погибшие, раненые, отличившиеся в сражениях — важный материал не только для читателей XIX в., но и для современных историков Крымской войны. Война еще не окончена, неприятель обстреливает Геничск и прилежащие к нему селения.

А в политике и общественной жизни начался процесс, названный Ф. И. Тютчевым *оттпелью*.

В конце 1855 г. военные действия практически прекратились. В Вене возобновились переговоры.

Об уступках России говорили в обществе давно. Апрельские номера журналов «Francfort», в которых была перепечатана статья из «Constitutionnel», пришли к русским подписчикам со значительными «вытертостями» в трех местах, где говорилось об уступках России в переговорах, в частности в пункте 4-м, о покровительстве славян. «Россия отказалась окончательно от всех прав своих на покровительство несчастных православных», — горестно записала В. С. Аксакова 12 апреля 1855 г. [2. — С. 102].

П. А. Валуев, узнав, что после сдачи Севастополя под городом оставалось 70 тысяч солдат, сокрушался: «Так вот каков остаток тех сотен тысяч, которые в продолжение года отправляли в Крым умирать в розницу» [6. — № 5. — С. 340].

Последний, 54-й том (ноябрь—декабрь) «Современника» 1855 г. характеризуется резким уменьшением материалов о Крымской войне. Стало ясно, что мир живет в ожидании мира и радикальных изменений в международных отношениях. Открывается номер продолжением рассказов Н. П. Сокальского. Особенностью новых рассказов Сокальского стало то, что они касаются не только обороны Севастополя, но и военных действий на Балканах: в Валахии (*Валафии*) — «Дело под Журжею, 25-го июня 1854 г.», а также в Евпатории — «Занятие Евпатории союзными войсками». Здесь представлен как бы «не отобранный» фактический материал. Рассказ «Занятие Евпатории союзными войсками», записанный со слов приказчика Степана Цуровича, служившего в коммерческом доме Евпатории, практически лишен героического и патриотического элемента. Приказчик и несколько его сослуживцев, имея оружие (пистолеты, ружье), не только не оказывали никакого сопротивления грабившим их в Евпатории туркам, не только не помогали нуждавшимся в помощи (чего стоит сцена под окнами этих чиновников: турки и татары поймали на улице мужчину и женщину, избивали мужчину, толпой погнались за женщиной, а увидевшие это, вздохнув, закрыли ставни), но

заботились прежде всего о личной безопасности и имуществе, которого, кстати говоря, все же лишились. Имел ли ввиду Сокальский и редакция «Современника» противопоставить поведение персонажей этого рассказа с героизмом севастопольских бойцов — однозначно сказать трудно, но, кажется, любому читающему это сравнение приходит на ум. В ином же ключе, на ином настроении воспринимается другой рассказ из цикла Сокальского «Русский солдат и зуав», рассказ об истинном великодушии и смелости. Под Севастополем русский солдат напоил раненого зуава. Позднее случайные знакомцы встретились в госпитале, три дня не расставались, а когда зуава отправляли в Одессу, русский не сдержался: «Гей, брат, прощай!» — закричал он ему вслед. Зуав воротился беглым шагом, обнял его, поцеловал и снова примкнул к отъезжавшей своей партии». Так продолжалось, пока «широкая степь не разделила друзей» [1. — Т. 54. — С. 24].

«Иностранные известия» последнего времени свидетельствуют об общем утомлении. Люди старались забыть трагедию. Во Франции закрывалась выставка, и «Современник» дает полную сарказма картину обеда по этому случаю: гости руками расхватывали угощение со столов, и дорогие ковры на полу были покрыты объедками, соусами и т. д. Среди литературных событий Франции — конкурс на четыре премии Верона с заданием темы (проза, стихи, критика, философское исследование), в котором приняли участие 439 авторов. Даже из Крыма было прислано стихотворение, «написанное посреди осадных работ» и начинавшееся словами: «Несмотря на твердость грунта, мы возьмем у них Севастополь» [Там же. — С. 89]. О войне напоминают некоторые короткие сообщения: о бездарности английского военного министерства, обсуждаемой в английском парламенте [Там же. — С. 100]; о возросших доходах английских и французских железных дорог «по случаю перевозки войск и военных снарядов в Крым» [Там же. — С. 102]; в результате военного союза Англии и Франции в целом улучшились взаимоотношения между государствами, так что Англия помышляет о соединении с Францией подводным туннелем.

В «Известиях Петербурга и Москвы» упоминаний о войне нет. Более того, в декабрьском номере «Современника» вместо «Петербургских известий» помещены «Заметки Нового Поэта о Петербургской жизни» (И. И. Панаева) — насквозь ироничный рассказ о петербургских нравах, тщеславии, вкусах. Как продолжение темы воспринимается традиционная информация о моде (И. И. Панаев и А. Я. Панаева [5. — С. 284]: «Новые военные пальто, очень удобные и красивые, соблазнили многих статских, на Петербургских улицах вы можете нередко встретить теперь таковых господ в серых пальто с петлею назад и в круглой шляпе. <...> Война отражается на всем — даже в моде, — и некоторые мирные граждане невольно принимают воинственный вид и подражают военным — в покрое платья» [Т. 54. — С. 118]. Впрочем, на парижской моде война тоже сказалась. Там дамы ввели в обиход «материю для платьев: цвет — серо-пороховой с большими атласными черными кружками в виде ядер»: «Материя эта носит название «Севастополь!» <...> Эти платья с ядрами и бомбами можно решиться надевать только дамам очень высокого роста, имеющим притом величественные манеры!»¹ [Там же. — С. 285].

¹ Насколько мода легко поддавалась общественным настроениям, подтверждает и В. С. Аксакова. В апреле—мае 1855 г., т. е. в трагические для России дни, всюду разнеслись слухи, что государь Александр Николаевич желает дать камергерам и камер-юнкерам (которых переименуют на старый манер в стольников и ключников) вместо мундиров какие-то народные кафтаны, в петербургском обществе стали толковать о сарафанах [2. — С. 102].

«Хроника военных известий» конца года свидетельствует о продолжении бомбардирования Северной части Севастополя в сентябре — ноябре 1855 г.; о пребывании неприятеля в Керчи, Евпатории, Саках; о бомбардировании Геническа, о блокаде Карса. 28—31 октября 1855 г. император Александр II посетил Крымскую армию и благодарил войска «за их верную службу, за мужество, постоянство в перенесении трудов и самоотвержение...» [1. — Т. 54. — С. 39].

Итак, 1855 год продиктовал «Современнику» целую программу публикаций о Крымской войне, а также интонации редакторских статей. Публикация «Хроники современных военных действий» в соединении с мемуарами и рассказами очевидцев (Л. Н. Толстого, Н. П. Сокальского, А. Д. Столыпина, А. Ройера и др.) дает панорамное представление о Крымской кампании; библиографический раздел (Н. Г. Чернышевский) достаточно точно ориентирует читателя в современной литературе о войне; «Иностранные» и «Внутренние» известия (И. И. Панаев и др.) констатируют подвижные процессы в общественном сознании России и Европы в самый драматичный год Крымской войны. Вместе с тем 1855 год положил начало тенденции публиковать материалы, подготавливающие русскую общественность к сознанию необходимости реформ — экономических, политических, военных и т. д.

Глава третья

Война и мир. Год 1856-й

«Вот и опять новый год, 1856-й год, високосный, по преданиям, всегда тяжелый. А мы пережили такой тяжелый 1855-й год! <...> Двумя словами можно выразить наше положение: внутри — поборы и мундиры, на границах — враги и потери. Мы истощились без последствий, мы теряем без вознаграждений», — пишет в декабре 1855-го сенатор К. Н. Лебедев [24. — С. 337—352].

Начало 1856 г. для русского общества и «Современника» характеризуется осмыслением итогов тяжелой и нерезультативной войны и, одновременно, предчувствием и жадой перемен. Желание обновления — свидетельство национальной стойкости, гражданского энтузиазма. Речь идет именно о предчувствиях, а не о сформулированной политической программе, а потому настроения общества, как это угадывается по содержанию «Современника», выражаются оттенками переживаний, появлением новых тем. Так, первый номер журнала за 1856 г. включает в себя не только произведения о войне («Севастополь в августе» Л. Н. Толстого, «Содержание русских во французском плену», «Госпиталь в Константинополе» и «Жизнь на севастопольской батарее» Н. П. Сокальского, стихотворение «Внимая ужасам войны» Н. А. Некрасова), но и произведения, вошедшие затем в классику: «Рудин» И. С. Тургенева, «Саша» Н. А. Некрасова, «Очерки гоголевского периода» Н. Г. Чернышевского и др.

Рассказ «Севастополь в августе 1855 года» логически завершает крымскую трилогию Л. Н. Толстого. Здесь соединились эпичность в описании боев за Малахов (взятие кургана, описание казарменной, блиндажной жизни защитников города, многочисленные портреты офицеров и солдат) с психологизмом в описании душевного состояния севастопольских героев, показано, что страх смерти — естественное, но преодолеваемое чувство. Героизм, по Толстому, — святой по-

рыв, проявляющийся порой неожиданно, как у Ланга в момент наивысшего напряжения боя. Но это чувство может притузиться под влиянием неслепых затяжек — как у офицера-добровольца (5-я глава, не включенная в «Современник», видимо, по цензурным условиям): офицер слишком долго не получал разрешения попасть на передовые позиции, доказывая, что не масон, заверяя документально, что не будет требовать денег от правительства и т. п., и, хотя он искренне стремился в Севастополь из чувства патриотизма, постепенно энтузиазм пропал, более того, пришел страх смерти. Страх, по мысли Толстого, присущ и старому солдату, и генералу. Другое дело, что у человека есть чувство, сильнее страха. Оно также убедительно показано в заключающих «Севастополь в августе» эпизодах перехода севастопольцев по понтонному мосту в северную часть города, когда в душе каждого боролись страх и тяжелое чувство, «как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу»¹. Этих чувств хватило бы, чтобы вновь вернуть солдат к отчаянному бою. Через месяц в «Заметках о журналах» за декабрь 1855 г. и январь 1856 г. (Н. А. Некрасов, В. П. Боткин, Н. Г. Чернышевский [5. — С. 297]) «Современник» даст страстную и исчерпывающую характеристику достоинствам толстовского рассказа — «проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не уступающая правда»: «Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. <...> Бедные, бедные старушки <...> матери героев, погибших в славной обороне! Вот как пали ваши милые дети — по крайней мере, многие пали так <...>! Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце!» [1. — Т. 55. — С. 89].

Первый номер «Современника» за 1856 г. продолжает печатать рассказы мемуаристов Сокальского, в частности журнал копииста Яковлева «Содержание русских во французском плену». С. Л. Толстым Н. П. Сокальского сближает стремление к объективности. Героическое здесь проявляется на деле: в том, как оборонялись Яковлев и его спутники от французов, как вели себя в плену в Константинополе, не соглашаясь перейти на службу султану, как проявляли находчивость и стойкость, выдерживали тяжелый плен в Тулоне. Следующий рассказ из записей Н. П. Сокальского «Госпиталь в Константинополе» — также о пребывании во французском плену тяжелораненого рядового Павла Поветкина; об уходе за ним французской сестры милосердия Магдалины; об их романтической любви, ничем не закончившейся, так как Павла отправляли в Тулон. Жизнь ставила между ними непреодолимые преграды: солдат не хотел нарушить присягу и остаться служить во Франции.

Европа встретила новый, 1856 год — с его экономическими и моральными последствиями. Во Франции, как читаем в январских «Заграничных известиях», дороговизна, неурожай, застой в торговле, «неизвестность, к чему приведет война». Увеличены налоги, введен налог даже на собак, вследствие чего они истребляются: «...из 120 000 собак, насчитывавшихся прежде парижскими статистиками, теперь показано их для внесения в податной доклад не более 4500». Для снабжения бедных пищею во Франции организованы столовые, где «префекты, чтобы ободрить рабочих, садятся за их скудные столы и разделяют с ними спартанские яства». В ходу конина, и гастрономы доказывают, что «это мясо едва ли не лучше мяса фазана или дикой козы». Наполсон III сделал многое для славы, но слава эта, как

¹ Эти полторы страницы не вошли в «Современник». Цит. по: 41. — Т. 2. — С. 122.

показали итоги войны, «не составляет проценты, с которых лионский ткач мог бы вкусно позавтракать, а парижский лакомка — избавиться себя от удовольствия питаться рысаком своего приятеля» [1. — Т. 55. — С. 49]. В Париже на митингах выступают ораторы, мнимые «очевидцы» Крымской кампании. В частности, г. Осборн, приобретший русскую саблю в Константинополе и доказывающий яростно, что русские в бою — «фанаты», «гладиаторы», «идолопоклонники» [Там же. — С. 53–54]. «Одна из новых улиц, Траверльер, проведенная на месте прежнего Министерства иностранных дел, получила название улицы маршала Сент-Арно» [Там же. — С. 50].

В России также новогодние елки, маскарады, в «Заметках Нового Поэта о петербургской жизни» (И. И. Панаева) описание елочных торжеств иронично, ибо новогодние елки стали предметом честолюбивой конкуренции: у кого ярче и богаче, гости принимаются по чинам и титулу. О трагической войне напоминают лишь новогодние костюмы мальчиков — «ополченческие серые кафтанчики с высокими сапожками, с красною оторочкою и с красными кушаками» [Там же. — С. 86]. А вот девочки уже одеты, как дети английской королевы Виктории, в коротенькие платьица — быстро меняются в обществе настроения. Маскарады, по их количеству, давно стали скучными; один из маскарадов Петербурга назначался «в пользу раненых и семей убитых в настоящую войну» [Там же. — С. 101]. В Петербург приехали защитники Севастополя: генерал-адъютант Тотлебен (в честь него был дан обед, где присутствовал великий князь Николай Николаевич), генерал-адъютант кн. Васильчиков, генерал-лейтенант Хрулев и др. В «скромных русских магазинах» появилась новая книжка о войне для детей — «Рассказы детям об их отцах и братьях (случаи из современной войны)» г. Генкеля [Там же. — С. 114].

Стихотворением «Внимая ужасам войны» Н. А. Некрасова «Современник» подтверждает свое отношение к войне как к большому человеческому горю, напоминает о «кровавой ниве» войны и «слезах бедных матерей» [Там же. — С. 223]. Из собрания Н. Сокальского публикуется в феврале рассказ матроса-малоросса Галищенко «Жизнь на севастопольской батарее». Матрос передает не только детали быта, но и солдатское отношение к войне. По мнению солдат, «Бог с самого начала попутал неприятеля...» [Там же. — С. 225]. О героизме Галищенко не рассуждает. Легендарный матрос Кошка (а Галищенко пришлось воевать рядом с ним) — просто «волшебник», так как «не может простой человек делать такие хвокусы, что делал Кошка». В храбрости Галищенко не усомнишься, но даже этот бывалый воин, защищавший Севастополь от начала обороны, спокойно рассказывает о перемириях, братаниях с неприятелем. Солдаты «хватаются за руки»: «Ты ему, известно, сивухи тычешь, а он тебе рому, бишквилей; пойдут разговоры. Ну, только он по-нашему и знает, что «рус, рус, матрос, матрос», а ты ему: «англичан, англичан!». А заканчивается перемирие, и опять солдаты идут друг на друга в штыки [Там же. — С. 232–234].

Рубрика «Петербургская жизнь» в 55-м томе объемна [Там же. — С. 149–200]. Рассказывается о петербургских рождественских развлечениях, маскарадах. Но 8/20 января статья о предстоящем мире в «Journal de St.-Petersbourg» «возбудила толки, составляющие теперь главный предмет разговоров во всех петербургских обществах». К тому же были даны обеды в честь князя Васильчикова в Пажеском корпусе, генерал-лейтенанта Хрулева в Артиллерийском училище, генерала Тотлебена в Инженерном училище и Шахматном клубе, то есть в учебных заведениях, которые они окончили [Там же. — С. 197–198].

Разговором о предстоящем мире начинаются и «Заграничные известия». Усталая Европа ожидает мира, и только «враждебные миру газеты, из личных интересов и в смущении обманутой прозорливости, стараются еще поддержать пламя раздора и политического разногласия» [1. — Т. 55. — С. 223]. Ощущение победы под Севастополем омрачалось для англичан падением Карса. По сравнению с жертвами и затратами итоги войны были незначительны. Более того, ощущается спорность, чей вклад в осаду Севастополя больше: англичан или французов. Так, «Times», как пишет «Современник», «меланхолично» рассуждает: «Англичане предчувствовали и были в этом случае совершенно правы, что нападение на Редан (4-й бастион. — Д. П.) из-за тех же самых траншей, которые были свидетельницами неудавшегося штурма 18 июня, — в то время как французам предоставлено было нападение на Малахов курган, отстоявший от их траншей лишь на 15 сажень, — лишит английскую армию всякой славы в деле, в потерях которого она приняла, однако, самое чувствительное участие. Между тем справедливость требовала бы непременно шансы выгод и невыгод разделить беспристрастно между обеими армиями, вместо того чтобы одной из них приготовить верную победу, а другой — неизбежные потери и поражение» [Там же. — С. 239].

Колонизаторская Англия, кроме того, обеспокоена неуклонным расширением российских границ: «В течение последних восьмидесяти лет, — продолжает «Times», а ее цитирует «Современник», — Россия придвинула свои границы на 450 миль ближе к Константинополю и на 1000 миль ближе к Индии. Войска, предводительствуемые генералом Муравьевым, ближе отстоят от Пешауэра, северо-западной границы наших индийских владений, чем от С.-Петербурга». В виду все усиливающегося общего противника — России, Англия и Франция должны поддерживать союз. Во всяком случае, как пишет «Times», «французский кабинет будет придерживаться союза с Англией, который ему нужен, хотя бы и не вполне соответствовал его личным желаниям» [Там же. — С. 239–240].

«Военные известия» этого тома представляют собой краткую сводку столкновений с неприятелем в Крыму и на Кавказе в декабре 1855 — январе 1856 г. и включают информационные материалы о предстоящем мире. Характерно, что враждующие стороны начинали войну «*во имя мира и справедливости*» и заканчивают войну примерно теми же доводами. Российский Император стремится прекратить кровопролитие, «прискорбное для просвещения и человечества, и возвратить *благодетия мира* России и Европе (курсив мой. — Д. П.)» [Там же. — С. 24]. И европейские правители, как пишет «Times» («Заграничные известия»), более всего заботятся о *безопасности*, о «*деле правды и просвещения*» [Там же. — С. 89].

Май-июнь 1856 г. — первые месяцы после мирного договора. Какие материалы приурочивает к этим событиям «Современник»? Можно определенно сказать, что количество военных материалов явно уменьшилось. Майский номер 57-го тома включает *последнюю* «Хронику военных современных событий», а также «акты, которыми заключились военные события» [1. — Т. 57. — С. 1–22]. Первый документ — Манифест царя к русскому народу об окончании войны, в котором сказано, что целью Николая I, «чуждого всяких своекорыстных видов», было лишь желание «охранения прав» и «устранение притеснения единоверцев наших на Востоке»: «Он не мог ожидать, что последствием Его справедливых требований будут бедствия войны». Перечисляются наши победы: «Неприятель отражен от берегов Сибири и Белого Моря, от твердынь Свеаборга,

и геройская одиннадцатимесячная оборона <...> Севастополя <...> будет жить в памяти отдаленнейшего потомства». В Азии, «после знаменитых побед <...> Карс должен был нам сдаться». Из Манифеста следует, что Россия достигла своей цели: «Будущая участь и права всех Христиан на Востоке обеспечены. Султан торжественно признает их. <...> Россияне! Труды ваши и жертвы были не напрасны. Великое дело свершилось, хотя иными, непредвиденными путями, и мы ныне можем со спокойствием в совесть положить конец всем жертвам и усилиям, возвратив драгоценный мир любезному отечеству Нашему (курсив мой. — Д. П.)». Далее в неожиданно легкой форме говорится об уступках, на которые пошла Россия при заключении мира: «Чтобы ускорить заключение мирных условий и отвратить, даже в будущем, самую мысль о каких-либо с Нашей стороны видах честолюбия и завоеваний, Мы дали согласие на установление некоторых особых предосторожностей против столкновения наших вооруженных судов с Турецкими на Черном Море (запрещение военно-морского флота в Черном море. — Д. П.) и на проведение новой граничной черты в южной, ближайшей к Дунаю части Бессарабии. Сии уступки не важны в сравнении с тягостями продолжительной войны и с выгодами, которые обещают успокоение Державы, от Бога Нам врученной».

Следом помещен Трактат, подписанный 18/30 марта 1856 г. в Париже между Императором Всероссийским, Императором Франции, Королевой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Королем Сардинским и Императором Оттоманским при соглашении с Императором Австрийским и Королем Прусским. По этому Трактату, Россия отдавала Карс и возвращала себе города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь—Еникале, Кинбурн. Черное море объявлялось нейтральным, вследствие этого запрещалось содержать на его берегах военно-морские учреждения и арсеналы. Признается независимость и целостность Империи Оттоманской. Сербия, как и прежде, остается под «верховною властью блистательной Порты». При этом подписывающие Трактат державы обязались впредь не вмешиваться в отношения Его Величества Султана к Его подданным и во внутреннее управление Его Империи. Султан обязался улучшить положение подданных, независимо от вероисповедания, проявляя «великодушные намерения Его касательно Христианского народонаселения». Далее — конвенция касательно проливов Босфора и Дарданеллы, конвенция о военных судах, конвенция, «касающаяся до Аландских островов» [1. — Т. 57. — С. 1—22].

По итогам войны Россия, как видим, ничего не приобрела, но и политические амбиции Франции и Англии были удовлетворены слишком дорогой ценой. Один ценнейший материал, опубликованный в 57-м томе «Современника», напоминал о потерях, понесенных только при одной бомбардировке Севастополя в период Страстной недели 1855 г., которая в тот год, будто нарочно, совпала у католиков и православных. Это — большая статья Ег. Ковалевского¹ «Бомбардирование Севастополя» (из 2-й части «Истории воин 1853, 1854 и 1855 годов»).

¹ Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — генерал, писатель. Один из трех братьев Ковалевских — известных в России людей. Петр Петрович (1808—1855) — генерал-лейтенант, командовал 20-й артиллерийской бригадой, известной своими боевыми операциями на Кавказском фронте войны 1853—1855 гг. В 1852 г. служил в Крыму. Евграф Петрович (1790—1867), позднее министр просвещения (1858—1861 гг.), отличался прогрессивными взглядами.

Е. П. Ковалевский, участвовавший в войне, дает подробное описание бомбардировки. Это, по сути дела, документальный материал о ходе войны, потому что, кроме всего, Ковалевский в точности называет количество жертв на каждый день, в некоторых случаях и имена погибших героев.

Так, 29 марта 1855 г. убито 2 офицера и 60 человек из нижних чинов, ранено 7 офицеров, 30 человек из нижних чинов [1. — Т. 57. — С. 147—148].

30 марта убито 7 офицеров, 80 человек из нижних чинов, ранено 5 офицеров и 460 человек из нижних чинов [Там же. — С. 148].

С 30 по 31 марта убито и ранено 28 офицеров и 828 человек из нижних чинов.

1 апреля убиты 1 офицер и 123 человека из нижних чинов; ранено, контужено и без вести пропало 22 офицера, 1031 человек из нижних чинов [Там же. — С. 154—155].

1—2 апреля убито 3 офицера и 153 человека из нижних чинов, ранено 4 штаб-офицера, 17 обер-офицеров и 773 человека из нижних чинов.

В ночь со 2 на 3 апреля убито и ранено 518 человек, в том числе 5 офицеров.

4 апреля убито 78 человек из нижних чинов, ранено и контужено 545 человек из нижних чинов и 9 офицеров.

5 апреля неприятельский огонь несколько ослабел и в последующие три дня становился все тише и тише. С 5 апреля наши потери уменьшились: от 432 выбывших из строя в сутки до 300 и, наконец, «низошли в обыкновенную ежедневную потерю — до 150 человек» [Там же. — С. 158].

Ковалевский называет имена погибших офицеров: 29 марта убит капитан-лейтенант Шемякин и ранен лейтенант Завалишин. 30 марта смертельно ранен полковник Розенталь, а 31 марта — подполковник Темиряев. В ночь с 1 на 2 апреля ранен полковник Лушков и смертельно ранен полковник Загоскин [Там же. — С. 147—156] и т. д.

Хрестоматийным стал рассказ о подвиге рядового Шевченко (подвиг этот описан в статье Ег. Ковалевского): «Увидев, что в его офицера направлены два выстрела, и не имея возможности отклонить или предупредить их», он, заслонив своего начальника, принимает эти пули на себя.

О характере русского солдата Ковалевский пишет так: «Нет добродушнее русского солдата». «Когда молодой солдат бранит неприятеля, старый солдат всегда заметит ему: «он не виноват: как ему приказали, так он и делает; а француз хорошо дерется», — заметит он в заключение, и охотно дерется с французом, особенно на вылазках, потому что любит брать грудью, штык предпочитает всему...» [Там же. — С. 150—152].

Сознавая драматизм и героизм происходящего, Ковалевский не в состоянии описать всех сторон разыгравшегося на его глазах действия. «Я чувствую всю немощь свою перед величием той страшной драмы, которая разыгрывалась в глазах мира, и оставляю свой слабый труд», — заканчивает статью автор [Там же. — С. 162].

Следует признать редакторской находкой «Современника» помещение статьи Ковалевского в одном номере с опубликованными манифестами о мире. Это напоминает о понесенных Россией потерях, да и не только Россией.

Первые послевоенные «Заграничные известия» не содержат никаких упоминаний о войне, лишь рассказывают о праздниках по поводу заключения мира. В Париже ежедневно дается чрезвычайное количество балов, как официальных, так и неофициальных» [Там же. — С. 74]. Так, по случаю заключения мира дан

бал оттоманского посольства французскому императору; прусское посольство также открыло свои салоны парижскому обществу; были даны балы от министра финансов и министра народного просвещения Франции т. д. Все остальное содержание майских «Иностранных известий» и рубрики «Заграничных известий» июньского номера журнала — светская хроника.

В июньском номере «Современника» продолжают публиковаться мемуары из собрания Н. Сокальского. На этот раз — «Секрет», рассказ пластуна (или «ползуна», как он себя называет) Самсона Полянского. Это бывалый солдат из рекрутов (11-й год службы), уроженец Полтавской губернии. Дома у него остались жена, двое детей, хозяйство, но он покорно принимает участь рекрута. И когда в плену ему предлагают перейти во французскую армию, где служба 7 лет и солдаты носят такую же одежду, как и офицеры, он, не размышляя, отказывается. В плен был взят, когда его «секрет» попал в засаду и решил пробиваться к своим — шесть против «хмары». Четверо полегли сразу, а Самсон с товарищем уже было пробились, но вновь попали в окружение: «Стали мы один около другого спинами, да, извините, как от собак, так и обороняемся». Много они побили врагов, но ранен штыком товарищ, и ружья уже разряжены — так оба попали в плен. Своего героизма Самсон не сознает, говорит, что сражались они, как и всегда, храбро, по-русски: «Трудно неприятелю справляться с русскими, оттого туркада англичанин — ребята не крепко храбрые; разве что француз выше неба несется» [1. — Т. 57. — С. 269–272].

Новым напоминанием о прошедшей тяжелой войне, притом для всех ее участников, стал анализ книги неизвестного автора «Блокада Карса» (Тифлис, 1855 г.) [Там же. — С. 49–52]. Осаждавшие Карс русские не могли не видеть, как умирали в осажденной крепости от голода и болезней жители. Больно читать эти строки, но ведь и Севастополь был осажден. Война не знает справедливости. При штурме Карса погиб брат Ег. П. Ковалевского генерал Петр Петрович Ковалевский, шедший во главе колонны. Его жизнь и смерть доказали, что это был чрезвычайно смелый и добрый человек: «Во время похода, как и во всю жизнь свою, он предпочитал солдатскую палатку всем удобствам, не любил роскоши, отличался скромностью и умеренностью. Это возвысило его в глазах г. главнокомандующего». За дело под Пеняком П. П. Ковалевский был удостоен ордена Белого Орла, но «эта Высочайшая награда застала его в могиле» [Там же. — С. 51]. В день штурма карских укреплений П. П. Ковалевский «с твердостью и хладнокровием вел вверенную ему колонну». «Несколько дней томился покойный на одре страданий, выдержал операцию, и луч надежды на его выздоровление блеснул, но ненадолго. Скоро сделался понятным исход его болезни... В эти последние, торжественные минуты высказалась добрая душа Ковалевского. С какой радостью он отдал награды, назначенные г. главнокомандующим, двум фельдшерам, жертвовавшим за него жизнью при перевязке ран его под самым сильным неприятельским огнем! Одному из них сам надел Георгиевский крест, другому вручил 50 рублей; соболезновал о раненых своих адъютантах, благодарил медиков, в особенности своего дивизионного доктора, достойного Я. И. Прибиля, принявшего на себя грустную обязанность, по смерти своего генерала, проводить гроб его до Александрополя... Г. главнокомандующий несколько раз посещал Петра Петровича во время болезни, и постоянно посылал узнавать о ходе ее; 21-го числа прибывший к нему посланный застал

его при последнем вздохе и воротился с грустной вестью, что Ковалевского не стало...» [1. — Т. 57. — С. 51–52].

Английский генерал Вильямс, возглавивший карский гарнизон, остался жив. Автор «Взятия Карса» говорит о его благородстве и мужестве: «поддерживал дух гарнизона и приказывал тайно резать по ночам своих собственных лошадей и давать больным конину» [Там же. — С. 49]. Через несколько месяцев (30 апреля 1856 г.) ген. Вильямс в свите российского Государя Императора участвовал в параде на Царицыном лугу. Парад «был необыкновенно блистателен, чему способствовали яркий, теплый день и новые, очень красивые формы войск», — отмечает в июньском выпуске «Петербургской жизни» Новый поэт — И. И. Панаев [Там же. — С. 176].

Можно ли считать случайным совпадением, что история Вильямса, рассказанная в «Блокаде Карса», продолжается в «Петербургской жизни» и что рассказ о трагедии Карса соседствует с сообщениями о блистательном параде? Что рассказ пластуна «Секрет» появляется после сообщений о балах в Париже? Думается, нет. Этот контраст напоминает о тяготах и следствиях войны: для многих трагедии уже не существует. Чего стоят такие сообщения Нового поэта в «Петербургских известиях» 57-го тома журнала: «Май месяц был очень оживлен петербургскими балами в высшем обществе и, между прочим, блестящим балом княгини Ю., на котором присутствовали члены Августейшей Фамилии и находились вновь приехавшие в Петербург посланники и члены посольств и, между прочим, генерал-адъютант Наполеона III — граф Эдгард Ней, меньшой сын знаменитого маршала... (многоточие автора. — Д. П.). В Петербурге теперь беспрестанно встречаются на улицах иностранные мундиры... (многоточие автора. — Д. П.)» [Там же. — С. 199].

«Для многих чрезвычайных посланников, назначенных по случаю коронавания Государя Императора и прибытия которых ожидают в Петербурге, наняты уже дома. Для графа Морни отделяется в настоящую минуту дом графа Воронцова-Дашкова на Дворцовой набережной» [Там же. — С. 199].

«Любители устриц бросились на них с жадностью после двухлетнего поста».

«В Неве у таможи стоит несколько иностранных судов, а Кронштадтский рейд набит пароходами и судами с флагами всевозможных наций» [Там же. — С. 200].

На последней странице 57-го тома «Современника», в разделе «Моды», (И. И. Панаев и А. Я. Панаева [5. — С. 299]) находим такие строки: «Парижские модные журналы пишут, что знаменитый дом Делиль никогда не имел столько заказов, как в настоящую минуту, по случаю крещения принца и коронавания Государя Императора...» Заключительная строчка: «Чтобы носить такие платья и куафюры, можно отдать если не полжизни, то полсостояния» [1. — Т. 57. — С. 285]. Комментарии не нужны.

В «Петербургской жизни» следующего тома в контрасте с трагедией Крымской войны видятся описания богатых петербургских увеселений (1. — Т. 58. — С. 73–98). В «Заграничных известиях» это сказано гораздо определеннее: парижское общество празднует крестины императорского принца, «вслед за жертвами, принесенными Крымской войне, роскошь усиливается в Париже до невероятных размеров». Роскошь, туалеты дам, стоимостью по тридцать-сорок тысяч франков — «все это наводит на печальную мысль о торжестве наглости и бесстыдства, и о постоянных лишениях, с которыми соединена судьба честного труженика». А вот о положении рабочего класса: «Работники, пристроенные к мас-

терским, готовят себе, посредством известных денежных взносов, воспомоществование на случаи болезни и пособие на похороны» [1. — Т. 58. — С. 100].

Через несколько месяцев после окончания войны сообщается о подписке на «Русский художественный листок» В. Тимма (36 номеров в 1856 г.), где, кроме изображений военной тематики (выезд царя из Бахчисарая, портреты главнокомандующих и др.) и празднеств в Москве, представлены портреты уполномоченных на парижских конференциях о мире, а также парад в Париже 1 апреля, где изображены Наполеон III, маршал Пелисье, генерал-адъютант Лидерс и др. [Там же. — С. 39–40].

Единственный большой материал в 58-м томе, посвященный Крымской кампании, — «Из Крымских заметок» Н. В. Берга. Однако его заметки посвящены не воспоминаниям об осаде, а послевоенным событиям и впечатлениям. Содержание сводится к следующему. После заключения мира, когда союзные войска еще стояли в Крыму, сложилась уникальная обстановка: бывшие противники, уже не чувствуя себя противниками, несколько месяцев «сосуществуют» вместе в Крыму, общаются (в основном по-французски). Французский полковник Бодуэн в сопровождении Берга совершает поездку по разным городам Крыма, всюду их приветливо встречают. В Карасубазаре Берг и Бодуэн приняты в доме городского Звенигородского, остались в восторге от его дочери, образованной и хорошо игравшей на пианино. Когда Берг оказался во французском лагере под Севастополем, то быстро познакомился со штабными офицерами, которые также оказали достойную встречу бывшему противнику, угощали разными редкостями и деликатно молчали, когда речь заходила о русском поражении. Но ничто не могло сгладить тяжелого впечатления Берга от зрелища разрушенного города, где все было сожжено или разграблено. Но идея исторического оптимизма теплится в его записках: когда он ходит по бывшим бастионам (4, 5, 6-му) и вспоминает их защитников, когда смотрит на Северную сторону...

В 1856 г. в «Современнике» опубликованы: «Рудин» И. С. Тургенева, «Деревня и город» М. Л. Михайлова, комедия «Свадьба Кречинского» А. А. Сухово-Кобылина; стихотворения Я. П. Полонского, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, Н. Ф. Щербины; критические статьи А. В. Дружинина, И. И. Панаева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова. Из зарубежных авторов по-прежнему печатаются Ч. Диккенс и В. Теккерей, а также вышли стихотворения Р. Бернса и «Жизнь Жоржа Санда» в переводе Н. Г. Чернышевского. Литература осмысливала историю и современность.

Журнальный обзор 1856 г., в который попадают не только публикации, напрямую касающиеся крымских событий, но и материалы о заграничной жизни (Париж, Лондон, Константинополь, Соединенные Штаты Америки, Япония и т. д.), российской столичной и провинциальной действительности; научные, политические, литературные статьи, полемика по земельному вопросу и вопросам образования, обозрения российской и европейской периодики, анализ исторических и геополитических трактатов — создаст объективную панораму военного трехлетия, когда видна историческая роль каждого звена русского и европейского обществ в ходе военной кампании и когда со всей очевидностью просматривается трагическая судьба народа, действительно взвалившего на себя всю тяжесть военных испытаний и, по сути дела, не получившего в результате войны ничего, кроме памяти, на которую не так щедры потомки.

Глава четвертая

Оттепель. Годы 1857—1860-й

В 1857 г. «Современник» всех «поражает крайней смелостью и парадоксальностью своих стремлений». Это находит понимание в обществе. «*После всего испытанного нашим обществом в недавнем прошлом протест и оппозиция — явления неизбежные*», — считал А. В. Никитенко [28. — Т. 1. — С. 462].

1857 год принес ряд катастроф: затонул 84-пушечный корабль со всеми пассажирами и командой (800 чел); на Каспийском море затонул фрегат со всеми людьми; затонул пароход на Неве у Охты, погибло много пассажиров; несколько человек погибло в пожаре около Думы.

В начале 62-го тома (март—апрель) за 1857 г. читателю встречается интересный материал «Севастополь и его окрестности в настоящее время» Д. Афанасьева. Автор, посетивший в январе 1857 года город, подробно рассказывает о его послевоенном состоянии. Он бывал в Севастополе и раньше, знает севастопольского жителя Н. И. Ветцеля, хозяина гостиницы «Севастополь»: Ветцель выстроил ее в два месяца, и теперь это — «белый каменный домик в пять окон, приличной наружности». «План города еще не утвержден, — озабочен Афанасьев восстановлением Севастополя, — но, говорят, останется старый, с незначительными изменениями, т. е. выровняются линии улиц и уничтожатся некоторые кварталы для устройства подъемов на гору», а сейчас пока «знакомый с прошлым едва разберет что-нибудь среди этих развалин» [1. — Т. 62. — С. 134—136].

При входе в Карантинную бухту путника поразило кладбище затопленных кораблей, обломки мачт которых повсюду выглядывали из воды, — все это придавало «печальный вид». Кто знал Севастополь раньше, не мог не поразиться ему сейчас: «Несчастный край!» Его жители «разбрелись по лицу необъятной России» [Там же. — С. 136]. Рассказывая историю города (в 1783 г. контр-адмирал Макензи, обнаружив в этих местах удобный рейд и глубокие бухты, заложил Севастополь), Афанасьев описывает нынешние картины: жителей на обеих сторонах около восьми тысяч, четыре из них — военные команды разных ведомств; казармы размещены в уцелевших магазинах Корабельной бухты, жители расположились в подвалах и наскоро устроенных среди развалин помещениях. Но севастопольцы позаботились о восстановлении офицерского клуба, библиотеки, театра («моряки любят общественную жизнь»). Восстановление театра имеет свою историю: «Догадливый антрепренер симферопольской русской труппы купил в Камыше у французов это здание, служившее там для той же цели, разобрал, перенес сюда и в скором времени намерен дать первое представление» [Т. 62. — С. 138].

Поднявшись к Маленькому бульвару, автор рассказывает о памятнике моряку-герою Казарскому. Раньше на памятнике существовала надпись «Потомству в пример», но сейчас бронзовые буквы «сняты неприятелем». Сейчас памятник «состоит из пирамиды, увенчанной бронзовым кораблем и украшенной военными атрибутами из бронзы. Он исполнен по рисунку профессора Ал. Брюллова. Кругом его чугунная решетка» [Там же. — С. 137].

Строительство идет полным ходом. Промышленники закупили в Камыше все французские бараки, перевезли их в город, а непроданные бараки французского и английского лагерей раздаются местным жителям. Город кажется совсем пустынным, оживлены только Екатерининская пристань и Морская улица: «Особенно

поразительно отсутствие жизни на горе и в Артиллерийской слободке; в последней одни фундаменты и кучи камней». Улицы поросли высокой травой, «и только писк отвратительных огромных крыс, да крик совы в ночное время нарушают гробовое молчание» [1. — Т. 62. — С. 138]. «Много трудов надо было употребить на то, чтобы на каменистом грунте, покрытом землею всего на пол-аршина, развести какую-нибудь растительность, и вот в один год все исчезло», — заключает Д. Афанасьев при виде выжженных садов и виноградников [Там же. — С. 143].

Морской госпиталь и казармы разрушены до неузнаваемости. Возле Малахова вся земля изрыта, завалы и груды мусора. По дороге к Балаклаве встретилось английское кладбище, где похоронены «члены лучших английских фамилий»: капитан гвардии баронет Лидстон Ньюман, убитый под Севастополем; генерал-лейтенант Каткерт, убитый на Сапун-горе в сражении 24 октября 1854 г.; генерал Страангвейс, «замечательный, как гласит надпись, тем, что он имел русский орден Св. Анны, полученный в лейпцигском сражении из рук Императора Александра I-го» [Там же. — С. 141]. Автор дает описание отдельных памятников.

В ходе «экскурсии» путник побывал в квартирах главнокомандующих: английских генералов Раглана, Симпсона и Кодрингтона, французского генерала Пелисье (в тексте описание этих квартир). Афанасьев посетил большое русское кладбище на Северной стороне, где предполагалось воздвигнуть церковь «как лучший и самый приличный памятник усопшим». Посетил и «последний приют четырех русских адмиралов, имена которых не забудет русская история» [Там же. — С. 145—146]. Напротив заложенного фундамента будущего собора во имя св. Владимира — «довольно простой, незатейливый памятник», на нем надпись: «Здесь погребены: адмирал Лазарев, скончавшийся в лето 1851, и убиенные при защите Севастополя: вице-адмирал Корнилов, контр-адмирал Истомин и адмирал Нахимов» [Там же. — С. 145].

Прошло чуть больше года после окончания обороны, все возвращается на круги своя, по Екатерининской улице разъезжают красивые коляски, а щегольски одетые дамы с собачками разгуливают по бульвару. Остаются лишь «следы лагерей и кладбищ» да светлая память тем, кто погиб, защищая свои стены. Закончить разговор о рассказе хотелось бы словами самого автора: «Люди — всегда и везде люди. Только минула буря, едва настало затишье, — и они опять живут как ни в чем не бывало. Их не пугают развалины, и быстро увеличивающееся население оживляет Севастополь» [Там же. — С. 135—143].

Из «Заграничных известий» этого же тома узнаем, что Англия и Франция делят первенство в Европе. Притом лидирует Франция.

1858 год внес существенные коррективы в тематику журнальных материалов, как публицистических, так и художественных. Высочайшими рескриптами от 2 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г. объявлялось о подготовке отмены крепостного права. Начало 1858 г. ознаменовалось открытием «Военного сборника», в редакцию которого входили: Генерального штаба подполковник В. Аничков, Гвардейского Генерального штаба капитан Н. Обручев и Н. Чернышевский. Участие сотрудника «Современника» в новом официальном издании окрыляло редакцию. Статьи Чернышевского в «Современнике» стали звучать уверенней, чаще.

В феврале 1858 г. (67-й том) предчувствие и необходимость военной реформы ощущаем в статье «Современника» «Слово о Барклас-де-Толли» П. Глебова [1. — Т. 67. — С. 129—156], где, помимо обзора военных заслуг генерала, подсудно проводится мысль, что военные продвижения по службе русской ар-

мии подчас зависят от влиятельных «бабушек и тетушек», «чье влияние... на дела мира сего» (намекает «Современник» на неудачи прошедшей войны) известны [1. — Т. 67. — С. 156]. В продолжение военной темы в номере помещен ироничный рассказ «Чудо “Морского сборника”» Ивана Путинки [Там же. — С. 199—222], где схематично, но достаточно верно набрасывается ситуация, когда жестокий майор Нурка, сам, впрочем, из бедного семейства, добрый по душе, но морально изуродованный армией, прочитав однажды по 30-летию своей службы «Морской сборник», резко переменил отношение к простым солдатам, превратился в просвещенного военачальника. Попутно даются картины муштры, жестокого обращения с рекрутами, мордобоя, телесных наказаний. Pamфлетная ситуация направлена на изображение действительного положения дел в армии.

Наибольшее число материалов в журнале — о крепостном праве: «О новых условиях сельского быта» [Там же. — С. 393—441] (К. Д. Кавелин и Н. Г. Чернышевский [5]), «Заметка для истории крепостного права в России» (по поводу статьи Евгения Карновича, помещенной в № 23 1858 г. газеты «Le Nord» [Там же. — С. 442—456]), «Очерки народного быта». Рассказ «Поросенок» Н. Успенского [Там же. — С. 157—198]. Статья вторая — «О новых условиях сельского быта» — вышла в апрельском номере «Современника» за 1858 г. [1. — Т. 68. — С. 493—530], а заканчивается апрельский номер объявлением, что, ввиду подготовки отмены крепостного права, «Современник» регулярно будет печатать статьи под общим заглавием «Отменение крепостного права» [Там же. — С. 192].

Эти события отодвинули недавнюю войну на второй план, но исторический анализ прошедшего был впереди, и поэтому «Современник» горячо приветствовал (в «Заметках Нового Поэта») выход сборника «Записки об осаде Севастополя» Н. Берга: «Гг. Солдатенков и Щепкин издали «Записки об осаде Севастополя» Н. Берга с двумя планами и тетрадью литографированных рисунков, — писал Новый Поэт. — Записки эти, отрывки из которых печатались в «Современнике и в других журналах, заключают в себе много любопытного» [Там же. — С. 207].

С 1858 г. упоминания о войне или события войны как *исторический факт* вписываются в судьбу того или иного героя художественных произведений в *обобщающем* смысле. Упоминания о войне указывают на время, на обстоятельства происходящих событий. Теперь обращения к военной теме все более отрывочны и, в отличие от 1855—1856 гг., ориентированы не на поэтику очевидца, а на изображение каких-либо *типических* обстоятельств. Приходит этап художественного обобщения, что просматривается поначалу фрагментарно. Так, в «Заметках Нового Поэта» [Там же. — С. 63—94], традиционно включающих в себя, помимо хроникальных материалов, небольшие художественные сюжеты, появляется рассказ молодого офицера из провинциальной дворянской семьи, который, не имея средств к существованию, пошел на войну, был там «слегка ранен» [Там же. — С. 76], но, возвратившись, не мог найти службу, обивая пороги учреждений и высокопоставленных лиц. Возможно, эпизод включен Панасвым в «Заметку», чтобы напомнить среди всеобщего пафоса ожидания реформ об участниках Крымской войны.

Вдохновляло литераторов в 1858 г. вышедшее «Высочайшее дозволение» на новые периодические издания, высочайшее разрешение испрашивалось теперь только на политические издания [Там же. — С. 99]. Это приносило надежду на подлинную гласность. В обществе продолжается осмысление причин Крымской войны. И в «Современном обозрении» под критику журнала попадает статья

И. Т. Кокорев «Путь Севастопольцев», напечатанная в первом номере «Русской беседы» за 1858 г., в которой Кокорев дает философско-религиозное объяснение русской истории и Крымской войне. В частности, «севастопольский гром», иронизирует Н. Добролюбов над автором, Кокорев объясняет гневом Божиим за утрату христианского «самозабвения и общелюбия», а не последствием «дипломатических недоразумений». «Нет, г. Кокорев, — возражает ему Добролюбов, — тот, кто, по словам Спасителя, велит солнцу одинаково восходить над злыми и добрыми, и кто посылает дождь на праведных и неправедных, тот не явит своего гнева» [1. — Т. 68. — С. 128]. Эту же мысль Н. А. Добролюбов [5. — С. 336] продолжает в сравнительном анализе «Записок об осаде Севастополя» Н. Берга и «Севастопольских воспоминаний артиллерийского офицера» Е. Р. Ш-ова (А. И. Ершова. [5]) [Там же. — С. 172–179]. По убеждению Добролюбова, теперь, после войны, читатель нуждается не просто в «рассказе очевидца», но в исторических комментариях, уточнениях и выводах. Недостаток публикации Ершова в том, что он описывает лишь те события, которым был свидетелем, не приводя дополнительных исторических деталей — а их «так легко было собрать на месте». К примеру, из очерка Ершова читатель не вынесет убеждения, кто виноват в провале сражения на Черной речке 4 августа 1855 г. Зато к определенным выводам подводит Н. В. Берг, подробно рассказывающий об этой битве и прилагающий план сражения. После войны, подмечает Добролюбов, изменились интонации при изображении противника, в частности, французов. Солдаты раньше других почувствовали, что смертельно противостоят друг другу по чьим-то «дипломатическим переговорам» и «политическим соображениям» [Там же. — С. 172–175]. Братания на войне, о которой пишут и Ершов, и Берг, есть проявление христианской гуманности, которая замечалась многими, как с русской, так и с французской стороны. Таким образом, Добролюбов намечает перспективы развития литературы о Крымской войне: в документально-историческом ее изображении и философско-гуманистическом осмыслении. В частности, одним из важных политических итогов войны Добролюбов считает всеобщее осознание отсталости России: «Она (война. — Д. П.) вообще расшевелила наш величавый покой и заставила взглянуть повнимательнее на ту систему жизни, которой до этого мы следовали» [Там же. — С. 178].

Политическое осмысление войны и ее итогов просматривается и в статье, подписанной в оглавлении***, «Дунайские княжества. Молдавия и Валахия» [Там же. — С. 557–612], которые в период Восточной войны были театром военных действий и «доселе (до 1858 г. — Д. П.) составляют предмет забот европейских кабинетов» [Там же. — С. 557].

Художественное произведение, в сравнение с публицистикой, располагает дополнительными возможностями для философско-исторического обобщения. Скажем, в повести Е. Я. Колбасина «Девичья кожа» [Там же. — С. 613–664] главный герой Аркадий Малевич, сын провинциального аптекаря, поселившись в Петербурге, во время войны быстро разбогател благодаря умению найти «полезных людей», не брезговал и подлогом. О войне он не думает; более того, рад, что пароходство, где он служит, «оживляется», потому что публика ездит в Кронштадт наблюдать флот союзников. «У вас все о рекрутах да об ополчении толкуют, — пишет герою родителям, — а здесь все заботы на одно правительство возлагают и только, в ожидании парохода, иногда о войне рассуждают» [1. — Т. 68. — С. 634]. И далее: «Я заказал себе серое патриотическое пальто, потому что все такие носят. Оно краси-

во. По множеству же хлопот, о военных событиях ничего не знаю. Война, говорят, продолжается» [1. — Т. 68. — С. 636]. Его лишь беспокоит, что, как говорят, из-за войны на всех мастеров и мелких чиновников «оклад наложут» [Там же. — С. 640].

Характерно, что события войны организуют хронологию действия в повести. Дело в том, что в письмах Малевича к родителям обозначены лишь число и месяц — без указания года. По месяцам можно просчитать, что действие разворачивается на протяжении 11 лет, притом война началась на четвертом году пребывания Малевича в Петербурге (приближение союзнической эскадры к Кронштадту в 1854 г.). Но если так, то действие в повести заканчивается в... 1861 г. Повесть же публикуется в 1958 г. Иными словами, Е. Колбасин использовал «опережающую» хронологию и таким образом «заглянул» в будущее — время циничной капиталистической наживы. Учитывая, что Е. Колбасин — сотрудник «Современника», близкий к тому же к И. С. Тургеневу, легко предположить, что автор отразил в повести историческую перспективу России, как ее представляли в близких «Современнику» литературных кругах. Более того, детали повести повторяют основные мотивы публикаций «Современника» военных лет: то же указание на равнодушие публики к войне, Кронштадт — место экскурсий, в моде — пальто военного кроя и т. п.

В 1858 г. напоминанием о войне служит информационный блок в журнале. Например, объявление о приеме пожертвований на постройку в Херсонесе храма Св. Владимира и Инвалидного дома для увечных и престарелых морских чинов. Попутно сообщается, что соорудить храм на развалинах Херсонеса планировал еще Александр I, посетив Крым в последние годы жизни. По разным причинам дело откладывалось, но в 1858 г. Александр II, «желая осуществить намерение Александра Благословенного <...> соизволил утвердить проект храма» [Там же. — С. 142]. Или такая информация в «Современном обозрении» за июнь 1858 г.: о топографических съемках России и составлении карты «театра минувшей войны, как в Европейской Турции, так и в Азии», а также нескольких карт Крымского полуострова [1. — Т. 69. — С. 238—239].

Широкой публике о Крымской войне мог напомнить концерт инвалидов, «удостоенный посещения Государя Императора и Августейшей фамилии», прошедший в Петербурге в марте, в канун Светлого праздника («Заметки Нового Поэта», с. 216), а также апрельская выставка картин в Петербурге, где первая золотая медаль была присуждена г. Филиппову за его произведение «Большая дорога между Симферополем и Севастополем в 1855 году». На картине изображены солдаты, татары и татарки, доктора, делающие перевязки, сестры милосердия, наклоненные к раненым; здесь и телеги, и верблюды, и лошади, и жеребята... «Несмотря на все это, картина не поражает нас пестротой, потому что она мастерски скомпонована. Все эти люди и лошади как будто движутся, воздух прозрачен, дальние планы превосходны», — резюмирует «Современник» [Там же. — С. 87—88].

В июльском «Современном обозрении» (70-й том) анализируются статьи недавно созданного «Военного сборника», притом проблематика многих связана с Крымской кампанией. Так, во «Взгляде на состояние русских войск в минувшую войну» автор г.***А берется судить о причинах поражения русских войск в минувшей войне. Слабая сторона нашей армии состоит, по мнению его (и редакции «Современника»), «в неточном понимании настоящего долга службы и в равнодушии к образованию» [1. — Т. 70. — С. 138—139]. Следующая анализируемая статья «Взгляд на образование офицеров» (подп. Л. К.) лишь подтверждает

мысль г. ***А. Приводится статистика по одной дивизии: «из числа 481 офицеров только 5 кончивших курс в учебных заведениях» [1. — Т. 70. — С. 140].

Но не только недостаток вооружения, средств, неудовлетворительный устав способствовали проигрышу в войне, — указывает «Современник». Дело в нравственном состоянии войска и общества в целом. Привлекаются материалы из статьи Н. Обручева в «Военном сборнике» «О вооруженной силе и ее устройстве», где автор приводит красноречивую фразу Шарнгорста: «Когда в войске есть только одна любовь к войне, то оно стоит еще на весьма низкой степени нравственности. Любовь к войне истекает из корыстного политического чувства, затемняющего собой нравственное понятие и долг» [Там же. — С. 142]. Обручев считает, что первым элементом могущества любой страны является народ, а уж потом армия и флот, как «проводники». «Соразмерности вооруженных сил с населением» является залогом успеха: «Отныне сила еще более должна уступить смыслу, искусству; в этом заключается успех не только военного дела, но и всего человечества»¹ [Там же. — С. 174].

В 1858 г. «Современник» работает в условиях необычной гласности и общего возрастания количества журналов и газет в России. По статистике в Петербурге выходит 23 издания газет и ведомостей и 57 журналов. Появилась масса «уличных листков» (выражение Добролюбова в статье «Уличные листки», опубликованной в «Современнике» 1858 г., № 9). Эти издания, вспоминал сотрудник «Современника» Н. В. Шелгунов, были «всевозможных фасонов, размеров и направлений, большие и малые, дешевые и дорогие, серьезные и юмористические, литературные и научные, политические и вовсе не политические» [44. — С. 81].

В 1859 г. в «Современнике» открылся новый отдел — политическое обозрение, и скоро для всех стало известным, что его ведет Н. Чернышевский. Ежемесячно он давал своеобразную, живую и содержательную политическую летопись. Если раньше студенты, да и публика тоже, после беллетристики принималась за статьи Добролюбова, то теперь политические обозрения Чернышевского стали привлекать не меньший интерес, особенно, как свидетельствовал Л. Ф. Пантелеев, в университетах, среди медиков и военной молодежи [30. — С. 525].

Новое политическое обострение в Европе (в апреле 1859 г. началась Австро-итало-французская война) возвращает политиков к крымским урокам. В частности, «Современник» перепечатывает статью из газеты «Humbug» об английском союзе с Францией («О выгодах союза с Францией») [1. — Т. 74. — С. 314]. Франция едва ли не обвинялась во втягивании в войну с Россией. Статья откровенно перечисляла политические причины войны и говорила о неоправданных ее жертвах — то, о чем

¹ Николай Николаевич Обручев был офицером Преображенского полка и в 1857 г. поступил в Академию Генерального штаба, впоследствии стал профессором Академии и преподавал военную статистику. Как свидетельствовал современник А. Н. Супонев, на лекциях Н. Н. Обручев настаивал «на подробном изучении производительных сил государства и экономического быта его населения». В результате «вместо перечня цифровых данных» «получался живой, интересный рассказ, знакомивший с жизнью земледельческих и промышленных классов нашего отечества. <...>» [39. — Кн. 2. — С. 104]. Однако «охранители порядка» видели в этой системе преподавания «чуть ли не ярую пропаганду вредных идей, возбуждение молодых умов на вулканической почве революции» [Там же. — С. 106]. Написавший эти воспоминания в 1897 г. бывший воспитанник Академии москвич А. Н. Супонев не догадывался, насколько близки к истине были «охранители». Н. Н. Обручев входит в организацию «Народная воля». «Образованный, даровитый, благородный и честный человек», Н. Н. Обручев внес большой вклад в разработку стратегии наступления в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

в России нельзя было говорить вслух, но что понимали и сознавали многие. Стоит оценить по достоинству этот шаг «Современника», в подцензурных условиях проводившего антивоенную пропаганду. Приведем фрагмент этой статьи, в которой, по сути дела, рассказана история Крымской войны с точки зрения некоторых англичан:

«В 1853 году Англия не имела никакой разумной причины ссориться с Россией. У нас было много дел в своем быту <...>. Но у нас была одна слабость, и ею искусно воспользовались те, которые нуждались в нашем содействии для своих личных выгод. Нам стали говорить о чрезмерном усилении русского флота, будто бы грозящего сделаться опасным соперником нашему преобладанию на морях. Мы поддались этим внушениям, действовавшим на чувствительную сторону нашего сердца. Мы начали войну, потому что нам обещано было владычество на морях. Но мы хотели вести войну серьезно. Не того хотел наш союзник (Франция. — Д. П.). Он заключил мир в то самое время, когда для достижения результата, обещанного нам от него, нужно было продолжать войну самым энергичным образом. Он говорил, что надобно освободить восток от русского господства; что надобно лишить Россию того места, которое она занимала в европейской политике. Соответствовали условия парижского мира этим обещаниям? Уступки, сделанные Россией, не имели никакой важности. Она сохранила Крым и Севастопольскую гавань, то есть все средства опять иметь господство на Черном море, если только захочет этого. Мы слышим, что покорение кавказских горцев приходит к концу, т. е. Россия становится госпожою над азиатскими провинциями Турции. Она теперь сильнее на востоке, чем была до войны. Таковую ли цель войны указывали обещания нашего бывшего союзника? Балтийский флот России теперь гораздо сильнее, нежели прежде. Франция говорила нам, что должно разрушить Кронштадт, уничтожить Свеаборг, овладеть Петербургом. Хотела ли она этого? — нет, мы знаем теперь, что наш флот был приведен в Балтийское море только для того, чтобы играть кукольную комедию и чтобы его бездействие выставило нас посмешищем для целой Европы. Если бы мы были на Балтийском море одни, мы могли бы сделать что-нибудь, вероятно, могли бы сделать довольно многое; но союзники наши связывали нам руки. Они принудили нас стоять перед Кронштадтом теми соломенными чучелами, над которыми смеются даже дети. Благодаря нашим союзникам, действия наши против Свеаборга ограничились фейерверком. Нам позволено было только навлечь на себя ненависть и презрение ничтожными высадками в каких-то финляндских деревнях и отнятием нескольких чухонских лодок. <...> Еще хуже было в Крыму. Всю честь осады Севастополя присвоили себе французы и смеялись над нашей храброй армией, которой предоставлена была труднейшая и обширнейшая часть осадных работ. <...> Полтора года, благодаря нашей доверчивости, война велась так, что Англию, которая принесла пожертвований не меньше Франции, выставляли на позор Европе наши союзники как державу бессильную, не имеющую ни армии, ни даже порядочного флота. <...> На деле оказалось, что союзники думают не о достижении серьезных результатов, а только о хвастовстве, и, пользуясь нашей доверчивостью, нашими богатыми средствами, присваивают всю честь подвигов себе, хотя без нас не могли бы ровно ничего сделать, систематически отнимая у нас все случаи выгодного употребления наших сил, располагая и собственные действия так, чтобы вся война была пустым хвастовством. Поняв это, мы приготовились к весне 1856 года выставить армию и флоты, которые могли бы дей-

ствовать независимо от обманчивых планов наших союзников; мы хотели смыть с себя пятно бессилия, наложенное на нас союзниками; хотели показать, что если в первые полтора года войны Англия не могла ничего сделать, так это потому, что она была обманута союзниками, воевавшими только из хвастовства и для хвастовства и не допускавшими до действия нас, хотевших действовать серьезно. Союзник заметил это и поспешил заключить мир, своевременный для него, потому что его тщеславие было уже удовлетворено войною, [но] слишком преждевременный для нас, полагавших для войны серьезную цель.

Какую же пользу принесло нам то, что мы поверили обещаниям, дававшимся перед войною? Без нашей помощи Франция не могла бы начать войны <...>. Но война имела только одну цель — отвлечь внимание французов от внутренних дел, польстить их тщеславию военными лаврами, похвалиться перед Европою, что Франция стала могущественнейшею военною державою. Цель эта была достигнута, чего же больше? <...> Мы истратили 150 миллионов фунтов, мы пренебрегли нашими домашними полезными делами, мы обременили наши финансы новым долгом, мы пожертвовали десятками тысяч лучших детей нашей родины, — и потом оказалось, что все это было нужно только для того, чтобы отвлечь внимание французов от внутренних дел, польстить их военному тщеславию и унижить нас самих» [1. — Т. 74. — № 4. — С. 314—316].

Последовательная антивоенная тенденция «Современника» выражалась в том, что журнал категорически не принимал никакой патетики в изображении войны. Характерна в этом смысле появившаяся в 74-м томе (№ 4) статья Н. А. Добролюбова о книге Андрея Николаевича Муравьева (1806—1874) «Впечатления Украины и Севастополя», напечатанной в Петербурге в типографии III отделения собственной Е. И. В. канцелярии в 1859 г. В обществе статья «Современника» против «святоши» Муравьева была воспринята с одобрением, но А. Н. Муравьев жаловался в министерство просвещения на журнал, впрочем, без последствий [28. — Т. 2. — С. 84—85]. Впечатление о статье Добролюбова тем сильнее, что критик начинает с воспоминаний о прежней своей, детской и юношеской, увлеченности «красноречием и глубиной мысли» Муравьева, автора «Путешествия по Святым местам». Во «Впечатлениях...» же Добролюбов не нашел «истинного чувства любви, гуманности, теплоты душевной», ничего, кроме «потока красноречия» и «эмблематических мечтаний»: «Даже посещение Севастополя как-то дико, нечеловечески действует на красноречивого автора. <...> Патриотизм не должен заслонять человеческие чувства, а Муравьев, между тем, со «злою радостью» восклицает о неприятеле: «Устлали же они своими костями землю русскую, и не даром». Для Муравьева война — громкое дело подвигов, для Добролюбова она «бесчеловечна в своей сущности». Муравьев, будто ребенок, забывает, что война — это жертвы, что «война и вражда суть понятия более однородные, чем любовь и война...»

Приверженец «*symbola et emblemmata*», Муравьев впадает в «грандиозность», не видя сути. Рассуждает, например, о бомбардировке Севастополя: «Не было ли это одним из предшествующих зрелищ последнего дня нашего мира, обреченного на сожжение со всеми его стихиями!» «Меланхолический символ», найденный Добролюбовым у Муравьева: «Лавры и кипарисы! Ах, не есть ли это выражение нынешнего грустного впечатления Крыма после страшного побоища севастопольского! Много там было лавров, но еще более кипарисов! Вот почему (вот почему!! — подчеркивает Добролюбов) невольно сжимается сердце на самых отрадных, по

красоте своей, местах южного берега, при одном воспоминании о Севастополе! Все к нему влечет, как бы течением береговым в неизбежную пучину (!? — удивлен Добролюбов) и его родным пеплом, далеко разносимым, мысленно посыпано все поморие, как лавою и пеплом Везувия засыпались окрестные горы (Как хорошо сравнение Севастополя с Везувием! — иронизирует Добролюбов). Не тот это уже (благозвучие — то какое! — не унимается критик) Крым, которым восхищался я за десять лет пред сим (и рифма есть, если хотите — Добролюбов), от края и до края, от Керчи до Севастополя» [1. — Т. 74. — С. 256]. Добролюбов демонстрирует, как отсутствие «здорового смысла» подменяется «символическими страстями» и умозрительностью. Так, автор «Впечатлений...» делает, по оценке Добролюбова, «остроумные соображения» о том, что произошло бы, «если бы французам было позволено быть выбитыми горстью храбрых из Малахова кургана!». «Французы, — рассуждает Муравьев, — захватили курган нечаянно и были бы выбиты опять горстью храбрых, одушевленных геройством Хрулева, если бы только было позволено». «Из этого видно, — не оставляет автора в покое Добролюбов, — что г. Муравьев очень высоко ставит послушание французских войск; но все-таки рассуждения его относятся к области призраков» [Там же. — С. 257].

Но «лучшее соображение» Муравьева — об английских бомбах — Добролюбов цитирует полностью, демонстрируя художественные «достижения» «шамбелян¹-писателя»: «Спутник мне говорил, что много еще валяется начиненных бомб между развалин, и надобно быть с ними очень осторожным, потому что бывали несчастные случаи. В прошлом году двое приезжих англичан вздумали пошутить над такую бомбою и заплатили жизнью за свою неуместную отвагу; бомбу разорвало и их убило на месте (до сих пор — здравый смысл, — замечает Добролюбов). Не есть ли это таинственное возмездие представителям сего неприязненного народа (здесь и далее в цитате подчеркнуто Н. А. Добролюбовым. — Д. П.) за все то зло, которое нанесли их соотечественники городу, уже беззащитному, во время перемирия, искажив самые его останки, пощаженные осадой? Над сими останками пришли еще поглумиться их туристы, и тут же, в самых доках, разоренных англичанами, обрели себе смерть! Мертвая, по-видимому, бомба, и, вероятно, начиненная английским порохом, два года спустя после всех сих ужасных событий, таила в себе еще достаточно силы, чтобы поразить англичанина (именно англичанина? — спрашивает Добролюбов). Право, нельзя всегда приписывать случаю такие случайности» [Там же. — С. 257].

«Из сделанных нами выписок, — заключает Добролюбов, — читатели могли видеть, в какой степени понятия и стремления г. Муравьева могут соответствовать современным требованиям образованных людей». Такого рода «произведения» принадлежат «серобумажной» или «лубочной» литературе и «назначены» для определенного «сорта публики» [Там же. — С. 258].

Антивоенная пропаганда становится совершенно откровенной в «Петербургской жизни» (1859, № 5). Новый Поэт (И. И. Панаев) с этого и начинает: «В сию минуту почти ни о чем больше не толкуют в Петербурге, как о войне <...>. Снова льется человеческая кровь (имеется в виду Австро-итало-французская война. — Д. П.), несмотря на то, что все единогласно сознали великое зло и страшные бедствия, проистекающие от войны. Убивать и резать людей и в то же время проповедовать гуманность и различные прогрессивные принципы — какое противо-

¹ Камергер.

речие». Парадокс современности Панаев видит в том, что если «в веках варварства» резали и убивали из-за клочка земли, но не оправдывались блестящими фразами, а даже гордились кровопролитием, то теперь, в «гуманный век» «дерутся бескорыстно, вследствие симпатий, которые обнаруживают к угнетенным народам»: «Теперь все льют кровь для водворения мира и, объявляя войну, опираются на правосудие, на человечность, на свои права, на любовь к независимости и тому подобное.

Разве это не прогресс?..

А между тем человеческая кровь льется так же точно, как лилась в варварские века, и от этих громких фраз человечеству не легче» [1. — Т. 75. — № 5. — С. 127—128].

После Крымской войны прошло три года, но «Современник», как видим, не оставляет набoleвшую тему недавно прошедшей кампании. И каждый раз, говоря о внутренней и внешней политике России, не устает проводить параллели с союзными державами. В разделе «Политика» (75-й том) Чернышевский подробно и доходчиво разъясняет экономическое состояние России, заключившей «с английским домом Томсона Бонера и К° заем в 12 миллионов фунт». То есть, несмотря на то что совсем недавно обе державы были в состоянии войны, экономические показатели Англии гораздо выше экономического уровня не только России, но и своих союзников. Это подтверждают и изменения биржевых показателей за три месяца. Чернышевский их приводит: с декабря по март 1859 г. курсы фондов изменились таким образом, что Англия понесла убытки на полпроцента, Франция — на 4,25%, Сардиния потеряла 12%, а Австрия — 20%. В этой ситуации Россия осталась на высоте, не имея вообще никакого убытка. Такая ситуация, по мысли обозревателя, сложилась именно из-за неустойчивости политической обстановки в мире («возникновения слухов об итальянской войне»). Убыток Англии оказался незначительным и «свидетельствует об уверенности английской публики в миролюбивом расположении своего правительства; упадок французских фондов, очень сильный, показывает, каким обременением для государства считает французское общество войну (Франция готова идти против Австрии, дабы увеличить свое влияние в Италии). Еще сильнее поражены сардинские фонды; но особенно страшно упали австрийские: капиталисты знают, что Сардиния в случае войны стала бы вести ее главным образом за счет Франции; Австрия должна была бы доставать деньги на войну сама, и потому ее финансовое положение гораздо более затруднительное, нежели положение Сардинии». Отсюда понятно, воевать России на стороне Италии бессмысленно, а на стороне бывшего противника, по меньшей мере, странно. Россия в случае начала войны может и должна «сохранить нейтралитет, и вот этой-то счастливой возможности она обязана непоколебимым сохранением своего кредита» [1. — Т. 74. — С. 278].

Но на самом деле, пишет Чернышевский, дело вовсе не в кредите и не в деньгах, дело в русском характере. На пороге назревающей в Европе войны Россия оказалась своеобразным «судьей» и инициировала проведение конгресса — «последнего средства предотвратить войну». Можно много раз задавать вопрос, зачем России это нужно? Наверное, проиграв в Крымской кампании, стоило ожидать от России совершенно противоположной позиции по отношению к своему бывшему врагу. Но нет, говорит Чернышевский, война для любого народа — это прежде всего человеческие жертвы, это разбитые семьи, судьбы, это потери для нации. И это боль не только за русский народ, а за человечество вообще, даже если гибнет твой противник. «Но мы были бы рады наказать австрийцев за их поступки

с нами в Крымскую войну, за те притеснения, каким подвергают они славян своего государства... Но благородие выше всего» [1. — Т. 74. — С. 279 — 280].

Совсем иная точка зрения, например, у французского обозревателя. Достаточно привести слова корреспондента из газеты «Independance Belge», который пишет из Петербурга своему редактору 25 марта 1859 г.: «Слухи о войне здесь, как и у вас, по временам замолкают, но с тою разницею, что здесь общественное желание вовсе не таково, как у вас: оно не в пользу мира. Русские согласятся на все <...> лишь бы только получить возможность померяться с австрийцами. От ожидания, от неуверенности, даже от боязни видеть это желание обманутым оно усиливается с каждым днем; это чувство... распространено во всех сословиях» [Там же. — С. 280]. Во всех ли? И распространено ли вообще? Откуда такие сведения у француза? Может быть, это дешевый журналистский прием? Одно верно: никто из редакции «Современника» при любом отношении к проблеме не позволял себе использовать *такие* способы привлечения внимания читателей. Вопрос коллегияльной этики интересует и Чернышевского. В расчете на «своего» читателя «Современник» оппонирует французскому газетчику: «Мы так же принадлежим к одному из сословий русского общества, но вовсе не имеем такого желанья; мы встречаемся с людьми из других сословий и ни в ком не замечаем такого желанья. Кто желает войны, в самом деле, вопрос? Желают ли крестьяне или мещане, чтобы явилась надобность в усиленных рекрутских наборах, или желают купцы, чтобы расстроилась торговля <...> или желают помещики, чтобы блокированы были наши порты <...>. Ни в одном из этих сословий мы не замечали таких удивительных желаний» [Там же. — С. 280].

Внимание публики приковано к событиям, происходящим в Европе, в Италии, и «Современник» активно размещает на страницах журнала статьи, прямо или косвенно касающиеся итальянского конфликта: «Италия (из «путевых картин» Гейне)» в переводе М. Л. Михайлова [1. — Т. 77. — № 9], «Очерк итальянской истории со времен первой французской революции» П. Бибикова [1. — Т. 78. — № 11, 1 2]. Из зарубежных авторов редакторат вновь выбирает уже полюбившегося У. М. Теккеря, на этот раз роман «Виргинцы» [1. — Т. 77–78. — № 9, 11]. Раздел «Политика» во всех номерах «Современника» 1859 г. сейчас полностью посвящен борьбе Италии за независимость и политическим интересам Франции и Сардинии, с одной стороны, и Австрии и Германии — с другой.

Некрасовский и панаевский «Современник» завоевывает читателя уже тринадцатый год. Издание популярно, распродается до единого экземпляра. В 1859 г. И. Панаев и Н. Некрасов, пожалуй, впервые, гласно подводят итог прожитого печатного года: «Успех «Современника» в 1859 году, превзошедший ожидания редакции, утвердил ее убеждения в своевременности, популярности и действительной пользе того направления, которое всегда было ей дорого и которое в последнее время, при расширении программы журнала, она могла выяснять яснее, чем прежде» [1. — Т. 77. — № 9. — С. 2]. Планы на следующий год уже сформированы. Больше внимания будет уделяться хронике общественной жизни, русской и европейской. Отсутствие в последнее время этой рубрики редакторы объясняют разрозненностью общих взглядов на критику и политику, что «вызывало затруднения в приложении их к обсуждению частных вопросов, возникавших в русской и иностранной общественной деятельности» [Там же. — № 9. — С. 4–5]. Крестьянский вопрос снова становится ведущей темой журнала, хотя в последние месяцы «Современник» явно сократил количество публикаций на эту тему, объясняя недостатком новых данных.

С середины 1859 г. вышли тем не менее статьи В. Безобразова «Поземельный кредит и его современная организация в Европе» и Н. Чернышевского «Устройство быта помещичьих крестьян (материалы для решения крестьянского вопроса)».

С нового 1860 г. содержательный массив «Современника» таков: на первом месте повести, статьи, стихотворения; второе место уделено крестьянскому вопросу; далее по значимости идет «Современное обозрение», включающее в себя критику новых книг и статей, политическое обозрение, заметки о петербургской жизни и иностранные известия. Но такой план работы предусматривает уже новый год. А пока «Современник» продолжает печатать вновь вышедшие повести: «Жизнь и похождения Трифона Афанасьева» С. Т. Славутинского, «Записки моего отца» П. Аренбашева [1. — Т. 79. — № 9], «Очерки народного быта» Н. Успенского, «Полицмейстер Бубенчиков» М. А. Филиппова [Там же. — № 10], «Задуманная исповедь» Н. Макарова [1. — Т. 78. — № 11], «Две карьеры» А. Н. Плещеева, рассказы «Частный пристав» П. Вифанского, «Простые люди» Н. П. Пр-го [Там же. — № 12].

В 1860 г. «Современник» имел едва ли не самый большой подписной фонд в России. Его выписывали, как указывается в журнальной статистике январского номера, в самых отдаленных губерниях. В Крыму, скажем, на журнал подписалось 95 человек (в Симферополе — 26). Любопытно, что Иркутская губерния, населенная вчетверо менее губернии Казанской, выписывала почти столько же экземпляров, что и Казанская, и это при том, что Казань — университетский город [1. — Т. 79. — № 1. — С. 235]. Такая популярность объясняется тем, что с 1859 г. «Современник» стал не только литературным, но и *политическим* журналом, что особо оговаривалось на титульной странице. Это значит, что значительно изменилась программа всего издания, политические материалы стали обычным явлением. Общее приподнятое настроение отразилось, например, в стихах В. Г. Бенедиктова «Борьба», читанных 10 января 1860 г. на публичном чтении в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам:

<...> Всегда минувшее стояло
За свой негодный старый хлам,
И свежей силы не пускало
К возобновительным делам.
<...>

[Там же. — С. 321]

В. Г. Бенедиктов не принадлежал к радикальным прогрессистам, но искренне верил, что наступает новое время и, пожалуй, искренне был уверен, что правильно отражает общее стремление к «*возобновительным делам*». Это стремление демонстрировало и правительство, слово «гласность» вошло в моду, но вызывало недоверчивое отношение «Современника». Так, в статье «Скрежет зубовой» Н. Щедрин (М. Е. Салтыков-Щедрин) иронизирует над пониманием гласности общей массой публики, воображающей себя поколением реформаторов: «Гласность! — думаю я, — откуда, из каких темных нор вызвала ты всех этих тараканов, которые до сих пор спокойно себе копошились в горшке над куском черного хлеба <...>» [Там же. — С. 401].

Основные настроения России и Европы в 1859–1860 гг. сформулированы очень коротко январским «Современником» в двух строчках обозрения «Русская литература»: «Как у нас в России дело идет об освобождении крестьян, так в Европе —

об освобождении Италии. И тот, и другой вопрос еще не решены окончательно» [Там же. — С. 109]. «Все поглощено крепостным делом, — писал об этом времени сенатор К. Н. Лебедев. — <...> Помещики в таком паническом страхе, что на статью и Чернышевского (в «Современнике»), Чичерина (в «Атенее») и Самарина (в «Сельском благоустройстве») никто и отвечать не решается» [24. — № 4. — С. 370–374].

О прошедшей войне читателям напомнила фамилия Н. И. Пирогова, появившаяся в неожиданном контексте в статье Н. А. Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» [1. — Т. 79. — № 1. — С. 157–182]: речь шла не о *герое войны, великом хирурге* Н. И. Пирогове, а о Н. И. Пирогове как *попечителе Киевского учебного округа*, который, по бескомпромиссному суждению Добролюбова, не нашел в себе решимости бороться с телесными наказаниями в школах и высказался за постепенное искоренение розог из системы школьного воспитания: «Как видите, г. Пирогов чрезвычайно легко и снисходительно смотрит на вопиющие ужасы, представленные ему в сведениях о числе высеченных мальчиков. <...> Дело, видите ли, в том, что г. Пирогов отрекается от всякой инициативы в этом деле (запрещении розог. — Д. П.) не только теперь, но и в будущем, на неопределенные времена <...>» [Там же. — С. 166, 169].

Редакция «Современника» в 1860-м году продолжает тенденцию предыдущего года печатать тексты, касающиеся предстоящих реформ. Особое внимание уделяется статьям и художественным произведениям о крепостном праве. Так, в начале мартовского номера журнала опубликован роман Н. Станицкого (А. Я. Панаевой) «В петербургском полусвете». История такова. Молодую барышню Анюту из разорившейся дворянской семьи после смерти матери забирает на воспитание в Петербург тетка, генеральша Абрютинна. В деревне у девушки остается отец-игрок, промотавший состояние (который, не долго думая, за деньги, отказывается от всех прав на дочь), крепостная кормилица Пелагея Тихоновна, горничная Дуняшка — сестра барышни по отцу (все об этом знают, но умалчивают), да друг детства Дмитрий Карсанов, внук священника, бедный, но образованный молодой человек. В Петербурге, однако, совсем скоро Аня превращается из деревенской барышни в светскую даму, праздное сознание уже не волнуют воспоминания, мысли заняты нарядами, сплетнями, присемами.

История жизни Анюты пресекается рассказами о судьбах других персонажей, и поневоле читатель задумывается над огромной разницей между сословиями. Судьба кормилицы Пелагеи Тихоновны отражает судьбы тысяч крепостных крестьянок, ее взяли кормилицей для Анюты еще молодой, с мужем разлучили, родного ребенка отняли, вскоре он и умер. Разлука с любимой Анютой стала для кормилицы настоящим горем: «Когда она увидела, что у нее отнимают и эту радость, которую она сама себе взлелеяла, отнимают барское дитя, на котором сосредоточились все лучшие ее чувства, теперь и только теперь в первый раз горе всей жизни поднялось со дна ее истерзанного сердца, быстро стало приливать к голове, охватило весь рассудок и дошло до степени ропота <...>. Вся полувековая привычка к безответной покорности чужой воле, распоряжавшейся ее радостями и горем, все ее благоговение ко всему барскому не в силах были удержать в ней невольного, горького порыва оглянуться на свою прошедшую жизнь и послать ей тяжелый, отчаянный <...> укор...» [1. — Т. 80. — С. 98].

Нельзя не обратить внимания на еще одну тему романа — судьбы интеллигенции. Образованные, думающие люди честно трудятся, но живут, как Дмит-

рий Карсанов, в неизбывной нужде. Приехав в Петербург с надеждами и большими планами, не имея поддержки, влиятельных связей, он стал сотрудником в одном из журналов, но, «работая день и ночь, едва мог существовать»: «Его квартира была бедна, в дальней части города, и его кошелек вечно пуст, потому что ему еще надо было оплачивать долги, которые он принужден был сделать вскоре по прибытии в Петербург» [1. — Т. 80. — С. 148]. «Я не мог осуществить ни одного из своих задушевных планов, — в бессилии размышляет Карсанов, — я воображал, что буду своим трудом приносить пользу другим, а вышло, что я умножил только число бедняков своею особою» [Там же. — С. 147]. Образ Карсанова, внука священника и молодого журналиста, несомненно, создавался А. Я. Панасовой с оглядкой на прототип (думается, в какой-то мере на Добролюбова).

Совсем иная жизнь у генеральши Абрютинной. После смерти супруга Абрютинна стала любовницей «очень важной особы», семидесятипятилетнего вельможи. «Во имя своей дружбы с этим всеильным лицом» генеральша брала значительные взятки с тех, кто нуждался в его покровительстве; прямо у себя в гостиной занималась продажей контрабандного товара — «под разными человеколюбивыми предложениями» [Там же. — С. 85]. Вдовствующая генеральша пользовалась большим уважением в «средне-светском» обществе, и многие «нравственные матери» целовали ей руки, «а это много значит!» [Там же. — С. 85]. В то же время эти дамы были строги к другим женщинам, одна из них даже не пускала своих детей «в знакомый дом» играть, потому что у тех была бабушка, «имевшая когда-то историю». В молодости она была влюблена в офицера, который был настолько низок, что читал ее письма своим приятельницам, а те пересказывали их своим приятельницам, «так что из этого вышла очень печальная история»: «Нравственные дамы до конца жизни не могли простить ей этого...» [Там же. — С. 85]. Роман «В птербургском полусвете» не укладывается в рамки «светского»: идеи свободы, равенства, перемен становятся лейтмотивом произведения. Приведем отрывок одного из «кричащих» авторских монологов: «Всякий богач своими деньгами не только поработщает людей и людские законы, но даже болезни, не исключая эпидемических. В самом деле, всякая эпидемия <...> редко избирает себе жертву в роскошных домах, тогда как с бедняками она обходится с наглостью и десятками пожирает их. Зато полюбуйтесь, какая долговечность в домах богачей! Там старики и старухи, подобно попугаям, живут чуть не по сто лет и остаются бодрыми и даже румяными. Если и отымутся ноги у какого-нибудь старика, то разве от безмерного употребления старых венгерских вин. Вся их жизнь — один бесконечный праздник с роскошными обедами, танцами, болтовней и волокитством» [Там же. — С. 126].

Тема продолжается в сатире Н. А. Некрасова «Папаша». Престарелый отец, привыкший к легкому беззаботному существованию («Смолоду был он лихим сердцесдом: / Долго ли денег достать? <...> / Мигом пленил пожилую кокетку, / И полилось ему счастье рекой...»), дабы не остаться без средств, обрекает свою дочь Наташу на проституцию. «Герой Санкт-Петербургского модного мира», кроме «дендизма», «закона не знает»:

<...> Молод — так дело женитьбой поправит,
 Стар — так игорный приют заведет,
 Вексель фальшивый составит,
 В легкую службу пойдет <...>

Порок и бесстыдство — в обычаях общества, и сама Наташа не понимает весь ужас и стыд своего положения, «смотрит спокойно», «наивно смеется» и (продолжает Н. А. Некрасов):

Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда? <...>
Кто ее знает! Не дай только Боже
Быть никому в ее коже, —
Звать обнищалога фата отцом!

[1. — Т. 80. — С. 256]

В том же, мартовском, номере, в разделе «Заметки Нового Поэта», И. И. Панаев помещает две повести: «Повесть о чае» и «Повесть о лекаре». Обе отражают царящий в стране бюрократический произвол, когда должности приобретаются благодаря «кумовству», а достаток приумножается путем мошенничества и связей. Герой «Повести о лекаре» через родственников «влиятельных лиц» получает должность в одном из ведомственных учебных заведений. Доктор он никудышный (одного воспитанника «отправил на тот свет», а другого еле вылечил), но остается в должности, а в наказание лишь лишается казенной квартиры и пары лошадей. Воспитанники ездили «лечиться за 70 верст, а лекарь наслаждается жизнью и разъезжает по гостям» [Там же. — С. 205].

«Повесть о чае», по сути, дублирует идею предыдущей повести — показать изнанку чиновничьей деятельности. Уже упомянутому учебному заведению «одно значительное лицо» подарило 200 рублей. Воспитанники просили начальство выписать на эти деньги книги и журналы, но получили взамен по фунту чая. Чай оказался «спитой, с затхлым букетом», а деньги украдены.

Продолжая «Заметки», Новый Поэт выходит на прямой диалог с читателем: «Боже мой! Да кто же из нас не знает, что и в маленьких, и в крупных заведениях иногда начальники злоупотребляют своею властью и экононы выгадывают на съестном, на обмундировке, на освещении, на отоплении, на всем на свете» [Там же. — С. 206]. И далее просит прощения, что не может рассказать о жизни петербургского света, так как давно не был там. «Что за радость, любезный читатель, в мои лета облекаться во фрак, надевать лаковые сапоги и повязывать белый галстук, для того только, чтобы иметь счастье бессмысленно толкаться часа два среди великосветской толпы? Благосклонные улыбки, снисходительное киванье головой и даже рукопожатие сильных мира сего давно утратили для меня всю прелесть» [Там же. — С. 206–207]. Современная литература, сообщает Новый Поэт, представляет «печальную картину разъединения»: «Две партии бледно обрисовываются в петербургской литературе: несколько человек, считающих себя избранными, потому что они хранят чистоту искусства, как некогда гг. Греч и Булгарин хранили чистоту языка. <...> Другая — более многочисленная партия людей убежденных, что искусство должно служить обществу, не усыпляя его одними сладкими звуками, а напротив, пробуждая его к деятельности и самосознанию. Первые называют последних невеждами, ничего не смыслящими в искусстве и посматривают на них с презрением; последние смотрят на первых с ироническим сожалением и называют их людьми отжившими, отсталыми...» [Там же. — С. 208]. Монолог Нового Поэта (Панаева) пронизан пафосом «скоро ли?»: «Скоро ли наступит пора разумного сближения наших литераторов между собою и с людьми, занимающимися наукою? Скоро ли они перестанут ди-

читься друг друга, оставив свои мелкие самолюбия, протянут друг другу руку, чтобы дружно действовать во имя мысли и убеждения?» [1. — Т. 80. — С. 208].

«Внутреннее обозрение» сентябрьского номера журнала продолжает тему реформ, посвящая целую рубрику крестьянскому вопросу и связанным с этим экономическим и политическим переменам. Н. Г. Чернышевский цитирует в этом вопросе «Политико-экономический указатель»¹, газеты «Наше время»² и «Московские ведомости»³, обобщает информацию, приводя в пример различные жизненные ситуации, наталкивающие читателя на осознание необходимости реформ. «Скорого окончания крестьянского вопроса мы ожидаем с тем большим нетерпением, — подытоживает Чернышевский, — что одновременно с ним должны разрешиться и другие важные вопросы о преобразовании разных административных и судебных законоположений» [Там же. — С. 241].

В продолжение разговора о крепостном праве в рубрике «Русская литература» приводится подробный анализ «Рассказов из народного русского быта» Марка Вовчка, подписанный *Н. бов* (Н. Добролюбов. — Д. П.). Критик подтверждает наше наблюдение о том, что на место публицистической конкретики, публицистических намеков очень быстро приходит художественная литература. Годом ранее это утверждение касалось литературы о Крымской войне, но уже в 1860 г. сквозной темой многих произведений становятся грядущие реформы, и самая долгожданная из них — крестьянская. «Теперь дело литературы — преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добивать порожденные им понятия». Марко Вовчок, — пишет критик, — в своих рассказах «является почти первым и весьма искусным борцом на этом поприще» [Там же. — С. 29]. В каждом из рассказов (а их в цикле шесть) главная героиня — крестьянка, чью судьбу так или иначе ломает крепостное право. В первом рассказе «Маша» крепостная девочка изображена борцом за свободу: с детства не подчинялась барыне, не желала отрабатывать барщину и предпочитала рабству смерть. «В личности Маши схвачено и воплощено стремление, общее всей массе русского народа», — торжествует критик. Для Маши нет жизни в крепостных, нет счастья, ее счастье — воля и свободный труд. И когда помещица разрешила крестьянам откупаться на волю, радости Маши не было предела, «словно она из живой воды вышла». «Фантазия! Идиллия! Мечты золотого века!», «где это видано, чтобы в простой мужицкой натуре могло в такой степени развиться сознание своей личности», — закричали после выхода рассказа «практические люди с гуманными взглядами» [Там же. — С. 40]. Добролюбов же самой природой объясняет врожденную тягу к свободе, человек — неотъемлемая часть этой природы: «Крестьянские дети, говоря проше,

¹ «Политико-экономический указатель» — журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге И. В. Вернадским под разными заглавиями: первоначально (с 1857 по 1858 г., № 1—104) выходил под названием «Экономический указатель», позже (1859 г., № 105—156) — «Указатель политико-экономический. Статистический и промышленный журнал», а с 1860 по 1861 г. (№ 157—310) — под вышеуказанным заглавием; выходил сначала еженедельно, с 1861 г. — два раза в неделю. Приложением служил журнал «Экономист» (в 1858 и 1860 гг. по три раза в год, в 1859 г. — 6 раз, в 1861 г. — ежесемьично), вышедший после прекращения «Указателя» самостоятельно.

² Газета «Наше время» (1860—1863) выходила под редакторством русского писателя, критика, журналиста Н. Ф. Павлова, основателя и редактора газеты «Русские ведомости» (1863—1864).

³ «Московские ведомости» (оригинальное название: «Московскія Вѣдомости») — газета в Российской империи, принадлежавшая Московскому университету (формально до 1909 г.). Издавалась в 1756—1917 гг. в Москве.

свободнее воспитываются <...> ребенок ранее делается деятельным членом семьи и участником общих трудовая. <...> И потому остается верен природе» [1. — Т. 80. — С. 40], а значит, по мысли критика, — свободе. В апрельском номере «Современника» публикуется поэма Т. Шевченко «Работница» [Там же. — С. 457–472].

Вопрос о бесправии женщины напрямую ставится в сентябрьской статье М. Михайлова «Женщины. Их воспитание и значение в семье и обществе». Автор приводит все «за» и «против» женской эмансипации, основываясь на опыте других государств, цитируя известных философов, посвятивших роли женщине целые трактаты; детально, шаг за шагом обосновывает необходимость уравнивания прав мужчины и женщины, важным этапом которого в цивилизованном обществе должно стать образование: «Занятия химией нисколько не утомительнее занятий кухонных». «Какая физическая сила могла бы требоваться для занятий хоть бы математикой, химией, историей <...>?» — спрашивает автор и продолжает: «Для того чтобы снять с полки древний фолиант или навести астрономический инструмент, силы нужно гораздо меньше, чем на один круг вальса» [Там же. — С. 482].

В разделе «Русская литература» находим критический обзор «Полного собрания русских летописей», изданного Археографической комиссией (СПб., 1860), «Очерков вопросов практической философии» П. Л. Лаврова (СПб., 1860), стихотворений Ивана Никитина (СПб., 1860), «Отчета Императорской публичной библиотеки за 1859 год» (СПб., 1860); вслед за критиком «Современника» особо выделим новые книги о славянах: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», соч. Владимира Ламанского (СПб., 1859), «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» В. Григоровича (Казань, 1859), издание московских болгар «Братский труд» (М., 1860).

Стали возможны публикации о рабочих объединениях. Так, статья, подписанная «И. К.» (И. А. Конопасевич. — Д. П.). «Рочдельское (Рочделское. — Д. П.) общество взаимного вспомоществования» об организованном в конце 1843 г. английскими ткачами обществе «пособия членам, лишенным возможности трудиться или по причине старости, или болезни», убеждает в социальной действенности подобных мер. Члены рочдельского общества обязались еженедельно вносить «в складчину» определенную сумму. Так был собран капитал, общество открыло лавку, обзавелось вечерней школой и библиотекой. Доход шел на оплату дивидендов вкладчикам и на развитие организации. Таких обществ к 1860 г. в Англии образовалось до 28 550, «вся страна покрыта их сетью и, вероятно, нет ни одной деревни, в которой бы не было общества взаимного вспомоществования» [Там же. — С. 260]. На примере английских рабочих автор призывает своих соотечественников организовать в России подобное «народное учреждение» и напоминает, что в России по образцу англичан хотели составить «общество вспомоществования чиновникам». С этой целью был даже составлен проект, но «пропал даром». И далее автор с сожалением замечает, что «быть может, общество взаимного вспомоществования принялось бы на нашей почве, но при современном направлении нашей нравственности, она едва ли долго удержалось бы, потому что у нас трудно найти честных, бескорыстных, энергичных деятелей, а это самое необходимое условие процветания подобного общества» [Там же. — С. 262].

Еще одна важная, разворачивающаяся «Современником» послевоенная тема — антивоенная тема. «Современник» помещает в переводе Н. Г. Чернышевского «Политическую экономию» английского философа, экономиста Джона Стюарта

Милля (1806–1873), дополненную замечаниями переводчика¹. Поднимается проблема пользы-вреда, принесенных Англии войнами, которые она вела с Францией в конце XVIII — начале XIX века: «Очень многие находят до сих пор, что оне (войны. — Д. П.) были полезны, развили английское земледелие, английскую мануфактурную промышленность и торговлю» [1. — Т. 80. — С. 81]. Речь идет о «выгоде», о количестве благосостояния, которое измеряется цифрами. Но вот какую задачу ставит автор. Он предлагает читателю перенестись в область отвлеченного мышления и предположить, что общество имеет 5000 человек населения, в том числе 1000 взрослых мужчин, трудом которых содержится это общество. 200 из них уходят на войну. Вопрос: «каково экономическое отношение войны к обществу?». Расчет, по Миллю, простой. Если до войны каждому работнику приходилось содержать 5 человек, то во время войны, когда 200 работников отвлечены от труда, каждому трудящемуся приходится содержать 6,25 человек. А вывод, как и следовало ожидать, по-английски скупой и лаконичный: что «положение работников стало тяжелее и что остальные члены общества не могут быть содержимы в прежнем изобилии»: «<...> *Убыточность войны для общества прямо пропорциональна числу людей, идущих на войну* (курсив мой. — Д. П.)» [Там же. — С. 81–83].

Особую остроту восприятию придает то, что после Крымской войны прошло только четыре года, еще свежи в памяти боль и численность потерь, живы участники и очевидцы, обездоленные семьи, потерявшие кормильцев. Несмотря на то что работа Милля относится к 1848 г., совершенно очевидна проводимая «Современником» параллель с крымскими событиями. Замечу, напечатан труд Милля—Чернышевского так, что при желании читатель мог вырезать текст из журнала и переплести в отдельную книгу.

Д. К. Первых

Литература

1. Современник. — СПб., 1853–1860. — Т. 37–80.
2. Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 / ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. — СПб., 1913.
3. Антонович М. А. Воспоминания о Добролюбовс // Звенья. — М.—Л., 1934. — № 3.
4. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. — Кн. 18. — СПб., 1904.
5. Боград В. Журнал «Современник». 1847–1866. Указатель содержания. — М.—Л., 1959.
6. Валуев П. А. Дневник графа Петра Александровича Валуева // Русская старина. — 1891. — Т. 70. — № 4, 5.
7. Васильева Д. К. Крымская (Восточная) война на страницах журнала «Современник». Ст. 1. Годы 1853–1854 // Пилигримы Крыма. Осень-98 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме). — Симферополь, 1999. — С. 26–32.
8. Васильева Д. К., Орехова Л. А. Крымская (Восточная) война на страницах журнала «Современник». Ст. 2. Год 1855 // Пилигримы Крыма. Осень-99. — Симферополь, 2000. — С. 74–99.
9. Васильева Д. К., Орехова Л. А. Крымская (Восточная) война на страницах журнала «Современник». Ст. 3. Год 1856 // Пилигримы Крыма. Осень-2000. — Симферополь, 2001. — С. 7–26.

¹ С. Неведенский, вспоминая об этой эпохе, писал, что Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев разделили в журналистике «науки пополам»: «Один (Чернышевский. — Д. П.) взял на себя обработку новейшей политической истории и политической экономии (в статьях о Милле), другой (Д. И. Писарев. — Д. П.) — область эмпирических знаний» (Неведенский С. Катков и его время. — СПб., 1888. — С. 118).

10. *Васильева Д. К., Орехова Л. А.* Крымская (Восточная) война на страницах журнала «Современник». Ст. 4. Годы 1857—1858 // Пилигримы Крыма. — Симферополь, 2003. — Вып. 3(8). — С. 142—158.
11. *Васильева Д. К., Орехова Л. А.* Война и народ в публикациях журнала «Современник». Годы 1857—1858 // Конференция, посвященная Дням памяти воинов, павших в Крымской войне и при обороне Севастополя в 1854—1855 гг. Материалы. — Симферополь: Таврия-Плюс, 2002. — С. 220—231.
12. *Вигель Ф. Ф.* Записки // Русский архив. — М., 1893. — Кн. 3.
13. *Гавришева Е. Н.* Православные храмы Севастополя — памятники Крымской войны // Крымский архив. — Симферополь, 1999. — №5. — С. 58—61.
14. Государственный архив в Автономной Республике Крым.
15. *Голицарова Л.* Каждый рядовой — Шевченко, каждый офицер — Бирилев // Родина. — М., 1995. — № 3—4. — С. 80—82.
16. *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. — М., 1958.
17. *Дементьев А. Г.* Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. — М.-Л., 1951.
18. *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. — Л., 1934.
19. *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. — Л., 1971.
20. *Ильинский Д. В.* Из воспоминаний и заметок севастопольца // Русский архив. — М., 1893. — Кн. 3. — С. 249—284.
21. История русской журналистики XVIII—XIX веков. — М., 1973.
22. Исторический путеводитель по Севастополю. — СПб., 1907.
23. *Кулешов В. И.* Натуральная школа в русской литературе XIX века. — М., 1982.
24. *Лебедев К. Н.* Из записок сенатора К. Н. Лебедева. Первые месяцы 1856 года // Русский архив. — М., 1893. — Кн. 4. — С. 337—400.
25. *Мельгунов Б. В.* Некрасов и военные корреспонденты «Современника» // Русская литература. — 1989. — № 1. — С. 166—172.
26. «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма: сб. статей. — М., 1997.
27. *Наумова Н.* Николай Гаврилович Чернышевский. — Л., 1974.
28. *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. — ГИХЛ, 1955.
29. *Павлова К. К.* Разговор в Кремле // *Павлова Каролина.* Полное собрание стихотворений. — М.-Л., 1964. — С. 158.
30. *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. — ГИХЛ, 1958.
31. Поэты 1840 — 1850-х годов. — Л., 1972. — С. 426—446.
32. *Пруцков Н. И.* Литературно-общественное движение 60—70-х годов // История русской литературы: в 4 т. — Л., 1982. — Т. 3. — С. 7—48.
33. Русская эпиграмма (XVIII — начала XX века). — Л., 1989.
34. Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. — М., 1982.
35. Русские писатели. Биобиблиографический словарь. — М., 1990. — Т. 1—2.
36. Севастопольское братское кладбище. — Севастополь, 1902. — Б/п.
37. *Сикорский Н. М.* «Современник» — журнал революционной демократии 60-х годов. — М., 1962.
38. *Смирнова А. О.* Из писем Александры Осиповны Смирновой (ур. Россет) // Русский архив. — 1897. — Т. 3. — № 9.
39. *Супонев А. Н.* После Крымской войны. Из моих воспоминаний // Русский архив. — 1997. — Кн. 2.
40. *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
41. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 12 т. — М., 1987. — Т. 1, 2.
42. Тургенев и круг «Современника» (неизданные материалы). 1847—1861 гг. — М.-Л., 1930. — С. 249—250.
43. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848—1896). — М., 1991.
44. *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. — ГИЗ, 1923.

Севастопольская оборона глазами защитников

(военные корреспонденции

А. Столыпина, Н. Сокальского, Н. Берга)

Рассказы «с войны» пользовались особым доверием и уважением читателя. Их было немного. Не могло быть много. А препоны цензуры затягивали и без того нелегкий путь текста от автора к читателю. Практически каждый из рассказов очевидцев войны, опубликованный в «Современнике», имеет сложную историю, достойную особого взгляда и анализа исследователя. Сегодня мы предлагаем познакомиться с четырьмя произведениями разных авторов, и значит, очень разными по историческому материалу, настроению, творческому подходу. Эти тексты уже вошли в сокровищницу русской литературы наряду с «Севастопольскими рассказами» Л. Н. Толстого, но сейчас превратились в библиографическую редкость. Об авторах этих рассказов — Н. П. Сокальском, Н. В. Берге и А. Д. Столыпине — некоторые, наверное, слышат впервые. Между тем для своего времени это были люди весьма известные.

Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821–1899) служил во время Крымской войны адъютантом начальника артиллерии, участвовал во многих боевых операциях, за оборону Севастополя получил золотое оружие. Среди его ближайших друзей в Крыму были Л. Толстой, Н. Ростовцев. Л. Толстой и его друзья согласились написать для «Современника» очерки, но обстановка не позволяла довести дело до конца. И все же А. Столыпин подготовил очерк «Ночная вылазка в Севастополе», для верности дал на прочтение генералу Хрулеву, который действительно внес некоторую правку левой рукой, так как в правую был ранен. Толстой, посылая 30 апреля 1855 г. рассказ Столыпина Некрасову, просил сохранить эту правку. Просил также извинить и поправить «дикую орфографию» рукописи и поместить ее в журнале по возможности без цензурных вырезок. Рассказ, предназначенный редакцией «Современника» для июньского номера, был задержан председателем Цензурного комитета М. Н. Мусиным-Пушкиным как содержащий недозволенные описания военных операций и был одобрен только для следующего номера журнала. Этот рассказ, посвященный А. Столыпину А. И. К-ой, мы приводим полностью, памятуя о словах Л. Н. Толстого,

что «статей таких военных или очень мало, или вовсе не печатается у нас, и к несчастью»¹.

Вылазка (11/23 марта 1855 г.), описанная А. Д. Столыпиным, была самой крупной за всю оборону, ее описывает и Ш. Боше, и наш читатель имеет возможность сравнить эти описания. Командующий юго-восточным участком обороны Севастополя генерал С. А. Хрулев удостоен за нее ордена Св. Георгия III степени, 46 нижних чинов награждены знаками отличия Военного ордена Св. Георгия.

Другой автор, с произведениями которого мы сегодня знакомим читателя, — Николай Петрович Сокальский (1831–1871) — был сотрудником газеты «Одесский вестник» и по долгу журналиста собирал и записывал в одесских госпиталях рассказы раненых солдат. Но цикл солдатских рассказов вышел не в одесском издании, а в «Современнике». Произошло это случайно. Тетрадь с солдатскими мемуарами Николай Петрович прислал в Петербург своему брату Петру Петровичу Сокальскому (впоследствии композитору и исследователю русской и украинской народной песни) для проведения через цензурный комитет. После сборник следовало переправить в Одессу местному издателю, с которым составитель заключил договор. Но П. П. Сокальский отнес рукопись Н. А. Некрасову. Эту историю документально восстановил Б. В. Мельгунов. После встречи с П. П. Сокальским, 17 сентября 1855 г., Некрасов написал И. С. Тургеневу: «На днях приходит ко мне незнакомый юноша — из Одессы — с тетрадкой солдатских рассказов, которые он записал со слов солдат раненых, беспрестанно привозимых в Одессу. В числе этих рассказов один оказался удивительный. <...> Солдат (Таторский по фамилии) <...> должно быть, человек с большим талантом — наблюдательность, юмор, меткость — и бездна русского. Я в восторге»². Уже в ближайшем номере «Современника» появился рассказ «Восемь месяцев в плену у французов» Павла Таторского, рядового Московского полка, взятого в плен при Альминском сражении. Рассказ записан «со слов» героя (основной журналистский прием Сокальского), литературно обработан, но особенности речи рассказчика сохранены: «лезгуавы» (зуавы), «пельсин» (апельсин), «праход» (пароход),

¹ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. — М., 1978. — Т. 1. — С. 71. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. А. Д. Столыпин состоял в распоряжении главнокомандующего Дунайской армией, затем — генерал-губернатор Румынии и Андрианопольского санджака. Занимался литературой, скульптурой, музыкой. Автор «Истории России для народного и солдатского чтения», ряда статей и воспоминаний (подписывался «Ст...»). На академической выставке в 1869 г. выставил две скульптурные работы. Вторым браком был женат на дочери главнокомандующего М. Д. Горчакова Н. М. Горчаковой, их сын П. А. Столыпин (1864–1911) — премьер-министр в 1906–1911 гг. А. Д. Столыпин и Л. Н. Толстой в годы Крымской войны планировали вместе издавать «Солдатский вестник», авансируя для этого личные деньги. После войны оставались друзьями, были на «ты», А. Столыпин посещал Толстого в Ясной Поляне. Впоследствии, когда сын А. Д. Столыпина, П. Столыпин, стал председателем Совета Министров России, Толстой неоднократно писал к нему, обращаясь как к сыну своего друга (Бок М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. — М., 1992. — С. 48–49).

² Мельгунов Б. В. Некрасов и военные корреспонденты «Современника» // Русская литература. — 1989. — № 1. — С. 169–170.

«кампол» (купол), «прохлад ходить» (ходить свободно), «Наполион», «Одеста» и т. д. В предисловии к рассказу Некрасов обещал читателю регулярную публикацию в «Современнике» подобных материалов. Узнав, что мемуары печатает «Современник», Н. Сокальский отправил в редакцию письмо, прося остановить публикацию и вернуть тетрадь — взамен на другую, с 19-ю новыми рассказами. Но Некрасов публикует в «Современнике» очередную серию рассказов из первой тетради, которые касались не только обороны Севастополя, но и военных действий в Валахии («Валафии») («Дело под Журжею, 25-го июня 1854 г.»), Евпатории («Занятие Евпатории союзными войсками»), частных случаев из солдатской жизни («Русский солдат и зуав», «Два ополчанина», «Госпиталь в Константинополе», «Содержание русских в плену»).

Итак, в «Современнике» были напечатаны все рассказы из первой тетради Сокальского, а из второй — рассказ «Секрет» пластуна Самсона Полянского. Это бывалый солдат из рекрутов (11-й год службы), уроженец Полтавской губернии. Под Севастополем он участвовал в разных сражениях, был взят в плен, когда его «секрет» попал в засаду. В плену ему предлагают перейти во французскую армию, где служба 7 лет и солдаты носят такую же одежду, как и офицеры, но он, не размышляя, отказывается.

Рассказ матроса Галищенко «Жизнь на севастопольской батарее» практически не поддается пересказу — так сильна здесь стихия народной речи героя, так старательно выдержаны Сокальским особенности малороссийского сказа. Матрос Галищенко передает не только детали быта, особенности военного времени, но и солдатское отношение к войне. Рассказ Галищенко и рассказ «Два случая из Севастопольской жизни» мы помещаем полностью.

После Крымской войны, до 1859 г., Н. П. Сокальский работал корреспондентом газеты «Одесский вестник» и еще 11 лет был ее редактором. Солдатские рассказы Сокальского уже в начале 1856 г. были изданы отдельным сборником¹, переизданы во время Русско-японской войны в 1904 г.², но более не переиздавались³.

Если манеру письма А. Д. Столыпина можно обозначить словами «пишу о том, что делал», а манеру Н. П. Сокальского — «пишу, что услышал», то манеру третьего автора — участника Крымской кампании, штабного офицера Н. В. Берга — я бы сформулировала: «пишу о том, что видел».

В начале Восточной войны Н. В. Берг (1823–1884) служил на Дунае переводчиком в штабе Южной армии. Перебравшись в осажденный Севастополь, пробыл там до сдачи города, посылал в «Москвитя-

¹ Сокальский Н. П. Современные рассказы из военной жизни русских солдат. — СПб., 1856.

² Сокальский Н. П. Рассказы из военной жизни русских солдат. — 2-е изд. — СПб., 1904.

³ Сокальский вел переговоры об издании своих рассказов с редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским. Сохранилось два письма Сокальского, где он предлагал опубликовать две новые повести, и просил за них «по 60 рублей или, во всяком случае, не менее 50 рублей с листа» (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. — Ф. 391 [Краевский А. А.], ед. хр. 715).

нин»¹ корреспонденции, составившие затем книгу «Записки об осаде Севастополя» (М., 1858), опубликовал в «Современнике» очерк «Из Крымских заметок» (1856). Николай Васильевич Берг был очень разносторонним человеком, он известен как автор «Записок о польских заговорах и восстаниях 1831–1862» (1873), переводчик «Песен разных народов» (с 28 языков, 1854)² и художник натуральных рисунков — «Севастопольский альбом» (М., 1858)³.

Во время войны Берг вел широкую переписку из осажденного города с историком, публицистом, профессором Московского университета, академиком Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875), издателем «Москвитянина», а также историком литературы, поэтом, академиком Петербургской Академии наук Степаном Петровичем Шевыревым (1806–1864). Сегодня хотелось бы подробнее остановиться именно на этих письмах, опубликованных в «Москвитянине» и заключивших в себе эксклюзивный исторический материал.

Николая Васильевича Берга можно считать едва ли не первым в России военным корреспондентом. Специальность военного корреспондента была освоена русской журналистикой лишь в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда, например, издатель газеты «Новое время» А. С. Суворин сумел обеспечить телеграфную связь своим корреспондентам. В период же Крымской кампании наша журналистика подобного опыта еще не имела не только по техническим условиям, но и по условиям жесткой военной цензуры. Поэтому предпринятая Бергом инициатива — давать регулярные корреспонденции в «Москвитянин» в форме частных писем к редактору М. П. Погодину и своему другу историку С. П. Шевыреву — оказа-

¹ «Москвитянин» (1841–1856) — московский славянофильский журнал.

² Н. А. Некрасов высоко оценил «Песни разных народов» Н. В. Берга. 9(21) октября 1854 г. он написал И. С. Тургеневу: «<...> Книга его (Н. В. Берга. — Д. П.) доставила мне на целый день (в дороге) интересное чтение, и я ему благодарен. Этого мало: я стою на том, что книга хороша и может занять даже и не в дороге. <...> Кроме дельности, книга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии...» (Переписка Н. А. Некрасова. — М., 1987. — Т. 1. — С. 411). И. С. Тургенев хоть и не разделил восторгов Некрасова, но также признал, что книга «Песни разных народов» имеет мысль «хорошую и дельную» (там же, с. 416).

³ Альбом состоит из 37-ми рисунков, например: «Батарея № 22», «Четвертый бастион с неприятельской стороны», «Внутренность одной батареи 3-го бастиона», «Французская церковь в Камыше», «Английский лагерь», «Домик главнокомандующего князя Меншикова на Северной стороне Севастополя», «Подземная комната капитана Мельникова на 4-м бастионе» и др. Каждый рисунок сопровождался подробным комментарием на русском и французском языках. Приведем один из них, касающийся зарисовки легендарного моста с Южной стороны Севастополя на Северную: «Он (мост. — Д. П.) был проведен от Николаевской батареи к Михайловской. На первом плане справа видна часть последней. — Это был один из замечательных плотовых мостов, какие когда-либо наводились для переправы войск, и построен чрезвычайной скоро: начат в самых последних числах июля (1855) и кончен к половине августа. 15 августа, в Успеньев день, после обедни, его освятили и открыли. Он состоял из 6-ти участков, или 86-ти плотов, имея в длину 430 сажень, и 20 сажень пристаней. Полотно было шириною в 3 сажени. Несмотря на сильное волнение, бывшее в бухте 27 августа, при нашем отступлении, мост выдержал переправу со славою: по нем прошла 50-тысячная армия совершенно благополучно. По окончании переправы мост тотчас заворотили и потом притянули к берегу» (Берг Н. Севастопольский альбом. — М., 1858. — С. 8–9).

лась чрезвычайно своевременной. Возможно, на эту мысль навел его М. П. Погодин. Легко увидеть, что письма Берга из Севастополя и Бахчисарая представляют собой не столько личную переписку, сколько особый жанр журналистского творчества, так называемые «письма с поля боя».

«Москвитянин» не первым обратился к подобному жанру в период Крымской войны. В июне 1855 г. журнал «Современник» в разделе «Внутренние известия» опубликовал, хоть и не в таком объеме, как «Москвитянин», письма очевидцев Крымской кампании и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины¹. Использовала эту журналистскую тактику и западная пресса. Вера Сергеевна Аксакова отмечала в дневнике, что английские и французские газеты широко публиковали частные письма из Севастополя, «но сторонники войны восставали против этого, зывая к *patriotism de discretion*».

«*Patriotism de discretion*» («патриотическая скрытность»), по всей видимости, была выгодна и русской официальной прессе, поскольку военные материалы категорически запрещено было публиковать всем журналам, исключая «Русский инвалид» и «Одесский вестник». Остальные журналы довольствовались до лета 1855 г. перепечатками из «Русского инвалида».

А читатель нуждался в информации с поля боя. «Что нам печатают за донесения Меншикова! Это возмутительно читать! Из них делают такие сокращенные извлечения в строчек пять, так что решительно не можешь себе составить настоящего понятия. Это уже слишком пренебрежительно или даже злонамеренно. Кажется, нарочно хотят нас оставить в неизвестности, в страхе <...> Если б у нас печатался ряд писем о Севастополе, в которых бы толковалось и об успехе и неуспехе», — негодует в 1854 г. Вера Сергеевна Аксакова². Граф М. Д. Бутурлин писал: «Известия из Крыма становились с каждым днем все более неутешительными. Газетным официальным реляциям о ходе военных действий мы не придавали веры, так как в подобных случаях реляции отличаются сдержанностью и подчас утайкою» (1854 г.). Все, что «происходило на Крымском полуострове, — продолжает М. Д. Бутурлин, — а также что делалось и говорилось в петербургских высших административных сферах, узнавали из конфиденциальной корреспонденции»³.

Разумеется, крымские корреспонденции Н. В. Берга не относились к числу «конфиденциальных», и именно потому они оказались опубликованными. Однако это была та информация, которую с нетерпением ждали и в столице, и в самых отдаленных уголках России.

В 1856 г., после закрытия «Москвитянина», Н. В. Берг продолжил посылать севастопольские корреспонденции, только теперь — в журнал «Современник». При этом следует отметить, что славянофил Берг, конечно, не являлся почитателем «западнического», с его точки зрения, «Современника». Так, в 1851 г. он писал Г. П. Данилевскому¹: «Что же касается

¹ Современник. — 1855. — Т. 52. — С. 126—154.

² Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855 / ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Шеголева. — СПб., 1913. — С. 3, 88.

³ Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. — 1898. — № 5. — С. 32.

до нападков “Современника” — <нрзб> и других, — то, конечно, ни мне, ни Вам, и никому слушать их нечего, а действовать так, как будто бы и не было их. У нас (в Москве. — Д. П.) <нрзб> и не говорят об этих господах и об их рецензиях, а обидеться чем-либо, сказанным там или там, — значит скомпрометировать себя в нашем обществе. Вельма не у многих достаёт времени и терпения прочитывать весь этот вздор, “эти фейерверковые статьи”, как выражается в нашем кругу один из тамошних; и действительно “фейерверковые”, потому что трещат, как фейерверк, и потом... ничего, одни жесты, толки, да обгорелая бумага².

Дальнейшее участие Н. В. Берга в «Современнике» (1856 г.) вовсе не означает, что он отказался от славянофильских взглядов; это значит скорее, что во время войны позиции всех журналов объединяет общая патриотическая идея.

Видимо, сознавая, что не все славянофилы одобряют его «переход» в «Современник», Берг подробно рассказал об истории сотрудничества с этим журналом писателю-славянофилу С. Т. Аксакову в письме от 12 июля 1856 г. (письмо это также хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) среди личной переписки семьи Аксаковых). «В Современник я попал вот как, — обстоятельно пишет Н. В. Берг. — Когда я воротился в Бахчисарай, Москвитянин кончал жизнь; о Беседе³ ничего верного не было известно, Вестник⁴ меня не пригласил. Вдруг получаю приглашение Современника. Я сейчас же списался с друзьями, с бывшей молодой редакцией Москвитянина⁵: все они собирались перейти в Современник, так как журнал, по их мнению, в настоящее время самый близкий к нам и самый знакомый по сотрудникам. Островский⁶ тоже явился на его страницах. С Вестником они тоже не ладили. Я не видел причины отказываться от них, и первую готовую статью (очерк «Из Крымских заметок». — Д. П.) отправил в Современник. О Русской Беседе просил уже в Измаиле и, воротясь в Одессу, получил письмо от одного из редакторов, который просил у меня статьи. Я сейчас же отправил “отрывок из моих севастопольских заметок”. Сделайте милость, взгляните. Я думаю писать еще в таком роде. Дело в том, что об руку с обыкновенными битвами, видимыми для всякого глаза, слишком яркими, идут или шли всегда часто невидимые и не так яркие битвы жизни, ея заботы и мелкие интересы, которые не боятся никаких битв и не менее любопытны. Их-то хотел бы я описать, насколько сумею. Одни бомбы да бомбы, да ведение траншей, да густые цифры потерь — это очень однообразно и скучно. <...>

¹ Данилевский Григорий Петрович (1829—1890) — писатель, переводчик, редактор газеты «Правительственный вестник».

² Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. — Ф. 236 [Архив Г. П. Данилевского], ед. хр. 30, л. 5–6.

³ «Русская беседа» (1856–1860) — московский журнал славянофильского направления. Издатель-редактор А. И. Кошелев.

⁴ «Русский вестник» (1856–1906) — литературный и политический журнал. В 1856–1887 гг. издавался в Москве М. Н. Катковым.

⁵ А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов и др.

⁶ Островский Александр Николаевич (1823—1886) — писатель, драматург. Публиковался в «Москвитянине», «Современнике», «Отечественных записках».

Всего лучше мне было в Севастополе, и скажу вам поистине: нигде я не чувствовал в себе такой тишины и не был так бодр и здоров, как там».

К письму Берг приложил фотографию Севастополя, но она не сохранилась, осталось только ее описание в этом же письме: «Это снято с 5-го бастиона, вскоре после сдачи. Вглядевшись, вы увидите, что тут нет почти ни одной целой крыши. Теперь это еще более разрушено. Вот главные пункты вида: в середине — часть рейда или большой бухты. Бухточка к зрителю — это Артиллерийская бухта. Длинное здание на берегу этой, то есть Южной стороны, — Николаевские казармы (иначе — Николаевская батарея, Николаевский форт); на той, Северной стороне, видны Михайловские казармы. В большой бухте заметны торчащие из воды мачты. Фрегат Коварна стоял близ того берега, если смотреть через <нрзб> крыши Николаевской батареи; в этом месте, если вглядеться, видно поваленное на бок судно, должно быть, транспорт Дунай, который стоял около нас почти все время осады и который я видел там в апреле этого года»¹.

В настоящем издании мы предлагаем читателю познакомиться с отрывками из военных корреспонденций Н. В. Берга, опубликованных в «Москвитянине», и фрагментом «Из крымских заметок», — опубликованных в «Современнике».

Помещенные в четырех томах «Москвитянина» (1855 г., т. 85–88) письма Н. В. Берга тематически оформлены в разделы: «Севастопольские письма», «Письма из Севастополя и Бахчисарая» и «Крымские письма». Нельзя не признать оперативность публикаций Берга, а отсюда — ощущение сиюминутности происходящего, читатель видит войну в динамике событий: бои, перемирие, знакомства и т. д. Убедительность и особое обаяние повествованию придает рассказ о реальных людях: генералах и адмиралах, рядовых солдатах (матросы Зелинский, Бадюк, Дубровин, Самсоненко, рядовой Матвей Шелкунов), медсестрах (Е. М. Бакунина, Прасковья Ивановна Графова), священниках, жителях Севастополя и др. Их портреты не «отгляцованы», и складывается ощущение, будто писал Берг действительно частные письма, не предполагая их печатать. В одном из его писем находим: «Писал я свои заметки для вашего (М. П. Погодина. — Д. П.) кабинета и для друзей. Тут все. Что можно, выберите для печати»².

Опытный издатель М. П. Погодин отлично понимал преимущество такой «неотшлифованной», «неправленной» информации и публиковал письма Берга практически целиком, разве что отсекая в начале текста частное приветствие. Таким образом, почти все письма начинались с отточия, без зачинов; выбирался и публиковался отрывок из письма, порой очень пространный, с включением материалов как бы необязательных. «В письмах моих есть совершенно лишняя неудобная вещи, которых не желал бы видеть в печати; мало ли что я к вам пишу», —

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). — Ф. 3 [Архив Аксаковых С. Т., К. С., И. С.], оп. 13, ед. хр. 4, л. 4–5.

² В нашем издании текст приведен к современным нормам пунктуации с сохранением, по возможности, некоторых авторских знаков, в частности тире, широко используемого Бергом. Сохранены также некоторые характерные для середины XIX в. грамматические

однажды будто бы с упреком написал Берг Погодину. Издатель «Москвитянина» сейчас же отреагировал на это в сноске под письмами:

«Я оставлял их («лишняя неудобная вещь». — Д. П.) с намерением, чтоб читатели удостоверились еще более, посредством их, в искренности, безыскусственности писем и отсутствии всяких задних мыслей: авторское самолюбие, верно, согласится принести в жертву мой любезной корреспондент для такой цели. — Севастополь так нам дорог, что всякая малейшая черта о нем драгоценна. Я получил множество благодарностей за сообщение писем — а для строгих литературных судей, повторяю, здесь объяснение, почему печатаю письма без всяких изменений и исключений. М. П.».

Опубликованный в «Современнике» (1856 г.) очерк «Из Крымских заметок» рассказывает, как после заключения мира бывшие противники, уже не чувствуя себя противниками, несколько месяцев «сосуществуют» вместе в Крыму, встречаются, приветливо разговаривают (в основном по-французски), путешествуют. Французский полковник Бодуен, воевавший под Севастополем, теперь в сопровождении Берга совершает поездку из Бахчисарая в Симферополь, Карасубазар, Феодосию, через горы — к Мангуп-Кале, в Байдары, Балаклаву и возвращается в Севастополь и Камыш. Берг, в свою очередь, побывал с Бодуеном в неприятельских лагерях в Балаклаве, Камышовой бухте, Георгиевском монастыре, в разрушенном Севастополе.

Определенным комментарием к этим бытописательным заметкам может служить письмо Н. В. Берга из Измаила от 23 мая 1856 г. к С. Т. Аксакову, хранящееся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом):

«Милостивый Государь, Сергей Тимофеевич. Я обещал Вам написать, когда увижу Севастополь. Я видел его незадолго до моего отъезда из Крыма. Увы, Севастополя нет; на лице его одни груды развалин, желтые зубцы поломанных стен, без крыш, без всего. Я подъехал к нему верхом со стороны Главной квартиры французской Армии; узнал кое-как 4-й бастион, но 5-го и 6-го отыскать не мог. Никакой карандаш не передаст разрушений этой части Севастополя; разве только лагертотип. <...> Но странно среди желтых однообразных столбиков <нрзб> 2 белеющих или голубеющих штукатуркой (якобы остатки жилищ) стоят целые нетронутые дома с крышами и даже окруженные зеленью. Таких домиков в городе около 10-ти. Они уцелели оттого, что в них расположились французские офицеры и живут до сих пор. А в ином устроены ресторации. Ясно, что дома не столько пострадали от пожара, сколько от расхищения. Я поехал прежде всего по Морской улице, едва узнавая, где я. В конце ее, бывало, открывался вид на Николаевские казармы. Теперь на этом месте белые кучи мусору. От

формы, в частности окончания прилагательных и местоимений, не затрудняющие, на наш взгляд, понимания. Сохранены и старые написания географических названий, которые легко узнаваемы каждым крымчанином. Изменено, однако, устаревшее написание отдельных слов: *шлюбка (шлюпка), баттаря, троттуары, галлеря*.

Мы не ставили задачей делать сплошной комментарий писем Н. В. Берга, но пояснили те моменты в тексте, которые имеют принципиальное значение для его восприятия современным читателем.

дворца Государыни Екатерины едва сохранились четыре стены. К ним прилажено несколько досок и сделан навес, под которым можно закусьвать. Белая вывеска с надписью: Safe-restaurant — приглашает проходящих. У Графской пристани я встретил наших матросов, которые и прежде всегда вертелись тут, и теперь отыскивали знакомое местечко, и не могут отойти по старой привычке. Лестница пристани крепко избита, но сама пристань цела. Кучи ржавой картечи и ядер валялись кругом. Оставлены статуи две, а другие две и львы <нрзб> — опрокинуты и лежат кучей в безобразных кусках. Ямы, образованные бомбами на площадях против Екатерининского дворца, — все те же, не прибавилось ни одной новой. Я поворотил назад по Екатерининской улице, где сейчас же должен был увидеть домик Нахимова. Увы, это одни развалины. Я слез с лошади и взошел по каменным ступеням в бывший стеклянный коридор, заглянул внутрь: полу не было, и я с трудом спустился на груды камней, чтобы осмотреть комнаты. В кабинете уцелело <нрзб> кресло Адмирала. Тут же в спину засело ядро, кажется, наше, с Северной стороны. Кое-где еще сохранились обои. Все другие дома Екатерининской улицы представляли тот же вид. Один Михайловский собор стоял нетронутый; собор, где мы хоронили <нрзб> героев, где каждый из нас молился чуть ли не всякий день и так молились, как после, может быть, не случалось <нрзб>. Сколько воспоминаний!..

Я пошел к нему, чтобы вспомнить ту молитву, которая, бывало, ободряла и просветляла меня в страшные минуты — вхожу, и что же? Я не мог помолиться и вышел так... Я долго искал потом одну лавочку, где, бывало, покупал крендели у бесстрашного хозяина — грека, торговавшего там до конца. Я сейчас вспомнил его сумрачную физиономию и его хромую ногу. Но лавочки уже не было! Я нашел кучу камней! Оттуда я поехал на 4-й бастион, от которого едва остались следы низких валов, где в трех местах, подле каменных бочек сидели французские часовые.

Впоследствии я был и в Корабельной. И там те же развалины. Хозяева на Корабельной — англичане. Они ташут всякую дрянь: <нрзб> чугуны, бревно. Увидят, что из будки торчит кусок железа — сейчас сломают будку, а железо уташат на пароход, который вечно стоит в ложной бухте, у Павловского мыса.

Вот все, что могу Вам покамест сообщить. Подробное описание всего этого думаю напечатать в Современнике, куда перехожу за неизменным в Москве журналом, где можно было помещать лучшие Заметки, не терпящие отлагательства. Хотел послать Вам вид Севастополя, но его нет у меня под руками: он в Одессе, а я живу теперь в Измаиле <...>»¹.

...Собранные вместе, очерки очевидцев Севастопольской обороны — Н. П. Сокальского, А. Д. Столыпина и Н. В. Берга — создают реалистическую панораму событий, сообщая читателю «эффект присутствия», и уже потому обладают особой исторической убедительностью.

Д. К. Первых

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). — Ф. 3 [Архив Аксаковых С. Т., К. С., И. С.], оп. 13, № 4, л. 1—3.

А. Д. Столыпин

Ночная вылазка в Севастополе¹

Рассказ участвовавшего в ней

(посв. А. И. К-ой)

Жизнь и служба в осажденном городе были бы до крайности однообразны; гарнизон, свыкнувшийся уже с гулом ядер и свистом пуль, пожалуй, мог бы сделаться беспечным, некоторые могли бы упасть даже духом, видя вокруг себя гибнущих товарищей и не будучи в состоянии отомстить за них, — но в Севастополе русская удаль и молодечество поддерживаются, к счастью, постоянными ночными вылазками.

В темную ночь собираются несколько десятков, иногда сотен охотников; они идут на стук неприятельских кирок и лопат. Местность, впрочем, хорошо известна морякам: неприятельские батареи построены на земле и из земли, им принадлежащей. Тихо-тихо подпалзывают охотники к неприятельским траншеям....

Вдруг далеко раздастся громкое, дружное ура!.. Лопаты и кирки брошены, зуавы хватаются за ружья, а мы уже в траншее. Что происходит там, в этой траншее, ни один из участников ночной этой драмы не может рассказать; там душно и тесно, там стоны и проклятия, с которыми часто сливается тихая молитва умирающего... Но вот горнист трубит отступление, и остаток удальцов возвращается на свои батареи.

Об одной из таких-то, в больших размерах и богатой эпизодами, вылазок², я расскажу вам теперь, потому что сам в ней участвовал. Здесь не место входить в стратегические подробности. Я пишу не военную статью, а описываю только картину вылазки. Но картина не может быть без контуров. Некоторые данные необходимы, вот они в нескольких словах.

Впереди Корабельной части, на кургане возвышалась, до бомбардирования 5 октября, башня Малахова. Развалины башни этой окроплены кровью Корнилова и Истомина. Курган опоясала с тех пор грозная батарея, будто внезапно выросшая из-под земли, батарея — мстительница за смерть первых спасителей Севастополя. Ей сделалось тесно на узком кургане, и она, смелою траншеею прорвавши неприятельскую цепь, выдвинулась на 290 сажен вперед. Батарея эта приняла название Камчатской. Камчатский полк построил ее, Камчатскому полку принадлежала честь и защищать ее.

¹ Сообщением этой статьи мы обязаны г. Л. Н. Т. — *Ред.* (Современник. — СПб. — 1855. — Т. 52. — С. 5—11. — *Д. П.*). Здесь и далее примечания к очерку даны редакцией «Современника». — *Д. П.*

² В ночь с 10 на 11 марта.

В двух рядах ложементов лежали наши штуцерные впереди Камчатского укрепления. Осаждающие не могли быть хладнокровными зрителями смелости осажденных. Тихою сапою начали они выходить из своих траншей. Ночь с 10 на 11 была назначена генерал-лейтенантом Х* для уничтожения неприятельских работ. Эта вылазка должна была начаться в 11 часов, после того как луна скроется. В то же время приказано было контр-адмиралу П* броситься на траншеи, защищаемые англичанами.

В восемь часов собрались в развалинах Малаховой Башни люди, которым предназначена была честь идти в голове отрядов и охотников. Генерал передал им приказания. Они поняли всю важность дела, порученного им, и с нетерпением ожидали одиннадцати часов... Разговор часто прерывался... дум было болес, чем слов. В ложементах лежали солдаты, из коих многим суждено было не пережить этой ночи. Они также говорили и думали, но думали мало; о чем солдату думать?

На небе светила луна, светила весело и ясно, не зная, что ей придется освещать кровавую картину... Над нею перебегали облака, тень от которых расстилалась по земле черными полосами и пятнами. Молодые солдатики принимали тени эти за неприятельские колонны, и от времени до времени слышны были слова: «Нас обходят!» или: «Ребята! француз идет на нас!» «Вздор!» — отвечали старики.

Но вот две такие тени принимают вид правильных квадратов... все чернее и ближе... при этом и старики уже начали взводить курки... Не прошло мгновения, как засвистали пули и цепь наша должна была уступить передние ложементы врагу, вдвое сильнейшему, но генерал был уже тут.

Быстрым и опытным взглядом окинул он местность и убедился, что неприятельские колонны не преувеличены робкими воображениями. Имея намеренье предупредить нас или ожидая нападения нашего, сильные неприятельские резервы уже заблаговременно были выдвинуты. В одно мгновение план небольшой вылазки генерал расширил до размеров большого ночного дела. Камчатское укрепление окружено 9-ю батальонами; команды 44 и 35 экипажей вооружены шанцовым инструментом, чтобы уничтожить неприятельские работы. Было девять часов.

В это время пробирался я на Малахов курган. Все еще было тихо, — лишь изредка дежурное орудие отвечало на шипение неприятельской бомбы. Полагая, что вылазка начнется, как была назначена, в одиннадцать часов и уверенный найти там генерала, я не спешил, осторожно обходя все ямы и камни, которыми испещрена местность между Корабельной и курганом. Но генерала уже я не застал. Командир батареи на Корниловском бастионе сказал мне, что он пошел к Камчатскому укреплению, объяснил мне, почему дело должно начаться ранее предполагаемого и был так любезен, что дал мне двух конвойных матросов. С ними я уже почти побегал, чтобы застать войска на местах и быть свидетелем предварительных распоряжений. До сих пор мне не случалось бывать в ночных делах, это меня сильно интересовало.

На половине дороги до Камчатского укрепления остановился я, чтобы перевести дух. Отдохнув с минуту, я продолжал путь, как вдруг раздался грохот первого неприятельского залпа, и туча пуль пронеслась над моей головой... «Что же испытали вы в это мгновение?» — могли бы спросить меня, если бы я передавал это изустно. Простите за сравнение не совсем изящное но, по-моему, верное. Я испытал то же, что испытывает человек, с холода вошедший в русскую баню. Он влез на полок, его обхватило жаром, легкий пот мгновенно проступил по всему телу, но внутренний холод заставляет его еще дрожать. То же, или почти то же, ощущает тот, которого печально захватит ночью неприятельский залп.

Первое движение мое было оглянуться, живы ли мои конвойные. Стоять! Ну, слава Богу, жаль было бы даром их израсходовать.

— Идите-ка домой, ребята, а то вас ни за грош убьют, сказал я им, увидев влево от дороги батальон, до которого уж мне легко было добраться одному.

— Нет, ваше высокоблагородие, — отвечал мне один из матросов, — капитан приказал нам в целости вас *приставить*.

— Ну, представляйте, коли уж от вас нельзя отделаться.

И таким образом был я представлен к батальону Днепровского полка, который в это время тронулся из резерва в первую линию. Стрельба шла ужасная, из орудий и штуцеров. Луна клонилась к горизонту, тучки все еще перебегали около нее, тени их расстилались по полю.

— Где наши? — раздался голос сзади.

Я обернулся. Передо мною стоял монах. Луна освещала бледное лицо его, на котором, впрочем, не было заметно волнения; огонь душевный отражался в глазах его; в руке он держал крест.

— Где же наши? — повторил он почти умоляющим голосом.

— Кто ваши, батюшка? — спросил я.

— Моряки.

— Они впереди, но там не ваше место; пойдите на перевязочный пункт.

— Мое место там, где утешают в страданиях, где готовят к смерти, — отвечал он.

Раздался второй залп, снова туча пуль пронеслась над моей головой, и я уже более не видал монаха.

Батальон, к которому я пристроился, получил приказание остановиться. Посланный с этим приказанием сказал мне, что генерал на Камчатском укреплении. Я отправился туда: но его там не было. Я нашел его потом впереди левого фланга укрепления, окруженного батальонными командирами, которым он отдавал приказания.

Более пятнадцати лет знаю я этого генерала. С самого начала службы моей был я с ним в одной батарее; но тогда я знал его только как лихого и веселого собеседника. Позже судьба привела меня служить под его командою; тогда я увидел в нем одного из лучших знатоков артиллерийского строя. Во время Венгерской кампании я находился при нем за

офицера генерального штаба, — отважнее его не было тогда в армии партизана. Генералом я видел его теперь в первый раз и в первый раз оценил его вполне. Я был поражен, найдя в этом лихом партизанине, каким я до сих пор считал его, настоящие таланты генерала: хладнокровие, дельную быстроту в распоряжениях, в критический момент; умение двигать рассеянные по полю батальоны, в самом жару дела и ночью; умение сохранять в войсках порядок, воодушевлять их и доводить солдата почти до восторженного состояния. Всему этому не научит ни опытность, ни книги, для этого необходимо врожденное военное дарование — нужна внутренняя искра.

Из официальной реляции известно, что мы прошли три линии неприятельских траншей и уничтожили их апроши¹; но надобно было видеть, с каким увлечением это было выполнено. Предполагалось занять только первую линию траншей², а в другие две траншеи солдаты наши прорвались сами, несмотря на все усилия остановить их, — да кто бы и мог остановить их? Офицеры наполовину были уже перебиты или переранены. Несмотря на то, благодаря распорядительности генерала, отступление совершилось в порядке. Один за другим выходили наши солдатики из неприятельских траншей, чтобы не представить большей цели штуцерным, и потом, за Камчатским укреплением, строились в ротные колонны, чтобы быть наготове в случае нечаянного нападения неприятеля.

Три часа сряду трубили горнисты отступление, но лишь только кого заденет преследующая пуля неприятеля, все опять в ярости воротятся назад и снова в штыки. Генерал поминутно посылал ординарцев своих с приказанием отступать, но некоторые команды, в которых перебиты были офицеры, не верили ординарцам и отвечали: «Не таковой генерал, чтобы приказал отступить!»

Три юнкера — генеральские ординарцы бегали раз по десяти во время боя в неприятельские траншеи для передачи приказаний, и один из них вскоре умер от ран³.

Настала критическая минута. Большая часть уже отступила и вновь построилась в ротные колонны, как я уже сказал; оставались в траншеях только люди, которых мало назвать храбрыми, — настоящее герои, которые не хотели отступить, пока не уберут всех своих раненых товарищей. Этим героям приходилось по нескольку раз еще отбивать штыками натиск неприятеля; при этом они увлекали за собою и тех, которые уже начинали ретироваться. Я сам видел, как солдаты, отводящие раненых, бежали обратно на штыковую работу, как люди с носил-

¹ Из опасения преувеличить численность врага, г[енерал]-л [ейтенант] Хрулев показал его только в 6000 человек, но многие пленные показывали, кроме 6000 резерва, 2800 человек в траншеях (рабочих и в цепи).

² И то на короткое время, единственно, чтобы дать возможность рабочим уничтожить апроши.

³ Имена их: Сикорский, Негребецкий и Чикерул-Куш; умер от ран последний.

ками кидали их и бросались помогать товарищам; одного из таких начал было я удерживать за полы, чтобы пристроить к формирующемуся батальону:

— Ваше высокоблагородие, пустите, наши там уру зашумели.

Что прикажете делать? Пустил!

Луна уже совсем закатилась за горизонт, и поле освещалось только разрывом бомб...

— Дайте нам подкрепления, а то могут остаться на поле раненые!.. — кричал кто-то.

Генерал и я напрягли зрение, чтобы различить, кто кричит... Перед нами стоял тот же самый монах, которого я видел в начале дела; он нес три штуцера.

— Откуда вы, батюшка?

— Как откуда?.. из траншей, я был там во все время дела.

— Что это у вас за трофеи?

— Два штуцера, вырвал я из рук зуавов, спас их, может быть, этим от греха; а вот это ружье принадлежало злому человеку, он хотел меня убить, видите, и рясу всю прорвал.

— Да как же вы уцелели?

— На мне была эпитрахиль, — отвечал он спокойно.

Мы невольно преклонили перед ним головы.

Генерала все тревожила мысль, что горсть героев наших может погибнуть в неприятельских траншеях. Вдруг ему пришла счастливая мысль...

— Батюшка, — сказал он монаху, — подкрепления я вам не дам, а вы окажете мне важную услугу, если отдадите от моего имени приказание оставшимся еще в траншеях отретироваться немедленно, подбирая раненых.

Монах в точности передал эти слова генерала.

— Ну уж если батюшка говорит, что генерал приказал отступить, должно быть, оно так и следует! — сказали солдатики и пошли за монахом.

Ни одна пуля, сопровождавшая наших солдатиков, не осталась безнаказанною,.. Остальных раненых подобрали, и поле было окончательно очищено от врагов.

Монах деятельно помогал выводить оставшихся в траншеях, и ему в особенности помогал в этом святом деле рядовой Вольнского полка Гаврила Феклистов; я узнал его по его белой овчиной шапке. Это был тот же самый солдатик, который упрашивал меня пустить его на уру к товарищам.

И сколько там участвовало безымянных героев, и сколько в эту ночь было темных, но славных смертей!..

— Батюшка, позвольте мне узнать ваше имя? — сказал я, благоговейно смотря на монаха, когда мы все возвращались вместе.

— Аника 3-й!

Так зовут матросы иеромонаха Иоанникия; так зовет он самого себя, потому что уже свыкся с этим именем.

Н. П. Сокальский

Два случая из севастопольской жизни¹

(рассказанные юнкером Томского егерского полка)

Весною мы раз пошли в секрет. Дело-то было, как известно, ночью. Товарищами у меня были двое рядовых, которые так же, как и я, держались друг от друга в некотором отдалении. Долго мы лежали, не предвидя, чтобы нас что-нибудь обеспокоило в продолжении этой ночи, когда вдруг, на заре, ясно увидали приближавшихся к нам трех неприятелей. В несколько мгновений они стояли уже впереди нас, в расстоянии обыкновенного пистолетного выстрела; но скоро два из них отбились в сторону, а третий, «из себя здоровый и рыжий», ударился прямо в мою сторону. Он так пристально и страшно глядел на меня, что я не мог усумниться ни на одно мгновение в том, что он меня видит, хотя лежал за хорошо прикрытою канавою. Было много странного и отважного в его медленном и, как казалось, робком приближении. Он не пускался вперед беглым шагом, и тем подвергал себя явной опасности. Но, не решаясь на выстрел, я внимательно следил еще за его движениями; видел его страшные зрачки, устремленные на меня, и не понимал его таинственной осторожности. Однако ж, после первого страха, я приподнял ружье, но опять опустил его: руки мои крепко дрожали. «Что тебе нужно?» — закричал я ему в волнении. Он молча остановился как вкопанный. Звать не приходилось. Не зная сам, что делать, я тонул курок, и неприятель повалился. Бросился я к нему: «что тебе нужно здесь?» — он молчал. Потом опять спросил его: «что нужно?» — он молчал. Нечего было делать, — повели мы его в Севастополь и пристали дорогой: «Да скажи, брат, что тебе было нужно? Ведь дело-то такое, что ты уже в плену». Наконец кто-то заглянул ему в глаза: он был уже мертв. Я думаю, что он, сильно контуженный, в предсмертном беспомыслии, даже и не видал меня в поле. Но никогда в жизнь мою я так еще не робел, как в эту памятную ночь.

— Мы некоторое время дежурили на батарее. Пост был не совсем покойный, хотя и крепко защищенный. Тройной, насыпанный землею потолок должна была проломить бомба прежде, нежели она могла достигнуть до нас. Кроме того, мы имели возможность при первом треске перебежать из одного отделения такой блиндажированной батареи в другое — и тем совершенно обезопасить себя. Но от этого если и увеличивалась безопасность, то все-таки не уменьшались беспокойства. В иные дни мы, кроме треска, ничего и не слышали. Однажды случилось, что унтер-офицер, находившийся вместе со мною не дежурстве, отправился добыть, как говорится, провизии. Менее чем в полчаса ему удалось где-то выхлопотать полную миску гороху, которую он принес, рассказывая о затруднениях, какие преодолел для ее приобретения. Он уверял, что горох уварен и приготовлен как нельзя лучше. В этом никто и не сомневался. Поставив его

¹ Современник. — СПб. — 1855. — Т. 54. — С. 21—23.

с гордостью на мягком полу батарейного отделения, я заметил, что недостает к нему хлеба. «Э, ваше благородие, не впервой же нам обходиться без хлеба. Может, и в этот бы раз обошлись». — «Нет уж, брат, — настаивал я упорно, — поди, пожалуйста, и достань где-нибудь хлеба». Унтер-офицер ушел. Я терпеливо уселся подле миски, ожидая его скорого возвращения, и пожирал только глазами стоявшую предо мною пищу, представляя себе аппетит, с которым мы отправим ее по назначению. В это время над головами послышался треск. Я поспешно вбежал в другое отделение и, когда воротился через минуту, ни на полу, ни вне отделения ничего уже не было: виднелись только следы разорвавшейся бомбы. Всякий может представить себе те чувства, которые взволновали меня в это мгновение; а к тому же еще возвратился унтер-офицер, неся под мышкою порядочный ломоть хлеба. «Ваше благородие, а горох?» Я указал ему на следы бомбы. «Ах ты проклятый ты этакой!..» — начал служивый; за бранью посыпался отчет о трудностях, с которыми он добыл себе эту лакомую порцию, и наконец все это кончилось панегириком в честь гороха. Мы закусили хлебом. Но три дня он не мог равнодушно смотреть на это место: «а горох-то, ваше благородие, а? Проклятый он этакой!..» Снова начинался монолог и оканчивался панегириком гороху. Утешало его только — избежание смерти, которая неминуемо бы постигла его, если б я не отправил его за хлебом.

Н. П. Сокальский

Жизнь на севастопольской батарее¹

Рассказ матроса Галищенко

— М

ы, приятель, давно из Севастополя?

— С 26 мая [1855 г.].

— Насмотрелся же ты, как видно, на неприятеля!

— Да, что было — видал, а что будет — побачим.

— Что же? как наши: крепко держатся?

— Известно, отчего не держаться! Там уже народ стал привычный, отчаянья себе взял: неприятеля не боится. Да, слава Богу, десятый уже месяц друг пред дружкой стоим — с смертью, известно, побратались. Я с осени еще стоял на батарее; там-то больше моего время и прошло при орудие. Это такое дело, что Бог с самого сначала попутал неприятеля: он, как выгрузился на берег, то в четыре раз был сильнее против нашей армии, а мы, значит, обороняться стали, что только может, тысяч семь, восемь было матросов на батарее. Но только он хитрость такую взял, что выпалить хотел город, — иначе не выпалил, чрез то, что все, известно, Бог его хитрее. Наш брат так, правду сказать, недели с две сначала куды был! такой богомольный, что грешно слово сказать: все, значит, спасенники!

¹ Современник. — СПб. — 1856. — Т. 55. — С. 225—236.

Пока с делами обзакнались: там уж, значит, смола¹ наша взяла своего действия... только, гуляй, ребята!..

Вот в октябре месяце зачал неприятель шмалить²: шмалит да шмалит всякими зарядами — бонбы пускает, гранаты, пули, ядрами бьет. Все едино, как вот взять в руку мелкаго гороху да засыпать, так и он, значит, шмалит зарядами: кругом нас бдожолы так и гудут. Сейчас приказание дали затопить какие есть негодящие корабли, чтоб ему загородить, значит, до-рогу в рейд; а пушки на батарее поносили. Тут флот его подступил было с моря, — так шабаш: проходу нет; а с Костянтиновской батарее зачали оса-живать его корабли: одному чуть было не дали воды холодной напиться. Пошли по городу разорения делать его орудия: то дом зацепит, то скотину, а часом и человек подвернется. Ну, мы, известно, тоже шмалили, да и ша-баш. Опять же жителям приказ такой был, чтоб, значит, убираться и бес-покойства лишняго не делать: чиновники, купечество, также женский пол побросали хозяйство, давай утекать. Сгоряча было всем страху довольно. Но даже не все повыбрались, оттого и по сие время по городу лавки есть поотпиранныя, и все, что надобно, есть, купить можно, сколько вгодно: людей, значит, даром пополохали... Ну, только как стало ночнаго время, выжидаем мы — что за диковина! — то бонбы прогуливали, а то так только семь звезд в небесах огонь показали; там видно — ниже, ниже, и, как это, значит, треск уже дало за валом, семь бонб разом черепки и поразбросало. Ну, так, что диковина! Там в другой раз, в третий... одначе, раз-таки не раз-зорвало: попалось нам в руки. Хорошо! видим мы: семь гранат, значит, по-связуваны цепью, и к каждой прихвачено пидстоном. Ну, у нас таких хвоку-сов не было. «Что ж, говорим, надо доискувать: каким это, значит, способом справляется он с ними?» Оттого, известно, у нас такой мастеровой народ: покажи ты ему, как и что должно быть, он, на примерича, сделает по манеру. Мы раздумуем, что нужно украсть его способа и так, что повыкликали охот-ников — на вылазку итти и добыться. Пошли мы и, значит, за час, может, до свету притаскали пять таких монкир³. Что ж вы полагаете? видим, что на монкиры эти навинчивает он кадушки, а в кадушку накидает гранаты и, как выпалит, так ему, значит, рвет эти чиненки вместе с кадушкою и несет в город. Ну, как разобрали мы это дело, сейчас мастеровые отлили семипудо-вую монкиру, поставили нам, а мы кадушку ту с верхом накидали, да и пус-тили к нему, значит, с поклоном. Господи милостивый! Тут-то смеху было... Ну, только неприятель сначала бонбами очень обижал народ, оттого пона-прасно совсем прислугу било; а там уже разобрали мы его хитрость: как упа-дет чиненка в гурт, тут сейчас на землю кинемся: она, значит, подскочит, рванет, — ну, ничего и не сделает. Так что агличан дивился. Смотрит он, значит, на нас в трубу: «что за диковина, говорит, бонба моя падает посередь народу, а все повстают!» Тут нам на батареях всего было: и смеху и горя.

¹ Так сами себя называют иногда матросы. Впрочем, употребляется это слово и в значении ругательном. Здесь и далее прим. автора. — Д. П.

² 25 октября 1854 г.

³ Мортира.

— Как же вы там жили на батареях?

— У нас, значит, при каждом номере построены были такие закутья, как, например, погребок небольшой, — больше от дождя и непогоды. Пищу нам давали, как лучше должно быть, две порции вина... ну, только от батареи не отлучаться! Известно, нападение есть. А когда нужно что в городе купить: табак или разного припасу, так сейчас нас двадцать пять человек выпросят у офицера и пошлют одного. Тут же, на беду, неприятель больш палил огонь ночного время, так что заснуть неспособно; днем, когда отобьешься, найдешь, где притулиться, — ну, только и заснешь. Известно, и пищу нам давали ночью, и то, как случится, нема огню, а не то ухватишь кусок мяса с борщу и бежишь при орудие. А днем и ему нас видать, и нам его видно: как начнут таскать пищу, так и котлы повыворотит, поразбивает, так что не найдешь, где ему след. Так мы днем уж, значит, сами: хватишь порцию, сухарем заткнешь глотку — и здоров. Одежду нам давали больш свободную, чтоб не мешало, значит, действовать: зимой — так пару штанов начепишь, рубашку суконную, а поверх куртку да еще куртку из толстой парусины. Ничего! Наши не мерзли; да и народ, я вам скажу, привычный: не француз какой. День, ночь не выспишь, так только шатаешься, как вот бывает пьяный, — а то ничего: так и пропадет. Ну, однак, все по ночам легше, как сигнальщик добрый...

— Что это значит — сигнальщик?

— Сигнальщик? как же! без него нельзя! оттого кому-нибудь нужно доглядать: куда и как какой заряд цель свою имеет. Вот и стоит он ночного время: «бонба — армейская!», значит, кричит, что бонба за номер¹ перескочит, к прикрытию. А в ночи все видно: что и куда летит — так жар и кидает.

— Часто же ты на вылазки ходишь?

— Ходил. Да там нет той недели, чтоб без оказии было. Мы сначала, как в первый раз он открыл огонь, так зачали транчей² копать. Есть у нас такие — «саперы» прозываются. Вылезут человека три-четыре ночью; известно, у них плетеные корзинки. Ну, отлезет сколько шагов места, давай киркою тук, тук, тук; а другой этою землею начинует корзину. Вот, как начинают, и есть, где укрыться. А там начнет яму копать: к свету видишь, он уже в ямке сидит, и ничего ему там сделать неспособно. С транчеями, я вам скажу, беда! ядром не побьешь: оттого угрузнет у землю, а не то, так перескочит, черкнет, и пошло гулять по ветру. Так приказание было, чтоб бонбами его путать. Ну, хорошо, как разорвет в транчеи: кого найдет — положит; только трудно у цель так взять. Главно для этого и делают вылазку, чтоб разогнать, значит, засаду... Много раз ходил я на эти вылазки, только наипаче два раз мне крепко при памяти удержалось, — почему? видел беду. Один раз ходили мы с офицером Новиковым, и с нами была малость армейских: больш, как с сотню солдат. А неприятель так еще прежде прикрыл по балкам все колодези всяким, значит, сором и еще волчьи ямы порыл вокруг батарей (ямы глубиною так сажня в полтора). Ну, недаром француз во всех вестниках своих отписал, что севавтополь-

¹ То есть номер батареи.

² Траншея.

ские матросы есть воры: он от нас беды видел порядочно. Нанесли мы ранцев, ружья, припаса всякаго, и слышно, что в рожок заграли, чтоб, значит, итти своею дорогою назад в город — оттого, колонна заходила нам в бок. Я вам скажу, что как идут, хоч матросы, хоч черноморцы на вылазку, так рожка мало кто и слухаст: как неудержка, так уж, значит, неприятель осадит; зато, как и удержка, так боки ему намнут. Вот пошли мы назад, и видно так (в исбесах будто прояснело), что командир Новиков отбился в сторону. А это нет хуже, — почему? отобьют. Я, значит, давай кричать: «ваше благородие, говорю, колодезь близко: тут, говорю, в балке колодези есть!» Ну, офицер говорит: «так показуй дорогу, я за тобою следом пойду». Только поверх балки надошла колонна, давай с армейскими пальбою заниматься; а нам и не в думку, чрез что, что балкой ничего не сделает. «Да что, говорю, ваше благородие, в колодезь, должно, армейский упал. Пойду, помочь дам». А места мне все знакомья. Туда, к колодезю — что ж вы полагаете? упал один солдат, да, значит, штыком кверху; а там наскочил другой, не заметил, да и сам в колодезь: так на штык и надел, и дух вон. Я, значит, вижу, что солдат пропадает, хотел подмогу ему дать, подбежал, зацепился, да головой туда! Ну, Бог не дал кончиться, так что час мой, значит, еще не пришел. Вот страху было...

В другой раз так мы, значит, с транчеи воротились, как с бойни: тут горазд был бой! Дали нам в товарищи черноморцев (добрые молодцы! с черкасом, значит, навоювался: страху не знает), и черноморскаго-таки полковника дали нам в начальники (от, сй-богу, забыл прозвание). Ну, хоч черноморцы, хоч дошцы, даже на что греки с юбками-то — все нам братья, а с армейскими не так-то мы товаришум, оттого армейский амбиции по городам набрался: «я, говорит, солдат!» «Шо ж, шо ты солдат! против матроса не знаешь ты всякой нужды и службы». Одначе, хвастают: до него женский пол (значит, барыни) не так-то пристают, а флотский наш (известно, молодцы!) — какой две, а не то и три под ручки прогуливаются: вот больше чрез что и зависть имсют... ну, только итти что ж такое! и итти. Раздали нам сухарей, а мы уже, значит, говорим армейским, что с нами сбирались: «ну, говорим, вы когда идете с нами с лопатками, с кирками, так, когда уже мы отвоюем транчею, кричите, говорим, «ура!» оттого, чтоб неприятелю думка такая была, что нас есть большое число: тогда способней!» Как повыбирались ночью, да и стали так уже настояще, что подползать к одной транчеи; тут армейские, значит, это дело не разобрали в ночи, да давай «ура!» кричать, а мы еще на транчею не повылезали. Вот только нам примета есть, что неприятель прокинулся. Что делать? Давай скорей в стычку! Я вам скажу, он так строит транчею: с косою, может, сажень выпнуто земли машиною; ну, земля выворочена на нашу сторону, а по другой стенке покопаны у них норы, где народ живет. Вот сунулись мы к валу — торчат штыки. Известно, пальбою тут некогда заниматься: кто цволем¹, кто прикладом, а часом которые несколько человек ухватится за штык, да и вытянут его вместе с стрельцем: известно, тогда уже кто за ружье,

¹ Стволем.

а кто за стрельца. Ну, вся эта драка идет до время, как собьют его с валу. А там кинулись и до самой транчеи — давай ружья, сабли, кинджалы кидать прочь, чтоб армейские сзади подбирали; опять же зачали отбивать у орудия оси, казенное место — оттого, как отобьешь ось, коч казну, так оно уж негодяще и в переливку идет. Впоследствии что делать? давай раки драть: значит, сунулись до нор: «сдавайсь, бисив сыну!» Какой сейчас пардона стал просить, так его оттедова за бороду выволочишь, а какой, значит, штыком давай пужать из норы (ну, таких мастеров мы довольно видали!), там его и прибьешь, как гвоздем. Справились мы чисто, а полковник говорит: «шо, каже, вмоготу держаться?» «Вмоготу!» — отвечаем. «Чи дали¹ лизти, чи додому?» «Дали!» «Ну, каже, так быйте поперед тых ползунов, шо полизлы до невиры!» О, та и человек был просторный! Сначала все так, что старых годов его считали, а в бою беда смелый. Кинули мы транчею да за ползунов принялись. Как чабан бьет овцы, так и мы настояще действовали! нема нам отбою, только раздайся поле! А тут есаул черноморский послал казака, чтоб он выглядел все, как и что на батареях справляются. Охотка, значит, разобрала, что вот победим! Я и назвался в товарищи казаку. Матросы сзади идут и саперы, значит, волчьи ямы разыскают, а мы поперед в каменю шатаемся. Только видно: ползуны впрямик на нас ползут. Я и толкнул казака: «дывись², казаче, секрет!» «Бачу», — каже. «Шо ж ты? Пали его!» «Зараз! дай табаки нюхну!» Полеза я, значит, в штаны: известно, рожок достал; только слышно: «гу-у!», а там еще «гу-у!» Обернулись — пальба! Притулились мы скорей до своих, а он привез артиллерию; сейчас армейских увидал — давай палить! Полковник видит, что колонна идет с горы: «на землю, говорит, кидайсь, братцы! шмалить некогда». Полягали мы на землю. Кто, известно, француза за бороду тащит, кто покойника своего, кто теленков³ набрал, ружья. А он, примерно бы, такую хитрость себе взял, что «давай, значит, буду армейских бить, а матросов заберу живых». Только никому и не в догад, что может беда! Мы, известно, так считали, что «отодвинуться бы нам назад; армейские, значит, дадут помочи, и настояще так, что мы осадим неприятеля». Ну, только слышно — в дудочку отступление грают, и ктось кричит: «ма-тро-сы! налево! колонна в обход идет». Приподняться бы, так заряды, значит, как саранча, над головою. Только же полковник черноморский поднялся: «братцы! каже, невиरो заходе. Вставай!» Ну, мы зараз повскочили, а колонна поперед самого носу стоит. Сейчас сделали стычку. Кто с ружьями, а греки с кинджалами; подняли крику, чтоб, значит, больше народу сказать. Господи милостивый! от-то пошла соломаха: лезешь на смерть, например, как вот часом помешательство бывает какое в мысли. А там еще поотбивались матросы да вдогонку (значит, в раздроб) давай воговать. Я кинулся за одним, отбежал порядочно от своих, да ни за што было совсем добил человека. Хотел, значит, узнать: что такой за воин? гляжу, юбка, наш-таки грек и то ж за французом гонится. Отбежал я прочь, а за мной три агличанина вцепились: «ну,

¹ То есть далее.

² Смотри.

³ Насмешливое название ранца.

думаю, не так-то ловко! теперь шабаш!» Одначе, выручили матросы. А мне так уж показывало, что вот час мой пришел. Тут сейчас заиграли в дудочку: мы тихонько притулились за байраком¹, да все в ход, в ход. Как вылезли на могилку², и давай шмалить, шмалить до того, что шабаш, и воротились на батарею. Таки выкрутились, даром, что такое было нападение сильное. Много добычу нанесли, неприятеля в плен забрали, и рассказнив было всяких...

— Будто же неприятель не так силен в атаке?

— Нет, сильный. Как сказать, он держится в огне, ну, только не долго, пока, значит, хмелю его развеет. Оттого, когда он не хмельный, он удержки не знает и порядочно трусит. А нам напиваться нельзя, бо в целом городе главно для этого и позакрываются все кабаки. Опять же вот что я скажу: раз то, что хмель, а то еще, что разная нация. Отчего матросы так что хвабрость имеют и добре действуют? чрез то, что одна нация, все больше малороссияне, друг дружки всегда помочь дает: от ему и плохо. Ведь так, что он и в вестниках своих отписал, что кабы, говорят, не матросы, нам бы легче было. Вот что!.. Ну, только агличане ребята порядочные. С ними еще товаришевать наши матросы могут, — оттого, без церемонии; а француз у себя много церемонии имеет. Вот, как бывает, что труп идут подбирать: сейчас флак³ белый покажут на батарее, и пошли гулять. Тут, известно, народ разобьется: кто к агличану кинется, агличан к нам подскочит, будто трупа искать... пойдет такое братовство, что беда! Хватаются за руки; ты ему, известно, сивухи тычешь, а он тебе рому, бишквилей; пойдут разговоры. Ну, только он нашему и знает, что «рус, рус, матрос, матрос», а ты ему: «агличан, агличан!» А то больш друг дружку понимают без языка. Один раз вынул я рожок: «шо, говорю, агличан! табаки бы нюхнув». Нюхнул он и свою табакирку дает: «табак!», значит, и ты нюхни, оттого обидишь человека. Ну, а как придет француз, сейчас цепью займет: нема никому, значит, проходу! Церемонии много у себя держит. Только на этом миру он хитрость себе такую взял: тут, значить, труп подбирает, огню — шабаш, а он себе рад случаю, батарее копает в затишьи на другом месте. Ну, как разобрали мы это дело, Нахимов дал такой приказ, что «когда труп подбирают, так шабашевать, значит, в одном только месте, а по других местах не шабашевать, а палить огонь». Так оно и пошло. А то в транчеи, бывало, сидишь, на примерича, а наипаче зимою, что так и вкотится агличан. Смотришь на него: совсем пьяный, закатался — как кляча жидовская, значит, против мороза способа смотрел. Ну, возьмешь его; «пойдем, агличан, к нам у гости!» Ничего! так и доведешь. А не то, вот что бывало. Ты из транчеи шмалишь ему в транчею, а он тебе шмалит... пальба такая идет! оттого — нельзя, надобно палить. Только вже под вечер пойдет их офицер согреться, а когда — забить, значит, глотку пищую (народ слабый: без рому обойтись не может!); тут сейчас слышит, кричат из транчеи: «рус!» — А ты ему ответишь: «что, агличан?» — «Офицер есть?» — «Нету!» так будто бы нету; а офицер всегда при месте находится. — «Ну, а у вас офицер есть?» —

¹ Балка, поросшая кустарником.

² Бугор.

³ Флаг.

Наполеон III

Николай I

А. С. Меншиков, главнокомандующий военными, сухопутными и морскими силами в Крыму в 1854 — начале 1855 г.

М. Д. Горчаков, главнокомандующий военными, сухопутными и морскими силами в Крыму в 1855 г.

Арман-Жак-Леруа Сент-Арно,
первый главнокомандующий
французской армией в Крыму
(сентябрь 1854 г.)

Франсуа-Гертрэн Канробер,
главнокомандующий
французскими войсками в Крыму
с сентября 1854 по май 1855 г.

Эмабль Жан Жак Пелисье,
главнокомандующий
французскими войсками
в Крыму в мае 1855–1856 гг.

Мари-Эдм Патрис Морис Мак-Магон.
В Крымскую войну командовал
дивизией, которая в 1855 г. взяла
штурмом Малахов курган

**В. А. Корнилов, вице-адмирал, первый
руководитель обороны Севастополя**

**П. С. Нахимов, адмирал,
руководитель обороны Севастополя
после гибели В. А. Корнилова**

**В. И. Истомин, контр-адмирал,
руководитель обороны Малахова
кургана и других укреплений
Корабельной стороны**

**Э. И. Тотлебен, генерал-адъютант.
Руководил инженерными работами
во время обороны Севастополя**

Д. Е. Остен-Сакен, генерал-адъютант.
В 1854–1855 гг. начальник
Севастопольского гарнизона

Франсуа-Ашиль Базен, французский
дивизионный генерал, комендант
Севастополя после взятия города

Шарль Бурбаки. Воевал
в Крыму в звании
бригадного генерала

Жан-Жозеф-Густав Клер.
Начал Крымскую войну в звании
полковника 2-го полка зуавов,
закончил — бригадным генералом

Жан Батист Александр Монтодон, генерал.
Начал Крымскую войну в звании майора,
закончил — в звании полковника 3-го полка зуавов.
Автор «Военных воспоминаний»

Зуавы. Фото Р. Фэнтона

Французская батарея. Фото Д. Робертсона

Генерал Боске и капитан Дампьер.
Фото Р. Фэнтона

Генерал Боске и члены его штаба.
Фото Р. Фэнтона

Зуав 2-й дивизии.
Фото Р. Фэнтона

Маркитантка.
Фото Р. Фэнтона

Французские траншеи перед Малаховым курганом. Фото Д. Робертсона

Малахов курган после захвата неприятелем. 1855 г. Фото Д. Робертсона

Внутренняя часть редана. Фото Д. Робертсона

Гавань в Камыше. Фото Д. Робертсона

МОСТЪ СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ НА СѢВЕРНУЮ

Мост с Южной стороны на Северную. Рис. с натуры Н. Берга

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ
БЛИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

Главная квартира французской армии близ Севастополя. Рис. с натуры Н. Берга

The Theatre Ruins

James Paul Thompson 1854

Reynolds 1854

ОСТАТКИ ТЕАТРА ВЪ СЕВАСТОПОЛЕ

Остатки театра в Севастополе. Рис. с натуры Н. Берга

The Street in Kamyshe

James Paul Thompson 1854

Reynolds 1854

УЛИЦА НАПОЛЕОНА ВЪ КАМЫШЕ

Улица Наполеона в Камыше. Рис. с натуры Н. Берга

ФРАНЦУЗСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КАМЫШЕ

Французская церковь в Камыше. Рис. с натуры Н. Берга

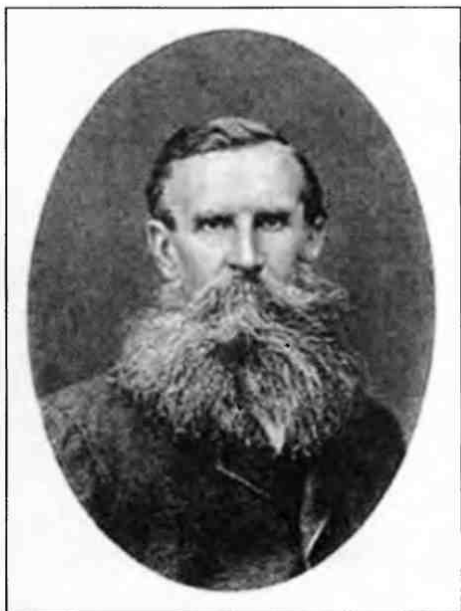

ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ БАТАРЕИ 3-ГО БАСТИОНА ПО ОСТАВЛЕНИИ СЕВАСТОПОЛЯ.

Внутренняя часть батареи 3-го бастиона по оставлению Севастополя.
С фотографии Д. Робертсона

А. Д. Столыпин

Н. В. Берг

Н. П. Сокальский

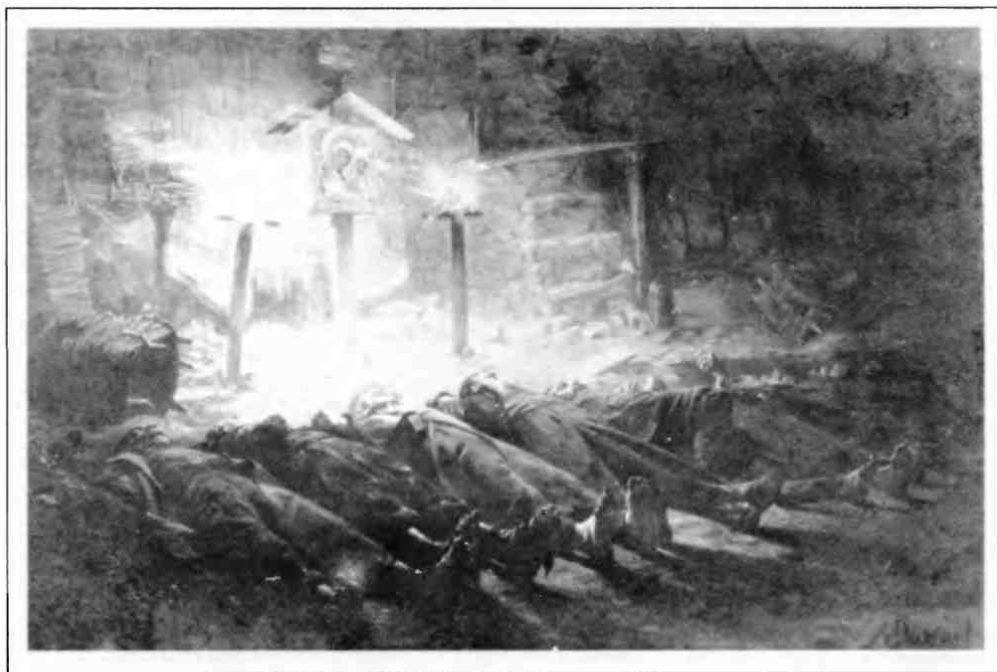
Автограф письма Н. П. Сокальского из Одессы А. А. Краевскому (январь 1857 г.).
Хранится в Рукописном отделе РНБ

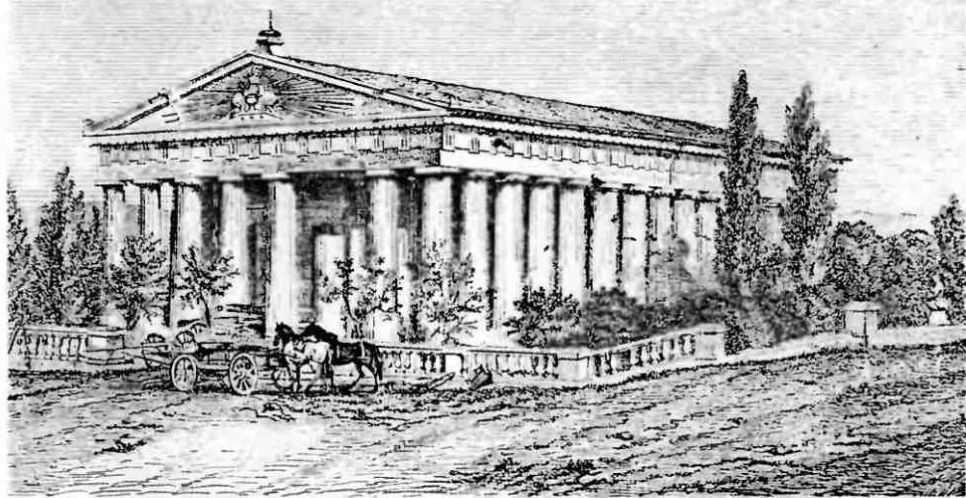
Н. И. Пирогов

В. М. Княжевич

А. Даван. Под Севастополем 1854–1855 гг.

Петропавловский собор.

Иллюстрация из французского издания «Воспоминаний...» М. Рейхарда

Петропавловский собор, разрушенный во время осады Севастополя

«Но, говорить, но!» Сейчас выскочит из транчеи, и бутылка у него рому. Немного одопьет, чтоб, значит, показать, что опаски тут нет никакой, и поставит на середине; а там и наш выскочит, одопьет сивушки, поставит на землю и коло нея положит бишквилей, а ром возьмет; ну и они возьмут сивуху. Когда все это кончится, опять пальба, да так это промеж корзин воюют, воюют, аж поки до ночи достриляются... Народ порядочный, и все больш ребята молодежавые — годов двадцать, тридцать; а старше как тридцать пять, сорок и не бывает. Только же, и-и-и, перемерзло их в зиму! Холодно, ветер, а у него нет так, чтоб теплой одежды или прикрытия. Начепит овчину, как бывает чулок, на ноги, а тут дожди пойдут, намочит порядочно — глядишь, и шабаш ему, или к нам передается. Так сказано, шельмы, а не народ! Он ведь не полезет так навипрямик: «на, возьми меня!» оттого — опасно. А он вот как удирает: одобьется ночнаго время от своей батареи и ударится к нашей цепи, да и заляжет в каменю. А ночью и к нам не пойдет, часом, чтоб секрет его не уложил. Ну, перед светом, как цепь снимается и секрет уйдет, он и бежит тогда прямо на батарею, на какой номер понал, оттого с светом уже свои пристреляют, как уздрят!¹... Помногу передавались разом: человек десять, двадцать. А то так было, что придут человек несколько беглецов и говорят: «не стреляйте, говорят, тут еще будут итти наши», значит, все передаются. Глядишь, вправду кучка таки порядочная идет, когда сотня, когда и две сотни разом переходят. Одначе приказ такой был, чтоб такого собрания не пускать на батареи, а «если хотят, говорит, передаваться, то пусть, говорит, разобьются так, чтобы на каждый номер помало достались». Оттого известно, хоч оно беглецы, да кто его знает: ведь целая колонна — каждый станет сумлеваться...

— Ну, как у них начальство?

— Начальство ничего, порядочное: в огонь идет поперед. Это (запомнил, ей-богу, что-то перед праздниками) в марте месяце, должно быть, делали они нападение на Малахову Башню. Там, известно, побили у него много народу: генералы два, кажется, убили; а тут повскочили армейские — туды, сюды, напали одного генерала, значит, так, что надо сдаваться. Окружили его, штыки вперед, как бывает ежак — нет ему ходу. А думка такая была, чтоб его сцанать живаго. От генерал туда подскочит — хлысть! Нема солдата; туда — хлысть! Ранил; а все его не колют, что, может, струсит, отдастся. Только же наскочил грек, пробился в середину, как ударит его, значит, шашкою, так из человека только половины подались на сторону лошади. «Что его миловать, говорит, не хочет сдаваться!» Тут армейские отличились: известно, к орудию попривыкали, и артилларию навезли — начали дествовать. А под конец уж матросов не стали больше пускать на вылазки, оттого, чтоб при орудие службу держали. Вот что!

— Скажи, пожалуйста, слыхал ты там про матроса Кошку или Бутенка? О них много пишут в вестниках, что крепко отличаются.

— Я вам скажу за него истинную правду, так что Кошка волшебник — вот что! Оттого, не может простой человек делать такие хвокусы, что делал Кошка. И то все правда, что отписано за него в вестниках. Сколько раз дово-

¹ Увидят.

дилось с ним на вылазки ходить. Так что ж? мы, значит, только успеем полдороги минут до неприятеля, а Кошка уже отбился, сходил на батарею, принес ранцев, ружья, пидстолей, шашек, все справился... почему? — волшебник. Раз так ослепил он, значит, зрение двум агличанским солдатам: им так, то есть, показывает, что будто свой офицер ведет, а он их прямо привел под нашу батарею. Разглядели они — назад бы кинуться! так уж поздно было... Бутенко? это другая сторона. Того Бог хранит. У него так сколько раз выбивало на батарею всю прислугу, а он все живет да живет. Как не знать Бутенка! боцманмат, значит. У него, так, что смелость, а Кошка — волшебник. Его, значит, как Великие Князья¹ были, так сильно наградили. Э-е, тогда добре было жить. Великие Князья никого, бывало, так не минут: ранен? — сейчас десять, шесть целковых и на тебе — не оставят без призрения; придут на батарею: «Ну, ну, ну, ребята, шапки не скидать!», а когда с крестом заметят: «Ты где, брат, получил крест?» И, сказать бы, как это Бог Их смотрел, что ходят, бывало, по всем номерам, так настояще, только что пулю словить! так нет: не пустил Бог до греха. Так и поехали благополучно из Севастополя, без беды, значит, без всякой и без раны.

— Когда же тебя ранило?

— Известно, когда, как не ночного время. И добро бы в действие был, а то так рвануло бонбу в небесах, — и на тебе. Тут получил я сильно контузию; опять же лихорадка начала бить и до сегодня не покинула. Да там, я вам скажу, на Черной речке, лихорадка эта и не выводится: климат, значит, такой, что меж гор; как пойдет туман от воды — никакой ветер не разгонит. Ну, как хватило меня, сейчас и отвезли армейские на северную сторону, оттого — в городе повыводили гошпитали. Это еще с осени прислал когда-то неприятель сказать: «выкиньте, говорит, черный флак над зданием, где будут больные лежать, и я, говорит, палить туда не буду». Одначе, какой-то шпион, значит, доскащик, злоумышленник такой, донес ему, что, будто, говорит, под черным флаком не больные лежат, а здоровые. Вот тогда, как зачал он шмалить по черному флаку, чисто, шельмовский, все поразбил, и больных и здоровых поранил крепко. Недобрый человек досказал... Так, значит, как переташили меня на северную сторону, давай пользоваться. Ну, только и по сие время ни нахилиться, значит, ни так, чтобы поднять с долу или спать прямо — так все и заболит. Теперь же, когда пойдет туман, сырость — беда! Хошь плачь. В тех гошпиталях видел я и таких, что прозывается «сестра». Ну, всякаго есть звания; есть также и старья, и так, что еще и молодья. Ну, только правда, что сестра: доглядит тебя, как лучше должно быть, как бы отец родной или мать так не доглядит. Известно, мужчина, фельшар, какой обходится больш грубо с разною раною, оттого — клопот у него с головою; а сестра, так это чудесно снимет, перевяжет, обмоет, завяжет; и нема у них того, чтоб церемония была какая: подвяжется фартушком, во всяком месте доглядит. Дай Бог им здоровья! И на тым свете и на этом буду молить за них Бога.

Н. Сокальский, июль 1855 г.

¹ Их Императорские Высочества Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи.

Н. В. Берг

Севастопольские письма¹

(в сокращении)

26

мая. Севастополь

Вот из происшествий довольно давнишних: бомба ударила в Александровския казармы, в корабельной части Севастополя, пробила крышу, пять потолков, причем в одном этаже изломала 6 сундуков, — разрешилась в подвале, подкатившись под кровать одной спавшей женщины с тремя малютками — и тут еще одним осколком пробило два потолка вверх. Такой необыкновенный удар требовал осмотра, и я ходил по всем этажам для убеждения: все оказалось так. — Другой необыкновенный случай: ядро в 18 фунтов ударило в ногу солдата и остановилось под кожей². Я опять не поверил и ходил на перевязочный пункт, где спрашивал у самого Пирогова и потом у его помощника Обермиллера — они подтвердили слышанное мною и показывали ядро. По запискам врачей, это третий подобный случай. При Наполеоне было два таких примера, но ядра были 6-фунтовые. С перевязочного пункта я вздумал отправиться отыскивать сестру милосердия Бакунину (Екатерину Михайловну), которую знал в Москве и прежде часто бывал у них в доме. Я встретил ее на дороге и, к удовольствию моему, сейчас был узан, несмотря на преобразование формы. Мы прошли в Николаевскую батарею, которая обращена теперь в госпиталь. Ей нужно было осмотреть некоторых больных. В длинном бесконечном коридоре в соседстве огромных крепостных пушек, смотрящих на море, лежали раненые и больные, один подле другого, на нарах. Воздух был, признаюсь, не хорош, несмотря на открытыя окна! Она меня даже спросила: «А вы не боитесь ходить между тифозными?» — Она осматривала раненых. Между ними была одна женщина, раненная осколком бомбы. Ей отрезали ногу, но рана шла плохо: женщине было за 60. Не могу забыть одного юнкера, лежавшаго тут же, раненнаго пулей в ногу. Он был очень молод и полон жизни. Взглядывая на него, я часто уловлял его взор с остановившейся слезой, обращенный к образу, который висел на противоположной стене. Бакунина подошла и к нему и уговаривала не отчаиваться. «Ах, Катерина Михайловна, да разве я отчаиваюсь!» — сказал он проникающим голосом. И сколько таких гаснет в одну минуту. Я спросил у Катерины Михайловны об их занятиях и пользе от них. — «Не знаю, — отвечала она, — но знаю, что нас солдаты любят. Один упрасивал меня принять четвертак! Они зовут нас: маменька, барыня!» — Как бы то ни было, быть сестрой милосердия — истинное самопожертвование и служба великая. Чего она насмотрится и наслушается! Солдаты, которым делают операцию, обыкновенно ругаются, будучи, по-видимому, усыплены хлороформом. Я не видал ни одной опера-

¹ Москвитянин. — 1855. — Т. 85. — С. 50–63; Т. 86. — С. 24–27, 30–32.

² Мы не понимаем этого выражения. — *Прим. М. П. Погодина.*

ции без ругательств. — Через несколько дней я увидел Бакунину на перевязочном пункте всю в крови; она прислуживала при ампутации. Однако, пробежавши мимо меня, не могла не сказать по старой светской привычке: «Я вас не вижу». — Пирогов уезжает и, к сожалению, берет с собою своих сотоварищей-медиков. К сожалению, я не видал ни одной операции Пирогова. Трудно было попасть. Он оперировал в разное время, увлекаясь вдохновением или взбешенный неловкостью хирурга, который приступил к операции. Впрочем, говорят, поэзия его операций понятна только для хирурга — эта чистота и верность разрезов.

Когда я шел из Корабельной через южную бухту, новым мостом, видел остатки старого, что был на барках, и вспомнил свое по нем путешествие. Остатки эти вот какого рода: 5 судов и тендеров, затопленные неприятельскими выстрелами во вторую бомбардировку.

На днях, в библиотеке, я встретился с Мельниковым (минер 4-го бастиона). Здоровье его не выдержало убийственного подземного воздуха. Он получил ревматизм и цингу и едет в Киев или Одессу.

Солдатам даны белая фуражки и позволено не носить галстуков и не застегивать крючков на шинели. Они очень рады, что воротник расстегивать и без галстука. Вообще всей армии разрешено ходить без галстуков и нам во всякое время.

Мы перебрались в лагерь на Инкерманские высоты, за 6 верст от Севастополя. Я однако же езжу оттуда в город всякой день. Вчера, только что я поехал из лагеря (это было ровно 3 часа) — как открылась бомбардировка левой половины укреплений — от Селенгинского редута по 4-й бастион включительно. Некоторые бомбы перелетали через бухту и разрывались шагах в 300 от меня. Вот вам картина бомбардировки днем: вы видите линию бастионов и строний подле них, в длину на 7—8 верст. Там и там, рядом и позади один за другим на разных холмах, поднимаются клубы белого дыма, гремят и перекатываются выстрелы, местами дым сливается в густой туман и закрывает все — батареи, горы, здания, но вдруг тут же, где-нибудь ближе, закрутится белое облако, подобное развернувшемуся мгновению парусу, — сверкнет едва видный огонек — свист ядра пронизает воздух или зарокочет своим известным рокотом бомба — и вот вдали, в горе, поднялась земная пыль, резко отделяющаяся от дыма, — минута, и земля комками с пылью, фонтаном подымается вверх — и потом раздается глухой взрыв. Временами вы слышите плеск ядра в воду или басистое пенье осколка гранаты, который гудет в воздухе — и вот опять перекаты обыкновенных выстрелов и тот же дым клубами и туманом. И так целые дни сряду. В секунду, круглым числом, выпускается выстрелов 25. Впрочем, это, говорят, прелюдия настоящей бомбардировки. Другая история, когда к этому присоединятся корабли. Сегодня я поднял на дороге, схавши из лагеря, ядро и привез с собой. Что за расстояния пролетают эти ядра! Я слышал, что последняя ланкастерская пушка испортилась, а они стреляют теперь с ланкастерской батареи из каморных орудий, которые бьют немногим чем хуже. Ядра ланкастерских — конические, а последних — круглые. Сейчас (я пишу на фрегате) выходил смотреть

на ракеты, которые стали подыматься из трех точек вдруг, на город. Пущено уже до сорока. Днем это ничто иное, как змейка дыма с огненной головкой, которая тут же и гаснет. Смотря на ракеты, я не мог не полюбоваться на действие нашего 10 номера, который громит Херсонес. У них устроена батарея в печке, где прежде обжигали известь. (У меня на картинке четвероуг. возвышенность). Наши подбили у них все орудия — осталось только одно. 10-му номеру помогает также Константиновская, стреляющая через бухту (1300 сажень) и также очень удачно. Вообще артиллерия у нас опередила все.

Высокомерие французов ни на что не похоже. Сердце разрывается. После 10 мая, после страшной резни всю ночь (с 10 часов вечера до 4 утра), где было наших 14 батальонов и их 8 колонн. — на другой день мы выкинули парламентарский флаг, чтобы убрать тела. Они продолжали стрелять и даже проббили самый флаг в нескольких местах. Мы выкинули флаг красный с белым, что значит: мы покорнейше просим остановить стрельбу. Только тогда они прекратили огонь и выкинули белый флаг. Дерзость в битвах доходит также до больших размеров. Один наш полк в жару боя вдруг услышал сзади отбой: обернулись, и что же? Затесался французский барабанщик и бьет наш отбой! Конечно, его подняли на штыки. Прекращал писать на 5 часов. Вот что случилось. Я писал в капитанской каюте: вдруг входит матрос и говорит: «Сильная ружейная перспалка!» — Я бросился на палубу: Трубу! — Мне указали движение неприятельских колонн около Селенгинского редута. Я навел трубу и увидел толпы французов, окружающих редут; часть обходила, часть лезла на вал — редут был ими занят, они бросились на Вольнский и заняли его — потом часть их сбегала вниз и на полугоре засела за вал и начала перестрелку с нашими войсками, наступавшими с берега. Вскоре потом атака началась на первый и второй номера, далее на Камчатский редут и Малахов курган — завязалась сильнейшая перестрелка между Малаховым курганом и 3-м номером — и потом все это покрылось сумерками, но перестрелка батальным огнем, бомбы, ядра, гранаты и бомбоскатни продолжались до 11 часов. Мы сели ужинать и после ужина я опять пишу. Я забыл сказать, что после занятия французами наших редутов был выкинут на корабле «Константин» флаг — сняться пароходам и подойти под редуты; между тем, пока разведут пары, стрелять по неприятелю. Потом два снялись: Бессарабия и Громомосец, и ушли. Что они делали там, не знаю. Остальным велено остаться на якорях. Я был на палубе до прекращения перестрелки, — было слышно крики, вроде «ура», — чьи, не известно. — Завтра взгляну в трубу на место побоища. За кем редуты, будет видно. Вот тебе и ракеты! Они пускали их, чтобы отвлечь внимание, а между тем обходили наши редуты! <...>

1855, мая 31. Севастополь

Англичане, кажется, недовольны успехами французов; почти не слышно об их участии. В бою и вылазках не бывают никогда. Все французы и французы. Англичан только мы и видим в лагере, в трубу. Французы ругали их крепко 26 мая: говорят, если б нам помогли англичане, мы взяли бы Малахов курган.

Севастополь. 7 июня 1855

Не все писать печальное, вот вам и повеселее известие. 5-го числа июня, утром, французы открыли опять бомбардировку или, как выражаются солдаты, — бондировку. Эта бондировка была посильнее открытой 26 мая. Вечером, когда стемнело, к сухопутным батареям присоединились пароходы, пуская залпом по 15—20 и более гранат и бомб. Это был адский перекатный гром выстрелов на линии в 10 верст. Все гудело и дрожало. Я лег спать поздно, часу в первом, но в два часа проснулся от стрельбы опять, оделся и вышел на палубу. Неприятельские пароходы продолжали пускать гранаты и ракеты в город. В три четверти часа я насчитал до ста ракет, пушенных с пароходов, а также с Бамборы и с Херсонеса. Город горел в 5-ти местах. Разумеется, никто не тушил, но пожар, к счастью, не распространялся. Это было в такой части города (в Артиллерийской слободке), где от домов остались одне голыя каменные стены с черепичными кровлями. Начало светать, и я, полагая, что наступления уже не будет, пошел снова спать, но проспал только час, как ко мне вбежал вахтенный офицер и разбудил меня словами: «Вставайте! Наступление на Малахов и 3-й номер!» Я бросился как сумасшедший. Был 4-й час, по-морскому семь склянок. С замирающим сердцем и дрожа я влез на ванты (веревки, переплетенныя поперек другими в виде лестницы, служащая для входа на мачты и поддерживающая мачту) и обратился весь в ту сторону, где завязалась сильнейшая ружейная перестрелка. Тысячи огоньков перепылались по горам; орудия гремели и сыпали сотни бомб; в нашей бухте проснулись дремавшие корабли и пароходы и стали сыпать гранатами и бомбами в сторону неприятеля. На высоте Малахова кургана 2 раза пылал фальшфейер с четным числом фонарей — кажется, это был знак, что пароходы могут стрелять за нашу линию. Но через 10 минут взлетела ракета — требую подкрепления! — Невыразимое, страшное чувство обняло всех нас, находившихся на палубе; все мы глядели, не зная, где неприятель — взял ли Малахов? Нет ли? Что будет? Дым закрывал все. Удача неприятеля на Селенгинском и Волынском порождала опасения. Взглянувши с вантов вниз, я заметил, что нет нашего священника, прекраснаго и добраго человека, — я слез сейчас и побежал к нему в каюту. На дороге, между палубами, я увидел матроса, стоявшаго на коленях перед образом Спасителя в иконостасе нашей маленькой церкви; он молился вслух: достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу. Я принял это за знамение и, разбудив священника, сам пошел и стал молиться перед образом. Матрос все еще молился, и я оставил его молящагося и опять взобрался на ванты. Перестрелка несколько стихла. Наши орудия гремели по-прежнему. Через час почти уже не было ружейной пальбы — ясно было, что неприятель отступил. Мы стали дышать свободнее. Говор сменил тишину.

Я стал глядеть по сторонам и вдруг увидел идущие от севера полки; штыки переливались на утреннем солнце. Это было подкрепление, посланное Главнокомандующим из лагеря в город в замену войск, отправленных оттуда на Малахов. Я крикнул сверху. Мы все заликовали. Весело было смотреть на

свежая, бодрья войска, когда они спускались с горы к пристани, сажались на баркасы, приготовленные заранее, и на пароход, давно стоявший у берега... Все это быстро перенеслось на другую сторону. Через полчаса пальба утихла совсем; подул свежий ветер и разнес облака дыму, загораживавшие нам картину боя. Простыми глазами можно было видеть отступающая расстросенныя колонны неприятелей, но мы смотрели и в трубу. За валами, как обыкновенно, спинами к нам, сидели наши стрелки в том же количестве, как мы их видели всегда. Конная артиллерия стояла на возвышенности, следя за удалением неприятеля. Был уже 7-й час. Я напился чаю и уехал в лагерь.

Там все ликовало. Неприятель был так озадачен, что ни одна его пушочка не стреляла на всей линии часа два. Но потом снова открылась бомбардировка. После занятий я опять воротился на фрегат и, не отдыхая, отправился с нашим священником на перевязочный пункт, в Корабельную. Священник взял крест и Евангелие, что делает всегда, отправляясь на места перевязок. Причалив к так называемому Павловскому мыску (по Павловской батарее, которая стоит тут же), мы пошли к перевязочным палатам и увидели против них, на большом боте, кучи французских раненых. Это были те, которые приползли сами во время дня к нашей цепи; но уборки тел и раненых еще не было. Французы выкидывали флаг, но мы отказали. — Большая часть раненых лежала навзничь на тюфяках, прикрытая той же кровавой одеждой, в которой пришли. (Белье дают им на Северной, а там делается только перевязка и, если нужно, ампутировка.) Кругом на гранитных плитах были лужи крови. Беспреданно появлялись носилки одни за другими, слышались стоны и крики. «De l'eau! de l'eau!» — кричали раненые. Им давали сию минуту. Возможный порядок был. Два—три из них сидели на боку по причине легкости раны, и один артиллерист, весьма красивой наружности, плакал, утирая слезы платком, но так, как будто отирал лицо. Кажется, ему не хотелось, чтобы видели его слезы. Между ранеными было несколько арабов и турок.

Немного погода принесли французского солдата, у котораго я заметил на руке нежное изображение любви: два сердца, пронзенные стрелой. Сверх них — летящий амур, и над ним пара целующихся голубков. Все это окружалось лавровым венком. Каких хлопот стоило сделать такое изображение на живом теле накалыванием и патиранием!

Когда бот отплыл (он забрал не менее 50-ти человек), мы пошли в палату. Огромная комната была наполнена ранеными французами и русскими. Кому достало тюфяков, а кто лежал на голом полу, улитом кровью. Три священника в разных местах напутствовали отходящих в жизнь вечную. У больших открытых настежь дверей стояла кровать, на которой ампутировали и которая никогда не была порожней. Чтобы обойти всю комнату, заглянуть во все углы, надо иметь крепкия нервы.

Вот внесли раненаго с отбитой ногой... «Ну, этого нечего! — говорят доктора; — говори, чего ты хочешь: воды? вина? водки?» — Но он не отвечал ни слова... Неподалеку два других хрипели, умирая, и страшное хрипение их слышалось во всей палате...

За порядком смотрел краснощекий бравый офицер с весьма странной фамилией — Воробейчик. Но был вовсе не воробейчик, а птица матерая. Его спокойная, здоровая физиономия представляла резкую противоположность со всем окружающим. Он когда-то был первым кларнетистом в Москве — и вот судьба! Мне показался он очень милым и добрым человеком, и таким считал его наш священник, который давно его знает.

Я спросил о числе русских раненых, записанных на этом пункте. «Покамест 700 (это был пятый час дня), но вчера к этому времени было за 1000», — отвечал он. — «Не слышали ли, сколько убитых у французов?» — «До 15-ти тысяч. Все это теперь завалено их телами. Дело было молодецкое. Французы ворвались в самую Корабельную слободку и напали на курган с тылу, но тут их встретила артиллерия картечью. Ранен племянник Пелисье; я сам отправлял его на Северную; также в числе раненых один генерал и 22 штаб- и обер-офицера». До каких размеров дошла война! Переметчики нам говорят, что войска не любят Пелисье. А Канробер? — *C'est autre chose!* — Но что делать! Канробер колнак в сравнении с Пелисье, если поставить их рядом как полководцев.

С Павловскаго мыса мы пересехали на Графскую пристань, в город. Там всюду были солдаты и больше ничего. Все тротуары на Екатерининской улице были заняты ими; они лежали, сидели, ужинали, играли в карты. Против них, по край тротуаров, стояли в козлах ружья. Я зашел на перевязочный пункт в Собрание — те же картины. — «Сколько раненых?» — «За двести». Мы встретили дежурнаго священника, нам знакомаго. Ему можно было отлучиться ненадолго домой, и мы пошли к нему выпить чаю. Вдруг что-то свистнуло — и мы увидели в нескольких шагах от нас катящееся поперек улицы ядро. Оно ударило в подножие каменнаго забора, где сидели солдаты, и откатилось. Мы спросили: не убило ли кого? — Одного солдата, наповал. Он сидел, ужинал... Мы подошли взглянуть, но его уже положили на посылки и понесли...

Придя в квартиру священника, мы велели ставить самовар знаменитому матросу, который служил прежде на фрегате Рафаил, взятом турками. Когда-нибудь я расскажу вам несчастную историю этого фрегата и его командира.

А я пошел за кренделями в одну известную мне лавочку. И опять никого в улицах, кроме солдат! Все лавки заперты, но, к счастью, та, которую мне было нужно, была отперта. Ее загораживала толстая стена, а, может, и хозяин был похрабрее. «Что, страшно у вас в эти дни?» — спросил я. — «Ужась, как страшно, — отвечал хозяин, — видели, подле нас бомба разворотила угловую лавку?» — «Видел!» — Воротясь, я нашел готовый самовар.

Мы напились чаю очень приятно впятером: явились еще два священника. Хозяин рассказал нам, что ему пришлось в тот день святить две батареи на 5-м бастионе, под выстрелами. Выйдя на двор, они показали мне ракету, которая принеслась к ним с Бамборы. Рассматривая ее, я услышал свист другой ракеты, летевшей, как казалось, прямо на нас. Чувство самохранения невольно заставило меня прислониться к одной стене. «Вот

как, отступить? — сказал один священник, — видно, что не в городе живет! А у нас в Севастополе нет отступления». Действительно, ни один из них не пошевелился, пока прогудела ракета. Я оказался всех трусливее. Когда мы пошли с нашим священником к пристани, Остен-Сакен объезжал войска. Два из оставших его адъютантов говорили между собою по-французски. Не можете представить, как это было противно слышать.

Нашей шлюпки еще не было. Мы прошли на Николаевский мысок, где складывают убитых для перевозки на Северную. Трупов 50—60 лежало навзничь рядами. Иные (большую частью матросы) лежали в чистом белье со свечою в руках, вложенною товарищами, и одетые товарищами. Страшная и вместе умильная картина! У многих окоченевшие пальцы сложились знаменем креста: видно было, что умирающий хотел перекреститься или крестился... Православные люди, солдаты же и матросы, подходили к мертвым без шапок и крестились. Под особенными навесом из досок лежали отпетые... Через несколько минут мы плыли мимо этого мыска. Уже стемнело. Вложенные в руки мертвецов свечи горели...

Утомленный впечатлениями и прогулкой, я крепко заснул, но в 12 часов сегодня, 7 июня, меня разбудили: опять наступление! — Я оделся, помолился — и опять влез на вант.

Перестрелка и гром батарей не меньше, чем накануне. Два раза пылал фальшфейер. Ночь была довольно темная. Но почему-то, слушая гром этой перестрелки, мы были спокойны. Мне крепко зевалось, как в скучном и очень знакомом спектакле. Я слез через полчаса с вантов и улегся. Я уверен был, сам не знаю отчего, что наша возьмет. Через полчаса потом кончилась стрельба. Ясно было, что неприятель отступил. Я спал, как убитый, и был разбужен в 8-м часу. Взглянув в трубу, я увидел поле, усеянное трупами. Кое-где вдали поодиночке бродили французы. Батареи их молчали.

Лагерь я нашел в том же веселье. — В 10 часов был благодарственный молебен. Главнокомандующий уезжал в город и благодарил войска. — Забыл вам сказать, что за день до бомбардировки прибыло к нам 10 батальонов — это первые батальоны тех 3-х дивизий, которых мы давно ждем. Полки шли к нам в лагерь с песнями; мы узнали добрых гостей тотчас по их черным фуражкам, а у нас белая...

Сейчас выбегал на палубу: раздался ужаснейший залп с неприятельских кораблей; другой я видел и слышал с палубы и насчитал 21 бомбу: все это летело вдруг. Мы отвечали с 3-х батарей. Порядочная трескотня, нечего сказать. Но теперь опять тихо. Ни выстрела.

Перед вечером, на левой стороне батарей было перемирие, для уборки тел. Я ходил туда. Все поле усеяно ядрами, картечами и осколками бомб. Земля взрыта. Кое-где валялись французские шапки с номерами. Между их и нашим валом стояло две цепи: наша цепь и их цепь. Но солдаты сблизались и говорили, не знаю по-каковски. В одном пункте сошлись офицеры; подъехал верхом французский штаб-офицер и разговаривал с нами очень приветливо. Он был на славном арабском коне, в новом мундире, в блестящих эполетах, в подбитых гвоздями башмаках и с тростью в руке.

(Они всегда командуют тростью.) Почетный легион украшал его грудь. Я вглядывался в физиономии французских солдат, которые толпились тут кучами и оглядывали нас. Нечего, молодцы! Батарейный майор (как он сам себя потом назвал) посылал их назад, а одного, в блузе, прогнал довольно сердито, сказав, что он совсем не так одет, чтоб быть здесь. — Возвращаясь, я поднял на поле несколько картечь, пуль и осколков гранат, и две-три пришло вам при случае. — Первый час ночи. Ложусь спать. <...>

10 июня. 1855. Севастополь.

Два дни тихо, почти не стреляют. Однако корабли и пароходы их под парами и очень близко. На переговорном пункте против 3-го бастиона (в перемирие для уборки тел) англичане выражали нашим офицерам, что мы славно отделали французов. Так я слышал. — Французы были уверены, что возьмут Севастополь. Хрулев отправлял одного раненого французского офицера на Север. сторону, но тот просил его оставить, говоря, что через полчаса Севастополь будет взят и тогда его перевяжут свои. — Попала бомба в корабль «Ягудиил», пробила одну палубу, на второй разрешилась и зажгла корабль, но огонь сию минуту был потушен. Еще ядро пробило баркас, но никого не убило и не ранило.

Замечательно, что едва мы выступили из штаба в лагерь, как в штаб ударило ядро. А прежняя ядра (числом около 200) ложились около, не причинив никому вреда. Одно только ударило в стену и откатилось; я поднял его и положил к себе под стол вместо скамейки под ноги.

На днях, заглянув в одну причаленную шлюпку, я увидел матросов, играющих в шахматы: вместо шашек были неприятельские пули разных сортов — везде следы войны.

Недавно на перевязочном пункте у Павловской батареи между французскими ранеными оказалась женщина в солдатском платье. — Сегодня ранены Тотлебен и Шварц, но, к счастью, весьма легко: 1-й — в икру правой ноги пулей навывлет, а второй — в ухо, также пулей навывлет. Главнокомандующий ездил навещать Тотлебена. Он ранен на Жервередуте, между 3-м и 4-м бастионами, а тот — на своем. О выздоровлении их напишу тотчас. А мы молимся.

15 июня. 1855. Севастополь.

... Потери у неприятеля в дни штурма 6 и 7 считают до 12 тысяч. Одних офицеров у французов до 200 с лишком и 3 генерала, а у англичан 36 офицеров и 2 генерала.

Англичане строят нам куры. Очень заметно, что французы их прижали и господство их англичанам не по сердцу. К нам пришли 3 дивизии (48 тыс.), еще ждем 2 дивизии и 26 тыс. ополчения. Это оживило. Еще подвезли снарядов: ядер и бомб. — Тихо; почти не стреляют. В день бомб 500—1000.

Тотлебену лучше. Шварцу тоже. Он ранен в ухо камнем. Говорят, он должен ехать в отпуск. Этот человек до сих пор был решительно заговоренный с его редутом от пуль и бомб. Все удивлялись постоянно, как он и редут его уцелели.

Мы ждем новой бомбардировки. — Поговаривают о смене Пелисье. Не довольны последнею значительною потерей людей. Он хотел отнять знамена у войск, уцелевших от приступа, войска закричали: à bas Pellissier!¹ — Он сказал, что будет жаловаться императору. Они закричали: à bas Louis Napoléon!²
<...>

К С. П. Ш.³ Августа 10-го. 1855 г.

Лагерь на Инкермане

Самая последняя наша новость — это сражение 4 августа на Кадыковской долине. Я был сам на поле битвы. Дело было жаркое, дрались великолепно, но ничего нельзя сделать: их позиция выгоднее нашей в 10 раз, войска много — французы, сардинцы и испанцы — и, в добавок, к несчастью нашему, на долину утром пал туман. В трех шагах ничего нельзя было видеть. Наши авангарды ушли вперед и рано начали дело, не видя, что сзади их нет еще резервов. Все, что я видел, описал довольно подробно в письме к Мих. Петр. (Погодину. — *Д. П.*) от 7 августа. Если вам любопытно, взгляните. Зная ваши отношения и частые встречи с ним, я решился не повторять в письме к вам того, что было писано к нему, и наоборот, — что пишу к вам, уже не повторяю в письмах к нему, кроме экстренных известий, которые желательно скорее напечатать. — О тумане сообщите ему: забыл сказать. В 3 часа, или около того, туман стал редеть, и к восходу солнца его уже не было. — Я сорвал на поле сражения несколько цветов. Поклон Екатерине Михайловне (Бакуниной. — *Д. П.*) я передам непременно, но когда — не знаю. В настоящее время город бомбардируют. Мы не ездим туда без нужды. Она живет, вероятно, в Николаевском укреплении, где совершенно безопасно. Когда, даст Бог, увижусь с ней, то напишу вам. — Что касается до Гаврилы Гамбурга (наборщика), я был уверен, что вы не писали ничего к Павлу Степановичу (Нахимову. — *Д. П.*), но уведомил вас об этом (как я вам и писал) единственно по желанию покойного Адмирала. Он был моряк и, прежде всего, человек самый простой. Он никогда не занимался рассуждением о том, при каких случаях пишутся рекомендательные письма и при каких не пишутся. Вся его беседа с Гамбургом есть доказательство этой невероятной простоты и доброты. Эта беседа может быть даже внесена в биографию Адмирала. Столько в ней оригинального. Он позволил ему городить околесную целый час, слушал с терпением непостижимым, в середине рассказа трепал Гамбурга за хохол собственноручно, как отец сына, и кончил тем, что все-таки определил его — который без него пропал бы совсем. И теперь, благодаря ему, Гамбург постреливает на 18-м номере и, может быть, дождетя награды. И пусть постреливает! Я полагаю, что лучше всего оставить его в покое. — Кто знает, может быть, из него выйдет порядочный комендор.

¹ Долой Пелисье! — *Д. П.*

² Долой Луи Наполеона! — *Д. П.*

³ К Степану Петровичу Шевыреву. С. П. Шевырев вместе с М. П. Погодиным возглавлял журнал «Москвитянин». — *Д. П.*

При перемирии зуавы дарили нашим солдатам трубки, которые прислал им Наполеон в подарок, в день своих именин (3-го августа). Носили убитых вместе с нашими — один у носилок наш, другой зуав. Одного русского солдата (Орловской губернии) нашли живаго; у него была оторвана левая рука и раздроблена левая нога. Он был в полных чувствах и говорил, как совершенно здоровый. Он не позволил себя класть, а лег в носилки сам. Все дивились крепости его и мужеству. Французы вообще удивляются терпению наших, с которым они выносят операции, жажду, голод и все, что случится. — А сами — учтивы до невероятия — а раненых наших не подобрали! — Англичане (не бывшие в бою) явились в небольшом числе на перемирие, но вели себя дурно и переступили черту, назначенную обоюдным условием армий. Французы тотчас заметили им это — и они удалились. Вообще англичане народ нестерпимый. Дерутся также плохо. — Одеты были без вкуса, в пренелепых картузах. Один солдат наш, смотря на такой картуз, сказал: «Верно, англичанин!» — и не ошибся.

Курские ополченцы содержат стражу в Северном укреплении. Вчера, ездивши на Мекензиеву гору, я видел, как некоторые дружины разместились между солдатами и подружились с ними. Солдаты, шутя, учат их настоящим артикулам. А куряне, сведоми кмети, устраивают песенные хоры; солдаты окружают их; иные поют с ними заодно; а иногда солдаты устроят свое веселье — музыку, куряне окружают их и вообще, кажется, довольны новым житьем-бытьем.

Дня три тому назад было у нас холодно. В толстой солдатской шинели — только так. А теперь опять сильный жар. За 30 градусоу тепла. — Не так давно летела через наш лагерь саранча необъятною, густою тучей. Говорят, на крыльях ея написано по-халдейски: кара Божья. Это может прочесть разве Петров, которому доступны все азбуки. Посылаю вам экземпляр крыльев саранчи, пойманной мною на Мекензиевой горе, в нашем боевом лагере.

Мост с южной стороны на северную готов, вчера открыт. Это благодеяние: в приступ мигом перейдут с севера войска.

Августа 12-го.

Никак не думавши видеться так скоро с Екатериной Михайловной Бакуниной, я увиделся с нею вчера. Была надобность в город. Я нашел ее, как и предполагал, в Николаевской батарее. Мы пили чудесный чай и говорили о Москве. Я нашел в Екатерине Михайловне ту же бодрость и ту же энергию. 10 дней тому назад бомба ударила подле окна каземата, где была одна из операционных зал. Стекла от взрыва разлетелись вдребезги, и все медики разбежались. Когда вошли потом в залу, страх долго не проходил, и артерии перевязывались не так успешно. Екатерина Михайловна взялась помогать и исполнила это как нельзя лучше. После 10 мая она была при 100 ампутациях, сделанных в один день. — Кланяется вам усердно, благодарит за память и желает вам и семейству вашему всего лучшего и добраго здоровья. Говорит: «Насмотревшись на столько больных, я лучше другаго знаю, что здоровье дороже всего». — От нея прошел я в лавки,

в нижний этаж батареи. За несколько часов перед тем в одну из них упала бомба и ранила беднягу-сидельца в ногу. Ему отняли пальцы. Рядом с лавками живут морские офицеры в 3-х казматах. Я зашел к ним и провел вечер. Говорили о прошлых делах. Все народ бывалой; кто ранен, кто контужен, а на взгляд — мальчишки. Под конец устроилось пение и игра на фортепьянах. Один офицер хорошо играл. Во время пения мы слышали близкие взрывы бомб, падавших на батарею и около нея, и редко попадавших в такт. Было весело, и никто не думал об осаде и бомбардировке. Такой дух, бодрый и веселый, везде. — Ночью была сильная стрельба на Малаховом и 2-м номере.

<...>

Августа 25-го. 1855. Фр. Коварна.

Ваше письмо от 23 июля я получил только вчера, т. е. 24 августа, ровно через месяц... У нас опять бомбардировка — преимущественно правого фланга, но такая, какой при мне еще не было. Все дрожит и трясется. Сидя в палатках в лагере, мы иногда высказываем, услышавши неслыханные громы, и смотрим, что такое? Не разверзается ли земля? Валяют залпами. Дым, сначала подымавшийся белыми столбами в разных точках по всей оборонительной линии, теперь представляет одно висящее облако, не развеваемое ветром. Конечно, в городе не видят солнца. На Забалканском редуте открыта вчера неприятелем новая батарея — так и катает ядрами по бухте... не могу не остановиться на этом слове: сейчас к нам впелилось ядро, разбило чан с водой; фрегат закачался; люди забегали... насилиу отыскали ядро и сейчас свесили: пуд и 23 фунта... Поверите ли, в то время, покамест я пил утренний чай и затем стал к вам писать, около фрегата упало, по крайней мере, 30 ядер; свист и всплеск каждого я слышал очень ярко. Нет, время убираться отсюда. Сбываются слова покойного Адмирала (П. С. Нахимов. — *Д. П.*): «Вам скоро будет неловко на фрегате!» — это он сказал мне на другой день по взятии у нас редутов: Волинского, Селенгинского, Забалканского и Камчатского.

... Вот в каком смысле говорил я, что надобно некоторым нашим фабрикам и заводам перенять деятельность Севастополя. Деятельность тех, которые в одну ночь уничтожают невероятные разрушения на бастионах, невообразима, так что неприятель, проснувшись и увидав на развалинах новые здания, только дивится и не знает, что делать... Их статьи полны удивления к этой деятельности на бастионах. «Русским, говорят они, нельзя давать отдыха ни на одну минуту, не только на ночь; бомбардировка и сейчас приступ! — только тогда мы успеем».

Третьяго дня вечером рядом с нами загорелся от бомбы транспорт Березань и сгорел весь. По беспечности русской и ради авось чуть не сожгли корабля «Марии», который стоял за транспортом под ветром... О, русский человек! Что ты такое, русский человек?

Неделю тому назад был взрыв порохового погреба на Камчатском редуте, причем у неприятеля повреждено до 10 орудий; их станки принесло

на 3-й бастион. Этот взрыв был сделан бомбой, пущенной с Будищевой батареи на 3-м бастионе, и вот как об этом рассказывают. От известного до известного часу пускается с каждой батареи определенное число снарядов. Командир батареи спросил ночью, поздно, когда думал заключить стрельбу: сколько выпущено бомб по спуске флагов? — Ему сказали: девять! — Ну, валяй десятую для четного числа, и шабаш до утра! — Вальнули 10, и она взорвала погреб... Только случилось, как это всегда случается, что с двух — трех батарей было также пущено в эту минуту по бомбе на Камчатку — и каждая из этих батарей честь взрыва приписывает себе.

Пирогов едет сюда опять¹.

За статейку о Нахимове душевно благодарен. Она весьма по сердцу здешним воинам. Посылаю вам письмо об ней Бутакова², одного из лихих моряков, который пойдет далеко. Он взял с бою турецкий пароход «Перваз-бахри». Удовлетворите его просьбу, она вместе и моя. Не мешает напечатать экземпляров сто отдельных и прислать сюда для раздачи по бастионам и кораблям, да с портретом, который сделать получше на камне. — Ваш листок полетел по бастионам.

Вы говорите, чтобы я собирал о Нахимове анекдоты, мелочи, и скорее, чтобы напечатать в статейке. Вы опять как будто не помните, что мы осаждены, и меряете Севастополь московским аршином, забывая, что здесь земля дрожит у нас под ногами. Чтобы услышать что-нибудь, надо быть в городе, надо переехать бухту, по которой режут и плещут ядра; в городе надо напасть на кого-нибудь из знавших адмирала — а где эти знавшие? Кто на бастионе, кто в штабе, бегают, суются, потому что, говорю, земля дрожит под ними и не знает никто, что завтра будет. До рассказыванья ли анекдотов... Я уж пробовал, ловил — и что поймал, то у вас, а что поймаю, тоже будет у вас. Я живу для этого на фрегате, где все-таки вижу народ, действующий в разных точках, слушаю, записываю... а что будет дальше, не знаю.

Н. Б.

«Берегите Тотлебена... а я что-с». Так переданы были в Москвитянина слова Нахимова по общим слухам. После я получил несколько севастопольских замечаний, по коим слова эти исправляются так: «Берегите Тотлебена и Васильчикова... а я что-с?». Я очень рад исправить ошибку, тем более, что исправлением представляется новое дорогое имя на уважение соотечественников, по свидетельству такого законного судьи, как покойный Адмирал.

М[ихаил] П[огодин]

¹ В августе 1855 г. Н. И. Пирогов был в Симферополе. — Д. П.

² Через несколько дней, 26 августа, Дмитрий Иванович Бутаков, лейтенант 37-го флотского экипажа, кавалер ордена Св. Георгия IV степени, был тяжело ранен в спину осколком бомбы. Ему было 28 лет. Скончался в Симферополе 19 сентября 1855 г. Был похоронен на городском кладбище. Надгробный памятник и могила не сохранились (см.: *Ляшук П. М.* Герои «Севастопольской страды». — Симферополь, 2001. — С. 80). — Д. П.

Н. В. Берг

Крымские заметки¹

Вы хотите видеть Севастополь; но я должен вас предупредить, что вы найдете одни грустные развалины. — Что бы я ни нашел, я все-таки хочу его видеть, и видеть как можно скорее.

Мне подвели лошадь. Дабо и проводник-татарин отправились со мною вместе.

Мы ехали довольно быстро мимо лагерей и каких-то отдельных палаток, перемешанных с балаганами. Нам стали попадаться русские ядра и осколки бомб. Я никак не думал встретиться так скоро с моими земляками. Первые ядра увидел я с небольшим в полуверсте от главной квартиры и слишком в четырех верстах от Севастополя. Потом мы проехали двухэтажный каменный дом Уптена, столько знакомый командирам всех наших батарей правого фланга. Около него всегда толпились кучи французов и англичан, видныя только в трубу. Сколько раз целили по нем с 4-го, 5 и 6-го бастионов! Один батарейный командир уверял меня, что однажды распугал любопытных около этого дома пущенным ловко ядром. Я искал следов приятельского ядра, но не нашел ничего. — Потом направо, в поле, мы встретили наши севастопольские пушки, на лафетах и без лафетов, окруженные цепью рогаток. Больше и больше стало попадаться славных русских ядер... Наконец мелькнули строения города; но я почти ничего не мог узнать: это были не строения, а массы разрушенных домов, без крыш и без окон; это были желтые, глиняные столбики, торчавшие из земли на огромном пространстве. Мы проехали несколько рядов неприятельских траншей, большею частию засыпанных, и очутились перед заставой, которой я никогда не видал во время осады. Направо я узнал 4-й бастион. Налево хотел угадать 5-й и 6-й, которых казематы были мне столько знакомы, — на 6-м даже я жил около недели, — и что же? я никак не мог их отыскать за горами камней. Искал известного всем дома Красильникова, чтобы по нем добраться хоть приблизительно — не нашел и его. Как остовы мертвецов, похожи были друг на друга разбитыя жилища севастопольцев... В самой заставе, на площадке, собрались какия-то войска: стояли батальона два в ружье. Мы проехали мимо их и повернули налево по Морской. Те же развалины, те же столбики; но между ними, к удивленно, попадались совершенно целые дома, с крышами, как будто нарочно пощаженные выстрелами и пожаром. Так странно было их видеть посреди опустошения! Притом они еще жили: в них шевелились люди; иногда у ворот стоял часовой. Ясно было, что дома не столько разбиты выстрелами и разрушены пожа-

¹ Современник. — СПб. — 1856. — Т. 58. — С. 131—202. Печатается в сокращении.

ром, сколько расхищены потом неприятелем. Я сам на третий день после сдачи, когда утих пламень и рассеялся дым, видел десятки, если не сотни, уцелевших крыш, город стоял как будто не погоревший; а тут не осталось почти ни одной дощечки. В домах с уцелевшими доньяне крышами жил кто-нибудь из генералов французской армии: вот почему спаслись эти крыши. На иных домах я читал надписи углем: 2-ме Corps, 3-ме Zouaves... и разные другие надписи. Вот в переводе одна, более удобная: *Говорят, что сержант Бернар не пьет водки, а он пьян всякий день*. Но больше всего было имен и фамилий.

Я почти ничего не говорил с Дабо во всю дорогу, и он меня не спрашивал, вероятно, угадав мои чувства. Что толковать о том, как было грустно... не знаю, что бы я дал, чтобы эти улицы стали опять прежними улицами, полными русским народом, хоть бы даже снова загудел и загремел Севастополь, пробуждая наших приятелей, занявшихся расхищением наших домов, шумными скачками и каруселями...

Мы просхали почти всю улицу. Я взглянул вверх на памятник Казарского: он уцелел совершенно; но чугунная решетка, окружавшая бульвар снизу, почти вся исчезла. Несколько ея кусков валялось на гранитных плитах тротуара.

Лестница также была разбита... а налево, к морю — Боже мой! — на месте, где стояла громадная Николаевская батарея, белели кучи мусору — и только! Из-за них выступал противоположный берег, прежде не видный. Несколько французских солдат копались в мусоре и подбирали что-то между камнями. Мы повернули направо, мимо бульвара. Вот и Собрание — главный перевязочный пункт, с которым так связано имя Пирогова. Казалось, за этими обожженными стенами, без крыши и окон, там, в глубине, в обширной зале, сейчас увидишь его, в серой солдатской шинели, из-под которой выглядывала красная фуфайка; на голове картуз... он сидит там безвыходно, у столика, в стороне, и смотрит, как носят и носят кровавые посылки, иногда подойдет к операционному столу, посмотрит и опять сядет за свой столик... там *он*, там этот человек в серой шинели, с выразительным лицом, с виду суровый и холодный...

Левее, на площадке, стоял домик ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ, но это уже не дом, а четыре голые стены. Ни крыши, ничего. Уцелела только часть деревьев, окружавших его. Спереди пристроен балаган, или, просто, навес с надписью: «Café-restaurant». Ямы, оставленные бомбами на площадке, все те же. Не прибавилось ни одной. Вот и Графская пристань! Мы слезли с лошадей и спустились по ступеням. Внизу лежала разбитая пушка. Немного дальше валялись два белые куса мрамора, в которых я усилию узнал две статуи, стоявшие на пристани, в нишах. Львы и две другие статуи были нами спасены. Направо, за горами камней, как раз против домика, в котором жили офицеры, смотревшие за пристанью, свалено было множество ядер и картечи. Несколько французов хлопотали около каких-то бревен. В южной бухте двигались английские суда. Противо-

положный берег пестрел народом. Морские магазины казались целыми. За ними возвышался пустынно Малахов, с веявшим на нем французским флагом; но что-то грустное, молчаливое, как смерть, было там, на этих валах... Северный берег чернелся передо мною по-прежнему: я не заметил в нем никакой перемены.

Я хотел было рисовать; но ветер, несносный и пронзительный, рвал из рук бумагу.

Поднявшись опять на лестницу, я пошел по Екатерининской улице. Деревья у тротуаров были целы; но дома также разрушены. Всем бывшим в Севастополе во время осады известно, что скоро, на правой руке, является домик, где жил Нахимов. Я даже помню номер на воротах — 14-й. Я едва узнал этот домик, стоявший, как и другие, без крыши. Я тотчас взошел по каменным ступенькам в бывший стеклянный коридор и заглянул в дверь: полу не было; я с трудом спустился на груды камней и осмотрел все комнаты. В кабинете остались железные кресла адмирала, разумеется, один остов. Ядро засело в стену. Кое-где уцелели обои. В гостиной еще не выскочил из стены гвоздик, на котором висела картина, изображавшая фрегат «Крейссер»¹. Деревья на дворе зеленели по-прежнему. Под окнами, в небольшом садике, выходили из земли широкие листья тюльпанов, посаженных по приказанию адмирала...

Вот дом Тотлебена... еще дальше — Митрополичье подворье, где я, бывало, пил чай по вечерам с отцом Вениамином, священником фрегата «Коварный», когда мы оба возвращались из библиотеки и заходили сюда к отцу Никандру и другому Вениамину. Виноград, росший у них на дворе, пострадал от огня. Остался только главный толстый ствол, на этот год не пустивший зелени... Библиотека глядела сверху по-прежнему, конечно, разрушенная, как и все, с упавшей террасой, с разбитыми и треснувшими стенами. Один Михайловский собор стоял невредим. Я пошел к нему с мыслию помолиться. Сколько раз я молился в нем и перед ним, проходя иногда по улице, когда все кругом гремело и земля колыхалась под ногами. Здесь мы похоронили наших героев... сколько воспоминаний! И я пошел припомнить ту молитву, которая, бывало, ободряла и просветляла меня, которую человек умсет находить только в минуты тяжких испытаний, — и что же? войдя внутрь, я не мог помолиться: храм не походил на храм. Голые, обнаженные стены и столбы были исписаны кругом праздными изображениями и надписями. Нечего сказать, французы нехороши на это. В других уцелевших севастопольских храмах, в церкви Св. Петра и Павла и в Кладбищенской, осмотренных одним знакомым мне священником, еще более следов неуважения к святыне.

Выйдя из собора, я сел на лошадь и поехал прямо к 4-му бастиону. По улице волокли французы какое-то бревно, впрягши трех лошадей цугом.

¹ Нахимов начал службу на «Крейсере» под командованием капитана Лазарева, впоследствии главного командира Черноморского флота.

Дальше стали попадаться французския военные телеги четверней и шестерней, по две лошади в ряд.

Я проехал дом, где жил в начале осады граф Остен-Сакен. Он довольно сохранился. Вот бывшая кондитерская Йогана; вот гостиница Томаса, где я жил в феврале прошлого года. Я отыскал следы ракеты, разбившей у нас окна в трех нумерах и потревожившей целый дом. Вот и кондитерская Томаса, где случилось мне есть мороженое в июле — за месяц до сдачи. Вот лавки караимов, огромный трехэтажный дом. Ветер хлопал остатками маркиз в верхнем этаже...

Я искал в переулке лавочки, куда ходил иногда за кренделями; но тут все слилось в массу каменных обломков... Мне пришел на память бесстрашный хозяин этой лавочки, мрачный и неразговорчивый и, вдобавок, хромой, торговавший здесь своим грошовым товаром до конца. Бывало, зазвонишь колокольчиком, привешенным к двери — мрачная фигура молчаливаго хозяина является из соседней коморки, безмолвно отворяет свой убогий шкаф и достает связки кренделей... Где-то он теперь ковыляет по белому свету? жив ли?.. Вот, наконец, и театр, предвестник 4-го бастиона. Торчали одне стены. Только вход был сбережен каким-то ресторатором, повесившим тут доску с надписью: «Café du Théâtre». Направо через площадь, где, бывало, роем летали штуцерныя пули и страшно было ходить, стояла наша полосатая будка, и при ней ходил французский часовой. Мне пришла мысль срисовать театр из будки, потому что ветер все еще продолжался и мешал рисовать на открытом воздухе. Я вошел в будку прямо, как хозяин, уселся на камне, который там лежал, и накинул очерк. Часовой не сказал мне ни слова; только после заглядывал в будку и дружелюбно заговаривал со мной о разных предметах. Кстати, в отношении французской учтивости, замечу здесь, что некоторые часовые по улицам делали мне на-караул, а встречные солдаты, не имевшие ружей, прикладывали руку к шапке.

Окончив очерк, я сел опять на лошадь и въехал на 4-й бастион. Это были взрытыя груды земли — и больше ничего. Посредине, поворачивая то вправо, то влево, шла крепкая тележная дорога. Инде валялись ядра и осколки бомб; рассыпана была ржавая картечь. Следы амбразур едва-едва остались. Все это слилось в низкий бугристый вал, на котором, местах в трех, торчали небольшие каменные будочки, и подле них сидели часовые. Я насилу нашел блиндаж адмирала Новосильскаго и потом пороховой погреб.

Чтобы не возвращаться назад, татарин мой отыскал спуск прямо с одного угла бастиона, через ров. Мы съехали благополучно. Тут опять осколки, клочки картечных картузов и даже пули. Остановясь на минуту, я набрал без всякаго труда пуль тридцать; взглянул на бастион снаружи, откуда, конечно, никогда его не видывал: еще ровнее вал; еще невероятнее, что эти осевшие, разрытые холмы были когда-то страшным, непри-

ступным 4-м бастионом, который до конца выдержал бой и сохранил свою славу. Трех взмахов карандаша довольно было для того, чтобы снять один угол бастиона, с будочкой и французом.

Было пять часов. Мы погнали лошадей рысью, чтобы поспеть к обеду и после ехать в театр в Камыш.

Я нашел офицеров уже в обеденной зале. Полковник, известный панорамами, говорил о России, где провел несколько лет. Замечания его были довольно верны.

После обеда я увидел у крыльца оседланных лошадей.

— Ну, господа, едем! — сказал Берто.

Французы не любят копаться, когда сказано *едем!* — Спешите выходить и садиться: иначе вы отстанете на версту.

Мы отправились в театр: Бодуен, Берто, капитан Орбиньи, поручик д'Орлеан, принадлежавший также к штабу, и я...

Чтобы ехать в Камыш из Главной французской квартиры, надо взять гораздо левее Севастополя. Французы считают до него от штаба восемь верст; но мне показалось меньше. Мы ехали все время рысью. На дороге случилось небольшое происшествие: вдруг я увидел перед собою фонтан искр; лошади шарахнулись. Что же оказалось? — у капитана Орбиньи загорелись в кармане спички. Мы, конечно, остановились и начали, с общими криками, тушить пожар; то там, то здесь выскакивали искры. Капитан лишился кармана в брюках и части сюртука. Когда все было улажено, мы опять тронули коней.

В версте или около того от Камыша мы встретили вал и широкий ров, который шел оттуда до Казачьей бухты, как сказал мне Берто. Меня изумлял ров, глубиною больше, чем в рост человека, и шириною сажени в полторы. Он был вырыт в крепкой каменистой почве; каменные слои ярко обозначались на стенках. В некоторых местах возвышались батареи; но пушек нигде не было. Мы проехали в ворота между валами. Камыш показался вдали: тесные ряды однообразных деревянных домов, пожалуй, балаганов, идущие версты на две, с некоторыми промежутками, потом бухта, полная кораблей, и море. *Voilà Kamiech!*

Мы проехали несколько палаток и балаганов. Начало темнеть, и кое-где блеснули огоньки.

— Вот и театр, — сказал мне Берто.

Среди массы темнеющих зданий я увидел треугольник крыши, над которой полоскался в воздухе небольшой флаг.

Я уже воображал освещенные ложи, гремящий оркестр... играют водевиль... несколько шагов — и я увижу все это; но я забыл французские порядки: надо было еще пристроить лошадей.

Д'Орлеан почему-то командовал нашим поездом. Не доехав до театра шагов пятнадцати, он повернул к одному длинному балагану, и мы все повернули за ним.

Балаган был темен и пуст. Ни шороху, ничего!

— Кто там есть? — крикнул д'Орлеан, — нельзя ли принять лошадей?

Никто не отвечал. Надо было крикнуть громче. За воротами задвигалось какое-то живое существо и сказала, что нет места, некуда поставить, спросите тут рядом.

Спросили рядом: та же история.

— Скажите, по крайней мере, где турецкия конюшни?

— А дальше, у самого въезда: там увидите палатки.

Мы поехали совсем назад, и опять театр исчез из виду.

Довольно долго искали мы турецких конюшен. Подъехали к каким-то палаткам; явилось несколько оборванных турок.

— Где французский он-баши¹? — спросил д'Орлеан по-турецки, разумеется, с французским произношением, и вместо *где* поставив *куда*.

Турки забормотали что-то. Двое-трое отделились от толпы и побежали показывать. Мы двинулись за ними и подъехали к другим палаткам. Через минуту явился турок с фонарем, одетый в черном казакине. Я заметил цепочку часов, болтавшуюся у его борта. Вообще он глядел довольно прилично.

Он взялся уладить наших лошадей, отпустил нам несколько французских слов, не слишком связных и ясных. Французы отпустили в том же духе и ему несколько турецких, — и дело устроилось. Мы слезли с лошадей и пошли пешком к театру, от которого отделились на полверсты.

Мы шли между рядами балаганов. В одном месте, на площадке, солдат, приняв нас за патруль, свесил ружье и закричал: «кто идет?»

Театр опять явился со своим флагом; мы подошли — и что же? нет спектакля! Разумеется, это озадачило нас всех очень неприятно.

Мы стали рассуждать, что нам делать. Я взглянул на город: через площадь (театр стоял, как водится, на площади) начиналась улица, освещенная фонарями. Это была улица *Славы*. По ней двигалось несколько людей. Командир нашей поездки, д'Орлеан, побежал за чем-то туда и пропал в темноте. Направо было тоже несколько балаганов, из которых угольный вмещал, кажется, ресторацию. Двое прохожих шумели на углу, потом подошли к ресторану, и один начал стучать в стену кулаком. Этот стук раздавался громко в тишине ночи. Хозяин вышел и никак не мог отогнать докучных гостей. Кулак барабанил да барабанил в стену. Потом, с правой стороны, показались два солдата.

— Пойдем, поглядим, кто это там, — сказал один.

Они немного покачивались и шли обнявшись, подойдя к нам, поглядели, и один сказал: «Какие-то офицеры!.. пойдем лучше в Камыш!»

И они отправились в Камыш. Мы все стояли и разговаривали, как вдруг слева показалась темная фигура в пальто.

— Вот и мсьё Шово²! — сказал Орбиньи.

Шово обернулся к нам; у него тотчас же спросили, отчего нет спектакля. Было объявлено, что спектакля ждут ежедневно.

¹ Он-баши — десятник.

² Директор театра.

Он начал раскланиваться и объяснил, что, вследствие отбытия некоторых полков во Францию, не стало доставать музыкантов, и он принужден был два дня исключить из репертуара, а именно понедельник и пятницу.

— Вы, верно, не читаете моих афишек, мессье! это все было напечатано... Впрочем, так как вы жалуете редко, не угодно ли будет взглянуть на внутренность театра? Там произошли некоторые перемены и добавления с тех пор, как я не имел удовольствия вас видеть... Пожалуйте за мной.

Мы поднялись на крыльцо и вошли в боковую дверку. Шово зажег свечу и повел нас в партер, разделявшийся на две части: для офицеров и солдат. Везде были лавки со спинками, обитыя крашеной холстиной. На спинках стояли нумера. Мы перелезли через загородку, отделявшую солдатские места от офицерских, и наткнулись на спущенную люстру. Люстра была деревянная, но сделана довольно затейно. Директор обратил на нее наше внимание.

— Лучше нельзя, господа: ведь это все в три-четыре недели.

Он показал нам на нижнее, блестящее серебром украшение люстры.

— Это мы достали в Севастополе, — сказал он, съев частицу последнего слова, что сделал собственно уже для меня. Французы вообще стараются как можно меньше говорить при нас о Севастополе. Русскому человеку недолго нужно рассматривать это украшение, чтобы узнать церковное паникадило.

Мы пошли дальше. Театр был довольно велик и устроен хитро. Так как места для зрителей шли покато сверху вниз, то можно было некоторую часть залы вырыть в земле. Этим выигрывались время постройки и даже самый материал. Чуть-чуть не половина залы находилась под землей. Стены были заштукатурены, выбелены и слились совершенно с деревянной надстройкой, где помещались ложи. Я бы, конечно, не рассмотрел этой архитектурной проделки, если бы нам не объяснил ее сам директор.

— Теперь не угодно ли пожаловать в ложи?

Передние ложи, ближайшия к сцене, отличались некоторым особенным убранством. В четырех из них были занавески.

— Вот ложа маршала, — сказал Шово, вводя нас в первую ложу налево.

Но маршал, как я узнал после, никогда не бывает в театре. Шово и не рассчитывает на его посещение и потому решается иногда, при недостатке мест, пускать офицеров в эту ложу.

Ложа была довольно обширна. В ней могло поместиться человек пять. Впереди стояли два кресла и стул. Сзади, у стенки, был диван, обитый ситцем.

Шово потрогал подушку рукой, как бы лелея свое дитя, и попросил Берто сесть.

— Пожалуйста, сядьте! ведь довольно мягко. Это все я импровизировал... вот ложа для первого коменданта!.. вот для офицеров Главного Штаба!

— Славно, славно, мсье Шово! нечего сказать, вы мастер своего дела! — заметил ему Берто.

— Я бы устроил лучше, но на все это, со всем, с постройкою театра, мне дали только шесть недель. Помните, в Оране¹ у нас театр был немного лучше. Помните, когда прибыл туда маршал Бюжо, он остался очень доволен. «Это мне напоминает предместье Парижа!» — сказал он мне, проходя по улице Славы. Действительно, там было много двухэтажных домов... о, какой был спектакль! На нем присутствовали герцогиня Омальская, герцогиня Немурская, его высочество герцог Монпансье!

— А здесь много у вас бывает?

— Много: театр может поместить тысячу двести человек, и, представьте, всякий день почти полон. Третьяго дня были здесь все нации: французы, англичане, русские, сардинцы — *voilà quatre nations!* мне очень приятно вспомнить этот день! Русские — о, какой это любознательный народ! Говорят на всех языках, на каких угодно. «Мсьё Шово, дайте, пожалуйста, лишнюю афишку, я пошлю друзьям»... всякий день бывают! Вероятно, явятся и завтра; приезжайте: будет очень недурной спектакль, нечто буфоническое, *une bouffonnerie musicale!* *Les deux aveugles* и потом *Le Caporal et la Paysanne*²...

Поток речей лился из уст Шово неудержимо. Я передаю только малую частицу и чувствую, что выходит что-то не то. Букет французской болтовни пропал совсем. Для этого нужен французский язык.

Мы вышли опять на крыльцо и увидели своих лошадей. Что-то не уладилось, и турки привели их назад. Это было очень кстати; но д'Орлеан еще не являлся. Мы принялись опять за болтовню с Шово.

— Что, как вы держите актрис, мсьё Шово? — спросил у него кто-то. — Камыш такой город...

— Я поступаю в этом случае, как все директоры театров в мире... Впрочем, я не могу пожаловаться...

— А вот и мсьё д'Орлеан!

Мы увидели зыблущуюся воинскую фигуру д'Орлеана. Этот офицер был не что иное, как шитая шнурками куртка, широкия красивые брюки, суженная дудочкой книзу, лихая фуражка и усы, — словом, точь-в-точь как рисуют военных во французских иллюстрациях.

Турки подали нам лошадей, и мы поехали шагом.

На другой день, после завтрака, я отправился с Дабо в Георгиевский монастырь, с тем чтобы оттуда проехать в Камыш. Дабо взялся показывать дорогу, но путал. Однако мы приехали на место довольно рано. Я вспомнил очерк монастыря, помещенный в «Иллюстрации»: берег моря, скалы, белеющая церковь, — и собирался поверить все это на деле. Подъезжаем: какой-то двор; несколько каменных зданий, построенных покоем. Направо — судя по всему, в кухне — шел говор на английском языке. Я увидел поваров в фартуках и колпаках, кастрюльки, блюда и в заключе-

¹ В Африке, в провинции Алжир.

² Музыкальная буффонада! Двое слепцов и потом Капрал и Крестьянка... — Л. П.

ние, на полу, в сенях, кипящий русский самовар. Никакого моря, ни скал, ни церкви. Я сказал об этом Дабо.

— Погодите, все это будет, — отвечал он.

Мы слезли с лошадей, прошли каким-то коридором в здании направо и очутились на террасе с чугунной оградой; а потом шел крутой скат к морю: гора, покрытая сосновым лесом. В глубине, почти у подошвы ската, виднелись домики. Правее, как бы обрамливая картину, стояли стоймя черные скалы, окунувшись в море. На одной из их вершин сидел англичанин, неизвестно как взгромоздившийся туда. Я узнал его по мундиру. Впрочем, кого другого занесло бы на эти скалы? У решетки стояло несколько французских офицеров, облокотясь на чугун. Другие сидели на каменных плитах, подле решетки, и что-то читали. Направо некуда было итти, разве только в кельи братий; мы пошли налево и увидели церковь. Французский жандарм, ходивший в воротах, которые стояли поперек террасы, подошел к нам и спросил, что нам нужно. Я сказал, что хочу видеть церковь и монастырь.

— В церкви идет теперь служба, — отвечал жандарм.

— Тем лучше: я могу помолиться: сегодня у нас Страстная суббота.

— Извольте пройти.

Мне сейчас пришел в мысль настоятель монастыря, отец Геронтий, о котором я так много слышал. Он оставался с братиею во все время осады в монастыре. Мне хотелось взглянуть на физиономию этого человека. Обедня была уже на отходе, когда я вошел в церковь, наполненную народом. Много было англичан и французов. Я никак не мог протесниться внутрь и остался в дверях. Подле меня стояли два французских офицера и говорили о Геронтии, как кажется, тоже дожидаясь его выхода. Геронтий вышел с дарами... я не видывал такого величаваго старца. Но было что-то суровое в чертах его лица. Я так загляделся, что забыл опустить голову. Французы глядели на него пристально, не спуская глаз; офицер, стоявший подле меня, не выдержал, обернулся ко мне и сказал:

— Какой старик!

Я вышел из церкви и стал смотреть на море. Мне захотелось спуститься вниз, чтобы взглянуть оттуда на монастырь; но у калитки, на нижней террасе, была такая надпись: *il est défendu de descendre au bord de la mer*¹. То же самое было написано и по-английски.

«Стало быть, это для англичан и французов, — подумал я, — а русских Пелисье велел пускать везде, без всяких исключений: зачем же я откажусь от своих прав?»

Я стал объяснять мое желание Дабо, говоря по-русски. В это время проходил монах и, услышав русскую речь, остановился и сказал нам весело:

— Что это, рус, рус?

Я разговорился с ним о монастыре и об отце Геронтии.

¹ Запрещено спускаться на берег моря. — Д. П.

— Да, тяжело приходило[сь], — сказал мне монах, — ничего не знаешь о своих; строгость такая! особенно, когда стояли здесь зуавы. На горку не выйди поглядеть: сейчас и бежит солдат и машет ружьем. Другие, армейские пришли, — стало полегче; а как жандармы поступили, так уж совсем стало хорошо. Мы с ними как со своими. Да уж и говорить-то мы немного стали по-ихнему: все иное слово и объяснишь. Поедет жандарм в Камыш, на базар, всегда придет: не надо ли кому чего купить в городе? и купит лучше нашего. Сардинки — оне что стоят? мы по три франка платили, а жандарм поедет, только два заплатит, и полтора.

— Нельзя ли, батюшка, сойти к морю? — спросил я.

— Отчего нельзя. Мы вас куда угодно проведем. Это сделал Пелисье, чтоб туда ихние не ходили. Там, внизу, англичане разорили дом, — ну и было запрещено с тех пор ходить к морю. Только я вот вам что скажу: трудно туда спускаться — надо палку взять и подпираться палкой; а бурку вы эту бросьте здесь, хоть у меня в келье. Вы думаете, как отсюда будет до моря? ведь тут верста!

— Как, верста спуску?

— Да, верста, оно не кажет, а верста! мы знаем хорошо; я вас не обманываю, не пугаю... извольте итти, коли угодно: я вам сейчас покажу сход.

Он подошел к жандарму, указал на меня и сказал просящим голосом:

— *La mer, la mer!* — хочет посмотреть: позвол!

Жандарм понял, в чем дело, и сказал, что он сейчас сходит за ключом и отопрет мне калитку; но мы объяснили, что этого не нужно, что есть другой спуск, лишь бы не было препятствия.

— Препятствия нет, — отвечал жандарм, — извольте итти.

Монах повел меня к таинственному сходу; но он оказался не совсем удобен: надо было прыгать с какой-то стенки, опершись ногой в щепку, воткнутую в кирпичи. Однако мы спустились с Дабо благополучно и стали сходить ниже и ниже по извилистой тропинке между кустами. Кое-где попадались ветхия деревянные лестницы, инде были высечены ступеньки в самой горе; но вдруг все это пропало, и нам пришлось сползать, просто, по камням... наконец мы остановились у обрыва. Море было еще далеко. Я взглянул вверх: над купами темных сосен висел в воздухе белый храм. Направо и налево выступали скалы, за живой решеткой тополей. Я присел на пень и срисовал весь монастырь, как он мне оттуда показывался. Потом мы стали опять подыматься. Тут только я поверил, что до моря верста.

Бурка моя оставалась в сенях большого каменного дома, где были кельи монахов. Я зашел за ней, но надеть ее уже не мог и привязал в торока.

Мы поехали в Камыш; на дороге, в одной лощине, встретили человек десять музыкантов какого-то драгунского полка: они шли скорым шагом и наигрывали разные марши.

¹ Море, морс. — Д. П.

Вот батареи и чудесный ров, которым я снова любовался. Вот и палатки турок. Мы отдали лошадей тому же он-баши и отправились пешком в город.

Как-то естественно прежде всего попадешь в *улицу Славы*. Влево от нея идет еще несколько улиц. Иные дома оторвались в поле и там уже мешаются с палатками.

Дома Камыша — это не дома для житья, а лавки или балаганы для торговли, большею частью некрашенные. Камыш — род Макарья в ярмарку. Вы видите ряды белеющих вывесок с яркими черными буквами. Нет дома без вывески. Вы идете, и вам мелькают в глаза разные товары: головы сахару в известной голубой бумаге; посуда, ряды бутылок; сабли, шпоры, ботфорты — все это белесится почти нераздельно. Вот магазин эстампов. Вот разные иллюстрации, желтые и зеленые книжки, на которые так и бросается глаз, и тут же зеркала, гребни, щетки для усов, ликеры и портер... Глаза разбегутся: такая пестрота, блеск, разнообразие, а купить, кроме вина да сахару, нечего: все это слишком средней руки. Между тем цены довольно изрядны. Когда вы станете расплачиваться — наполеондорами, нашими червонцами или какой хотите золотой монетой — вам сдадут всякими деньгами: французскими, английскими, сардинскими, русскими, испанскими, турецкими. Наш целковый принимается в четыре франка и в большом ходу.

Между лавками попадают часто рестораны и кафе. Их чуть ли не столько же, сколько лавок. Улица пестрит разнообразным населением, звучат всевозможные языки; гремят телеги, несутся дилижансы. Вот стали у какой-то зеленой гостиницы, с большими окнами, с занавесками; кучи французских офицеров сидят на балконе, за маленькими столиками. В окна видны накрытые столы, ряды ножей, вилок, блестящий хрусталь, обои, зеркала, картины в золотых рамах, — все как надо, хоть бы в городе; а тут, напротив, через улицу, опять чисто лагерное или ярмарочное строение: серый дощатый балаганчик с мотками кренделей и несколькими головами сахару. Какие-то рожны стоят у дверей: тележки — не тележки, торчат оглобли; на пол-улицы разъехались два огромных колеса. Кучи ящиков сложены тут же; вороха каких-то бочек, кадушек, досок... две убитые крысы выброшены из лавки, и никто их не убирает... Вдруг турецкий разговор влетел вам в уши: по деревянному тротуару валит прямо на вас толпа турок, топя и крича... Пробежали какие-то жидки, выдающие себя сию минуту своей жидовской физиономией. Вот скачет франт-англичанин на чудесном коне. Что за конь! Блестит и сияет лондонский сапог у всадника... Вот мчится кабриолет, и за ним целая кавалькада разномундирных англичан... Прошли пять, шесть французов в синих шинелях и в красных брюках. А это что? Две серые русские шинели! и потянуло вас к ним, и хочется перемолвить несколько слов, и они уставились на вас и смотрят, верно, с теми же мыслями... Но ваше внимание обращено уже на даму, которая едет верхом рядом с офицером. Дама сидит по-мужски: ноги в стремяна. Офицер, красивый собою, кокетливо напутал на шею какой-то неформенный шарф...

Я просил Дабо указать мне лучшую гостиницу. Он рекомендовал одну, на улице *Наполеона*, куда заезжают обыкновенно иностранцы. Мы вошли в комнату с ситцевыми обоями, с белым полотняным потолком, весьма ловко устроенным. Несколькo небольших столиков были заняты англичанами: мы насилу нашли себе место. Мне подали прейскурант: я читал, читал и ничего не мог понять, кроме *котлет*. Пришлось распорядиться этим делом Дабо. Он потребовал супу, волованов, какой-то рыбы, называсмой тюрбо, бифстексу и бордо. Подавали довольно скоро, и все изготовлено было недурно. Особенно мне понравилась рыба тюрбо.

Вся эта история стоила 15 франков 20 сантимов. Вот счет, который представил мне *garçon* после обеда:

Pour 2 personnes:

Pain	Fr. 1
Vin	2
Potage	2
Beefsteak	3
Turbot	3
Vol-au-ven	4

Потом мы пошли в театр. Уже стемнело. По главным улицам зажглись фонари. У театра толпилась куча солдат. В дверях стояли двое часовых с ружьями; в коридоре опять двое, дальше еще. Всюду ружья и штыки. Мы взяли с Дабо билеты в первые места, по пяти франков. Представление уже началось...

Странно охватывает вас этот блеск бронзовых ламп под большими стеклянными колпаками, этот гром оркестра, разноцветные мундиры, европейский порядок. Невольно подумаешь, что за год с небольшим на этом самом месте было пустое, дикое поле, шумел ветер и раздавался крик морской одинокой чайки...

Но в звуках оркестра мне слышались звуки войны, и траурное покрывало накидывалось для меня в иные минуты на весь этот блеск и сияние...

Театр был полон. Посредине, над сценой, горел в золоте герб Франции, с орлом и буквой N. Офицеры сидели кто в шинели, кто в сюртуке. Офицер, проезжавший по городу с амазонкой, рисовался в том же неформенном шарфе. Двое дежурных офицеров, один в партере, другой в ложе, были оба в полной форме, с подвязанным к воротнику знаком. Кроме того, в ложах виднелись три-четыре жандарма, которые внимательно смотрели за солдатской публикой, наполнявшей заднюю часть театра. Солдаты в антрактах сильно шумели. Иногда раздавался писк, произносились какия-нибудь слова, слышалась топотня ногами. Двос жандармов сейчас являлись из лож и живо подхватывали шалуна. Весь театр обращался в ту сторону; потом все утихало по-прежнему. Впрочем, эта шаловливая публика следила за ходом пьесы внимательно и откликалась каждому слову.

Солдаты сидели в шапках. На некоторых офицерах тоже были шапки. В оркестре, за музыкантами, сияла медная каска пожарнаго, который обязан также быть в театре.

В одной ложе я заметил каких-то премудреных дам...

Пьесы были те, которые нам назвал накануне директор: *Les deux aveugles*, *Le Caporal et la Paysanne* и, сверх того, *Une mauvaise nuit est bientôt passée* и *Le Chapeau d'un horloger*.

Все это в лагерном духе и пересыпано такими каламбурами, каких не услышишь ни в одном театре. Актеры сносны. Между ними мне понравились особенно двое: М. Pinson и М. Ludovic. Из актрис — играющая лучше других — М-me Palmerine.

Театр кончился в 11 часов с лишком. В улице *Славы* светилось еще несколько огоньков. Я зашел в одну ресторацию выпить чашку кофе. Большая зала, обитая ситцем, была полна народом, преимущественно солдатами. Все это сидело за маленькими столиками, у которых верхняя доска была из сераго мрамора. Все столики ресторации были мраморные и один в один, как на заказ. У стены, посередине комнаты, за прилавком, сидела полная и румяная мамзель и что-то шила. Прилавок был уставлен множеством бутылок, образовавших около мамзели род ограды. За мамзелью, у самой стены, возвышался большой шкаф до потолка, также полный бутылок. По зале бегал маленький, жиденький французик, в сером коротком пальто, в серых брюках и в башмаках; на голове у него была черная шапочка без козырька, которую я никак не сумею описать. Точь-в-точь такие шапочки носят запросто австрийские солдаты. Французик был хозяин ресторана. Он сам подбежал к нам с кофейником, поставил на стол две чашки, тяжелые, как бомбы, и налил кофею. Сливки, разумеется, не спрашивай. Сухарей я тоже не мог добиться. Против меня, через комнату, на стене была нарисована большая картина, кажется, на картоне и так искусно приклеена или пришита к обоям, что совершенно с ними сливалась. Она изображала толпу французских солдат с трубящим впереди трубачом. Под картинкой была такая подпись: *Du moment où on nous a dit de faire de la musique, la danse ne pouvait pas tarder à recommencer*¹. За спиной у меня оказалась соответствующая этой живопись, изображавшая французских матросов перед морем, где торчало из воды несколько мачт и внизу была подпись:

— *C'est tout de même fichant de trouver la besogne toute faite; 108 bâtiments décollés... en voilà des gâtes-méliers!*²

Мы заплатили за 4 чашки кофею 70 коп. серебром и пошли. Надо было выбирать. Служители гасили без церемонии лампы и свечи и ставили вверх ножками стулья в кучу.

— Куда ж деваться в такую темь? — спросил я у Дабо, — давайте ночевать в Камыше.

— Давайте.

— Куда ж итти?

¹ С момента, когда нам сказали играть музыку, танец не мог замедлить снова начаться. — Д. П.

² Досадно, однако, найти работу полностью выполненной; 108 затопленных кораблей... вот так дешевая добыча! — Д. П.

— Пойдем в *гостиницу для иностранцев* на улице Наполеона: там есть номера.

Мы пошли по тихим и спящим улицам. Ворота гостиницы были заперты; но только что мы стукнули, как явился какой-то человек в ночном костюме и сначала не хотел было отпирать, но мы объяснили, что мы заезжие люди, что я русский, — и ворота отворились. Нам указали номер — маленькую комнату с неизбежными ситцевыми обоями, со столом, стулом, зеркалом и двумя кроватями, и подали стеариновую свечу. Все было обыкновенно, исключая кроватей. Кровати были необыкновенные — двухэтажные, вроде морских, так что под одной помещалась другая. У меня в нижнем этаже не было никого; но у Дабо кто-то храпел. Я разделся и лег под одеяло, какое послала судьба — серенькое, фланелевое. Подушки и простыня были чисты.

На другой день поутру я услышал пение петуха. Ему отвечали еще пять-шесть отдаленных. Веселый солнечный луч ударил в окошко. Я вспомнил, что у нас Светлое Воскресенье, и вот где пришлось мне его встретить, одному, самому с собой... Немного погодя проснулся и Дабо. Мы стали одеваться, спросили кофею, расплатились и вышли. Ночевка и кофеи стоили 2 р. 50 к. серебром.

Было часов 8. Город начинал шевелиться...

Через полчаса мы уже неслись на своих конях в Главную квартиру. Турецкий он-баши насилу согласился принять от меня деньги за лошадей и проводника, говоря, что это безделица, что ему будет заплачено штабом; но я упросил-таки взять. Вышло очень немного: за трех лошадей, с 5-ти часов вечера до 8-ми утра другого дня, за обед и ужин проводника — 8 франков, то есть на наши деньги 2 руб. сер. Мы приехали в Главную квартиру часов в 11, прямо к завтраку. Это был мой последний завтрак с офицерами главного штаба французской армии. Срок моего отпуска кончился, и надо было вспомнить о Бахчисарае. Лошадь мою не расседывали. Я тут же простился с Берто и его товарищами, откланялся начальнику штаба, сел на своего казацкого конька и пустил его рысью в Балаклаву. Дабо и татарин командированы были со мной до Черной речки. <...>

**Забутые
судьбы**

Часть III

К. Н. Филлипов. Военная дорога между Симферополем и Севастополем во время Крымской войны

Какие человеческие и матери-
альные жертвы будут необходи-
мы, чтобы закончить войну!

Ш. Боше

Председатель Крестовоздвиженской общины сестер милосердия

В. М. Княжевич

В начале войны помощь раненым оказывалась прежде всего жительницами Севастополя. Очевидец севастопольских событий сентября — октября 1854 г. рассказывал: «Одни поили раненых; другие обмывали раны, приносили им бинты, ветошки или сами, как умели, перевязывали легкие раны. Между тем сделано было распоряжение об отправке раненых на северную сторону бухты: некоторые дамы последовали за ними и там, в отведенных для госпиталя помещениях, они с неутомимым усердием заботились о несчастных». Он называет и некоторые имена известных ему женщин, жен артиллерийских офицеров: Елизавета Михайловна Хлапониная, Екатерина Виссарионовна Хомякова¹.

Осенью 1854 г. Н. И. Пирогов подал прошение поехать в Крым. Тогда же родилась идея организовать женскую помощь больным и раненым на поле битвы и принадлежала она великой княгине Елене Павловне² (1806—1873), вдове младшего брата царя, Михаила Павловича. Великая княгиня предложила Н. И. Пирогову возглавить создающуюся в Петербурге общину сестер милосердия, готовых поехать в Крым; хирург поддержал этот «гигантский план», а впоследствии объяснял: «Уже ранее этого, еще не быв ознакомлен с женской службой, я убедился *a priori*, что женский такт, их чувствительность и независимое от служебных условий положение гораздо действительнее могут влиять на отвратительные злоупотребления администрации, чем официальная служебная контрольная комиссия»³. Первая в мире община сестер милосердия для помощи воинам на полях сражения — Крестовоздвиженская — была учреждена 25 октября 1854 г.

Женская служба в госпиталях и ранее практиковалась за границей и в России (сердобольные вдовы в Мариинской больнице, община на Песках в Петербурге и проч.), но нигде еще не посылали женщин на поле битвы. И через многие годы Пирогов отстаивал первенство в движении сестер милосердия за русскими женщинами, хотя многие связывают

¹ Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — № 5. — С. 57.

² Рожденная принцесса Виртембергская Фридерика-Шарлотта-Мария.

³ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — М., 1950. — С. 197.

появление женщин-санитаров на Крымской войне с мисс Флоренс Найтингейл и ее помощницами. «Мы, русские, — писал Пирогов, — не должны позволять никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом. <...> О мисс Нейтингель и о ее «высокой души дамах» мы в первый раз услышали только в начале 1855 г., когда злоупотребления английской военной администрации, во время зимних месяцев 1854 г., так же ясно обнаружались, как и у нас»¹. В строгом смысле слова, процессы организации женской медицинской помощи в английской и русской армиях проходили одновременно, поскольку острая потребность в медицинском персонале, и в том числе в сестрах, обнаружилась сразу, после первых крымских боев.

Уже в сентябре 1854 г. раненые стали поступать в Симферополь, вовсе к тому не подготовленный. 29 октября 1854 г. Н. И. Пирогов выехал из Москвы в Крым. В губернской столице после ошеломляющих сентябрьских известий и первой растерянности шла теперь полным ходом перестройка всей жизни на военный лад, и главной проблемой было создание госпиталей. Пирогов застал в Симферополе огромное число раненых после битвы на Альме, Инкермане и после первой бомбардировки: «Несчастные, наполнившие дома, были лишены почти всякого ухода. Многие валялись без матрацов, в грязнейшем белье, на грязном полу, безо всякого разбора и присмотра. Воздух был страшно испорчен, раны смрадные и воспалены. Недоставало ни умов, ни рук, чтобы хоть немного привести весь этот невообразимый хаос в известность и в порядок»². Между тем ежедневно привозили новых раненых. В октябре 1854 г. в Симферополе, по данным Н. Ф. Дубровина, накопилось более 5000 человек больных. Казенных помещений не хватало, и они размещались в частных домах. Так, в доме В. М. Княжевича, управляющего Таврической казенной палатой, помещалось 406 больных. «Недостаток присмотра заставил хозяина обратиться к благотворительности своих чиновников, которые делали складчину и на собранные деньги приобретали все необходимое», — писал Н. Ф. Дубровин³. «Теплое участие» В. М. Княжевича к больным и раненым (отмеченное Дубровиным в «Истории Крымской войны»⁴) делает понятным, почему именно В. Княжевич был назначен заведовать делами прибывавшей в Симферополь Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. И этим назначением обусловлено его тесное сотрудничество с Н.И. Пироговым на протяжении многих месяцев.

Владислав Максимович Княжевич (21 января 1798 — 28 апреля 1873) служил в Крыму 30 лет — с 1832 по 1862 г. — сначала вице-губернатором,

¹ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. — М., 1950. — С. 197.

² Там же. — С. 36.

³ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. — СПб., 1900. — Т. 2. — С. 340.

⁴ Там же.

затем (с 1838 г.) председателем Таврической казенной палаты. Совершенно понятно, что по роду службы В. М. Княжевич принимал самое активное участие во всех делах губернии. Как мы уже знаем, еще до приезда сестер милосердия он взял на себя инициативу устройства домашних госпиталей, предоставив на то свой симферопольский дом и устроив всемерную помощь врачам по уходу и обеспечению раненых. В обстановке общей суматохи это было особенно трудно. Один из симферопольцев впоследствии вспоминал: «В дни, следовавшие за 8-м числом (8 сентября, Альминское сражение. — Л. О.), привозили к нам в Симферополь раненых. Жители оказывали вообще много заботливости и внимания к ним. Но для всех, можно сказать, служил примером Кн-ч (Княжевич. — Л. О.), пользующийся всеобщим уважением в губернии. Он не ограничивался тем, что выдавал денежные пособия бедным; его великая душа с редким смирением входила во все нужды раненых и осиротевших семейств, внушая и всем окружающим те же высокие христианские обязанности. Если составлялись подписки на всепомоществования, это делалось не без влияния Кн-ча. Если кому нужен был дельный совет в исполнении правительственных распоряжений, тот обращался к Кн-чу; кто хотел сделать добро, да не знал как, тот опять-таки обращался к Кн-чу, прося его наставления. Словом, Кн-ч был каким-то благодетельным духом, который всюду носился, все примерял, все оживлял, все возвышал <...>»¹.

Однако число раненых с каждым днем возрастало. «В этой связи, — продолжает рассказчик, — губернский прокурор Мейер и другие чиновники уступили свои служебные помещения; Кн. (Княжевич — Л. О.), о котором я выше упомянул, этим не ограничился. Он предложил чиновниками особых поручений по очереди дежурить в здании, взятом из-под присутствия под больших»². Чиновники охотно поддержали его начинания.

Деятельность В. М. Княжевича в годы Крымской войны была высоко оценена современниками. В Крымском архиве сохранилось несколько документов, сохраняющих память Высочайшей благодарности Владиславу Княжевичу за его труды в годы войны.

Так, еще 26 февраля 1855 г. в Отношении № 1344 В. Княжевичу изъявлено от имени Ее императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны «совершенное благоволение за распоряжения к приему и продовольствию сердобольных вдов и за оказанное их начальнице содействие»³. После войны, 1 сентября 1856 г., Всемиловитейшим рескриптом императрицы Александры Федоровны из Москвы изъявлена В. Княжевичу «искреннейшая признательность и совершенное благоволение» «за облегчение сердобольным вдовам исполнения обязанностей, на них

¹ Н. П. Заметки о Крымской войне, составленные по воспоминаниям тамошним жителем // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / под ред. Н. Дубровина. — Вып. 5. — СПб., 1872. — С. 141.

² Там же. — С. 143.

³ Государственный архив в Автономной Республике Крым. — Ф. 68, оп. 1, ед. хр. 4580, л. 1. Далее отсылки на документы ГААРК в тексте в скобках.

возложенных». При этом В. Княжевичу препровождалась золотая медаль, установленная «в память оказанного сердобольными христоролюбивого подвига» [ГААРК, ф. 116, оп. 1, ед. хр. 963, л. 2]. А через несколько дней, 26 сентября 1856 г. рескриптом с собственноручною припискою Ее императорского Высочества Государыни Великой княгини Елены Павловны В. М. Княжевичу изъявлена благодарность «за попечение о сестрах Крестовоздвиженской общины и за участие в трудах их». При сем была прислана серебряная медаль на память благодарности Ее Высочества [там же, л. 3].

Владислав Максимович Княжевич происходил из небогатого чиновничьего семейства Казанской губернии. Его отец — Максим Дмитриевич — выходец из Сербии (Удбин)¹; переселился в Россию в 1773 г., состоял в числе «двенадцати избранных» кавалергардов у Екатерины II, с помощью Г. Р. Державина получил в Уфе должность губернского прокурора². М. Д. Княжевич женился на русской дворянке Е. А. Рудневой, с семьей переехал в Казань, где был назначен на должность советника в казенной палате. «Твердый, несколько грубый, хотя и добрый по природе, серб» — так характеризовал М. Д. Княжевича помнивший его с детства выдающийся русский писатель С. Т. Аксаков³. У Княжевичей было четверо сыновей — Дмитрий, Александр, Николай, Владислав и дочь Екатерина (в замуж. Перевошикова). Братья Княжевичи учились в Казанской гимназии вместе с С. Т. Аксаковым, с которым сохранили дружбу на всю жизнь. Старший из них Дмитрий (25 апреля 1788 — 1 октября 1844) был исключен из Казанской гимназии «за беспорядки» (заступился за оскорбленного) и 14-летним юношей уехал искать свою судьбу в Петербург; устроился писцом в Экспедиции о государственных доходах, трудом и стараниями продвигался по службе, и, когда в 1809 г. умер отец, постепенно устроил в Петербурге в департаменте, где служил, взрослых братьев Александра, Николая, Владислава. Со временем все четверо братьев Кня-

¹ *Надеждин Н. И.* Род Княжевичей. — Одесса, 1842. — С. 5.

² Державин и Княжевичи являлись ближайшими соседями по имениям, в частности, в казанской дер. Сокуры (*Державин Г. Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. — Т. 6. — СПб., 1871. — С. 135). Это объясняет их близкие отношения: Максим Дмитриевич состоял в кумовстве с первой женой Державина Е. Я. Бастидон и его тещей М. Д. Бастидон. С помощью Державина Максим Дмитриевич получил в Уфе место губернского прокурора, и свидетельство тому — письма М. Д. Княжевича к Г. Р. Державину, сохранившиеся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Российская национальная библиотека. Рукописный отдел. Архив Г. Р. Державина. — Т. 12. — № 3. — Л. 1–6, 290–292). См. об этом подробнее: *Орехова Л. А.* Д. М. Княжевич — организатор публичного собрания в доме Г. Р. Державина // «...Он видит Новгород великой...» Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая — 4 июня 2004 г. — СПб. — Великий Новгород, 2004. — С. 295–307; *Орехова Л. А.* Со-«беседники» и арзамасцы на литературном собрании в доме Г. Р. Державина // Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: Материалы международ. науч. конф. Арзамас, 2–4 июня 2005. — Арзамас, 2005. — С. 48 — 61; *Орехова Л. А.* Об одном эпизоде из литературной жизни 1823 года // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей. — Липецк, 2006. — С. 67–76.

³ *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: в 3 т. — Т. 2: Воспоминания. — М., 1986. — С. 37–40.

жевичей стали известными в России людьми. Можно сказать сильнее: они оказывались будто «призванными» к своему делу, и каждый на своем посту оставил след в истории. Дмитрий Максимович, став в 1837 г. попечителем Одесского учебного округа, создал Одесское общество истории и древностей, возобновил работу Общества сельского хозяйства Юга России, начал реорганизацию Ришельевского лицея и преобразования его в университет (завершено при попечителе Одесского учебного округа Н. И. Пирогове), издавал «Одесский альманах» на 1839 и 1840 гг., Новороссийский календарь, Записки Одесского общества истории и древностей. Много сделал Д. М. Княжевич для развития народного образования в Крыму¹. Умер от сердечного приступа в 1844 г. по дороге из Одессы в Петербург, куда вез 1-й том «Записок» Одесского общества истории и древностей; похоронен в церкви Святого Димитрия в местечке Великая Буратка Полтавской губернии². На тот срок (в 1840-е гг.) его младшие братья утвердились в своем положении. Н. М. Княжевич (1794—1852), в прошлом офицер и неплохой поэт, стал вице-губернатором Рязани; А. М. Княжевич (11 октября 1792 — 2 марта 1872) — служил в министерстве финансов; В. М. Княжевич стал председателем Таврической казенной палаты.

Но в 1840-е гг. немногие помнили, что двадцать лет назад Княжевичи были известны в литературных салонах³, состояли (1823—1825) в Вольном обществе любителей российской словесности в Петербурге и печатались в издании Общества «Соревнователь просвещения и благотворения», сами издавали «Библиотеку для чтения» — литературное приложение к журналу «Сын Отечества»⁴; их стихи и переводы можно встретить в журналах начала в XIX века «Цветник», «Благонамеренный». Почти забылось и то, что Д. М. Княжевич выпустил первое русское «Полное собрание пословиц и поговорок» (СПб., 1822), фольклорный сборник «Подарок на святки» (СПб., 1820)⁵, являлся в 1825 г. вице-президентом Вольного

¹ Орехова Л. А. Литератор Д. М. Княжевич и развитие национального образования в Крыму (1830—1840 гг.) // Полифоническая культура Украины: Материалы науч.-практ. конф. — Луганск, 2005. — С. 100—116.

² Сапрыкина Л. До проблеми створення довідника «Полтавський некрополь» // Біографічна некрополістика в контексті сучасної історичної науки. Джерела та результати досліджень. — Київ: НАН України, 2002. — С. 416.

³ См.: Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. — М., 1989.

⁴ Греч Н. И. Воспоминания о Дмитрие Максимовиче Княжевиче. — СПб., 1861.

О литературных связях Д. М. Княжевича см. также: Орехова Л. А. А. С. Пушкин и Д. М. Княжевич. К вопросу о взаимоотношениях // Пушкин и Крым: Тез. науч. конф. — Симферополь, 1989. — С. 60—61; Орехова Л. А. Мистификация литературная — мистификация биографическая (из наблюдений над прозой Н. И. Надеждина) // Науковий вісник Ізмайльського державного університету. — Вип. 18. — Ізмаїл, 2005. — С. 113—119.

⁵ См. об этом: Орехова Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича // В. И. Даль — писатель и этнограф: сб. научных трудов, посвященный 200-летию В. И. Даля. — Торжок, 2003. — С. 103—114; Орехова Л. А. Собрание пословиц Д. М. Княжевича в истории русской фольклористики // Науковий вісник Ізмайльського державного гуманітарного університету. — Спецвип. 15. — Ізмаїл, 2003. — С. 90—96.

общества любителей российской словесности¹. Достаточно сказать, что А. С. Грибоедова в Общество любителей российской словесности (15 декабря 1824 г.) рекомендовал Д. М. Княжевич². В 1840-е гг. круг их литературного общения характеризуется именами С. Т. Аксакова, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, Н. И. Надеждина, Н. В. Гоголя, М. А. Максимовича, М. С. Щепкина, Н. И. Греча, В. Г. Белинского и др. Кстати, именно у Владислава Княжевича на даче в Мариино³ (ныне Марьино, Симферополь) останавливались во время крымской поездки в сентябре 1846 г. М. С. Щепкин и В. Г. Белинский.

Кроме Мариино, В. М. Княжевич имел южнобережную дачу Туак (ныне Рыбачье, господский дом не сохранился) вблизи принадлежавшего его братьям Дмитрию и Александру имения Кучук-Узень (ныне Малореченское⁴).

Начало Восточной войны Княжевичи (на тот момент в живых оставались два брата — Александр и Владислав) встретили, трезво представляя размах исторического действия. Когда события разворачивались на Балканах и война воспринималась русским обществом как «праведный порыв» в защиту христиан от турецкого владычества, Александр Княжевич написал историку М. П. Погодину из Петербурга в Москву (18 марта 1854 г.): «<...> Развязка великого события приближается. Чем то разразится? Чем кончится? Или страшно, или <сложно>. Средины, кажется, тут не будет <...>»⁵. А 24 марта 1854 г. сообщал из Петербурга С. Т. Аксакову (в подмосковное имение Абрамцево), что «политические события и неизвестность их последствий» заставили его отложить традиционную летнюю поездку в Крым: «В настоящих обстоятельствах надобно быть каждому на своем месте»⁶.

Осенью 1854 г. эпицентр событий переместился в Крым, союзные войска были у стен Севастополя. Председатель Таврической казенной палаты В. Княжевич сразу взялся за решение тыловых вопросов со свойственной ему ответственностью, твердостью и честностью. О его деятельности узнаем из немногих писем В. Княжевича к брату Александру и друзьям, а также архивных документов, оказавшихся в нашем распоряжении.

23 октября 1854 г. В. Княжевич писал А. Княжевичу в Петербург: «Если б мои чиновники не присматривали и не помогали на общую складчину, то бедные (раненые. — Л. О.) остались бы в первые дни и без пищи, не гово-

¹ Базанов В. Ученая республика. — М. — Л., 1964.

² Орехова Л. А. Грибоедов и Княжевичи // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. — Смоленск, 1998. — С. 272–282.

³ Дача не сохранилась. Ныне на этом месте Симферопольское водохранилище.

⁴ Орехова Л. А. Из истории виноградарского хозяйства Кучук-Узень (Малореченское) // О древностях Южного берега Крыма и гор таврических (по материалам конф. в честь 210-летия со дня рожд. П. И. Кеплена). — Киев, 2004. — С. 336–352.

⁵ Княжевич А. М. Письмо к М. П. Погодину от 18 марта 1854 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ, Москва). — Ф. 231 [Пог./II], № 15, ед. хр. 67, л. 13.

⁶ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Отдел рукописей. — Ф. 3 [Архив Аксаковых], оп. 13, ед. хр. 33, л. 5–7.

ря о другом. Три ночи лежали все на полу, потом настояли мы, и дано пятнадцать, а сегодня уже 65 тюфяков. Один, и то больной, фельдшер перевязывает с утра до ночи и успевает только один раз в день. Старик доктор (из Севастополя) приезжает ненадолго, тут медицинских пособий у него нет никаких»¹. Действительно, не хватало самого необходимого, в том числе и топлива, а приближалась зима. На время военных действий была разрешена рубка в казенных лесах «не очередными кварталами, а где удобно», что, понятно, приносило огромный урон лесам Крыма. Потому Княжевич предложил возложить рубку, складку и перевозку дров на местных лесничих и окружных начальников. «Военное начальство требовало, — писал тогда же брату В. Княжевич, — чтобы топливо доставлялось от жителей, но у города не было денег. Госпитальное начальство и гражданские власти собирались вместе и долго решали, откуда бы добыть дров. Пропустили все хорошее время в толках, денег нет и теперь, а через две недели, при бурной погоде, не будет уже возможности вывезти что-либо из лесу»². Дров катастрофически не хватало, вырубки стали повсеместными. В Бахчисарае, например, весь городской лес был вырублен³.

В ноябре 1854 г. С. Т. Аксаков писал из Абрамцева старой приятельнице, фрейлине императорского двора А. О. Смирновой: «Мы погружены в безотрадное горе и тревожное ожидание новых печальных явлений нашего безысходного положения. Много великих событий совершилось на моей памяти (я помню, как возникал Наполеон); но ни одно так не волновало меня, как настоящее или, лучше сказать, грядущее событие. <...> В 12-м году было выставлено знамя, было сказано, что мы не положим ме-ча до тех пор, покуда хотя один неприятель будет оставаться на земле нашей <...>. А теперь что?»⁴. Из Крыма С. Т. Аксаков имел «грустные письма» от служившего в армии племянника Николая Карташевского, из Симферополя — от Владислава Княжевича. Одно из писем Княжевича Аксаковы получили 21 ноября 1854 г., и дочь писателя В. С. Аксакова, сделала об этом запись в дневнике⁵. О чем мог рассказать в том письме Княжевич?

Наверное, о том, что осень 1854 г. принесла в Крым тревогу и полную неразбериху. Наверное, рассказывал о предпринятой губернатором Пестелем сентябрьской эвакуации из Симферополя, когда неприятель высадился в Евпатории, в Саках и его конные разъезды были замечены в 27 верстах от губернского центра. Таврический губернатор В. И. Пестель

¹ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. — Т. 2. — С. 340.

² Там же. — С. 343—344.

³ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — Симферополь, 1994. — С. 174—175.

⁴ Из писем Александры Осиповны Смирновой. 1854-й год // Русский Архив. — 1896. — Т. 1. — № 1. — С. 156.

⁵ Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855 / ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева). — СПб., 1913. — С. 10.

(родной брат казненного декабриста, высокообразованный и, по общему признанию, добрый, честный, гуманный человек), от которого все ждали какого-то в этой обстановке решения, находился в полном неведении относительно действий русского командования. Узнав, что русскими войсками проиграно сражение на Альме, он, не мешкая более, выехал 10 сентября из Симферополя и вывез казначейские суммы. Поступок Пестеля, хоть и был понят вышестоящим начальством и оправдан историей, все же остался в воспоминаниях некоторых современников как панический¹.

И, наверное, в одном из писем к Аксаковым Княжевич рассказал о своем знакомстве с приехавшим в Симферополь Н. И. Пироговым. Во всяком случае, Н. И. Пирогов в письме к жене 6 декабря 1854 г. назвал свое знакомство с Княжевичем «замечательным»². Нет сомнения, они виделись очень часто, сотрудничая по общим делам попечения о раненых и сестрах милосердия. Кроме того, Пирогов, поселившийся в гостинице «Золотой якорь», мог неоднократно бывать в доме Княжевича, находившемся как раз напротив гостиницы³.

Познакомившись с Владиславом Максимовичем, Н. И. Пирогов не придал значения тому, что фамилия *Княжевич* в его судьбе уже появлялась — впрочем, достаточно давно, еще в 1829 г. Тогда 19-летний Пирогов поступил учиться в Дерптский (г. Юрьев, ныне Тарту) профессорский институт, где директором и профессором русской словесности был перешедший из Казани В. М. Перевошиков (1785—1851), женатый на единственной сестре

¹ Весь грех Пестеля, писал симферополец Н. Браилко, состоял в том, что он «не показался никому на улицах, ни слова не сказал жителям, а сел в коляску вместе со своею фавориткою (женою одного из чиновников) и направился во главе поезда» (*Браилко Ник.* Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. — 1897. — Кн. 2. — С. 292). Писавший об этом Н. Браилко был тогда юношей, в 1853—1854 гг. состоял в приготовительном классе училища правоведения в Петербурге и о случившемся, возможно, был лишь наслышан, потому детали его рассказа не совсем точны. Но слухи такого порядка весьма отражают если не истину, то общественное мнение, оценку событиям, тем более что Н. Браилко — сын Таврического вице-губернатора (на тот период) И. Я. Браилко. Сразу после войны другой симферополец, Николай Михно, описал в «Русском инвалиде» (1857. — № 228, 229) действия Пестеля 10 сентября, называя их «ошибкой». Но тогда же в «Северной пчеле» (№ 266) появилась статья «Десятое сентября 1854 года в Симферополе», подписанная «N. N.», в которой, по сути дела, давалась отповедь Н. Михно и другим рассказчикам этих событий, искажившим их «до невероятности» (*N. N.* Десятое сентября 1854 года в Симферополе (Письмо в «Северную Пчелу») // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. — Вып. 3. — СПб., 1872. — С. 37—41). В. И. Пестель был назначен в Москву во 2-е отделение 6-го департамента Сената, к которому по делам принадлежала Таврическая губерния.

² *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. — С. 28.

³ О местонахождении дома В. М. Княжевича в Симферополе узнаем из более позднего письма самого Княжевича к М. П. Погодину (21 августа 1860 г.), где он подробно объясняет путешествовавшему тогда по Кавказу историку, собиравшемуся в Крым: «<...> Остановясь в гостинице «Золотого Якоря», которая против моего дома, потрудитесь дать знать туда о Вашем приезде. <...> И я не замедлю к Вам явиться» (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 231 [Пог./II], ед. хр. 68, л. 1 об.).

Княжевичей Екатерине¹. Под строгое начало В. М. Перевощикова, «сухого бюрократа», попали Пирогов с двумя товарищами. Отношения с наставником сразу не сложились (как и у большинства других студентов). Однажды студенты сделали ему скандал на лекции: «Он был ими выбарабанен (ausgetrommelt) также вследствие его подозрительности, мелочности и безтактной обидчивости»². Н. И. Пирогова в Дерпте многие любили, но жена Перевощикова, урожденная Княжевич (Пирогов называет ее ошибочно Екатериной *Матвеевной*, а не *Максимовной*), и его дочь после этого случая даже перестали посещать дом профессора хирургии И. Ф. Мойера, где радушно принимался Пирогов. Такова предыстория знакомства Н. И. Пирогова с Владиславом Княжевичем. Однако дерптские недоразумения четвертьвековой давности, особенно в условиях войны, вряд ли пришли тогда на память хирургу. Возможно, Пирогов уже знал о смерти В. М. Перевощикова (в 1851 г.). Знакомство с В. М. Княжевичем, назначенным председателем Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, показалось хирургу «замечательным» потому, что он оценил понимание, образованность и энергичную распорядительность Княжевича. Тем более что в декабре в Крыму скопилось огромное число раненых и больных: в Симферополе 4 тыс., в Севастополе — 3, в Карасубазаре — 700, в Бахчисарае — 500, в Феодосии — 1500. «Вывозу нет, — писал Пирогов жене 6 декабря 1854 г., — а других мест в целом Крыму до Перекопа также нет, да еще если к этому пришлют новое число раненых, то тогда уже бог знает, как справиться»³.

12 ноября 1854 г. Пирогов уехал в Севастополь, а сестры все прибывали в Крым отдельными партиями. Первое отделение из 28 сестер под управлением начальницы, капитанской вдовы Александры Павловны Стахович Пирогов распорядился оставить (хотя это было несогласно с воззрениями великой княгини) для работы в Симферополе, учитывая чрезвычайное госпитальное положение в губернском центре. Служение сестер началось 1 декабря 1854 г., но уже в начале госпитальной работы, к 20 декабря многие из них были поражены тифозной горячкой, некоторые умерли. На место их заступили в симферопольских госпиталях прибывшие к тому времени сердобольные вдовы из Мариинской больницы Петербурга (Петербургского Вдовьего дома), подготовленные для ухода за больными

¹ Василий Матвеевич Перевощиков был однокашником Княжевичей по Казанской гимназии; позднее братья Княжевичи и братья Дмитрий и Василий Перевощиковы состояли в Вольном обществе любителей российской словесности в Петербурге. Успешный в начале поприща, Василий Перевощиков, по окончании учебы, остался в Казанском университете. Перейдя в Дерптский профессорский институт, Перевощиков не завоевал уважения молодежи. Учившийся в Дерптском университете поэт Н. М. Языков, между прочим, близкий в отношениях к Перевощикову и пользовавшийся его значительными услугами, писал брату Александру, что Перевощиков в литературном отношении «старовер»: «Приговоры его писателям, разумеется, не мудры: он раскольник, старовер, даже скопец по сей части» (*Языков Н. М. Стихотворения и поэмы*. — Л., 1988. — С. 365).

² После этого Перевощиков был уволен, вновь просился в Казанский университет в 1830 г., «но министерство уже не хотело связываться с ним» (*Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания*. — С. 315, 317, 590).

³ *Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания*. — С. 29.

и присланные императрицей Александрой Федоровной. При этом, по желанию великой княгини Елены, Пирогов и Княжевич должны были занять «сердобольных» совершенно отдельно от Крестовоздвиженской общины.

Сестры Крестовоздвиженской общины ревностно принялись за дело. «Они день и ночь, — рассказывал Пирогов жене в письме 6 декабря 1854 г., — попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, раздают больным чай и вино и наблюдают за служителями и зрителями и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий. Но еще должны приехать сердобольные императрицы <...>. Чтобы избежать столкновения между женщинами, принадлежащим различным ведомствам, хотя и назначенным для одной цели, я должен разместить первую общину отдельно от второй и потому посылаю сестер Елены Павловны в Севастополь, в Бахчисарай и Карасубазар, а вдов оставляю покуда в Симферополе. Не знаю, каково-то им будет в Севастополе; здесь, в Симферополе, у них есть хорошая квартира и им дают экипаж, а в Севастополе им придется жить между самыми большими, в бараках, и ходить пешком в сапогах по грязи; некоторым из них это не покажется, но тут-то и видно будет, кто из них взялся за дело по призванию, а не из других видов»¹.

Приехав в Симферополь в качестве медицинской сестры, Екатерина Михайловна Бакунина² (дочь тайного советника и сенатора, по материнской линии — внучатая племянница М. И. Кутузова) «сейчас же пошла» к «добрейшему и милейшему» Владиславу Максимовичу Княжевичу за новостями и распоряжениями, но вскоре узнала о решении отправить сестер в Севастополь³.

В реестре документов Таврического военного губернатора зафиксирована просьба д. ст. сов. Пирогова от 6 января 1855 г. «о перемещении в Севастополь 10 сестер общины» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20913, л. 1 об.]. Но главнокомандующий А. С. Меншиков «не жаловал» прибывших в Севастополь сестер милосердия, считая их орудиями сплетен: «Женщины, не зная сущности военных дел, на лету подхватывают всякий вздорный слух, делают из мух слона, пишут в Петербург кумушкам — а те бьют в набат и производят кутерьму. Женские языки подлиннее и поворотливее наших. Уход севастопольских женщин за ранеными — другое дело: это свои и сору из избы не вынесут!»⁴. С 25 декабря сестры работали и в госпиталях Бахчисарая. В Севастополе после рождества, с 13 января 1855 г., в центре военных действий на Южной стороне, на главном перевязочном пункте и во временном госпитале на Николаевской батарее начал выполнять свои

¹ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 27.

² Через много лет Е. М. Бакунина самоотверженно будет оказывать медицинскую помощь на Кавказском фронте в 1877—1878 гг., а затем устроит в своем имении больницу для крестьян.

³ Бакунина Е. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854—1860 гг.) // Вестник Европы. — 1898. — Кн. 3 (март). — С. 141.

⁴ Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — № 6. — С. 295.

обязанности прибывший под началом Марьи Меркуловой (жены помещика) второй отряд сестер. Приезд второй партии совпал с ожесточением осады города. 17 января в Севастополь прибыло третье отделение из шести сестер под управлением сестры Е. М. Бакуниной.

В. С. Аксакова записала в дневнике 29 декабря 1854 г.: «В Севастополе, говорят, ужасный беспорядок, почта не доходит до раненых, управление в ужасном виде, многие обвиняют сильно Меншикова, против него страшная кабала»¹.

Лучше многих знали о Меншикове участники Севастопольской обороны. Хирург Н. И. Пирогов писал из Севастополя жене 24—28 ноября 1854 г.: «Время покажет, что такое Меншиков как полководец; но даже если он и защитит Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги. Он не может или не хочет сочувствовать солдатам, — он плохой Цезарь»².

По всей России делались большие пожертвования для армии и госпиталей, однако далеко не все пожертвования достигали своей цели³. Поэтому 22 января 1855 г. под председательством В. М. Княжевича открыл свои действия «Комитет для распределения пожертвований на улучшение быта больных и раненых». Делопроизводителем назначен губернский казначей Степан Федорович Цомакион⁴, а членами стали начальница сердобольных вдов Распопова, директор госпиталей Барановский, инспектор врачебной управы Арендт и купец 1-й гильдии Санютин (известный в Крыму меценат), а также В. Н. Карамзин⁵.

18 июня 1855 г. В. М. Княжевич отказался от звания председателя комитета. А. И. Маркевич предполагает, что это связано с жалобой Распоповой губернатору на то, «что предметы выдавались в очень ограниченных размерах, вследствие чего сердобольные должны были постоянно обращаться в комитет с требованиями, ходить пешком, изнуряться и отвлекаться от своих обязанностей»⁶.

Педантизму В. Княжевича простое объяснение: стараясь предотвратить расхищение пожертвований, не учтенным должным образом, он проводил через документацию все процедуры передачи пожертвований раненым. В канцелярии военного губернатора сохранилось несколько докладных записок В. Княжевича на этот счет. 21 апреля 1855 г.: «о перевозке пожертвованного вина для больных» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20913, л. 13 об.]; в тот же день: «относительно выдачи <нрзб> и экипажных средств г-же Распоповой» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20913, л. 23] и др.

¹ Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855. — С. 27.

² Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 22.

³ См.: Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 90—113.

⁴ С. Ф. Цомакион в годы Крымской войны, кроме того, занимался земскими повинностями, от которых уволен приказом № 37 от 12 ноября 1855 г. [ГААРК. — Ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20912, л. 30 об. — 31].

⁵ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 103.

⁶ Там же. — С. 104.

Следует учесть также, что председательство в Комитете стало тяжелым бременем для Княжевича, круг обязанностей которого, как председателя Таврической казенной палаты и председателя Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, был на тот час необычайно широким. Так, 6-м января 1855 г. датирована докладная Княжевича губернатору «с представлением реестра бумагам, отобранным у г. У[лыг]она» [там же, л. 3]. А 28 января Княжевич обращается за разрешением «о перевозке в Петербург тела покойного барона Кистера¹» [там же, л. 7 об.].

Что касается Комитета по пожертвованиям, то В. Княжевич, кроме всего прочего, немало старался для обнародования действий Комитета и приглашения граждан России к посильным пожертвованиям. И подчас сталкивался со странным столичным хладнокровием. Так, в нашем распоряжении оказалась сохранившаяся в рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом, С.-Петербург) записка Александра Княжевича в ежедневную петербургскую газету «Северная пчела» (издатель-редакторы Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч) с настоянием срочно напечатать статью В.М. Княжевича о Симферопольском комитете: «Не видя до сих пор в «Северной Пчеле» статей о пожертвованиях в пользу Симферопольского комитета, я вынужден вновь напомнить вам, милостивый государь Павел Степанович (Усов². — Л. О.), обещание и готовность Николая Ивановича (Греча. — Л. О.) печатать их, без чего я давно бы обратился в другую газету, которая, без сомнения, не замедлила бы их обнародовать.

Напечатание это тем важно, что, сделав известным назначение пожертвований и самое существование комитета, оно, конечно, будет содействовать к увеличению числа пожертвований, след[овательно], даст возможность увеличить и самые пособия больным и раненым нашим воинам. По желанию Николая Ивановича, оставшиеся из собранных по юбилею его 500 р. обращены в этот же комитет, и об этом необходимо обнародовать для сведения всех, принимавших в том участие³. К тому же я не думаю, что многие другие внутренние известия, появлявшиеся в С[еверной] П[челе], были занимательнее подобных статей о пожертвованиях, не говоря уж о благотворительной их цели. Наконец, если Вы, по каким-либо причинам, не находите удобным напечатать их в С[еверной] П[челе], то покорнейше прошу доставить мне полученную Редакциею от брата моего (В. М. Княжевича. — Л. О.) статью о том, дабы я сейчас же мог обратиться к другой газете.

Примите уверения в совершеннейшем почтении и преданности.

А. Княжевич.

25 июля [1855 г.]»⁴.

¹ Барон Кистер Вильгельм Карлович (1813—1855) — полковник, директор военных госпиталей в Крыму в 1854—1855 гг.

² Усов П. С. — сотрудник редакции «Северной пчелы», с 1860 г. — издатель-редактор газеты.

³ Подписанная сумма одного участника в юбилей Н.И. Греча составляла 25 рублей (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. — Ф. 590 [Н. И. Греча], ед. хр. 210).

⁴ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Отдел рукописей. — Ф. 319 [П. С. Усова], ед. хр. 28.

Сохранилось и письмо самого В. М. Княжевича из Симферополя в Петербург к Н. И. Гречу, редактору «Северной пчелы» и старому приятелю по литературному кругу 1820-х гг. Письмо датировано 4 ноября 1855 г., и в нем, кроме необязательного для нашей темы материала, содержится фраза: «Я коротко знаю и сердобольных (вдов. — Л. О.), и крестовоздвиженских (сестер. — Л. О.). Общая польза от них *все-таки велика* (курсив мой. — Л. О.), ибо для больного важно и присутствие женщины»¹.

На председательскую должность в Комитет по пожертвованиям вместо В. М. Княжевича был приглашен камер-юнкер гр. М. М. Виельгорский-Матюшкин. 8 августа 1855 г. последовал приказ «о передаче дел Комитета для распределения пожертвований гр. Виельгорскому» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20917, л. 87], а 10 августа гр. Виельгорский докладывал о своем согласии «быть председателем Комиссии о пожертвованиях» [там же, л. 94]. Гр. М. М. Виельгорский-Матюшкин умер от тифа в конце 1855 г.²

Работа крымской администрации была тяжела еще и потому, что крайне недоставало чиновников. И желающих служить невозможно было отыскать вследствие дороговизны в Симферополе квартир, дров и всего остального. Дела, бумаги и счета в казенной палате и губернском казначействе пришли в большое запустение. 12 декабря 1855 г. был издан приказ (№ 42) по губернии, «чтобы все чиновники канцелярий, отлучаясь из дому на несколько часов, оставляли бы в своей квартире сведения, где их можно отыскать в случае надобности» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20912, л. 35].

Неотработанность многих вопросов обеспечения сестер милосердия и сердобольных вдов приводила к тому, что порой никто не знал, как действовать, к кому обращаться с прошениями, скажем, для получения продовольствия и денег, квартир, отопления и освещения. Вот несколько архивных документов, относящихся к весне-лету 1855 г.

9 мая начальница вдов Распопова обращается к Таврическому военному губернатору с просьбой о даче ей взаймы 300 руб. серебром [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 39 об.]. 20 мая д. ст. сов. В. Княжевич сообщает об «имеющих прибыть в Перекоп 3 сестер милосердия» [там же, л. 83 об.]. Тогда же, 20 мая, контора Симферопольского военного госпиталя просит губернское начальство о продовольствии помощниц сердобольных вдов [там же, л. 83 об.]. 31 мая начальница вдов Распопова ходатайствует «о даче порции вдове Антиповой» [там же, л. 119]. 2 июня она хлопочет об отоплении и освещении для себя [там же, л. 116]. 3 июня В. Княжевич обращается к губернатору с прошениями предпринимателей, которые собирались добывать соль в Сакском озере [там же, л. 119]. В тот же день он просит распоряжений губернатора о деньгах на расходы для начальницы «сердобольных вдов» [там же, л. 123]. 7 июня подана докладная Распоповой о вдовах,

¹ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Отдел рукописей. — Ф. 590 [Н. И. Греча], ед. хр. 92, л. 1 об.

² Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 104.

«вновь вступивших в это звание» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 140 об.]. 11 июня г-жа Распопова просит денег для ее разездов на извозчике [там же, л. 141]. 12 июня 1855 г. Распопова докладывала о получении ею 27 руб. 75 коп. на отопление и освещение [там же, л. 137]. 13 июня она просит о даче офицерской порции помощникам «сердобольных вдов» [там же, л. 144], а 19 июня — об отводе квартиры для Марии и Александры Гамельтон близ военного госпиталя [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20920, л. 17]. 20 июня В. Княжевич отчитывается о выданных им деньгах начальнице «сердобольных вдов» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 154 об.]. 24 июня начальница «сердобольных» докладывает губернатору о смерти вдовы Ци[...]чевой и «об отдаче порции вновь вступившим» [там же, л. 167] и в тот же день подает прошение «о производстве офицерских порций вновь вступившим в это («сердобольных вдов». — Л. О.) звание» [там же, л. 171]. 9 июля начальница вдов докладывала губернатору о смерти вдовы Янковской и опять просила продовольственные порции вновь вступившим [там же, л. 40 об.]. 20 июля просила «о довольствии ее отоплением и освещением» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20917, л. 48]. 21 июля она входила к губернатору со списком вдов, «кто и где находится» [там же, л. 54 об.]. 23 июля она вновь подает список вдов, на этот раз — директору госпиталей [там же, л. 55 об.]. Видимо, положение все время менялось, и 10 августа начальница опять хлопочет «о производстве порций вновь вступившим вдовам» [там же, л. 93 об.]. Вопрос о квартире для «сердобольных» Марии и Александры Гамельтон не решился, и 12 августа об этом докладывает губернатору директор госпиталей [там же, л. 97]. В тот же день (12 августа) начальница «сердобольных» требует денег «на отопление и освещение» [там же, л. 109], а 13 августа опять просит назначить «порции вновь вступившим вдовам» [там же, л. 103]. 22 августа она обращается с докладной «о доставке сведений кому следует (курсив мой. — Л. О.) о производстве порций и смерти вдов» [там же, л. 117].

От болезней и тяжелых трудов умирали вдовы и сестры милосердия. Уже зимой, 3 января 1855 г. Пирогов писал жене, что четырнадцать сестер общины захворали, а две умерли от непривычных трудов¹. А сестры были совершенно необходимы в Севастополе, особенно когда, как писал Пирогов, в госпиталях не было «ни одного лишнего матраца», ни «хорошего вина и хищной корки, ни кислот даже на случай, когда тиф разовьется». «Врачей почти целая половина лежит — больны, и еще что из всего этого хаоса точно хорошо, так это сестры милосердия. Если бы не они, так больные лакали бы вместо сытного супа помой и лежали бы в грязи. Они и хозяйничают в госпиталях, и кушанье даже готовят, и лекарство раздают, — зато также и болеют <...>», — писал он 25 марта 1855 г.²

В 1855 г. «Внутренние известия» журнала «Современник» рассказывали: «Высокая мысль послать сестер милосердия на место военных действий, так быстро приведенная в исполнение, была причиною <...>, что

¹ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 39.

² Там же. — С. 59.

не одна сотня страдальцев осталась в живых, чего не случилось бы без этой меры <...>. В настоящее время находятся в Крыму 98 сестер Крестовоздвиженской общины»¹.

По роду обязанностей сестры распределялись на перевязывающих, аптекарш и хозяйек. Труды сестер были весьма тяжелыми, и к 10 февраля почти все сестры второго отделения (в Севастополе) заболели тифом, две из них умерли. 21 февраля — в начале марта 1855 г. из Симферополя на помощь севастопольским сестрам (на Северную сторону) прибыли сестры первого отделения с начальницей А. П. Стахович, едва оправившейся после трехнедельного тифа. 28 марта прибыло четвертое отделение сестер под надзором сестры Екатерины Будберг (баронессы, дочери капитана) и взяло на себя заботы о раненых на Корабельной стороне и Михайловской батарее. Особенно трудно было ухаживать за безнадежными ранеными. В гангренозном отделении, где огромные зловонные раны, где вопли, страдания, смерть, с самоотвержением действовали сестры: вдова коллежского советника Марья Григорьева, жена коллежского регистратора Елизавета Богданова и дочь канцеляриста Матрена Голубцова. Н. И. Пирогов замечал, что самые простые и необразованные из сестер наиболее выделяли себя самоотвержением и долготерпением.

В июле 1855 г. адъютант М. С. Воронцова кн. Д. И. Святополк-Мирский по пути в Крым записал: «По мере приближения к Симферополю вид местности становился все печальнее — пыльная, широкая в целую версту дорога, и по ней в несколько рядов — транспорты повозок, нагруженных ранеными и больными, множество палых лошадей и волов, удушливый воздух, зной, какое-то красное мрачное солнце в облаках пыли». А в Севастополе у него невольно вырвалось восклицание: «Ад!», «потому что то, что было перед глазами, никогда еще не представлялось человеческому взору и не имело земного названия. <...> Это был страшный кошмар»².

18 февраля 1855 г. скоропостижно скончался император Николай Павлович. 19 февраля, в день своего восшествия на престол, наследник Александр Николаевич в исходе 1-го часа пополудни повелел собраться Государственному Совету, где был выслушан высочайший манифест и положено принести присягу на верность подданства новому императору и наследнику его цесаревичу и Великому князю Николаю Александровичу. Вслед за тем в покоях Зимнего Дворца император Александр II обратился с благодарственной речью ко всему Государственному Совету, обнял каждого из отцовских министров, благодаря «за долговременную» «полезную службу» и «за порядок».

Кончина Николая I и восшествие нового императора на престол в трагичный период войны вызвало новую волну патриотизма, и М. П. Погодин записал в дневнике: «Опять стоит против Наполсона Александр со смирен-

¹ Современник. — СПб., 1855. — Т. 52. — С. 143.

² Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. — Кн. 14. — СПб., 1900. — С. 77.

ною Русью. Он приемлет скипетр и корону в самое решительное и грозное мгновение; он обещает возвесть Русскую землю на высшую ступень славы и могущества: сочувствует и верит ему смиренная Русь, крестом осеняет чело — и горе врагам ея»¹. Но нельзя было не видеть, что Россия находилась на грани государственного кризиса, и положение ее у большинства трезвых политиков и честных людей вызывало глубочайшую тревогу и чувство бессилия.

В первый момент о покойном Николае говорили «без раздражения, даже с участием», как вообще принято говорить о покойниках, пытались извинить его во многом. В России был объявлен 4-недельный траур. А в Севастополе, как вспоминал Н. И. Пирогов в «Дневнике старого врача», о каких-либо предстоящих переменах с восшествием на престол нового государя «некогда было помышлять»: «У всех одно было на уме — настоящее, весьма неприглядное. Неприятель приближался своими осадными работами; предстояли новые битвы и кровопролития, все были уверены, что, несмотря на перемену правления, до мира еще далеко»².

Разочарование в новом царствовании пришло к некоторым очень скоро. 12 августа 1855 г. В. С. Аксакова записала в дневнике: «Новое царствование обмануло все надежды, так что и самые сильные защитники его, долго не хотевшие расстаться со своими надеждами, пришли в совершенное уныние; прежняя система восторжествовала, а с ней вместе и все злодеи России, сознательные и бессознательные, все подлецы, окружавшие трон, остались на своих местах <...>. Государь — такое лицо, об котором никто не говорит уже. <...> Лучшие люди отнимаются, и допускаются действовать те, которые губят Россию. Твердыня зла возносится над всем, грабеж везде. <...> Господи, очисти и спаси Россию <...>»³. В Крыму неприятель готовился к последнему штурму Севастополя.

До последних боев сестры милосердия не покидали Севастополь. Е. М. Бакунина, являвшаяся «примером терпения и неустанного труда», была последней из сестер, вышедших через мост на Северную сторону. 26 августа старшая сестра Екатерина Будберг и сестра Смирнова 2-я (повидимому, Олимпиада, дочь титулярного советника. — Л. О.) едва не погибли при взрыве на Графской пристани, а 27-го Е. Будберг получила контузию в левое плечо. На Северной стороне, вспоминала Е. М. Бакунина, трудно было в общей загроможденности найти медикаменты и продукты для раненых. «К счастью, — рассказала она далее, — я встретила А. Д. Княжевича, который служил, как мне помнится, при полевом почтамте; он мог нам выдать находящиеся там в тюках: корпию, бинты, компрессы и казенный шелк для лигатур, а то у нас ничего не было»⁴.

Упомянутый Е. М. Бакуниной Антонин Дмитриевич Княжевич (1826—1879) — племянник Владислава Максимовича Княжевича, сын старшего

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. — Кн. 14. — СПб., 1900. — С. 7.

² Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 219.

³ Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. — С. 115—116.

⁴ Бакунина Е. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854—1860 гг.) // Вестник Европы. — 1898. — Кн. 4 (апрель). — С. 516.

из братьев Княжевичей Дмитрия (умершего в 1844 г.¹) — исправлял на тот срок должность полевого почтдиректора. Ему еще не было 30 лет, до войны он служил в Таврической казенной палате. В мае 1848 г., в признание «отличных действий в деле об отдаче станций Таврической губернии по оценкам на 12 лет», А. Д. Княжевич пожалован «350 руб. сер. в подарок из почтовых доходов», в 1850 г. — назначен для ведения письмоводства при председателе комиссии по постройке императорского дворца в Ореанде².

Прошло 6 лет из 12 лет, на которые А. Д. Княжевич «сдал с отличием» почтовые станции Таврической губернии, и война показала, что крым-

¹ Александр и Владислав Максимовичи Княжевичи своих детей не имели и после смерти брата заботу о племянниках взяли на себя. У Дмитрия Максимовича и Антонины Францевны Княжевич (урожд. Антония Гора, баронесса из Австро-Венгрии) — было 6 детей. Сын-первенец Максим умер в младенчестве в Петербурге 31 июля 1821 г., похоронен на кладбище Большой Охты (Княжевич Д. М. Мой журнал. — Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — Ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 102, л. 118 об. — 119).

Чезре полгода в семье родился второй сын, и, видимо, в память о потерянном ребенке и в честь деда родители назвали его Максимом (Максимилианом, *Максом*). Это был старший брат Антонина Дмитриевича — М. Д. Княжевич (р. 5 декабря 1821 г. — ум. в ночь на 9 февраля 1894 г., похоронен на Смоленском кладбище, под церковью Смоленской Богоматери). Его карьера сложилась в Петербурге: служил в Департаменте государственного казначейства, дослужился до чина тайного советника, стал шталмейстером Двора Его Императорского Величества, членом-казначеем Императорского русского географического общества, почетным попечителем заведения лекаря Гейкина в С.-Петербурге для страждущих нервными и душевными болезнями. Три сестры Антонина Дмитриевича — Мария Дмитриевна (р. ок. 1824 г. — ум. в Царском Селе 22 июля 1901 г., похоронена на Смоленском православном кладбище), Елизавета Дмитриевна (р. ок. 1825 г. — ум. 7 февраля 1900 г., похоронена на Смоленском кладбище), Екатерина Дмитриевна (р. ок. 1835 г. — ум. 25 октября 1898 г., похоронена на Смоленском кладбище) — дожили до преклонного возраста, в замужестве не были и наследников не оставили (*Великий князь Николай Михайлович*. Петербургский некрополь. — Т. 2. — СПб., 1912).

² Антонин Дмитриевич Княжевич (р. 2 сентября 1826 г. в С.-Петербурге — ум. 25 июля 1879 г., похоронен на Смоленском православном кладбище в С.-Петербурге), завершив обучение в Ришельевском лицее в Одессе (20 июня 1845 г.), вступил на службу в Таврическую казенную палату и утвержден в чине губернского секретаря. С 23 мая 1846 г. полгода служил в должности помощника столоначальника в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора в Одессе, затем (с 18 октября 1846 г.) определен правителем канцелярии Таврического губернатора. По высочайшему повелению произведен за отличие в коллежские секретари 16 ноября 1847 г. «По всеподданнейшему докладу главноначальствующего над Почтовым Департаментом об отличных действиях в деле об отдаче станций Таврической губернии по оценкам на 12 лет, Государь Император в день 23 мая 1848 г. всемилостивейше пожаловал ему, Княжевичу, подарок из почтовых доходов в 350 руб. сер.». Предписанием наместника Кавказского, генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского от 1 октября 1849 г. за № 365 А. Княжевич назначен для ведения письмоводства при председателе комиссии по постройке императорского дворца в Ореанде. 5 сентября 1850 г. высочайшим приказом произведен за отличие в титулярные советники [ГААРК. — Ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6669, л. 26–27]. Вскоре А. Д. Княжевич был назначен правителем канцелярии строительной конторы Министерства Императорского двора, имел непосредственное отношение к строительству Ливадийского дворца. Так жизнь его и служебная карьера оказались связанными с Крымом. Уже после войны в унаследованном после отца крымском имении Кучук-Узень А. Д. Княжевич развил прекрасное виноградарское хозяйство. Министерство государственных имуществ поручило ему составить книгу, которая могла бы послужить «материалом для предполагаемой экспедиции по исследованию отечественного виноделия». Книга А. Д. Княжевича «О состоянии виноградарства и виноделия на Южном берегу Крыма» вышла в Петербурге в 1868 г.

ские дороги изначально должны были рассматриваться как дороги стратегического значения и оборудоваться соответственным образом. А. И. Маркевич отмечал, что расстройство почтовых станций в Таврической губернии началось еще до войны, с 1850 г., и объяснял это неурожаем¹. Почтовые дома оказались крайне тесны. О состоянии российских дорог в Европе давно были наслышаны. Теперь, во время войны, неприятель знал, «что русские должны были потерять зимой на их ледяных бесчисленных дорогах множество людей»: «Одним этим фактом объясняется относительная слабость их положения»². Сложность была еще и в том, что далеко не везде по ходу путей была произведена оценка земель и нарезка пространства по обе стороны дороги для пастбы транспортного скота. В результате пастбищ не хватало, разорялись окрестные поля, огороды, сады. (Уже после войны, в 1857 г., председатель казенной палаты д. ст. сов. В. М. Княжевич подал прошение «относительно вознаграждения за земли» пострадавших от потравы жителей д. Чистенькой», что по пути из Севастополя в Симферополь, и власти взялись за устройство этого фрагмента пути³.) Эвакуационного транспорта не хватало, плохие дороги бесконечно затягивали и без того мучительную эвакуацию на телегах из Севастополя в Симферополь и далее.

Антонин Княжевич возвращается на службу по почтовому ведомству и приезжает в военный Крым в разгар войны, в апреле 1855 г. (о чем узнаем из письма его дяди А. М. Княжевича к С. Т. Аксакову⁴), и энергично принимается за восстановление крымских дорог и работы почтовых станций. Думается, Н. И. Пирогову не раз приходилось решать вопросы транспортировки раненых и больных с А. Д. Княжевичем. 4 июня 1855 г. Н. И. Пирогов доводит до сведения губернатора «о неисправностях на Ишуньской станции» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 141]: там вместо курьерских лошадей хирургу дали простых почтовых; те, изнуренные, остановились, проехав две версты, а Пирогов вынужден был возвратиться назад, между тем на станции не оказалось даже жалобной книги⁵. Впрочем, в описанной ситуации А. Княжевич разобраться не мог, поскольку в это самое время выполнял свои обязанности на Севастопольском тракте, о чем свидетельствует его докладная губернатору от 7 июня 1855 г. [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20917, л. 124]. И пробыл он там довольно долго, так как 13 июня датирован отчет Симферопольской почтовой конторы об отправлении эстафеты к Княжевичу в Бахчисарай [там же, л. 143]; 16 июня он прини-

¹ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 139.

² Bocher Charles. Lettres de Crimée. — Paris, 1877. — С. 104.

³ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 138.

⁴ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). — Ф. 3 [Архив Аксаковых], оп. 13, ед. хр. 33, л. 10.

⁵ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 147.

мал ремонтные работы на Севастопольской трассе [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 147]¹. И только 20 июня А. Д. Княжевич мог заняться вопросами северокрымских дорог; в частности, 20 июня докладывал губернатору об обстановке на Алешковской почтовой станции [там же, л. 154 об.], значение которой в условиях войны возросло чрезвычайно (в Алешках в здании уездного училища расположился госпиталь²). Необустроенной была не только Алешковская станция, чрезвычайно разбитым был весь Алешковский тракт, о «беспорядках» на котором отчитывался А. Княжевич губернатору 6 июля 1855 г. [там же, л. 19 об.]. Но если в июне 1855 г. станции от Перекопа до Алешек оставались «в бедственном» состоянии, то от Симферополя до Перекопа они были уже вполне поправлены³.

...Петербургский профессор А. В. Никитенко в дневнике 30 августа 1855 г. записал: «Севастополь взят!» И далее цитирует слово в слово бюллетень от 27 августа 1855 г.: «В двенадцать часов пополудни. Неприятель получает почти ежедневно новые подкрепления. Бомбардирование продолжается огромное. Урон наш более 2500 человек в сутки.

В 10 часов утра. Войска нашего императорского величества защищали Севастополь до крайности, но более держаться в нем за адским огнем, коему город подвержен, невозможно. Войска переходят на северную сторону, отбив окончательно, 27 августа, шесть приступов из числа семи, проведенных неприятелем на западную и корабельную стороны; только из одного Корнилова бастиона не было возможности их выбить. Враги найдут в Севастополе одни окровавленные развалины». «Боже мой, сколько жертв! — скорбит Никитенко. — Какое гибельное событие для России!»⁴.

Положение в Крыму после сдачи Севастополя было отчаянным. Вся Россия тяжело переживала поражение. 16 сентября 1855 г. А. М. Княжевич писал из Петербурга С. Т. Аксакову в Абрамцево (и письмо это красноречиво показывает настроение высокопоставленного петербургского чиновника и меру его осведомленности о случившейся трагедии): «<...> Желал бы сказать тебе что-нибудь радостное, но увы! — последние известия из Главной квартиры не обещают нам ничего хорошего. *Подробности несчастного дня 27-го августа по сию пору еще не обнародованы* (курсив мой. — Л. О.). Из писем брата (В. М. Княжевича. — Л. О.) и Антонина (А. Д. Княжевича. — Л. О.) я знаю немного более того. <...> Ужаснейшая бомбардировка началась 24-го и в первые два дня мы потеряли 5 тыс., на третий — 3 тыс. человек. Потери во время штурма полагают одни в 4 тыс.,

¹ Российская пресса сообщала тогда: «Устройство шоссе от Симферополя до Севастополя, производимое по всем правилам строительного искусства, довольно быстро продвигается вперед» [Современник. — СПб. — 1855. — Т. 52. — С. 153–155].

² Об этом директор училища докладывал губернатору 5 мая 1855 г. [ГААРК. — Ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 44 об.].

³ *Маркевич А. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 147.

⁴ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. — ГИХЛ, 1955–1956. — Т. 1. — С. 418.

другие — в 8 тыс., у неприятеля же — от 15 до 20 тыс., но сердце умирает, помышляя об этом, и лучше перестану <...>¹.

Севастополь пал, но мир еще не заключен. «Мы потеряли уже все берега Черного моря, и Севастополь, и адмиралов», — писал сенатор К. Н. Лебедев². Правительство в кризисе. Министры, или, как пишет Лебедев в начале января 1856 г., «так называемые министры», должны уйти в отставку. Мир еще не заключен, многие воспринимают мысль о позорном мире как предательство³, в губерниях все еще снаряжались дружины для войны...

6 октября 1855 г. А. В. Никитенко записывает в дневнике: «Теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребления и воровство выросли до чудовишных размеров»⁴. 8 октября: «Отчего, между прочим, у нас мало способных государственных людей? Оттого, что от каждого из них требовалось одно — не искусство в исполнении дел, а повиновение и так называемые энергические меры, чтобы все прочие повиновались. Такая немудреная система могла ли воспитать и образовать государственных людей? Всякий, принимая на себя важную должность, думал об одном: как бы удовлетворить лично господствующему требованию, и умственный горизонт его невольно суживался в самую тесную рамку. Тут нечего было рассуждать и соображать, а только плыть по течению»⁵.

11 октября 1855 г. Аксаковы получили письмо от А. И. Казначеева о том, что его сын ранен пулею в шею, о том, что сожжена врагами крепость Кинбурн, о том, что Владислав Максимович Княжевич спрашивал официально главнокомандующего Горчакова, не время ли вывезти

¹ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). — Ф. 3 [Архив Аксаковых], оп. 13, ед. хр. 33, л. 17.

² Лебедев К. Н. Из записок сенатора К. Н. Лебедева. Декабрь 1855 — март 1856 года // Русский архив. — 1893. — № 3. — С. 290.

³ 4 сентября 1855 г. А. М. Раевская сообщала из Москвы родственнице Е. Н. Орловой «бюллетень всех известий», собранных ею после двухчасового разговора с графом Ал. Фед. Орловым (1787—1861), главным начальником III отделения Его Величества канцелярии, шефом жандармов. Сведения эти были, что называется, из первых рук, поскольку А. Ф. Орлов, кроме того, был командующим императорскою главной квартирой (и именно он впоследствии был послан в Париж для ведения переговоров о мире). Его мнения, таким образом, отражали официальную позицию. Вот что пишет А. М. Раевская: «Взятием Севастополя не сокрушаются, полагают, что неприятель там потерял при последнем приступе от 15 до 20 тыс. Ожидают нападения на Николаев, где находится Лидерс с 50 тысячами; туда едет Государь с Великим князем Михаилом Николаевичем — Алексей Федорович едет вперед. Ни в каком случае постыдного мира не сделают. Пруссию мы довольны, а Австрия все колеблется, но, вероятно, против нас не будет действовать <...>. Как мне кажется, никогда граф Алексей Федорович не полагал себя в такой силе, как теперь, — он выхваляет правоту намерений императора и высокий ум императрицы; он почти гордится падением Бибикова, назначением Ланского на его место, предсказывает падение Клейнмихеля и многие другие постепенные перемены» (Архив Раевских. — Т. 4. — СПб., 1912. — С. 307).

⁴ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. — Т. 1. — С. 421.

⁵ Там же. — С. 421—422.

казну из Симферополя, а Горчаков отвечал *вовсе не нужно*¹. «Здесь все по-прежнему, но в октябре, верно, решится, удержим ли Крым на зиму за собой или нет», — писал в это время жене Н. И. Пирогов из Симферополя. Но в ноябре 1855 г. Пирогов заметил, что жители города успокоились и готовились провести зиму в Крыму².

Октябрь 1855 г. в Крыму был жарким, как лето. Все, однако, боялись зимы, предвидя холод и голод. Д. И. Менделеев, в то время учитель Симферопольской гимназии³, 19 октября 1855 г. писал в Петербург о Симферополе: «Погода чудная, какой нет в Петербурге и в июне. Есть близ самого города прекрасные местности <...> чудные виды <...>. Впрочем, вся местность, начиная от Перекопа, опустошена, нигде не видно травки — всю съели волаы, верблюды, везущие страшно бесконечные обозы раненых, припасов и новых войск. <...> Везде лазареты <...>. Пыль страшная, так что и выходить не хочется. <...> Запах лазаретов и дым оттого, что жгут за городом падаль и везут нечистоты»⁴.

Осенью 1855 г. страна жила в политической неопределенности. Чувство глубокого горя и разочарования переживали все. 17 ноября 1855 г. гр. П. А. Валуев записал в своем дневнике, что «озлобление против порядков до 1855 года беспредельное и всеобщее», что со смерти Николая Павловича шли слухи о смене министров. К концу 1855 г. на эту тему появилась даже карикатура, представляющая *montagne russe*⁵, с которой съехал уже, растеряв свои доспехи, Бибииков; Клейнмихель⁶ съезжает, но в каске и шинели, благополучно; наверху Панин уже сидит на санках и приглашает Брока съехать вместе; Брок отворачивается и отмахивается; между тем Киселев, закутавшись в шинель, быстро уходит в сторону⁷.

Крымская администрация не имела времени на растерянность, напряжение в работе нарастало ежедневно и ежечасно. Впереди зима, а бараки и госпитали не могли вместить всех раненых и заболевших тифом, возвратной горячкой и кровавыми поносами, огромное множество больных было помещено в госпитальные палатки — и это поздней осенью. В квартирах сестер постоянно было холодно и сыро. В Симферополе сестры Крестовоздвиженской общины поначалу жили в недостроенном

¹ Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855. — С. 150.

² Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 90—91.

³ Он приехал в Крым для лечения, петербургские врачи обещали ему лишь 8—9 месяцев жизни. Осмотрев его, Н. И. Пирогов дал ряд советов и успокоил, что жить ему еще долго.

⁴ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 565.

⁵ Русская горка (франц.). — Л. О.

⁶ Пройдет совсем немного времени, и хрестоматийное грибоедовское «времен Очакова и покоренья Крыма» будет переименовано: «времен Клейнмихеля и покоренья Крыма». Геройский смысл менялся на горький: вместо Очакова помингался главноуправляющий путями сообщения, откровенно наживший громадный капитал, и «покоренья Крыма» связывалось с тяжелейшим военным и политическим поражением России (*Одоевский В. Ф.* Текущая хроника и особые происшествия. Дневник 1859—1869 гг. // Литературное наследство. — Т. 22—24. — М., 1935. — С. 105).

⁷ Валуев П. А. Дневник графа Петра Александровича Валуева // Русская старина. — 1891. — Т. 70. — № 5. — С. 343.

доме Перовского, где страдали от холода и дыма из временных железных печей. 31-м октября 1855 г. помечено в реестре документов Таврического военного губернатора ходатайство академика Пирогова «о помещении для общины сестер милосердия» [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20918, л. 209 об.]. Пирогов просил перевести их в дом Взметнева, куда они и были поселены в мае-июне 1856 г.¹ В том же доме находился цейхгауз общины, где помещалось все для раненых: белье, обувь, посуда, чай, сахар, вино, медикаменты и перевязочные материалы и т. п.

Раненых и больных ежедневно привозили в Симферополь, и здесь их накопилось, по сведениям Пирогова, до 13 тысяч². И у Н. И. Пирогова, и у В. М. Княжевича сложно складывались отношения с начальницей Крестовоздвиженской общины А. П. Стахович, женщиной высокомерной и жесткой. Пирогов возлагал определенные надежды на приехавшую в Севастополь из Одессы в начале сентября 1855 г. Екатерину Александровну Хитрово, заменившую А. П. Стахович. Транспорт с ранеными отходили из города почти ежедневно, но какие это были транспорты... «Если бы ты услышала все рассказы о злоупотреблениях и грабежах, производимых транспортными начальниками, так у тебя волосы бы встали дыбом, — писал жене Пирогов 22 сентября 1855 г. — Государь встретил один такой транспорт около Кременчуга и нашел, что недостаточно одного полушубка на трех больных, а если бы он знал, что в других транспортах, кроме изорванной и истертой шинели, ничего не дается для прикрытия даже трудных больных, что бы он сказал тогда? Целые миллионы стоит эта перевозка больных и, несмотря на то, она в самом жалком первобытном состоянии»³.

Чтобы облегчить путь раненых до Перекопа, Херсона, Николаева и далее, транспортные поезда из 100 и более телег стали сопровождать сестры. Уже через много лет Пирогов вспоминал, как уходила с обозом Е. Бакунина: «В больших сапогах и в бараньем тулупе она тащила пешком по глубокой грязи (перекопская грязь — *nota bene*) и сопровождала мужицкие телеги, битком набитые больными и ранеными; она заботилась, насколько было возможно, о страдальцах и ночевала с ними в грязных, холодных этапных избах»⁴.

Пирогов распределил деятельность симферопольских сестер и врачей по районам города. В одной части городских лазаретов работали Е. А. Хитрово, Е. М. Бакунина с врачами В. И. Тарасовым и П. А. Хлебниковым. В другой край города направлены были сердобольные с военными медиками. Е. П. Карцева и С. П. Боткин с несколькими молодыми врачами были заняты в тифозных бараках, лежащих вне города.

По-прежнему обеспечение их деятельности ложилось на губернскую администрацию. Огромное количество всевозможных прошений, заяв-

¹ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 74.

² Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 75.

³ Там же. — С. 81.

⁴ Там же. — С. 207.

лений, требований от Н. И. Пирогова, от начальницы сердобольных вдов поступало в канцелярию военного губернатора и разрешалось с помощью В. М. Княжевича. Приведем лишь некоторые документы этого периода из Крымского архива.

4 октября 1855 г. профессор Пирогов обратился с докладной запиской о беспорядках в госпиталях, расположенных в бараках [ГААРК, ф. 26, оп. 1, сд. хр. 20918, л. 96 об.]. Этим же числом помечена записка директора госпиталей о помещении для начальницы сердобольных вдов [там же]. Другая записка директора госпиталей — «о прекращении отпуска порций выбывающих вдов» [там же] — говорит о том, что состав сестер и «сердобольных» в Симферополе по разным причинам все время менялся¹. 5 октября 1855 г. поступила просьба начальницы сердобольных вдов «об отводе помещений для вдов для присмотра за морским госпиталем» [там же, л. 100 об.]. Одновременно г-жа Распопова подала записку «о помещении для вдов Глебовой и Сергеевой» [там же]. 14 октября 1855 г. академик Пирогов подает военному губернатору сразу две записки: «о замеченных беспорядках в бараках в даче хлеба больным» и «об усиленной даче хлеба больным военнопленным» [там же, л. 133 об.].

Некоторые сестры вместе с ранеными покидали Крым. 18 октября 1855 г. Пирогов относится к военному губернатору с просьбой о подорожных в Санкт-Петербург для сестер милосердия [ГААРК, ф. 26, оп. 1, сд. хр. 20918, л. 147 об.]. В 20-х числах октября уехала А. П. Стахович с первым отделением сестер. А в Симферополе обустроиваются вновь прибывшие сердобольные вдовы. 18 октября симферопольский полицмейстер ходатайствовал об отводе квартиры г-же Распоповой, прилагалось и отношение самой начальницы сердобольных со списком о переменах в распределении вдов [там же, л. 149 об.]. Уже 20 октября начальница рапортует военному губернатору о перемещениях в распределении вдов и смерти некоторых [там же, л. 158 об.].

Начальницей Крестовоздвиженской общины после отъезда А. П. Стахович стала сестра-настоятельница Е. А. Хитрово (умерла 2 февраля 1856 г.), а взамен выбывших сестер в состав общины вошли новые лица, прибывшие из Петербурга под надзором старшей сестры Е. П. Карцевой (Карцово́й), дочери помещика, молодой девушки «молчаливого и тихого нрава», но «самостоятельной в исполнении взятых на себя обязанностей», как писал о ней Н. И. Пирогов. В «Книге на записку вступающих бумаг по временной канцелярии военного губернатора» отмечено, что 5 октября 1855 г. получено письмо Черниговского, Полтавского и Херсонского губернаторов на имя сестры милосердия Карцевой [там же, л. 101 об.], касающееся, по-видимому, транспортировки раненых в эти губернии. 6 ноября академик Пирогов просит для себя подорожную до Перескопа и обратно [там же, л. 231 об.].

¹ По некоторым данным, за время войны 12 вдов умерли от тяжести госпитального труда и болезней.

4 ноября 1855 г. г-жа Распопова докладывала губернатору о смерти двух из сердобольных вдов: Тюленцовой (?) и Молчановой [ГААРК, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20918, л. 213 об.]. 11 ноября начальница сердобольных докладывает об увольнении <нрзб> вдовы Прасковьи Есауловой [там же, л. 240 об.], а 13 ноября — о смерти вдовы Кондратьевой [там же, л. 248 об.]. 16 ноября она просит губернатора об установке печей в бараке № 6 [там же, л. 264 об.]. 9 декабря 1855 г. начальница Крестовоздвиженской общины обращается к губернатору о выдаче трех подорожных для отправления сестер [там же, л. 347 об.]. 14 декабря начальница «сердобольных» докладывает об увольнении вдовы Анны Наумовой [там же, л. 368 об.].

3 декабря 1855 г. Пирогов уехал из Крыма. По дороге осмотрел более 70 госпиталей Перекопа, Херсона, Екатеринослава, Харькова, переполненных дизентерийными, тифозными, ранеными и множеством больных, отмороживших себе ноги во время транспортов в открытых санях при 20 градусах мороза...¹

В декабре 1855 г. в Симферополе оставался главный отряд из 28 сестер во главе с Е. П. Карцевой; транспортным отделением из девяти сестер руководила старшая сестра Е. М. Бакунина; девять дежурных сестер под руководством Екатерины Будберг и ее сестры (вдовы капитана, «неутомимой и распорядительной», как писал Н. И. Пирогов) Марьи Чупати (урожд. Будберг), работало в Бахчисарае²; три сестры оставались на Бельбеке; шесть сестер под управлением вдовы чиновника 10-го класса А. И. Травиной работало в Перекопе, 12 сестер — в Николаеве, 26 — в Херсоне.

...На войне многое несопоставимо. Несопоставимы риск и страдания воинов, труды и опасные испытания сестер милосердия — с деятельностью тылового администратора. Но на войне знали, как много зависит от тылового обеспечения, от распорядительности, честности и самоотверженности тылового начальства. Вот почему необходимо было вспомнить сейчас имя председателя Крестовоздвиженской общины сестер милосердия Владислава Максимовича Княжевича, внесшего достойный вклад в организацию всей системы деятельности общины.

Характерно, что, оценивая на основании огромного количества архивных материалов деятельность крымских чиновников в годы войны, А. И. Маркевич написал в последних строках своей книги: «Край в общем не был подготовлен к военным событиям: дороги были в очень плохом состоянии, почтовое дело было в крайнем расстройстве; не было подготовлено ни фуража, ни провианта для войск, ни госпиталей и всего необходимого для нужд больных и раненых; губернская администрация, не вполне выяснившая настроение края и положение дел, захвачена была врасплох и в начале растерялась; но с другой стороны, справедливость требует сказать, что почти сверхчеловеческий труд, выпавший на долю

¹ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — С. 212.

² Сестры Екатерина Будберг и Мария Чупати-Будберг отличались особым самоотвержением еще в Севастополе во время мартовской бомбардировки.

губернских властей вследствие военных обстоятельств, был исполнен ими разумно, серьезно, деловито, и деятельность губернаторов Пестеля и особенно Адлерберга и Жуковского представляется достойной самой высокой похвалы, тем более что в низших, подчиненных агентах они не встречали часто должного содействия и даже понимания. Много пришлось понести трудов и палате государственных имуществ с управляющим Брамке, и таврической казенной палате с управляющим В. М. Княжевичем, но в первом из этих учреждений, нужно также сказать, мало было инициативы; обнаруживалась только более или менее расторопная исполнительность чужих предначертаний.

Благословенная Таврида с честью вынесла постигшее ее испытание, скоро оправилась от него и вполне обновленной встретила начинающую зарю новой жизни»¹.

Через два года после войны в «Путеводителе от Крыма до Москвы» (СПб., 1858) В. М. Княжевич выступил со статьей «Административные вопросы относительно Крыма. Записка действительного члена Императорского русского географического общества»², где, анализируя уроки Крымской кампании, предлагал ряд мер, которые, в случае новой войны, должны были бы обеспечить успех русской армии. Среди этих мер есть радикальные. Например, перерезать Перекопский перешеек каналом, от чего, по мысли Княжевича, выиграло бы судоходство — сближением Днепра, Буга, Днестра с Азовским морем. Историкам и географам судить о потенциальной действенности такой меры. Но вот что совершенно правильно отметил Княжевич, так это социально-экономическая неразвитость «перевалочных» районов — городов Перекоп, Армянск, Каховка. Необходимо, настаивал он, срочно построить железную дорогу в Крым (в Севастополь, Феодосию), а также устроить шоссейные дороги от Каховки до Севастополя и других портовых городов. «Может быть, правительство, — писал В. М. Княжевич, — могло бы способствовать скорому построению шоссе вызовом частных компаний для небольших пространств дороги. Вообще, если б издана была нормальная программа условий правительства на этот предмет, то во всей России могли бы по частям устраиваться как почтовые, так и проселочные шоссе. В Австрии найдено же средство протянуть шоссе и на проселочных дорогах»³. Особое внимание, настаивал В. М. Княжевич, следует уделить мостам. Построенный в 1844 г. мост

¹ Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — С. 249.

² Это не первая статья В. М. Княжевича о Крыме. В 1839 г. в «Одесском альманахе» был опубликован «Очерк Южного берега Крыма», написанный В. М. Княжевичем в соавторстве с бывшим губернатором Таврии А. И. Казначеевым. Статья подписана «(А+В) К. Симферополь. Октябрь, 1838». Как впоследствии рассказал А. И. Казначеев, «Очерк Южного берега Крыма» был начат В. М. Княжевичем и написан до 21-й страницы. Закончил очерк А. И. Казначеев (Бартенев Юрий Никитич. 1840—1842 // Русский архив. — 1898. — Т. 1. — № 1. — С. 123).

³ Княжевич В. Административные вопросы относительно Крыма. Записка действительного члена Императорского географического общества В. Княжевича // Путеводитель от Крыма до Москвы. Сост. Штакельбергом. — СПб., 1858. — С. 79.

через Сиваш (на 100 саж.) был «спасительным» в Крымскую войну. И еще важная для Крыма проблема — постройка сооружений для сохранения воды¹ в Ялте, Севастополе, Феодосии и других крымских городах.

...В эпоху Крымской кампании Таврическая губерния оказалась средоточием давно наболевших всероссийских проблем. Война обострила эти проблемы, она же выдвинула людей, способных эти проблемы решать. В области административного устройства Крыма одним из таких людей оказался Владислав Княжевич.

Как только отгремели баталии в Крыму, основной фронт борьбы с российскими «несовершенствами» перенесся в Петербург. Одним из последствий Крымской катастрофы было тяжелое положение российских финансов. Важнейшую роль в деле восстановления финансового баланса России в этот послевосанный, предреформенный и реформенный период довелось сыграть старшему брату Владислава Максимовича Княжевича — Александру. Так в семейной преемственности труда на благо России логично отразилась обусловленность российских реформ крымскими событиями и крымским опытом. История призывает людей.

В марте 1858 г. в России произошла смена двух министров. Ушел в отставку министр просвещения А. С. Норов, и на его место назначен Ев. П. Ковалевский; на место П. Ф. Брока, бывшего министром финансов в 1850—1857 гг., назначен Александр Максимович Княжевич. 26 марта 1858 г. граф П. Х. Граббе записал в дневнике: «Министр финансов Брок уступил свое место Княжевичу, человеку специальному и опытному. Ожидают новых перемен к 17 апрелю (день рождения царя Александра. — Л. О.)»². Одной из первых мер А. М. Княжевича (в апреле 1858 г.) было обращение к царю за разрешением, чтобы позволено было в прессе *писать и печатать* о финансах все беспрепятственно, кроме опровержений или возражений на состоявшиеся уже меры и постановления правительства. Это было чрезвычайно важно для борьбы, по выражению П. Х. Граббе, «с закоренелыми злоупотреблениями»³.

Как ни покажется парадоксальным, но в 1860-е годы многие считали, что надежда государства — на «последних Александровских» (т. е. эпохи Александра I), которые, хоть и в летах, но «совсем не то», что Николаевское поколение «солдатизма, палок и невежества». И потому приветство-

¹ В 1854 г., до начала Крымской кампании, в Симферополе был сооружен главный городской фонтан, однако во время войны так и не вступил в действие. Фонтан был торжественно открыт 16 октября 1865 г. Его сооружение обошлось городу в 7388 руб., а проведение водовода — в 5528 руб. 89 1/2 коп. Известно, что часть средств (около 500 руб.) составляли пожертвования. При этом самую большую сумму — 100 руб. внес В. М. Княжевич (Симферопольский альбом. — Симферополь, 1996).

² Граббе П. Х. Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе // Русский архив. — 1889. — Т. 3. — № 9. — С. 681.

³ Там же.

вали назначение «Александровских» на государственные посты. Так, например, считал (в январе 1856 г.) историк и будущий участник подготовки крестьянской реформы К. Д. Кавелин (1818–1885) и очень верил, что благодаря нынешнему бурному времени, когда «все говорит, все толкует», воспитается «общественное мнение, могучее и просвещенное» и «изгладится позор недавнего еще безголовья»¹. А. М. Княжевич был «из Александровских», прошедший школу российского министра финансов Е. Ф. Канкрин, остававшегося на своем посту рекордный срок — 21 год (с 1823 г.), причем при двух императорах.

Вот красноречивая запись современника о назначении А. М. Княжевича министром (запись сделана не позднее лета 1858 г.): «<...> Всю свою службу, начиная от низших до высших должностей, [А. М. Княжевич] проходил в министерстве финансов. По даровитости, многостороннему образованию и опытности в делах финансовой части он с давнего времени пользуется обширной известностью, так что о нем знают, и имя его произносят с уважением по всей России. Назначением его в министры финансов было отгадано общее желание, и едва ли найдется такой, кто бы сказал, что Княжевич теперь не на своем месте или что следовало бы назначить министром финансов кого-либо другого. Доселе из важных распоряжений он допустил только уничтожение 60 т. руб. кредитных билетов (об этом читай далее. — Л. О.) и объявил мысль, что торги на питейные откупа были последние. <...> С одобрением замечают также, что новый министр финансов старается окружить себя людьми способными и специалистами. <...> Княжевич поставил себя в такое счастливое положение, что с назначением его в министры все успокоилось на счет управления нашими финансами; убеждены, что он не предпримет никаких шатких или обманчивых мер и не упустит случая, когда потребуют или позволят обстоятельства, сделать все истинно полезное. Эта уверенность в дарования министра так велика, что если он, в продолжение своего министерства, не сделает ничего особо важного, то и тогда, кажется, не перестанут считать его лучшим, после гр. Канкрин, министром финансов»². Исчерпывающая и трезвая характеристика, причем дана она по началу деятельности А. М. Княжевича в новой и самой ответственной в его жизни должности.

Зимой-весной 1858 г. последовали Высочайшие рескрипты об открытии, в рамках действий Главного комитета по крестьянскому делу, губернских комитетов для составления проектов Положений об устройстве быта помещичьих крестьян; в частности, 10 мая 1858 г. — об образовании комитетов в Херсонской и Таврической губерниях. Соответствующий документ-программу «Положение об улучшении быта помещичьих крестьян NN губернии» с рекомендациями губернским комитетам, подписал, в числе первых лиц государства, Александр Княжевич — уже как министр

¹ Барсуков Н. — Жизнь и труды М. П. Погодина. — Кн. 14. — С. 210–211.

² Попов М. М. Мелкие рассказы М. М. Попова // Русская старина. — 1896. — № 3 (март). — С. 562.

финансов¹. В состав Комитета по Таврической губернии вошел, кстати, и В. М. Княжевич.

Справедливость требует сказать, что за границей «Колокол» А. И. Герцена² на министерскую перспективу 66-летнего А. М. Княжевича откликнулся утопическим даже для нашего времени предложением: «Что за странное назначение? <...> Да кликните же клич, предложите конкурс для программы управления финансами, и пусть государь назначит министром того, чья программа будет самая дельная. Забудьте же на этот раз немецко-китайскую табель о рангах для спасения шатких финансов государства. В спасении финансов — спасение отечества»³.

Достаточно привести цифры, характеризующие «шаткие финансы государства». Если перед войной, в конце 1852 г. в России обращалось бумажных денег на сумму 311 млн руб., то к концу 1856 г. сумма обращаемых кредитных билетов достигла 689 млн руб. В 1857 г. финансовый дефицит превышал 74 млн руб. Потому, по настоянию А. М. Княжевича, в конце мая 1858 г. на дворе экспедиции кредитных билетов в Петербурге в присутствии ответственных лиц из Совета государственных кредитных установлений, депутатов от биржевого купечества и иностранных гостей было сожжено кредитных билетов на сумму 60 миллионов рублей. По единодушному признанию, это была «важная финансовая мера», с «огромной пользой» сказавшаяся на российском вексельном курсе за границей⁴. Заслуживает внимания принятый при новом министре финансов закон по раскладке зем-

¹ Карнович Е. П. Обзорение мер, принятых до сего времени к устройству быта помещичьих крестьян // Современник. — 1858. — Т. 69. — № 6. — С. 1—40.

² Судя по воспоминаниям современников, А. И. Герцен следил за крымскими событиями напряженно. Вот одно из свидетельств людей, встречавшихся с Герценом за границей: «Мне случалось его (А. И. Герцена. — Л. О.) видеть после Восточной войны, и он рассказывал мне, какой мучительный год он прожил один в Англии, вдали от России, осажденной со всех сторон сильнейшим неприятелем; с каким лихорадочным трепетом брался он каждое утро за газеты, боясь прочесть в них известие о взятии Севастополя, как гордился его мужественной обороной» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. — СПб., 1888—1910. — Кн. 20. — С. 17—18). В то же время, исход войны связывался Герценом с надеждами на либерализацию России. На этот период приходится начало его активной издательской деятельности, направленной, с одной стороны, на защиту русского имиджа за рубежом, с другой, — на освободительную пропаганду. В «Объявлении о «Полярной звезде»» (1855) А. И. Герцен писал: «Мысль русского освобождения явилась на свет в тот день, когда русский солдат, усталый после боев и длинных походов (имеется в виду 1814 год. — Л. О.), бросился, наконец, отдохнуть в Елисейских полях.

И неужели через сорок лет пройдет даром гигантский бой в Тавриде?

Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит, испытавший свою силу, так же подставит свою спину палке, как прежде?» (Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. — М., 1955—1958. — Т. 7. — С. 44). Объяснимо поэтому, что герценовская критика многих действий и лиц российской политики была чрезвычайно радикальна и сурова. Но это была речь первой и на то время единственной в своем роде здоровой и свободной оппозиции, которая реально влияла на российскую жизнь.

³ Колокол. 1 ноября 1859. — Л. 55. — № 55. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон — Женева. Факсимильное изд. — М.: АН СССР, 1962. — (Вып. II. — С. 454—455).

⁴ См.: Русский вестник. — 1858. — № 5; Современник. — 1858. — Т. 70. — № 7. — С. 90—92.

ских повинностей на трехлетие с 1857 г. В частности, «согласно предположению г. министра финансов», частные повинности дворянских имений в Таврической губернии составили по 75 ³/₄ копейки с души, но при этом подушный оклад менялся «в соразмерности» с количеством «удобных земель, принадлежащих в губернии дворянам»¹ (несомненно, в этом случае А. М. Княжевич советовался с В. М. Княжевичем). Эти и дальнейшие финансовые меры (например, в откупной системе) хоть и вызывали у «Колокола» критику в сторону «престарелого вождя финансов Княжевича» но, однако, *никогда* А. М. Княжевич не был обвинен эмигрантской газетой в краже средств, он упрекался в неспособности *противодействовать* этому. «Колокол» опубликовал даже в разделе «Смесь» анекдот «Литературный вечер 7/19 декабря <1861 г.>»: Княжевич читает лирическое произведение (намек на старинные литературные увлечения А. М. Княжевича) «Плач министра... над гибнущими финансами». Государь был так тронут, что в тот же день приказал назначить большие суммы для поправки дворцов². Подобных «историй», вымышленных и реальных, когда министр финансов вынужден был подписывать раздутые сметы на содержание двора, на премии высокопоставленным чиновникам и проч., «Колокол» опубликовал немало. Разумеется, А. М. Княжевич был совершенно в курсе этих материалов (известно, что «Колокол» читали и царь, и великие князья, министры и губернаторы). Но мне кажется также, что эти материалы объективно помогали Княжевичу в той титанической работе, которая выпала ему почти в семидесятилетнем возрасте. А работал он, как вспоминали сослуживцы, очень много, не щадя себя.

Появляются и новые комментарии «Колокола». Так, в конце 1861 г. министерство финансов вступилось за золотопромышленников, притесняемых пермским губернатором К. Огаревым. Приложение к «Колоколу» листок «Под суд!» (№ 13 за 22 апреля 1862 г.) выразил благодарность министерству финансов за поддержку «общего дела»³. В то же время «Колокол» оценил факт обнародования А. М. Княжевичем росписи бюджета⁴. А когда министр финансов А. М. Княжевич получил отставку (в январе 1862 г.), «Под суд!» объяснил это мстостью министру и чиновничьими разборками: «Не действуй в пользу общего дела и целой корпорации золотопромышленников и не унижай генерал-адъютанта Огарева перед какими-нибудь золотопромышленниками»⁵.

Каждый день приносил новую информацию о снятии и назначении «действующих» лиц при дворе. Среди этих событий в 1861 г. общество было взбудоражено студенческими волнениями в Петербурге, Москве, Казани. В Москве, на Тверской площади около гостиницы «Дрезден»,

¹ Карнович Е. П. (?) Современное обозрение // Современник. — 1858. — Т. 70. — № 7. — С. 96.

² Колокол. — 1862, 15 января. — № 119–120 (Вып. V. — С. 1000).

³ Колокол. — Вып. X. — С. 104.

⁴ Колокол. — 1862, 15 января. — № 145. — Л. 145 (Вып. V. — С. 1200).

⁵ Колокол. — Вып. X. — С. 106.

против генерал-губернаторского дома протестовавшие студенты были избиты, последовали репрессии. Студенты не замедлили отозваться на эти события стихами, в которых, между прочим, воспоминания о Крымской войне были использованы как средство контраста между героями севастопольскими и «героями нового времени»:

Уж на Малаховский курган
Не Франц Тотлебен, не Нахимов,
А сам Тучков и сам Назимов
Отныне в бой нас поведут!¹

В. И. Назимов, попечитель Московского учебного округа, и П. А. Тучков, московский генерал-губернатор, откровенно противопоставлены севастопольским героям.

22 января 1862 г. новым министром финансов становится М. Х. Рейтерн. 23 января А. М. Княжевич сообщает в Совет министров, что «уже получил копию с указа об увольнении со звания министра»². А 26 января 1862 г., по Высочайшему повелению, членом Совета министерства финансов с производством в тайные советники назначен Владислав Максимович Княжевич [ГААРК, ф. 116, оп. 1, ед. хр. 963, л. 2]. Разумеется, решение это о новом поприще для В. М. Княжевича подготавливалось давно.

Но, переселившись в Петербург, Княжевич не собирался прерывать своей общественной деятельности в Крыму³. 4 августа 1862 г. он пишет из Петербурга в Симферополь в Совет странноприимного Дома Таранова-Белозерского⁴: «Определяясь в настоящем месяце в Петербург, где ныне состою на службе, я желаю оставить за собою звание попечителя Странноприимного Дома Таранова-Белозерского, дабы иметь возможность по-прежнему способствовать пользам этого благотворительного заведения, чему, надеюсь, не будет препятствовать местопребывание мое в столице» [там же, л. 1].

Владислав Максимович Княжевич и его жена Мария Ивановна (рожд. Сулова, 10 декабря 1800 — 30 января 1899) похоронены на Смоленском православном кладбище в Петербурге⁵. Их могилы не сохранились. Но до наших дней на этом кладбище сохранились могила и надгробие (со стихами В. Г. Бенедиктова) А. М. Княжевича, министра финансов России в 1858—1862 гг., члена Государственного совета.

¹ Архив Раевских. — Т. 5. — СПб., 1915. — С. 330.

² Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Отдел рукописей. — Ф. 379 [Корнилов Ф. П.], ед. хр. 629.

³ О некоторых фактах жизни и деятельности В. М. Княжевича в 1858—1863 гг. см.: *Орехова Л. А.* Раевские и Княжевичи: документы из крымской жизни // Историческое наследие Крыма. — 2006. — № 12—13. — С. 77—86.

⁴ В звании попечителя Странноприимного дома Княжевич был утвержден 4 сентября 1853 г. [ГААРК, ф. 116, оп. 1, ед. хр. 963, л. 2].

⁵ Великий князь Николай Михайлович. Петербургский некрополь. — Т. 2. — СПб., 1912.

В заключение — еще, как мне кажется, показательная информация. 19 января 1861 г. в Петербурге, в помещении Дворянского собрания, громко отмечался юбилей действ. тайного сов. А. М. Княжевича: 50-летию службы в министерстве финансов. В числе более 600 гостей были герой Крымской войны С. А. Хрулев, художник И. К. Айвазовский, ряд литераторов¹. О юбилее писала вся российская пресса². А. Княжевичу пожалован императором орден Св. Владимира I степени, в монетном дворе выбита в честь юбиляра медаль. С поздравительным адресом выступили представители главнейших банкирских и торговых домов из Лондона, Манчестера, Гуллы и Ливерпуля. Чиновники Самарской казенной палаты образовали в честь А. Княжевича капитал для содержания в Самарском женском училище I-го разряда двух вольноприходящих учениц. Петербургское купечество учредило две стипендии имени Александра Княжевича в Казанском университете и Технологическом институте. Московское купечество образовало капитал для награждения особенных заслуг по части отечественной промышленности («Учредить для поощрения успехов отечественных мануфактур готовую премию для награждения лиц, оказавших особенные заслуги в деле фабрично-заводской и ремесленной промышленности»), и премии эти названы именем А. Княжевича. Устав для присуждения премии поручено было выработать самому А. М. Княжевичу. Московское купечество пожертвовало для премии Александра Княжевича капитал в размере 15 870 руб., обращенный в специальные средства департамента торговли и мануфактур. К 1 января 1898 г. этот капитал достиг суммы 70 767 руб. 80 коп.³

В 1915—1917 гг. Таврической губернатором был внучатый племянник А. М. и В. М. Княжевичей Николай Антонинович Княжевич (сын Антонина Дмитриевича Княжевича). После революции эмигрировал, умер во Франции в 1945 г. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев дю Буа.

Единственный сын бывшего губернатора Крыма Н. А. Княжевича Николай Николаевич Княжевич умер во Франции в 1989 г., наследников не оставил.

Л. А. Орехова

¹ Юбилей пятидесятилетней службы г. министра финансов, действ. тайного совет. Александра Максимовича Княжевича. — СПб., 1861.

² См.: Северная пчела. — 1861. — № 17; Московский курьер. — 1861. — № 19; Русский мир. — 1861. — № 7; Биржевые ведомости. — 1861. — № 16, 17; Русский вестник. — 1861. — № 4 и др.

³ Об условиях присуждения премии Александра Княжевича см.: Русские ведомости. — 1898. — № 256.

Керченский градоначальник

П. А. Антонович

Кет сомнения, что человеческий фактор зачастую определял причины военных и административных успехов и неудач. Война так или иначе коснулась всех городов Таврической губернии. Описание жизни этих городов и оценка действий отдельных руководителей в условиях военного и послевоенного времени остается важнейшей задачей современной историографии.

В отношении Керчи эта работа особенно трудна, так как городские архивы не сохранились, и исследователю приходится по крупицам, по самым незначительным записям, разбросанным по фондам губернии, восстанавливать и детализировать общую историческую картину бытования оккупированной Керчи, в восстановлении которой ведущую роль сыграл *Платон Александрович Антонович (1812–1883)*.

В этом плане вопрос о керченском градоначальнике, пусть в небольшой мере, но расширяет наши знания о керченском сюжете в Крымской войне, в частности о гибели административных архивов, послевоенном восстановлении Керчи, социальной помощи керченским жителям. В исторической литературе (и о Крымской кампании, в частности) информация о Платоне Александровиче Антоновиче весьма скупа, ограничивается редкими упоминаниями о подписанных им документах — без какого-либо комментария.

Вместе с тем историкам известно нашумевшее в 1830-е годы политическое дело Сунгурова: за участие в кружке Н. П. Сунгурова был осужден и приговорен к солдатской службе П. А. Антонович. Дальнейшая его судьба — личная, воинская и гражданская — нигде не описана, но представляет, как убедимся, чрезвычайный исторический интерес — тем более что связана она с Крымом и Крымской войной. А начать нам придется издалека.

Всем знакомая «история в лицах» А. И. Герцена — «Былое и думы» — в VI главе (часть I) среди описаний студенческой жизни А. И. Герцена и Н. П. Огарева содержит эпизод об аресте в 1831 г. нескольких студентов Московского университета по делу кружка Н. П. Сунгурова: «<...> Вдруг разнесся в аудитории слух, что схвачено ночью несколько человек студентов — называли *Костенецкого, Кольрейфа, Антоновича* и других; мы их знали коротко, — все они были превосходные юноши. Кольрейф, сын протестантского священника, был чрезвычайно даровитый музыкант. Над ними была назначена *военносудная комиссия*, в переводе это значило,

что их обрекли на гибель. Все мы лихорадочно ждали, что с ними будет, но и они сначала как будто канули в воду. Буря, ломавшая поднимавшиеся всходы, была возле. Мы уж не то что чуяли ее приближение — а слышали, видели и жались теснее и теснее друг к другу.

Опасность поднимала еще более наши раздраженные нервы, заставляла сильнее биться сердца и с большей горячностью любить друг друга <...>¹.

Разумеется, эпизод может рассматриваться как значимая деталь к описанию николаевской России, тем более что Герцен от конкретики поднимается до метафор: «обрекли на гибель» — «будто канули в воду» — «буря, ломавшая поднимавшиеся всходы» — «чуяли ее приближение» — «видели и жались теснее и теснее друг к другу» — и заключает: «Опасность <...> заставляла сильнее биться сердца и с большей горячностью любить друг друга».

Цитированный эпизод, как видим, не содержит подробностей по делу Сунгурова, официально они не разглашались, а «политэмигрант» Герцен, если и знал, не имел права на подробности. Потому он лишь рассказывает о реакции студентов на событие ареста, но, завершая главу, прибавляет «несколько слов» о судьбе Сунгурова и его товарищей, выделяя, с его точки зрения, особенно важное: «*Кольрейфа* Николай возвратил через *десять лет* из Оренбурга, где стоял его полк. Он его простил за чехотку, как за чехотку произвел Полежаева в офицеры, а Бестужеву дал крест за *смерть*. Кольрейф возвратился в Москву и потух на старых руках убитого горем отца.

Костенецкий отличился рядовым на Кавказе и был произведен в офицеры, *Антонович* тоже»².

Рассказал Герцен, что знал, и о судьбе Сунгурова: после неудачной попытки к бегству был осужден вторично, отправлен в Нерченские рудники и, в конце концов, умер в Нерченске. «Имень его, — продолжает Герцен, — состоявшее из двухсот пятидесяти душ в Бронницком уезде под Москвой и в Арзамасском, Нижегородской губернии, в четыреста душ, *пошло на уплату за содержание его и его товарищей в тюрьме в продолжение следствия*. Семью его разорили, впрочем, сперва позаботились и о том, чтоб ее уменьшить: *жена Сунгурова была схвачена с двумя детьми и месяцев шесть прожила в Пречистенской части; грудной ребенок там и умер. Да будет проклято царствование Николая во веки веков, аминь!*»³.

Сообщенными сведениями (кстати, очень близкими к действительности) Герцен владел еще до эмиграции; разумеется, по слухам. «Былое и думы» писались спустя много лет за границей; по логике вещей, автор должен был внести коррективы и дополнения, по крайней мере, в описание судеб Костенецкого и Антоновича: достаточно осведомленный о делах и чиновничьих перемещениях даже в российской провинции (чему

¹ Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. — М., 1956. — Т. 4. — С. 137.

² Там же. — С. 149.

³ Там же. — С. 150.

свидетельство — содержание «Колокола»), Герцен, несомненно, слышал, что они живы, а Антонович к тому же стал высокопоставленным чиновником. Но, возможно, именно это обстоятельство, вселявшее чувство неопределенности или сомнения по отношению к Антоновичу, заставило Герцена в тексте «Былого и дум» ограничиться короткой фразой: «*Костенецкий* отличился рядовым на Кавказе и был произведен в офицеры, *Антонович* тоже». Возможно предположить и другое: Герцен не хотел навредить реабилитированным «сунгуровцам» публичными припоминаниями об их былой «политической неблагонадежности». «Колокол», кстати, не содержит ни одного упоминания об Антоновиче и вообще Н. П. Сунгурове и сунгуровцах¹. Более того, даже описание в «Колоколе» студенческих волнений 1859 года в Петербургском университете, где среди «зачинщиков» значился некто Капитон Сунгуров, не подтолкнуло Герцена на проведение напрашивающейся исторической аналогии с Сунгуровским кружком Московского университета².

Комментаторы «Былого и дум» (1956 г.) В. П. Гурьянов, Н. П. Ждановский, В. А. Путинцев добавляют некоторые сведения о составе преступления участников «дела Сунгурова» Костенецкого, Антоновича, Кашевского, Кольрейфа и Кноблеха, опираясь на статью Б. Эйхенбаума «Тайное общество Сунгурова»³. Отмечено, в частности, что у трех последних найдены «*писанные ими бумаги с дерзкими мыслями против правительства, а у Кноблеха с дерзкими выражениями против особы е. в. короля Прусского*»⁴. Как видим, состав преступления далеко не соответствует наказанию. Относительно Антоновича, о котором Герцен пишет лишь в ряду других, и комментариев ограничен самыми общими сведениями: Платон Александрович Антонович (Войшин) (1812—1883) был товарищем Герцена по университету и участником «сунгуровского дела», в 1833 г. сослан рядовым на Кавказ, в 1839 г. произведен в офицеры (факты, как видим, известные Герцену), а впоследствии «стал крупным чиновником»⁵.

Гораздо более подробная, более сочувственная и, что характерно, более ранняя (1910 г.) исследовательская информация о Платоне Антоновиче, хоть и с некоторыми непринципиальными неточностями, содержится в комментариях Б. Л. Модзалевского к пятитомному «Архиву Раевских». Ученый, несомненно, опирался на заслуживающие доверия воспоминания товарища Антоновича по «сунгуровскому делу» Я. И. Костенецкого⁶ (1811—1885) и родственника Антоновича (по жене) — А. В. Те-

¹ См.: Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон — Женева. — М.: АН СССР, 1962. — Вып. XI.

² См.: Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. — Вып. III. — С. 495.

³ Эйхенбаум Б. Тайное общество Сунгурова // Заветы. — 1913. — № 5. — С. 54, 58.

⁴ Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. — Т. 4. — С. 432.

⁵ Там же. — С. 461.

⁶ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский Архив. — 1887. — Кн. 2.

лесницкого¹. А представленные Б. Л. Модзалевским письма из архива Раевских: письмо А. И. Казначеева² к Н. Н. Раевскому³ из Симферополя в Керчь от 19 марта 1840 г.⁴ и письмо А. М. Раевской⁵ к П. А. Антоновичу из крымского имения Карасан в Одессу (начала декабря 1861 г.)⁶ — хоть и кратко, но достаточно ярко (особенно первое) воспроизводят образ П. А. Антоновича. Собственно, названными источниками список публикаций о П. А. Антоновиче исчерпывается.

Мне хотелось бы воспользоваться новыми (собственно крымскими) архивными и иными материалами, чтобы актуализировать для современного читателя историю почти чудесного возвращения к деятельной жизни «политосужденного» П. А. Антоновича. Эти материалы дополняют картины российской жизни 1830—1850-х годов и в очередной раз убедят, насколько важной, судьбоносной может оказаться для человека безоглядная поддержка со стороны личностей смелых и достойных. В жизни П. А. Антоновича это генералы Ф. К. Клюки-фон-Клугенау (1791—1851) и Н. Н. Раевский-второй (1801—1843). А в дальнейшем, став в годы Крымской войны градоначальником Керчи, и сам Антонович проявит себя как блестящий офицер и организатор — во время эвакуации (1855 г.), а затем восстановления города (1856—1858 гг.). В дальнейшем и сам Антонович будет помогать «политически ненадежным».

Мой рассказ должен быть поэтапным: арест сунгуровцев, проводы к месту ссылки и служба на Кавказе (по мемуарным свидетельствам); служба в штабе Черноморской береговой линии и жизнь в Керчи в 1839—1855 гг., эвакуация Керчи 12 мая 1855 г., послевоенное восстановление Керчи (по архивным документам); некоторые общие сведения о П. А. Антоновиче.

Арест сунгуровцев, проводы к месту ссылки и служба на Кавказе (по мемуарным свидетельствам). Итак, участники кружка Сунгурова — студенты Московского университета — были арестованы 20 июня 1831 г. В главе XXXIII части IV «Былого и дум» А. И. Герцен очень коротко возвращается к «делу Сунгурова» и рассказывает, как его друг Н. Х. Кетчер, узнав об аресте Кольрейфа, Антоновича и других, «первый пробрался к ним в ка-

¹ *Телесницкий А. В.* Платон Александрович Антонович // Русская старина. — 1889. — Т. LXI.

² Казначеев Александр Иванович (7 ноября 1788 — 20 июня 1880) был ординарцем Кутузова и в этой роли участвовал в Бородинском сражении. В 1828—1829 гг. — феодинский градоначальник, затем — таврический губернатор. В 1837 г. вышел в отставку. 1 января 1845 г. избран Таврическим предводителем дворянства, 4 декабря 1848 г. назначен одесским градоначальником. Со 2 февраля 1854 г. сенатор, 29 ноября 1856 г. назначен членом комиссии по постройке храма Христа Спасителя. Известно, что Казначеев «открыл» Айвазовского и поселил его у себя, затем устроил в Симферопольскую гимназию и в Академию художеств.

³ Николай Николаевич Раевский (1801—1843), генерал-майор, сын героя войны 1812 г. генерала Н. Н. Раевского (1771—1829). В сентябре 1837 г. назначен начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, штаб которой находился в Керчи.

⁴ Архив Раевских. — Т. 3. — СПб., 1910. — С. 424—427.

⁵ Анна Михайловна Раевская (урожд. Бороздина), жена Н. Н. Раевского-второго.

⁶ Архив Раевских. — Т. 5. — СПб., 1915. — С. 396—397.

зармы, развлекал их, делал им поручения и дошел до того, что жандармский генерал Лесовский его призвал и внушал ему быть осторожнее и вспомнить свое звание (штаб-лекарь!)»¹. В феврале 1833 г. (то есть через полтора года после ареста) сунгуровцы были приговорены к различным мерам наказания. Герцен не рассказывает (думаю, сознательно), как после приговора университетские товарищи прощались с отправляемыми на Кавказ Антоновичем и Костенецким, но, несомненно, он знал об этом от Н. П. Огарева, участвовавшего в этих проводах. Зато этот день живо запомнился Я. И. Костенецкому: 13 марта 1833 г. Костенецкий и Антонович с партией, хотя в своей кибитке и без кандалов, были отправлены из Москвы к месту службы. «На первом ночлеге, в деревне Бицах, — писал Я. И. Костенецкий, — приехали к нам еще раз проститься некоторые из наших товарищей, студенты: Почека, Оболенский, Сатин и Николай Огарев. Они привезли с собой закусок и вина, и мы, напившись чаю и закусивши, со слезами простились с ними на долгую разлуку»². Оказалось, простились навсегда.

Платон Александрович Антонович и Яков Иванович Костенецкий (оба из дворян Конотопского уезда, однокашники по Новгородсеверской гимназии) были отправлены рядовыми на Кавказ с лишением дворянского достоинства. Вина Антоновича, как значилось в формулярном списке, состояла в том, что, «зная о существовании тайного общества, не только не донес о том правительству, но допытывался у губернского секретаря Сунгурова, из кого состоит это общество и какая его цель»³. Студенты Ю. П. Кольрейф (сын лютеранского пастора в Москве) и Кноблех (родом из Сарепты) отправлялись рядовыми в Оренбургский корпус; Кошевский — в корпус Тобольский⁴.

Жизнь развела их пути. Но, вопреки непомерно жестокому приговору, предусматривавшему верную гибель на Кавказе от пули или болезни, Я. И. Костенецкий, проявив себя в боях, станет прапорщиком и адъютантом командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории П. Х. Граббе, в 1842 г. по болезни выйдет в отставку, посвятит себя земской деятельности и напишет яркие воспоминания об А. Бестужеве и декабристах⁵. П. А. Антоновича ждала тяжелая, полная опасностей и испытаний будущность. А пока он ехал на Кавказ.

О детстве и юности П. А. Антоновича сведений очень мало. Родился 13 ноября 1812 г. в Кролевецком уезде Черниговской губернии в семье, где предки в четырех поколениях были православными священниками.

¹ Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. — Т. 5. — С. 228.

² Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни. — С. 238.

³ Телесницкий А. В. Платон Александрович Антонович // Русская старина. — 1889. — Т. LXI. — С. 316.

⁴ Там же.

⁵ Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 году // Современник. — 1850. — Кн. X.

Воспитывался в Новгородсеверской гимназии во времена директорства известного педагога и ученого Ильи Федоровича Тимковского — дяди М. А. Максимовича и брата профессора российской словесности Московского университета Р. Ф. Тимковского (ум. в 35-летнем возрасте в начале 1820 г.). Не исключено, что, под влиянием И. Ф. Тимковского, проучившись год в Харьковском университете, Антонович перевелся на словесный факультет Московского университета, где в свое время учились все пять братьев Тимковских, стремившихся к «деятельности гражданской»¹, и где Антонович увлекся обществом Сунгурова. Личная отвага и достоинство, без сомнения, сформировались у Антоновича в ранней молодости.

По прибытии на Кавказ П. А. Антонович был зачислен в Апшеронский пехотный полк под начало генерал-майора Ф. К. Клюки-фон-Клугенау, боевого офицера с независимым сильным характером, покровительствовавшего сосланным декабристам. Тот отнесся к новому «пехотинцу» с сочувствием (как, впрочем, и к Я. И. Костенецкому, зачисленному в Куринский егерский полк²), принимал в своем семействе и доверял ответственнойшие задания. Достаточно сказать, что, отправляясь 18 сентября 1837 г. на рискованное свидание с Шамилем, Клюки-фон-Клугенау взял с собой, кроме 25 человек конвоя и штабс-капитана Н. И. Евдокимова, унтер-офицера Антоновича. Шамиль же явился в сопровождении 200 мюридов³.

В мае 1839 г. П. А. Антонович, уже не рядовой, а унтер-офицер, за новые военные заслуги в сражениях с горцами был назначен прапорщиком и правителем канцелярии начальника (с 1837 г.) 1-го отделения Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского в Керчи.

Служба в штабе Черноморской береговой линии и жизнь в Керчи (1839–1855). К периоду службы Антоновича в штабе Н. Н. Раевского-второго относится одно весьма характерное письмо А. И. Казначеева к Н. Н. Раевскому от 19 марта 1840 г. из Симферополя в Керчь. А. И. Казначеев исключительно тепло отзываясь о приехавшем в Симферополь по служебным делам П. А. Антоновиче. «Любезный ты мой друг! — пишет А. И. Казначеев Н. Н. Раевскому. — Адъютант твой Антонович, которого я давно и давно люблю, дал мне лишь себя обнять, но не дал ни приютить, ни в бане попарить (а у меня веники лавровые), ни же спать положить. Жалуюсь тебе на него и вместе благодарю за него: он мне все рассказал и объяснил — у меня на сердце отлегло». Далее речь идет о русских военных неудачах на Лазаревском и Вельяминовском редутах (на Кавказе) и об обстоятель-

¹ Максимович М. А. Письмо Василия Федоровича Тимковского (1813 года) // Русский архив. — 1871. — С. 2118.

² Костенецкий Я. И. Из «Воспоминаний» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. — М., 1980. — Т. 2. — С. 164, 375.

³ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни. — С. 317. Я. И. Костенецкий рассказывает там же, что П. А. Антоновичу довелось встретиться с Шамилем еще однажды — в Киеве, когда Шамиль, по высочайшему соизволению, переселялся в Турцию.

ствах взятия их горцами¹ — о чем, видимо, и рассказал А. И. Казначееву П. Антонович².

В комментариях Б. Л. Модзалевского к этому письму указывается, что именно благодаря заботам Н. Н. Раевского Антонович сумел быстро выйти из положения сосланного по политическому делу в адъютанты начальника Черноморской береговой линии. Думаю, внимание Н. Н. Раевского к Антоновичу основывалось не только на обычной для Раевского поддержке политссыльных (например, декабристов на Кавказе, что дорого стоило ему и существенно сказывалось на карьере), но объяснялось и личными качествами Антоновича. В самых сложных ситуациях Раевский мог положиться на адъютанта совершенно. И не ошибся.

Крымские архивы сохранили некоторые ранее не известные, но немаловажные материалы о семейной жизни П. А. Антоновича, складывавшейся в Керчи.

В 1839 г., когда Антонович начинал керченскую карьеру, градоначальником был кн. З. С. Херхеулидзе, человек честный, образованный и мягкий. Небольшое керченское общество было представлено достаточно известными людьми: А. И. Казначеев, Н. Н. Раевский и его жена Анна Михайловна, генерал И. Р. Анреп и его красавица жена (урожд. графиня Эльмпт), а также матери, жены и сестры офицеров Черноморской Береговой линии. Многие из офицеров прошли войну на Кавказе. Списки исповедовавшихся в керченской Свято-Троицкой церкви сохранили фамилии служивших здесь в 1840-х годах офицеров: Григорий Филинсон (оставивший ценные воспоминания), Александр и Иосиф Лагорио, полковники Александр Бабушкин, Константин Клеменко, подполковник Дмитрий Миргородский, капитаны Николай Цакни, Михаил Аргерьевич Цакни, Михаил Гор, штаб-лекарь Николай Васильевич Мейер (прототип доктора Вернера в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), поручик Михаил Телесницкий³ [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 5, л. 193]. На

¹ Воснные неудачи на Лазаревском и Вельяминовском редутах, о которых пишет Казначеев, серьезно сказались на положении русских войск на Кавказе. А именно: 7 февраля 1840 г. на р. Пезуапне взят горцами форт Лазарева, где было всего 150 чел. (из них 80 больных) при 6-ти офицерах во главе с капитаном Теигинского полка Марченко. Напавших горцев было до 1500 чел. Гарнизон уничтожен почти весь, спаслись прапорщик Владимир Федоров и унтер-офицер Рантов, уведены в плен с десятком солдат. В «верхах» эти неудачи сразу связали не с материальным оснащением Черноморской береговой линии, а с ошибочной стратегией Н. Н. Раевского. Так, в письме командира Отдельного Кавказского корпуса А. Е. Головина из Петербурга от 20 февраля 1840 г. сказано, что император благоволил обратить внимание на затруднительное положение 1-го отделения Береговой линии, но вместе с тем изволил заметить, что «отчаянное положение форта Лазарева есть следствие преждевременного отбытия» отряда Раевского «от сего пункта, оставленного без надежных способов к окончанию нужных для успокоения гарнизона построек». Отчет о взятии редутов и разрабатывающийся проект их освобождения Раевский диктовал своему адъютанту П. А. Антоновичу. Видимо, об этих военных планах рассказал Антонович А. И. Казначееву, так что у ветерана Бородинского сражения, «на сердце отлегло» [Архив Раевских. — Т. 3. — С. 330, 335].

² Архив Раевских. — Т. 3. — СПб., 1910. — С. 427.

³ Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). — Ф. 289, оп. 1, ед. хр. 5, л. 304. Далее отсылки на архивные документы в тексте в скобках.

племяннице своего друга Михаила Телесницкого — 16-летней Елизавете Владимировне Телесницкой, дочери отставного лейб-гвардии штаб-ротмистра и директрисы Керченского девичьего института Варвары Николаевны Телесницкой — 26 января 1841 г. женился 29-летний, «состоящий в Управлении Черноморской береговой линии Тенгинского пехотного полка *прапорщик* Платон Александров Антонович, православного исповедания, первым браком». Так записано в метрической книге керченской Свято-Троицкой церкви, чудом уцелевшей в годы Крымской войны и последующих войн в Крыму. Поручителями при венчании новобрачных были надворный советник Василий Новицкий и генерального штаба полковник Филимонов [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 3, л. 304].

24 декабря 1841 г. в той же Свято-Троицкой церкви был крещен младенец Владимир Антонович (род. 19 декабря 1841 г.), сын теперь уже *поручика Черноморского линейного № 13 батальона* Платона Александровича Антоновича и законной жены его Елизаветы Владимировны. Восприемниками были: надворный советник Василий Андреевич Новицкий и вдова генерал-майора Елена Васильевна Кашутина [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 4, л. 319, л. 293].

Записи в книгах Свято-Троицкой церкви сохранили давно забытые факты, по ним легко устанавливается круг дружеских связей Антоновича. Так, 14 мая 1847 г. женился крестьянин Варвары Телесницкой Андрей Краснов на ее же крестьянке Аграфене Давыденковой. Поручителями на венчании со стороны невесты были *капитан* Платон Антонович и надворный советник Новицкий, а «по жениху» — поручик Михаил Телесницкий и коллежский асессор Николай Александрович Антонович, брат Платона Александровича Антоновича, к тому времени, как видим, также поселившийся в Керчи [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 4, л. 319].

Таким образом, по метрическим книгам можно проследить не только рост семьи Антоновича, но и его служебное продвижение. Вот, например: 21 марта 1848 г. у *правителя канцелярии начальника Черноморской береговой линии состоящего по армии капитана* Платона Александровича Антоновича родился сын Борис. Крестным отцом его стал родной дядя Николай Александрович Антонович, крестной матерью — Елена Васильевна Кашутина [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 4, л. 384]. 22 октября 1850 г. крестным отцом дочери коллежского секретаря Павла Соханского Софьи стал *майор* Антонович [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 6, л. 87]. А 21 августа 1851 г. вдова генерал-майора Елена Васильевна Кашутина вновь стала восприемницей — уже третьего — сына *подполковника* Антоновича — Константина [ф. 289, оп. 1, ед. хр. 7, л. 81].

В другом дошедшем до нас архивном документе — списке дворян Феодосийского уезда, прибывших в Симферополь на дворянские выборы 1853 г., — можно увидеть фамилию подполковника Антоновича [ф. 49, оп. 1, ед. хр. 2916, л. 393]. Это означает, что он уже имел в Крыму собственные владения. По архивным источникам уточняем: в 1856 г. в Феодосийском уезде П. А. Антоновичу принадлежало 3125 дес. земли при

деревнях Янит-Такия, Коп-Кочеген и Эхитав-Кочеген, а также 2 участка Тобечикского соляного озера; дохода получал 1000 руб. в год [ф. 49, оп. 1, ед. хр. 3023, л. 80]. Его жена, Е. В. Антонович, владела 286 дес. хлебопашенной и покосной земли при деревне Эхитав-Кочеген и тремя участками Тобечикского озера, дохода имела 600 руб. [ф. 49, оп. 1, ед. хр. 2916, л. 100].

В Керчи П. А. Антонович дослужился до полковничьего чина и оставался в этой должности при всех последующих (после Н. Н. Раевского) начальниках Черноморской береговой линии: генералах И. Р. Анрепе, А. И. Будберге, адмирале Серебрякове¹.

В 1853—1858 годах Антонович проявил недюжинную волю к упорядочению городского устройства Керчи в военных и послевоенных условиях.

Оккупация Керчи 12(25) мая 1855 г. За плечами П. А. Антоновича было 20 лет тяжелой выслуги, когда началась Крымская война. Возможно, самым тягостным для него, тогда уже помощника керченского градоначальника, оказался день захвата Керчи неприятелем в мае 1855 г. Впечатляющий рассказ об этом сохранился в биографическом очерке К. Н. Леонтьева «Сдача Керчи в 55 году».

12 мая 1855 г., в день неожиданной высадки союзнического десанта в Керчи, К. Н. Леонтьев, молодой лекарь из госпиталя в крепости Еникале² (а в будущем писатель) в растерянности прибежал в канцелярию градоначальника и увидел такую картину: «Все было вверх дном. Я увидел кипы бумаг на столах; увидел чиновников, которые бегали туда-сюда с испуганными лицами. Не успел я, кажется, еще ничего спросить, как вошел полковник Антонович, исправлявший должность градоначальника (за отсутствием больного князя Гагарина³, отца нынешнего товарища министра внутренних дел).

Вид полковника Антоновича поразил меня чрезвычайно. Мы знали друг друга прежде; он приезжал однажды в Еникале осматривать наши больничные палаты и очень понравился мне своим лицом: и тонким, и энергическим, и приятным. Понравился также и тем, что один из всех посещавших наш госпиталь военных начальников читал не хуже нас, докторов, латинские надписи на дощечках солдатских кроватей <...>.

Но тогда у него выражение этого симпатичного мне лица было веселое, а теперь?.. Теперь оно было до того печально и расстроено, что я даже изумился... <...>

Теперь, в 50 лет, я понимаю, что тогда чувствовал г. Антонович, а тогда я даже подсадовал на него в сердце <...>»⁴.

Тревогу Антоновича как раз понять несложно: он пытался срочно эвакуировать архив Керчь-еникальского градоначальства. И все же архивы и значительные суммы города погибли. Возникает вопрос: нет ли вины

¹ Архив Раевских. — Т. 3. — СПб., 1910. — С. 427.

² Старая крепость близ Керчи.

³ Кн. Дмитрия Ивановича Гагарина.

⁴ Леонтьев К. Н. Сдача Керчи в 55 году (Воспоминания военного врача) // Леонтьев К. Н. Собр. соч.: в 9 т. — М., 1912—1914. — Т. 9. — С. 209—210.

Антоновича в том, что Керчь оказалась неподготовленной к эвакуации, нет ли здесь его личного недосмотра, безынициативности? Сохранившиеся документы из Крымского архива помогут нам сейчас восстановить картину трагической сдачи Керчи 12 мая 1855 г., срочной эвакуации жителей и архивов города, а также увидеть роль Антоновича в этих событиях.

Прежде всего, свидетельства К. Н. Леонтьева убеждают, что Антонович не имел плана эвакуации на случай захвата города. О плановых эвакуациях вообще трудно было говорить после того, как в сентябре 1854 г., в самом начале боевых действий в Крыму, губернатор Таврии В. И. Пестель в обстановке общего неведения поспешил выехать из Симферополя, увозя казначейские суммы, что оказалось преждевременным. В положение В. И. Пестеля в мае 1855 г. попал Антонович. В последний момент, 12 мая, когда жители в панике покидали Керчь, в его распоряжении, как утверждает К. Н. Леонтьев, практически не оставалось подвод и лошадей. Учтем, однако, что Антонович успел *заранее* вывезти керченские присутственные места в Мелитополь.

Во-вторых, история гибели керчь-сникальских архивов, как следует из отчета П. А. Антоновича и членов Керченского строительного комитета от 8 августа 1855 г., такова.

По приказу главнокомандующего войсками в восточной части Крыма генерал-лейтенанта барона Врангеля, письменные дела и суммы присутственных мест градоначальства предполагалось перевезти в Бердянск. Оставляя Керчь 12 мая, архивы успели погрузить в шаланду, чтобы подвести к паровой шхуне «Аргонавт». Но времени для перегрузки не осталось, и «Аргонавт» взял шаланду на буксир. Далее, указывается в отчете, командир «Аргонавта», при преследовании неприятелем, отрезал шаланду, и она «погибла со всеми делами». Другой пароход, «Бердянск», на котором сложили книги и денежные суммы, при окружении неприятелем, был взорван в Керченском порту [ф. 453, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1—1 об.].

Здесь заметим, что история гибели керченских архивов коротко рассказана известным историком Крымской войны А. И. Маркевичем¹. Однако на основании новых документов внесем уточнения в рассказ А. И. Маркевича. В частности: на «Бердянске» сгорела не *вся городская казна* Керчи, как предполагал историк, а *суммы строительного комитета (850 руб. наличными) и билет Одесской конторы коммерческого банка в 6212 руб. 79 коп.* Архивные документы говорят, что этот банковский билет был получен в обмен на отосланные керченским градоначальством, «по случаю тревожного состояния в городе», в Одессу городские деньги еще 23 марта 1855 г. (т. е. почти за 2 мес. до сдачи Керчи) [ф. 453, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1 об.]. Благодаря такой предусмотрительности, через год после войны Антоновичу удалось *восстановить* коммерческий билет [ф. 453, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6, 12], и спасенные деньги весьма пригодились в послевоенный период.

¹ Маркевич А. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — Симферополь, 1994. — С. 36, 37.

Вернемся к событиям 12 мая 1855 г. Антонович вынужден был в считанные часы эвакуировать ряд служб, в том числе врачебную, карантинную, арестантскую. Кроме того, Антонович и керченский полицмейстер проследили, чтобы в городе были «истреблены все казенные и частные запасы» пшеницы, муки, провианта, сена и угля, и лишь после этого, поздно вечером покинули Керчь¹. Массы людей заполнили керченскую дорогу в Симферополь. Добавились феодосийские беженцы, ибо, как уведомляла феодосийская градская полиция, 13 мая неприятель появился в Феодосийском порту [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 76 об.]. Спешно готовился к эвакуации Бердянск, и оттуда докладывалось о перевозе присутственных мест в село Большой Токмак [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 77 об.]. 19 мая Симферопольская губернская почтовая контора просила власти об охране и «усилении керченского почтового тракта» [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 78]. Все происходило в условиях неизвестности, не было точных сведений о действиях генерала Врангеля в восточной стороне Крыма [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 79].

До губернского центра беженцы из Керчи добирались на подводах, пешком. Лишь 21 мая (т. е. спустя 9 дней после выхода из Керчи) командир керченской арестантской полуроты сообщил о прибытии его с командой в Симферополь. 23 мая эту информацию подтвердил исполняющий должность керчь-еникальского градоначальника П. А. Антонович и ходатайствовал о продовольствии для арестантской полуроты [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 84 об., 88 об.].

Переполненный военными, ранеными, больными, беженцами, Симферополь должен был принять еще и керчан. Заботы об их обустройстве и довольствии легли на Антоновича как главного представителя керченского начальства. 4 июня 1855 г. предписанием таврического генерал-губернатора управление Керчь-еникальским градоначальством сосредоточивалось в руках П. А. Антоновича [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20916, л. 134 об.]. Необходимо было распределить керченских жителей на временное поселение и дать им работу. Рабочие керченских механических заведений отправлялись на один из луганских заводов [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20917, л. 1 об.]. Керченский полубатальон карантинной стражи отправлен частью в Карасубазар, частью оставлен в Симферополе «для содержания караулов и др. надобностей». 27 июня 1855 г. палата государственных имуществ принимает решение о переселении семейств Феодосии и Керчи «внутрь России», так как поступали сообщения о бомбардировании Бердянска и Геническа [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20917, л. 1 об., 30 об., 42 об., 49 об., 50].

Значительное число керченских жителей, получив небольшое пособие, поселилось в Мелитополе и Орехове [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20917, л. 55]. А с конца лета 1855 г. в Орехове сосредоточились канцелярия Керчь-еникальского градоначальства и керченская городская дума. Необходимо было заботиться о беженцах, восстанавливать работу отдельных служб.

¹ *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. — М., 1950. — Т. 2. — С. 396.

П. А. Антонович строго следил за выплатой жалованья керченским служащим: учителям уездного училища, «имевшим пребывание» в Бериславле [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 31–32], городской акушерке Пелагее Павлинской [там же, л. 35], опопрививателю Григорию Чернявскому (исполнявшему обязанности «с усердием и ревностью»), врачу керченской городской больницы Нейману, прикомандированному к военно-временному госпиталю № 14 в Симферополе [там же, л. 40] и др. Зато было отказано в просимых деньгах керченскому городскому архитектору Есикорскому (вывезшему семью в Харьков), «по тому уважению», что он получает жалованье от государственного казначейства, а суммы городской думы «весьма ограничены и едва достаточны для удовлетворения чиновников, получающих содержание только из городских сумм» [там же, л. 38].

16 июня Антонович получил 1000 руб. сер на устройство в Орехове аптеки, и 13 августа казначей Александровский докладывал из Орехова о прибытии этих денег и открытии аптеки. [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 98 об., 119 об.]. 13 октября 1855 г. керчь-еникальский градоначальник посылает ходатайство военному губернатору Таврии «о поручении доктору Келери пользоваться ополченцев, остающихся в Орехове по болезни» [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20918, л. 129 об.].

Работа шла трудно. Приходилось вновь и вновь напоминать о нуждах керченской арестантской полуроты [там же, л. 73], хлопотать о размещении керченского управления [там же], о квартировании чиновников [там же, л. 118, 120 об.]. Не все действия Антоновича находили отклик местных властей, и 7 ноября 1855 г. он подал жалобу в Симферополь о «неисполнении требований его земскими и градскими полициями» Орехова [ф. 26, оп. 1, ед. хр. 20913, л. 72]. 22 мая 1856 г. указом императора Александра было отпущено из госказначейства 3690 руб. для выдачи пособий чиновникам керченских присутственных мест [ф. 360, оп. 1, ед. хр. 2, л. 11].

Послевоенное восстановление Керчи (1856–1858). Велика административная роль П. А. Антоновича в первый послевоенный период, когда союзники покинули Керчь и местность Павловской батареи (10 июня 1856 г.). Уже в понедельник, 23 июня, открылось присутствие Керчь-еникальского городского магистрата, хотя из прежних сотрудников магистрата возвратились в Керчь лишь тяжело больной бургомистр Сидельников и ротман Кушниров, а «ротманы Скрынкин, Литвищенко, Мемим Садим-Оглу умерли» [ф. 360, оп. 1, ед. хр. 1а, л. 1–2]. Керчане, возвращавшиеся в разоренный город, чрезвычайно бедствовавшие, по ходатайству Антоновича, квартировали в редких сохранившихся зданиях бесплатно. В городе между тем уцелела лишь третья часть обывательских строений [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 25 об.]. В условиях острого недостатка лошадей выделены были подводы «для перевоза нижних чинов и их семейств» на прежнее место жительства. Уже 12 июня П. А. Антонович издал распоряжение об избрании квартирной комиссии для составления раскладки квартирной повинности [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 37]. Впрочем, выборы в комиссию затягивались (выборные брали самоотвод), назначались новые сро-

ки [там же, л. 70]. Для оказания материального пособия керченским жителям, пострадавшим от войны, под председательством П. А. Антоновича был создан Особый комитет «для приведения в известность поврежденных в зданиях казенных и частных». Кроме чиновников, в комитет вошли депутаты: 2 от дворян, 2 от купцов и мещан — «из людей, пользующихся общественным уважением и доверием» [ф. 453, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4]. Заседания комитета происходили два раза в месяц, но нередко Антонович лично рассматривал частные просьбы и без канцелярских проволочек принимал решения о срочной выдаче жителям сумм в 3—10 руб. [ф. 162, оп. 2, ед. хр. 113].

Но самым острым оставался вопрос «обеспечения жителей продовольствием» на первую предвоенную зиму «при существующей ныне дороговизне на хлеб, угрожающей увеличением цен по причине затруднения доставки одного из портов Азовского моря» [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 31, л. 1—1 об.]. Надо признать, что П. А. Антонович проявил в решении этого вопроса беспримерную волю, организуя вокруг себя городскую общественность, действуя то убеждением, то административно-приказным образом. Его распоряжения четки, понятны, свидетельствуют о быстрой реакции на любое изменение обстановки в городе.

Так, 9 сентября 1856 г., по предложению Антоновича, керченская дума обратилась к купечеству с просьбой сделать запас хлеба на зиму, обещала всяческое содействие, в том числе по поиску помещений, где хлеб может быть сложен. Площади для закладки запаса хлеба подготавливались у местных жителей без всякой платы [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 31, л. 4—5]. К 21 октября в Керчь было доставлено 1404 четверти ржаной муки, купленной в Бердянске «на обеспечение продовольствием беднейших жителей градоначальства» [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 31, л. 9]. Были учреждены «запасные» магазины, велся строжайший учет хлеба, для чего заводились четыре шнуровые книги: 1-я — для записи прихода хлеба; 2-я — хлеба, раздаваемого беднейшим жителям бесплатно; 3-я — выделяемого в ссуду; 4-я — продаваемого за деньги. Приняты строгие меры по охране магазинов [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 31, л. 12—13]. С целью понижения цены на ржаной хлеб Антонович 14 ноября 1856 г. предлагал всем желающим (но «из благонадежных») заняться выпечкой хлеба; им полагалось каждый день из запасов думы до восьми четвертей муки «для беднейших обывателей», чтобы по количеству муки они носили ежедневно хлеб на базар и продавали его «отнюдь не выше утвержденной таксы» [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 80].

Контролируя ситуацию лично, Антонович предупреждал всякую недобросовестность и хищение хлеба. На заседании думы он докладывал, что при «неоднократных осмотрах хлебных рядов на базарных площадях» находил весьма часто пшеничный хлеб плохо выпеченным, продаваемым «не в полном весе, хоть и по определенной цене»: «Несколько торговцев в последние дни были мною оштрафованы, а на будущее время за допущение подобных беспорядков я взыщу с тех, на коих лежит обязанность наблюдать за правильною продажей на базаре съестных припа-

сов» [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 81—81 об.]. 29 ноября 1856 г. Дума получает новый тревожный сигнал от градоначальника: «20 ноября я был в магазине наследников Погребенникова, в котором производится отпуск хлеба для беднейших обывателей, и удостоверился, что отпуск производится весьма медленно, и многие жители, прождав целый день, должны возвращаться домой, не получив муки, и приходиться в магазин на другой день — все же таки без уверенности, что и в этот день дойдет до них очередь». По настоянию Антоновича, назначается контроль за отпуском муки в составе одного члена Думы и двух обывателей [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 114]. В градоначальстве составлялись списки «особо нуждающихся», куда в первую очередь включались чиновники канцелярий и «нижние» служители градоначальства [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 187]. Разумеется, были пожертвования. Так, потомственный почетный гражданин Керчи Иван Митров¹ купил по цене заготовителя 25 четвертей хлеба для раздачи на свой счет бедным к праздникам рождества [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 4, л. 237].

В 1857 г. были составлены проекты и сметы на возведение, вместо разрушенных, наиболее необходимых городских зданий: портовой таможни, карантина, арестантской полуроты гражданского ведомства, училищ и др. В течение нескольких месяцев 1857 г. вновь выстроено 657 жилых каменных домов — большею частью в предместьях города [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 25 об.]. Керчь представляла собой огромную стройку. Уже

¹ Судя по всему, это Иван Петрович Митров, сын купца первой гильдии Петра Васильевича Митрова, о котором как человеке очень честном и деловом — «капитальном и оригинальном» — рассказывал в воспоминаниях Г. И. Филипсон, служивший на Черноморской Берговой линии в Керчи в 1840-е гг.: «Петр Васильевич Митров был второй из пяти братьев. Они были староверы. Еще бывши крепостными, они занимались чумачеством: возили соль из Крыма. Сколотивши деньжонок, они выкупились, заплативши барину 10 000 рублей асс. за себя и семейства. Как видно, это была семья честная и строгой нравственности. Братья жили дружно и вместе продолжали чумачество, увеличивая размеры своего дела. Соляной пристав их очень полюбил. Однажды, как рассказал мне Петр Васильевич, пристав сказал ему наедине: «Петр, я получил указ о введении нового акциза на соль. Я придержу его, а ты закупай соль, насколько у вас хватит денег. Через три дня соль будет втрое дороже». Своих у них было тысяч двенадцать, да пристав дал займы десять тысяч. Эти деньги они скоро воротили втрое и начали жить. «Дай Бог ему царство небесное, — прибавил старик Митров, — никогда не забудем его благодеяния». Многие можно читать между строками в этом наивном рассказе; но кто бросит камень в этих людей, взрослых в этой мутной среде и всосавших понятия и принципы с молоком матери? Безусловная правда — Бог. Петр Васильевич был бодрый старик лет 55. У него было своих 15 мореходных судов, и его обороты солью простирались на многие сотни тысяч рублей. Сам он был малограмотен, конторы никакой не имел; всем распорядился сам, а если нужно написать, заставлял сына Ваню, мальчика 14 лет, учившегося в гимназии (Это и есть Иван Петрович Митров. — Л. О.). Жил он очень просто и был у сограждан в большом уважении, но как раскольник, никакой общественной должности не занимал. Его считали в большом капитале. Старший брат его был в Одессе, другой в Херсоне, третий — в Ростове-на-Дону. Все четверо жили в согласии и вели дела заодно. Пятый брат Степан жил в Таганроге, но с братьями не ладил и был в плохом положении. Я знал только Петра и Федота (Ростовского), младшего из пяти, писаного красавца лет 45. Оба они меня поражали здоровым толком и большой смысленностью в торговых делах» (Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. — 1884. — № 2. — С. 350—351). С Петром Митровым Г. И. Филипсон очень недолго вел дела, отдав ему в 1840-х годах подряд на поставку леса для строительства укреплений в Керчи.

к концу года в Керчи — Еникале насчитывалось: казенных зданий — 41, общественных — 5, церковных и монастырских — 4, частных (включая довоенные) — 2174, торговых — 142, церквей — 5, синагога — 1, мечеть — 1, питейных домов — 14 [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 65]. Налаживалось каботажное судоходство. В 1857 г. из Азовского моря в Керчь прибыло 553 судна, отбыло туда 714. Из Черного моря прибыло 185 судов, отбыло — 114. На верфи работало 2892 судорабочих. Заграничных судов прибыло к Керченскому порту 1136. В Керчи уже действовали 2 свечных завода, 1 известковый, 1 черепичный, 8 рыболовецких, 3 каменоломни [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 66–67].

С большим трудом восстанавливалось сельское хозяйство, поскольку в период оккупации Керчи 500 крестьян бежали из ближайших к Керчи селений. Еще в середине июня 1856 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1855–1864) А. Г. Строганов распорядился о распределении обывателям Таврической губернии пособия; Керчь-сникальскому градоначальству предназначалось 600 лошадей и 300 повозок. Керченский градоначальник и представители думы лично участвовали в присме и распределении назначенного числа лошадей, повозок, сельскохозяйственных орудий и материалов [ф. 348, оп. 1, ед. хр. 34, л. 1, 12–15]. В 1857 г. градоначальство давало такие сведения о поголовье скота: лошадей — 577, рогатого скота — 2454, овец — 835, свиней — 18, мулов — 13 [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 68].

В 1857 г. городской доход Керчи увеличился на 22445 руб. 46 коп., расход — на 8818 руб. 27 коп., остаточный капитал составил 66081 руб. 85 коп. «Увеличение городского дохода, противу 1856 г., — констатировалось в Отчете губернскому руководству, — следует приписать <...> деятельным мерам устройства после войны городского хозяйства». Более того, доходы города находились «в лучшем состоянии, чем были до войны (в сравнении с 1842, 1852 годами. — Л. О.)» [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 17 об. — 18].

Большое внимание уделялось санитарным работам. В 1857 г. 17 чиновников Керчи были награждены «за исполнение возложенных на них поручений по очистке после войны зараженных местностей». Функционировали 3 казенные аптеки и 1 «вольная», служило 10 врачей [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 31, 43 об.]. В городской больнице существенные скидки (это оговаривалось особо) предусматривались для неимущих, бесплатно принимались на лечение «непотребные женщины и девочки», которые к тому же раз в неделю проходили освидетельствование в полиции [ф. 349, оп. 1, ед. хр. 16, л. 1]. В 1858 г. планировалось (на счет городских сумм) исправление старых и постройка новых городских фонтанов (в Крыму, как известно, это важный объект городского водоснабжения) и водопроводов. Предусматривалось оборудование 5-ти пристаней, части мостовых, городской бойни, сооружение моста через ручей Мелек-Челас [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 18 об.].

Во второй половине 1957 г. восстановлены все училищные здания. Начались занятия в Кушниковском девичьем институте (107 уч.), уездном учи-

лице (46 уч.), приходских училищах Керчи и Еникале (70 уч.), частном девичьем пансионе (18 уч.), подготовлено к открытию казенное еврейское училище 1-го разряда. Общее число учащихся составило 241, что относилось к числу жителей Керчи как 1 : 46 [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 33 об. — 34]. Причем разрабатывался, по согласованию с Министерством народного просвещения и Главным советом женских учебных заведений, проект преобразования керченского уездного училища в высшее 4-классное уездное училище [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 34 об.]. Поскольку существовавшая в Керчи до войны общественная библиотека истреблена неприятелем, а возобновление ее в послевоенных условиях было «весьма затруднительно», градоначальство пригласило «как публичные библиотеки, так и частных лиц к приношениям в пользу керченской общественной библиотеки» [ф. 162, оп. 1, ед. хр. 108, л. 36].

Высокую личную инициативность П. А. Антоновича можно, разумеется, связать с насущной потребностью послевоенного восстановления жизнедеятельности Керчи, а также с охватившим всю страну энтузиазмом, характерным для предреформенной ситуации первых лет правления Александра II. Дальнейшее продвижение Антоновича по служебной лестнице происходит тоже по логике нового времени: посты получались чудесно быстро, и приоритет был на стороне военных.

В 1860 г. П. А. Антонович был назначен чиновником особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе гр. Строганове, произведен в генерал-майоры, а затем два года (1861—1863) служил градоначальником Одессы, четыре года — бессарабским военным губернатором. В 1868 г. в чине генерал-лейтенанта кавалер орденов Станислава I степени, Анны I степени, Владимира II степени П. А. Антонович назначен на должность попечителя Киевского учебного округа. Это далеко не первый случай, когда военный назначался в попечители учебного округа. Так, граф Е. В. Путятин, адмирал, ставший министром народного просвещения в марте 1861 г., назначил попечителем Петербургского учебного округа своего старого знакомого по Черноморской Береговой линии генерала и сенатора Г. И. Филипсона, который, впрочем, оставил место менее чем через год¹. Возможно, и эти факты можно считать особенностью пореформенной России. Но назначение попечителем учебного округа человека без университетского образования, к тому же в прошлом «политического» — случай, свидетельствующий, что прошлое Антоновича забыто весьма прочно. Его старый товарищ по кружку Сунгурова Я. И. Костенецкий, узнав, что П. А. Антонович стал попечителем Киевского учебного округа, в восторге писал: «Для большей еще игры фортуны недостает только (и, впрочем, по желанию самого Антоновича), чтобы этот изгнанный студент из Московского университета сделался попечителем этого же университета»².

¹ Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. — 1884. — № 3. — С. 126.

² Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни. — С. 240.

Служивец Антоновича по Черноморской Береговой линии Г. И. Филипсон аналитично объяснил его карьеру: «Платон Александрович Антонович оставался на Береговой линии до ее упразднения в 1854 г. Он много и разумно работал, но в тень не прятался. Крымская война застала его полковником. По заключении мира он покинул военное поприще, и я встретил его уже в Петербурге в 1865 г., когда он, уже генерал-лейтенант, назначен попечителем Киевского учебного округа. Надобно было ему иметь особенную гибкость, практический смысл и твердость воли, чтобы 14 лет оставаться в этой должности¹, при всех переменах лиц, систем и взглядов в Министерстве Народного просвещения»².

Предложу, однако, в заключение эпизод из жизни П. А. Антоновича, относящийся к периоду его попечительства Киевским учебным округом и описанный в «Истории моего современника» В. Г. Короленко. Книга автобиографическая, потому все факты, изложенные в ней, следует принять как вполне достоверные. Речь идет о периоде обучения В. Г. Короленко в Ровенской гимназии, судя по всему, в самом конце 1860-х годов. Учитель гимназии словесник В. В. Авдиев, любимый учениками за то, что знакомил их с новейшими произведениями русской литературы и спасал «от гимназической рутин», вызывал острое подозрение у гимназического начальства; было ясно, что он «не ко двору». Но однажды в Ровно приехал с инспекцией киевский попечитель Антонович.

«Это был скромный старик, в мундире отставного военного, с очень простыми и симпатичными повадками, — начинает свой рассказ о П. А. Антоновиче Короленко. — Приехал он как-то тихо, без всякой помпы, и в гимназию пришел пешком, по звонку, вместе с учителями. На уроки он тоже приходил в самом начале, сидел до конца, и об его присутствии почти забывали. Говорили, что он был когда-то разжалован в солдаты по одному делу с Костомаровым и Шевченком³ и опять повысился при Александре II. (Здесь в истории П. А. Антоновича В. Г. Короленко ошибается, но наш читатель легко заметит ошибку: Антонович был арестован по делу Сунгурова. — Л. О.). Он остался очень доволен уроками Авдиева. Пробыл он в нашем городе несколько дней, и в течение этого времени распространилось известие, что его переводят попечителем учебного округа на Кавказ».

Тогда у Авдиева зародилась спасительная мысль оставить Ровенскую гимназию. Встретив случайно Антоновича на улице, Авдиев решился и подошел к нему, Короленко был рядом. Далее дословная цитата:

— У меня к вам, ваше превосходительство, большая просьба. Учитель Авдиев, преподаю словесность.

— Знаю, — сказал старый генерал с неопределенным выражением в голосе. — Какая просьба?

¹ О деятельности П. А. Антоновича на посту попечителя Киевского учебного округа я располагаю лишь разрозненными сведениями.

² Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. — 1884. — № 2. — С. 351.

³ Имеется в виду Кирилло-Мефодиевское братство, в котором участвовали историк Н. И. Костомаров и поэт Т. Г. Шевченко.

— Говорят, вы переводитесь на Кавказ. Если это правда... возьмите меня с собой.

— Это почему?

Авдиев улыбнулся и сказал:

— Раз вы меня запомнили, то позвольте думать, что вам известны также причины, почему мне здесь оставаться... не рука.

Старый кирилло-мефодиевец остановился на мгновение и взглянул в лицо так свободно обратившемуся к нему молодому учителю. Потом зашагал опять, и я услышал, как он сказал негромко и спокойно:

— Ну что ж. Пожалуй.

Мне было неловко подслушивать, и я отстал. В конце улицы Антонович попрощался и пошел направо, а я опять догнал Авдиева, насвистывающего какой-то веселый мотив.

— Ну вот, дело сделано, — сказал он. — Я знал, что с ним можно говорить по-человечески¹.

Так же когда-то поддержали П. А. Антоновича генералы Ф. К. Клюкифон-Клугенау и Н. Н. Раевский².

Умер П. А. Антонович 8 декабря 1883 г. в Керчи. Похоронен на старом кладбище Керчи³. Кладбище и могила не сохранились.

Л. А. Орехова

¹ Короленко В. Г. История моего современника. — М., 1948. — С. 233—234.

² Подробнее см.: Орехова Л. А. Протеже Н. Н. Раевского П. А. Антонович // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII—XIX веков. I Елисаветградские Международные историко-литературные чтения. — Кировоград — Разумовка — Каменка, 20—22 мая 2004 г. — Кировоград: Код, 2004. — С. 33—40.

³ Некрополь Крымского полуострова / сост. В. М. Чернопяттов. — М., 1910. — С. 19.